АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
Д.С. ЛИХАЧЕВА И Я.С. ЛУРЬЕ

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
Я.С. ЛУРЬЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АН СССР
В.П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1951

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии «Итоги и проблемы современной науки»
Председатель Комиссии Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*
Зам. председателя член-корреспондент
Академии Наук СССР *П. Ф. ЮДИН*

ТЕКСТ

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Иван Грозный.

Древне-русский портрет, находящийся в Копенгагене.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1564)

ПОГОДИНСКИЙ СПИСОК С ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПО СПИСКУ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбсково с товарищи о их измене

[1]Бог наш троица, иже прежде век сый, ныне есть, отец и сын и святый дух, ниже начяла имать, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, имже цари царьствуют и силнии пишут правду; иже данна бысть единороднаго слова божия Иисусом Христом, богом нашим, победоносная херугви крест честный, и николи же победима есть, первому во благочестии царю Констянтину и всем православным царем и содрьжителем православия. И понеже смотрения божия слова всюду исполняшеся, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орел летанием[а] обтекши, даже искра благочестия доиде и до Росийского царствия. Сего православия истинного Росийского царствия самодержавство божиим изволением почен от великого царя Владимера, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великого царя Владимера Мономаха, иже от грек достойнейшую честь восприемшему, и храбраго великаго государя Олександра Невскаго, иже над безбожными немцы победу показавшего, и хвалам достойного великого государя Дмитрея[б], иже за Доном над безбожными агаряны великую победу показавшаго, даже и до мстителя

неправдам, деда нашего, великаго князя Иванна, и закосненным прародителствия землям обретателя, блаженные памети отца нашего великаго государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скипетродръжания Росийского царствия. Мы же хвалим за премногую его милость, произшедшую на нас, еже не[а] попусти десницы нашей единоплеменною кровью обагритися, понеже не восхитихом ни под кем же царьства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царьствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся божиим повелением, и родителей своих благословением все взяхом, а не чюжее восхитихом. Сего православнаго истинного христьянского самодержства, многими владычествы владующаго, повеление, наш же кристьянский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго кристьянства и нашего самодержания болярину и советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику честнаго и животворящего креста господня, и губителю хрестьянскому, и ко врагом кристьянским слугатою, отступльшим божественнаго иконнаго поклонения и поправшим вся божественная священная повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр, и Гноетезный, Арменин, сим всем соединителю, — князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему своим изменным обычяем быти Ерославскому владыце, ведомо да есть.[1]

Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, единородную свою душу отвергъгл еси? Что же даси измену на ней в день Страшнаго суда? Аще и весь мир приобрящеши, последи смерть всяко возхитит тя; чесо на теле душу предал еси, аще и убоялся еси смерти, по своих бесоизвыкших друзей и назирателей ложному слову? И всюду, яко же беси на весь мир, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники,[2] нас же отвергшися, преступивше крестное целование, бесов подражающе, нам многоразличными виды всюду сети полецающе, и бесовским обычяем нас всячески назирающе, блюдуще

хожения и глаголания, мнящеся аки безплотных быти,[3] и от сего многия сшивающе поношения и укоризны на нас, и во весь мир позорующих и к вам приносящих. Вы же им воздаяние много за сие злодейство даровали есте нашею же землею и казною, называючи их ложно слугами; и от сих бесовских слухов наполнилися есте яко же ехидна яда смертоносна, и возъярився на мя и душу свою погубив, и на церковное разорение стали естя. Не мни праведно быти: возъярився на человека и к богу приразися; ино бо человеческо есть, аще и порфиру[a] носит, ино же божественное. Или мниши, окаянне, яко убрежешися того? Никако же. [4]Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестьян погубляти; аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши. Помысли, како з бранным пришествием мяхкая младенешная удеса конскими ногами стираема и растерзаема! Егда же убо зиме належащи, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное умышление како не уподобится иродову неистовству, еже о младенець убийство показал[6]! Се ли убо мниши быти благочестие, сицевая злая творити? Аще ли же нас глаголеши воюющих на кристьян, еже на германы и литаоны — и несть спе. Аще бы и кристьяне были в тех странах, и мы их воюем по прародителей своих обычаю, яко же и преже сего многажды случялося; ныне же вемы, в тех странах несть кристьян, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб господень. К сему же и Литовская брань улучилася вашею же изменою и недоброхотством и нерадением безсоветным.[4]

Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекущия, нетленную славу презрел еси, и на человека возъярився, на бога востал еси. Разумей, бедниче, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом сшел еси! Збысться на тебе реченное: «И еже имея мнится, взято будет от него». Се ль твое благочестие, еже самолюбия ради погубился еси, а не бога ради? Могут же разумети и тамо сущии [5]

и разум имущии, твой злобный яд, яко же славы желая мимотекущия и богатества, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, сие же несть смерть, но приобретение? Последи всяко умрешь. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя речения смертнаго, от твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному солганию,[6] се убо явственно есть ваше изменное умышление от начяла и доныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам предвладущим да повинуется: никая же бо владычества, еже не от бога, учинена суть; тем же противляяйся власти, тот божию повелению противляется». Смотри же убо сего и разумей, яко противляяйся власти — богу противится; и аще убо хто богу противится, — сей отступник именуетца, еже убо горчяйшее согрешение. И сея же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми приемлют власти. Разумей же вышереченное, яко не восхищением прияхом царство; тем же ноипаче, противляяйся власти, то и богу противишься. Тако же, яко же инде рече Павел апостол, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби, послушайте господий своих, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?

Но ради привременныя славы, и самолюбия, и сладости мира сего все свое благочестие душевное со кристьянскою верою и з законом попрал еси, уподобился еси семени, падающему на камени и возрастшему, и возсиявшему солнцу со зноем, абие, словеси ради ложнаго, соблазнился еси, и отпал еси и плода не сотворил еси, и по ложных словесех убо, подобно на пути падающему, сотворил еси; еже убо всеявшу слово к богу истинному и к нам прямо службу — сие все враг из сердца твоего восхитил есть[a] и сотворил тя во своей воли ходити.

Тем же и вся божественная писания поведают, яко не повелевает чядом со отцы противлятися и рабу с господином, кроме веры. И аще убо се от отца твоего, дьявола, восприем, много ложными словесы соплетеши, яко веры ради избежал еси, — и сего ради жив господь бог мой, жива душа моя, — яко не токмо ты, но и все твои согласники, а бесовския служители не могут в нас сего обрести. Паче же уповаем, божия слова воплощением и пречистые его матери, заступницы христьянские, милостию и всех святых молитвою, не токмо тебе о сем ответ дати, но и противу поправших святые иконы, и всю кристьянскую и божественную тайну отвергшим и от бога отступльшим (к ним же ты любительно соединился еси), их нечестие изобличити и благочестие явити и выспроведати, яко же благодать возсия.

Како же не срамишися раба своего Васки Шибанова?[7] Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тобя не свержеся, и похваляя и всячески умрети за тобя тщашеся. Ты же убо сего благочестию не поревновал еси: единого ради малого слова гневна не токмо свою едину душу, но и своих прародителей души погубил еси, понеже божиим изволением деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до своей смерти служили, и вам, своим детем, приказывали служити и деда нашего детем и внучятам. И ты то все забыл, собацким своим изменным обычяем преступил крестное целование, ко врагом кристьянским соединился еси; и х тому, своея злобы не сматряя, сицевыми скудоумными глаголы, яко на небо камение меща. нелепая глаголеши, и раба своего благочестия не стыдишися и подобна к тому сотворити своему владыце отверъглъся еси.

Писание же твое прияго бысть и вразумлено внятельно[а].[8] И понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено бе меда и сота, по твоему[б] разуму, горчяйши же пелыны обретающеся, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». Так ли убо навыкл

еси, кристьянин будучи, кристьянскому государю подобно служити? И тако ли убо почесть подобна воздати от бога данному владыце, яко же бесовским обычяем яд отрыгаеши? [9]Начяла убо твоего писания, яже убо не разумевая написал еси, навацкое помышляя, а яже убо не о покаянии, но выше человеческого естества мниши человеком быти, яко же и Нават. Еже убо нас «во православии[а] пресветлых явившеся» написал еси, а сие убо тако есть: яко же тогда, тако и ныне веруем, верою истинною, богу живу и истинну. А еже убо «сопротивным, разумеваяй совесть прокаженна имущи», сия бо навацкое помышляеши, и не разсуждаеши еуагельскаго слова, еже реченно есть: «Горе миру от соблазн. Нужно есть, иж не приити соблазном; горе же человеку тому[б], имже соблазн приходит. Уннее бы было ему жернов осельский[в] обязан был о выи его и потонет в пучине морстей». И много слепотствующия твоея злобы ради не можеши истинны видети: како мняйся стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служити, и своима рукама агнец жремый закалати за мирское спасение сподобися, и сия вся поправшу, с вами[г] злобесовскими советники, на нас своими злолукавыми умышлении многая томления подвигосте? И сего ради, еже от юности моея благочестие, бесом подобно, поколебасте, еже от бога державу, данную мии от прародителей наших, под свою власть отторгосте. Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царьство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладенному? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?[9]

Сие убо о внешних; о душевных же и о церковном аще и есть[д] малое согрешение, но сие от вашего же соблазна и измены, паче же и человек есми: несть бо человека без греха, токмо един бог; а не яко же ты, еже мнишися быти человека со ангелы равна. А о безбожных языцех, что и глаголати! Понеже те все царствами своими не владеют: како им повелят работные их, и тако и владеют. А Росийское самодерьжьство изначяла

сами владеют своими государьствы, а не боляре и не вельможи. И того в своей злобе не могл еси разсудити, нарицая благочестием, еже под властию нарицаемаго попа [10] и вашего злочестия повеления самодеръжству быти! А се по твоему разуму нечестие, еже от бога данные нам власти самим владети и невосхотех под властию быти у попа и у вашего злодеяния? Се ли разумевая «супротиво», яко вашему злобесному умышлению тогда, божиею милостию и пречистыя богородицы заступлением, всех святых молитвами и родителей своих благословением, погубити себе не дал есми? А какова злая от вас пострадах! Се убо пространнейше напреди слово известит.

[11]Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играм бытие, се убо вашего же ради лукаваго умышления бысть, понеже мя исторгосте от духовного и покойнаго жития, и бремя, фарисейским обычяем, бедне носимо, на мя наложили естя, сами же и ни единым перстом не прикоснустеся; и сего ради церковное предстояние не твердо[a], ово убо ради царских правлений, еже вами разрушенно, ово же ваших же злолукавых умышления убегая. Играм же — сходя немощи человечестей; понеже много народ во след своего пагубнаго умышления отторгосте, и того ради, — яко же мати детей всячески попущает глумления ради младенственного, егда же совершенни будут, тогда сие отвергнут, или убо от родителей разумом на уньшее возведутся, или яже Израилю бог попусти, аще и жертвы приносити, токмо богови, а не бесом, — того ради и аз сие сотворих, сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас, изменников. И чим у вас извыкли прохлажатися?[11]

И се ли вам супротивно явися, еже вам погубити себя есми не дал? А ты о чем супротивно разума, души твоей и крестное целование сотворил еси ложно, ради страха смертнаго? Сам убо сего не сотвориши, нам же сие советуеши! Сие убо наватцкое и фарисейское мудръствуеши: навацкое убо, еже выше естества человеческаго велишь человеком быти; фа-

рисейское же, еже, сам не творя, а иным повелеваеши творити. Паче же сия поносы и укоризны, яко же исперва начяли естя, тако и ныне не престаете, всяческим образом дивияго зверя[а] распыхася, измену свою совершаете: се ли ваша прамая служба и доброхотная, еже поношати и укоряти? Бесному подобящеся, колеблетеся, и божий суд восхищаете и преже божия суда своим злолукавым и самохотным изволением и изложением, яко же своими начяльники, с попом, Алексеем,[12] изложили есте, собацки осужающе. И сего ради, богу противляющеся, како же и святых преподобных всех, иже в посте и в подвизе просиявших, милование, еже ко грешным, отвергосте; много бо в них обрящеши падших и восставших (восстание не бедно!) и стражущим руку помощи подавше, и от рва согрешения миловательне[б] возведших, по апостолу, «яко братию, а не яко врагов имуще», — еже ты отвергл еси! И каково они от бесов пострадаша, таково и аз от вас пострадах.

Что, собака, и пишешь и болезнуеш, совершив таковую злобу? И чему подобен совет твой будет, паче кала смердяй? [13]Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих злобесных учиненно, еже иноческое одеяние свергши и на кристьян воевати? Или се есть нам на отвещание, яко невольное пострижение? Ино несть сие, несть. Како убо Лествичник рече: видех неволею ко иночеству пришедших и паче вольних исправившихся? А чесо убо сему слову не подрожасте, аще благочестиви есте? Много же и не в Тимохину версту обрящеши, тако постриженных, и не поправше иноческого образа, глаголю же и до царей. Аще ли же кои дерзнуша сие сотворити, себе убо ничим же пользоваша, наипаче в горшая телесная и душевная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский, пострижеся от зятя своего Романа Галицково. Смотри же благочестия княгини его: восхотевшу ему взяти ея из невольнаго пострижения, она же не восхоте мимотекущаго царьствия, но паче нетленного, но пострижеся и в схиму; Рюрик же убо, разстригшеся, многи крови хрестьянския пролия и святыя церкви и монастыри

Первое послание Курбскому.

Л. 39 об. из Погодинского списка.

Ивану Грозному доносят о приходе Курбского с литовскими войсками к Полоцку.

Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи

пограбя, и игуменов и попов и черньцов помучи и до конца княжения не може удрьжати, но имя его без вести бысть. Тако же и во Цареграде множайши сего обрящеши: овем убо носы урезанны; инем же во мнишеская одеянным бывшим и на царьство паки наскочившим, и зде[а] убо горчайша смерти прияша, тамо[б] же бесконечны муки прияша, пониже убо санолюбия ради и гордости сие сотвориша. Сие же от владычествующих, кольми же паче от работных! Божий суд ожидает иже ангельский образ поправшим! Много же и не в давных летех постриженных и от синглита превелика, паче же первых, иж сие не дерзнуша сотворити, аще и в прежнюю честь паки приидоша.[13]

Тако ли благочестие держите, еже сие злобесным своим обычяем держите и нечестие сотворяете? [14]Или мнишися, яко ты еси Авенир, сын Ниров, храбрейший во Израили, еже такия писания злобесным обычаем, гордостию дмяся, писати? Но и тогда что бысть? А егда убо уби Иоав, сын Саруи, тогда оскудели во[в] Израили. Не пресветлы ли победы з божиею помощию на противныя показаша? Все убо, гордостию дмяся, всуе хвалишися! Смотри ж сего, иже подобно тебе сотворшаго[г]; аще ветхословие любиши, к сему тя и приложим: что убо ему бранная храбрость, еже господина своего нечестна име, еже убо поят[д] подругу Саулю Ресфу, и рекше ему о сем сыну Саулю Мемфиоксу, он же, разгневався, отступи от дому Сауля и тако погибе. Ему же и ты уподобися злобесным своим обычяем, желая гордостно излишнее чести и богатества. Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты, иже нам от бога данные грады и села посягая, равно тому нечестию, бесуяся, сотворяеши. Или убо предложиши ми плач Давыдов? Ни убо, царь убо праведен не хотя убиения сицева сотворити; нечестивыи же во своей погибели погибе. Смотри же убо, яко бранная храбрость не помогает, аще кто господина нечествует. Но еще предложу ти Ахитофела, подобно тобе, лукавно совет совещевающе Авесолому на отца: и како потрясен на послед сия! Единаго старца разумом совет его разсы-

пася, и весь Израиль побежден бысть малийшими людьми. Он же удавлением конец погибельный обрете. Яко же тогда, тако же и ныне: обаче благодать божия в немощи совержаетца, а ваше злобесное на церковь востание разсыплет сам Христос. Смотри же и древняго отступника Иеровоама сына Навашца; како отступи з десятью колены израилевыми, и сотвори царьство в Самарии и отступи от бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царьство Самарийское неудержанием царей и вскоре погибе; Июдино же, аще и мало есть, но страшно пребысть и до изволения божия, яко же рече пророк: «разсвирепе, яко же юница, Ефрем»; и паки инде реченно есть: «сынове Ефремли, наляцающе и спеюще луки, возвратишася в день брани, зане не[a] сохраниша повеления государя и в закони его не изволиша ходити». «Человече, останися рати: аще убо со человеком борешися, то одолеет тя, или ты одолеешь; аще с церковию борешися, то всяко тобя одолеет церковь, жестоко бо ти есть против осну прати: на ня бо и воступиша, но и нози окровавиша. Егда ся пенит море и бесится, но Исусова корабля не может потопити, на камени бо стоит; имамы бо вместо кормьчию Христа; вместо же гребца — апостоли, вместо же корабленик — пророки, вместо правителей — мученики и преподобныя; и сия убо вся имущи, аще и весь мир возмутится, не убоимся погрязновения: меня убо светлейша твориши, сам же свою погибель содеваеши».[14]

Како ж и сего не могл еси разумети, яко подобает властелем не зверски яритися, ниже безсловесно смирятися? Яко же рече апостол: «овех убо милуеши разсужающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе». Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасати? Тако же и во благочестивых царех о временех много обрящеши злейшее мучение. Како убо, по твоему безумному разуму, единако царю быти, а не по настоящему времяни? То убо разбойницы и татие мукам неповинни ли суть? Паче же и злейшая сих лукавая умышления! То убо вся царьствия нестроением и межоусобными браньми

растлятся. И тако ли убо пастырю подобает, еже не разсмотряти о нестроении подовластных своих?

Како же не стыдишися, злодеев мученики нарицая, не разсуждая, за что хто страждет? Апостолу вопиющу: «аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчяетца»; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: мучими убо суть и татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи; такови убо не блаженнии, понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради. Божественному же апостолу Петру глаголющу: «лутче убо благое творяще пострадати, неже злое творящим». Видиши ли, яко везде не похваляют злотворящих мучения? Вы же, злобесным своим обычяем подобящеся ехидну, отрыгания яд изливающе, что же повинения человек, и законопреступление, времени разсужающе, свою злолукавую измену бесовским умышлением лестию языка покрыти хотяше.

[15]Се ли убо сопротивно разума, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великого Констянтина: како, царьствия ради, сына своего, рожденнаго от себе, убил есть! И князь Федор, прародитель ваш, в Смоленсце на Пасху колики крови пролиял есть[a]! И во святых причитаются. Како же убо Давыд, иже обретеся к богу по сердцу и хотению, како повеле Давыд; «да всяк убивает Усеина и хромыя и слепыя, ненавидящих душа Давыдовы», егда не прияша его во Иеросалим? Како убо сих причитаеши в мученики, яко не хотевшим от бога даннаго им царя прияти? Како же не разсудиши сего, еже и во благочестии царь и на немощней чяди силу свою и гнев показа? Или убо нынешнии изменники не равну ли сим злобу сотвориша? Но паче и злейше. Они убо точию возбраниша приход и не успеша ничто же, сии же приятого от них, богоданнаго, и рожденнаго у них на царьстве царя, преступивше крестную клятву, отвергошася и елико возмогоша, злая сотворпша — всячески, словом и делом, и тайными умышлении; и чему убо они сих подобнее злейшим казнем? Аще ли речеши, яко «она явна есть, сия же не явна», по сему бо злейши

есть ваш злобесный обычей, яко человеком видимо есть доброходство ваше и служба; а от сердец ваших исходят помышления и злодеяние и пагуба смертная к разорению; усты своими благословляете, а сердцем же своим кленете. Многа ж и ина обрящеши во царьствиях царие: свои царьства во всяких нестроениих исправиша и злобесные человеков разумы и злодеяния возразиша. И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчяйшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, то несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли бо не боятися власти? Благое твори; аще ли злое твориши, бойся, не туне бо мечь носит, в месть убо злодеем, в похвалу же добродеем[a]. Аще благ еси и прав, почто имея в сингклите пламяни паляща, не погасил еси, но паче розжегл еси? Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевела наполнил еси![15] И збысться на тобе пророческое слово: «Вси вы огнь зжете, и ходите по совету пламени огня вашего, егоже сами себе разжегосте». Како же убо ты со Июдою предателем равно причтешися! Яко же убо он на общаго владыку всех, богатества ради, возбесися и на убиение предал, со ученики убо водворяшеся, а со июдеи веселяшеся, тако же убо и ты, с нами пребывая, и хлеб наш адяше, и нам служити соглашаше, на нас же вся злая в сердцы собираше. Тако ли еси исправил крестное целование, еже хотети добра во всем безо всякие хитрости? И что убо твоего злохитрия и умышления злее? Яко же рече премудр: «несть главы, паче главы змиевы»; паче же и несть злобы паче злобы твоея.

Почему учинился еси учитель души моей и телу? Хто убо тя поставил судию или владетеля надо мною? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшнаго суда? Апостолу Павлу глаголющу: «како убо веруют без проповедующаго, како же и проповедуют, аще не послани будут?». И се убо бысть во пришествие Христово: ты же от кого послан еси? И хто тя рукополагателя учинил, яко учительский сан восхищаеши? Апо-

столу Иякову сию отрицающу: «Не мнози учители бывайте, братие, ведуще, яко вящше грех приемлем, много бо согрешаем, сий же словом не согрешит, сий совершен муж и силен, иже хто устне обуздает, то и все тело обуздает. Се и конем бразды во уста влагаем, да повинуютца нам, и все тело их обращаем. Се и корабли, толице суще велици, от жестоких ветров заточяеми, обращаются малым кормильцем, яко же аще стремление правящему хощет: тако и язык мал уд есть; и вельми хвалитца. Се мал огнь колику вещь сожегает! Язык подобен огню, иже водворяется во удех наших, сквернящи все тело, опаляще коло рожества, ополяем от геенны: человече естество языка ради, звере же и птицы, гады же и рыбы мучяется и умучится естеством человеческим, языка же никто же от человек может умучити, неодержимо бо зла исполнь яда смертоносна. Тем благословим бога и отца, тем человеков кленем, иже по подобию божию бывшая; от языка ж исходит благословение и клятва. Не подобает, братия моя возлюбленная, сим тако бывати. Егда убо источник от того же единого истицания точит сладкое и горькое? Когда может, братия моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы? Тако же ни един же источник воду слану и сладку творит. Хто премудр и худог в вас, да покажет от добраго жития дела своя, в кротости и в премудрости. Аще ли зависть горьку имате и рвения в сердцах ваших, не хвалитеся и не лжите на истинну. Несть сия премудрость свыше и нисходяще, но земна и бесовска душе пагубна. Идеже бо зависть и рвения, ту нестроения и всяка зла вещь совершается; а вышня премудрость первое убо чиста, потом же мирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости[a], плодов благих, несумненна и нелицемерна. Плод же правды во смирении сеется творящим мир. Откуду брани и свары в вас? Не отнюду ли, от сластей ваших воюющих в душах ваших? Желаете, и не имате; убиваете, и завидите, и не можете улучити; сваряетеся и борете, и не имате, зане зле просите; просите, да в сластех ваших изживете. Приближитеся к богу — приближится к вам; очистите

руце, грешницы, и очистите сердца, двоедушнии. Не оклеветайте друг друга, братие: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветает закон и осуждает закон; аще ли закон осуждаеши, неси творец закону, ни судия. Един есть закону давец и судия, могий спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждая друга?».

Или мниши сие быти светлость благочестива, еже обладатися царьству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быти? И сие ли супротивно разума и совесть прокаженна, еже невежу взустити и злодейственных человек возразити от бога данному царю воцаритися? Нигде же обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши — иже во грецех царствии погубивших и турком повинувшимся? Сию убо погибель на твою главу паче да будет! К сему же и сему подобен еси, яко апостол пишет к Тимофею, глаголя: «Чадо Тимофее, се же веждь, яко в последняя дни настанут времяна люта; будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, облазиви, горди, хульницы, родителем противящеся, неблагодарни, непреподобни, нелюбиви, несоветохранители, прелагатели, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, презорливы, возносливы, сластолюбцы, паче нежели боголюбцы, имуще образ благочестия, силы же его отвергошася. И сих отвращайся. Водима похотьми различными, всегда учящеся, и николи же в разум истинный приити не могуща. Яко же Анний и Амврий противистась Моисею, тако и сии[a] противятся истинне, человецы растлевшеи умом, неискусни о вере. Но не преуспеют паче о мнозе: безумие бо их яве будет всем, яко же и онех бысть».

Или убо сие свет, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царьствия честию почтенну быти, властию ничим же лутчи быти раба? А се ли тма, яко царю содержати царьство и владети, рабом же рабска содержати повеленная? Како же и самодержец нарицается, аще сам не строит? Яко же рече апостол Павел к галатом пиша: «В колико лет наследник младенец есть, ничим же лутче есть

раба, но под повелительми и приставники есть, до нарока отчя». Мы же, благодатию христовою, доидохом лет нарока отчя, и под повелительми и приставники быти не пригоже.

Речеши ли убо, яко едино слово обращая семо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобеснаго умышления, понеже с попом положисте совет, дабы яз лише словом был государь, а вы б с попом во всем действе были государь: сего ради вся сия сключишася, понеже и доныне не престаете, умышляюще советы злыя. [16]Воспомяни же, егда бог изважаше Израиля из работы, и егда убо священника ли поставил владети людьми, или многих рядников? Но единаго Моисея, яко царя, постави владателя над ними; священствовати ему не повеленно, а брату ж его Аарону повеле священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же и Аарон сотвори людскии строи, тогда и от бога людей отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон хотеша восхитити себе власть, и како сами погибоша, и какову многому Израилю погибель нанесоша? Еже вам, боляром, прилично! После того же быти судия Израилю Исус Наввин, священник же Елеозар, и оттоле, даже и до Илия жерца, обладаху судиа: Июда и Варак, и Еффа, и Гедеон и ины многи, и каковы советы и победы на противныя поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взял на ся священство и царьство, аще сам праведен бяше и благ, но понеже от обоюду припадшему богатьству и славе и како сынове его Офни и Финеес[а] заблудиша от истинны, и како сам и сынове его всею злою смертью погибоша, и весь Израиль побиен бысть, и киот завета господня пленен бысть до дни Давыда царя? Видиши ли, яко священство и рядничество[б] царьским владателем не прилично? Се же убо в Ветхом законе; в Римском же царьствии, и в новой благодати, в грекех, еже по вашему злобесному хотения разума случися. Како убо Август кесарь всею вселенъную обладаше: Аламаниею и Долматиею и вся Италиския места, и готфы и саврьматы, и Афинеию, и Сириею, и Киликеею,

и Ассеею, и Азеюю, и Междоречием, и Каппадокийскими странами, и Домаском градом, и божиим градом Иерусалимом, и Александреею и Египетскою власть, даже и до Перския державы; вся сия под единою державою бяху много лета, даже и до первого во благочестии и великаго Констянтина Флавна. И после его, чяда его разделиша власть: Констянтин убо во Цареграде, Констянтий же в Риму, Конста же в Долматии. И оттоле убо начя греческая власть делитися и скудость приимати. И паки, во царство Маркияне, во Италии мнози князи, от мест блюстители, восташа, подобно вашему злобесному умышлению, во царство Лва Великого и обладаша коиждо своими месты, яко же во Африкии Зинзирих рига и ины многи. И оттоле убо всяко строение[а] царьствия Греческаго преста: токмо убо упражняхуся[б] на власти и чести и богатьства, и междоусобными браньми разтлевахуся. Во царство Анастасия Дикорота Драчянина болми начя оскудевати греческая вера и власть, понеже убо персы начяша воевати и Месопотамийскую митрополью взяша, и многи воины восташа, якоже Виталику, и к стенам Константина града притти ратию. Тако же при Маврикии велми оскуде греческая власть. При Фоце же мучителе Хоздрою перскому царю Фракискую пленившу, Ираклею же худейше царьство восприимшу, епархом же и ипатом[в] и всему синклиту не престающе о властех и о богатствех меж собя ратоватися и грады и власти и имения стяжевати; греческому же царьству от сих всех разтлевающе. Во царьство Иустина Корноносаго болми от варвар греки побеждени быша и множество воин побиени быша. Тогда убо болгарская вера и власть особь учиняшеся — епархом и сугклиту и всем властелем не престающим о властех меж собя ратоватися, и вся хотения своя улучившим во градех и во властех и имениях и богатствах, якож рече пророк: «И не бе числа оружия их, и не бе числа коней их, и не бе числа сокровищь их, дщери их преудобрены и преукрашены, яко подобие церкви хранилища их, исполнь отрыгающи от сия во ону, овца их многоплодны, множащеся во исходищих своих, волове их

толсти, несть падения, градежу, ни прохода, ни вопля во стегнах их».

Но како убо по вашему злобесному хотению ублажиша же[а] людей сих, иже сия суть, яко Исаия пророк рече: «Что и еще уязвистеся, прилагающа беззакония? Всяка главизна в болезнь, и всяка сердца в печяль. От ногу даже и до главы несть на них целости, ниже струп, ниже язва, ниже рана палящая, несть пластыря приложити, ниже масла, ниже обезания[б]. Земля ваша пуста, гради ваши огнем сожжены, страны ваша пред вами чюжи поядают и запусте развращенна от людей чюжих. Оставится дщи Сионя, яко селение в винограде, яко овощное хранилище в вертограде. Како бысть блудница град верных Сион исполнь суда; в немже правда успе, ныне в нем убийца. Сребро ваше не искусно, корчемницы твои смешают вино с водою. Князи твои не веруют, обещницы татем, любящи мзды, гоняще воздание, сирым не судяще, и суду вдовиц не внемлюще. Сего ради тако глаголет господь владыка[в] Сафаоф, сильный Израилев: «Ох, горе крепким во Израилп! Не престанет моя ярость на противныя, и суд мой от враг моих сотворю: и наведу руку мою на тя, и разжегу тя в чистоту, неверующих же погублю, и отъиму всех беззаконных от тебе, и всех гордых смирю. И положу судия твоя яко и прежде, советники твоя яко от начяла; и по сих наречишися град правде, мати градом, верный Сион. Судбою спасется и милостию. И стрьютца беззаконнии и грешнии вкупе, и оставше господа скончяются, занеже постыдятся о делех своих и ихже тии советоваху, и пострамлятца о вертоградех своих, о их же тии восхотеша. Будут бо яко сади, отметнувши своя листвия, и яко вертоград, не имый воды. И будет крепость их яко стеблы изгребию, и деяния их, яко искры огненны, и сожгутца беззаконнии и грешнии вкупе, и не будет погашаяй».

Потом же во царьство Аспимарово и Филипиково и Феодосия Брады Адрамическаго, персом египетскую власть и Дамаск от грек изабладавшим, такоже при Констянтине Гноетезном, скифом отложившимся, по сем же Лва Арменина,

и Михаила Амморенина и Феофила — Рим со всею Италию от Греческаго царьства отторжеся[а]; избраша убо себе царя от латын Карула князя Латынскаго от внутреннейшаго Фругия; и тако убо во многих странах италийских поставиша себе краля и князя и властодержца и местоблюстителя. Яко же Наустрия, и Испания, и Долматия, и француги, и вышний немецкий язык, и поляки, и литаоны, и готфы, и флаги, и мутьяны, тако же и сербом и болгаром, у собя властодержъца поставившим и от Греческаго царьствия отторгъшеся; и от сего Греческому царствию злейшу разорению приходящу; во царьство же Михаила и Феодоры царицы благочестивых, божий град Иерусалим и Палестинскую землю и страны Финическия персы изобладаша; царьствующему же граду во утеснении велице наченшу пребывати, и отвсюду чястыми нахождении и бранными ратьми чясто колеблющеся, епархом же и синклиту всему не престающе от всего своего злоперваго обычяя и никако же о селице разорении царьства промысла полагающе, но аки сонное мечтание сицевую погибель царству быти вменяюще.

Тако же и вы, сему подобно, своим злобесным хотением, выше меры, славы и чести и богатства, к разорению кристьянскому, желающе! Тако же убо отселе грекове во многие страны дани даяти начяша, а прежде убо сами дани взимаху; потом же, нестроения ради, подобно вашему злолукавному злому совету, сами даяти дани начяша, и таковому убо царьствующему граду во утеснении велице пребывающу, даже до царьства Алексея, нарецаемаго Дуки Марцуфла, при нем же взят бысть царьствующий град от фряг и пленен бысть зельнейшим пленением; и тако убо все благолепие и красота греческие власти погибе. Потом же Михаил Палеолог изгнал латин из царьствующаго града, и паки убо во убожестве царьство воздвигл, даже до лет царя Констянтина, нарецаемого Дротаса, при нем же, грех ради наших, народа христьянсково, безбожный Магмет греческую власть погаси, и, яко ветр и буря зельняя, вся без вести сотвори.[16]

Смотри же убо се и разумей, каково управление составляется в разных начялех и властех, и понеже убо тамо быша царие послушные епархом и сигклитом, и в какову погибель приидоша. Сия ли убо нам советуеши, еже в таковей погибели приитти? И се ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплеменных подати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако приимаху? Благо и прикладно! Но иное же свою душу спасати, и иное же многими душами и телесы пещися: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем житии сожитие, ино же святительская власть, ино же царьское правление. Посническое убо пребывание — подобно быти агньцу, непротивну ничему же, или яко птице, иже не сеевшу, ни жнущу, ни в житницу собирающу; во общем же убо житии, аще и мира отрекшися, но обаче строения и попечения имеют, та же и наказания; аще ли же сего невнимателие будуть, то общее житие разоритца; святительская же власть требует зельнаго запрещения языком, по благословенней же вине и ярости, и славы, и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприличны; царскому же правлению — страха, и запрещения и обуздания[a] и конечнаго запрещения по безумию злейших человек и лукавых. Се же убо разумей разньство посничеству и общежительству и святительству и царьству. И аще убо царю се прилично ли: иже бьющему царя в ланиту, обратити и другую? Се ли убо совершеннейшая заповедь, како же царьство царь управит, аще сам без чести будет? Святителем же сие прилично — по сему разньству разумей святительству с царством! Обрящеши ся много и во отрекшихся мира наказания, аще аже не смертию, но и зело тяшкая наказания. Колми ж паче во царствии подобает наказанию злодейственным человеком быти!

[17]Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градех и властех совладети, иде же вам быти, не подобает. И что от сего случишася[б] в Росии, егда быша в коеждом граде градоначяльницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего и

сам беззаконныма очима видел еси, и отселе можеши разумети, что сие есть.[17] К сему же и пророк рече: Горе дому, имже жена обладает; горе граду, имже мнози обладают. Видиши ли, яко подобно женскому безумию во царьстве многих владение: аще и не под единою властью будут, аще и крепки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумию подобни будут, аще не под единою властью будут. Понеже убо, яко жена не может своего хотения уставить — овогда тако, овогда же инако, — тако же убо и многих во царьстве владение — ового убо таково хотение, иного же инако. Сего ради разных хотения и разумы женскому безумию подобны есть. Се убо указах ти, како благо есть вам на градех седети и мимо царей царьствами владети; от сего убо многи могут разумети, имуще разум. Воспомяни же: «к[а] хотению имения, рекшаго злата, аще ся и богатство ринет, не прилагайте сердца». Хто же убо сия глаголы глагола? Не во власти ли царстве? Не бе ли ему подобало злато? Но не на злато взираше, но повсегда бе ему ум к богу и строю воинскому. И понеже убо Гииозееву прокажению подобился еси, яко же он[б] благодать божию на злате предаде, тако убо и ты, злата ради, на христиан воздвигл ся еси. Тако же и апостолу Павлу вопиющу: «Блюдите псы, блюдите злыя делателя, яко многажды глаголах вам, ныне же плачя глаголю о вразе креста христова, имже бог чрево, и слава во студ им, иже земная мудръствующе». Како же убо ты не наречешися враг креста христова, яко славы ради и богатства, и чести мимотекущаго света сего желая насладитися, будущая же присносущия презирая, своим крестопреступным обычяем, извыкши от прародителей своих измену, во много время на сердцы злая собирая, «яды хлеб мой, возвеличяя на мя пяту свою», отверъглъся крестново целованья, на крестьян воевати вооружился еси? Но то убо самое победоносное оружие, крест христов, Христа бога нашего, вам сопротивник да будет.

Како же убо ты доброхотных всех изменников нарицаеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, лжею согласившеся, и лесть со-

крывше, и во един день избиша 70 сынов Гедеоновых, еже убо от беззаконных жен ему, и воцариша Авемелеха, тако же убо и вы, собацким своим изменным злым обычяем, хотесте во царьствии царей достойных истребити, и, аще не от наложницы, но от царьствия растоящаяся колена хотесте воцарити. И се ли убо доброхотные есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссущаго млеко младенца, меня[18] смертию пагубною хотесте света сего лишати, чюжаго же царьствия царя во царство ввести? Се ли убо душу за мя полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своим чядом хощете сотворити, еда убо в яйца место подаете им скорпию, или в рыбы место камень? Аще убо вы зли[a] суще, умеете даяния благая даяти чядом вашим, и аще убо доброхоты и благи нарицаетеся, — почто же таких благих даяний не приносите чядом нашим, яко же своим? [19]Но понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити, яко же дед твой, князь Михайло Корамыш, со князем Андреем Углецким на деда нашего, великого государя умышляючи, на великого князя Иванна, изменные обычеи; тако же отец твой, князь Михайло, с великим князем Дмитреем внуком на отца нашего, блаженные памяти великого государя Василия, многи пагубы и смерти умышлял; такожде и матери твоей деды Василей и Иван Тучки многая поносная и укоризненая словеса деду нашему, великому государю Ивану износили: такожде и дед твой Михайло Тучков, на преставление матери нашея, великие царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменъная словеса изрече, — и понеже еси порождение изчядья ехиднова, посему такой яд отрыгаеши[19]. Се убо довольно указах ти, чего убо ради по твоему злобесному разуму супротивным обретаяся разумеваяй совесть прокаженну имущаго. Но ни яже никакого от державы моея несть. А отцу твоему, князю Михаилу, гонения было много, да и убожества, а измены такой, что ты, не учинил.

[20]А еже писал еси: почто есмя сильных[б] во Израили побили и воевод, от бога данных нам на враги наша, различными смертьми

разторгли есмя, и победоносную их святую кровь в церквах божиих пролияли есмя, и мученическими кровьми праги церковныя обагрили есмя, и на доброхотных своих и душу за нас полагающих, неслыханныя муки, смерти и гонения умыслили есмя, изменами и чародействы их и иными неподобными облыгая православных[20], — и то еси писал и глаголал ложно, яко же отец твой дьявол научил тя есть; понеже рече Христос: «Вы отца вашего дьявола естя и похоти отца вашего хощете творити, яко же бо он, дьявол, человекоубийца бе искони, и во истинне не стоит, яко несть истинны в нем, егда же ложь глаголет, от своих глаголет: ложь бо есть и отець его». А сильных есмя во Израили не побили, и не вемы, хто есть сильнейши во Израили, понеже Росийская земля правитца божиим милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, неже ипаты и стратиги. Неже воевод своих различными смертьми расторгли есмя, — а з божиею помощию имеем у собя воевод множество, и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же.

Крови же во церквах божиих никакие не проливали есмя. Победоносные и святыя крови во своей земли в нынешнее время несть ея явленно, не вемы. «Праги же церковныя», — елика наша сила и разум осязает, яко же подовластные наши к нам службу свою являют, сице украшенна всячески церкви божия светитца, всякими благостинями, елико после вашия бесовския державы сотворихом, не токмо праги и помост, преддверия, елика всеми видима есть и иноплеменным украшения. Кровию же никакою праги церковныя не обагряем; мучеников же в сие время за веру у нас нет; доброхотных же своих и душу свою за нас полагающих истинно, а не лестно, не языком глаголющи благая, а сердцем злая собирающи, не пред очима собирающе и похваляюще, а вне — расточяюще и укаряюще (подобно зерцалу, егда смотрят и тогда видитца каков бе, и егда же отъидет, и абие забыв, каков бе), и егда

кого обрящем всех сих злых свобоженна, а к нам прямую свою службу содевающе, не забывающе порученныя ему службы (яко в зерцале), и мы того жалуем своим великим и всяким жалованьем; а иже обрящется в сопротивных, еже выше рехом, тот по своей вине и казнь приемлет. А в ыных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая: тамо не по здешнему! То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любити, а в ыных землях изратец не любят: казнят их да тем и утвержаютца.

А мук и гонения и смертей многообразных ни на кого не умышливали есмя; а еже о измене и чяродействе воспомянул еси, — ино, таких собак везде казнят. А еже нечто мы облыгаем православных, — и понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: «яко аспид глухий затыкая уши свои, иже не слышит гласа обавающаго, обаче обаваем обаваетца от премудра, понеже зубы их во устех их сокрушил есть господь, и членовныя лвом сокрушил есть»; и аще аз облыгаю, о ином же истинна о ком явится? Ино что, измениче, ни сотворяют, а обличения несть им, по твоему злобесному умышлению? Чесо ради нам сих облыгати? Власте ли своих работных желая, или рубища их худая, или коли бы их насыщатися? Како убо не смеху подлежит твой разум? На заецев потреба множество псов, на враги ж множество вой: како убо безлепа казнити подвласных, имуще[а] разум!

21 Яко же и выше рех, какова злая пострадах от юности моея даже и доселе, пространнейше изобличити. Се убо являет (аще убо и юн еси сих лет, но обаче ведети можеши[б]): егда божиими судьбами отец наш, великий государь Василей, пременив порфиру ангельским пременением, тленное все и мимотекущее земное царство оставил, прииде на небесная во онь век нескончаемый, предстояти царю царем и господину государем, мне же оставшуся со единородным братом, святопочившим Георгием, мне убо трею лет суще, брату же моему лета единаго, родительнице же нашей, благочестивой царице Елене в сицевых бедне во вдовстве оставше, яко же во пламени ото-

всюду пребывающи, ово убо от иноплеменных язык от круг пре́седящих, брани непременительныя приемлюще ото всяких язык, Литаонских, и Поляков, и Перекопи, Надчитархана, и от Нагаи, и от Казани, овоже от вас изменников беды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобен тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Ляпкой оттекоша в Литву и камо не скакаша бесящеся? И во Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отвсюду на православия рати воздвизающе; и ничто же успеша: богу заступающу, и пречистые богородицы, и великим чюдотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель совет разсыпася. Тако же потом дяду нашего, князя Ондрея Ивановича изменники на[а] нас подъяша, и с теми изменники пошел было к Новугороду (и которых хвалиш::! доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!), и те в те поры от нас были и отступили, а к дяде нашему ко князю Андрею приложилися, а в головах твой брат, князь Иван княжь Семенов сын, княжь Петрова Лвова Романовичя и иные многие. И тако з божиею помощию тот совет не совершися. Ино то ли их доброхотство[б], которых ты хвалишь? Тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дяду нашего воцарити? Потом же, изменным обычяем, недругу нашему Литовскому почяли отчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей: и тако ли доброхотствуют? Егда несть во своей земли, кем погубити от земля и славу в прелесть вселити, тогда ко иноплеменным примешаются любовию, точию да погубят безпамятно![21]

[22]Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене преити от земнаго царьствия на небесное; намь же со святоопочившым братом Георгием сиротствующим родителей своих и ни откуда же промышления человеческого приемлюще, токмо на божье милосердие уповающе и пречистыя богородицы[в] на милость, и на всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому лету от рожения тогда преходящу

Нападение бояр во главе с князем Андреем Шуйским на Федора Воронцова.

Миниатюра из Царственной книги.

Поход в ладьях на Казань.

Миниатюра из Царственной книги

и тако подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царьство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елико тогда сотвориша! Колико боляр, и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли з Большую казну и неистова ногами пихающе и осны колюще; а иное же и собе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережение учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис поимания повыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе, Ивановичя учял жити, и на том дворе, сонмищем июдейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго, Федора Мишурина изымав, позоровав, убили; и князя Ивана Федоровичя Бельского и иных многих в розная места заточиша, и на церковь вооружишася[а], и Данила митрополита, сведши с митрополии, в заточение послаша; и тако свое хотение во всем улучиша, и сами убо царьствовати начяша[б]. Нас же, со единородным братом, святопочившим Георгием, питати начяша как иностранных, или убо яко убожайшую чядь. Таковая же тогда пострадах во одеянии и в алчбе! Во всем воли несть; но вся не по своей воли и не по[в] времени юности. Едино воспомянути: нам бо во юности детская играющим, а князь Иван Василевич Шуйской седит на лавке, локтем опершися об отца нашего постелю, ногу положа на стул[г]; к нам же не приклоняяся не токмо яко родительски, но ниж[д] властельски, рабское же ниже начяло обретеся. И таковая гордения хто может понести? Како же исчести таковая многая бедне страдания, еже во юности пострадах? Многажды поздо ядох не по своей воли. Что же убо о казнах родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мъздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не

по достоинству; а казну деда и отца нашего безчисленну себе поимаша; и тако в той нашей казне исковаша[a] себе сосуды златые и сребрянные и имя на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание; всем людем ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйсково шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лутче шуба переменити, да в ысходке суды ковати. А о казнах наших дядей глаголати, но все себе восхитиша. По сем же на грады и на села наскочиша, и тако горчяйшим мучением многоразличными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчести? Подовласных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы же свои аки вельможа сотвориша; правити же мнящеся и строити, и, вместо сего, неправды и неустроения многая устроиша, мъзду же безмерную ото всяких собирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще.[22]

[23]И тако им на много время жившим, мне возрастом телом преспевающе, и не восхотех под властью рабскою быти, и того для князя Ивана Васильевичя Шуйсково от себя отослал на службу, а у собя велел есми быти болярину своему князю Ивану Федоровичю Белскому. И князь Иван Шуйской, приворотя к себе всех людей и к целованию привед, пришел ратию к Москве, а болярина нашего князя Ивана Федоровичя Бельсково и иных боляр и дворян переимали советники его Кубенские и иные, до его приезду, да сослав его на Белоозеро и убили, да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша. Таж князь Андрей Шуйской со своими единомысленники пришед к нам в ызбу в столовую, неистовым обычяем перед нами болярина нашего Федора Семеновичя Воронцова изымавши позоровав, вынесли из избы да убить хотели. И мы послали к ним митрополита Макария, да боляр своих Ивана, да Василья Григорьевичев Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и оне едва по нашему слову послали его на Кострому; а митрополита затеснили и манатию на нем со источники изодрали, и боляр в хребет

толкали. Ино то ли доброхотны, что боляр наших и угодных нам, супротивно нашему повелению, переимали и побили и разными муками и гонении мучити? И тако ли годно и за государей своих душу полагают, еже к нашему государьству ратью приходити и перед нами сонмищем имати, и с нами холопу з государем ссылатися, и государю у холопа выпрашивать? Тако ли пригоже прямая служба? Воистинну вся вселенная посмиется, видя такую правду. А о гонении их же что и глаголати, каковы тогда случишася? От преставления матери нашея и до того времяни шесть лет и пол[а] не престаша сия злая![23]

[24]Нам же пятагонадесят лета возраста преходящим, и тако сами яхомся строити свое царство, и по божии милости благо было начялося строити. Понеже грехом человеческим повсегда божию благодать раздражающим, и тако случися грех ради наших, божию гневу разпростерпгуся, пламени огненному царствующий град Москву попаливщу, наши изменные бояре, от тебе же нарицаемая мученики (их же имена волею премену), аки время благополучно своей изменной злобе улучиша, наустиша народ художайших умов, будто матери нашея мать, княгина Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердца человеческая вымали и таким чяродейством Москву попалили; да бутто и мы тот совет ведали: и тако тех изменников научением болярина нашего, князя Юрья Васильевичя Глинсково, воскричяв, народ июдейским обычяем изымав его, в пределе великомученика Дмитрия Селунскаго, выволокши, в соборной и апостольской церкви пречистыя богородицы против митрополичья места, безчеловечно убиша и кровию церковь наполниша и, вывлекши его мертва в передние двери церковныя, и положиша на торжище, яко осуженника. И сие убийство во церкви всем ведомо, а не яко ты[б], собака, лжеши! Нам же тогда живущим во своем селе Воробьеве, и те изменники наустили были народ и нас убити за то, что бутто мы князь Юрьеву матерь, княину Анну, и брата его князя Михаила у собя хороним от них. Тако же убо смеху

подлежит сия мудрость! Про что убо нам самим царству своему запалителем быти? Толика убо стяжания, прародителей наших благословение, у нас погибоша, еже и во всей вселенной обрестися не может. Хто же безумен или яр таков обрящется, разгневався на рабы, да свое стяжание погубити? И он бы их и палил, а себя бы уберег. Во всем ваша собачья измена обличяетца. Како же на такую высоту, еже Иван святый, водою кропити? Сие убо безумие явъственно.[24] И тако ли доброхотно подобает нашим боляром и воеводам нам служити, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, боляр наших побивати, да еще и в черте кровной нам[a]? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нашу душу от мира сего желающи на всяк чяс во он век препустити? Нам убо закон полагающе во святыню, сами же с нами путь шествовати не хотяще! Что же, собака, и хвалишися в гордости и иных собак и изменников похваляешь бранною храбростию? Господу нашему Исусу Христу глаголющу: «аще царство само на ся разделитца, не может стати царство то»; како же и может бранная люте понести против врага, аще межусобными браньми растлитца царство? Како убо может древо цвести, аще корени суху сущу? Тако и сие: аще не прежде строения во царстве благо будет, како бранная храбре поставятца? Аще убо предводитель не множае полк утвержает, тогда множае побеждаем паче бывает, неже победит. Ты же, вся сия презрев, едину храбрость похваляешь; о чесом же храбрости состоятися, сия ни во что же полагаеши, и являяся не токмо утвержая храбрость, но паче разрушая. И являяся яко же ничто же еси; в дому изменник, в ратных же пребывании рассуждения не имея, понеже хощешь междоусобными браньми и самовольством храбрость утвердити, ему же быти не возможно.

[25]Да того же времяни бывшу сему собаке Алексею, вашему начяльнику, в нашего царьствия дворе, во юности нашей, не свем, каким обычяем из батожников водворившуся, нам же такия измены от вельмож своих видевше, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, а чяючи от него прямыя

службы. Каких же честей и богатств не исполних его, не токмо его, но и род его! Какова служения праведна от него приях? Слыши напреди. Таж посем совета ради духовнаго спасения ради душа своея, приях попа Селивестра, а чающе[а] того, что он, предстояния ради у престола владычня, побережит души своея, а он, поправ свещенныя обеты и херотонию иже со ангелы у престола владычня предстояния, иде же желают ангели приникнути, идеже бо всегда агнец божий жремый за мирское спасение, и никогда же пожренный, — еже он, во плоти сый, серафимскии службы своими руками сподобися, и сия убо все поправ, лукавым обычаем, и сперва убо яко благо начало, последуя божественному писанию; мне, видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покорятися безо всякого рассужения, и ему, совета ради духовнаго, повинухся волею, а не ведением; он же возхитихся властию, яко же Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским.[25] Потом же вся собрахом, все архиепископы, и епископы, и весь освещенный собор руския митрополия,[26] и еже убо во юности нашей, еще нам содеянная, на вас, бояр наших, наши опалы, та же и от вас, бояр наших, еже нам сопротивное и проступъки[б], сами убо пред отцем своим и богомольцем, пред Макарием, митрополитом всеа Русии, во всем в том простихомся; вас же, бояр своих, и всех людей своих в преступках пожаловал и впредь того не воспоминати; и тако убо мы всех вас яко благии начахом держати.

Вы же перваго своего лукавого обычея не оставите, но паки на первое возвратистеся, и тако начасте лукавым советом служити нам, а не истинною, и вся со умышлением, а не простотою творити. Тако же поп Селивестр и со Олексеем здружися и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразсудных суща; и тако, вместо духовных, мирская начашася советовати, и тако помалу всех бояр начаша в самовольство приводити, нашу же красоту власти с вас снимающе, и в супротисловие[в] вас приводяще, и честию мало вас не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честию подо-

бяще; [27]и тако помалу сотвердися сия злоба, и вас почал причитати к вотчинам и к селам; еже деда нашего великого государя уложением, которые вотчины у вас взимати и которым вотчинам еже несть потреба от нас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил. И потом единомысленника[а] своего, князя Дмитрея Курлятева, к нам в синклит препустил; нас же подходяху таковым обычаем, духовного ради совета, бутто души ради то творит, а не лукавством; и тако с тем своим единомышленником нача злый свой совет утвержати, ни единые власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам[б] власть от нас отъяша, еже вам бояром нашим по нашему жалованью честию председанием почтенным быти; сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе, и яко же кто како восхощет: потому же утвердиша дружбами, и вся властию во всей своей воли имый, ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утвержения по своей воле и своих советников хотение творяще.[27] Нам же аще что и благо советующу, сия вся непотребна изчиняху, они же аще что и строптивно и развращенно советоваху, но сия вся во благо творяху!

И тако убо ниже во внешних[в], ниже во внутренних, ниже в малейших и художейших, до обуща[г] и спания, вся не по своей воле бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцам[д] пребывающим. Ино се ли супротивно разуму, еже не восхотех в совершеннем возрасте младенищем быти? Та же потом и сие утвердися: еже нам супротивословие ни единому еже от худейших советников его тогда потреба рещи[е], но сия вся аки злочестива творяхуся, яко же в твоей бо составной грамоте писано; от его же советников аще кто и худейший нам не яко ко владыце или яко к брату, но яко к худейшему чесому надменая словеса неистове изношаху, и сия вся благочестива вменяхуся; кто убо мало послушание или яко покой

нам сотворит, тому убо гонение и мучение; аще ли же кто раздражит нас чем или кое принесет утеснение, тому богатество[а], слава и честь; и аще не тако, то души пагуба и царству разорение! И тако убо нам в сицевом гонении и утиснении пребывающим, и такова злая не токмо от дни и до дни, но от часу ростяху; и еже убо нам сопротивно, сия умножахуся, а еже убо нам послушно и покойно, сия умоляхуся. Таково убо тогда православие! И сие еще кто же убо может подробну исчести, еже убо в житейских пребываниях, хожениих, и в покое, та же и во церковных предстояниих и во всяком своем житии и гонение и утеснений[б]? И тако убо сим бывающим: нам же сия бога ради вменяюще, мнящи убо, яко душевленая ради пользы сицевая убо утеснения творит нам, а не лукавства ради.

[28]Та же, по божию изволению со крестоносною хоругвию всего православного християнского воинства, православнаго ради християнства заступлением, нам подвигшимся на безбожный язык Казаньский и тако неизреченным божиим милосердием, иже над тем бесерменьским языком победу давшу, со всем воинством православнаго християньства здрава восвояси возвратихомся: что же убо изреку от тебе нарицаемых мучеников доброхотство к себе? Како убо: аки пленника всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и невернейшую землю![28] Аще не бы всемогущая десница вышняго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы. Таково тех доброхотство к нам, за кого ты глаголеши, и так за нас душу полагают, еже душу нашу во иноплеменных руки тщатца предати!

Та же, нам пришедшим во царьствующий град Москву, богу же милосердие свое к нам множещи и наследника нам тогда давшу, сына Дмитрея. Мало же времени минувшу, еже убо в человеческом случаетца, нам убо немощию одержиму быти и зельне изнемогшу, тогда убо еже от тебе нарицаемыя доброхоты восташа, яко пияни, с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем, мневше нас не быти[29], забывше благодеяния наших и своих душь, яже отцу нашему

целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас растояшеся в колене, князя Владимера; младенца же нашего, еже от бога данного нам, хотеша погубити подобно Ироду (как им не погубити!), воцарив князя Володимера. Понеже бо аще и во внешних писанных древних реченное, но обаче прилично есть: «царь убо царю не покланяетца; но, единому умершему, другий обладает». Се убо нам живым сущим таковая от своих подовластных доброхотства насладихомся: что же убо по нас будет! Та же божиим милосердием нам оздравившим, и тако сий совет разсыпася; попу же Селивестру и Олексею оттоле не престающи вся злая советовати, и утеснение горчайшее сотворяти, но доброхотным же нам гонения и разными виды умышляющи, князю же Владимеру во всем его хотение утвержающе, та же и на нашу царицу Анастасею ненависть зельну воздвигши и уподобляюще ко всем нечестивым царицам; чад же наших ниже помянути могоша.

[30]Та же собака, изменник князь Семен Ростовской, иже по нашей милости, а не по своему достоинству, сподоблен быти от нас синклитства, своим изменным обычаем литовским послом, пану Станиславу Давойну с товарыщи, нашу думу изнесе, нас укоряя и нашу царицу и наших детей; и мы то ево злодейство сыскавше, и еще милостиво над ним учинили казнь свою.[30] И после того поп Селивестр, и с вами, своими злыми советники, того собаку почали в велице брежении держати и помагати ему всеми благими, и не токмо ему, но и всему роду его. И тако убо отселе всем изменником благо время улучися; и нам убо оттоле в большем утеснении пребывающе; от них же во едином и ты убо еси: являнно, еже с Курлятевым сыном хотесте судити про Сицкаго.[31]

[32]Та же убо наченшеся войне, еже на[a] герман, — о сем же убо напреди слово пространнейши ся явит, — попу же Селивестру и с вами, своими советники, о том на нас люте належащу, и еже убо, согрешений наших ради, приключающихся болезнех на нас и на царице нашей и чадех наших и сия убо вменяху,

аки их ради, еже нашего к ним непослушания, сия бяху! Како же убо воспомяну, и еже во царьствующий град с нашею царицею Анастасеею с немощною от Можайска немилостивное путное прихождение?[32] Единаго ради мала слова непотребна! Молитвы же убо и прехождения пустым местам, и еже убо приношения и обеты ко святыни о душевном спасении, и о телесном здравие, и о всем благом пребывании нашем и царицы нашея и чад наших, и сия вся вашим лукавым умышлением от нас отнюдь взяшеся; врачевстей хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше.

И сице убо нам в таковех зелных скорбех пребывающим, и понеже убо таковая отягчения не могохом понести, еже не[а] человечески сотвористе, и сего ради, сыскав измены собаки Олексея Адашева со всеми его советники, [33]милостивно гнев свои учинили: смертные казни не положили, но по розным местом розослали. Попу же Селивестру видевши своих советников ни во что же бывши, сего ради своею волею отоиде, нам же, его благословив, не отпустивщу, не яко устыдившися, но яко не хотевшу судити[б] здесь, но в будущем веце, пред агнецем божиим, еже[в] он всегда служа и презрев лукавым обычаем, злая сотвори ми: тамо хощу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне. Того ради и чаду его сотворих и по се время во благоденьствии пребывати; точию убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебе, хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися? И понеже убо до[г] конца не весте християнского мнишескаго[д] устава, како подобает наставником покорятися; понеже бо немощни бысте слуха, требующим учителя лета ради, ныне же бысте требующе[е] млека, а не крепки пища; сего ради тако сия глаголет. И того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворих, яко же выше рех. А еже убо мирским[ж], подо властию нашею сущим, сим убо по коих измене, тако и сотворихом; испервa же убо казнью конечною ни единому коснухомся; всем же убо, к ним не приставшим, повелехом от них отлучатися, и к ним не пристаяти, и сию убо заповедь положивше и крестным целованием утвер-

дихом; и понеже[а] убо от нарицаемых[б] тобою мучеников и согласных им наша заповедь ни во что же положися и крестное целование преступивше, не токмо осташа от тех изменников, но и болми начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первой чин возвратити и на нас лютейшее[в] составити умышления; и понеже убо злоба неутолимая явися и разум неприклонен обличися, — сего ради повинныя по своей вине тако суть прияли.[33] Се бо есть по твоему разуму «сопротивно разуму обретеся, разумевая», еже вашей воле не повинуяся? Понеже убо, сами имуще совесть непостоятельну и крестопреступну, малого ради блистания злата пременну, се бо нам советуете[г]! Сего ради реку: о июдино окаянство сие хотение! От негоже избави, боже, душа наша и всех православных християн! Яко же бо Июда, злата ради, предаде Христа[д], тако убо и вы, наслаждения ради мира сего, православное християнство и нас, своих государей, предали есте, свои души забыв и крестное целованье преступив.

В церквах же, яко же ты лжеши, сия несть[е] было. Се убо, яко же выше рех, сего ради повинныя прияша казнь по своим винам, а не яко же лжеши, неподобне изменников и блудников нарицая мученики, их кровь победоносну и святу, и нам супротивных сильных нарицая мученики, и отступников наших воеводами нарицая; доброхотства же их и души их пологания за нас — сия вся изъявлена есть, яко же выше рекох. И не можеши рещи, яко не облыгани[ж] есть, но сия их измены всей вселенней ведомы, аще восхощеши, и варварских языцех увеси и самовидцев сим злым деянием можеши обрести, иже куплю творящим в нашем царствии и в посольственных прихождениих приходящим. Но сия убо быша; ныне же убо всем, иже и в вашем согласии бывшим, всякого блага и свободы наслажающимся и богатеющим, и никоея же им злобы первая поминаетца, в первом своем достоянии, чести суще.

И что еще? [34]На церковь востаете и не престающе нас всякими озлоблении гоните, иноплеменных язык на нас присовокупляюще всякими виды, гонения ради и разорения на кри-

стьяньство; яко же выше рех, на человека возъярився, на бога вооружился есть и на церковное разорение; гонению же — яко же рече божественный Павел: «аз же, братие, аще обрезания единаче проповедаю, что и еще гоним есмь; убо упраздднися соблазн креста. Но да и содробнятца развещеваюты сия!». И аще убо, яко же вместо креста, обрезание тогда потребна быша, тако и вам, вместо государя своего владения, потребно самовольство; но и ныне свободно есть: про что еще не престаете гонити?[34]

Се убо вся известно ти есть пространнейше, что убо по твоему разуму супротивным обрестеся разумеваяй совесть прокаженна. От безбожных же что и глаголати, яко ни во вселенней не обрящеши подобно согласно твоему бесовскому хотению! И сия вся явлена суть, яже от тебе сильных нарицаемым и воеводам мучеником, аще кая прилична им суть истинною, а не яко же ты, подобно Антеру и Енеи[а], предателем Троянским,[35] много соткав, лжеши. Доброхотство же и души полагание их выше реченное есть; облыгание же их им всем явленно есть во всей вселенней.

[36]Света же во тму прилагати не тщуся[б], и слаткое горькое не прозываю. А се ли убо свет, или сладко[в], еже рабом владети? А се ли тма или горкое, еже от бога данному государю владети, о немже многа словеса напреди пространнейша явленна? Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бо составной грамоте писал еси, похваляя еже рабом мимо господий своих владети. Тщужеся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истиннаго бога, в троицы славимого, и от бога данного им государя; а от междоусобных браней, ни строптиваго жития да престануть, имиже царьствия растливаютца. Се ли убо горко и тма, яко от злых престати и благая творити? Но се есть[г] сладко и свет! Аще убо царю не повинуются подовластныя, никогда[д] же от междоусобныя брани не престанут. Се убо злоба обычей сам себе хапати! Сам не разумея, что сладко — свет, что горко — тма, иных поучает. Или се есть сладко и свет, яко от благих пре-

стати и злая творити междоусобными браньми и самовольством? Всем явлена суть, яко несть[а] свет, но тьма, и несть сладко, и горько.

О провинении же и прогневании подовластных наших пред нами. Доселе руские обладатели не истязуеми[б] были ни от кого же, но вольны были подовластных жаловати и казнити, а не судилися с ними и ни перед кем; аще же и подобает рещи о винах их, ино выше реченно есть. Предстатели же называешь тленных человек, подобно еллинъскому блядословию: яко же бо они богу равно уподобляху Аполона, и Дия, и Зефеса и иных множайших прискверных человек, яко же рече в богословеи тезоименитый Григорей, в своих словесех торжественных пиша: «Не Дию си рожества и крадения, судия Критом[в], мучителя, ни юношам гласы, а плища и плесания вооруженна, богу плачюся глас покрывающе, яко да утаитца отцу чадоненавидцу; люто бо бяше яко младенцу плакатися, яко камени поглащенному, ни Фриигиская резания и пискания и елико о Реи[г] человецы бесятца. И Дионисия, и стегну болящая и без времени рождение, яко другоицы глава прежде; и Фивеем безумие, сего почитающе и Семелиею молния покланяема; и лакидонъским юношам[д] струженым ранами, имиже почитаетца богиня. Где ли Екати темныя и страшныя мечты и Строфиниева по земли играния и волшвения. Ниже Осиродова томления, другая напасть чтомы Египтяны, ниже Исиды безчестия. Им же присно особна; кому же до требы, и торжество и общее на всех злочестие. Ино се убо точию люто, еже сотворенно добрыми делы во славу и хвалу творца и божественному подобию, елико мочна, стремления быти всяким страстем, жирующим зле и поядуще внутренняго человека, но еже и боги поставити спомошники страстем, да не точию неповинно будеть прегрешение, но божественно мнетися, в такий текающе ответ поклоняемая. Ина множайшая скверная еллиньская деяния, яко же от страстей[е] от них боги почтошася, блуда и ярости, неудержания и похоти желания. И елико убо хто от них коею страстию одержим бяше, то подобна своей страсти

и бога себе избираше,[а] и в онь верующе, яко же Ираклия блуда,[б] Крона же ненависти и вражды, Ариса же ярости и убивства, Деониса же гудения и плесания, иныя же от страстей и боги почтошеся». Сим же и ты уподобляяся по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати, продерзая славы не трепещуя. Яко же убо еллини подобно своим страстем боги почитаху, тако же и ты, подобно своей измене, изменников похваляеши; яко же убо онем страсть прикровеньна богом почитаема, тако же убо и ваша измена покрываема равно правде почитаема. Мы же убо, християне, веруем в троицу славимаго бога нашего Иисуса Христа, яко же рече апостол Павел: «Имамы убо нову завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величествия на высоких, иже, открыв завесу плоти нашея, всегда проповедает о нас, от их же волею пострада, очистив кровию своего завета новаго». Та же и Христос рече во евангелии: «Вы убо не[в] нарицаетеся наставницы, един убо наставник ваш — Христос». Мы убо, християне, знаем предстатели тричисленное божество, в ней же познание приведени быхом Исус Христом богом нашим, тако же заступницу християнскую, сподобльшуюся быти мати Христа бога нашего, пречистую богородицу; и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангелы, аггелы, яко же Моисею предстатель бысть архангел Михаил, Исусу Наввину и всему Израилю; та же во благочестии, в новой благодати, первое ему, християнскому царю, Коньстянтину, невидимо предстатель Михаил архангел пред полком его хожаше и вся враги ево побежаше, и оттоле даже и доныне всем благочестивым царем пособствует. Се убо имеем предстатели, Михаила и Гаврила и прочих всех безплотных, молитвенники же имамы к богу пророцы и апостоли, святители и мученики, лик преподобных исповедник и безмолвник, и мужей и жен. Се убо имеем предстатели християнския. О тленных же человецех, — не веми их предстатели нарицати. Не токмо сия не подобает подовластным[г] нашим, но и нам, царем, неприлично есть нарицатися предстатели: аще убо перфиру носим, златом и бисером украшену,

но обаче тленны есми и человеческою немощью обложени. Та же убо не стыдяся тленных и изменных человек предстатели нарицати, Христу глаголющу во святом евангелии: «еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом». Ты же на изменных и тленных человек, не токмо человеческую высоту восхищая, покладаешь, но божию славу восхищаеши[а]! Подобно еллином, иступив ума, неистовишеся, бесному подобяся; во своей страсти тленных и[б] изменных человек избирая, похваляешь, яко же еллины своих богов почтоша! И ови убо режущеся и всякими пагубами себе погубляюще, в почесть богом; овии же всяким страстем вдашесь, богом подобящеся, яко же рече божественный Григорей: «се убо сквернительство почтоша и свереньству вероваша», тако же убо и тебе подобает. Яко же убо они предскверным своим богом последоваша, тако и тебе своим изменным другом сострадати страстей их подобает и погибнути. Яко же бо еллины неподобно скверных человек боги нарекоша, так и ты неподобно тленных человек мученики нарицая, и того ради подобает тебе в праздники мучеников своих резания, и страдания, и плесания, и гудения приносити. Яко же еллини, тако же и тебе подобаеть; яко же они пострадаша, тако и тебе мучеников своих в праздники страдати![36]

[37]А еже писал и то, бутто те «предстатели предгордыя царства разорили и подручны нам их во всем сотворили, у них же преже в работе были праотцы ваши», — се убо разумно есть, еже едино царство Казаньское; от Астрахани[в] же, неже близ вашея мысли было, не точию дело. О бранной же сей[г] храбрости свыше начну ти обличати. Безумие! Како убо, гордостию дмяся, хвалишися! Како бо[д] прародителем вашим и отцем и дядем, в какове разуме, храбрости суще[е] и помысла попечения, яко вся ваша храбрость и мудрость ни к единому же их сонному видению подобно, и такие храбрыя и мудрыя люди и ником же понужаеми, но своими хотении, а не яко же вы, еже понужаеми на рать и о сем скорбяще, — и такие храбрые тринадесять лет[ж] до нашего возраста не могоша от варвар хри-

стиян защищати! По апостолу Павлу реку: «бых вам подобен, безумен хваляся, понеже вы мя понудисте, власть бо приемлете, безумни, аще кто вы поедает, аще кто в лице бьет, аще кто величится; по дасождению глаголю». Всем убо явленны суть, какова тогда злая пострадаша от варвар православнии, от Крыма и от Казани: до полуземли[а] пусто бяше. И егда начаша, восприяхом з божиею помощию еже брани на варвари, егда первое посылахом на Казаньскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулиньского с товарыщи, тако вы глаголали есте, яко мы в опале своей послали, казнити их хотя, а не своего для дела. Ино, се ли храброство, еже службы ставите во опалу? И тако ли покоряти прегордые царства[б]? Тако же, сколко хождение не бывало в Казанскую землю, когда не с понуждением, с[в] хотением, ходисте? Егда же бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский християнству[г] покори, и тогда како[д] не хотесте с нами воевати на варвары, яко боле пятинадесять тысещь, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша![37] И тако ли прегордые царства разорять, еже народ безумными глаголы наущати и от брани отовращати, подобно Янущу Угорскому?[38] Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопоша,[39] како три дни стояв[е], хотесте во свояси возвратитися! И повсегда не хотесте во многопребывании подобна времени ждати, но глав своих щадяще, ниже бранныя победы смотряще, точию: или победив наскоре, или побежденным бывшим, скорейши во своя возвратитися. Тако же и воины многоподобныя, возвращения ради скораго, остависте, еже от сего много пролитья крови християнския бысть. Тако же убо и в самое взятье града, аще бы не удержал вас, како напрасно хотесте погубити православное воиньство, не в подобно время брань начати? Та же убо по взятии града божиим милосердием, вы же убо, вместо строения, на грабление текосте! Тако ли убо царства разоряти, еже убо ты, безумием дмяся, хвалишися? Иже ни единыя похвалы, аще истинною рещи, достойно есть, понеже вся, яко раби, понужением сотво-

ристе, а не хотением, и паче же с роптанием. Се убо похвално есть, еже хотением желания брани творити. Подручна же тако царствия сия сотвористе нам, яко же множае седмь леты миж сих царств[а] и нашего государствия бранная лютость не преста! [40]Егда же Олексеева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако царствия нашему государьствию во всем послушны учинишеся, и множае треюдесять тысящь бранных исходит в помощь православию. Тако бо предгордые царства[б] разорили и подручны нам сотворили! Тако же нашь промысл, попечение о православии и тако сопротивен разум, по твоему злобесному умышленпю!

Сие убо от Казани; от Крыма[в] же и на пустых местех, идеже зверие бяху были, и ту грады и села устроишася. Что же убо и ваша[г] победа, яже Днепром и Доном? Колико убо злая истощания и пагуба християном содеяшеся, сопротивным же не малыя досады! О Иване же Шереметеве что изглаголати? Еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению, случися такая пагуба православному християньству. Се убо такова ваша вера и доброхотная служба, и тако прегордая царства разоряете и подручны нам сотворяете, яко же выше явихом.[40]

О ермоньских же градех глаголешь, яко тщанием разума[д] изменников наших от бога нам дано. Но, яко же научение от отца своего диявола, всею лжею глаголати и писати! Како убо, егда начася брань, еже на гермоны, тогда посылали слугу своего царя Шигалея и боярина своего князя Михаила Васильевича Глиньского с товарыщи, гермона воевати, и от того времени от попа[е] Селивестра и от Олексея и от вас какова отягчения словесная пострадах, ихже несть подробну глаголати! Еже како скорбная не сотворитца нам, то вся сия германа ради случися! Егда же вас послахом на лето на гермоньския грады (тобе тогда сущу в нашей отчине, во Пскове, своея ради потребы, а не нашим посланием), мне же убо седми посланник наших к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичю Шуйскому, и к тебе послахом; вы же едва поидосте с малейшими людьми, и нашим многим поминанием[ж] множае

Выезд больной царицы Анастасии.

Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи.

Первое послание Курбскому.

Л. 314 об. из списка Археографической комиссии.

пятинадесять градов взяша. Ино се ли убо тщанием разума вашего, еже нашим посланием и напоминанием грады взяша, а не по своему разуму? Како же убо воспомяну о гермонских градех супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукаваго ради напоминания Датцкого[а] короля, лето цело[б] дасте безлепа рифлянтом збиратися?[41] [42]Они ж, пришед пред зимним временем, и сколько тогда народу християньского погубили! Се ли тщание изменников наших, да и ваше благо, еже тако народ христианский погубляти! Потом послахом вас с начальником вашим Олексеем со многими зело людьми; вы же едва един Вильян взясте, и тут много наших народу погубисте. Како же убо тогда от литовские рати детцкими[в] страшилы устрашистеся! Под Пайду же повелением нашим неволею поидосте, и каков труд воином сотвористе и ничто же успесте! Таково убо тщание разума вашего, и тако предтвердыя грады гермоньския тщалися есте утвержати? И аще не бы ваша злобесная претыкания была, и божиею помощию, уже бы вся Германия была за православною верою лето же. Оттоле литаоньский язык и гофинский и ина множейша воздвигосте на православие.[42] Се тщанием разума вашего и тако хотети утвержати православие?

А всеродно вас не погубляем; а изменником везде казнь живет: в кою[г] землю поехал еси, тамо о сем пространнейши[д] явлена увеси. А за такие ваши послуги, яже выше рехом, достойны были есте многих казней и опалы; но мы еще с[е] милостию к вам опалу свою учинили; аще по твоему достоиньству и ты к недругу нашему от нас не уехал, и в таком деле, во граде нашем не был бы еси, и утекания было тебе сотворити невозможно, коли бы в том тебе не верили. И мы, тебе веря, в ту свою отчину послали, и ты так сабацким обычаем измену свою учинил.

[43]Безсмертен же быти не мняся, понеже смерть Адамский грех, общедательный долг всем человеком; аще бо и перфиру ношу, но обаче вем се, яко по всему немощию, подобно всем

человеком, обложен есмь по естеству. А яко же вы мудрътвуете, еже свыше естества велите быти ми, — от ереси же всякой. Яко ж выше рекох, благодарю бога моего, вем благочестие отчасти утвердити по божию дарованию, елика ми есть сила. Сие же смеху подлежит, еже человеком яко же скотом быти; аще ли же тако, то уже в человецех пара, а души несть: се убо ересь саддукейская! Сице бо ты неистовишеся, без ума пиша! Аз же верою Страшному спасову судищу, хотящим прияти душам человеческим и телеса их, с ними же содеяшася, кождо противу делом его, вси вкупе во едином лику разлучени надвое: царие и худейшая чадь, яко братия истязани будут, кождо противу делу своему. А еже писал еси, аки не хотя уже неумытному судищу предстати, — ты же убо на человеки ересь покладаеши, сам подобно манихейстей злобесной ереси пиша! Яко же они[а] блядословять, еже небом обладати Христу, землею же самовластным быти человеком, преисподними же дияволу, тако же и ты будущее судище проповедаешь, зде божиих наказаниих, приходящих согрешения ради человеческаго, призираешь. Аз же исповедую[б] и вем, яко не токмо тамо мучение, яже зле живущим, преступающим заповеди божия, но и здесь праведнаго божия гнева, по своим делом злым, чашу ярости господня испивают и многообразными наказании мучатца; по отошествии же света сего, горчайшая осуждения приемлюще, ожидающе праведного судилища спасова, по осуждении же бесконечнаго мучения приемлюще. Сице аз верую Страшному судищу спасову. Та же се вем: обладающа Христа небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на земли и преисподняя состоятца его хотением, советом отчим и благоволением святаго духа; аще ли не тако, сия мучение[в] приемлют, а не яко[г] же манихея и яко же блядословиши о неумытном судище спасове, ака не хощем предстати Христу богу нашему ответ дати о своих согрешениих, вся ведующему сокровенная тайная. Аз же убо верою, от всех своих согрешениих вольных и невольных суд[д] прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих,

но подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешитца: како же твой разум смеху не подлежит, яко аще тление властели множицею на судищи неволею привлечают, царю же царем и господу господем всеми владеющему како не повинутися? Аще кто безумен и не хощет, то от божия гнева где укрытися? Иже неодержимую превыспреняя, яже на воздусе держаще, воду яже бездна обуздовающий и моря востезующе божия мудрости, ему же дыхание в руце всех сущих, яко же рече пророк: «Аще взыду на небо, ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси. Аще возму криле мои рано и вселюся в последняя моря, и тамо бо наставит мя рука[а] твоя и удержит мя десница твоя. Не утаися кость моя от тебе, яко же сотворил еси втайне, и состав мой в преисподних земли». Сице убо аз верую неумытному спасову судищу. И от божия десница всемогущия[б] живым и мертвым кому возможно куды украстися? Вся нага и отверста пред ним.[43]

[44]Предгордых гонителей вем Христа бога нашего истиннаго[в] противника, яко же рече писание: «господь гордым противитца, смиренным же дает благодать». Станем же убо о сем разсужение имети, кто прегорд: аз ли, еже от бога повинным ми рабом бо повелеваю хотение свое сотворити; или вы, еже по божию велению моего владычества и своего и работнаго ига[г] отметаетеся[д], яко господие повелеваете мне свою волю творити, и поучаете, обличаете, учительский сан на ся восхищающе? Яко же рече божественный Григорий к надеющимся юности и во все время дерзающим быти учителем: «Ты же прежде брады учиши старца: или учити веруешь ни[е] от возраста, ни ото нрава никако имый? Что посем? Данил зде и оньсице, юнный судья, и притча на языце: всяк убо обидяй[ж] в ответ готов, но не[з] закон церкви скудно. Яко же ни едина ластовица весну творит, ни письмо едино землемерца или корабль един море», такоже убо и ты, ни от кого же положен, учительский сан восхищаеши. Се ли[и] горд, яко владыце раба учити, или се горд, яко рабу владыце повелевати? Может же се и невежа разумети. Како же, собака, и того не разсудишь,

како трие патриархи собрашася со множеством святителей к нечестивому Феофилу царю, и многосложный свиток послаша; и таковая хуления, яко ж ты, не писаша, аще нечестив бяше царь Феофил: благочестивому же ноипаче подобает смиреннейше вещати, да от бога сам милость обрящешь. Аз же верую Христу богу нашему, яко ниже движением сердечным таковая согрешения имею; и аще убо они, власть имея, и нечестивому не хулиша, ты же кто есть, сан восхищая, неистовяся хулиши? И хощете закон божий нуждею утвердити — и своим злобесным хотением вся апостольская предания попираете; апостолу убо Петру глаголющю: не яко обладающе ряду, но образи бывающе стаду, не с нуждею, но волею, ни мшелом, прибытком; вы же всяко призираете.[44]

[45]Гонения же аще на люди воскладаете: вы ли убо с попом и с Олексеем не гонили? Како убо епископа Коломеньского Феодосия, нам советна, народу града Коломны повелесте каменнием побити? Его бог ублюде, и вы его со престола согнали. Что ж о козначее нашем Никите Офонасьевиче? Про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточение много лет, в дальных странах, во алчбе[а] и наготе держасте? И аще убо вся гонения ваша исчести кто доволен может[б] за множество, церковных же и мирских! Кто мало нам послушен, те все гонисте. Или убо се праведно, яко зшивая сети и поляцания, подобно бесом твористе? Сего ради убо паче беззаконно, яко подобно фарисейскому кичению твористе: внеуду являющеся праведники, внутрьуду же полну лицемерия и беззакония; тако и вы, внеуду бо будто исправления ради гонисте, являющеся человеком, внутрьжеуду свое неправедное хотение гнева исполняете; и сие ваше гонение всем разумно суть. Истязания же не токмо до власти, но и в движение сердець, яко же рече пророк: «несоделанное мое видесте очи твои, и в книзе твоей вси напишутца», но токмо не ты сему судитель.[45] Яко же в Старчестве реченно есть еже о Иванне Колове: егда брата осуди, в велице лавре живуще, во пьяньстве и в блуде и в прочих неудержаниих, и тако скончашеся. Он же востена и тако виде

себе восхищенна в видении, пред великим градом приведена и господа нашего Иисуса Христа седящаго на престоле, и собори множества ангел окрест предстояще. И души оной усопшей приношение ко Ивану[а], осуждения ея от него вопрощающе аггелом, в кое место повеле ей вселитися, оному же безответну сущу. И егда приближишеся водящи его ко вратом иисусовым, возбранен бысть внити я, и речеся глас иисусов издалеча: «Се ли есть антихрист, восхищая суд мой?». И тако убо по глаголе сем аки гониму, и вратом затворшимся, и мантии с него сняте бывше, еже есть покров божий. Оному же возбнувшу от видения, и мантии не обрете на большее извещение. Оному же по сем пятнадесят лет страдавшу по пустыни, ниже зверя, не токмо человека видевшу, и тако по таковем страдании сподобися тако же видение и мантию и прощение прия. Смотри же, бедник, яко не осуди, но[б] возстена, и како пострада страшно, аще праведен! Кольми же паче постражут, иже[в] нечестие многа сотворяюща и божий суд на ся восхищающе, и гордящеся с прещением осужающе, а не сетующе с милованием. И аще о сетовании такова пострада, кольми же паче осуждаяй постражет!

Судителя же приводишь Христа бога нашего между мною и собою, и аз убо сего судища не отметаюся. Он убо, господь бог наш Иисус Христос, судитель праведный, испытая[г] сердца и утробы, аще хто помыслит что, и в мегновении ока вся суть нага и отверста пред ним, несть иже укрыетца теплоты очию его, вся ведуще ему тайная и сокровенная; и сие убо весть, за какое дело[д] востасте на мя и что ваша ненависть ко мне, и что исперва пострадасте от мене, аще и последи, по вашему безумию, милостию месть вам воздах[е]. Но обаче вы соблазн всему и начало злу[ж], понеже убо, яко же рече пророк, мнясте мя червя, а не человека, и о мне глаголете, седяще во вратех, и о мне пиете, пиюще со други своими вино; к сим убо всем лукавым вашим советом и умышлением, судитель истинный Христос бог наш. И ты убо судию Христа приводишь, дел же его отмещешися: оному

убо глаголюще: «солнце не зайдет во гневе вашем», ты же и на суд хощеши ити убо без прошения милости да творящих напасти отрицаешися.

[46]Зла же и гонения безлепа от мене не приял еси, и бед и напастей на тебя не подвигли есми; а кое и наказание малое бывало на тебя, и то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники. А лжи и измен, ихже не[а] сотворил еси, на тебя не возваживали есми; а которые свои преступки делал, и мы по тем твоим винам потом и наказание тебе чинили. Аще ты наших опал, за множество их, не можешь изрещи их, како убо может вся вселенная исписать измен и утеснения, земьских и особных, еже вы своим злобесным умышлением сотвористе на мя? А всего тебя есми не лишевали, и от божия земли не отгнали, но сам еси себе от всех лишен[б] и на церковь востал, подобно Еутропию скупцу, — не церковь бо его пре́даде, но он сам от церкви отторжеся; тако же убо и ты: не божия земля тебя[в] от себе отогна, но ты себя от божия земли оторгнул еси и на ее пагубу востал еси. Злую же и непримирительную ненависть кою воздах тебе? Видяще тя от всюду от юности твоея и водворении нашем и в синклитство, и до нынешней твоей измены всячески дышуще на пагубу нашу, и достойных мук по твоему злоумию не воздахом. Се ли убо зло и непримирительная ненависть, еже видяще тя о главе нашей злая советующая и в такове приближении и чести и многоименстве держахом выше отец твоих, еже вси видят, в какове чести и богатстве родители твои жили, и како убо отец твой, князь Михайло, в кокове жалованье и в богатстве и чести был[2]. Се вси видят, како же пред ним ты, и колко у отца твоего начальников по селом, колико же у тебя. Отец твой был, князь Михайло, Кубенского боярин[г], понеже он ему даде, ты же наш: мы тебя себе сей чести сподобихом[е]. Се ли убо не довольно чести и имения и воздаяния? Всех еси лутчи был отца нашим[ж] жалованием, а храброванием его хужейша еси, изменою пришел[з] еси. Аще таков, почему недоволен еси? И сѐ ли твое благое и возлюбленое, еже повсегда сети и

претыкания нам полецал еси конечне, еже подобно Иуди, на пагубу душу получил[а] еси?[46]

[47]И аще кровь твоя, пролитая от иноплеменных за нас, по твоему безумию, вопиет на нас к богу, и еже убо не от нас пролитая, тем же убо смеху подлежит сия, еже бо от иного пролитая и на иного вопиет, паче же и должная[б] отечеству си совершал еси: аще бо сего не сотворил еси, то неси[в] еси был християнин, но варвар. И сие к нам прилично: кольми же паче наша кровь на вас вопиет к богу, от вас самех пролитая, не ранами, ниже кровными потоки, но многими поты и трудов множество от вас отяхчения безълепа, яко по премного от вас отяготехомся паче силы! И от многаго вашего озлобления и скорбления и утеснения, вместо крови, многи излияшеся наших слез и воздыхания и стенания сердечнаго; и от сего[г] убо пречрезлие прият, еже убо и конечному люблению не сподобисте мя[д], еже о царице нашей и о чадех наших не поскорбисте со мною. Убо сицевое[е] на вы вопиет к богу моему, паче общаго[ж] вашего безумия, понеже убо ино за православие пролиясте кровь свою, иное же, желая чести и богатества. И сие убо богови неприятно есть; паче же удавления вменяетца, еже славы ради умрети. Мое же утеснение и вместо[з] крови пролитие от вас самех приях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим злым сеянием оскорбления строптивнаго, жития не престает[и] се, убо наипаче на вас беспрестани к богу вопиет! Совесть же свою испытал еси не истинно, но лестне, сего ради ни истинны не обрел еси, понеже во едином войске испытал еси, а еже убо нашей главе твоего нечестия[к], сие презрел еси; посему мнишися и неповинен быти[л].[47]

[48]«Победы пресветлыя и одоление преславное» когда сотворил еси? Егда убо послахом тя во свою отчину, в Казань, непослушных нам повинути, та же, и в повинных место, неповинных наших привел еси, измену на них возложа; на них же послахом тя, никоево же зла им не сотворил еси. Егда в нашу вотчину, на Тулу, недруг наш Крымъской царь пришол, и мы вас тогда послахом; оному же устрашившуся и во своя воз-

вратившуся, воеводам ево Акмагмет улину не со многими людьми оставшуся, вы же поехасте ясти и пити к воеводе нашему, ко князю Григорью Темкину, и едчи[а] поидосте за ними, они же от вас отъидоша[б] здравы. Аще убо и вы раны многи претерпесте, но обаче победы благи никоея же не сотвористе. Како же убо под градом нашим Невлем: пятьюнадесять тысяч четырех тысеч не могосте[в] победити, и не токмо убо победисте, но и сами от них язвени едва возвратишася[г], сим ничто же успевшу? Се ли убо пресветлая победа и одоления преславно и похвально и честно? Иная же убо не твоей власти бяху: сия убо тебе непохвалу и не восписуетца![48]

А еже убо мало рождешия своея[д] зрел еси, жены своея мало познал еси[е], и отечества своего оставил еси, но всегда в дальных конных градех [49] наших противу наших врагов ополчался еси и претерпевал еси естественныя болезни, и ранами учащен еси от варварских[ж] рук, в различных бранех, и сокрушенно уже ранам все тело свое имееши, — и сия тебе вся сотворишеся тогда, егда[з] вы с попом, с Олексеем владесте. И аще не годно, почто тако творили есте? Аще творили есте, почто сами, своею властию сотворив, на нас словеса всклядываете? Аще ли же и мы бы сие[и] сотворили, и сие несть дивно; но понеже[к] бо сие должен нашему повелению в вашем служении быти[л]. И аще бы муж браненосен был, не бы еси исчитал бранныя труды, но паче на преднейшая простирался; аще ли же исчитаеши бранныя труды, то сего ради бегун явился, яко не хотя бранных трудов понести, и сего ради во упокоении пребывает. Сия ли же твоя худейшая браньненосия нами ни во что же поставлена, еже ведомыя измены твоя и яже претыкания о нашей главе тебе презренна быша, и яко един от вернейших слуг наших был еси славою и честию и богатеством? И аще бы не тако[м], да каких казней за свою злобу достоин еси был[н]! И аще бы на тебе не было нашего милосердия, не бы возможно было угонзнути к нашему недругу, только бы тако наше гонение не было, яко же по твоему злобесному разуму писал еси. Бранныя же дела твоя вся нам в ведоме. Не мни мя нера-

зумна суща ниже разумом младенчествующа, яко же начальницы ваши поп Селивестр и Олексей неподобно глаголали. Ниже мните мя децкими страшилы устрашити; яко же прежде таковаго и не сотвористе, ниже мнисте, яко же ныне таковая сотвористе[а]. Яко ж в притчах реченно есть: «егож не можеши яти, не покушайся имати».

Мздувоздателя же бога призываеши; воистинну то есть время мздоваздатель всяким делом, благим же и злым; но токмо подобает разсуждение имети человеку, како и противу каких дел своих кто мъздовоздаяние приимет? Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшнаго суда божия[б]: лице же свое драго показуеши! Хто же убо желает такова ефиопьска лица видети? Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже серы очи имуща? Понеже вид[в] твой злолукавый нрав исповедует![50а]

[51]А еже убо не хощеши молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и пречистой владычицы богородице и всем святым, — воспомяни же к сему, окоянне, аще бы праведне молился еси, рече на нас в послании божественнаго о Поликарпе епискупе: «И аще хощеши и божественнаго видения, святаго некоего мужа воспомянем, и да не посмеешися, истинно бо хощю рещи. Бывшу ми некогда в Крите, священный странноприят мя Карп мужь, и аще кто другия многия ради чистоты ума к боговидению прикладнейша, ибо ниже святые тайны, службы начинаше не прежде тамо в предочистителных молитвах священному благосродному видению явльшеся. Глаголеши бо, яко оскорбльшу его некогда[г] от неверных некоему; скорбь же убо, яко от церкви он некоторого ко безбожию прельсти, еще иларионьским днем от того совершаемом. Потреба бяше от обою[д] боголепне по милости бога и спаса помощника приимшу, овогда убо возвратити их, но все дни прежде сего пострадав. Не вем, како тогда многое озлобление некоторое и[е] горесть показав, возлеже спати, убо сице злея имея[ж] (вечер бо бе); о полунощи же (обыче бо в то время сам в себе божественным пением бодръствовати) востает убо, ниже снов самех многих сущих и присно присе-

цаемых вне смущения насладився. Стоя же, обаче в божественней беседе, неблагочестивне скорбяще и тужаще: не быти праведно, глаголя, аще живи будут мужие безбожнии, развращающа пути господня правыя. Глаголя молящеся богу[а]: пожжением[б] некоим но обою в конец немилостивне улишити живота. Сия же рече, глаголаше, славу видети; внезапу же дому,[в] в нем стояше, поколебавшуся, первие и з верха две половины разделившуся, и некое огневъство многосветлое, сопреди ему, и то (мняше бо прочее бес покрова места) от небесных страны, даждь до того доле носимое. Небо же само откровенно, и на рамени[г] небесном Иисуса[д], безмерным человеком виде и ему предстоящим аггелом. И сия убо свыше зритца и тамо удивитися. Долу же преклонься, Карп видети, рече, в земли самое зелную некую пропасть и темную разседшуся; и мужи убо оны[е], их же кленяше, пред ним на устех стояти пропасти, трепетных и умиленны, елико несносимыя от своих ног[ж] непостояния. З долу же от пропасти[з] змием воспользовати, а ногами их подвизати. Когда[и] оттязатися, со обращающимся вкупе и отегчевающим и влекущим; когда зубы[к] ли опашми биющим, или скоктающим, всегда в[л] пропость коврещи козньствующих. Быти же и мужем некоим посреди змии, на мужие востающим, колеблышим вкупе и пореблющим и биющим; мняху же быти ко яже пастися оной, убо не хотяще, ово же хотяще от зла помалу понуждем вкупе и повинуемы. Глаголаше бо Карп, себе радоватися доле зряще, горких же не брещи[м]. Стужати же и пренемогати, яко не подоша уже, и вещию многажды на них востающих, и изнемогоша, и скорбети[н] и кляти. И возникъше егда видети убо паки небо, яко же и первие видети, Иисуса же помиловавше бывшее, востати с небесного престола, и даждь до тех воставшаго, и руки благую подати, и аггелом ему соприемлюще иному отинюду держати мужи; и рещи Карпу, Иисусови руце убо простерто: Бий мене прочее, готов бо есмь и паки за человеки спасаемыя пострадати, и любезно ми се есть[о], не иным согрешающим человеком; обаче зри, аще добре[п], имаши и ты, еже в пропасти со

змиями пребывание заминяти же з богом и благими и человеколюбивыми аггелом. Сия суть, яже аз слышах. Верую истинна быти». И аще убо такова праведна и свята мужа и праведне молящеся на погибель не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебе[а], пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедне на злую волю молящеся, не послушает. Яко же рече божественный апостол Ияков: «Просите и не приемлете, зане зле».

Великого священномученика Поликарпа видение, еже молящеся на еретиков, иже сметевших божественную службу, о погибели их. И како виде не яко во сне, но явственно, на молитве стоя, аггельскаго владыку, на плещу херувимьскую седяще, и земли убо зинувше пропастию великою, змию оттуду страшно дыхающу[б]; онем же яко осужденником руце опаки связаны имуще и х пропасти оно влеком, иже ини поползновение бяху, еже в пропасть сорну впасти. Святому мужу Поликарпу тако от зелныя ярости гнева разжегся, оставивше ему пресладкого ми Иисуса видения, и прилежно смотрящи погибели муж онех. Тогда убо аггельский владыка с плещу херувимскую сниде и ем мужий онех[в] за руку, плещи же свои представи Поликарпа и рече: Аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, понеже и преж сих ради плещи свои вдах на раны, да вся в покояние вмещу. И аще убо такова праведна и свята мужа, праведне[г] молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебе, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедна, на злую волю молящуся не послушает. Яко же рече божественный апостол Ияков: «Просите и не приемлете, зане зле просите[д], да в сластех ваших изживете». Обаче же верою богу моему: «болезнь твоя на главу твою да обратитца».[51]

[52]О преподобнем князе Феодоре Ростиславиче, — сего аз на суд желательно приемлю, аще и сродник вам есть, понеже бо святии видят меж нами и вами, яже от начала доднесь, и то убо праведно разсудить. И еже убо нашу царицу Анастасею, вами уподобляемую[е] Евдоксию[ж], како сопротив вашего жела-

тельного злаго немилосердого умышления и хотения святый преподобный князь Феодор Ростиславич, действом святаго духа, царицу нашу от врат смертных воздвиг же? И се убо ноипаче явлено есть, яко не вам способствует, но нам, недостойным, милость свою простирает. Та же и ныне способника уповаем ему быти нам паче, не вам, понеже, «аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте[а] творили; может бо бог и от камени сего воздвигнути чада Аврааму». Не все бо, изшедшии из Авраама[б], семя Авраамле причитаетца, но живущи по вере Авраамове, се суть семя Авраамле.[52] Суемудренными же мысльми ничесо же помышляем, ни творим, по льсце степени и ног своих не утвержаем; но елика наша сила, крепчайша разума испытуем, и на твердей степени, утвердив ноги своя, стоим неподвижно.

Прогнанных же от нас несть никого же, развее сами от православия отторгошеся. Избиенныя же и заточенныя по своим делам, яко же выше рех, по тому тако и прияша. Понеже убо неповини ся глаголете, се убо ноипаче злобу совершаете, яко убо, сотворив зло, и непрощен грех хощете имети. Не тако убо[в] грех творитца зол, егда творитца; но, егда по сотворении познание и раскаяние не имает, тогда убо грех злейший бывает, понеже законопреступление аки закон утвержаетца. Радовати же о сих одоление ни о чесом, яко своих подовластных изменных сих видети, по их изменах и казнити. Но обаче о сем скорбети подобает, яко сицевых злобесных разумов взястеся, еже во всем богоданному владыце сопротивитися. Убиенным же по своим изменам у престола владычня предстояти, како убо возможно есть, паче же человеком неведомо. Вы же изменники, аще вопиете бес правды и не приемлете, яко же вышереченно бысть, понеже сластей ради просити.

Ни о чесом же убо хвалюся в гордости, и никако же убо гордения жалаю, понеже убо свое царское содеваю и выше собя никого же не творю. Паче вы убо гордитеся дмящеся, понеже, раби суще, святительский сан, царский восхищаете, учаще, и запрещающе, и повелевающе. На род же християн-

ский[а] мучительных сосудов не умышляем, но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подовластных же своих благих благая подаваем, злым же злая приноситца наказания, не хотя, ни желая, но по нужди, их ради злаго преступления, и наказание бывает; яко же реченно есть во евангелие: «Егда убо состареешися, воздежеши руце свои, и ин тя пояшет и ведет тя, аможе не хощеши». Видиши ли, яко многожды и не хотяще, случаетца по нужди законопреступным наказание. [53]«Наругающе же и попирающе аггельский образ, согласующим ласкатели» — не вемы, развее останков вашего злаго совета! Безсогласных же бояр у нас несть[б], развее другов и советников ваших,[53] иже ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавыя не престающая в нощи содевающа, яко же рече пророк: «Горе содевающим совет зол до заутрея и гонящим свет[в], да в совету своем сокрывают праведнаго», или яко же рече Иисус ко пришедшим к нему яти его: «Яко на разбойники ли изыдосте со оружием и з дреколием яти мя. По все дни бех при вас, уча в церкви, и не простросте руки на мя; но се есть ваша година область темная». Губители же души нашей и телу несть у нас. И се убо паки детцкая помпнаеши, — и сего ради убо яко не хотевшим в детстве быти в воли вашей, гонения нарицаете. Вы же владетели и учители повсегда хощете быти, яко младенцу. Мы же уповаем на милость божию, понеже [54]доидохом в меру возраста исполнения христова и, кроме божия милости и пречистыя богородица и всех святых, от человек учения не требуем, ниже бо подобно есть, еже владети множества народа, от инех разума требовати.[54] [55]От Кроновых бо жерцех — еже подобно псу лая или яд ехидны[г] отрыгая; сие неподобно писал еси: еже убо сице родителем своим чадом сицевая неудобствия творити, паче же и нам, царем, разум имущим, како уклонитеся на сиебезлепие творите? Сия[д] убо вся злобесным своим собацким умышлением писал еси. А еже свое писание хощеши во гроб вложити, се убо последнее християньство и свое отложил еси. Еже бо господу повелевшу еже не проти-

витися[а] злу, ты же убо и обычное, еже невежды имут, конечное прощение отвергл еси; и посему бо неподобно и пению над тобою быти.[55]

В нашей же вотчине, в Вифляньской земле, град Владимер недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши,[56] — се убо свою злобесную собацкую измену до конца совершаеши. А еже от него надеешися много пожалован быти, — се убо подобно есте, понеже убо не хотесте под божиею десницею власти быти, и от господа данным, нам, владыкам[б] своим, послушным и повинным быти нашего повеления, но самовольством самовластным же; сего ради такова себе и государя изыскал еси, еже по своему злобесному собацкому хотению, еже ничем же собою владеюща, но паче худейша худейших рабов суща, понеже от всех повелеваем, а не сам повелевая. Паче же утешен не можеши быти, понеже тамо особь кождо о своем печется: «хто же бо убо тя от насильных[в] рук обидячего восхитити возможет, иже сиру и вдовице суду не внемлющих», иже вы — желающая на християнство злая составляти![57]

[58]Антихриста же вемы: ему же вы подобная творите, злая советующи на церковь божию. От насильных же во Израили и от розлияния крови выше писах; потаки же никаким[г] не творих, паче же сами вы же сопротивославие не приемлете, но паче потаки любите. А еже синклита, от преблужения рожения, не вемы[д]: паче же в вас есть таковая; моавитин[е] же и аммонитин — ты еси. Яко же убо они[ж] от Лота изшедши, от сыновца Авраамля, всегда на Израиля воеваху, тако убо и ты: еже убо от властительского племяни[з] изшел еси, и на ны безпрестани советуеши пагубу.[58]

[59]Что же убо писал, хотя[и] убо поставити[к] судею или учителя, — и к чесому убо власть твоя, понеже убо претительно повелеваеши. Тако же убо бесовскому злохитрию подобно![л] Ово убо лукаво и ласкателно, ово же гордо[м] и страшительно; та же убо и ты: ово убо гордостию дмяся, выше меры, подобяся местоблюстителем, яко изветы творя, к нам писал еси; ово же худейшим рабом своим и скудным умом подобяся. Яко

же убо избежавше от рук наших[а], и яко же пси нелепая глаголеше; тако же и ты по своему злобесному, изменному, собацкому хотению и умышлению, иступив ума неистовяся, бесному подобяся, колебляся[б], писал еси.

Тем же подобно пророческое слово: «Се владыка господь Сафаоф отимет от июдея и от Еросалима крепляюще и крепяще, крепость хлеба и крепость воды, исполина[в] крепка, человека ратника, судею, и пророка и смотрелива, старца, и пятьдесятоначальника, и дивносоветника, и премудра художника, и разумна послужника. И поставлю юношу начальники их, и ругатели обладают ими. И спаднут ими людие, человек человеку, и человек ко ближнему своему: приразитца отроча к старцу, и безчестны к чесному. Яко иметца человек брата своего и присного отцу своему, глаголя: ризу имаши, начальну, вождь нам буди, се брашна моего область да есть. И отвещав в день он, и речет: не буду стар, несть бо в дому моем ни хлеба, ни ризы: не буду старее людем сим. Яко оставлен бысть Иеросалим, Июдея разоритца, и языцы их беззаконием господеви не покорятца. Занеже смирися слава их, и студ лица их противитца им; грех же свой, яко содомски, возвестиша и явиша. Горе душе их, зане мыслише совет лукав в себе, рекше: свяжем праведнаго, яко непотребен нам есть. Убо плоды дел своих и ядят. Горе беззаконному, злая бо приключитца по делом руку его. Людие мои, приставницы ваши пожинают вас, истязающе обладают вами. Людие мои, блажаще, льстят вы, и стезя ног ваших возмутят[г]. Но и ныне станет на суд господь и поставит на суд люди своя: сам господь на суд приидет со старцы людей и со князи своими».

И яко же Ареопагит писа к Димофилу[д] иноку: «Димофил же, и аще и кто другия благия враждуя, зело праведни и запрещаетца и навыцает[е] добрая и ублажаетца. Како бо не подобаше, рече, благому о спасении погибших веселитеся и животе умерших? Сего ради и на рамо взем еже одва от заблужения возвращения и благия аггелы на веселие воздвижет, и благое от неблагодарных, и восиявает солнце свое на лука-

вое и благие, и на самую душу свою полагает за отбегающих. Ты же, и яко писмена твоя являют, и припадшему ко священнику, яко же рекл еси, нечестива и грешна, не вем како на себе востав отринул еси; та ж ово убо молящеся исповедающе ко уврачеванию злых прити; ты же не ужасеся, но и благому священнику со свирепъством досадил еси, помилована быти кающагося[а] и нечестива судивше; и конец «изыти» рекл[б] еси священнику с подобными, и воскочил еси не суще праведно к невходимым, и святая святых скутал еси, пишеши к нам, яко хотящаго растлити священная промыслительне снабдех, и еще что сохранях. Ныне убо слыши наших: не праведна священника, ото иже от тебе служительно и вкупе тобе раб виновен творити, аще ино чествовати вы божественная мнитца, аще ино что ото отреченных обличитца содеяв. Аще бо неудобрение и безчиние божественне их есть предел и устав исшествие не имать слова-бога ради богопреданный разрушити чин. Не бо в себе бог разделися[в]; како убо станет царьствие его? Аще божие есть, яко словеса глаголют, суд, священницы же вестницы, и пророцы[г] по священноначальницех суд божественных судеб, от тех божественныя прикладне ты посредством[д] служитель, егда есть время, навыкни[е], имиже и еже быти угодник сподобился еси. Или не священнии образи сие вопиют? Ибо не просте всех, изрядне суть святая святых; приближаетца вящим священно-совершительное удобрение, та же священник удобрение, последуя еже сим служителное; вчиненым[ж] же угодником, рекше иноком, двери невходимых[з] суть отлучены[и], на нихже совершаютца и предстоят не к блюдению их, но к чину и разумению своих, паче людем, нежели священническим приближашеся. Сего ради священных чиноначалия, причещаться им священно полагает божественных, иным, рекъше внутреннейшим, их преподание в руце: ибо и божественном образе не присно, предстояще жертовника зрят и слышат божественная, светле им открываема, происходяще благоверне, на извъная[к] божественных завет послушательным угодником и священным людем и чистящимся чином

и изъявляют по достоянию священная, яже добре пречистая сохраненная, дондеже мучительским воскочил; соблачити святая святых понудил еси нехотящая; и емети рекл еси, священная соблюдати, а паче неже видел еси, ниже слышал еси, ниже имел еси что о прикладных со священником, яко же ниже истинну словес убедил еси, но кождо день[а] сия толкуя развращение слышещим. И аще убо языка начальство некто взяти начнет, не повеленно ему от царя, праведне мучитися имате. И аще и князя, оправдающего некоторыя или осуждающаго, предстоя некто от нихже под ним вчиненъных посудити дерзнет, не убо, глаголю[б] досаждати вкупе и начала изгнати? Ты же, человече, сице смеятелен еси на[в] кроткого и благаго и на священноначалнический его устав. И сия подобаше рещи, егда паче достояния кто начинати обаче лепотно[г] деяти мнешася, ибо ниже се мощно ни единому. Что[д] убо безместно Озия твориша, каде бога? Что же Саул, пожирая? Что же мучителныя бесове, воистинно благославяше Иисуса? Но отриновен есть богословием всяк тужде епискуп и кождо в чину службы своея да не будет, и един первосвещенник во святая святых внидет и едино лето, и се во всякой по закону священноначалничей чистоте. И священницы скутывают святая, и левите да не прикоснутца святых, да не умрут. И прогневася господь яростию на продерзнутие Озиево, и Мария прокаженна бывает, законодавцу устав полагати начениия, и на Скевины сыны наскочивше бесове и «не послаша их, рече, и тии течаху»; и «не глаголаху к ним, и тии пророчествоваху»; и нечестивии все пожираеми тельца, яко убивая пса[е]. И просто рещи, не терпети беззаконных всесовершенна божия правда; глаголющим же им: «о имени твоем силы многия сотворихом», «не вем вас», отвещевает, «отъидете, вси делающе беззаконие». Тем несть лзе, яко же словеса глаголют, ниже праведна, не по достоянию гонити. Внимати[ж] же комуждо себе подобает, а не высочайшее и глубочайшее смышляти, разумевати же единоя же по достоянию тому повеленная. Что же убо, глаголеши, не подобает священнику зло, или о ином чесом безмест-

ных и обличаеми, а повинныя творити, единым же лет есть хвалящися в законе преступлением закона обезчествовати? И како священницы изъявителие суть божии? И како убо возвестити имут людем божественое добродетели, не увидевши их силу? Или како просвещать имут потемненныя? Како же божественнаго преподадят духа, ниже аще чтит дух святый, и строим истинною веровавши? Аз же отвещаю ти к сим, ибо не враг Димофил, ниже терплю тебе лихоимствуема сатоною: ибо коеждо сущих при бозе удобрение, боговиднейше вяжше отстоимаго[а] есть, и светлейшая вкупе и просвещательное еже паче истинному свету приближнейшая. Да неместне приимеши, но по богоприятном[б] прикладстве приближение. Аще убо священник удобрение есть просвещательно[в], светма отпал есть священническаго чина и силы же и не просвещательно, кольми паче же и не просвещенныи. И дерзостив мнитца священных таковый начинаяй, не убояся, ниже устыдися божественнаго предстояния гоняй[г], непщуя богу не видети, яже той собою разумен есть, и прельстити непщюет, иже лжиименне от того отца нарицаемаго имеет скверневая своя зло и хуления (не бо имам рещи молитвами) на божественных знамениях и христовидне пхати. Несть се священник, но злый льстець и поругатель себе и волк на божественныя люди, в кожи обличенный[д]. Не Димофилу сия праведныя исправляти. Аще богословие праведне праведная повелевает гонити — праведная же есть гонити, егда воздавати хощет комуждо по достоянию, — праведная со всем достоит гонити, понеже ангелом праведно воздати, яже по достоянию[е], отлучает, обаче не от вас, о Димофиле, теми же нам от бога, и тем иже аще преимущими аггелы. И просто реще, во всех сущих и первыми вторым и воздаютца, яже по достоянию от всех благочиннаго и праведнейшаго промысла, иже убо иныя начальствовати от бога учиненны воздают последним себе и послушливым, яже по достоянию[ж]. Димофил же слову и ярости и похотеванию яже по достоянию да отлучает, и да не обидит своего чина, но да начальствует меньшими превосходимое слово.

Аще бо на торжищих и видиши рабы владыце, и старцу юношу, или сына отцу досаждающа вкупе и нань идуща и раны налагающа и начальствовати имел быхом, аще ли не большими претекша помогли бехом, а паче же негли оны преобидели бяху, како не устыдитися имамы, презирающе от ярости и похотения обидимо слово, и еже от бога даннаго начала изгонеимо и в себе нечестивое и неправедное безчиние, и распря и неудобрение воздвижуще? В лепоту блаженный наш от бога законоположник не удостоят церкви божия и предстательствовати, иже не своего дому добре уже предстательствати, ибо иже[а] врачюни себе, иного врачунит, а иже[б] иного — и дом и град, иже град — и язык, и просто рещи, яко же слова глаголя: «иже в мале верен, и во мнозе верен есть»[в]. Сам убо похотению и яростию и слову, яже по достояния, отделя, и тебе же божественныи служителие и сим священницы, священноначальницы же и священником и священноначальником апостолы, иже апостолы приемницы. И аще где кто во онех прикладнаго погрешит, от въкупочинных и святых да исправитца и не возвратятца имать чин на чинов, кождо в чину своем и в службе своей да будет. Толика ти от нас о еже видети и деяти, яже твоя. О еже в мужа, яко же глаголеши, нечестива и мерска, безчеловечия, не вем, како восплакати и сокрушение любимаго ми. Чи бо мниши угодник от нас устроен быти? Ибо аще не благаго всякаго убо и нас нужно тя быти, и яже в нас служения всего чюжда, и время тебе бога искати и священники другия и от тех возверитися паче, нежели совершитися и быти любезнаго[г] безчеловечия жестоко ти служитель. Егда убо мы сами ко отнутней святости на кончанных быхом и не требуем божественнаго себе человеколюбия, или сугубое согрешение, яко же словеса глаголют, по нечестивых и согрешаем, не ведуще в чем претыкаяся, но правдающе себе и мняще и видети, во истинну же не ведяще? Ужасеся небо о сем и вострупетах аз, не веруя себе. И аще не твоим собеседовал бых, яко да не бых им собеседовал! Да[д] веси писменом не убо повинули мя быша, аще убо и нецыи от[е] тебе повинути мя[ж] достойна

судиша, яко Димофил непщюет благаго о всех бога не быти и человеколюбива, ниже себе требовати милующего или спасающего, но и священники отхиротонисает[а] сподобленны благочестию носити неведения людцкая и милостива бога творити, яко добре видеше, яко ти обложения суть немощию. Но богоначальным священносовершитель инем путем шествовал, паче от грешник, яко священная словеса глаголют, отлучен, иже в того любве указ творит, и еже овец кротчайше пасение. И лукава наричет, иже не отставльшаго срабному долг, ниже отчисти преподавшаго дарованныя ему зело многия благости, осуждает еже своих восприяти его, еже нуждо убоятися и мне и[б] Демофилу, иже в нечествующем[в] в самое страдание оставление производит ото отца, запрещает же и учеником, яко нечестием немилостивне[г] удостоиша осудити отогнавше его самаритене. Се уже много глаголано гонити свирепого послание, горе бо и долу словиши, яко не себе, но бога отомстил еси; злобою, рцы ми, благаго? Отступи, не имамы архиерея, не могущаго простити немощей наших, но и беззлобив есть и милостив, не взовет, ни воскричит[д], той кроток, той отцыщен есть о гресех наших. Тех же не приемлем твоя неревнительная устремления, иже аще тмами восприимеши Финеса, Илию, сие бо слышаху Иисусу не вгод бяху кроткого тогда и благаго духа непричастни ученицы. Ибо божественнейши наш священноположник кротостию учить противящихся учению божию: учити бо, а не мучити[е] подобает нивидящея, яко же и слепыя не мучим, но и наставляем. Ты же возникнути на свет начинающа мужу, по лицу бия, отринул еси и со многим студом[ж] приходящаго свирепо[з] отогнал еси. Се уже многаго и ужеса достойно, его же Христос бог сый, и по горах бирающаго ищет и отбегающаго и призывает, и обретшеся едва на раму[и] вземлет. И моляся, не зле сице и о себе светуимся, ниже в самех в нужах имех боже обидети некоторыя или сопротивно благодетельствовати начинающе, о нем убо не всяко содеяша, яко же хотяху, себе же злобу или благостыня совселивше или божественных добродетелей или свире-

ных исполнены страсти будут, и сии бо аггелом благим споследницы и спутницы и зде, иже и тамо во всем смирении и во свободе всех злых[а] во присносущем веце блаженныя наследствуют покоища и з богом и присно будут, еже всех благих величайшее[б]. Сии же отпадут[в] божественнаго вкупе и своего смирения и зде же и по смерти вкупе со свирепыми бесы будут. Сего ради и нам[г] много тщанием з богом благим быти и быти с господем всегда, а не злым от праведнейшаго соотлучитися, яже по достоянию от своих претерпевше, егоже аз паче всех боякся и моляся быти всех злых непричастен».

Тем же и сие тебе подобно есть, понеже учительский[д] сан восхищающи, яко же божественный апостол Павел пишет: «Се ты Июдей именуешися, и почиваше на законе, и хвалишися о бозе, и разумееши воля, искушаеши лучшая, научаем от закона, надеежеся себе вожь быти, слепым свет, сущим и во тме, наказатель безумным, и учитель младенцем; имяше образ разума истинне, в законе научая бо иного[е], себе ли не учиши? Проповедая не красти — крадеши; глаголяй не прелюбы творити, прелюбы[ж] твориши; скаредуя[з] идол, святая крадеши. Иже в законе хвалишися, преступлением закона богу досаждаеши. Имя божие вас ради хулитца во языцех».

Яко же рече божественный Григорей: «Аз убо человек быти и поведу ти животно временна и тленна естества и приемлю, се бо добро и поклоняюся давшему, инем предаю и предносяи милости, милостив[и] бо и сам ся немощию обложен, яко и се в меруем меруся. То же что[к] глаголеши, что законнополагаешь? О, и новый фарисею и чист званием, а не волею, и даша нам Наватова тою же немощи. Не приемлеши ли покояние, не даеши ли плачю места, не проливаеши ли слез? Да не и ты такому суду впадеши! Не стыдиши ли ся, еже Исусу человеколюбець, немощи наша приимшу и недуги понесшу, не праведники пришедшу призвати, но грешныя на покояние, милости хотяще паче неже жертвы, седмьдесят седмерицею оставляющу прегрешения. Яко же блаженна ти есть высота, аще чистоты бы

была, а не гордость закону, от звыше человека и реша нечаянием исправлением, подобно бо есть зло и оставление целомудренно и зазрение непрощенно: ово убо всю оставити бразду, ово же крепко задавляти. Яви ми чистоту, и приемлю ти дерзости. Ныне же[а] боюся, да не точию гной ми внесеши, в неисцеление[б]. Ни Давыда приемлеши[в] кающеся, ему же пророчески дар покаяние соблюде, ни Петра великаго, пострадаша нечто человеческой при[г] спасеней страсти? Но Исус приемлет, трищи вопрошением, исповеданием трикратно отвержение[д] изцели. Или не скончавшагося[е] приемлеши кровию, — есть бо се̇ твоего неразумия, — ни в Коринфе беззаконновавшего? Павел бо и любовь утвердив, имже исправление виде, и почто, яко не вящшею[ж] печалию погрузитца таковый отяготев безчислием запрещением. Не юным ли вдовицам посегати возраста ради, удобь пленимаго? Павел се дерзну, ему же ты являеши учитель, яко на четвертое небо дошед и другий рай и недоведомых слышав и больший круг проповеданием прошед. Но не по крещении? Сия рече, кое указание или покажи или не осуждай. Аще ли изреченно, да удолеет человеколюбное. И ки ми закон Наватов человека괴ненавидства[з], иже лихоимьство убо не пресече второе идолослужение, блуд же тако горько осуди, яко без тела и бесплотен».

Пророк же Давыд рече: «Грешнику же рече бог: въскую ты поведаеши оправдания моя и восприемлеши завет мой усты твоими? Ты же возненавиде наказание и отверже словеса мои вспять. Аще видеши татя, течаше с ним и с прелюбодеем участие свое полагаше». Прелюбодей же убо не плоти; ино яко же прелюбодей плотию, сице изменою. Тако же убо и ты со изменники участие свое полагаеши. «Уста твоя умножиша злобу и язык твои сплеташе льщения. Седяй на брата своего клеветаше, на сына матери своея полагаше уста твоя соблазн». Брат же и сын матере своея — всяк християнин, понеже во единой купели крещени и вси родихомся свыше. «Сия сотворил и умолчах, вознепщевал еси беззакония[и]; яко буду тебе подобен. Обличю тя и представлю пред лицем твоим грехи

твоя. Разумейте же сия, забывающеи бога, да не когда похитит и не будет избавляяй».

Дана во вселенней Росийстей царствующаго, православнаго града Москвы, степени чеснаго порога, крепкая заповедь и слово то, лета от создания миру 7072-го, июля в 5 день.[59]

ТЕКСТ «СБОРНИКОВ КУРБСКОГО»

Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Росии ко князю Андрею Курбскому, против его князя Андреева письма, что он писал из града Волмера

Бог наш троица, иже прежде век сый, ныне есть, отец и сын и святый дух, ниже начала имать, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, и имже царие царьствуют и сильнии пишут правду; иже дана бысть единороднаго слова божия Иисус Христом, богом нашим, победоносная херугви и крест честный, и николи же победима есть, первому во благочестии царю Констянтину и всем православным царем и содержателем православия, и понеже смотрения божия слова всюду исполняшеся, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орли летание отекше, даже искра благочестия доиде и до Руского царьства: самодержавство божиим изволением почин от великого князя Владимера, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великого царя Владимера Манамаха, иже от грек высокодостойнейшую честь восприемшу, и храброго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшаго, и хвалам достойного великого государя Дмитрея, иже за Доном над безбожными агаряны велику победу показавшаго, даже и до мстителя неправдам, деда нашего, великого государя Иванна, и в закосненных прародительствиях земля обретателя, блаженные памяти отца нашего, великого государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скипетродержания Руского царьствия.

Мы же хвалим за премногую милость, произшедшую на нас, еже не попусти доселе десницы нашей единоплеменною кровию обагритися, понеже не восхитихом ни под ким же царьства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царьствии, тако и возрастохом и воцарихомся божиим велением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чюжее восхитихом. Сего православнаго истинного христианского самодержства, многими владычествы владеющаго, повеление, нам же христианский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего содержания боярину и советнику и воеводе, ныне же преступнику честнаго и животворящаго креста господня, и губителю христианскому, и ко врагом христианским слугатаю, отступъльшим божественнаго иконного поклоняния и поправшим вся священныя повеления, и святые храмы разорившим, осквернившим и поправшим со священными сосудами и образы, яко же Исавр, и Гноетесный, и Арменский[a], сим всем соединителю, — князю Андрею Михайловичю Курбскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти Ярославскому владыце, ведомо да есть.

Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, единородную свою душу отвергл еси? Что даси измену на ней в день Страшнаго суда? Аще и весь мир приобрящеши, последи смерть всяко восхитит тя: чесо на теле душу предал еси, аще и убоялся еси смерти, по своих бесех и вышних друзех и назирателей ложному слову, и всю? Яко же беси на весь мир, тако же и ваши извельшия быти друзи и служебники, нас же отвергшеся, преступивше крестное целование, бесов подражающе, на многообразныя ми воды всюду сети поляцающе, и бесовским обычаем на всячески назирающе, блюдуще хожения и глаголания, мняше нас яко безплотным быти, и от сего многия сшивающи поношения и укоризны на нас, и весь мир позорующих и к вам приносящих. Вы же им воздаяние много за сие злодейство даровали есте нашею же землею и казною, называючи их ложно слугами; от сих бесовских слухов напол-

Первое послание Курбскому.

Л. 123 об. из «сборника Курбского» (ЦГАДА)

нилися есте на мя ярости, яко же ехидна яда смертоносна, и возъярився на мя и душу свою погубив, и на церковное разорение стали есте. Не мни, праведный, на человека возъярився, богу приразитися; ино бо человеческо есть, аще и порфиру носит, ино же божественное. Или мниши, окаянне, яко убрежешися? Никако же! Аще ти с ними воевати, тогда и церкви ти разоряти, и иконы попирати, христиан[а] погубляти; аще же где и руками не держнеши, но мыслию да своего смертоносваго много сия злобы сотвориши. Помысли же, како бранным пришествием мягкая младенишная удеса конскими ногами стираема и растерзаема! Егда же убо зиме належати, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное умышление, како не уподобится Иродову неистовству, еже о младенцах убиство показа! Сие ли мниши благочестие, еже сицевая зла творити? Аще множае нас глаголеши воюющих на християн, еже на германы и литаоны, ино несть сие. Аще бы християне были в тех странах, и мы воюем по прародителей своих обычаем, яко же и преже сего многажды случалося; ныне вемы, в тех странах несть християн, развее малейших служителей церковных и сокровенных раб господень. К сему же и литовская брань учинилося вашею же изменою и недоброхотством и нерадением безсоветным.

Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекущия, нелепотную славу приобрел еси, и не на человека возъярився, но на бога востал еси. Разумей же, бедник, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом сшел еси! Збысться на тобе реченное: «И еже имея мнится, взято будет от него». Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубил еси, а не бога ради. Могут же разумети тамо сущии, разум имущии, твой злобный яд, яко, славы желая мимотекущия и богатства, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение? Последи всяко же умрети. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоих друзей, сатанинских

слуг, злодейственному ж солганию, се убо явственно есть ваше изменное умышление от начала и доныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам предвладущим да повинуются: никая же бо владычества, еже не от бога, учинена суть; тем же противляяйся власти, божию повелению противится»? Смотри же сего и разумевай, яко противляяся власти богу противится; и, аще кто богу противится, сий отступник именуются, еже убо горчайшие согрешение. И сии же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровми и бранми приемлют власть. Разумей же вышереченное, яко не восхищением приняхом царство[а]; тем же наипаче, противляяся[б] власти богу противится! Тако же, яко же инде рече апостол Павел, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати.

И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити? Но ради привременныя славы, и сребролюбия, и сладости мира сего, а се свое благочестие душевное со християнскою верою и законом попрал еси, уподобился еси к семени, подающему на камени, и возрастшему; и возсиявшу солнцу со зноем, абие, словесе ради ложнаго, соблазнился еси, и отпал еси и плода не сотворил еси; о по ложных словесех убо, подобно на путь подающему, сотворил еси; еже уже — подобно на путь — веру и враг из сердца твоего восхитил есть и сотворил тя во всей воли ходити. Тем же и вся божественная писания исповедуют, яко не повелевают чадом отцем противитися и рабом — господем, кроме веры. И аще убо сие от отца твоего, диавола, восприем, много ложными словесы соплетеши, яко веры ради, — жив господь бог мой, жива душа моя, — яко не токмо ты, но и все твои согласники и бесовския служители не могут в нас сего обрести. На се же уповаем, божия слова воплощением и пресвятыя его матери, заступницы христан-

ския, милостию и всех святых молитвами, не токмо тебе сему ответ дати, но и противу поправших святые иконы, и всю христианскую божественную тайну отвергшим и бога отступльшим — к ним же ты любительно соединился еси, — словесы их нечестие изобличити и благочестие явити и воспроповедати, яко же благодать возсия.

Како же не усрамишися раба своего Васки Шибанова? Еже бо он благочестие свое соблюде, и пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестия не поревновал еси: единого ради моего слова гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси, понеже божиим изволением, деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и оне, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служити и деда нашего детем и внучатом. И ты то все забыл, собацким изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагом християнским соединился еси; и к тому, своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменем меща, нелепая глаголеши, и раба своего во благочестия не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыце отвергался еси.

Писание же твое приято бысть и разумлено внятельно. И понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пелыни обретающеся, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». Тако ли убо навыкл еси, християнин будучи, християнскому государю подобно служити, и тако ли убо честь подобная воздаяти от бога данному владыце, яко же бесовским обычаем яд отрыгаеши? Начало убо твоего писания, яже убо не разумевая написал еси, наводцкое помышляя, еже бо не о покаянии, но выше человеческого естества мниши человеком быти, яко же и Нават. Еже убо нас вся написал еси, и сие убо тако есть: яко же тогда, тако и ныне

веруем, верою истинною, богу живу и истинну. А еже убо сопротивным разумевая и совесть прокаженна имуще, се убо наваднкое помышляеши, и не разсуждаеши евангельского слова, еже реченно есть: «Горе миру от соблазн. Нужно есть, иже не прийти соблазном; горе же человеку тому, имже соблазн приходит. Уне бы было ему, дабы жернов осельский обвязан был о выи его и потонет в пучине морстей». И много слепотствующия твоея злобы, не можеши истинны видети: како, мняйся стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служити, своими руками агнец жремый закалати за мирское спасение сподобися, и сия вся поправшу с своими злобесовскими советники, на нас своими лукавыми умышлении многая томления подвигосте? И сего ради, еже от юности моея благочестие, бесом подобно, поколебасте, и еже от бога державу, данную ми от прародителей наших, под свою власть отторгосте. Ино се ли совесть прокаженная, яко свое царьство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И сему сопротивен разуму, еже не хотети быти работными своими владенну? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладаему и повеленну быти?

Сие убо от внешних; и от душевленных и о церковном аще есть малое согрешение, но сие от вашего же соблазна и измены; паче же и человек есмь: несть бо человека без греха, токмо един бог; а не яко же ты, яко мнишися быти выше человека, со ангелы равен. А о безбожных человецех что и глаголати! Понеже тии все царьствии своими не владеют: како им повелят работныя их, тако и владеют. А Росийское самодержство изначала сами владеют всеми государьствы, а не бояре и вельможи! И того своей злобе не мог еси разсудити, нарицая благочестие, еже под властию нарицаемого попа и вашего[a] злочестия повеления самодержству быть! А се по твоему разуму нечестие, еже от бога данной нам власти самим владети и не восхотехом под властию быти попа и вашего злодеяния! Се ли разумеваемая «сопротив», яко вашему злобесному умышлению тогда, божиею милостию и пре-

чистыя богородицы заступлением, всех святых молитвами и родителей своих благословением, погубити себе не дал есми? А какова злая от вас тогда пострадах! Се убо пространнейшии напреди слово известит.

Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предание не тако, имыи гром бытие, се убо вашего же ради лукаваго умышления, понеже мя исторгасте от духовного и покойнаго жития, и бремя, фарисейским обычаем, бедне носимо, на мя наложисте, сами же и ни единым перстом не прикоснустеся; и сего ради церковное предстояние не твердо, ово убо царских правлений, еже вами разрешено, ово же ваших злолукавых умышления бегая. И гром же сходяще немощи человечестей; понеже много народ во след своего пагубного умышления отторгосте, и того ради, — яко же мати детей всяческия попущает глумления, ради младенства, и егда совершени будут, тогда сие отвергут, или убо от родителей разумом на уньшее возведутся, или яко же Израилю бог попустить, аще и жертвы приносити, токмо богови, а не бесом, — того ради и аз сотворихом, сходяще[а] к немощи их, точию дабы нас, своих господарей, познали, а не вас, изменников. И чим у вас извыкли прохлажатися? И се ли вам супротивно явися, еже вам погубити себя не дал есми? А ты о чем супротивно разума, души твоей, крестнаго целования, сотворил еси, ложнаго ради страха смертнаго? Сам убо сего не твориши, нам же сие советуеши! Си убо навацкое и фарисейское мудръствуеши: навацкое убо, еже выше по естеству человеческого велишь человеком быти; фарисейское же, еже, сам не творя, иным повелеваеши творити. Паче же сия поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и ныне не престаете, всяческим образом дивияго зверя распыхаяся, измену свою совершаете: се ли ваша[б] доброхотная, прямая служба, еже поношати и укоряти? Бедному подобящеся, колеблетеся, и божий суд восхищающе и преже божия суда своим злолукавым самохотным изложением, яко же своими начальники, попом и Алексеем, изложили есте, собацки осужающе. И сего ради богу противляющеся, яко же и свя-

тых всех преподобных, иже в посте и в подвизех просиявших милованием, еже грешным, отвергосте; много бо в них обрящешь[a] падших и воставших (возстание не бедно!) и стражущи руку помощи подавши, и от рова согрешения милователне возведших, по апостолу, «яко же братию, а не яко врагов имуще», — еже ты отвергл еси! И якова от оних бесов пострадаша, таковая и аз от вас пострадах.

Что же, собака, и пишешь и болезнуеши, совершив такую злобу? К чесому убо совет твой подобен будет, паче кала смердяй? Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих зловерных учинено, еже иноческое одеяние свергше и на християн воевати? Или се есть вам отвещание, яко невольное пострижение? Ино несть сие, несть. Како убо Лествечник видех неволею ко иночеству пришедших и паче вольных исправившася? Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Многи же и не в Тимохину версту обрящеши, тако же святых, и не поправшим иноческого образа, глаголю же и до царей. Аще ли же кои дерзнуша сия отворити, ничим же пользоваша, наипаче в горшая телесная и душевная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский, пострижен от зятя своего Романа Галического. Смотри же благочестие и княгиню ево: восхотевши взяти ее из невольнаго пострижения, она же не восхоте мимотекущаго царьствия паче нетленного, — пострижеся и во схиму; он же убо, разстригши ея, многи крови християнския и святыя церкви и монастыря пограби, игуменов и попов и черноризцов, почему и до конца княжения не возможно удержати; ино имя его без вести бысть. Тако же и во Цариграде[б] множайшим сего обрящеши: овем убо носы урезаны; инем же, во мнишеская одеяния бывшим и на царьство паки наскочившим, и зде убо горчайша смерти прияша, тамо же безконечны муки прияша, понеже санолюбия ради и гордости сие сотвориша. Сие же от владычествующих, кольми же паче от работных! Божий суд ожидает, иже ангельский образ поправшим! Многи же и не в давных летех пострижены от синклитов, превелика

паче же первых сие дерзнуша сотворити, аще и в прежнюю паки приидоша. Таково ли благочестие держите, еже сие злобесным своим обычаем нечестие сотворяете?

Или мнишися, яко ты еси Авенир сын Ниров, есть храбрейший возрастом? Или, еже та сия писания злобесным своим обычаем нечестия сотворяете, или мнишися гордостию дмяся писати? И от того да что бы есть? Егда убо уби его Иоав, сын Саруи, тогда оскудели во Израили. Не пресветлые ли победы з божиею помощию на противныя показаша? Се убо, гордостию дмяся, всуе хвалишися! Смотри же и сего, еже подобно тебе сотворшаго; аще ветхословие любиши, к сему тя и приложим; что убо поможе ему бранная храбрость, еже господина своего нечестие, еже убо поят подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о сем сыну Саулю Мумъфиосу, он же, разгневався, отступи от дому Сауля и тако погибе. Ему же и ты уподобися злобесным своим обычаем, желая гордостно излише чести и богатства. Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты от бога данные грады и села посягая, равно тому нечестие, бесуяся, сотворяеши. Или убо предложи ми плач Давыдов? Ни убо царь праведен[a] сы? И не хотя убиение сотвори; нечестивий же в своей погибели погибе. Смотри же, яко бранная храбрость не помогает, аще кто господина не чествует. Но и еще предложу ти Ахитофела, подобно тебе, лукав совет совещевающе Авесолому на отца: и како потрясе? Но последуя сия, единаго старца разумом совет его разсыпася, и весь Израиль побежден бысть малейшими людьми. Он же удавления конец погибельный обрете. Яко же тогда, тако и ныне обычай — благодать божия в немощи совершатися, и ваша злобесная на церковь востания разсыпает сам Христос: Смотри же и древняго отступника Иеровоама сына Наваща: како отступи со десятью колены Израилевами, и сотвори царьство в Самарии Самврий и отступи от бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царьство Самарии тое неудержанием царей и вскоре погибе; Июдино же, аще и мало бысть, но странно, и пребысть до изволения божия, яко же

рече пророк: «разверепе, яко юница, Ефрем»; и паки инде реченно бысть: «сынове Ефремли, наляцающе и спеюще луки, возвратишася в день брани, зане не сохраниша повеления господня и в законе его не изволиша ходити». «Человече, останися рати: аще убо со человеком борешися, то одолеет тя, или одолееши; аще с церковию борешися, то всяко одолеет тя, жестоко бо ти есть против рожну прати: не бо и вступиши, на нозе свои окровавиши. Да ся пенит море и бесит; но Исусова корабля не может потопити, на камени бо стоит; имамы в нем кормчию Христа; вместо же гребца — апостоли, вместо кормник — пророки, вместо правителей — мученики и преподобныя; и сия убо вся имущи, аще и весь мир возмутится, но не убоимся погрязновения: мене убо светлейши твориши, сам же свою погибель содеваеши».

Како ж и сего не могл еси разумети, яко подобает властелем не зверски яритися, ниже безсловесно смирятися? Яко же рече апостол: «овех убо милуете разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающа». Видиши ли, яко апостол повелевает страхом спасати? Тако же и во благочестивых царех временех много борящеся злейшее мучение. Како же убо, по твоему безумному разуму, единоко быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукам неповинни, паче же и злейшая сих лукавая умышления; то убо вся царьствия невстроении и межоусобными браньми вся растлятся. И тако ли убо пастырю подобает, еже не разсмотряти о нестроении от подовластных своих?

Како же не стыдишися, злодеев мученики нарицая, не разсужая, за что кто постражет? Апостолу вопиющу: «аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается»; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во всем исповедании глаголющим: мучими убо суть татие, и разбойницы, и злодея, и прелюбодея: такови ли убо блаженнии? Понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради. Божественному же апостолу Петру глаголющу: «лутче убо благотворяще пострадати, неже зло творящим мучения». Вы же,

злобесным своим обычаем подобящеся ехитнину отрыганию, ядь изливающи, ничто же повиновения человек, и законопреступления, и времен разсужающе, свою злолукавую измену бесовским умышлением, лестию языка покрыти хотяще. Се ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великого Констянтина: како, царьствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил есть! Князь Феодор Ростиславич, прародитель ваш, в Смоленске на Пасху колики крови пролиял есть! И во святых причитаются. Како же убо и Давыд, иже обретеся богу по сердцу и хотению, како[в] повеле и Давыд, да всяк убивает Усеина: и хромыя, и слепыя о ненавидящих душа Давыдовы, егда не прияша его во Иеросалим, како убогих причитательных в вотчинники, яко не восхотеша от бога даннаго им царя прияти? Како же разсудиши и се, еже таково благочестие царь на немошней чади силу свою и гнев показа? Или убо нынешнее изменники не ровно сим злобу сотвориша? Но паче и злейше. Они убо точию возбраниша приход и не успеша ничто же; сии того, и ятово от них, богом им даннаго, и рождьшагося у них на царьстве, царю преступив крестную, крестную клятву, отвергоша, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словом и делом, и тайными умышлении: и чесому убо они сих подобнее злейшим казнем? Аще ли речеши: «она явна есть, сия же не явна», по сему убо злейший есть ваш злобесный[б] обычай; яко человеком видимо есть доброхотство и служба, от сердец ваших исходит помышления, злодеяние, пагуба смертная к разорению; усты своими убо благословляете, сердцем своим кленете. Многа ж и ина обрящеши во царьствии царей своих: царьства во всяких нестроениих исправиша и злобесных человек разумы и злодеяния возразиша. И повсегда убо царем подобает ово зрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, несть царь, царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли бо не боятися власть? Благо твори; аще ли злое твориши, бойся, не бо туне

мечь носит — в месть злодеем, в похвалу же добродеем. Аще благ еси, почто имея в сингклите пламени палящи, не погасил еси, но паче разжегл еси? Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевел наполнил еси! И збысться на тебе пророческое слово: се всеявый огнь, зжете и ходите по свету пламени огня вашего, егоже сами себе разжегосте. Како же убо ты не со Июдою ли предателем равно причтеся? Яко же бо он на общаго владыку всех, богатства ради, возбесися и на убиение предаст, со ученики водворящеся, со иудеи же веселящеся, тако же убо и ты, с нами пребывая, и хлеб наш ядяше, и нам служити соглашаше, на нас злая в сердцы собираше. Тако ли убо исправил еси крестное целование, еже хотети добро во всем безо всякие хитрости? И что убо твоего злохитрия умышления злее? Яко же рече премудрый: «несть главы, паче главы змиевы», паче же иныя несть злобы твоея.

Почесому же и учитель еси души моей и телу моему? Кто убо постави судию или властеля над нами? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшнаго суда? Апостолу Павлу глаголющу: како убо веруют бес проповедующаго, како же и проповедуют, а не послани будут? И се убо бысть в пришествие Христово: ты же от кого послан еси? И кто тя рукополагателя постави, яко учительский сан восхищающи? Апостолу Иякову сие отрицающи: «Не мнози учители бывайте, братие, ведящеи; яко вящей грех приемлем, много бо согрешаем вси: иже словом не грешити, сей совершен муж, силен обуздати и все тело. Се и коням бразды во уста влагаем, да повинуются нам, и все тело[а] их обращаем. Се и корабли, толицы суще, от жестоких ветров заточаеми, обращаются малым кормильцем, яко же хощем: тако и язык мал уд есть, и вельми хвалится. Се мал огнь колику вещь сожигает! И язык лепота неправде; тако и язык водворяяся во удех наших, сквернящи все тело и опаляющи коло рожества, и опаляем от геенны; всяко убо естество зверей и птиц, гад же и рыб мучатся и умучится естеством человеческим; язык же никто же от человек муже умучити,

неодержимо бо зло, исполнь яда смертоносна. Тем благословим господа и отца, и тем кленем человеки, иже по подобию божию бывшая; от тех же уст исходит благословение и клятва. Не подобает, братия моя возлюбленная, сим тако бывати. Егда убо источник от того же истицания точит сладкое и горькое? Егда может, братия моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы? Тако ни един же источник сланну и сладку творит воду. Кто мудр и худог в вас, да покажет от доброго жития дела своя, в кротости и в премудрости. Аще ли зависть горьку имать и веру в сердцех ваших, не хвалитеся и не лжите на истинну. Несть премудрость свыше низходяще, но земна, душевна, бесовска. Идеже бо зависть и рвения, ту нестроения и всяка зла вещь; а вышня премудрость первое убо чиста, потом же смирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости, плодов благих, несуменна и нелицемерна. Плод же правды во смирении сеетца творящим мир. Откуду брани и свары в вас? Не отсюду ли, от сластей ваших воюющих? Желаете, и не имате; убиваете, и завидите, и не можете улучити; сваряетеся и борете, и не имате, зане не просите; просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех изживете. Приближитеся богу, и приближится вам; очистите руце, грешницы, и очистите сердца двоедушнии. И не оклеветайте друг друга, братие: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветает закон и осуждает закон; аще ли закон осуждаеши, неси творец закону и осуждает закон, еще ли закон осуждаеши, неси творец закону многи спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждаяй друга?».

Или мниши сие быти светлость благочестивая, еже обладатися царьству от попа невежи, от злодейственных, изменных человек, и царю повелеваему быти? И сие ли супротивно разуму и совесть прокаженна, еже невежу взустити[а] от бога данному царю воцаритися? Нигде же бо обрящеши, иже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши? иже во грецех[б] царьствие погубивших и турком повинувшимся? Сию убо погибель и нам советуеши? И сия

убо погибель на твою главу паче да будет! К сему же и сему подобен еси, яко апостол пишет к Тимофею, глаголя: «Чадо Тимофее, се же веждь, яко в последняя дни настанут времена люта; будут человецы самолюбцы, сребролюбцы, оплазивы, горды, хульницы, родителем противляющеся, неблагодарни, непреподобни, нелюбивы, невестохранители, прелагатели, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, предерзливы, возносливы, имуща образ благочестия, силы же его отвергшася. И сих отвращайся. Водимо похотьми различными; всегда учащася, и николи же в разум истинный приити могуща. Яко же Ианни и Амврий противистася Моисею, тако и сии противятся истинне, человецы растлевше умом, неискушени о вере. Но преуспеют паче о мнозе: безумие бо их яве будет всем, яко же и онех бысть».

Или убо сие светло, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царьствия честию почтену быти, властию же ничим же лутчи быти раба? А се ли тьма, яко царю содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аще не сам строит? Яко же рече апостол Павел к галатом пиша: «В неколико лет наследник есть младенец, ничим же есть лутче раба, но под повелительми и приставники есть, до нарока отча». Мы же, благодатию христовою, и доидохом лет нарока отча, и под повелительми и приставники быти нам не пригоже.

Речеши же убо, яко едино слово обращая семо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всем делом вашим злобеснаго умышления, понеже с попом положисте совет, дабы аз словом был государь, а вы б с попом владели: сего ради вся сия сключишася, понеже и додне не престаете, умышляюще советы злыя. Воспомяни же, егда бог извожаще Израиля из работы, егда убо постави священника владати людьми, или многих рядников? Но единаго Моисея, яко царю, постави владателя над ними: священствовати же ему не повеле, но Аарону брату его повеле священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же Аарон сотвори людский строй, тогда

и от бога люди[а] отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон хотеша восхитити себе власть, и сами погибоша, и какову Израилю погибель наведоша? Еже вам, бояром, прилично! После того же, бысть судия Израилю Исус Наввин, священъник же Елиозар; оттоле, даже и до Лию жерца, обладаху судия: Июда, и Варак, и Евфай, и Гедеон и инии многи, и каковы советы и победы на противныя поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взя[б] на ся священство и царьство, аще сам праведен вяще и благ, но понеже обоюду припадши богатству[в] и славе, како сынове его Офний и Финиос заблудиша от истинны, и како сам и сынове его злою смертию погибоша, и весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя. Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царским владати? Се же убо в Ветхом; в Римском же царьствии, и в новой благодати, по Греческих, еже по вашему злобесному хотению разуму случися. Како убо Август кесарь всею вселенною обладаша: Аламаниею, и Долматиею, свои Талиская места, и Готвы, и Савроматы, Кафине, и Сиреею, и Киликеею, и Асиею, и Азонею, и Междоречием, и Каппадокическими странами, и Дамаском градом, и Еросалимом, и Александрея, и Египетская власть, даже и до Перския державы; вся сия под единою державою бяху много лет, даже и до первого во благочестии великого царя Констянтина Влафла. И после его, чада его разделиша власть: Констянтин убо во Цариграде, Констянтин иже в Риме, Констянтин же в Долматии. И оттоле убо Греческая власть делится и скудость приимати. И паки, во царство Маркияне, во Италии мнози князи и местоблюстители восташа, подобно вашему злобесному умышлению; во царство же Льва Великого, и обладаша коиждо своими месты, яко же во Африкии Зинзирих рига и ины, и оттоле убо всяко строение и царьствия Греческая проста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междоусобными браньми растлевахуся. Во царьство Анастасия Дикотра Драчанина не больми нача оскудевати.

Хотению ублажиши ли людей сих, имже сия суть? Но како рече пророк божий? Людие (имже господь бог их, яко же рече Исайя пророк), «что и еще уязвистеся, прилагающая беззакония? Всяка глава и болезнь, и всяка сердца и печаль. От ногу даже и до главы несть целости, на них же рана паляща, несть пластыря приложити, ниже масла, ниже от беззакония ваша пуста, гради ваши огнем сожжени, страны ваши пред вами чужие поядают, и запусте развращенно от людей чюжих. Оставится дщи Сиона, яко селение в винограде, яко овощное хранилище в вертограде. Како бысть блудница град верных Сион исполнь суда; в немже правда успе, ныне убийца. Сребро ваше не искусно, корчемницы твои смешают вино с водою. Князи твои не веруют, обещницы татем, любяще мзды, гоняще воздаяние, сирым не судяще, и к суду вдовиц не емлюще. Сего ради тако глаголет господь владыка Саваоф, сильный Израилев: „О горе крепким во Израили! Не престанет моя ярость на противныя, и суд мой от враг моих сотворю: и наведу руку мою на тя, и разжегу тя в чистоту, неверующих же погублю, и отъиму всех беззаконных от тебе, и всех гордых смирю. И положу судия твоя яко преже, советники твоя яко от начала; и по сих наречешися град правды, мати градом, верный Сион. Со судбою спасется и с милостынею. И стрыется беззаконнии грешнех вкупе, и оставших господа скончаются, занеже постыдятся и о делех своих, ихже тии советовахуᵃ, и посрамлятся о истуканных своих, от ихже тии сотвориша, и постыдятся о вертоградех своих, о ихже тии восхотеша. Будут бо яко сади, отметнувши листвия своя, и яко вертоград, не имый вины. И будет крепость их и яко стебли изгребию, и делания их яко искра огненны, и сожгутся беззаконныи и грешнии вкупе, и не будет погашаяй“».

Потом же во царьство Аспимарово и Филипиков и Феодосия Брады Адраминческого, персом Египетскую власть и Дамаск от грек изобладавшим, такожде при Констянтине Гноетезном, скифом отложившимся, по сем же во царьство Арменина, и Михаила Аморена и Феофила Римскаго со всею

Италию от Греческаго царьства оттого же вся, избраша убо себе царя от Латынскаго от внутреннейша Фругия, и тако убо во многих странах Италийских поставиша собе краля и князя, властодержца и местоблюстителя. И яко же Настрия, и Испания, и Долматия, и фронцуги, и вышний немецкий язык, и поляки, и литаоны, и готфы, и влахи и мутьяны, тако же и сербом и болгаром, у себя власть держится, поставившим и от Греческого царьствия отторгшеся; и от сего Греческому царьствию зле к раззорению приходящу; во царьство же Михаила и Феодоры царицы благочестивых, божий град Иеросалим и Палестинскую землю и страны Финическия и персы изобладаша; царьствующими грады отвсюду во утеснении велице начаша пребывати, и отвсюду частыми нахождении и браньми и ратьми часто колеблющеся, епархом и синклиту всему не престающе от всего своего злаго перваго обычая никако же, о селице разорити царьства помысл полагающе. Тако же и вы, сему подобно, своим злобесным хотением, выше меры, славы и чести и богатства, к разорению християнскому, желающу! Та же убо отселе греком во многих странах дани взимаху; потом же, нестроения ради, а не бога ради, подобно и вашему злолукавому злому совету, сами дани даяти начаша, и тако убо царьствующему граду во обтеснении велице пребывающе, даже до царьства Алексея, нарицаемаго Дуки Мурцуфла, при немже взят бысть царьствующи град от фряг и пленен бысть зельнейшим пленением; и тако убо все благолепие[a] и красота Греческие власти погибе. Потом же Михаил первый Палеолог изгна латини из царьствующаго града, и паки убожество царьства воздвиг, и даже до лет царя Констянтина, нарицаемого Дрогмас, при немже, грех ради наших, народа христианскаго, безбожный Магмет Греческую власть погаси, и, яко же ветр и буря зельна, вся без вести сотвори.

Смотри же убо се и разумей, каково правление составляется в разных началех и властех; и понеже убо тамо быша царие послушны епархом и сигклитом, и в какову погибель

приидоша. Сия ли убо нам советуеши, еже к таковой погибели приити? И се ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплеменных подати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако примаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и телесами пещися: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем житии сожитие, ино же святительская власть, ино же царское правление. Постническое убо правление — подобно быти агнцу непротивну ничесому же, или яко птице, иже не сеявшу, ни жнущу, ни в житницу собирающу; во общем же житии, аще и мира отрекшися, но обаче строения и попечения имеют, та же и наказания; аще ли же сего невнимателие будут, то общее житие разорится; святительская власть требует зельнаго запрещения языком, по благословенней же в ней ярости, и славы, и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприлично; царскому же правлению — страха, и запрещения, и обуздание и конечнещаго запрещения, по безумию злейших человек лукавых. Се же убо разумей разнство посническому и общежительству: очима видел еси, и от сего можеши разумети, что сие есть. К сему же пророк рече: Горе дому, имже домом жена обладает, горе граду, имже мнози овладают. Видиши ли, яко подобно женскому безумию многих владение: аще и не под единою властию будут, аще и крепки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумию подобно есть. Се убо указах ти, како благо есть нам на грех сидети и мимо царей царьством владети: от сего убо многи могут разумети имущии разум. Воспомяни же: к хотению имения, рекшаго злата, аще ся ринет, не прилагайте сердца. Кто же убо сия глаголы глагола? Не до власти ли царей бе? Не бе ли ему злата? Не бо на злато взираше, но повсегда бе ему ум к богу и строй воинский. Понеже убо Гииозиову прокажению уподобился еси, яко же он благодать божию на злате продаде, тако убо и ты, злата ради, на христиан воздвигл еси. Тако ж апостолу Павлу вопиющу: Блюдите ны, блюдите злы делателя, яко многажды

глаголал вам, вине плача, глаголю о вразумех креста господня, имже бог чрево, и слово в студе их, иже земная мудръствующе. Како же убо ты не наречешися враг креста Христова, яко славы ради, и чести мимотекущаго света сего желая насладитися, будущая же приснотекущая призирая, своим крестопреступным обычаем, извыкши от прародителей своих измену, во многи времена на сердцы своем злая избирая, «яды хлеб мой, возвеличи на мя пяту свою», — на христиан воевати вооружился еси? Не, то убо самое победоносное оружие, крест Христов, силою Христа бога нашего, вам сопротивник да будет.

Како же убо доброхотных сих изменников наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, лжею согласившеся, лестию и лесть сокрывше, во един день избиша семьдесят сынов Гедеоновых, еже убо от законных жен ему, и воцариша Авимелеха; тако же убо и вы, собацким своим, изменным своим обычаем, хотесте во царьствии царей достойных истребити, и, аще не от наложницы, и от царьствия растоящася колена хотеста воцарити. И се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, и сущая млеко младенца се ли смертию пагубною хотесте света сего лишити, чюжаго же царьствия воцарьствити? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своим чадом хощете сотворити, егда убо в яйца место подадите им скорпию, или в рыбы место камень? Аще убо вы, злые суще, умеете даяние благо даяти чадом вашим, и аще убо доброхотны и благи наречетеся, — почто убо таких благих даяний не приносите чадом вашим, яко же своим? Но понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити, яко же дед твой, князь Михайло Карамыш, со князем Андреем Углецким на деда нашего, великого государя Ивана, умышляя изменные обычаи; тако же и отец твой, князь Михайло, с великим князем Дмитреем внуком на отца нашего, блаженныя памяти великого государя Василия, многи пагубныя смерти умышлением; тако же и мати твоя, дед[a] Василей и Иван Тучко многая поносная и укоризная словеса деду

нашему, великому государю Ивану износили; тако же и дед твой Михайло Тучков, на преставление матери нашей, великие царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и понеже еси рождение изчадия ехитнова, посему тако и яд отрыгаеши. Се убо довольно указах, чесого убо ради по твоему злобесному разуму сопротивным обретается. Разумевая разумей совесть прокаженну имущаго. Не мни, яже никакого же от державы моея несть. А отцу твоему, князю Михаилу, гонения было[а] много, да и убожества, а измены такой, что ты, не учинил.

А еже писал еси: «Про что емя во Израили побили и воевод, от бога данных нам на враги наша, различными смертьми есмя и победоносную их святую кровь в церквах божиих пролили есмя, и мученическими кровьми праги церковныя обагрили есмя, и на доброхотных своих, душу за нас полагающих, неслыханныя муки, смерти и гонения умыслили есмя, изменами и чародействы их и иными неподобными обличая православных», — и то еси писал и лгал ложно, яко же отец твой диавол тя научил есть; понеже рече же Христос: «Вы отца вашего хощете творити, яко же он человекоубийца бе искони, и во истинне не стоит, яко истинны в нем несть, и егда же ложь глаголет, от своих глаголет: ложь бо есть и отцу его». А сильных есмя во Израили не погубили, и не вемы, кто есть сильнейший во Израили, и не побили и не вемы; земля правится божиим милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты стратиги. И еже воевод своих различными смертьми расторгали есмя, — а божиею помощию имеем[б] у себя воевод множество, и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя.

Крови же во церквах никакие не проливали есмя. Победоносец же и святыя крови во своей земли в нынешнее время, — ничего си явленно, не вемы. «Праги[в] же церков-

ные», — елико сила ваша и разум осязает, и яко же подвластные наши к нам службу свою являют, сице украшенными всякими церкви божия светится, всякими благостынями, елико после вашия бесовския державы сотворихом, не токмо праги и помост, но и предверия, елика всем видима есть иноплеменным украшения. Кровию же никакою праги церковныя не обагряем; мучеником же в сие время за веру у нас нет; доброхотных же своих и душу свою за нас полагающих истинно, а не лестию, не языком глаголюще благая, а сердцем злая собирающе, и похваляюще, а не расточающе и укоряюще, — подобно зерцалу, егда смотря, и тогда видит, каков бе, егда же отъидет, абие забудет, каков бе, — и, егда кого обрящем[а], всем сим злых свобожения, а к нам прямую свою службу содевающе и не забывающе поручныя ему службы, яко в зерцале, и мы того жалуем великим всяким жалованьем; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, то по своей вине и казнь приемлют. А в ынех землях сам узришь, елико содевается злым злая: там не по здешнему! То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любити; а в ыных землях израдец не любят: казнят их, да тем утвержаются.

А мук и гонения и смертей многообразных ни на кого не умышливали есмя; а еже о изменах и чародействе воспомянул еси, — ино, таких собак везде казнят. А еже нечто мы облыгаем православных, — и не, понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: «яко аспид глухий затыкает уши свои, иже не слышит гласа обавающаго, обаче обаваем обавается от премудра, понеже зубы их во устех их сокрушил есть господь, и членовныя львом сокрушил есть»; и аще аз облыгаю, о ином же истинна о ком явится? Ино то, изменниче, они сотворят: обличения несть им. По твоему злобесному умышлению, чесо ради нам сих облыгаете? власте ли своих работных желая, или рубища их худа, или коли бы их насыщатися? како у кого? Не смеху ли подлежит твой разум? Заец потреба множество псом, на враги же множество вои: како убо безлепо казнити подвластных разум!

Яко же выше рех, какова злая пострадах от вас от юности даждь и доселе, пространнейше изобличити. Се убо являет (аще убо и юн[a] еси сих лет, но обаче видети можеши): егда божиими судьбами отец наш, великий государь царь Василей, пременив порфиру ангельским пременением, тленное се и мимотекущее земное царьствие оставль, прииде на небесная во онь век некончаемый, предстояти царю царем и господу господем, мне же оставшу со единородным братом, свято почившим Георгием, мне убо третию летю сущу, брату же моему лета единаго, родительницы же нашей благочестивей царицы Елене в сицевых бедна вдовстве оставлыше, яко же в пленении отвсюду пребывающу, ово убо иноплеменных язык от круг приседящих, брани непримирительныя приемлюще от всех язык, Литаонска, и Поляков, и Перекопи, и Адчитархана, и Нагаи, и Казани, овоже от вас изменников беды и скорби и различными виды приемлюще, яко же подобно тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Лятцкой оттекоша в Литву и тамо скакавше бесящеся и в Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отвсюду на православия рати воздвизающе; но ничто же успеша: богу заступающу, и пречистая богородица, и великим чюдотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель совет разсыпася. Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменника на нас подъяша, и с теми изменники пошел было к Нову-граду (ино которых хвалиши! доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!) и се в те поры были от нас отступили, а к дяде нашему князю Андрею приложилися, а в головах твой брат князь Иван княж Семенов сын, княж Петрова Львова Романовича, иные многие; и тако з божиею помощию тот совет не сотворися. Ино то ли тех доброхотство, которых ты хвалишь? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити? Потом же, изменным обычаем, недругу нашему Литовскому почали отчину нашу отдавати, грады Радогосн, Стародуб, Гомей: и тако ли доброхотствуют? Егда несть на всей земли, кем погубити

от земля и славу в прелесть вселити, и тогда иноплеменным примешаются любовию, точию да погубят безпамятно!

Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене приити от земнаго царьствия на небесное; намь же со свято почившим братом Георгием сродствующим, отстав родителей своих, ни откуду промышления уповающе, и на пречистые богородицы милость и всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому лету от рождения тогда преходящу, подовластным нашим хотение свое улучившим, еже царьство без владателя обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления добротнаго бо не сподобиша, сами же премесишася богатства и славе, и тако скончаша — друг на друга. И елико сотвориша! Колико бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы и села и имения дядь наших восхитиша себе и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли в Большую казну, неистова ногами пхающе и осны колюще; а иное же себе разъяша. А дед твой Михайло Тучков то сотворил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в береженье учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис поимания[а] повыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дядей наших княж Андреева дворе, сонмищем и содейских, отца нашего и нашего дьяка ближняго, Федора Мишурина изымав, позоровавши, убили; и князь Ивана Федоровича Бельскаго и иных многих в розная места заточиша, и на царьство вооружишася, и Данила митрополита сведши с митрополия в заточении послаша: и тако свое хотение во всем улучиша, и сами убо царьствовати начаша. Нас же, со единородным братом, свято почившим Георгием, питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Якова же пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Василевичь Шуйской седит[б]

на лавке, локтем отвергшеся, от отца нашего о постелю ногу положив; к нам же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское же, ниже начало обретеся. И таковая гордыня кто может понести? Како же исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах? Многажды поздо ядох не по своей воле. Что же убо о казне родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего бесчисленную себе поимаша; и тако в той нашей казне исковавши себе сосуды злати и сребряни и имена на них родителей своих подписаша, бутто их родительское стяжание; а всем людем ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйского шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было суды ковати, ино лутчи бы шуба переменити, да во излишнем суды ковати. Что же о казне дядь наших и глаголати? Все себе восхитиша. По сем на грады и села наскочиша, и тако горчайшим мучением, многоразличными виды[a], имения ту живущих без милости пограбиша. Сосетствующим же от них напасти кто может исчести? Подвластных же всех аки раби себе сотвориша, своя ж рабы аки вельможа устроиша, правити же мнящеся и строити, и, вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще.

И тако им на много время жившим, мне же в возраст достигшу, не восхотех под рабскою властию быти, и того ради князя Ивана Василевича Шуйского от себя отослал на службу, а у себя велел есми быть боярину князю Ивану Федоровичю Бельскому. И князь Иван Шуйской, присовокупя к себе всех людей, к целованию приведе, пришед ратию к Москве, и боярина нашего князя Ивана Федоровича Бельского и иных бояр и дворян переимали советники сего Кубенской и иные, до его приезду, да сослав на Белоозеро и убили; да и митрополита Иоасафа с великим бесчестием с митрополии согнаша. Потом же

князь Андрей Шуйской со единомысленики своими, пришед к нам в столовую избу, неистовым обычаем, и перед нами бояриина нашего Семена Федоровича Воронцова восхитивше безчестно и оборвавши, вынесли из нашей столовой избы и хотели ево убить. И мы послали к ним митрополита Макария, да бояр своих Ивана, да Василья Григорьевича Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и они едва нашего слова послушали, а сослали ево на Кострому; а митрополита в то время безчесно[а] затеснили и мантию на нем со источники исодрали; а бояр наших тако же безчесно толкали. Ино то ли их к нам доброхотство, что бояр наших угодных нам, супротивяся им, и велели их переимати и побили и различными муками и гонении мучили? То тако ли душу свою за государей своих полагают, что к нашему государьству ратьми приходити и перед нами июдейским сонмищем бояр имати, и с нами, государи, холопу ссылатися, или государю у своего холопа упрашивати? То ли к нам прямая их служба? Воистину, сие всем окрестным в подсмеяние, слыша такое их неистовство и гонение! Како могу изрещи, колики беды случишамися от них от преставления матере нашей и до того лета? Шесть лет и пол не престаша сия злая содевающе!

Егда же достигохом лета пятагонадесят возраста нашего, тогда, богом наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощию всесильнаго бога, начася строити и царьство наше мирно и немятежно по воле нашей. Но тогда случися, грех ради наших, от произволения божия, распростершуся пламени огненному, царьствующий град Москву попалиша; наши же изменники бояре, иже от тебя нарицаеми мученики (их же имена волею[б] премину), аки благополучно время изменной[в] своей злобе улучиша, наустиша скудожайших умов народ, что бутто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и с людьми сердца человеческая вымали и таковым чародейством Москву попалили; да бутто и мы тот их совет ведали. И таковых их изменников наших наущением, множество народа неистовых, воскричав, июдейским

обычаем, приидоша соборныя и апостольския церкви в придел святаго великомученика Димитрия Селунского и, изымав боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинского, безчеловечне выволокли в соборную церковь Успения пресвятыя богородицы, и убиша в церкви безвинно, против митрополича места, и кровию его помост церковный окравовивше, и вывлекше тело его в предние двери церьковныя и положиша, яко осужденика, на торжищи. И сие во церкви святой убийство его всем ведомо. Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, да те же наши изменники возмутили народ, яко бы и нас убити, за то, яко же ты, собака, лжеши, что бутто мы князь Юрьеву матерь Глинского, княгиню Анну, и брата его, князя Михаила, у себя хороним от них. И сия суемудръствия како смеху не подлежат! О чесо ради убо нам царьству своему запалители самым быти? Такова убо стяжания прародителей наших благословение у нас погибе, еже от иных вещей и во вселенней обрестися не может. Кто безумен или яр отаков может явитися, еже бы гневаяся на своя рабы, да погубит стяжания своя, могл бы их погубити, а своя сохранити? Посему во всем ваша разумеется собачья измена. Такожде на таковую высоту, еже Иван святый, водою кропити: се убо безумие явственно. И тако ли достойно служити нам бояром нашим и воеводам, еже таким собацким собрании безчеловечне бояр наших доброхотных убивати, еще же в черте нам кровной, не помышляя в себе страха нашего? И тако ли душу свою за нас полагают, еже во всем нам супротивная устрояют? Нам убо закон полагающе во святыню, сами же с нами путь шествовати не хотяще! Почто и хвалишися, собака, в гордости, такожде, и инех собак и изменников, бранною храбростию? Господу нашему Исусу Христу глаголющу: «аще царство на ся разделит, не может стати»; такожде кто может бранная понести противу врагов, аще растлится междуусобия браньми царство? Яко же убо древо како цвести может, аще корени сущу суху; тако же и сие: аще не прежде строения во царстве благая будут, како бранная храбре поставятся?

Яко же убо предводитель множае полк утвержает, тогда множае побеждаем паче бывает. Ты же, вся сия презрев, едину храбрость похваляешь; а о чесом же храбрости состоятися, сия ни во что полагаешь, и являяся не токмо утвержая храбрость, но паче разрушая, яко же ничто же еси: в дому изменник, в ратных же пребывании разсуждения не имея, понеже хощешь междоусобными браньми, паче же самовольством, храбрость утвердити, емуже быти не возможно.

До того же времяни бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику, в нашего царьствия дворе, в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворивъшуся, нам же такие измены от вельмож своих видевше, и тако взяв сего от гноища и учиних с вельможами, чающе от него прямые службы. Каких же честей и богатств его не наполних, не токмо его, но и род его! Кое же служение праведно от него за сие приях? Слыши напреди. Посем же, совета ради духовнаго и спасения ради души своея, приях попа Селивестра, а чая того, что он, предстояния ради у престола владычня, побережит души своей; а он, поправ священныя обеты и хиротонию и иже у престола владычня предстояния, и где же желают ангели приникнути, идеже повсегда агнец божий жремый за мирское спасение, и никогда же пожремый[а], — он же, во плоти сый, серафимския службы своима рукама сподобися, и сия вся убо поправ, лукавым обычаем, сперва убо яко благо нача, последовавше божественному писанию; мне видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покорятися без всякого разсужения, и ему, совета ради духовнаго, повинухся в колебании, в невидении; он же возхитихся властию, яко же Илии[б] жрец, нача совокуплятися в дружбы подобно мирским. Потом же собрахом вся архиепископы, и епископы, и весь священный собор Руския митрополия, и еже убо во юности нашей, еже нам содеянная, на вас бояр наших наши опалы, та же и от вас бояр наших еже нам супротивное и проступъки, сами убо пред отцем своим и богомольцем, пред Макарием, митрополитом всеа Русии, во всем в том

соборне простихомся; вас же, бояр наших, и всех людей своих в проступках пожаловал[а] и впредь того не воспоминати; и тако убо мы всех вас яко благии начахом держати.

Вы же перваго своего лукавого обычая не остависте, но паки на первое возвратистеся, и паки начасте лукавым советом служити нам, а не истинною, и вся с умышлением, а не простотою творити. Тако же Селивестр и со Алексеем здружился и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразсудных суща; и тако, вместо духовных, мирская начаша советовати, и тако помалу всех вас бояр начаша в сомовольство приводити, нашу же власть с вас снимающе, и в сю противословие вас приводяще, и честию мало вас не с нами ровняюще, молодых же детей боярских с вами честию подобяще. И тако помалу сотвердися сия злоба, и вас почал причитати к вотчинам ко градом и к селом; еже деда нашего великого государя уложением, которые вотчины у вас взимали и которым вотчинам еже несть потреба от вас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложения разрушил, и тех многих людей к себе примирил. И во том единомысленика своего, князя Дмитрея Курлятева, к нам в синклитию препустил; нас же предходя лукавым обычаем, духовного ради совета, бутто души ради то творит, а не лукавством; и тако с тем своим единомысленником начаша злый свой совет утвержати, ни единые власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша, еже вас бояром нашим по нашему жалованью честию председание почтенным быти; сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе, и яко же кто каковое восхощет: потому же утвердися дружбами, и вся властию во всей своей воли имый, нечто же от нас пытая аки несть нас, вся строения и утвержения[б] по своей воли и своих советников хотение творяще. Нам же что аще и благо советующе, сия вся непотребна им учинихомся, они же аще что непотребно им учиняху, они же

аще что и стропътиво и развращено советоваху, но сия вся благо творяху!

И тако убо ниже во внешних, во внутренних, ниже в малейших и худейших, глаголю же до обуща и спания, вся не по своей воли бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцем пребывающим. Ино сему противно разуму, еже не восхотехом в совершенном возрасте младенищем быти? Та же посем и сия утвердися: си, еже нам сотворити словие, ни единому же от худейших советников ево тогда потреба рещи, но сия вся аки злочестива творяхуся, яко же в твоей бе составной грамоте написано; от его же советников, аще кто худейших нам но яко ко владыце или яко к брату, — яко к худейшему чесому надменная словеса неистове износшаху, и сия вся благочестиве вменяхуся; хто убо мало послушание или покой нам сотворит, тому убо гонение и мучение; аще ли же кто раздражит нас чем или кое принесет нам утеснение, тому богатство, слава и честь; и аще не тако, то души пагуба и царству разорение! И тако убо нам в сицевом гонении и утеснении пребывающим, и таковая злая не токмо от дни до дни, но от часу растяху; а еже убо нам послушно и покойно, сия умоляхуся. Таково убо тогда православие сияше! Хто же убо может подробну исчести, еже убо в житейских пребываниих, и хождениих, и в покое, и та же в церковном предстоянии и во всяком своем житии и гонении и утеснении? И тако убо сим бывающим: мнящи убо, яко дневныя ради пользы сицевая убо утеснения творят нам, а не лукавства ради.

Та же, по божию изволению, со кърестоносною хоругвию сего православнаго ради християнского воинства, православного ради християнства заступления, нам двигшимся на безбожный язык Казанский, и тако неизреченным божиим милосердием, иже над тем бесерменским языком победу давше, со всем воинством православнаго християнства здраво восвояси возвратихомся: что же убо изреку от тебе нарицаемых мученик доброхотство к себе? Тако убо: аки пленника всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и не-

верную землю! Аще бы не бы всемогущая десница вышняго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы. Таково тех доброхотство к нам, за кого ты глаголеши, и как за нас душу полагают, еже нашу душу во иноплеменных руки тщатся предати!

Та же, нам прешедшим во царьствующий град Москву, божие милосердие к нам множащи и наследника нам тогда давшу сына Димитрия. Мало же времени минувшу, еже убо владыкам быти случается, немощию одержиму быти и зелию изнемогшу. Тогда убо еже от тебе нарицаемыя доброхоты возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником нашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеяний наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас разстоящася в колене, князя Володимера; младенища же нашего, еже от бога даннаго нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Володимера. Понеже бо аще и. во внешних писаниих древних речено, но обаче прилично есть: «царь убо царю не кланяется; но, единому умершему, другий обладает». Се убо нам живым сущим таковая от своих подовластных доброхотства насладихомся: что же убо по нас будет! Та же божиим милосердием, нам оздравевшим, и тако сий совет разсыпася, попу же Селивестру и Алексею оттоле не престающе, вся злая советующе, и утеснение горчайшее сотворити; на доброхотных же нам гонения разными виды умышляюще, князю же Володимеру во всем убо хотение удержаще; та же и на нашу царицу Анастасию ненависть зельную воздвигше и уподобляюще ко всем нечестивым царицам; чад же наших ниже помянути могоша.

Та же по всем собака изменник старой Ростовской князь Семен, иже по нашей милости, а не по своему досужству, сподобен быти от нас синклитства, своим изменным обычаем литовским послом, пану Станиславу Давойну с товарыщи наши думу изнесе, нас укоряя и нашу царицу и наших детей;

и мы то ево злодейство сыскавши, и еще милостиво казнь свою над ним учинили. И после того поп Селивестр, и с вами злыми своими советники, того собаку почал в велицем бережении держати и помогати ему всеми благими, и не токмо ему, и всему ево роду. И тако убо оттоле всем изменником благо время улучися; нам же бо оттоле в большем утеснении пребывающим; от них же во едином и ты был еси: явлено, еже с Курлятевым нас хотесте судити про Ситцкого.

Та же убо наченшася войне, еже на Германе, — о сем же убо напреди слово пространнейшии явит, — попу же убо Селивестру и с вами своими советники о том на нас люте належаще, и еже убо, согрешений наших ради, приключающихся болезнех на нас и на царице нашей и на чадех наших, и сия убо вся вменяху, аких ради, еже нашего к ним непослушания сия бываху! Како же убо воспомяну, и еже во царьствующий град с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивъное путное прехождение? Единаго ради мала слова непотребна. Молитвы же убо и прехождения по святым местам, и еже убо приношения и обеты ко святыни о душевном спасении, и о телесном здравии, и о своем благом пребывании нашем и о царице нашей и чад наших, и сия вся вашим лукавым умышлением от нас отнюдь взяшася, врачевстве же и хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше.

И сице убо нам в таковех зельнех скорбех пребывающим, и понеже убо таково отягчения не могохом понести, еже не человечески сотвористе, и сего ради, сыскав измены собаки Алексея Адашева со[а] всеми его советники, милостивной свой гнев учинили: смертные казни не положили, но по розным местом розослали. Попу же Селивестру, видевше своих советников ни во что же бывше, сего ради своею волею отъиде, нам же его благословение отпустившу, не яко устыдевшися, но яко не хотевши судити здесь, но в будущем веце, пред агнецем[б] божиим, еже он повсегда служа и презрев лукавым обычаем, злая сотвори ми: тамо хощу суд прияти, елико от него пострадах душевно и телесне. Того ради и чаду его сотворих

и по се время во благоденствии пребывати; точию убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебе, хто смеху быти глаголет, еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не весте християнского мнишескаго устава, како подобает наставником покорятися; понеже бо немощни бысте слухи, требующе учителя лета ради, и ныне же бысте требующе млека, а не крепкия пища; сего ради тако сия глаголет; и того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворих, яко же выше рех. А еже убо мирским, яже под властию нашею сущим, сим убо по них измене, тако и сотворихом: исперва же убо казнию конечною ни единому коснухомся; всем же убо, иже к ним не преставши, повелехом от них отлучитися, и к ним не престаяти, и сию убо заповедь положивый и крестным целованием утвердихом; и понеже убо от нарицаемых тобою мучеников и согласных им наша заповедь ни во что же положиша и крестное целование преступивша, не токмо осташа от тех изменников, но и большими начаша им помогати и всячески промышлять, дабы их на первый чин возвратити и на нас лютейшее составити умышление; и понеже убо злоба неутолима явися и разум неприклонен обличися, — сего ради повинныя по своей вине таков суд прияли. Се убо по твоему разуму «сопротивно обретеся, разумевая», еже вашей воле не повинухомся? Понеже убо, сами имуще совесть непостоянную и крестопреступну и малого ради блистания злата пременену, се убо и нам советуете! Сего ради реку: о Июдино окаянство сие хотение! от негоже избави, боже, душа наша и всех православных християн! Яко убо Июда, злата ради, предаде Христа, тако убо и вы, наслаждения ради мира сего, православное християнство и нас, своих государей, предали есте, свои души забыв, крестное целованье преступив.

В церквах же, яко ты лжеши, сия несть было. Се убо, яко же выше рех, сего ради повинныя прияша казнь по своим винам, а не яко ты лжеши, неподобне изменников и блудников мученики нарицая и их кровь победоносну и святу, иным сопротивных сильных нарицая, и отступъников наших воево-

дами нарицая, доброхотство же их и души их полагая за нас: сия вся изъявлена есть, яко же выше рехом. И не можеши рещи, яко не оболгани есть, но сия измены всей вселенней ведомы, аще восхощеши, и варварских язык увеси и самовидцов сим злым деянием можеши обрести, иже куплю творящих в нашем царствии и в посольственных прихождениих приходящим. Но сия убо быша ине, иже бо всем, иже в нашем согласии бывшим, всякого блага и свободы наслаждающимся и богатеющим, и никоя же злоба им первыя поминаются, в первом своем достоянии и чести суще.

И что еще? И на церкви востаете и не престающе нас всякими озлоблении гонити, иноплеменных язык на нас присовокупляюще всякими виды, гонения ради и разорения на християнство; яко же выше рех, на человека возъярився, на бога вооружилися есте и на церковное разорение; гонению же — яко же рече божественный Павел: аз же, братие, аще обрезание единаче проповедаю, что еще гоним есмь; убо упразднися соблазн креста. Но да и содрогнутся развещевающи сия! И аще убо, яко же вместо креста, обрезание тогда потребна быша; тако и вам, вместо государьскаго владения, потребно самовольство. Иное сподобно есть: почто и еще не престаете гонити? Се убо вся известно ти есть пространнейшии, чтоб твоему разуму сопротивным обрестися: разумевая совесть прокаженна! О безбожных что глаголати, яко ни во вселенней обрящеши подобно согласно твоему бесовскому хотению! И сия вся явлена суть, яже от тебе сильным нарицаемым и воеводам и мучеником, аще кая приличная им суть истинною, а не яко же ты, подобно Ангенору и Енеим, предателем Троянским, много соткав, лжеши. Доброхотство же и души полагание их выше речено есть; облыгание же их и зрады всем явлено есть во всей вселенней.

Света же во тьму прелагати не тщуся, и сладкое горькое не прозываю. А се ли убо свет, или сладко, еже рабом владети? А се ли тьма и горько, еже от бога данному государю владети, о немже многа слова пространнейшии напреди изъявлена?

Все бо едина, обращая разными словесы, по своей бо составной грамоте писал еси, похваля еже рабом мимо господий своих владети. Тщужеся со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного бога, в троицы славимого, и от бога даннаго им государя; а от междоусобных браней и строптиваго жития да престанут, имиже царьствия разстлеваются. Се ли убо горько и тьма, яко от злых предстати и благая творити? Но се есть сладко и свет! Аще убо царю не повинуются подовластныя, никогда же от междоусобных браней престанут. Се убо злоба обычай сама себе хапати! Сам не разумевая, что сладко и свет, и что горька и тьма, и иных поучает. И не се ли сладко и свет, яко благих престати и злая творити междоусобными браньми и самовольством? Всем явленна суть, яко несть свет, но тьма, и — несть горько.

О провинении же и прогневании подовластных наших перед нами. Доселе руские владетели[а] не истязуеми были ни от кого же, но повольны были подовластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем; и аще же и подобает рещи о винах[б] их, но выше реченно и есть. Предстатели называешь тленных человек, подобно елинъскому блядословию: яко же бо они богу равно уподобляхуся Аполона, и Дия, и Зефса и иных множайших прескверных человек, яко же рече в богословии тезоименитый Григорий, во своих словесех торжественных пиша неделю: «и рожества и крадения, судия Критом, мучителя, и юношам гласы и плища и плесания вооруженна, богу плачющеся глас покрывающе, яко да утаитца отцу чадоненавидцу; люто бо бяше яко младенцу плакатися, яко камени поглащенному, ни Фриигиская резания и пискания и плескания и елико о Ре[в] человецы бесятся. Ни Деонисия, ни стегну боящуся и без времени рожение, яко другоицы глагола прежде; и Фивеем безумие, его почитающи и Семелию моления покланяема; и лакидонским юношам стружеми ранами, имиже почитаетца богиня. Где Лискати темныя и и страшная мечты и Трофиниева по земли играние и волшвения.[г] Ниже Осиродава томления, другая напасть чтомы Егип-

тенины, ниже Исиды безчестия. Им же присно особия: кому ж потреба, и торжество и общее на всех злочестие[а]. И не се убо точию люто, еже сотворено добрыми делы во славу и хвалу творцу и божественному подобию, елико мощно, стремление быти всяким страстем, жирующим внутренняго человека, но еже боги поставити спомощники страстем, да не точию неповинно будет прегрешение, но божественно мнитися, в такии притекающи, ответ покланяемся. Множайшая скверная Еллинская деяния, еже от страстей от них боги почтошася, блуда и ярости, недержания и похоти, нежелания. И елико убо кто от них коею страстию одержим бяше, то подобно своей страсти и бога себе избираше, и в онь веру яша, яко же Ираклия[б] блуда, Крона же ненависти и вражды, Ариса ярости и убивства, Деониса же гудение и плясания, и иныя же от страстей боги почтошася». Сим же и ты уподобляяся по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати, подерзая славы не трепещахуся. Яко же бо Еллини подобно своим страстем боги почитаху, тако же и ты, подобно своей измене, изменников похваляеши; яко же убо онем страсть прикровенна богом почитаема, тако же убо и ваша измена покрываема равно правде причитаема. Мы же убо, християне, веруем в троице славимаго бога нашего Исуса Христа, яко же рече апостол Павел: Имамы бо Нову Завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величествия на высоких, иже, открыв завесу плоти нашей, всегда проповедует о нас, о ихже волею пострада, очистив кровию своего Завета Новаго. Та же и Христос рече во евангелии: «Вы убо не нарицайтеся наставницы, един бо есть наставник ваш, Христос». Мы убо, християне, знаем предстателя тричисленна божество, в нейже познание приведени быхом Исус Христом богом нашим, тако же заступницу християнскую, сподобльшуся быти мати Христа бога, пречистую богородицу, и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангели и ангели, яко же Моисею предстатель бысть Михаил архангел, Исусу Наввину и всему Израилю; та же во благочестии, в новей благодати первому християн-

скому царю, Костянтину, невидимо предстатель Михаил архангел пред полком его хожаше и вся враги ево побежаше, и оттоле даже и доныне всем благочестивым царем пособствует. Се убо имеем предстатели, Михаила и Гавриила и протчих всех безплотных; молитвенники же к богу имамы пророцы и апостали и святии мученицы, лик преподобных и исповедник и безмолвник, мужей и жен. Се убо имеем предстатели християнския. О тленных человецех, — не веми сих, предстатели нарицати их. Не токмо сия не подобает подовластным нашим, но и нам, царем, неприлично есть нарицатися предстатели: аще убо и порфиру носим, златом и бисером украшенну, но обаче тленни есмы и человеческою немощию обложени. Та же убо не стыдяся тленных и изменных человек предстатели нарицати, Христу глаголюще во святом Евангелии: «еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом». Та же на изменных и тленных человек, не токмо человеческую высость восхищая, подкладаешь, но божию слову восхищаеши! Подобает Еллином и иступившим ума неистовившися, бесному подобяся: по своей страсти, тленных и изменных человек избирая, похваляеши, яко же Еллины своих богов почтоша! Ови убо режущеся и всякими пагубами себе погубляюще, в почесть богом; ови же всяким страстем вдашася, богом подобящеся. Яко же рече божественный Григорий: сии убо сквернительство почтоша и свирепству вероваша; тако же убо и тебе подобает. Яко же бо они прескверным своим богом последоваша, тако и тебе своим изменным другом сострадати страсти их подобает и погибнути. Яко же убо Еллини, неподобно тленных человек мученики нарицаеши, и того ради подобает тебе праздники, мучеников резания, и страдания, и плесания, и гудения своих приносити. Яко же Еллини, тако же и тебе подобает; якова же они пострадаша, и тебе праздника мучеников своих страдати!

А о нем же писал еси, что бутто те «предстатели прегордые царство разорили и подручны нам их сотворили во всем, у нихже преже в работе были праотцы ваши», — се убо разумно

есть, еже едино царство Казанское; от Астрохани же, ниже близ вашея милости было, не точию дело. О бранной же сей храбрости свыше начну ти обличати. Безумие! Како убо, гордостию дмяся, хвалишися! Како бо прародителем вашим и отцем и дядьям, в какове разуме храбрость суще и помысла попечение, яко вся ваша храбрость и мудрость ни к единому их сонному видению подобно, и такие храбрые и мудрые люди и никим же понуждаеми, но своими хотении и бранной храбрости хотимы, а не яко же вы, еще понужаемы на рать и о сем скорбяще, — и такие храбрые тринадесят лет до нашего возроста не могоша от варвар християн защитити! По апостолу Павлу рек: бых вам подобен, безумно хваляся, понеже вы мя понудисте, власть бо приемлете, безумныя, аще хто вы поядает, аще кто в лице биет, аще кто величаетца; по досожению глаголю. Всем убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша от варвар православные, и от Крыма, и от Казани: до полуземли пусто бяше. И егда начало восприяхом, за божиею помощию, еже брани на варвары, егда первое посылахом на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинского с товарыщи, како вы глаголали? Се, яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела. Ино, се ли храбрость, еже служба ставити во опалу? и тако ли покоряти прегордые царства? Та же, сколько хождения не бывало в Казанскую землю, когда не с понуждением, с хотением, ходисте? Но и всегда аки на бедное схождение ходити! Егда же бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский християнству покори, и тогда како не хотесте с нами воеватися на варвары, яко более пятинадесять тысячь, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша! И тако ли прегордые царства разоряете, еже народ безумными глаголы наущати и от брани отвращати, подобно Юношю Угорскому? Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советоваете, и егда запасы истопоша, како три дни стояв, хотесте во своя возвратитися! И повсегда не хотесте во многопребывании подобна времени ждати, ниже глав своих щадяще,

ниже бранныя победы смотряюще, точию: или победив, наискорейшии побежденым бывшим, скорейшии во своя возвратитися. Та же и воины многоподобныя, возвращения ради скораго, остависте, еже последи от сего много пролития крови християнския бысть. Како, еже убо и в самое взятие града, аще бы не удержав вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, неподобно время брань начати? Та же убо ко взятии града божиим милосердием, вы же убо, вместо строения, на грабление текосте! Тако ли убо прегордыя царства розоряти, еже убо ты, безумием дмяся, хвалишися? Иже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть, понеже вся, яко раби, с понужением совторили есте, а не хотением, и паче с ропътанием. Се убо похвально есть, еже хотением желая, брани творити. Подручна же тако царствия сия сотвористе нам, яко же множае седми лет мне же сих царств и нашего государствия бранная лютость не престая! Егда же Алексиева и ваша собатцкая власть преста, тогда и тако нашему царьствию государьское во всем послушно учинишася, и множае треюнадесять тысящ бранных исходит в помощь православию. Тако и вы прегордые царства разорили и подручны нам сотворили, талавии! И тако сопротивен разум, по твоему злобесному умышлению!

Сие убо от Казани[а]; от Крыма же и на пустых местех, идеже зверие бяху, грады и села устроишася: что же убо и ваша победа, яже Хопром и Доном? Колико убо злая истощания и пагуба християном содеяшеся, супротивным же ни малые досады! О Иване же Шереметеве что глаголати? Еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению, случися таковая пагуба православному християнству. Се убо такова ваша[б] доброхотная служба, и тако прегордая царства разоряете и подручны нам сотворяете, яко же выше явихом.

О германских же градех глаголешь, яко тщанием разума изменников наших от бога нам данны. Но яко же научен еси от отца своего диявола, все ложь глаголати! Брань, еже на германы: тогда посылали есмя слугу своего царя Шагалея

и боярина своего и воеводу князя Михаила Васильевича Глинского с товарыщи, ерман воевати, и от того времени от попа Селивестра и от Алексея и от вас какова отягчения словесная пострадах, ихже несть подробну глаголати! Еже какова скорбная ни сотворится нам, то вся сия герман ради случися! Егда же вас поклахом на лето на германские грады, — тебе тогда сущи в нашей отчине, во Пскове, своея ради потребы, а не нашим посланием, — множае убо седмь посланий наших к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и к тебе послахом; вы же едва поидосте с малейшими людьми, и нашим многим поминанием множае пятинадесять градов взясте. Ино, се ли убо тщание разума вашего, еже нашим посланием и напоминанием грады взяша, а не по своему разуму? Како же убо воспомяну о германских градех супротивъсловия попа Селивестра

восхищати может иже Сидору вдовица, суду не внемлюще,— ихже вы, желающе на християнство злая, составляете!

Антихриста же вемы: ему же вы подобная твористе, злая советующе на церковь божию. От нас «сильных же во Исраили и от разлияния крови вашей» писах; потаки же никаким не творим, паче же сами вы сопротивословия не приемлете, но обаче[a] потаки любите. А еже сунклита, от преблужения рожения, не вемы: паче же в вас таковый; моавитин же и амонитин ты. Яко же убо они от Лота изшедши, от сыновца Авраамля, всегда на Израиль воеваху, та же убо ты: еже убо от ваского племяни изшел еси, и на ны безпрестани советуеши пагубу.

Что же убо писал еси, хотя убо поставити судию или учителя, — ни к чесому убо власть твоя, понеже претительно повелеваеши. И яко же убо бесовскому злохитрию подобно! Ово убо лукаво и ласкательно, ово же гордо и страшительно; та же убо и ты: ово убо гордостию дмяся, выше меры, подобяся местоблюстителем, яко изветы творя, к нам писал еси; ово же худейшем рабом своим и скудный умом подобяся. Яко же убо иже бежавши от рук наших, яко же ти нелепая глаголюще; тако же и ты по своему злобесному, изменному,

собатцкому хотению и умышлению, иступив ума неистовяся, бесному подобяся, колебляся, писал еси.

Тем же подобно пророческое слово: «Се владыка господь Саваоф отъимет от Июдея и от Еросалима крепляющи крепяща, крепость хлеба и крепость воды, исполина крепъка, и человека ратника, и судию, и пророка, и смотрелива, и старца, и пятьдесяти-начальника, и дивна советника, и премудря художника, и разумна послушника. И поставлю юношу начальники их, и ругатели обладают ими. И спаднут людие, человек к человеку, и человек к ближнему своему: приразитца отроча и старцу, и бесчестный к честному. Яко имется человек брата своего или присного отца своему, глаголя: ризу имаши, начальновиждь нам буди и брашно мое во область твою да есть. И отвещав в день он речет: не буди стар, несть бо в дому моем ни хлеба, ни ризы: не буди старей людем сим. Яко оставлен бысть Иеросалим, Июдея разоритца, и языцы их беззаконием господеви не покорятся. Занеже смирих слава их, и студ лица их противится им; грех же свой, яко содомски, возвестиша и яви. Горе душе их, зане умыслиша совет лукав в собе, рекша: свяжем праведна, яко непотребен нам есть. Убо плоды дел своих снедят. Горе беззаконному, злая бо приключаютца ему по делом руку ево. Людие мои, приставницы ваши пожинают вас, истязающе и обладает вами. Людие мои, облажащеи вас льстят вы, и стезя ног ваших возмутят. Но ныне станет на суд господь и поставит люди своя: сам господь на суд приидет со старцы людей и со князи своими». И яко же Ареопагит писа к Димофилу иноку: Димофил же, и аще кто другия благия враждуя[а] зело правде, не запрещается, и навыцает добрая и ублажается. Како бо не подобаше ли, рече, благому о спасении останися и погибших веселитися и животе умерших? Сего ради и на рамови емлет еже два от заблуждения возвращенное и благия ангелы на веселие воздвижет, и благ есть не о благодарных, и возсиявает солнечные луча на лукавыя и благия, и самую душу свою полагает за отбегающих. Ты же, яко писмена твоя являют, и пришедшаго к священнику, яко же

рекл еси, нечестива и грешна, не вем како на себе востав отринул еси; та́ ж ово убо моляшеся исповедаше ко врачеванию злых приити; ты же не ужасеся, но и благому священнику свирепством досадил еси, помилованна быти кающагося и нечестива судивши; и конец «изыти[а]» рекл еси священнику с подобными и воскочил еси не сущу праведно с неходимым, и святая святых скутал еси, и пишеши к нам, яко хотящаго растлити священная промыслительне снабдех, и еще что сохраняя. Ныне убо слыши наших: несть праведна священника, отбеже от тебя служитель или вкупочинных тебе раб виновна творят, аще и не чествовати в божественная мнится[б], и аще ино отреченных обличится содеяв. Аще убо неудобрене и бесчинне божественнейших есть и предел и устав, изшествия не имать, славы ради благопреданныя разрушиши[в] чин. Не бо в себе бог разделился, како бо станет царьствие его? И аще божий есть, яко ж словеса глаголют, суд, священне же вестницы, и пророцы по священноначальницех суд божественных судеб, от тех божественная, приклад, леты посредством служитель, егда есть время, навыкнуеми неже быти угодник сподобился еси. Или не освященный образу сие же вопиет? Ибо не прост всех изби, изрядни суть святая святых; приближаетжеся вящъшим священно-совершительное удобрение, та ж священник удобрение. Последуй, еже и сие служительское; вчиненым же угодником, рекше иноком, дверьми невходимых суть отлучены, на нихже совершаются и предстоят не к блюдению их, но к чину и разумению своих, паче людем, нежели священническим и приближающимся. Сего ради священных чиноначалия, причащатися им священно полагает божественных, иных, рекше внутреннейшим, их припадение вручи: ибо иже и о божественнем образе присно предстояще жертвенницы, слышат и зрят божественная светле им открываемая, происходяще благовидне, называя божественных и за все послушательным и угодником и священным людям и чистящимся чином и изъявляют по достоянию священная, яже добре пречистая сохраненная, дондеж мучительски скончал еси; обличити святая святых

понудил еси нехотящая; имети, рекл еси, священная соблюдаете паче, и еже видев еси, и иже слышал еси, ниже имел еси что о прикладным священником, яко же ниже истинну словес видел еси, на кийждо день сия толкуя возвращение слышащим. И аще убо языка начальство некако взяти начнет, неповеленно ему от царя, праведне мучитися имате. И аще князь оправдая некого или осуждая, предстоя некто, иже невчиненый суд, что дерзнет, ни убо, глаголю, досаждати вкупе и начала изгоняти? Ты же, человече, сице смеятелен еси на кроткого и благаго и на священноначальническия его уставы. Но сия подобаше рещи, егда паче достояния кто начиная, обаче лепотно дети мнящеся, ибо ниже се мощно сведенному. Что убо от сея безмесно твориши, краде бога? Что же Саул подражая? Что же мучительныя бесове бога славяще и господа? Но отриновени есть благословием всяк чуждь епископ и кождо в чину службы своея да не будет, и един первосвященник внидет во святая святых и единою в лето, и сый во всякой священноначальнической чистоте. И священницы скутывают[а] святая, и леввити аще прикоснутся святых, да не умрут. Дерзнувше же Иозия, гнев божий наведе на ся, и Мария прокажена бывает, законодавцу уставополагати наченшеся. . .[б]. Сыны наскочивше бесове, не послушах и речи, и тии течаху; и не глаголаху к ним, и тии пророчествоваху, и нечестивии пожирая тельца, яко убиваяй пса. И просто рещи, не терпит беззаконных всесовершенная божия правда; глаголющим же им: «о имени твоем силы многи сотворихом», «не вем вас», отвещает, «отъидите от мени, вси делателие беззаконие». Тем же несть льзе, яко же глаголют словеса, ниже праведная, ни по достоянию гоните. Внемлите же комуждо себе подобает, а не высочайшая и глубочайшая смышляти, разумевати же единая по достоянию тому повеленная. Что же убо, глаголеши, не подобает священствуемыя, или о чесом ином безместных обличаемыя творити, единым же леть хвалющимся законопреступлением закона бога обесчествовати? И как священницы изъявили суд божий? Како бы возвестити имут людем божественныя добродетели, не уви-

деша их силу? Или како просвещат имут путем тем поне ныне? Како же божественнаго проповедят духа, ниже, аще есть дух святый, истинною вероваша им? Аз же отвещати им к сим, бо не враг домосилный же, терплю тебя лихоимствуема. И убо коеждо сущих при бозе удобрение, боговиднейша вящъше отстоимаго есть, и светлейшаго вкупе и просвещательная же паче истинному свету приближеннейшая[а]. Да не вместне приемши, но богоприятном прикладстве приближении. Аще убо священник удобрение есть просвещательно, светма отпал есть священническаго чина и силы, иже не просвещателен, кольми паче же не просвещенный. Дерзостив мне мнится священных таковый начинаяй, не убояся, ниже устыдеся божественная предстояния, гоня и непщуя богу видети, яко той собою разумен есть, и прельстити непщует, и иже лжеимение от того отца нарицаемаго имеет скверная своя злохуления — не бо имам рещи молитву, — но в божественных знаменных и христовидно глаголати. Несть се священник, несть; но злый и льстивый поругатель себе и волк на божественныя люди, в кожу обличенный. Но Димофилу сия праведная исправляти. Аще убо богослов неправедне праведная гонити повелевает — праведная же гонити есть, егда воздати вам хощет, что комуждо по достоянию, — праведни со всем достоит гонити, понеже ангелом праведно воздати, яже по достоянию, отлучати, обаче не от нас, о Димофиле, тем же нам от бога, и тем же еще примущими ангелы. Просто рещи, всех и сущих первыимя вторим воздаются, яже по[б] достоянию от всех благочиннаго и праведнейшаго промышлению: еже убо иныя начальствовати от бога вчиненныя воздают последним себе и послушливым, и юже по достоянию. О Димофиле ж слову ярости и похотению, яже по достоянию, да отлучает и да не обидит своего чина, но да начальствует меньшим первоходимое слово. Аще бо на жилищих видиши раба владыце, и старцу юношу

и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукаваго ради напоминания, датся до короля лето цело безлепо лифлянтом збиратись? Они ж, при-

шед пред зимним временем, и колько тогда народу християнского погубили! Се ли тщание изменников наших? Да и ваше благо, еже народ тако христианский погубляти! Потом послахом вас с начальником вашим Алексеем и зело со многими людьми; вы же едва един Вильян взясте, и тут много нашего народу погубисте. Такожде убо тогда от Литовские рати детскими страшилы устрашистеся! Под Пайду же нашим повелением неволею поидосте, и каков труд воем нашим сотвористе и ничто же успесте! Таково ли убо тщание разума вашего, и тако ли предтвердыя грады германския тщалися есте утвержати? И аще не бы ваше злобесное претыкание было, то бы, за божиею помощию, едва не вся Германия была за православием. Та же оттоле литовский язык и готвский[а] и ины множайшия воздвигосте[б] на православие. Се ли убо тщание разума вашего и тако ли хотение утвержати православие?

А всеродно вас не погубляем; а изменником весде казнь и опала бывает: в кою поехал еси землю, и тамо о сем пространнее увеси. А за такие ваши послуги, еже выше рехом, достойни есте были многих опал и казней; но мы еще с милостию к вам опалу свою чинили; аще бы по твоему достоинству, и ты б к недругу нашему не уехал, и в таком деле, в коем бы нашем граде избыл еси, и утекания тебе сотворити было невозможно. Коли бы мы тебе в том не верили, и мы бы тебя в ту свою вотчину не посылали, и ты так собацким своим обычаем измену нам учинил, безсмертен быти мняся, понеже смерть Адамский грех, общежительный долг всем человеком; аще бо и порфиру ношу, но обаче вем сие, яко по всему, подобно всем человеком, обложен есмь по естеству, а не яко же вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.

О ереси же всякой. Яко ж выше рехом, благодарю бога моего, вем благочестие отчасти утвердити по божию дарованию, елико ми есть сила. Сие же мняху подлежит, еже человеком яко скотом быти; аще ли же тако, то уже в человецех пара, а души несть: се убо ересть саддукейская! Сице убо ты неистовавшися, без ума пиша! Аз же верую спасову Страшному

судищу, хотяще прияти душам человеческим с телесы их, с нимиже содеяша, кождо противу делу их, вси вкупе во едином лику разлучи надвое: царие и худейшая чадь, яко братия истязани будут, кождо противу делу своему. А еже писал еси, аки не хотя уже неумытному судищу предстати, — ты же убо на человеки ересь полагаеши, сам подобен манихейстей злобной ереси пиша! Яко же они блядословят, еже небом обладати Христу, землю же самовластным быти человеком, преисподними же дияволу, тако же и ты будущее судище зде проповедуешь, и еже божиих наказаний, приходящих согрешений ради человеческих, презираеши. Аз же исповедую и вем, яко не токмо тамо мучение, иже зде живущим и преступающим заповеди божия, но и зде божияго гнева праведнаго, по своим злым делом, чаши ярости господня испивают и многообразными наказании мучатся, а по отшествии света сего, горчайшее осуждение приемлюще. Сице аз верую Страшному судищу спасову. Та ж и се вем: обладающу Христу небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на земли и преисподняя состоится его хотением, совета отча и благоволением святаго духа; аще ли ж не тако, сия мучение приемлют, а не яко же манахеи, яко же блядословиши о неумытном судище спасове, аще не хощем предстати Христу богу ответ дати о своем согрешении, вся ведущему сокровенная и тайная. Аз убо верую, яко о всех согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о[а] подвластных мне дати ответ, аще моим[б] несмотрением погрешат: како ж твой разум смеху не подлежит, яко аще тлении власти множицею на судище неволею привлачают, царю же царем и господу господем всеми владеющему, како не повинутися? И аще кто и не хощет безумен, то от божия гнева где укрытися хощет? Иже несодержимую тяготу на воздусе держаще, воду и моря востязающе божия мудрость, ему дыхание в руце всех сущих, яко же рече пророк: «Аще взыду[в] на небо, ты тамо еси; аще сниду во ад, тамо еси. Аще возму крыле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо

рука твоя наставит мя и удержит мя десница твоя. Не утаися кость моя от тебя, яже сотворил еси втайне, и состав мой в преисподних земли». Сице убо аз верую неумытному судищу спасову. И от божия всемогущия десницы живым и мертвым кому возможно где скрытися? Вся нага и отверста.

Прегордым же гонителем всем и всем Христа бога нашего истиннаго противником, яко же рече писание: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». Станем же убо о сем разсуждение имети, кто прегорд: аз ли, от бога токмо повинным рабом вам повелеваю хотение свое сотворити; или вы, противяся божия повеления, моего владычества и своего работнаго ига отметаетеся, и яко господне повелеваете мне вашу волю творити, и поучаете, обличаете и учительский сан на ся восхищаете? Яко же рече божественный Григорий к надеющимся юности и во все время держащим быти учителем: «Ты прежде брады учиши старца: или учити[а] веруешь ни от возраста, ни ото нрава, и ниже како имы честь? Посему Данил и онсицею, и изсуди я, и притча на языце: всяк убо обидяй в ответ готов, но не закон церкви скудно. Яко же ни едина ластовица весну творит, ниже письмо единаго землемерца или корабль един в море»; такожде и ты, ни от кого же рукоположен, учительский сан возхищаеши. Се ли гордо, яко владыце раба учити, или се гордо, яко владыце повелевати рабу? И может ли, и может ли сие невежда разумети, яко же ты, собака, и того не разсудиш, како же трие патриарси собрашася со множеством святителей к нечестивому Феофилу[б] царю, и многосложный свиток написаша; таковая ж хуления, яко ж ты, не написаша, аще и нечестив бяше царь Феофил: благочестивым же паипаче подобает смиреннейше вещати, да от бога сам милость обрящешь. Аз же верую Христу богу моему, яко же ни[в] движением сердечным таковая согрешения имею; и аще убо они, власть имея, и нечестивому не хулиша, ты же кто еси, сан возхищая, неистовяясь хулиши? И хощете закон божий нуждею утвердити — и своим злобесным обычаем вся апостольская предания попираете; апостолу бо Петру глаго-

лющу: не яко обладающу ряду, но образ бывающе стаду, не нуждею, но волею, не мшелом, прибытком; вы же вся сия презираете.

Гонения ж на люди воскладаете: вы ли убо с попом и со Алексеем не гонили? Како убо епископа Коломенского Феодосия, нам советна, народу града Коломны повелесте каменим побити? Но бог соблюде его, и вы согнали его со престола его. Что ж о казначее нашем Никите Афонасевиче? Почто живот его роздробисте, самого ж в заточении много лет, в дальных странах, во алчбе и наготе держасте? И кто может доволен вся гонения ваша исчести за множество их! Аще кто мало нам послушен явится, вси тии от вас гоними бысте неправедно. Сие ли убо праведно? Ни; но бесом подобно твористе, сшивая и полящая сети, уловляюще неправедно. Сие ж убо паче беззаконно твористе, подобяся фарисейскому кичению: внеуду являющесь праведни, внутрьжеуду полни лицемерия и беззакония, тако и вы являющеся человеком, яко исправления ради гонисте, внутрьжеуду свое неправедное хотение гнева исполнясте; и сие ваше гонение всем разумно суть. Истязание же не токмо до влас, но и[а] движение сердечное, яко же рече: «несоделанное мое видесте очи господни, и в книзе твоей вси напишутся». Яко же речено бысть в Старчестве о Иванне Колове: егда возстеня о некоем брате, живуще в велицей лавре во всяком небрежении, и в пиянстве и в блуде, и тако за сие виде себе восхищена в видении и поставлена у страшнаго престола пред нелицемернаго судию, господа нашего Исуса Христа, предстояще ж окрест множество ангел. Како за сие пострада и отвед восприя: «Се есть Антихрист, восхищая суд мой». И тако видит себе изгонима от престола славы, и восприя лишение в мантии, еже есть покров божий. И пятнадесять лет страдавшу ему в пустыни, едва сподобяся мантию и прощение прияти. Смотри же сего, бедник! Понеже не осуди, но токмо возстена, и за сие пострада страшно, аще и праведник; кольми же паче постражут, иже нечестия многа сотворяющии и божий[б] суд на ся восхищающе, .гордящееся, с прещением

ужасающе, а не сетующе с милованием. И аще о сетовании таковая пострада, кольми же паче осуждаяй пostражет!

Судителя ж приводишь Христа бога нашего между мною и тобою, и аз убо сего судища не отметаюся. Он убо, господь бог наш, судитель праведен, испытая сердца и утробы, и вся наша помышления во мгновении ока нага и явственна пред ним, и несть иже[а] укрыется ото очию его, вся ведущему тайная сокровения, и се убо весть, за кое дело востасте на мя и что пострадасте от мене, аще и последи, по вашему безумию, с милостию месть вам[б] воздах. Но обаче вы есте соблазн всему и начало злу, понеже, по пророку, мнясте мя червя, а не человека, и о мне глаголете, седяще во вратех, и о мне поясте, пиюще вино з другими изменники; сему убо, всем ласковым вашим советам и умышлением, судитель истинный Христос бог наш. И ты убо судию Христа приводишь, дел же его отметаешися: оному убо глаголющу: солнце да не зайдет во гневе вашем, без прощения, и молись за творящих напасть отрицаешися.

Зла же и гонения безлепа от мене не приял еси, и бед и напастей на тебе не подвигли есме; а кое и наказание мало бывало на тебе, и то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники. А лжей и измен, ихже не сотворил еси, на тебя не взважнвали есме; а которые еси свои проступки делал, и мы по тем твоим винам по тому и наказание чинили. Аще ты наших опал, за множество их, не можешь зрети, како убо может вся вселенная исписать ваших измен и утеснений, земских и особных, еже вы злобесным своим умышлением сотворили есте на мя? И мы всего того есме не памятовали, и от божия земли тебя не отгоняли, но сам еси от всех лишися, и на церковь божию востал еси, подобно Евтропию: скон церковь бо его продаде, и он сам от церкви божии отторжеся; тако же убо и ты: не божия земля тебя от себе отгнала, но ты сам себя от нея отторгнул еси и на ее пагубу востал еси. Злую же и непримирительную ненависть кую воздал тебе и до нынешней твоей измены? Всячески бо дыхал еси на пагубу нашу, и достой-

ных мук по твоему злоумию не воздахом тебе, видящи тя о главе нашей злая советующе, и в таковей ближней чести держахом тя выше отец твоих: вси бо ведят, в каковей чести родители твои жиша, и како убо отец твой, князь Михайло, в какове жалованье и в богатстве и чести был: каков же был еси и ты пред ними, и сколько у отца твоего начальников поселян, и был отец твой болярином князя Михаила Кубенскаго; ты же тоя чести от нас сподоблен был еси. Но и сия ли тебе от нас не довольно бысть? Всем еси лучше был отца своего по нашей к тебе превысочайшей милости; храброванием же множайше хуже отца своего, изменою же прешел еси. И се ли убо твое благое возлюбление к нам, еже повсегда сети претыкания полагал еси нам и, подобяся Иуде, на пагубу душу поучил еси?

А что, речеши, кровь твоя пролитая от иноплеменных за нас, по твоему мнимому безумию, вопиет на нас к богу, тем же убо смеху подлежит сие, еже убо от иного пролитая, на иного же вопиет. Аще бы и тако, еже от сопротивных супостат пролитая кровь твоя, то должная отечеству си сотворил еси; аще бы сего не сотворил еси, то неси был еси християнин, но варъвар; и сие к нам неприлично. Кольми же паче наша[а] кровь на вас вопиет к богу, от вас самех пролитая: не ранами, ниже кровными капли, но многими поты и трудов множеством от вас отягчен бых безлепотно, яко же по премногу от вас отяготихомся паче силы! И от многаго вашего озлобления и утеснения, вместо кровей, много излияся слез наших, паче же[б] и воздыхания и стенания сердечная; и от сего убо причреслие приях, понеже убо конечному люблению не сподобисте мя. А еже о царицы нашей и о чадех наших, ни мало убо внимасте[в]. Сицевое убо мое моление на вы вопиет к богу моему, паче вашего безумия, понеже бо иное пролияние крови вашея за православие, иное же, чести и богатства желая. И сие убо богови неприятно есть; паче же и удавление вменяет, да еже славы ради умрети; мое ж утеснение и вместо крови пролитыя от вас самех приях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим

злым сеянием озлобления жих, строптивая не престает убо се, но паче на вас непрестанно к богу вопиет! Совесть же свою испытал еси не истинною, лестно, сего ради и не обрел еси истинны, понеже едино воинственное испытал еси, а еже убо о нашей главе твоего нечестия, сие презрел еси; посему мнишися и неповинне быти.

«Победы же пресветлы и одоление преславно» когда показал еси? Егда убо послахом тя в нашу отчину, в Казань, непослушных наших повинути нам; ты же, в повинных место, к нам неповинных наших привел еси, измену на них туне возлагая; а на них же послахом тя, никоего жь зла им сотворил еси. Егда же в нашу отчину, на Тулу, недруг наш приходил Крымской царь, и мы тогда вас послахом противу его: оному же устрасшуся и во своя возвратившися, Агмет улану же, воеводе его, не со многими людьми оставшися, вы же тогда поехасте[a] на обед к воеводе нашему, ко князю Григорью Темкину, и ядше, поидосте за ними, и ничто же им сотворше; они бо в то время в далечайшее разстояние от вас отъидоша. Аще убо вы и раны многи претерпесте, но победы никоея же не сотвористе. Тако же убо и под градом Невлем: пятиюнадесять тысящи 4000 не могосте побити, и не токмо убо победисте, но и сам от них, ничто же успевше, едва возвратишася. Се ли убо пресветлая победа и одоление преславно? Иная убо не твоей в милости бяху. Сия убо тебе на похвалу написуется!

А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рождьшия тя, и жены своея, отлучения ради, не познах, и отечество оставлях, но всегда в дальных и окольных градех наших против врагов наших ополчахся, претерпевал еси естественныя болезни, и ранами учащен еси от варварских рук, в различных бранех, и сокрушено уже ранами все тело имеешь, — и сия тебе вся сотворишася тогда, егда вы с попом и Алексеем владесте. И аще не годно, почто тако творили есте? Аще же творили есте, то почто, сами своею властию сотворив, на нас словеса воскладаете? Аще бы и мы сие сотворили, несть дивно; но понеже бо сие должно нашему повеле-

нию в вашем служении быти. Аще бы муж браниносец был еси, не бы еси исчитал бранныя труды, но паче на предняя простирал бы ся; аще же исщитаеши бранныя труды, то сего ради и бегун явился еси, яко не хотя бранных трудов понести, и сего ради во упокоении пребывати. Сия же твоя худейшая браненосия нам ни во что же поставлена; еже ведомыя измены твоя и яже претыкания о нашей главе тебя презрена бывша, и яко един от вернейших слуг наших был еси славою и честию и богатеством. И аще бы не тако, то таких казней за свою злобу был еси достоин. И аще бы не было на тебе нашего милосердия, не бы возможно было тебе угонзнути к нашему недругу, аще бы наше к тебе гонение было, яко же по твоему злобесному разуму писал еси. Бранныя же дела твоя вся нам ведома. Не мни мя неразумна суща или разумом младенчествующа, яко же начальницы ваши поп Селивестр и Алексей неподобно глаголаху; ниже мните мя детскими страшилы устрашити, яко же прежде сего с попом Селивестром и со Алексеем лукавым советом прельстисте. Или мните ныне таковая сотворити? В притчах бо речено бысть: «егож не можеши яти, того не покушайся имати».

Мздовоздаятеля же бога призываеши; воистинну, он праведный воздатель всяким делам, благим же и злым; но токмо подобает разсуждение имети всякому человеку, како и против каких дел своих кто мздовоздаяние приимет? Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшнаго суда божия. Кто же убо восхощет таковаго ефиопъскаго лица видети?

А еже речеши, глаголя: «воссылати богу о отмщении своем», и сия или не веси, како преподобный Поликарп моляше праведне на розвращающия церковь божию о[a] нанесении суда с прещением; щедрый же в милости схождаше щедротами своими, из пропасти змиевы сих свободи, и прочее; рече Поликарпови: «готов есмь человеки страдавшия спасати, аще ми покаются». И аще убо такова праведна мужа и праведне молящася на погибель не послуша ангелский владыка, кольми же паче тебя, пса смердяща, безнаго изменника и непра-

ведника, на зло молящася, послушает. Яко же рече божественный Ияков: «Просите и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших изживете». Обаче верую богу моему: «болезнь твоя обратится на главу твою».

А еже пишешь, возлагая суд преподобному князю Феодору Ростиславичю, сего аз судию желательне приемлю, аще и сродник ти есть, понеже святии ведять, паче и по смерти, праведная творити и видят между нами и вами, яже от начала и доднесь, и праведне убо да разсудят. И яже бо нашу царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксиею, како сопротив злаго вашего немилосердаго умышления, сей святый князь Феодор Ростиславич молитвами своими, по действию святаго духа, от врат смертных воздвиг ея? И се убо наипаче явлено есть, яко не вам способствует, но нам недостойным милость свою простирает. Такожде и ныне уповаем его способника быти нам паче, нежели вам, понеже «аще бы чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили; может бо бог и от камения воздвигнути чада Аврааму». Не всии бо, изшедшии из Авраама, семя Аврамле причитаются; но живущии в вере Авраамове, сии суть семя Авраамле. Суемудрыми же мысльми ничто же помышления творим и на такой степени ног своих не утверждаем; но елика же сила наша крепчайша, тогда, на твердем степени утвердив ноги своя, стоим неподвижно.

Прогнанных же от нас несть никого, разве сами злодейственне отторгшася; избиенныя же и заточенныя вси прияша по своим винностем, яко же выше рех, по тому тако и прияша. Но обаче о сем вам скорбети подобает, еже во всем вам богоданному владыце сопротивистеся! Убиенных же по своим изменам мните, пишуще, у престола владычня предстояще, — и сие убо суемудренно твое помышление, по апостолу: «Бога никто же нигде же виде». Вы же, изменники, аще и вопиете бес правды, ничто же убо приимете, понеже сластей ради просите. Аз же убо не о чесом хвалюсь в гордости и никако же гордения желатель, понеже убо свое царьское содеваю и выше

себя ничто же не творю. Паче же убо вы гордитеся, дмящеся, понеже раби суще, царьский и святительский сан на ся восхищающе, учаще, и запрещающе, и повелевающе.

На христианский же род никаких мучительных сосудов не умышляем; но паче за них желаем противу всех врагов их не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подвластным же своим благим убо благая подаем, такожде и злым злая, по приточнику: «благим убо исперва создано бысть благо, такожде и грешником зло»; не хотением убо сия творя, ни желая, но по нужди: злаго ради их преступления и наказание им бывает. Веси ли, яко многажды и не хотяще случается по нужди законопреступъным наказание?

«Наругающиижеся и попирающии ангельский образ, согласующеся ласкателем своим некиим[а]», — развее останком вашего злаго совета! В болярех же наших несогласия несть, развее другов и советников ваших, яже ныне, подобно бесом, вся совети своя лукавыя не престающе в ночи содевающе, яко же рече пророк: «Горе совещевающим совет зол до заутрия, и гонящим свет, да в совете своем скрыют праведнаго»! И сего убо ради, яко не хотех в детстве быти, в воли вашей, гонение нарицаете. Вы же владетели и учители повсегда хощете быти, яко младенцу. Мы же уповаем милостию божиею, понеже доидохом в меру возраста исполнения Христова, и кроме божия милости и пресвятыя богородицы и всех святых, от человек учения не требуем, ниже подобно есть, еже владети множеством народа, онех разума требовати.

От кроновых же убо жрец, — еже подобно псу лаяти, яд ехидны отрыгая; сие неподобно писал еси: еже убо како рождшим своим чадом сицевая неудобствия творити, паче же и нам[б], царем, разум имущим, како уклонитися на сие безлепотство? Сия убо вся злобесным своим собацким умышлением писал еси.

А еже свое писание хощешь с собою во гроб вложити, се убо последнее свое христианство отложил еси. Еже бо господу повелевшу не противитися злу, ты же убо и обычное, еже

невежда имут, конечное прощение отвергл еси; и по сему убо несть подобно и пению над тобою быти.

В нашей же отчине, в Вифлянской земле, град Волмер недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь, — се убо свою злобесную собацкую измену до конца совершаешь. А еже от него надеешися много пожалован быти, — се убо подобно есть, понеже не восхоте под властию быти божия десницы, и от бога данным владыкам своим послушным и повинъным быти, но самовольством[а] самовластно жити. Сего ради такова государя искал еси по своему злобесному хотению, еже ничим же собою владеюща, но паче худейша от худейших раб суща, понеже от всех повелеваем есть, а не сам повелевая.

Но что еще глаголю ти много? По премудрому Соломону: «З безумным не множи словес»; обличения бо ему о правде злоба слышати. Аще бы еси имел смысл цел и разум здрав, то по приточнику сему уподобился бы еси: «Разум премудраго яко потоп умножится и совети его яко животен источник». Ты же буй сый, а утроба[б] буяго, яко изгнивший сосуд; ничто же удержано им суть; такожде и ты разума стяжати не возможе.

Писана нашея великия Росии, преименитого, царьствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царьскаго порога, от лета миросоздания 7072-го, иулиа месяца в 5 день.

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ

Лета 7072-го царево государево послание — все его Росийское царство — на крестопреступников его, на князя Андрея Курбъского с товарыщи, о их измене

Бог наш троица, иже прежде век сый и ныне есть, сын и святый дух, ниже начала име, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, имже царие царствуют и сильнии пишут правду; и данна бысть единороднаго слова божия Иисусом

Христом богом нашим победоносная хоругви, крест честный, николи же победима есть, первому во благочестии царю Констянтину и всем православным царем и содержателем православия, и понеже смотрения божия слова всюду исполняшеся, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орел летанием обтекши, даже искра благочестия доиде и до Росийскаго царствия: самодержьство божиим изволением почтен от великаго царя Владимера, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великаго царя Владимера Манамаха, иже от грек достойнейшую честь восприимшему, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже над безбожными немцы победы показавшаго, и хвалам достойнаго государя царя Дмитрия, иже за Доном над безбожными Агаряны велию победу показавшаго, даже и до мстителя неправдам, деда нашего, великаго государя Ивана, и закосненныя прародительствия землям обретателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василия, да иже доиде и до нас смиренных скипетродержания Росийскаго царствия. Мы же хвалим бога за премногую его милость, произшедшую на нас, еже не попусти доселе деснице нашей единоплеменную кровь обагритися, понеже не восхитихом ни под ким же царства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся божиим повелением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чужое восхитихом. Сего православнаго и истиннаго християнскаго самодержъства, многими владычествы владующего, повеления, наш же християнский и смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго християнства и нашего самодержания болярину и советнику и воеводе, ныне крестопреступнику честнаго и животворящаго креста господня, и губителю християнскому, и ко врагом християнским слугатаю, отступльшим божественнаго иконнаго поклоняния и поправшим вся священная повеления, и святыя церкви разорившим, и осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр,

и Гноетезны, и Арменин, сим всем соединителю, — князю Андрею Михайловичу Курбъскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти Ярославъскому владыце, ведомо да есть.

Почто, о иже аще мнишися благочестие имети, единородную свою душу отвергл еси? Что же даси измену на ней в день Страшнаго суда? Аще весь мир приобрящеши, последи смерть всяко восхитит тя: чесо на теле душу предал еси, аще убоялся еси смерти по своих бесоизвыкших[а] друзей и назирателей ложному слову. И всюду, яко же беси на весь мир, тако же и в наши изволившия быти друзи и служебники, нас же отвергшеся, преступивше крестное целование, и возъярився на мя и душу свою погубив, и на церковное разорение подвиглися есте. Не мни праведно быти: возъярився на человека и къ богу приразися; ино бо человеческое есть, аще и порфиру носит, ино же божественное. Или мниши, окаянне, яко убрежешися того? Накако же. Аще с ними воевати, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати, и християн погубляти. Аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши.

Се убо явствено есть ваше изменное умышление, от начала и доныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам превладущим да повинуются, никая же бо владычества еже не от бога учинена суть; тем же, противляяйся власти, той божию повелению противляется». Сей отступник имянуется. Инъде рече Павел апостол, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не предо очима точию работающе, не яко человекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни носити?

Како же не усрамишися раба своего Васки Шибанова? Еже бо он свое благочестие соблюде: пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целова-

ния тобя не отвержеся, и, похваляя всячески, умрети за тобя тщашеся. Ты же убо сего благочестию не поревновал еси: единаго ради малаго слова гневна не токмо свою едину душу, но и своих родителей души погубил еси; собацким изменным обычаем преступив крестное целование, ко врагом християнским соединился еси, и к тому, своея злобы не размотряя, сицевыми скудоумными глаголы, яко на небо камение меща, нелепая глаголеши; и подобна к тому сотворити своему владыце отвергл еси.

Писание же твое приято бысть, и вразумлено и внятельно, и понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же обретающеся, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче елея и та суть стрелы».

А еже писал еси: во Израили побили воевод, от бога данных нам на враги наша, и различными смертьми расторгнули есмя, и победоносную их кровь святую во церквах божиих пролияли есмя, и мученическими кровьми праги церковныя обагрили есмя, и на доброхотных своих и душа за нас полагающих неслыханныя от века муки, и смерти, и гонения умыслили есмя, изменами и чародействы сих, и иными неподобными облагая православных, — и то еси писал и глаголал ложно, яко же отец твои диявол научил тя есть, понеже рече Христос: «Вы отца вашего диявола есте и похоти отца вашего хощете творити». А сильних есмя во Израили не побили, и не вем, кто есть сильнейши во Израили, понеже Росийская земля правится божиим милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами своими государи, а не судьями и воеводами, ниже ипаты и стратиги. Ниже воевод своих различными смертьми расторгнули есмя. Аз же божиею помощию имеем у собя воевод множество и опричь вас изменников; а пожаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же.

А еще писал еси, аки не хотя уже неумытному судищу предстати, ты же на человека ересь полагаеши, сам подобно

манихейстей ереси пиша злобе сие: яко же они блядословят, еже небом обладати Христу, землею же самовластным быти человеком, преисподними же дияволу, тако же и ты будущее судище проповедаеш, зде же божиих наказаний приходящих согрешений ради человеческих презираеш. Аз же исповедаю, и всем, яко не токмо тамо мучение, иже зле живущим и преступающим заповеди божия, но и зде божия праведнаго гнева по своим злым делом чашу ярости господня испивают и многообразными наказании мучатся. Сице аз верую Страшному спасову судищу. Та же и се вем — обладающа Христа небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая.

Мы же убо християня веруем в троицы славимаго бога нашего Иисуса Христа, яко же рече апостол Павел: «Имамы бо Нову Завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величествия на высоких, иже, открыв завесу плоти нашея, всегда проповедует о нас, иже, о ихже волею пострада, очистив кровию своею Завета Новаго». Та же и Христос рече во Евангелии: «Вы убо не нарицайтеся наставницы, един бо есть наставник ваш — Христос». Мы убо християне знаем предстатели тричисленое божество, в неже познание приведени быхом Иисус Христом, богом нашим; тако же и заступницу християнскую, сподоблынуюся быти мати Христа бога, пречистую богородицу; и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангели, яко же Моисею предстатель бысть Михаил архангел, Иисусу Наввину и всему Израилю, сия убо имеем предстатели, Михаила и Гавриила и прочих всех небесных безплотных; молитвенники же к богу имамы пророци, и апостоли, и святители, и мученики, лик преподобных и исповедник и безмолвник, мужей и жен, — се убо имеем предстатели християнскии.

Се ли убо горько и тма, яко от злых предстати и благая творити? Се есть слатко и свет. Аще убо царю не повинутся подовластныя, никогда же усобных браней престанут. Се убо злоба обыче сама себе хапати, сам не разумея, что сладко и свет.

Первое послание Курбскому.

Л. 50 из списка Исторического музея. Муз. 2524/42797.

Хто убо тя поставил судью или владетеля надо мною? Или даси ответ за душу мою в день Страшнаго суда?

Понеже убо се есть вина и глава на всем делом вашего злобеснаго умышления; понеже с попом с Селиверстом положисте совет, дабы аз лише словом был государь, а вы бы с попом во всем действе были государи. Сего ради вся сия сключишася. Воспомяни же: егда бог извожаше Израиля из работы, и егда убо священника ли поставил владети людьми или многих рядников? Но единого Моисея, яко царя, постави владетеля над ними; священствовати же ему не повелено, но Аарону, брату ево, повелено священствовати, а людскаго же строения ничего не повеле творити. Егда же Аарон сотвори строй людский, тогда и от бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити, яко же Дафан и Авирон хотяща восхитити себе власть, и како сами погибоша, — еже вам боляром прилично. После того же бысть судия Израилю Иисус Наввин, священник же Елеазар, и оттоле даже и до Илия[б] жерца и обладаху судия, Июда, и Варак, и Еффай, Гедеон, и ины мнози: и каковы советы и победы на противныя поставляху, и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взял на ся священство и царство, аще сам праведен бяше и благ, но понеже от обоюду припадшу ему богатству, славе, и како сынове его, Офнии и Финеес заблудиша от истинны, и како сам и сынове его злою смертию погибоша, и весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя? Видиши ли, яко священства и рядничество царским владетелем не прилично?

Како же, собака, и того не разсудиши?

Станем же о сем разсужение имети: се ли гордое ко господину раба учити, али се не гордость — моего владычества и своего ига работнаго отметается, яко повелеваете мне свою волю творити, и поучаете, и обличаете, учительский сан на ся восхищаете, яко же рече божественный Григорей к надеющимся юности и во все время держащим ю быти учителем: «Ты же преже брады учиши старца, или учити веруеши, никако имый честь. По сем Данил зде, и онсица и онсица — юнний

судья, и притца на языце, всяк бо обидяй во ответ готов. Но ни закон в церкви складное. Яко же, ни едина ластовица весну творит, ни писмя едино землемерца, или корабль единь море», тако же убо и ты, ни от кого же рукоположен, учительский сан восхищаеши.

Яко же в старчестве реченно есть, еже о Иванне Колове, егда брата осуди в велицей лавре живущего во пьянстве, и в блуде, и в прочих неудержании, и тако скончашася. Иван же о нем востеня, и како виде себе восхищенна в видении, пред великим градом приведена, и господа нашего Иисуса Христа седяща на престоле, и с собори множество ангел окрест предстоящеи, и душе оной усопшей и принесенней ко Иванну, и осужения от него вопрошающей ангелом, в кое место повелит им вселитися; оному же безответну сущу. И егда приближишася водящеи его ко вратам иисусовым, словом возбранен бысть внити. Изиречеся ему глас иисусов издалеча: «се ли есть антихрист, восхищая суд мой?». Тако убо по гласе ему аки гониму, и вратом затворшимся, и манатьи снятой бывше — иже есть нам на большое извещение, — оному же посем пятнадесять лет страдавшу по пустыни, ниже зверя, не токмо человека видящу, и тако по таковем страдании сподобися тако же видения и манатьи, и едва прощения прия. Смотри же, бедник, яко не осуди, но востена, и како пострада страшно, аще и праведник. Кольма же паче постражуть, иже нечестия многа сотворяюще, и божий суд на ся восхищающе?

Сих всех презрел еси.

Пророк рече: горе дому, иже обладает жена; горе граду, имже мнози обладают. Во царстве многих владение подобно женскому безумию: яко же жена не может своего хотения уставити, овогда тако, иногда же инако, тако же во царстве многих владение; аще и крепки, аще и мудры, аще и разумны,— тот тако, а иной инако.

Отвещай ми: тако ли убо навыкл еси, християнин будучи, християнскому государю подобно служити? и тако ли убо

почесть подобна воздаяти от бога данному владыце, яко же ты бесовским обычаем яд отрыгаеши?

Како же убо ты доброхотных сих изменников нарицаеши? Яко же убо во Израили еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, и лжею согласившися, и лесть скрывше, и во един день избиша 70 сынов Гедеоновых, еже убо от безаконных жен ему, и воцариша Авимелеха, — тако же убо и вы собацким своим изменным злым обычеем хотесте во царьствии царей достальных истрибити, и аще не от наложницы, но от царьствия растоящагося колена хотеста воцарити. И се ли убо доброхотны есть и душу за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссущаго млеко младенца, мене смертию пагубною хотеста света сего лишити, чужаго же царствия царя во царство вести? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своим чадом хощете сотворити, еда убо вь яца место подаваете им скорпию, или в рыбы место камень? Аще убо вы, зли суще, умеете даяния благо даяти чадом вашим, аще убо доброхотныи благи нарицаетеся, почто же убо таких благих даяние не приносите чадом нашим, яко же своим? Но понеже убо извыкосте от прародителей своих и измену чинити, — яко же дед твой, князь Михайло Карамыш, со князем Андреем Углецким на деда нашего, великаго государя, умышляючи изменные обычаи, тако же князем Дмитрием внуком на отца нашего блаженные памяти великаго государя Василья многи пагубы и смерти умышлял; тако же и матери твоея деды[в] Василей и[г] Иван Тучкин, многая поносная и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану, износили; тако же и дед твой, Михайло Тучков, на преставления матери нашей, великия царицы Елены, про нея дьяку нашему, Елизару Цыплятеву, многая надменная словеса изрече; — и понеже еси порождение исчадия ехиднова, по сему тако и яд отрыгаеши. Се убо довольно указах ти, чего убо ради по твоему злобесному разуму супротивным обратися. А отцу твоему, князю Михаилу, гонение было много, и убожествовал, — измены такой не учинил, что ты.

А еже писал еси, яко бессмертен мнюся, и яз бессмертен быти не мнюся, понеже смерть адамских грех общедательный долг всем человеком.

Яко учительский сан восхищаеши, апостолу Иякову сие отрицающу: «Не мнози учители бывайте, братие, ведуще, яко вящей грех приемлем, много бо согрешаем вси. Иже бо словом не согрешит, сий совершен муж и силен, иже кто устне обуздал».

Апостолу Павлу глаголющу: «Имуще образ благочестия, силы же его отвергошася, всегда учащася и николи же в разум истинный прийти не могуща, яко же Ананий и Амврий противистась Моисею, тако же и вы противитеся истинне».

Яко же тогда, тако же и ныне; обаче благодать божиа в немощи совершается, а ваше злобесное на церковь возстание разсыплет сам Христос. Смотри же и древняго отступника Иеровоама сына Вашша, како отступи з десятью колены Израилевыми, и сотвори царство в Самарии, и отступи от бога жива, и поклонися тельцу: и како убо смятеся царство Самарийское неудержанием царей и вскоре погибе. Июдино же, аще и мало есть, но страшно пребысть до исполнения божия, яко же рече пророк: «рассвирепе яко же юница Ефрем», и паки инде рече, ино есть: «сынове Ефремли, наляцающи и спеющи луки, возвратишася в день брани, не сохраниша повеления господня, и в законе его не изволиша ходити». «Человече, останися рати; аще убо со человеком борешися, той одолеет тя или ты одолееши; аще ли с церковию борешися, то всяко тобя одолеет церковь, жестоко бо противу осну прати, на ня бо воступиши, но и нозе си окровавиши. Еда ся пени море и бесится, Исусова корабля не может потопити, на камени бо стоит. Имамы бо вместо кормьчия Христа, вместо же гребца — апостоли, вместо же корабленик — пророки, вместо же правителей — мученики и преподобныя; и сия убо вся имуще, аще и весь мир возмутится, но не убоимся погрязновения: меня убо светлейши твориши, сам же свою погибель содеваеши».

Яко же рече убо апостол: «овех убо милуете разсужающе, овех же страхом спасайте, ото огня восхищающе». Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасати? Тако же и во благочестивых царех о временех много обрящеши злейшее мучение. Тако же убо по твоему безумному разуму единако царю быти, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татие мукам невинни ли суть? Паче же и злейша сих лукавая умышления. То убо вся царствия нестроением и междоусобными бранми вся растлятся. И тако ли убо пастырю подобает, еже не разсмотряти о нестроении о подовластных своих?

И всегда убо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярым, ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли же сего не имея, то несть царь; царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хощеши ли не боятися власти, благое твори; аще ли злое твориши, бойся: не туне мечь носит, в месть злодеем.

В послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измиръскаго видение, еже моляшесь на еретиков, еже смятших божественую службу, о погибели их, и како виде, не яко во сне, но яве, на молитве предстоя, и виде ангельскаго владыку, на плещу херувимску седяща; и земли убо зинувши пропастию великою, змию оттуду страшну зияющую; онем же, яко осужеником, руце опако связани имуще и к пропасти оной влекоми, и еже к ним поползновению[д] бяху, еже в пропасть ону пасти. Святому же Поликарпу тако от зелныя ярости и гнева разжегшуся, оставшу ему предъсладкаго Исусова видения и прилежно сматряюще погибели людей онех. Тогда убо и тогда ангельский владыка с плещу херувимску сниде, и ем мужей онех за руки, плещи же свои престави Поликарпу и рече: «аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, понеже и преже сих ради плещи свои дах на раны, да вся в покаяние вмещу». И аще убо такова праведна и свята мужа, и праведне молящася на погибель, не послуша ангельский владыка, кольми паче тебя, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедна, на злую волю молящася, не послушает; яко же

рече апостол Ияков: «просите и не приемлете, зане зле просите».

Что, собака, и болезнуеш, совершивше такую злобу? К чему убо подобен совет твой будет? Паче кала смердяща. Или мниши праведно быти, еже от единомысленикОв твоих злобесных учинено, еже иноческое одеяние свергши и християн воевати? Или се есть вам отвещание, яко невольное пострижение? Но несть сие, несть. Како убо Лествечник рече: видех неволею ко иночеству пришедших и паче волных исправившихся.[е] А чесо убо сему слову не подрожасте? Много же и не в Тимохину версту обрящеши, тако же постриженных, и не поправши иноческаго образа, глаголю же и до царей. Аще ли же кои дерзнуша сие сотворити, се убо ничим же ползовашася, но паче в горшая телесная и душевная погибели приидоша, яко же князь великий Рюрик Ростиславич Смоленский, пострижен от зятя своего Романа Галическаго. Смотри же благочестия княгини его: восхотевшу ему взяти ея из невольнаго пострижения, она же не восхоте мимотекущаго царствия, но пострижеся и во схиму. Рюрик же рострижеся и многи крови християнския пролиял, и святыя церкви и монастыри пограби, и игуменов и попов и чернцов помучи, и до конца княжения не може удержати, но и имя его без вести бысть. Тако же и во Цареграде множайша сего обрящеши.

Тако ли вы благочестие держите, еже еси, злобесным обычаем своим держите и нечестие сотворяете? Или мнишися, яко ты еси Авенир, сын Ниров, храбрейши во Израили, еже такия писания злобесным обычаем, гордостию дмяся, писати. Но и тогда что бысть? А егда убо уби Иоав сын Сару, и тогда оскудел[ж] Израиль. Не пресветлыи ли победы з божиею помощию на противныя показаша? Всуе хвалишися. Смотри же и сего, иже подобно тобе сотворшаго; аще ветхословие любиши, к сему то[з] и приложим. Что убо ему бранная храбрость, еже господина своего нечестна име, еже убо подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о сем сыну Саулю Мемфиоксу, он же разгневася, отступи от дому Сауля, и тако погибе; ему же ты уподобися,

желая гордостно излишнее чести и богатества. Яко же Авенир на подружие посягну господина своего, тако же убо и ты, иже нам от бога данныя на грады и на села посягая, равно тому нечестию бесуяся сотворяеши. Или убо предложиши ми плачь Давыдов? Ни убо, царь убо, праведен сы, не хотя убьения сицева сотворити; нечестивый же во своей погибели и погибе. Смотри же, яко бранная храбрость не помагает, аще кто господина не чествует. Но еще предложу ти Ахитофела, подобна тобе лукавно совет совещевающе Авесолому на отца, и како потрясенна последи сия: единаго старца разумом совет его разсыпася, и весь Израиль побежен бысть малейшими людьми; он же удавлением конец погибельный обрете.

Вы же, изменники, аще и вопиете бес правды, и не приемлете, яко же и выше речено есть, понеже сласте ради просите.

Аз же ни о чем же убо не хвалюся в гордости, никако же убо гордения желаю, понеже убо свое царское совершаю и выше себе ничто же не творю; паче же вы убо гордитеся, дмящеся, понеже и раби суще святительский сан восхищаете, учаще, и прещающе, и повелевающе. На род же христианский мучительных сосудов не умышляем, но паче за них желаем против всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати; подовластных же своих благим убо благая подавая, злым же злая приносятся наказания; не хотя, ни желая, но, по нужде, их ради злаго преступления и наказания бывают, яко же речено есть во Евангелии: «Егда убо состареешися и воздежеши руце свои, ин тя пояшет и ведет тя, аможе не хощеши». Видиши ли, яко многажды и не хотяще случается по нужде законопреступным наказание. А наругающи же и попирающе ангельский образ, согласующим ласкателем — не вем, разве останков вашего злаго совета; безсогласных боляр у нас несть, разви другов и советников. Губители же души нашей и телу несть у нас. И се убо паки детская поминаеши; и сего ради убо не хотех во учительстве быти, в воли вашей, и того ради вы от мене гонения нарицаете. Вы же владетели и учители повсегда хощете быти ми, яко младенцу. Мы же уповаем

на милость божию, понеже доидохом в меру возраста исполнения Христова и, кроме божии милости и пречистые богородицы и всех святых, от человек учения не требуем; ниже убо подобно есть, еже владети множеством народа, инех разума требовати. О Иароновых убо жерцех, — еже убо подобно псову лаянию или яди ехиднине отрыганию. Сему убо подобно писал еси. Еже убо како родителем своим чада сицевая неудобственая творят, паче же и нам, царем имущим, како уклонится на сие безлепие и творити? Сия убо вся злобезством своим и собацким умышлением писал еси. А еже свое писание хощеши с собою во гроб вложити, се убо последнее христианство отложил еси; еже убо господу повелевшу, еже не противитися злу, ты же убо и обычное, еже и невежда не творят, и конечное прощение отвергл еси. И по сему убо несть подобно петью над тобою быти.

В нынешней же отчине, в Вифлянской земле, град Волмерь недруга нашего Жигимонтов нарицаеши, се убо свою злобесную собатцкую измену до конца совершаеши. А еже от него надеешись много пожалован быти, се убо подобно есть; понеже не хотесте под божиею десницею власти быти и от бога нам данным и повинным быти нашего повеления, но в самовольстве самовластия жити, сего ради такова и государя изыскал еси, еже по своему злобесному собатцкому хотению, еже ничим же собою владеются, понеже от всех повелеваем есмь, а не сам повелевая.

А еже бо синклита от преблужения рожденна, то не вемы, паче вас. Таковый моавитин и аммонитин еси: яко же убо они от Лота изшедше, от сыновца Авраамля, и всегда на Израиля воеваху, тако же убо и ты от властелинскаго племени исшел еси, и на ны беспрестани советуеши злая. Что же убо писал еси? Понеже убо претительно повелеваеши, яко же убо бе злобесному злохитрию подобно: ово убо лукаво, ово же ласкательно, ово же гордо, ово же страшительно, дмяся выше меры, подобяся местоблюстителем; яко изветы творя к нам писал еси, ово же худейшим рабом своим и скудным умом подобяся,

яко же избежавши от рук ваших, яко же пси нелепая глаголеши, — тако же и ты по своему злобесному собатцкому хотению и умышлению, и иступив ума, неистовяся бесному подобию, колебляся, писал еси.

Како же не устыдишися злодеев мученики нарицая, не разсужая, за что кто стражет? Апостолу вопиющу: «аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается»; божественному Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: «мучими убо суть и татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи, такови убо не блаженни, понеже грех ради своих мучени бысте, а не бога ради»; апостолу Павлу глаголющу: «лутче убо благотворяще пострадати, нежели злотворящим». Видиши ли, везде не похваляет злотворящих мучения? Вы же злобесным своим обычаем подобящеся ехиднину, отрыгания яд изливающе. Что же повиновения человек и законопреступления времени разсужающе, свою же злолукавую измену бесовским умышлением, лестию языка покрыти хотяще. Се ли убо супротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царех великаго Констянтина, како, царствия ради, сына своего, рожденнаго от себе, убил есть. И князь Феодор, прародитель ваш, в Смоленске на пасху колики крови пролиял есть? И во святых причитаются. И како же Давид, иже обретеся богу по сердцу и хотению, и како же повеле и Давид, да всяк убивает Усеина, и хромыя и слепыя, ненавидящих душа Давыдова, егда не прияша его в Иерусалим. Како убо сих причтеши в мученики, яко не хотевши от бога им даннаго царя прияти? Како же не разсудиши и се, еже и во благочестии царь и на немощней[и] чади силу свою и гнев показа. Или убо нынешняя изменники не равны ли сим злобу свою сотвориша? Но паче и злейша: они убо точию возбраниша приход и не успеша ничто же, си же приятаго от них, богом даннаго им, рожшагося у них на царстве царя, преступивше крестную клятву, отвергошася и, елико возмогоша, злая и сотвориша, словом и делом и тайными умышлении.

Апостол Павел — сие дерзнув, ему же ты являешися учитель, яко на четвертое лето небо дошед, и другим рай недоведомых слышав, и больший круг проповеданием прошед, но не по крещени, сия рече: кое указание или покажи или осужай. Аще ли отречено, да удолеет человеком любное. И сими законнова такова человека. Ненавиство же и лихоимство убо не просечеся, второе идолослужение. Блуд же тако же горько осуди, яко без тела и безплотен.

Пророк Давид рече: «Грешнику же рече бог: вскую ты поведаеши оправдания моя и восприемлеши завет мой усты твоими? Ты же возненавиде наказание и отверже словеса моя вспять. Аще видяще татя, течаще с ним, и с прелюбодеем участие свое полагаше». Прелюбодей же убо не плоти, ино же яко прелюбодей плотию и изменою. Тако же убо и ты со изменники участие свое полагаеши. «Уста твоя умножися злобу, и язык твои сплеташе лщения: седяй на брата своего клеветаше и сына матери своея полагаше соблазн». Брат же есть и сын матери своея всяк християнин, понеже во единой купели крещения вси породихомся свыше. «Сия сотворил еси и умолчал, вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен, и обличю тя, и представлю пред лицем грехи твоя. Разумей же сия забывающеи бога, да не когда похитити и будет избавляяй».

Дан во вселенней и Росийстей царствующаго преславнаго града Москвы степеней честнаго порога крепкая заповедь и слово то от лета от создания миру лета 7072-го, июля в 5 день.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ (1570)

Что преже сего не в которое время брат твой Едварт корол некоторых людей своих на имя Рыцерта послал некоторых для потреб по всему миру местом, и писал ко всем королем и царем и князем и властодержцом и местоблюстителем. А к нам ни одного слова на имя не было. И те брата твоего люди, Рыцерт с товарыщи, не ведаем которым обычаем, волею или неволею, пристали к пристанищу к морскому в нашем граде[a] Двины.[1] И мы и туто как подобает государем христьянским милостивно учинили их в чести, принели, и в своих в государских в нарядных столех их своим жалованьем упокоили. . . брату твоему отпустили. [2]И от того от брату твоего приехали к нам тот же Рыцерт Рыцертов, да Рыцерт Грай. И мы и тех также пожаловали с честью отпустили. И после того приехали к нам от брата от твоего Рыцерт Рыцертов, и мы послали к брату твоему своего посланника[2] Осифа Григорьевича Непею. А гостем брата твоего и всем аглинским людем жаловалную свою грамоту дали такову свободну, какова и нашим людем торговым не живет свободна, а чаяли есмя то, что от брата вашего и от вас великие дружбы и от всех аглинских людей службы. И в кото. . . пору послали есмя своего посланника, и в те поры брата твоего Едварта короля не стало, а учинилася на государстве сестра твоя Мария; и после того пошла за ишпанского короля за Филипа. И ишпанской корол Филип и сестра твоя Мария посланника нашего приняли с честью и к нам отпустили, а дела с ним никоторого не приказали.[3] А в те поры

ваши[6] аглинские гости почали многие лукавства делати над нашими гостьми и товары свои почали дорого продавати, что чего не стоит. А после того учинилося нам ведомо, что сестры твоей Марьи королевны не стало, а Филипа короля ишпанского аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве.[4] И мы и тут твоим гостем не учинили никоторые тесноты, а велели им по первому торговати.

А сколько грамот и приходило по ся места, — а ни у одной грамоты чтобы печат была одна! У всех грамот печати розные. И то не государским обычаем, а таким грамотам во всех государьствах не верят. У государей в государстве живет печат одна. И мы и тут вашим грамотам всем верили и по тем грамотам делали.

И после того прислали еси к нам своего посланника Онтона Янкина о торговых делех. И мы, чаючи того, что он у тебя в жалованье, его есмя привели х правде, да и другого твоего торгового человека Рафа Иванова для толмачства, потому что было в таком великом деле толмачити некому, и приказывали есмя с ним к тебе словом свои великие дела тайные, а от тебя хотячи любви.[5] А тебе было к нам прислати своего ближнего человека, да Онтона ж с ним, или б одного Онтона прислала. И нам то не ведомо, донес ли те речи до тебя Онтон или не донес, а про Онтона года с полтора ведомо не было. А от тебя к нам посланник, ни посол никаков не бывал. А мы для того дела твоим гостем дали другую свою жаловальную грамоту, а чаяли есмя того, что те гости у тебя в жалованье, и мы того для им свое жалованье свыше учинили.

И после того нам учинилося ведомо, что твой человек аглинец приехал на Ругодив Едвар Гудыван и с ним многие грамоты, и мы велели спросити о Онтоне, и он о Онтоне ведома никоторого не учинил, а нашим посланником, которые были у него приставлены, многие невежливые слова говорил. И мы велели у него обыскати грамот, и у него многие грамоты выняли и в тех грамотах про наше государьское имя и про наше государьство со укоризною писано и многи вести неподобные

писаны, что будто в нашем царстве неподобные дела делаютца. И мы его и тут пожаловали — велели с честью подержати, докуды от тебя о тех речех, которые есмя приказывали с Онтоном, от тебя ведомо будет.

И после того приехал от тебя к нам посланник на Ругодив Юрьи Милдентов о торговых делех.[6] И мы его велели спрашивати про Онтона про Янкина, бывал ли он у тебя, и как ему от тебя к нам быти. И посланник твой Юрьи дела никоторого не сказал и нашим посланником и Онтону лаял. И мы его также велели подержати, докуды от тебя нам про Онтоновы речи ведомо будет.

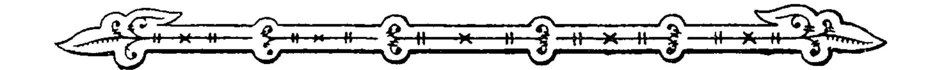
И после того нам учинилося ведомо, што от тебя пришел посол на Двинское пристанище Томос Ронделф, и мы к нему послали с своим жалованьем сына боярского и велели ему быти у него в приставех и честь есмя учинили ему великую. А велели есмя его спросити, ест ли с ним Онтон, и он нашему сыну боярскому не сказал ничего, а Онтон с ним не пришол, и почал говорити о мужитцких о торговых делех. И приехал к нам в наше государьство, и мы к нему посылали многожды, чтоб он с нашими бояры о том известился, ест ли с ним приказ от тебя о тех речех, что мы к тебе с Онтоном приказывали. И он уродственным обычаем не пошел. А жалобы писал на Томоса да на Рафа, да о иных о торговых делех писал, а наши государьские дела положил в безделье. И потому посол твой замешкал у нас быти; а после того прошло божье посланье — поветрее, и ему было у нас невозможно быти. И как время пришло, и божье посланье минулось поветрее, и мы ему велели свои очи видети. И он нам говорил о торговых же делех. И мы к нему высылали боярина своего и наместника Вологотцкого князя Офонасья Ивановича Вяземского, да печатника своего Ивана Михайлова, да дьяка Ондрея Васильева, а велели есмя его спросити о том, ест ли за ним тот приказ, что есмя к тебе приказывали с Онтоном. И он сказал, что за ним тот приказ есть же. И мы потому к нему жалованье свое великое учинили, и после того у нас и наедине был. И он

о тех же о мужитцких о торговых делех говорил, да и те дела нам изредка сказал же. И нам в то время поезд лучился в нашу отчину на Вологду, и мы велели твоему послу Томосу за собою ж ехати. И там на Вологде высылали есмя к нему боярина своего, князя Офонасья Ивановича Вяземского, да дьяка своего Петра Григорьева и велели есмя с ним говорити, как тем делом промеж нас пригоже быти. И посол твой Томос Рондолф говорил о торговом же деле и одва его уговорили, и о тех делех говорили. И приговорили о тех делех, как тем делом пригож меж нас быти, да и грамоты пописали[7] и печати есмя к тем грамотам привесили. А тебе было, будет тебе любо то дело, таковые ж грамоты пописати и послов своих к нам прислати добрых людей, да и Онтона Янкина с ними было прислати ж. А Онтона мы просили для того, что хотели есмя его о том роспросити, донес ли он те речи, которые есмя к тебе с ним приказывали, любы ли тебе те дела, и что о тех делех твой промысл. И вместе есмя с твоим послом послали своего посла Ондрея Григоревича Совина.

И ныне ты к нам отпустила нашего посла, а с ним еси к нам своего посла не прислала. А наше дело зделала еси не по тому, как посол твой приговорил.[8] А грамоту еси прислала обычную, как проежжую. А такие великие дела без крепостей не делаютца и без послов. А ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре — все о торговых делех, а владели всем делом твои гости — серт Ульян Гарит да серт Ульян Честер. И мы чаяли того, что ты на своем государьстве государыня и сама владееш и своей государьской чести смотриш и своему государству прибытка, и мы потому такие дела и хотели с тобою делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом чину, как есть пошлая девица.[9] А что которой будет хотя и в нашем деле был, да нам изменил, и тому было верити не пригож.[10]

И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибыток, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят, как учнут торговати. А Московское государьство покаместо без аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси которую есмя к тебе послали о торговом деле прислали к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлеш, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делех, по сей день не в грамоты.

Писана в нашем государстве града Москвы лета от созданья миру 7079 октября в 24.



ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III (1572)

[1]Божественнаго и пречестнаго, троичнаго, единственнаго, препетаго, трисоставнаго, неразделнаго естества отца и сына и святаго духа, вся содержащаго милостию, властию и хотеньем скифетродержателя Росийскаго царства великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского и царя Астороханского, государя Псковского, великого князя Смоленского, Тферскаго, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Резанского, Полотцкаго, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорьскаго, Обдорскаго, Кондийскаго и всея Сибирские земли и Сиверныя страны повелителя и государя отчиннаго земли Лифлянские и иным многим землям восточным и западным и северным отчича и дедича и наследника[1] и облаадателя высочайшаго нашего царского порога, честные нашия степени величества[2] грозное сие повеленье с великосилною заповедию да есть.

Как сие государьское писание дойдет, ведомо да есть Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому, что преж сего дана тебе заповедь в генваре месяце. И писано в той заповеди подлинно, как присылал еси к нашего порога величеству бити челом маистра Павла, бископа Абовского, с товарыщи, и как нашия степени величество был в своей вотчине в Великом Нове-

городе, и как твоих послов донесено до нашея степени величества приезд их в нашу отчину в Великий Новгород, и как от нашего порога степени величества заповедь учинилася послом твоим по прежним обычаем, и как послы твои уродственым обычаем нашие степени величество раздражили, и как нашия степени величество на них гнев свой распростер, и как нашего порога степени величество был в своей вотчине в Великом Новегороде и как хотел за твое недоуметелство на твою землю Свейскую гнев свой распростерть, и коим обычаем нашего порога степени величества гнев отложился на время, ждучи от тебя обращения, для послов твоих челобития к нашего порога величества думе царевичю Михаилу Кайбуловичю Азтороханского с товарыщи и для печалования детей нашего величества и нашего порога степени величества думы челобитья твоих послов отпустя, с ними заповеди нашие честные повеление к тебе послали есмя, как тебе нашие степени величества умолити.[3] И о том тебе неодинова подлинно заповедь писана и дана; а срок тому положили есмя на сем лете твоим послом с челобитьем быти в нашу отчину в Великий Новгород к нашего порога степени величеству Троицын день,[4] а сами, как есть государи истинные христьянския, умилосердилися, на твою Свейскую землю гнев свой поудержали и возвратили бранную лютость. А которые немногия передние люди оторвався да так учинили, где еси своих людей дел и что твоей земле учинили и сколько пленили, то сам сочтешь.[5] А нашия степени величества чаяли того, что уже ты и Свейская земля в своих глупостех познаетеся. А твоих послов пожаловав милостивно отпустили есмя. А как тебе нам бити челом, и тому наша степень величество заповедь учинила и срок заповедано — Троицын день. А нашия степени величество рклися быти в то же время в своей вотчине в Великом Новегороде и розслушати твоего челобитья от послов твоих.

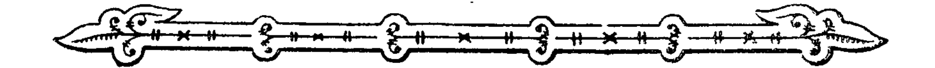
И нашия степени величество приезжали есмя в свою в вотчину в Великий Новгород с своими думными людми нашего порога величества по заповеданному тебе сроку Троицын день.

И ты аки изумлен, и по августа осмый день никоторого от тебя ответу нет. А мы и по ся места милостивно от тебя послов с челобитьем ожидали в кротком предстоянии своею лепотою царьскою и с своим чином думою, з ближними людми, без рати, и про послов твоих слуху нет и по ся мест, быти ли им или не быти. [6]А Выборской твой приказщик Андрус Нилишев писал к Ореховскому наместнику ко князю Григорею Путятину, будто нашия степени величество сами просили миру у ваших послов.

И о том много писать не треба: увидишь нашего порога степени величества на сей зиме прошение миру, то уже не зимушнее! А после того сказали, что твои послы будут к Петрову дни.[6] Али чаешь, что по прежнему воровать Свейской земле, как отец твой Гастав через перемирие Орешек воевал?[7] И что толды доспелося Свейской земле? А как брат твой Ирик оманкою нам хотел дати жену твою Катерину да и с королевства его сослали, а тебя посадили.[8] А осенесь сказали тебя мертва, а веснусь сказали, что тебя збили со государьства брат твой Карло да зять твой арцог Маамус.[9] А опосле того учинилось ведомо про послов твоих, будто идут, а ты будто на своем государьстве. А ныне про послов твоих слуху нет, а ты, сказывают, сидишь в Стеколне в осаде, а брат твой Ирик к тебе приступает. И то уже ваше воровство все наруже: опрометываетеся, как бы гад, розными виды. И коли уже так лето прошло, а ты бити челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (надеешся на деньги, что еси богат!), и мы много писати не хотим: положили есмя упование на бога. А что Крымскому без нас от наших воевод учинилось, о том спрося уведаешь![10]

А мы ныне поехали на свое царство на Москву, а опять будем в своей вотчине в Великом Новегороде декабря месяца, и ты толды посмотришь, как мы и люди наши учнем у тебя миру просить! И похошь бранную лютость утолити и пришлешь послов с нашею заповедию, и мы, смотря по твоему покорению, также пожалуем.

Дана честная сия заповедь в нашей отчине в Великом Новегороде лета 7080-го, месяца августа в 11, индикта 15, государьства нашего 39, а царств наших Российскаго 26, Казанского 20, Астороханскаго 18.[11]



ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III (1573)

Божественнаго и пречестнаго, троичнаго, единственнаго, препетаго, трисоставнаго, нераздельнаго существа, отца и сына и святаго духа, вся содержащаго милостью и властию и хотеньем скифетродержателя Российскаго царствия, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии [*полный титул до слова* наследника] честныя нашия степени величества слово наше то Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому.

Что прислал еси свою грамоту с полоняником и которая твоя лая, и тому заповедь опосле.[1] А ныне своим государьским высокодостойнейшия чести величества обычаем подлинную заповедь со смирением даем.

Первое, что ты пишешь свое имя наперед нашего, и то не по пригожю, потому что нам цысарь Римский брат и иныя великия государи, а тебе тем братом назватись не возможно, потому что Свейская земля тех государств честию ниже, якоже напреди явленно будет. А сказываешь отца своего вотчину Свейскую землю, и ты б нам известил, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего имянем звали, и на королевстве был ли,[2] и с которыми цари братство ему и дружба была, укажи нам то имянно и грамоты пришли, и мы по тому уразумеем.

А что присылал еси гонца своего Петрушу толмача просити опасной грамоты на своих послов, и мы чаяли, что по прежнему, как преж того бывал вам мир с наместники Ноугород-

цкими [3] (а то велося изстари за неколькое сто лет ещо при князе Юрье да при посадникех Ноугородцких, а у вас при Магнуше князе, которой приходил к Орешку [4]), и мы потому и опасную грамоту послали по прежним обычаем, и мир нашим вотчинам Великому Новугороду и Лифлянской земле с тобою учинити по прежним обычаем пожаловати хотели есмя. И ты бискупа Павла прислал з безделием гордостно, ино потому так и не делалось. А что опасная грамота послана з бискупом Павлом, и ты о чом к нам послов своих не прислал во все лето? А мы были в своей вотчине в Великом Новегороде, а ждали от тебя покорения, а рати нашия нигде никоторыя не было, развее мужики порубежныя меж себя бранилися. А что в Финской земле оторвався от наших от передовых людей немногие люди да повоевали, и то учинилось потому: в кою пору мы к тебе грамоту опасную послали на послы з бискупом с Павлом, а те люди перед нами ушли за далеко, и мы и послали их ворочати, и наши посланники их не сустигли, и они и повоевали.

А Вифлянские земли нам не перестать доступать, докудова нам ее бог даст. А лихорадство почал ты, как сел еси на государьство. И послов наших великих, боярина нашего и наместника Смоленскаго Ивана Михайловича Воронцова да дворетцкого нашего Можайского Василия Ивановича Наумова, да дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина, неповинно за посмех велел еси ограбити и безчествовати, в одных сорочках поставили![5] А таких великих людей: отец того Ивана Михайло Семенович Воронцов был от нас намесником на нашей отчине на Великом Новегороде, а того из века не бывало, чтобы от нашия державы быти послом в Свейской земле, все хаживали послы от Ноугороцких намесников! А на послов пеня положена напрасно, будто то их пеня, что они по твою жену приехали, а они не сами приехали, послали их, а послали их по вашей же облышке, что сказали тебя в животе нет. А коли бы сказали, что ты жив, ино было как твоей жены просить? И каждый то ведает, что жена у мужа взяти нелзя. И тебе было пенять на своего брата Ирика да на его думцов, которые с ним

то дело делали ложно. А послы наши, боярин наш и наместник Смоленской Иван Михайлович Воронцов с товарыщи, за посмех страдали от твоего неразсужения.

А то делалось тем обычаем: первое, после свадбы твоей вборзе учинилось ведомо, что брат твой Ирик тебя поимал, а после того учинилось ведомо, что тебя не стало. И мы, помешкавши года с полтора, послали есмя к брату твоему Ирику королю гонца своего Третьяка Ондреевича Пушечникова проведати, есть ли ты или нет, и буде тебя в животе нет, а детей у тебя нет же, и брат бы твой Ирик, похотя нашего жалования, брата нашего короля Полского и великого князя Литовского Жигимонта Августа сестру Катерину к нам прислал, а мы его за то пожалуем — от наместников своей отчины Великого Новагорода отведем и учнем с ним сами ссылатися; а просили есмя брата своего сестры Катерины не иного чего для, только взяв ее, хотели отдать брату ее и своему Жигимонту Августу, божиею милостию королю Польскому и великому князю Литовскому, а у него взяти за сестру его Катерину свою отчину Лифлянскую землю без крови, а не по тому, как безлепишники по своим безлепицам врали; а в том деле иного ничего нет, опричь того, как есмя выше писали.

А тебя у нас утаили; а только бы мы ведали, кое ты жив, и нам было твоей жены лзя ли просити? И посланника нашего Третяка, заведши в пустынныя места, лихою смертью уморили, а к нам присылал брат твой посланника своего Ивана Лаврентьева,[6] будто нашего гонца Третьяка притчею не стало, а то бы мы известить велели, с чем мы к Ирику послали бы своего гонца Третьяка. И мы то Ивану Лаврентьеву велели сказати свое жалование брату твоему: только он пришлет короля Польского сестру Катерину, а мы его пожалуем — от наместников отведем. И после того брат твой Ирик послал к нам послов своих князя Нилша с товарыщи, и посулили нам дать Польского короля сестру Катерину, а мы были пожаловали брата твоего Ирика, отвели от наместников, и крест целовали и своих великих послов послали. И наши послы вели-

кия жили у вас с полтора году. А про тебя слуху никакого не было, — есть ли ты, нет ли, и у Нилша с товарыщи не могли про тебя допытатися ничего, ино потому тебя и не чаяно, и потому то и прошено. И ты пришедши да неподелно на наших послов и грабеж и безчестье и соромоту учинил, по лживому посланью брата твоего и всех свейских людей. Оманкою заведши наших послов, да мучити, да ограбя, да в Абове сидели за сторожи год, да как всяких полоняников отпустил еси! А наши послы не виновати ни в чем, — толко бы ваши люди не солгали, и нашим было послом не по што ходити; мы чаяли то, что правда. И тебе было пеняти на своих людей, которые неправдою посылают, а наши послы от тебя напрасно мучились от твоего неразсужения. А после того еси прислал к нам с великою гордостью послов своих, Павла, бискупа Абовского. Ино лихорадство ты почал делати, что мимо лживых людей да на прямых падаешь, — коли бы мы вашей лжи не поверили, ино бы так не сталось.

И мы тебе то подлинно известили, а много говорить о том не надобеть: жена твоя у тебя, нехто ее хватает, а и так еси одного для слова жены своей крови много пролил напрасно. А вперед о той безлепице говорити много не надобе, а учнешь говорити, и нам тебя не слушати: ты как хочешь и з женою, нехто ее у тебя пытает!

А что писал еси о брате своем Ирике короле, будто нам его для было с тобою война почати, и то смеху подобно. Того для было нам с тобою нечего для война починати: нам брат твой Ирик не нужен. А что мы к нему свою жалованную грамоту посылали, и то делалось тем обычаем: как ты присылал к нам гонца своего Онтона Олса, а в те поры в нашей отчине Великому Новугороду с тобою война учинилась, и к нам через некоторых людей от Ирика короля челобитье дошло, чтобы нам ему как помощь учинити, или к нам прибежит, и нам бы его пожаловати приняти. И мы потому свое жалование послали, что ты нашей отчине недруг, ино бы, откудова нибудь на тебя что вставить, чтобы ты в своих гордостех

узнался и посмирел, а нам было рать почать же, ино то тут готово. А того для было рати нечего для починать, да и не хачивали есмя починать того для; а беглово было нам как не хотети примати?[7] А к тебе есмя писали, чтобы ты узнался да прислал послов, ино бы приговор о всем был, как по пригожю. Ино ты гордостью не прислал послов, ино потому и кровь льеца. [8]А о Ирике ведь мы к тебе ни с кем не приказывали и за него не говаривали и не вывечивали, и коли дела не было, ино о чем говорити? А грамота что знает? Написано, да и минулося.[8]

И коли бы ты хотел правдою жити, и ты бы прислал ко мне послов, ино бы то все без крови изправилось. А то ты крови желаешь, да безделье говоришь и пишешь. Нехто тебя пытает, з женою и з братом как с ними хочешь, о том говорити много не надобе. А кровь большая проливаетца за нашу вотчину Лифлянскую землю да за твою гордость, что не хочешь по прежним обычаем ссылатися с наместники Ноугородцкими; и только в том не узнаешься, ино и вперед многой крови литись неповинно от твоей гордости, и что неподелно вступился еси в нашу отчину в Лифлянскую землю. А что писал еси, будто мы не здержим печати, ни грамоты, ино много великих государств, и во всех тех государствах наше слово непременно живет (и ты там спрося уведай!), ино бы то в одной Свейской земле то переменилось? А что послы твои через обычей и через опасную грамоту так безчествованы и в пойманье были,[9] и ты тому не дивися: за твое неподобное дело над нашими послы терпети было невозможно, да еще и то не сровнялося с нашими послы — нашие великие люди, а те страдники, а наши послы у тебя в Абове сидели заперты долго (ино то не пойманье ли?), да и отпустил еси их, как бы полоняников, а и всех поотрутили, и приехав сюды да померли. А спесивства нашего никоторого нет, а писали по своему самодерьжству, как пригоже быти, и по твоему королевству, — занеже преж того не бывало, что великим государем всеа Русии с Свейскими правители ссылатися, а ссылались Свейские правители

с Новымгородом. Ино тем ли Великий Новгород отчина наша честна была, что от нас откладна была, али тем ныне безчестна, что нас познали своих государей, как ты пишешь неподобно? А войску нашему правитель бог, а не человек: как бог дасть, так и будет.

А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей род, а не государьской. А пишешь к нам, что отец твой венчанный король, а мати твоя также венчанная королева, — ино то отец твой и мати твоя и венчанныя, а дотоле не бывал нихто! Уже так сказываешься государьской род, и ты скажи, отец твой Густав чей сын и как деда твоего звали, и где на государьстве сидел, и с которыми государи был в братстве и которого ты роду государьского? Пришли родству своему писмо, и мы по тому розсудим. А нам дополна ведомо, что отец твой Густав из Щмалот,[10] да и потому нам то ведомо, что вы мужичей род, а не государьской: коли при отце при твоем при Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, и отец твой сам, в рукавицы нарядяся. сала и воску за простого человека вместо опытом пытал и пересматривал на судех и в Выборе того для бывал, а то есмя слыхал от своих торговых людей. И то государское ли дело? Коли бы отец твой был не мужичей сын, и он бы так не делал. А что пишешь — за неколько сот лет в Свее короли бывали, и мы того не слыхали, опричь Магнуша, который под Орешком был, и то был князь, а не король. А Стен Стур давно ли был правитель на Свейской земле?[11] Тому у тебя памятухов много, их спрося, уведай. А и отец твой грамоты писал с намесники Ноугородцкими, и в тех грамотах писано так: первое — писано нашего царьского величества титло, да после писано: [12] «Густаус Ерикович, божиею милостию Свейский и Готцкий король и советники кралевства Свейскаго и вся земля Свейская присылали своих великих послов к великому государю Ивану, божиею милостию царю и государю всеа Русии и великому князю бити челом, чтобы великий государь Иван, божиею милостию царь и государь всеа Русии и великий князь, Гастауса, короля

Свейского и Готцкого, и советников кралевства Свейскаго и всю землю Свейскую пожаловал, велел своим бояром и намесником Великого Новагорода и своей отчине Великому Новугороду взяти перемирие, да и торги бы своей отчины людем Великого Новагорода з землею Свейскою велел держати по старине. И великий государь Иван, божиею милостью царь и государь всеа Русии и великий князь, по их челобитию, Гастауса Ериковича, короля Свейскаго, и всю землю Свейскую пожаловал, велел своему боярину и намеснику Великого Новагорода князю Борису Ивановичю Горбатому да дворетцкому Семену Никитичю Бутурлину и своей отчине Великому Новугороду взяти перемирие да и торг своей отчины людем с Свейскою землею велел держати по старине. И добиша челом великого государя царя Рускаго наместнику Ноугородцкому и князю Борису Ивановичю Горъбатому и дворетцкому Семену Никитичю Бутурлину послове свейские господин Кнут Ондреевич да Бернядин Николаевич и взяли перемирие с великого государя царя Рускаго намесником со князем Борисом Ивановичем Горбатым и з дворецким с Семеном Никитичем Бутурлиным за великого государя отчину за всю Ноугородцкую землю на шездесят лет от Благовещеньева дни лета семь тысящ четыредесят пятово до Благовещеньева дни лета семь тысящ сто пятого и за всю землю Свейскую. А на том миру быти сьезду на Соболине на Оксе реке после взятия миру на десятом году на Ильин день лета седмь тысящ пятьдесят пятого, а на зъезде быти из великого государя царя Рускаго отчины из Великого Новагорода, также и из Свейскаго кралевства честным людем с обе стороны, которым отвести и рубеж учинити земле и воде по княж Юрьевым грамотам и по княж Магнушевым грамотам. А на том на всем на сей перемирной грамоте повелением великого государя Ивана, божиею милостью царя государя всеа Русии и великого князя, боярин и намесник Великого Новагорода князь Борис Иванович Горбатой и дворетцкой Семен Никитич Бутурлин к сей грамоте печати свои приве-

сили и крест на сей грамоте целовали и за отчину великого государя царя Рускаго за Великий Новгород и за всю Новгородцкую державу. А от Свейские земли от Гастаусовы королевские державы и от Выборские державы и от Выбора города и от всее земли Свейские и за Выбор город и за Выборскую державу и за всю землю Свейскую от Гастауса короля и от советников кралевства Свейскаго целовали крест послове кралевства Свейскаго Кнут Ондреевич да Берднядин Николаевич. А как пошлют великого государя царя Рускаго намесники Ноугородцкие своего посла к Гастаусу королю, и Гастаусу, королю Свейскому и Годцкому, перед тем послом крест целовати на том, как в сей перемирной грамоте писано, за всю державу кралевства Свейскаго, и печать своя к сей грамоте привесити Гастаусу, королю Свейскому. А арцыбискупу Апсалимскому на том рука дати за всю державу кралевства Свейскаго, да и по тому им и правити, как в сех в перемирных грамотах писано. А се мир взят в Великом Новегороде лета семь тысящ четыредесять пятово, а от воплощения господня лета тысяща пятьсот тридесять седмое».[12]

И то есмя тебе из грамоты выписали подлинно, как отец твой Гастаус был в перемирье с намесники с Ноугородцкими. И коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу арцыбискуп и советники и вся земля в товарыщех не были, и землю к государем великим не приписывают. А всево тово подлиннее пришли государству своему писмо, как сам еси писал за четыреста лет, — хто и которой государь после которого сидел на государьстве и с которыми государи в братстве был, и мы по тому уразумеем твоего государьства величество. А что прежния ваши жили по городом и по государьским местом, да не по мужитцким деревням, и хто будет роду вашего был, опричь отца твоего (и ты скажи именно!), и которые короли были и от которого роду. А что писал еси о Арцымагнусе короле,[13] и мы, опричь его, то ведаем, что вы мужичей род, да родством въгосударилися, а не по достоинству. А хто будет и был по городом и по болшим местом, ино не от вашего же роду

да и не короли. А королей мы Свейской земле не слыхали и до отца твоего Гастауса; первой король — отец твой, а и ссылка в отца твоего грамотах на княжь Магнушевы грамоты, а не на короля.[14] Могл бы то и отец твой сыскати прежних королей, да не писал королей, а написал князя Магнуша, а ты, неведомо почему, сыскал у себя прежних королей! Да и потому ваш мужичей род и не великое государьство, что писано в тех же грамотах отцу твоему целовати крест за всю Свейскую державу и за Выбор город и за Выборскую державу, а арцыбискупу Апсалимскому[15] на том рука дати на грамоте; а от Свейские земли от Гастаусовы королевы державы и от Выборские державы и от Выбора города и от всее Свейския земли и за Выбор город и за Выборскую державу и за всю землю Свейскую от Гастауса короля и от советников кралевства Свейскаго целовали крест послы кралевства Свейскаго для того, что Гастаусу королю целовати крест, а арцыбискупу Апсалимскому рука дати да по тому им и правити. И ты бы себе розсудил, в великих государьствах так ведетца ли, как в вашем? Отец твой целовал за Свейскую державу да и за Выборскую державу, и по тому Выбор кабы иное место, а на Выборе отцу твоему кабы товарыщ. Коли бы ваше великое государьство было, и арцыбискуп бы Псалимской в товарыщех отцу твоему писан не был, а то написан арцыбискуп отцу твоему товарыщ. А советники королевства Свейскаго почему отцу твоему товарыщи? А послы не от одного отца твоего, от всего кралевства Свейскаго, а отец твой у них в головах, кабы староста в волости. И коли бы отец твой великой государь был, и арцыбискуп бы у него в товарыщех не был, и советники и вся земля Свейская и Выборьская держава не приписана была, и послы бы были от отца твоего от одного, а не от кралевства Свейскаго, а от послы от кралевства Свейскаго, а не от одного отца твоего, а арцыбискуп написан. «Правити и им по той грамоте» — ино видиши ли, како отцу твоему правити, таково арцыбискупу! И тебе потому нелзя ровнятися с великими государи: в великих государьствах тех обычаев

не ведетца. А хто будет не бережет своего государьства, а к тобе пишет братом, тот сам ведает; а нам на то не сматривати, мы смотрим своего царьствия степени чести.[16] А будет не веришь той грамоте отца своего, и ты пришли послов своих верных людей, и они посмотрят тое грамоты и печать у нее отца твоего. А хто будет наперед отца твоего на Свейской земле король был, и ты извести нам с послы имянно, хто был на королевстве и которого роду и с кем в братьстве был,— мы того не слыхали; нешто будет ты ново где нашол королей тех в которой своей коморе?

А король Магнус нам того не сказывал и сам он столько не ведает, как мы про ваш мужичей род от всех земель ведаем, которые к нам приходят. А что мы короля Арцымагнуса пожаловали городом Полчевым и иными городы, и мы з божиею волею в своей вотчине волны:[17] ково хотим, тово жалуем. А что о королеве о Арцымагнусове прародителе Фредрике — ино нечто буде переводчики не гораздо описалися.[18] А ты сам о том правду написал, что Керстан, Дацкой дородной король, взял был дородством Свейское королевство, да оставя своих бояр тут, да поехал на свое государьство в Датцкую землю; и отец твой Гастаус, зговорялся с прежними правители Свейския земли, да пригнался из Щмолант с коровами да Керстеновых короля Дацкого бояр побил, а сам королем учинился; а после того, сослався с Крестьянусом, с Магнусовым отцом, да Керстана поимали, а Крестьянуса на Дацком королевстве посадили.[19] То так делалось, ты о том писал правду нам, болши того писать не надобе. И сам ты написал, что у вас королевство учинилось от Датцкаго королевства, а только нам грамоту и печать покажешь, как бездушством отец твой Гастаус делал и королевства достал, ино и того лутче, нам о том писати много не надобе — сам еси свое страдничество написал!

А что ты написал по нашему самодержьства писму о великом государи самодержце Георгии-Ярославе, и мы потому так писали, что в прежних хрониках и летописцех писано, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом

на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были;[20] да толко мы то известили, а нам то не надобе. А что пишешь о печати о своей, а мы потому писали, что ты хочешь мимо намесников Ноугородцких с нами ссылатися, и тебе бы нас против того почтити чем пригоже. Да и о том есмя х тебе писали, а без почестливости тому быти невозможно, что тебе мимо намесников с нами ссылатися. [21]А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся, а ты усужаешь нам противно богу; что нам бог дал, и ты и то у нас отнимаешь; мало тебе нас укарять, и ты на бога уста разверз. А твоя нам титла и печать, чаешь, примериватися, высости ли для, — нам твоей чести мужичьей нечево добиватца и примериватьца к твоей высости не к чему![21] Мы тебе тово для писали, что тебе надобе мимо намесников с нами ссылатися, и тебе того не выкупя у нас, чем пригоже, не видать будет. Захош тово для кровь проливати, то ты ведаешь; а мы положили на божию волю, что нам милосердый бог устроил. А твоево титла и печати мы так запросто не хотим: будет тебе любо с нами ссылатися мимо намесников, и ты нам покорися и поддайся, и что будет пригоже, тем нас почти, и мы тебя пожалуем, от намесников отведем; а даром тебе с нами ссылатися не пригоже и по государьству, и по отечеству; а сами без твоего покорения твоего титла и печати не хотим. А что хочешь нашего царствия величества титла и печати учинити, и ты, обезумев, хоти и вселенней назовешся государем, да хто тебя послушает? А будет тебе так нелюбо, и ты живи по старому с намесники. А что писал еси, что нам то честь, что ваша печать и земли, и мы потому так писали: коли хошь с нами ссылатися мимо намесников, и ты нам поддайся, и коли поддашься, ино земля и владение и печать наша, и мы тебя жалуем и ссылаемся с тобою, как своим; а с чюжим с молодым, как ты, ссылатися нам не пригоже.

А к намесником тобя не я примериваю, то изтари ведетца, бог в том тебя устроил, и ты богу противишься, а в божие

повеление не хошь быти. А которому тобе богу молитца, а ты безбожен, не токма что изстинны не познал еси, но и малую сень латынскаго служения испровергли есте и образы побили и быти священнику, яко людем, а то и сам написал еси, что король на Свейской земле отцом твоим.[22] А мы себя сами ни хвалим, ни славим, а пишем, в какове нас достоинстве бог устроил; а тебя не хулим, а пишем к тебе потому так, чтобы еси познался да от неподобных дел отстал.

А что писал еси о своей королевне, будто мы ее у тебя просим, и ты не разумен сый, не разуме[23]. Мы к тебе тово для то писали, будет тому возможно статися, что тебе жена отдати, ино то и то станетца, что нам самим крест целовати; ино ведь тому невозможно статися, что у мужа жена взять, каждому то ведомо (да и мы того не хотим!), так и тому не возможно статися, что нам с тобою самим ссылатися, мимо наместников — таково то велико! А ты не розсудя писал. Мы тебе писали, не жены у тебя просили, — нам твоя жена не надобе; мы тебе к розсуду то писали: сколь то невозможно у тебя жены взять, таково то невозможно тебе с наместники не ссылатися. Мы тебе писали, величество гордыни твоей розсужая, а не жены у тебя просили, нам твоя жена одноличо не надобе, как хочешь с нею. И крови неповинные мы не желаем, — ты за свою гордост розливаешь кровь крестьянскую и розливать желаешь. А что пишешь, будто ложно, что польская королевна за конюхом была, и ты спроси, хто ведает, при Ягайле, короле Полском, хто был Войдило, и которым обычаем Ягайлу з дядею своим с Кестутьем бои были [24] и как Кестутей и Войдила повесил и как Ягайло Кестутья изымал да велел удавити, а познано будет правда.

А что дияк наш приказывал твоему человеку Онтону Олсу, чтобы ты нам поступился всево тово, что в нашей вотчине в Вифлянской земле, неподобно вступився, держишь, и о серебряной руде и о мастерех, которые руды ищут, и о десяти тысячах ефимкех за послов наших безчестие[25] и о воинских людех, то мы приказывали потому: будет тебе надобно с нами ссыла-

тися, и тебе было то учинити, а не поставят против такова великого дела великого же дела, тому сстатися не возможно. А мы таких неподелств не принимаем; ты примаешь, коли то неподелно. А то почему поделно, что тебе с нами ссылатися? Ино то и то неподелно, что нам с тобою ссылатися, а что нам с тобою самим мир учинить и крест целовать мимо намесников и послов своих к тебе послати.

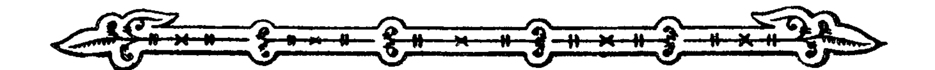
А ты к нам своих послов не хошь послати бити челом, и мы тому удивляем есмя, откудова на тебя гордость и сила взошла, что ты в том быти не хочешь, в чом отец твой был: отец твой век свой изжил, а с намесники ссылался, а маленко был не похотел под старость, — и каково ему удалось то, и ты ведаешь! [26] Ино отец твой в том век изжил, а ты не хочешь,— большое ты лутче отца, что отца своего чину не хочешь! А не пришлешь послов, ино миру не бывать, а нам к тебе послов послать не пригоже. А мы тебя жалуючи пишем: похошь нашего жалованья, чтобы мы тебя от намесников отвели, и ты пришли к нам послов своих великих бити челом, да противу того также нас почти великим делом, как тебе возможно, и мы тебя пожалуем от намесников отведем; а не выкупя, тебе тово у нас не видати.

А что писал еси к нам лаю и вперед хочешь лаем писати против нашего писма, и нам великим государем и без лае к тебе писати нечево, да и не пригодитца великим государем лая писати; а мы к тебе не лаю писали — правду, а иное и потому же столко писали, что от тебя без разсуженья ответу не было ни о чем. А ты, взяв собачей рот, захошь за посмех лаяти, ино то твое страдничье пригожство: тебе то честь, а нам великим государем с тобою и ссылатися безщестно, а лая от себя писати тово хуже, а с тобою перелаиватися и на сем свете того горее и нет, и буде похошь перелаиватися, и ты себе найди таковаго же страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся. А к нам тебе сколько ни писать лаи, и нам тебе о том ответу никакого не давывать.

Второе послание шведскому королю Иоганну III.
Л. 31 из Книги шведского двора № 3 (ЦГАДА).

А что хошь пытатися, и твои пушки наши люди видели, и вперед похошь ещо попытатися, и что будет тебе прибыль, и ты себе розсмотришь. А похошь земле своей покоя, и ты б прислал к нам послов своих, и что будет твое хотенье, и мы их выслушаем да что по пригожю, так и учиним.

Писана в нашей вотчины Лифлянские земли города Пайды лета 7081, месяца генваря в 6, индикта 1, господствия нашего 40, а царств наших Росийскаго 26, Казанского 21, Асторо-ханского 18.



ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ (1573)

Послание царя и великаго князя Иоанна Василиевичя всеа Русии в Кирилов монастырь игумену Козме, яже о Христе з братиею

В пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владичицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чюдотворца, яже о Христе божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме, яже о Христе з братиею, царь и великий князь Иоанн Василиевичь всеа Русии челом бьет.

Увы мне грешному! горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз на таковую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от таковаго начинания.[1] Аз[а] брат ваш недостоин есми нарещися, но по еуангельскому словеси сотворите мя, яко единаго от наемник своих. Тем же припадая честных ног ваших стопам и мил ся дею, бога ради, престаните от таковаго начинания. Писано бо есть: «свет иноком ангели, свет же миряном иноки». Ино подобает вам, нашим государем, и нас заблуждьших во тме гордости и сени смертней прелести тщеславия, ласкордъства и ласкосердия, просвещати. А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати, и чем просветити? Сам бо[б] всегда в пианьстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хище-

нии, в ненависти, во всяком злодействе, по великому апостолу Павлу: «надеяй же ся себе вождь быти слепым, свет сущим во тме, наказатель безумным, учитель младенцем, имуща образ разума и истинне в законе; научаяй бо иного себе ли не учиши? проповедаяй не красти — крадеши; глаголяй не прелюбы творити — прелюбы твориши; скаредуяйся идол — святая крадеши; иже в законе хвалишися — преступлением закона богу досаждаеши». И паки той же великий апостол глаголет: «Егда како инем проповедав, сам неключим буду?».

Бога ради, отцы святии и преблаженнии, не дейте мене, грешнаго и сквернаго, плакатися грехов своих и себе внимати, среди лютаго сего треволнения прелестнаго мимотекущаго света сего. Паче же в настоящем сем многомятежном и жестоком времени, кому мне, нечистому и скверному и душегубцу, учителю быти? Да негли господь бог, ваших ради святых молитв, сие писание в покаяние мне вменит. И аще хощете, — есть у вас дома учитель среди вас — великий светильник Кирил. И на его гроб повсегда зрите, и от него всегда просвещаетеся». Потому же[в] великие подвижници ученицы его, а вашы наставницы и отцы, по приятию рода духовнаго даже и до вас. И святый устав великаго чюдотворца Кирила, яко же у вас ведется. Се у вас учитель и наставник! — от сего учитеся, от сего наставляйтеся, от сего просвещайтеся, о сем утвержайтеся; да и нас, убогих духом и нищих, благодатию просвещайте, а за дерзость, бога ради, простите. [2]Понеже помните, отцы святии, егда некогда прилучися некоим нашим приходом к вам в пречестную обитель пречистыя богородицы и чюдотворца Кирила, и случися тако судбами божиими: по милости пречистыя богородицы и чюдотворца Кирила молитвами от темныя ми мрачности малу зарю света божия в помысле моем восприях, и повелех тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с некоими от вас братии негде в келии сокровене быти, самому же такожде от мятеж и плища мирскаго упразнившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменом бяше Иоасаф архимандрит Каменьской, Сергий Колы-

чев,[1] ты Никодим, ты Антоней, а иных не упомню; и бывши о сем беседе надолзе, и аз грешный вам известих желание свое о пострижении, и искушах окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы известисте ми о бозе крепостное житие. И яко же услышах сие божественое житие, ту абие возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох узду помощи божия своему невоздержанию и пристанище спасения. И свое обещание положих вам с радостию, яко нигде инде, аще благоволит бог, в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестней сей обители пречистыя богородицы, чюдотворца Кирила составления. И вам молитвовавшим, аз же окаянный преклоних скверную свою главу и припадох к честным стопам преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего же и моего, на сем благословения прося. Оному же руку на мне положъшу и благословившу мене на сем, яко же выше рех, яко некоего новоприходящаго пострищися.[2]

И мне мнится окаянному, яко исполу есмь чернец: аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу. И видех во пристанищи спасения многи корабли душевныя люте обуреваемы треволнением. Сего ради не могох терпети, малодушьствовах, и о своей души поболех, яко сый уже ваш, да не пристанище спасения испразнится, сице дерзнух глаголати.

И вы, бога ради, господия мои и отцы, простите мене грешнаго за дерзость доселе моего к вам суесловия. И яко же рече великое светило Иларион Великий во своем послании к некоему брату, сице рече: «К старейшему брату и Христову рабу, убогий аз инок и последний в братстве Иларион, малейший разумом и неключимый ни в коем же блазе деле. Яко послал ми бе таково слово, глаголя, яко беси нудят мя мысльми, да любви ради и Христовы заповеди отпиши ми слово и главизну утешну или две. Аз же восприем послание и прочет его удивихся: како убо брат мой утешения востребова от мене, или наказание от самого ненаказанна, и от нагаго одежду, паче же от грешника спасения и утвержения слова? И сия

помыслив, не требовах хотети руку мою простирети на отписание, боясь, егда сам не творя буду, тебе же начну пиша глаголати, по отеческому слову кладязю подобен буду — иныя омывающе, себе же многи скверны не могущи истребити. И прииму осуждение с возлагающему на плеща человеком бремена тяжкая и неудобьносимая — а сам перстом того не хотя двигнути. И буду яко круг медян, тщим гласом брящая: и сего ради ужасаюся и трепещу, да не паче бога разгневаю, учительский сан восхищая, юностию еще играем».

И аще сицевое светило о себе сицерече, аз же, окаянный, что сотворю, иже беззаконию сущи скверно жилище и бесом игралище своими злыми делы бых? но хотел убо бых конец делу положити: но понеже вижю, грех ради моих, нудити вам мене о сем, сего ради, по великому апостолу Павлу, бых безумен; понеже вы мя понудисте, мала некая от своего безумия изреку вам, не яко учительски и со властию, но яко рабски, и послушание повелению творя вашего преподобия, аще и безмерна высота есть моего недоумения.

И пакы яко же той же великое светило Иларион к первому приложи рече: «И паки аз противу таковому помыслу ино кой помысл наставлю, егда что зло постражду, не сотворив волю братню и не упокоив духовное желание искренняго ми. Помянух бо реченное: аще брашна ради скорбит брат твой, уже не по любви ходиши. Да аще брашна ради телеснаго зазор есть не подавшему, кольми паче душевнаго брашна лишив брата, сущаго в скорби. Сия же помыслив аз, в себе рек: егда како и мое желание бог презрев, и не сотворит ми полезное души, яко же аз братне да отвергу сомнение, дерзновение же восприем, напишу ему по желанию его, яже богом возмогаемь. Кто бо весть, егда по оного желанию и вере даст ми господь написати, и мне самому полезное и оному? Паки же грубости ради моея и простоты словес воздержахся, помышляя, егда[е] како навыкшу ти в книжной силе, и в мудрости святых возрастшу, писание мое неугодно явится, паче же юности моей речений моих честыни внимающи. Но обаче бог, иже приимый

вдовици оноя две цате, и яко велик дар вмени ей, той же и тебе, рабу его, сотворит любовь, прияти се желанное тобою от нас».

Сего ради аз, окаянный, сие видя, дерзнух писати, паче же и сего ради, яко же мне мнится окаянному божие некое изволение сему быти.

Веруйте ми, господия мои и отцы, бог свидетель, и пречистая богородица, и чюдотворец Кирил, яко сего Великаго Илариона доселе послания ниже паки читах, ниже видах, ниже паки слышах о нем: но яко восхотех к вам писати и хотех писати от послания Василия Амасийскаго, и, разгнув книгу, обретох сие послание Великаго Илариона, и приникнув, и видев, яко зело к нынешнему времяни ключаемо, и помыслих, яко божие некое повеление сицево обретеся к полезному, и сего ради дерзнух писати. Имемся уже ко[ж] беседе, богу помогающу. И аще понуждаете мя, отцы святии, и мое от послушания — к вам отвещание.

Первое, господие мои и отцы, по божий милости и пречистыя его матери молитвами, великаго чюдотворца Кирила молитвами имате устав великаго сего отца, даже и доселе в вас действуется. Сего имуще, о нем стойте, мужайтеся, утвержайтеся, и не паки под игом работе держитеся. И чюдотворцево предание держите крепко, и инем не попущайте разоряти, по великому апостолу Павлу: «возмогайте о господе в державе крепости его; облецытеся во вся оружия божия — возмощи вам стати противу кознем диявольским; яко несть ваша брань к крови и плоти, но к началом и ко владычеством, к миродержителем тме века сего, к духовом злобе поднебесным: сего ради приимете вся оружия божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати. Станете убо препоясани чресла ваша истинною, и оболкъшеся во броня правды, и обувше нозе во уготовании благовествования миру, надо всеми же восприемше щит веры, в нем же возможете вся стрелы неприязнены разженныя угасити, и шлем спасения приимете, и мече духовный, еже есть глагол божий».

И вы, господие и отцы, стойте мужествене за чюдотворцево предание, и не ослабляйте, как вас бог и пречистая и чюдо-

творец просветит, яко же писано есть: «свет иноком ангели, и свет миряном иноки». И аще свет тма, а мы, окаяннии, тма суще, кольми помрачимся! [3]Помните, господие мои, и отцы святии — Маккавеи за едино свиное мясо, равно еже за Христа с мученикы почтошася; и како рече Елеазару мучитель, и на се сошедшу, да не яст свиная мяса, но токмо в руку приимет, и рекут людем, яко Елеазар мяса яст. Доблественный же сей рече сице: «Осмьдесят лет имать Елеазар, и несмь соблазнил люди божия. И ныне, стар сый, како соблазн буду Израилю?» И тако скончася. И божественный Златоуст пострада[3] за обидящих, и царицу возгражая от лихоимания. Не бо исперва виноград и вдовица вина бысть толику злу, и чюдному сему отцу изгнание, и труды, и нужную от повлачения смерть. Сие бо о винограде от невеждь глаголется: аще же кто житие его прочтет, известно увесть, яко за многих Златоуст сие пострада, а не за един виноград. И виноград же сей — не просто, яко же глаголют. Но бысть некто муж во Цареграде болярьска сана сый, и оглаголан бысть царице, яко поношает ей о лихоимании. Она же, гневом обьята бывши, заточи его и с чады в Селунь. Оному же и великаго Златауста моляще помощи ему; оному же царицы не воспротивишу, но попустивши сему тако быти. И тамо ему в заточении и кончавшуся, царица же гневом неутолима сущи и еже на прекормление убозей сей остави виноград, восхоте злохитръством отняти. И аще святии о малых сих вещех сице страдаху, кольми же паче, господие мои и отцы, вам подобает о чюдотворцове предании пострадати.[3] Яко же апостоли Христу сраспинаеми, и соумеръщвляеми, и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последъствовати великому чюдотворцу Кирилу, и предание его крепко держати, и о истинне подвизатися крепце, и не быти бегуном, пометати щит и иная, но вся оружия божия восприимете, и не предавайте чюдотворцова предания никто же от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне страстолюбия ради. Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин, понеже от царския власти

послан[4], и есть Христос распинаемь — чюдотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чем ослабу попу́стите, — то и велико будет.

Воспомяните, святии отцы, великаго святителя и епископа Василия Амасийскаго, еже писа к некоему мниху, и тамо прочтите, и каково то ваше иноческое пополъзновенпе, или ослабление, умиления и плача достойно, и какова радость и подсмияние врагом, и какова скорьбь и плачь верным! Тамо писано есть ко оному мниху сице, еже и к вам прилично, ко овем убо, яко от великия высоты мирскаго пристрастия и богатьства ко иноческому житию пришедшим, ко овем же, яко во иночестем житии воспитавшимся: «Аще бо прииду в помяновение перваго вас жития, иже ныне мира и болярска сана отвергшеися, а суетнаго восхождения,[и] егда вас обдержаше богатьство и слава, ужасаюся, и егда окружаху вас ласковцы множество, и пищное приятие времянное; егда же обнажистеся к преложению честнаго нрава, гнушаеми убо своего достояния, домовнаго угождения, домашних беседований отрицаеми, вси же легки, яко странники, и не яты селы и градов уклоняеми, но[к] течением ко Иеросалиму, ублажахуся страдальческия болезни вашя. Сие же убо кой же воспитавшимся[л] от младых ногтей в посте, яко недельными пощеньми скончевающе, богови прелюбистеся, вкупе же и человеческия отбегающе беседы, безмолвию же и уединению припрягосте себе, градных плищь удаляющеся, вретищем же острым тело свое удручающе, и поясом жестоким чресла своя стязающе, терпеливно кости своя оскорбляюще, ложесна же со внутренними чревесы даже до хребетных костей ослабили есте; и ядения убо мягкаго потребы отвергостеся, внутрь же кожю телесную вовлекосте, к лядвиям нудящеся прилепити; все же телесное попечение упразнивши, подчревное течение доблественне иссушили есте, чрево же самое не́ядением придавивше, ребряными же частьми, яко неким кровом, пупъныя части осеняше, и совокупленным арганом в нощных годех исповеданием богови молящеся, слезными течении омакающе брады отрываете. И что

ми изрещи и каяждо подобает? Помяните, елика уста святых лобзанием целовасте! елико священная телеса обьясте! елицы вам, яко руце приимаху! колицы раби божии коленома вашима приплетахуся! И что сим конец пияньству и обьядению и мирскому плищу и молвам ослабление попустивше? Стрелы борзейша, долетевши, снедает слухи сердца нашя. Како ми поведания, яже о ваших болезнех поидут? Пострамили есте ангельскаго образа похвалу, порок дали есте, отверженне мира обетованию; быхом и врагом убо козлогласование, другом же рыдание. Отринусте мудрость иноческую; крепльших в болезнь и страх вселили есте; чюдящих же ся и еще дияволь-стей силе мечем страхования посекли есте; ленивыя в блудную ревность вложили есте, ласкосердыя же в разслабление свели есте; разорили есте, елико от вас Христово хваление: «дерзайте, глаголя, аз победих мир» и сего князя. Налияли есте отечеству чашу тяжко слышанну. Поистинне на дело привете притчю: «яко же елень устрелен бысть в ребра». Тако и о вас случися притча, ослабляющим пространное и мокрое житие, якоже рече Златоуст: «никто же бо гоняй сладкое и мокрое житие, может внити во царствие небесное». Паче же и сам господь рече, яко «пространный путь и широкая врата вводяй в пагубу, скорбный путь и уская врата вводяй в жизнь вечную». И сия убо легчайша глаголах, и аще жесточайша реку, что сотворити имамы? В нынешнем времени их же и слышание странно, а еже последъствовати сих святых — невозможно, но точию дивитися сих добродетели высоте, яко же мы не достизаем сих добродетелей и постнических трудов. Приидем же на самое речение, что есть высота словеси. Паки той же Василей рече: «Хощу бо ти показати, воистинну, о ядении и одежди — да брачныя. Виждь ли[м] святыя сия, одеянныя власяными ризами и в пустыни пребывающая? Сии убо, поистинне, иже одежа брачныя имущеи, и яко на небеси, на земли живущеи. Ничим же бо тем доволное житие менши небесных есть: ибо и ангели сходят к ним и иже ангельский владыко. Аще бо ко Аврааму приидоша, мужу жену имущу

и дети кормящу, понеже и страннолюбца видяху его. Егда много множае обрящет добродетель, и человека, тело пребидяще, много паче зде живут и ликоствуют: сущее тех подобное ликование; ибо трапеза онех всякого лихоимания чиста, и любомудрия полна: ни крови в них, ни мяс резания, ниже различия брашен, и сквары несладкия, ни дым тяжкий, но хлеб и вода, ова убо от источник чистых, ов же от праведных болезней. Аще ли же где и любочестнейше напитатися хотящем, вершие дубное любочестием бывает, и большая их сладость, нежели в царьских трапезах. Сию и ангели трапезу от небес зряще веселятся и славят: аще бо о единем грешнице кающемся веселятся, о праведницех толицех, подобящемся тем, что не имут творити? И мы убо зверей горши есмы и безсловесных; они бо ангелом равни, страннии и пришельцы. Зде они суще вся тем пременишася к нам, и одежда, и пища, и обутель, и обитель, и беседа: и аще убо кто слышал бы о них беседующих, и нас тогда убо разумел добре, како ови небеснии жителе, мы же ни земли достойни. Ни едино бо от сковрадных во ангелех онех есть, ни пресыщения пищна, ведяще, яко плачь есть настоящее се житие, наполняюще всем, и еже ко пророку Езекиилю реченное от бога: «сыне человечь, хлеб свой з болезнию яждь, и воду со страданием и скорбию пий». Сицевая убо трапеза имущих сия ангелы на небеса отсылает, а ласкордая же в геену влечет чревныя рабы, якоже богатаго оного: ову убо в сон смертный пришед приимет, ову же трезвением и бдением; и ову убо мука, ову же небесное царствие. И убо что Великий Василие учит глаголя: не отлагай убо дне от дни, да не впадеши некогда, в онь же не чаеши день. Егда убо оставити тя прочее живота, вины, недоведение же отвсюду и скорбь неутешна оскудевшем убо врачем, оскудевшем же и своим, егда частым воздыханием и сухим обдержим, огню пламенну распалающу внутреняя и растерзающе, воздохнеши убо от среды сердца, и скорбящаго с тобою не обрящеши, и провещаеши убо, что худо и немощно, услышаяй же не будет, все же глаголанное тобою,

яко суетие преобидится. Никто же убо да не прельстит тя тщими словесы и суетными. Предстанет бо ти напрасно все пагубъство, и люта, яко же буря, приидет ангел немилостив, отводя с нуждею, влекий душю твою, связану грехми, часто обращающуюся к здешним и рыдающу без гласа,[н] органу прочее плачевному затворшюся.[о] О, кольми поколебишися! О, колико воздохнеши, бездельно каяся о злых советех и делех! И, ох же, речеши в болезни сердца своего тогда: увы мне! не могу отринути тяжкое се бремя греховное! увы мне, скверны не отмывшу! От злых совещаний о пременении временныя ради греха сласти, вечно мучим есмь, гортанныя ради сладости и пьянства огню предахся! Праведен убо, поистинне, суд божий! Зовом бех убо, — и не послушах. Учим, — и не внимах. Сказанно бяше, — аз смеяхся. Сия и сицева речеши, всяко рыдая себе, аще восхищен будеши преже покаяния. Ей, поистинне, нощь глубока тагда, и болезнь тяжка, и помогаяй несть. Таже возрев семо и онамо, и видев предстоящее ти лютое запустение, тагда разумееши ненаказания и воздохнеши: о безумии всяко, и время окаянно и люто, скрыл еси покаяние. Егда убо язык удержится, рука же трепетом колеблема, терзаньми, ни гласом, ни писанием назнаменовати беду и нужду. Тем же помилуй себе, и приими во уме последний он и страшный день исхода и одержания, и тесный и прискорбный час, и ответ божий приходящий, и ангел тщащихся, и души всех бедно смущаеми и помрачаеми и трепещуще зело, и недоумеющися и без ума кающися, и рыдающе же, и слезяще многажды, и к здешним умильно обращающися, и неизъмольнаго и долгаго оного ошествия нужда. Добре убо божественный Михея к таковым глаголаше: «плачите и рыдайте вси, пьющеи вино во пияньствии — блудно бо есть вино и укоризнено в пьяньство, не упивайтеся вином — в нем же есть блуд. Понеже бо стытким и незлобным нравом доброе и божественное дело на зло и растленно учение пременьше и претворше и духовное наказание, отметному деланию служити понужше, не токмо достойни законнаго суда прияти мучение, но и от еуан-

гельскаго, и от апостольскаго ответа в глаголемую внешнюю тму напрасно отслани будут».

Видите ли, каково послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для, такова у вас слабость учинилася и чюдотворцову преданию преступление. И только нам благоволит бог у вас пострищися, ино то всему царьскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет. Ино почто в черньцы, и как молвити: «отрицаюся мира и вся, яже суть в мире», а мир весь в очех? И како на месте сем святем с братиею скорби терпети и всякия напасти приключьшыяся, и в повиновении быти игумену, и всей братии в послушание и в любви, яко же во обещании иноческом стоит? А Шереметеву как назвати братиею? — ано у него и десятой холоп, которой у него в келии живет, ест лутче братий, которыя в трапезе ядят. И велицыи светилницы, Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей и Пафнотей,[5] и мнози преподобнии в Рустей земли, уставили уставы иноческому житию крепостныя, якоже подобает спастися. А бояре, к вам пришед, свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у вас постриглися — вы у них постриглися; не вы им учители и законоположители — они вам учители и законоположители. Да Шереметева устав добр — держите его, а Кирилов устав не добр — оставь его! Да севодни тот боярин ту страсть введет, а иногды иной иную слабость введет, да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразнится и будут все обычаи мирския. Ведь по всем монастырем сперва начальники уставили крепкое житие, да опосле их разорили любострастныя. И Кирило чюдотворец на Симонове был, а после его Сергей. А закон[н] каков был — прочтите в житии чюдотворцове, и тамо известно увесте, да тот маленько слабостей ввел, а после его иныя побольши, да помалу, помалу и до сего, яко же и сами видите, на Симонове, кроме сокровенных раб божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда[6] быша среди царствующаго града пред нашима очима — нам и вам видимо.

Быша архимандрити: Иона, Исак Собака, Михайло, Васиян Глазатой, Аврамей, — при всех сих, яко един от убогих бысть монастырей. При Левкии же како сравняся[р] всяким благочинием с великими обители и духовным жительством мало чим отстоя.[с] Смотрите же: слабость ли утвержает или крепость? А вы[т] се над Воротыньским церковь есте[у] поставили![7] Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцом нет. Воротыньской в церкви, а чюдотворец за церковию! И на Страшном спасове судищи Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче. Слышах брата от вас некоего глаголюща, яко добре се сотворила княгиня Воротыньскаго. Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царьстей власти церковию и гробницею и покровом почитатися. И не токмо души не пособь, но и пагуба: души бо пособие бывает от всякого смирения. Второе, и сие зазор не мал, что мимо чюдотворца над ним церковь, а и един священник повсегда приношение приносит, скуднее сие собора. Аще ли не повсегда — сего хужайше, яко же множайше нас, сами весте. А и украшение церковное у вас вместе бы было, ино бы вам то прибылние было, а того бы розходу прибылного не было — все бы было вместе, и молитва совокупная. И мню и богу бы приятнее было. Во се при наших очех у Дионисия преподобнаго на Глушицах, и у великаго чюдотворца Александра на Свири,[8] только бояре не стрыгутся, и они божиею благодатию процветают постническими подвиги. Во се у вас сперва Иасафу Умному дали оловяники в келью, дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву уже с поставцом, да и поварня своя. Ведь дати воля царю — ино и псарю; дати слабость вельможе — ино и простому. Не глаголи ми никтоже римлянина оного, велика суща в добродетелех, и сице покоящася: и сие не обдержная бе, но смотрения вещь, и в пустыни бе, и то сотворяше вкратце, и бес плища, и никого же соблазни, яко же рече господь во Еуангелии: «нужно бо есть не приити соблазном; горе же человеку тому,

им же соблазн приходит!».[9] Ино бо есть единому жити, и ино во общем житии.

[10]Господие мои, отцы преподобнии! воспомяните вельможу оного, иже в Лествицы, Исидора глаголемаго Железнаго, иже князь Александръский бе, и в каково смирение достиже? Тако же и вельможа Авенира царя Индейскаго, иже на испытании бысть, и каково портище на нем было? — ни куние, ни соболие. Таже и сам Иоасаф; сего царя сын, како царство оставя и до тоя Синаридския пустыни пешь шествова, и ризы царския премени власяницею, и многия напасти претерпе, им же николи же обык, и како божественнаго Варлама достиже, и како с ним поживе — царски ли или постнически? И кто бысть болий: царев ли сын, или неведомый пустынник? И с собою ли царев сын закон принесе, или по пустынникову закону поживе и после его? Множае нас сами весте. А много у него было и своих Шереметевых. И Елизвой Ефиопъский царь каково жестоко житие поживе? И Сава Сербъский како отца, и матерь, и братию, и род, и други, вкупе же и царьство и с вельможами остави и крест Христов прият, и каковы труды постничества показа? Таже и отец его Неманя, иже Симеон, и с материю его Мариею, его для поучения, како оставя царство и багряница пременища ангельским образом, и кое утешение улучиша телесное, да небесную радость улучиша. Како же и великий князь Святоша, преддержавый великое княжение киевское, и пострижеся в Печерстем монастыри и пятьнадесят лет во вратарех бысть, и всем работаше знающим его, ими же преже сам владяше. И да толики срамоты Христа ради не отвержеся, яко и братиям его негодовати нань. Своей державе того ради укоризну себе вменяху, но ниже сами, ниже наречие инеми к нему посылающе, не могоша его отвратити от таковаго начинания до дне преставления его, но и по преставлении его от стула древянаго, на нем же седяше у врат, беси прогоними бываху. Тако святии подвизахуся Христа ради; а у всех тех свои Шереметевы и Хабаровы были. А Игнатия блаженного патриарха Цари-

града, царева же сына бывша, его же в заточении замучи Варда Кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновнею женою, — где сего праведнаго положиши?[10]

А коли жестоко в черньцех, ино было жити в боярех, да не стричися. Доселе, отцы святии, моего к вам безумнаго суесловия. Отвещание мала изрекох вам, понеже в божественом писании о всем о сем сами множае нас, окаянных, весте. И сия малая изрекох вам, понеже вы мя понудисте. Год уже равен, как был игумен[ф] Никодим на Москве: отдуху нет, таки Собакин да Шереметев! А я им отец ли духовный, или начальник? Как себе хотят, — так живут, коли им спасение души своея не надобет! Но доколе молвы и смущения, доколе плища и мятежа, доколе рети и шепетания,[х] и суесловия? И чесо ради? — злобеснаго ради пса Василья Собакина, иже не токмо неведущ иноческого жития, но ни видяща, яко есть чернец, не токмо инок, еже есть велико.[11] А сей и платья не знает, не токмо жительства. Или бесова для сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова? Воистинну, отцы святии, несть сии черньцы, но поругатели иноческому житию. [12]Или не весте Шереметева отца Василия? Веть его бесом звали! И как постригся, да пришел к Троицы в Сергиев монастырь, да снялся с Курцовыми. Асаф, что был митрополит, тот с Коровиными, да межь себя бранитца, да оттоле се им и почалося.[12] И в каково простое житие достиже святая та обитель — всем, разум имущим видети, видимо.

А дотоле у Троицы было крепко житие, и мы се видехом: и при нашем приезде потчивают множество, а сами чювственны пребывают. А во едино время мы своима очима видели в нашь приезд. Князь Иоанн был Кубенской у нас дворецкой. Да у нас кушание отошло приезжее, а всенощное благовестят. И он похотел тут поести да испити — за жажду, а не за прохлад. И старец Симан Шюбин и иныя с ним, не от бо́льших (а большия давно отошли по келиам), и они ему о том как бы шютками молвили: «князь Иван-су, поздо, уже благовестят».

Да сесь, сидячи у поставца, с конца ест, а они з другово конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталося: все отнесено на погреб. Таково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не чернецу![13] А и слышах от многих, яко и таковы старцы во святом том месте обреталися: в приезды бояр наших и велмож, их подчиваху, а сами никакоже ни к чему касахуся, аще и вельможи их нужаху не в подобно время, но аще и в подобно время, — и тогда мало касахуся. В древняя же времена в том святом месте сего дивнейше слышах: некогда пришедши преподобному Пафнутию чюдотворцу живоначальной Троици помолитися и к чюдотворцову Сергиеву гробу, и ту сущей братии беседы ради духовной, беседовавшим им. И оному отоити хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго. И тако воспомянувше завет преподобнаго Сергия, яко за ворота не исходити, и вкупе и преподобнаго Пафнотия подвигше на молитву. И о сем молитвовавше, и тако разыдошася. И сея ради духовныя любви, тако святик отеческия заповеди не презираху, а не телесныя ради страсти! Такова бысть крепость во святом том месте древле. А ныне грех ради наших, хуже и Песноши, — как дотудова Песношь бывала.[14]

А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно[ц] иконоборцом в Цариграде, царем Льву Исавру и сыну его Констянтину Гноетезному.[15] Понеже Лев точию семена злочестия посея, Констянтин же всего царствующаго града во всяком благочестии помрачи: тако и Васиян Шереметев у Троицы в Сергиеве монастыре, близ царствующаго града, постническое житие своим злокозньством испроверже. Сице и сын его Иона тщится погубити последнее светило, равно с солньцем сияющее, и душам совершенное пристанище спасения, в Кирилове монастыре, в самой пустыни, постническое житие искоренити. А и в миру, тот Шереметев с Висковатым первыя не почели за кресты ходити.[16] И на то смотря, все не почали ходити. А дотудова все православное християньство, и з женами, и со младенцы за кресты ходили, и не торговали

того дни, опричь съестного, ничем. А хто учнет торговати, и на том имали заповеди. А то все благочестие погибло от Шереметевых. Таковы те Шереметевы! И нам видится, что и в Кирилове потому же хотят благочестие потребити. А будет хто речет, что мы на Шереметевых[ч] гневом то чиним, или Собакиных для, — ино свидетель бог и пречистая богородица, и чюдотворец Кирил, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю. Слышал есми у вас же в Кирилове свечи не по уставу были по рукам братии на празник: ини и тут служебника смиряли. А Асаф митрополит не мог уговорити Алексия Айгустова, чтобы поваров прибавити перед чюдотворцовым, как при чюдотворце было немного, да не могли на то привести. Да и иных много вещей крепостных и у вас в монастыре творилося, и за малые вещи прежние старцы стояли и говорили. А коли мы первое были в Кирилове[ш] в юности,[17] и мы поизпоздали ужинати, занеже у вас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночию, а иное мы юностным обычаем. А в те поры подкеларник был у вас Исайя Немой. Ино хто у нас у ествы сидел, и попытали стерьлядей, а Исайи в те поры не было — был у себя в келии, и они едва его с нужею привели и почал ему говорити хто у нас в те поры у ествы сидел — о стерлядех и о иной рыбе. И он отвечал так: о том, о-су, мне приказу не было, а о чом мне был приказ и яз то и приготовил, а ныне ночь, взяти негде. Государя боюся, а бога надобе больши того боятися. Етакова у вас и тогда была крепость, по пророку глаголющему: «правдою и пред цари не стыдяхся». О истинне сия есть праведно противу царей вещати, а не инако. А ныне у вас Шереметев сидит в келии что царь, а Хабаров к нему приходит, да и иныя черньцы, да едят, да пиют что в миру. А Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин, розсылает по келиям пастилы, ковришки и иныя пряныя составныя овощи, а за монастырем двор, а на нем запасы годовыя всякия. А вы ему молчите о таковом великом пагубном монастырьском бесчинии. Оставим глаголати: поверю вашим душам! А инии глаголют будто де вино горячее

потихоньку в келию к Шереметеву приносили: ано по монастырем и фряские вина зазор, не токмо что горячие. Ино то ли путь спасения, то ли иноческое пребывание? Али было нечим вам Шереметева кормити, что у него особныя годовыя запасы были? Милыя мои! доселе многия страны Кирилов препитывал и в гладныя времена, а ныне и самех вас в хлебное время, толико бы не Шереметев перекормил, и вам бы всем з голоду перемерети. Пригоже ли так Кирилову быти, как Иасаф митрополит у Троицы с крылошаны пировал, или как Мисайло Сукин в Никитцком и по иным местом, якоже вельможа некий жил, и как Иона Мотякин и инии мнози таковы же, которыя не любят на собе начала монастырьскаго держати, живут? А Иона Шереметев таково же хочет без начала жити, как и отец его без начала был. И отцу его еще слово, что неволею от беды постригся. Да и тут Лествичник написал: «видех аз неволею постригъшихся, и паче вольных исправившихся». Да то от невольных! А Иону ведь Шереметева нехто в зашеек бил: про что так безчиньствует?

И будет такия чины пригоже у вас, то вы ведаете: бог свидетель монастырьскаго для безчиния говорил. А што на Шереметевых гнев держати, ино ведь есть его братия в миру, и мне есть над кем опала своя положити. А над черньцом что опалитися или поругатися? А буде хто молвит, что про Собакиных, и мне про Собакиных непрочто кручинится. [18]Варламовы племянники хотели были меня и з детьми чародейством извести, и бог меня от них укрыл: их злодейство обьявилося и потому и сталося. И мне про своих душегубцов непрошто мстить. Одно было ми досадно, что есте моего слова не подержали. Собакин приехал с моим словом, и вы его не поберегли, да и еще моим имянем и поносили, чему суд божий произошел быти. Ано было пригоже нашего для слова и нас для его дурость и покрыти, да вкратце учинити. А Шереметев о себе приехал, и вы того чтете и бережете. Ино уже не Собакину ровно; моего слова больши Шереметев; Собакин моего для слова погиб, а Шереметев о себе воскрес. Про что Шереметева

для год равен мятежь чинити, да токою великою обителию волновати? Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи.[18] И што было про Собакина, для моего слова, на Шереметевых мне гневно, ино то в миру отдано. А ныне во истинну монастырьскаго для безчиния говорил. А не было бы страсти, ино было и Собакину с Шереметевым непрошто бранитися. Слышах неоткоего брата вашея же обители, безумныя глаголы глаголюща, яко Шереметеву с Собакиным давная мирская вражда есть. Ино то ли путь спасения и ваше учительство, что пострижением прежния вражды не разрушити? [19]Како же отрещися мира и вся, яже суть в мире, и со отъятием влас и долу влекущая мудрования соотрезати, апостолу же повелевшу «во обновлении живота шествовати»? По господню же словеси: «оставите любострастных мертвых погребсти любострастия, яко же своя мертвеца. Вы же шедше возвещайте царствие божие». И только пострижением вражды мирския не разрушити, ино то и царства, и боярьства, и славы никоея мирския отложити, но кто был велик в бельцех, — тот и в черньцех? Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет? Ино то Махметова прелесть, и как он говорил: у кого здесе богатьства много — тот и там будет богат; кто здесе велик и честен, тот и тамо. И ина многа блядословил. Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин бояръства не състрижет, а холоп холопъства не избудет? Да како апостолово слово: «несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе»? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существенаго раба? А вы и чюжих холопей к бояром не ровняете. А в здешних монастырех равеньство и по се время держалося — холопем и бояром, и мужиком торговым. И у Троицы при отце нашем келарь был Нифонт, Ряполовскаго холоп, да з Бельским з блюда едал. А на правом крылосе Лопотало да Варлам невести кто, а княжь Александров сын Васильевича Оболенъскаго Варлам на левом. Ино смотри же того:

коли был путь спасения, холоп з Бельским ровен, а князя доброва сын с страдники сверстан. А и перед нашима очима Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе, а Федорит Ступишин на левом, да ничим был от крылошан не отлучен, да и инде много того было и доселе. А в Правилех великаго Василия написано есть: «аще чернец хвалится при людех, яко добра роду есмь, и род имея, да постится 8 дней, а поклонов по 80 на день». А ныне то и слово: тот велик, а тот того больши, — ино то и братьства нет. Ведь коли ровно, ино то и братьство, а коли не ровно, которому братьству быти? — ино то иноческаго жития нет. А ныне бояре по всем монастырем то испразнили своим любострастием. Да и еще реку сего и страшнее: како рыболов Петр и поселянин Богослов и станут судити богоотцу Давиду, о нем же рече бог, яко обретох мужа по сердцу моему, и славному царю Соломону, иже господь глагола, яко «под солнцем несть такова украшена всяким царьским украшением и славою», и великому святому царю Констянтину и своим мучителем, и всем сильным царем, обладавшим вселенною? — дванадесять убогих учнуть судити всем тем. Да и еще и сего страшнейше: рождьшая без семени Христа бога нашего, и в рожденых женами болий креститель Христов — те учнуть предстояти, а рыболови учнут на 12 престолу седети и судити всей вселенней. А Кирила вам своего тогды как с Шереметевым поставити — которого выше? Шереметев постригся из боярства, а Кирило и в приказе у государя не был.[19] Видите ли, куда вас слабость завела? По апостолу Павлу: «не льститеся, тлят бо обычая благи беседы злыя». Не глаголи никто же студныя сия глаголы: яко только нам з бояры не знатся — ино монастырь без даяния оскудеет. Сергей, и Кирил, и Варлам, и Димитрей, и инии святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися: благочестием монастыри стоят и не оскудны бывают. У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется нихто и не даст нихто ничего. А на Сторожех до чего допили?[20] — тово и затворити монастыря

некому, по трапезе трава ростет. А и мы видали — братии до осмидесят бывало, а крылошан по одиннацати на крылосе было: благочестия ради болми монастыри распространяются, а не слабости ради.

Приидем же паки на Великаго Илариона списание, и тамо реченно есть: «Вси, иже мира сего отвергъшеися, иже образ иноческий приемшеи и крест Христов на рамо вземши, иже апостолом нарекшися наместницы, да возлюбим нравы их, их же образ носим, да последуем их, им же и ученицы нарекохомся, да возненавидим земная вся, яко же и отцы наши! Приидете, вопрошаем самовидца и слуги словесе божия, любимаго Христова ученика, возлегшаго на перси господня и почерпъшаго мудрость от них; приидите мятущиися в земленых; приидите на двое мыслящии, мирских не отвергъшеися, и вечную жизнь усвоивше; приидите вопрошаим Иоанна девьственника, и повесть ны полезная. Глаголи нам, глаголи Иоанне Богослове, что сотворим, да спасемся? Кими хитростьми муки избудем и вечную жизнь обрящем? Хотели быхом царствия небеснаго, но не истинно есть хощем, — не видимо бо есть то ныне. На любовь же мира сего укланяемся, любим злато, берем имение, любим храмы светлы, любим славу, и честь, и красоту, видима бо суть всем пред очима. Повеждь ны истинну, апостоле, и разсуди прю нашю, и смири ны, да вси едино мыслим. Сущии бо в нас богатии мниси безименныя укоряют, и безъименнии богатых осужают. Отвещай ны, красота апостольская Иоанне, отвещай к сим, громогласная уста, и возглаcи: Аз же яко слышах и видех от самого словесе божия, такоже и проповедаю, и ни единаго же вас обинуюся, истинно и велегласно глаголю: «Не любите мира, ни яже суть в мире. Аще бо кто любит мир сей, несть любви отча в нем, яко все, еже в свете сем похоть плотьская и похоть очная, гордыни житейская. Несть от отца, но от мира сего. И мир сей мимо ходит и похоть его, а творяй волю божию пребывает вовеки». Се убо, о нем же мя вопрошаете, отвещах. Слышахом убо от тебе реченная, апостоле Христа бога, и вемы, яко

истинна то есть. Но овем от нас угоден является глагол твой, понеже аки по них глаголет, другим же аки неугоден, им же премену жития им глаголаше: убо не можем увыкновенных оставити и начати необычное житие. Тяжко бо си творим, еже навыкше по обычней келии, и много имущей, и на вся взирающе, веселимся: таже паки во един час тщу и ничто же имущу сотворити ю, преже богату слышавшуся и множеством владеющу, паки же убогу и нищу от всех взываему быти? Таковых ради тяжка нам являются словеса твоя, о апостоле Христов! К сим же апостол: како убо словеса моя неудобь творима вам являются? Не аз ли есмь апостол глаголавшаго: «приидете ко мне вси тружающеися и обремененни и аз покою вы. Возмите иго мое на ся, иго бо мое помазано и бремя мое легко есть»? Аз бо есмь благословеннаго бога апостол, незлобивый зватай в небесное его царствие. Звание же мое сицево: друзи возлюблении и братия, оставите земная, да небесная приимете. Пребудите в нищете на земли, да в вышних обогатеете. Пребудите во алкоте и в жажди во время се, и по мале прешедше в вечная жилища, и насытитеся, и возрадуетеся радостию неоскорбляемою. Егда в пагубу и во тще велю вы мирская отврещи? — но на восприятие сущих выше мира. Вем же, яко слабости ради вашея и невоздержания, сластолюбия же и златолюбия, и миролюбия словеса спасеная трудна вам бывают. Еже не по истинне собрати имение, и славну быти, не всем подобно в человецех бывают. А еже расточити собранная и раздаяти имение всем мощно есть и ни мале труде причастно. Аще бо хощете быти истиннии богочетцы и небесннии человецы, в земных себе ни мало вменяйте: потаитеся зде да тамо явитеся, помолчите ныне да тамо со дерзновением ко отцу возглаголете, и будете яко чада присная богу и наследницы царствия его. Се убо слышахом, братия, апостолово слово и учение, яко не обинуяся глагола нам. Сице, возлюбленная братия, да разсудим: их же житие в мире сем, ведуще, яко по времени когождо прешествие отсюду настоит, и сего ради понудимся, да не укоризны и смеха достойно житие поживем

зде, паче же плача и муки достойни явимся, аще жизнь мира сего любезно лобзаим. Но подвигнемся, но потщимся, да в вечнем пребывалищи написани готови явимся в Вышнем Иерусалиме, во граде небеснем, иде же имена крестившихся написана суть, их же отход от сюду неведом, их же сам господь зватай, и путь, и вожь, и свет, и правитель в царствие небесное, их же образ ризный странен и нелеп, никоей же земли приличен, одеяние черность имущее, возвещающе зде сетованное и плачевное житие. Мы же образ таковаго одеяния носяще и приплетаемся земных вещей, яко мирьстии, учащаем нивы, исполняем гумна, украшаем храмы, удивляем домы, приносим имя свое ко всем человеком, яко дивно. А о том, ямо же въскоре отидем, не хощем ни в мысли нашей помянути: то чим есмы хуждьши мирских. Мира держимся: еже бо видим у мирских что дивно, тогда всею силою подвизаемся, дабы у нас тоже было. А не помянем, яко того есмы всего отречени в постригании нашем, и всего мира и яже суть в мире. Аще ли се лжа, да испытаемся, аще ли тако есть: не имеем ли сел, яко же и миръстии, не словут ли нивы чернеческия, и езера, и пажити скотом, и домове твердо ограждени, и храмы светли? не имеем ли ковчеги со имением твердо хранимы, якоже и мирстии домодержцы? не красуем ли ся блистанием златным и веселимся светлостию ризною и величаемся? не обеди ли и празницы мирских нами полни бывают? не мы ли взимающи мирския богати на обеде у себе посажаем, большее дерзновение хотяще к домом их имети? не на брацех ли у них мы председаем? не наша ли рука выше всех презвитер возвышаема, чаши прекращающи? не наше ли око вся седящая обзирает? не наше ли горло в народе пира брящая многи укоры? Християне бо заповедь спасову творяще вводят ны в домы своя — ово молитвы ради, ово милостыню творяще. Мы же своего чина не храняще в мале поседим поникши, и потом возведем брови, таже и горло, и пием, донеле же в смех и детем будем. Его же пияньства мнози и мирстии хранятся. Мерзость бо им есть тоже и на нас есть видети безгодное упивание. Таковое бо безчи-

ние и упивание троя вины приносит любящим его: первое — телеси недуг, второе — от человек укор и смех, третие — души падение и ума изступление. То чим лучьши есмы мирских? — ни чим же. Не хвалу ли любим, а укоризны не терпим? Не светлою лиъ ризою и драгою красуемся, раздранныя же не хощем ни в келии нашей видети? Не принесшаго ли приемлем с любовию, паче тща пришедшаго? Почто двери келий своих твердыми замками утвержаем? — яве, яко днешняго ради лежащаго в ней имений. И яко же епарху некоему умершу, мнози бояре на место его мздятся, богатьства ради сана того, и славы, и чести от всех. Тако и в нас, убогих, подобие мирское бывает: умершу бо коему игумену, или иконому, мнози от нас востанут, наместие его тщашеся прияти (и се таящеся един от другаго, а всем ведомо суще), ови мздами, а неимущеи же ласками, яко змия, яд хотяще излияти на искренних. Что же се? — яве яко имения ради. Оле смеха достойно житие наше! Ни есть ни единаго же в нас преподобных отец, ревнующе добрым делом, молитве, бдению, посту, безоименьству, нищете самовольней и прочим таковым: но умерьшу в нас коему богату мниху, и душю свою того ради погубившу, оставшеи мы, ревнующе пагубе его, на место его въскакаем, и сладко си творим, в пагубе его и мы увязнути. Да онем их же житию и делом чюдеса последоваху им, не хощем житию ревновати и делом их подобитися, но сих, их же житию и имению пагуба последова, тѣм же ревнуем, злата ради и имения, еже имеша на мало дней, и отидоша нази от всех, яко и рожени. Да яко же в нас стари и неистови и лакоми на имение, и свирепи на жены, и до смерти не осташася любви именныя, — тацы же и юнннии мниси по них суще; нравы яко отеческия приимше, держим и тем величаемся. И аки по отеческим следом воследующим, не вѣдуще окаяннии, яко же бо нелепо мертвец на конь всажен, тако же и мних власть в мире прием: но овому свое есть, еже во гробе вложится, овому же, еже в келии затворився плакати грех своих, и всячески нудитися, еже удалитися всего честнаго в мире сем. Аще ли мертвый на коне,

инок же власть держа, то обое кроме естества. Мирскому бо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь правити, не касающеся ни десных, ни шуих. Красно есть, во истинну, и многей хвале достойно, иже видети мужа в миру, отрицающася мира и иже в нем красных и легких, и отметающа имения и бывающа инока. Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатьство беруща: он бо, надежею жизни вечныя, отметается жизни сея и бывает чадо свету и дни. Сей же, неверованием о жизни вечней, отметает обнищание, иже Христа ради обещася, и бывает друг свету сему, враг же божий по глаголу брата господня Иякова. Сего ради смеху бываем и поганым, и Христова вера хулится нас ради от них. Глаголют бо: како вы, мниси, поведаете бо жизнь вечную быти и воскресение мертвым, его же ради и постригаетеся? А ныне видим вы, и старыя и младыя, яко кождо вас власти от царя и от вельможь ищете, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения. Да како жизнь вечную мните,[м] а сея жизни, и славы, и чести, и имения ни мало себе отмещете? Нам мнится, яко вы друг другу о жизни вечней лжете. На любви бо вашей света сего знати есть, яко не зело хощете оного жития: дадите нам имение ваше и злато, а вам вечная жизнь. Се же аз, бра̀тие, своима ушима слышах от некоего погана. И дивно ми есть, яко же и погании ведят о нашем неустроении и поношают ны, како достоит иноку быти олихованy всего во свете сем, иночьну быти житием и делом. Тем же аще поганым бываем в соблазн придержания ради света сего, кольми паче християном, ведущим и слышащим по вся дни в церквах жития святых и преподобных отец, и видящим им нас не по подобию тех живущих, их же образ носим, то чим странни являемся, свету сему делом нашим и нравом с мирскими счетающим нас. Се бо мысль наша, и беседа всегда, и советование, якоже и всех мирских жителей. Не о ползе душевней совокупление наше, и беседа, и совет, но о потребе. Егда бо ся совокупим, то не о горнем житии и о пользе душе в ней советуем, но о княжии пределии

и набдении, о доброте милостивней, о прихожении християн, и о приношении их, и о красоте церковней, и о покаянии богатых сынов, и о любви бояр, о познании богатых, о богатьстве монастыря, о множестве сел, и о наместии игумене, и о приятии старейшиньства. Что же много начати и глаголати? но о всех сущих в мире сем и мыслим, и совещаемся, яко же и вси сущии в мире. Ни един же от нас мыслити или советует от сущих выше мира и о исправлении[b] жития. Аще бо быхом тех искали, нâне же нарекохомся, о том быхом и совет творили, и друг друга узревше со слезами быхом глаголали: како тя, брате, бог ведет, како идеши? И ответ быхом тако рекли: увы мне, брате мой, яко пришельствие мое удалихся, вселихся в пропасти темныя. Ты же сам, любезне, како? спеет ли ти ся? Ей! аще не бы господь помогл бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя. Паки ин ко иному: како, брате? Яко падохся и не имам дерзновения в молитве к богу, но студом и срамом покрываюся. Аз согреших на небо и пред тобою и уны во мне дух мой, во мне смутися сердце мое. А ты, брате, како? Яко исполнися зол душа моя и живот мой аду приближися, привменен бых с низходящими в ров. Ты же како? Мне убо жадит сердце к богу подвигнутися, и дух мой загорается на любовь его: но плоть немощна, брате мой, и мысль разслабляющи, и не вем, что сотворю. Но молю тя, возлюбленне, помози ми, в молитве твоей, цы господь укрепит мя. Ин паки другаго вопрашает: како, брате? Возскорбех печалию моею, и смутихся от гласа вражия, и от стужения грешнича, глаголющаго: несть ти спасения в бозе своем. Господь же заступник ми есть. А ты, брате? И мене одержаша болезни смертныя, и потоцы беззакония смутиша мя, и болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя уже сети смертныя, и в скорби моей точию господа призываю, — цы господь поможет ми. Сам же како пребываеши, любимиче? О возлюбленне о Христе! увы мне, яко внидоша воды соблазныя до душа моея! углебох в тимении блуднем, и несть постояния. Приидох во глубины греховныя и буря потопи мя отчаяния. Другому паки глаголюща:

во мне смутися сердце мое исхода ради, и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя, и покры мя тма недоумения, что сотворити: но возвергну печаль на господа, да той сотворит, яко же хощет. Хощет бо всем человеком спастися! О братие возлюбленная ми о Христе! Слышасте уже, яко повыше назнаменах, како совет творят, иже воистинну в мире сем аки гости и пришельцы суть: иже аще тако скорбят зде, во оном веце не опечалятся. Иже бо зде сами предадятся скорбем и печалем, тамо никая же печаль срящет их, но веселие и радость, и дарове вечнии, и житие с господем богом. Аще бо и кождо нас падается, но по вся дни о душе да мыслит и глаголет, а не о мирских. То яве есть, яко поможет ему господь и укрепит. И добро бо нам, яко пришельцем и странником, зде скорбети о отечестве нашем, и друг другу съвопрошатися о путех, лежащих ко граду их, и о приседящих разбойницех, и како возмощи без вреда пройти. Вси же путницы не соступают на иныя стезя с пути ведущаго их во град, вонь же идут. Аще ли сступят, зело укаряют свое шествие, глаголюще: какого убо укора несм достойни, о том беседующа и то въступающе не на неже изыдохом, ни аможе грядем? Но да увемы, от чего же в нас бывает дым (да мне зрится), аще не от огня? Сице и беседа мирская, аще не от любви мирския: любим бо мир, да и глаголем о нем. Его же бо не имеет храмина — двери не износят; и его же бо сердце не имеет — уста не глаголют. И на беседовании нашем знати есть любовь сего жития во уме есть нашем, еже и на нравех наших истее увесться. Иде же бо царь сущим под ним дает, яко же достоит, ту же и мы с мирскими смешающеся, просим у него потребы. Что ради? Еда стражем о нем и до крове борем? еда дань ему платим? егда кую потребу от нас имать? Не имать ли кому даяти, воем, и всем стражем, и борющим по нем, ту же и мы мятемся, от них же свободил ны бе Христос беспечальным житием, претыкание миру бывает. Аще ли глаголем: спасения ради своего дают нам [9]царие и боляре его.[9] Все добро спасения ради, но да блюдемся, егда не по онех умы-

шлению дают нам милостыню, но по нашему прошению. Аще бо быхом хотяще без осужения приимати от них, паче полезнейше к богу припадали быхом, и у того просили быхом, глаголюще: Господи! ты вся веси, ты веси, что требует тело наше о кормли и одежди, и яко же волиши, тако устрой. Токмо спасения души и прощения грехов от человеколюбия твоего прошу, а о доволи плоти моея создавый мя сам веси, что требую. И тогда седящим нам в келии, комуждо, аще бы кто что принесл потребное нам, то яко от бога со благодарением прияли быхом, или от царя, или от некоего властелина, или проста людина: нашю бо потребу мощен есть всяк человек сотворити. Не многоценна бо одежа и проста кормля довлеет нам, — проста бо одежа и кормля мощен есть кождо нас (аще бо хощем, можем), и без приимания чюжаго, стяжати от рукоделия своего. Аще ли любим взимати от них, и теми потребу имети, то осудит ны вдовица и оградник, ова от руку своею кормяще чада си, ов же на лискари тружаяся и кормя всех сущих в дому своем. Мы же, единицы, безженнии, и безчаднии, и бездомови, в лености своей не хотяще от руку своею единаго хлеба стяжати, и сего ради, яко безручни от чюжия силы насыщаемся. Аще ли кто от нас глаголет: с миряны сключилося есть жити, и близ мира, да нужа ны есть приимати, еже аще дают ны. Худ той извет есть, братие. Спаситель наш Христос не в мире ли бысть, и апостоли его вси [ю] что тогда имяху [ю] разве пять хлебов и двою рыбу? И на предание Христово двема ножема токмо обрестися в них. И нудяще я неименьство, яко же и в другая времена и класы истирающе ясти. Что же ли речем, лише того имеюще, и последнии апостолом именующеся (да, имяны их любим зватися, жития же их не подражаем)? Еже бо излише покрова телу и насыщения утробе востребуем что, — уже не нужею, но изволением попираем обет. Почто же и взываем преже нас бывшыя иноки святыми отцы, а сами ныне не хощем, яко сынове их, отец своих нравы и делы краситися? Тем же елико лише онех мира держимся, толико же их отрицаемся: не суть отцы наши».

Последи же многа[я] о сем писано бышя, аз же се волею премину: понеже высота словеси мало небес не превосходяще, иже хотяше вам о сем быти, не мала туга и скорбь, душя вашя объяти хотяше. Понеже яко равно аггелом, толико отстояще от нынешняго жития сих святых пребывания, яко не токмо телеси, но и самая душя Христа ради не брегущи, на земли сущи, со ангелы жительствующе, яко же написа о сих Великий Иларион, подобно яко же во Ануфрии Великаго житии лежит. Мы же к коньцу слова да речем Великаго Илариона: «Увы мне, единому ум уступает ми, помянувше любовь, юже имяху ко господу преподобнии тии, яко тако пожиша любве его ради, и вся та претерпеша, да угодницы Христови прозовутся. Мы же аще и един час главою поболим, или прыщь на теле нашем узрим, то в борзе всем знаемым нашим возвещаем. Аще ли разболимся, то не яко иноцы, но яко мирстии: осядут бо ны и друзи наши советы творяще, кое убо былие ключается на оздравление наше. Тогда же и женьския руки тело наше осязают и мажют, льготу творяще. Отходят же воздыхающе, и мы по них зряще жалим си и до слез. И от сего разумети есть, яко ни в начатце отметания нашего, ни в юности, ни в старости, ни в здравии, ни в болезни, ни во исход души, мира сего отметаемся, но и еще любим и держимся его неотступно, донелиже и душа наша в теле нашем есть».

Сия убо написахом мало от многа. Аще хощете высочайши сего ведети, и вы сами больши нас весте, и много в божественном писании о[а] сем обрящете. И будет помните то, что яз Варлама из монастыря взял, ево жалуючи, а на вас кручиняся; ино бог свидетель — никако же иного ничего для, развее того для велели есмя ему быти у себя — как пришла волна та, а вы к нам немного известили, и мы Варлама приказали про его безчиние посмирити по монастырскому чину. А племянники его нам сказывали, что ему от вас для Шереметева утеснение велико. А еще Собакиных пред нами и тогды измены не было. И мы жалуючи их, велели есмя Варламу у себя быти, а хотели есмя его распросити: за что у них вражда учинилася?

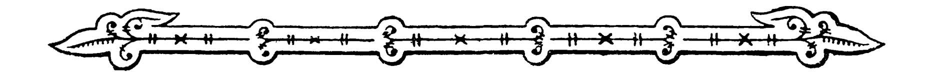
да и понаказати его хотели, чтобы в терпении был, что будет ему от вас скорбно, зане же иноком подобает скорбьми и терпением спастися. И зимусь по него потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю.[21] И как мы ис походу пришли, и по него послали, и его розпрашивали, и он заговорил вздорную — на вас доводити учал, что будто вы про нас не гораздо говорите со укоризною. И яз на то плюнул, и его бранил. И он уродъствует, а сказывается прав. И яз спрашивал о его жительстве, и он заговорил невесть что, не токмо что не знаючи иноческаго жития или платия, — и того не ведает, что на сем свете есть черньцы, да хочет жити и чести себе по тому же как в миру. И мы видя его сотониньское разжение любострастное, по его неистовому любострастию, в любострастное житие и отпустили жити. А то сам за свою душю отвещает, коли не ищет своей души спасения. А к вам есмя его не послали, воистину, потому: не хотя себя кручинити, а вас волновати. А ему добре хотелося к вам. А он мужик очюнной врет и сам себе не ведает что. А и вы не гораздо доспели, его прислали кабы ис тюрмы, да старца соборново кабы пристав у него. А он пришел кабы некоторой государь. А вы с ним прислали к нам поминъки, да еще ножи, кабы не хотя нам здоровья.[22] Что с такою враждою сотонинъскою поминъки к нам посылати? Ано было его отпустити, а с ним отпустити молодых черньцов. А поминъков было в том кручинном деле непригоже посылати. А ведь соборной он старец ни прибавил, ни убавил ничево, его не умел уняти, что захотел — то врал, а мы чего[б] захотели, того слушали: соборной старец не испортил, ни починил ничего. А Варламу есмя не поверили ни в чем. А то есмя говорили, бог свидетель и пречистая и чюдотворец, монастырьскаго для безчиния, а не на Шереметева гневаючися. А будет хто молвит; что так жестоко, ино су совет дати, по немощи сходя, что Шереметев без хитрости болен, и он ежь[в] в кельи да один с келейником. А сход к нему на что, да пировати, а овощи в кельи на што? Досюдова в Кирилове и иглы было и нити лишние в кельи не держати,

не токмо что иных вещей. А двор за монастырем, да и запас на что? То все беззаконие, а не нужа. А коли нужа, и он ежь в келии как нищей крому хлеба да звено рыбы, да чаша квасу. А сверх того коли вы послабляете, и вы давайте колко хотите, только бы ел один, а сходов бы да пиров не было, как преже сего у вас же было. А кому к нему приити беседы ради духовныя, — и он приди не в трапезное время: ествы бы и пития в те поры не было — ино то беседа духовная. А что пришлют братия поминков, и он бы отсылал в монастырьския службы, а у себя бы в келии никаких вещей не держал. А что к нему пришлют, то бы разделяли на всю братию, а не двема, ни трема по службе и по страсти. А чего мало — ино держати на время. А иное что пригоже, ино и его тем покоити. А вы бы его в келии и монастырским всем покоили, только бы что безстрастно было. А люди бы его за монастырем не жили. А и приедут от братии з грамотою или з запасом и с поминъки, и они поживи дни два-три, да отписку взяв да поедь прочь: ино так ему покойно, а монастырю безмятежно. Слыхали есмя еще малы, что такая крепость у вас же была, да и по иным монастырем, где о бозе жительство имели. И мы сколько лутчего знали, то и написали. А ныне есте прислали к нам грамоту, а отдуху от вас нет о Шереметеве. А написано, что говорил вам нашим словом старец Антоней о Ионе, о Шереметеве, да о Асафе Хабарове, чтобы ели в трапезе з братиею. И я то приказывал монастырьскаго для чину, и Шереметев себе поставил кабы во опалу. И я сколько уразумел, и что слышал, как делалося у вас и по иным крепким монастырем, и я то и написал, повыше сего, как ему жити покойно в келии, а монастырю безмятежно будет: добро и вы по тому учините ему покой. А потому ли вам добре жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братия его и ныне не престанут в Крым посылать, да бесерменьство на христианьство наводити?[23] А Хабаров велить мне себя переводити в ыной монастырь: и яз ему не ходатай скверному житию. Али уже больно[г] надокучило. Иноческое житие не игрушка. Три дни в черньцех, а семой монастырь. Да коли

был в миру — ино образы окладывати, да книги оболочи бархаты, да застешки и жюки серебряны, да налои избирати, да жити затворяся, да кельи ставити, да четки в руках. А ныне з братею вместе ести лихо. Надобе четки не на скрижалех каменных, но на скрижалех сердец плотян. Я видал — по четкам матерны лают! Что в тех четках? И о Хабарове мне нечего писати как себе хочет — так дурует. А что Шереметев сказывает, что его болезнь мне ведома: ино ведь не всех лежетнек для разорити законы святыя.

Сия мала от многих изрекох вам любви ради вашея и иноческаго для жития, им же сами множае нас весте. Аще хощете, — обрящете много в божественом писании. А нам к вам болши того писати невозможно, да и писати нечего. Уже конец моих словес к вам. А вперед бы есте о Шереметеве и о иных о безлепицах нам не докучали: нам о том никако ответу не давати. Сами ведаете: коли благочестие не потребно, а нечестие любо! А Шереметеву хоти и золотыя сосуды скуйте и чин царской устройте, — то вы ведаете. Уставьте с Шереметевым свое предание, а чюдотворцово отложите: будет так добро. Как лутче, так делайте! Сами ведаете как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет! Вперед о том не докучайте: воистинну ни о чем не отвечивати. А что веснусь к вам Собакины от моего лица злокозненную прислали грамоту, — и вы бы с нынешним моим писанием сложили и по слогням разумели, и потому вперед безлепицам верили.

Бог же мира и пречистыя богородицы милость, и чюдотворца Кирила молитвы буди со всеми вами и нами. Аминь. А мы вам, господие мои и отцы, челом бием до лица земнаго.



ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ (1574)

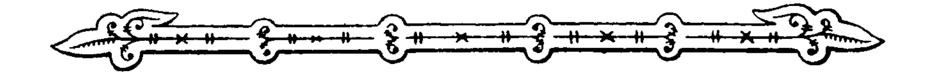
От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Василью Григорьевичю Грязному Ильину

Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон,[1] — ино было, Васюшка, без путя середи крымских улусов не заезжати; а уже заехано — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон, умеют ловити да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов! Только б таковы крымцы были, как вы, жонки, — ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.[2]

А что сказываешься великой человек — ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды.[3] А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине — ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили.[4] И мы того не запираемъся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублев дадим, а доселева такие по пятидесят рублев бывали; а ста тысяч опричь государей ни на ком окупу

не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли б ты сказывался молодой человек — ино б на тебе Дивея не просили. А Дивея сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысячь рублев не хочет на тебе мимо Дивея: Дивей[5] ему ста тысяч рублей лутчи, а за сына за Дивеева дочерь свою дал, а нагайской князь и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Оприч было князя Семена Пункова не на кого менять Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоенья меняти было;[6] а то в нынешнее время неково на Дивея меняти. Тебе, вышедчи ис полону, столко не привесть татар, ни поимать, сколько Дивей кристьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства — на кристьянство: ты один свободен будешь, да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да неколко сот кристьян лутчи тебя пленит. Что в том будет прибыток?

Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То кристьянству не пособити — разорить кристьянство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп, и мы тебя тем пожалуем. А будет станишь за гордость на кристьянство — ино Христос тебе противник!



ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ (1575)

Лета 7084-го октября в 30 день. Великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Русии сю челобитную подали князь Иван Васильевичь Московской и дети его, князь Иван и князь Федор Ивановичи Московские, а в челобитной пишет:

Государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Русии Иванец Васильев с своими детишками, с Ыванцом да с Федорцом, челом бьют,[1] чтоб еси, государь, милость показал, ослободил людишок перебрать,[2] бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси пожаловал ослободил принять, а с твоими государевыми приказными людьми ослободил о людишках памятьми ссылатиса; а ослободил бы еси пожаловал изо всяких людей выбирать и примать; а которые нам не надобны, и нам бы тех пожаловал еси, государь, освободил прочь отсылати. И как, государь, переберем людишка, и мы к тебе, ко государю, имяна их списки принесем и от того времяни безс твоего государева ведома ни одного человека не возьмем. А которых людишок приимем, и ты б, государь, милость показал, вотчинишок у них отнимати не велел, как преж сего велося у удельных князей;[3] а ис поместьишок их им хлебишко и денженка и всякое их рухлядишко пожаловал, велел отдати, и людишок их не ограбя велел выпустити. И которые похотят к нам, и ты б, государь, милость показал, ослободил им быти у нас безопально, и от нас их имати не велел. А которые от нас поидут и учнут тебе, государю, бити челом, и ты б,

государь, пожаловал, милость показал, по их челобитью, к себе, ко государю, тех наших людишок, которые учнут от нас отходити, пожаловал не приимал.[4] Да покажи, государь, милость, укажи свой государьской указ, как нам своих мелких людишок држати: по наших ли диячишков запискам и по жалованьишку нашему, или велишь на них полные имати?[5] Как, государь, указ свой учинишь? И о всем тебе, государю, челом бьем. Государь, смилуйся, пожалуй!

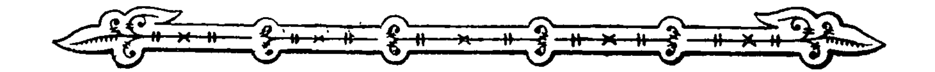
На отдельном листке опись: Прошение князь Ивана Васильевича Московского и детей ево к великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Русии о свободе людей их. 32.

Послание Симеону Бекбулатовичу.

Начало и середина столбца (ЦГАДА).

Послание Симеону Бекбулатовичу.

Конец столбца (ЦГАДА).



ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ (1577)

Такова грамота послана от государя изо Пскова со князем Тимофеем Романовичем Трубецким в Володимер ко князю Александру Полубенскому[1]

[2]Трисолнечного божества благоволением и благостию и волею, яко же рече избранный сосуд апостол Павел: «вемы яко ни един идол в мире и яко никто же бог ин, токмо един; ибо аще и суть глаголемии бози, или на небеси или на земли, но нам един бог отец, из негоже вся и мы у него, и един господь Исус Христос, им же вся и мы тем, един дух свят, в нем же всяческая и мы в нем». Сего убо трисиянного божества отца и сына и святого духа в лицех, во едином же ипостаси исповедуема существе и покланяема и славима и безначална, и бесконечна волею и хотением и властию и действом творения, рек бог «да будет свет» и бысть свет, и прочая творения твари яже на небеси горе и яже на земли низу и в преисподних. Таж посем созда человека, мужа и жену, сотвори их и всели их в рай, и заповедь положи им; онема же послушавшим врага и заповедь преступившим, и того ради прогневася на ня бог и из рая нища изгна их и смертию осуди их и болезньми, и труды обложи их, и бог от лица своего отрину их. И виде враг, яко первая его вражда приключися потребна ему и бог гнев возложи на человека, враг же сие видев до конца содела человечеству, и Каину Авеля убить сотвори. Бог же, не оставляя

своего создания, милуя род человеческий, Адаму родоначальника правде спаса воздвиже. Таже по сих Енох благоугоди богови, сего ради и бог прослави его взятьем и проповедника его сохраняя второго своего пришествия. Таже умножившимся человеком и врагу до конца соодолевшу и человеком повинувшимъся врагом во всем и вся его злая дела восприимъшим, и бог болма раздражися на гнев, и потопом вся человеки на земли потреби, единого Ноя праведника обрет по заповедем его ходяща, сего сохранив родоначальника вселенней. Посем паки умножившимся человеком и врагу больма прелстившу их и человек на прелесть вражию усердно пришедшим и к богоборству уклонишася, начаша созидати столп, реша бо к себе: аще паки восхощет бог потоп навести, тамо, вшедше на столп, з богом брань сотворим. И создаша столпа оного выше облак, и бог гневом, духом уст своих и духом бурном и нужном, столп сокруши, иныя же поби, прочих же разделили на семьдесят и два языка. Един же Евер к сему делу и совету их не приста, сего ради бог помилова его: Адамова языка не отъят. От него же евреи глаголются. Сих же раздели, да разделением друг на друга востают, и сим преступлением мучатся. Бога егда глаголю — отца и сына и святого духа во едином существе, яко же выше рех, и якоже и ту рече: «се человецы язык един и уста една, елика восхотят и сотворят, нисшед размесим я». И кому сия глаголати, аще бы не троица? Таж посем умножившимъся человеком и врагу поработившимся, и богу болма на них прогневавшуся и отступившу от них и диявол тако поработи я и во своей воли нача водити все человечество. И оттоле начаша быти мучители и властцодеръжцы и царие, яко же первый Неврод, иже столп нача здяти, и разделение[a] языком бысть. Неврод нача царствовати в Вавилоне, потом же Мисрем во Египте; таж во Асирии Вил крепкорукий, иже и Крон, таж Бел и Белус и Белье и Вабал и Вельефегор и Вельсавух и Вельсавав и Астарти, посем Ниние, таж Фор, иже и Арем, таж повсюду многоразлична царьства раставишася, и кождо особного царьствовати. Сице убо неблаго-

честне в человецех наченшуся царьству, яко же рече господь наш Исус Христос во евангелии: еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом. И сице виде бог погибающь род человеческий и умилосердися о нем и Авраама праведника воздвиже, иже Авраам бога истинного позна и бог возлюби его. И оттоль бог преклонися на милосердие к человечеству, и Авраама благослови и обетование дасть, и наследника дарова ему Исака, и Исаку Иякова, иже есть Исраиль. И сице обетова бог Аврааму: яко отца многим языком сотворю тя, и царие из тебе изыдут. И иже нашедше от чресл Авраама, Исакова и Иякова, и се нарекошася людие, и прочии иже языци, якоже рече великий пророк Моисей: «положи пределы языком, по числу ангел божиих, и бысть часть господня Ияков, достояние его Иисраиль». И тако[б] господу богу пасущу род исраильтеский, из Египта изведшу их рукою крепкою и мышцею высокою, — Моисеом праведником и Исусом Навгиным, и на землю обетованья поставившу их (в тогдашнее время многоразличные повсюду царьствия, и иныя же Иисраилты потребиша), и тако богу соблюдающу род еврейский и подавающу судия и правителя, и самому водящу их, даже и до Самоила пророка; но понеже по Адамлю преступлению все человечество прелестию тогда покровено бысть и врагу поработившуся, сего ради Иизраилты часто заповеди божия преступаху, прельщающеся делы беззаконных язык. Богу же на них овогда гневающуся и предавающу в порабощенье языком иноплеменным, овогда ж милующу и свобождающу; егда убо отступаху от бога и поклоняхуся идолом, тогда предавше их, егда же взыскаху господа, тогда свобожаше их. Сего ради и сходя к немощи их и жертвы попусти им творити, не яко хотя от них сего, но немощий сих попуская быти; аще и жрут, но токмо бы истинному богу жертву творили, а не бесом. Тако бысть и до Самоила пророка. Но человека есть нечисть родственная, не восхотеша Иизраилтяни под божиим имянем быти и водими быти праведными слугами его, просиша себе царя, и богу вельми на них за сие прогневавшуся и дасть им царя

Саула. И много напасти претерпеша, и бог милосердова о них, и воздвиже им праведника Давида царя и царьство распространи. Се первое благословение царству бысть: бог, сходя к немощи человечестей, и царство благослови. Таж умножившимся человеком и царьством и властем и беззаконию растущу, бог же не презре рода человеча от диявола мучима. Первое посла пророки провозвещающе пришествия божия слова, о гресе обличающе и о беззаконии; они же немысленнии быша, врагу ими владущу, и пророкы избиша, и больма нечествоваша. Таж человеколюбия ради сам господь-сын, слово божие воплотитися изволи от пречистыя матере, спасение содела посреди земля человеком. И иcперва убо царствие отверже, якоже рече господь во евангелии, иже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом, таж потом и благослови е, якоже божественным своим рожеством Августа кесаря прославив в его же кесарьство родитися благоизволи, и его и тем вспрослави и распространи его царство, и дарова ему не токмо римскою властию, но и всею вселенною владети, и Готфы, и Савроматы, и Италия, вся Далматия и Натолия и Макидония и ино бо — Ази и Асия и Сирия и Междоречие и Египет и Еросалим, и даже до предел Перских. И сице обладающу Августу всею вселенною и посади брата своего Пруса во град глаголемый Малборок и Торун и Хвойницу и преславный Гданеск по реке глаголемую Неман, яже течет в море Варяжское. Господу же нашему Исусу Христу смотрения тайну совершившу, посла божественныя своя ученики в весь мир просветити вселенную. Оным же яко крылатым всю вселенную обтекше им, и слово божие проповедающе. И понеже всюду греху царьствующу и нечестию обладающу, царие и князи и местоблюстителя и обладатели вси дьяволу поработившуся и супротившуся, и побиша их, таж и учеников, святителей и священников и простых множество показаша мучеников. И от Августова царства в Риме даже до лет Максентия и Максимияна Галера сие гонение бысть на християны. Господь же наш Исус Христос не презре моления раб своих, еще же и к матерним

мольбам[в] призирая, и свое обетование исполняя, яко же: се аз с вами есть до скончания века сего, аминь, — и сице воздвиже благочестия корень — великого во благочестии сияюща Констянтина Флавия, царя правде християнска, священство и царство во едино, и оттуда повсюду християнская царьствия умножишася. Тажь по благоволению в троицы славимого бога в Росийской земле воздвижеся царствие сице, якоже выше рех, еже Август кесарь римский, обладаяй всею вселенною, постави брата своего Пруса, иже вышепомянутый. И живоначалные троицы десницею и милостию воздвижеся царьство в Руси сице: под Пруса четвертое надесять колено Рюрик прииде нача княжити в Русии и в Новегороде, иже сам прозвася великий князь и град Великий Новъград нарече. Сын же его Игор преселися на Киев и тамо царьствия скифетры Росии положи, и на Грекех дань емляше и в Переславце Дунайстем живяше, иже есть Бен и Ведна. Таж что по сих? В троицы славимый бог милосердием своим призре на нашу Росийскую землю, сего Святославова сына великого Владимера в познание истинны приведе и светом благочестия просвети, славити себя истинного бога отца и сына и святого духа во единстве поклоняемого, и избра его, якоже второго Павла, в державных сединах и царя правды християнска во крещение воздвиже, якоже великого Констянтина. Якоже рече божественный апостол Павел: никая же владычества не от бога учинена суть, всяка бо душа владыкам превладущим да повинуется; темже и противляяйся власти, божию повеленью противится, и никому же повеле в чюжая пределы преступати. Мы же хвалим, благослóвим, покланяемся господу в трех лицах, во едином же существе, поем и превозносим его во веки, якоже воздвиже нам рог спасения, яже в дому Давида раба своего, тако в дому блаженного великого Владимера во святом крещении Василия. Сего убо трисиянного единственного божества милостию и благоволением и волею утвердися и дасться нам скифетродержание в Росийской земле, от сего великого Владимира, иже во святом кре-

щении Василия, иже царским венцом описуется на святых иконах, и сына его великого государя Ярослава, нареченного во святом крещении Георгием, иже тое Чюдскую землю плени, еже есть Лифлянты, и град Юрьев во свое имя постави, иже нарицается Дерпт, и великого царя и великого князя Владимера Мономаха, иже на Фракею Царяграда воевавшего и царьский венец и имя приобрете царьствия (от царя Констянтина, иже тогда во Цареграде царствующего сия приемлет), и преславного великого князя Александра, иже над римскими немцы на Неве победу показавшего, и хвалим достойного великого государя великого князя Дмитрия, иже над безбожными Агаряны за Доном великую победу показавшего, и деда нашего блаженные памяти великого государя Ивана Васильевича, собрателя Руския земли и многим землям обладателя, и отца нашего великого государя царя всеа Русии блаженные памяти Василья закоснейным прародительствия землям[г] обретателя, таж по коленству даже доиде и до нас скифетром держание Росийского царьствия. Мы же хвалим бога в троицы славимого за премногую его милость, бывшую на нас.[2]

Сего тричисленного божества отца и сына и святого духа милостию и властию и хотением покрываеми, иногда же ограждаеми и заступаеми и соблюдаеми и утвержаеми, и удержахом скифетро Росийского царьствия; мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русии [*следует полный титул*] нашего царьского повеления слова — нашего княжества Литовского дворянину думному и князю Олександру Ивановичу Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то всё дудино племя!).[3]

Нашия честныя царьские заповеди слово то, что не от коликих лет Лифлянская земля отчина наша от великого Ярослава, сына великого Владимера, иже во святем крещении Георгия, иже и Чюдскую землю плени и постави в ней град в свое имя Юрьев, а по-немецки Дерпт, та по сем великого государя Александра Невского, и дань старые залоги с тое Лифлянские

земли шла, и прадеду нашему великому государю и царю Василью и деду нашему великому государю Ивану и отцу нашему великому государю и царю всеа Русии блаженные памяти Василию[x] присылывали неоднова бити челом за свои вины и о своих нужах и о миру с их вотчинами с великим Новымъгородом и Псковом, и что было им к Литовскому не приставать. Так же и к нашему царьскому величеству присылали и не одинова бити челом своих послов, и дань на себя по старому положили, и после того в том во всем не исправилися, и за то на них наш гнев, мечь и огнь ходит. И некогда убо прииде в слухи наша, яко то безгосударное место Литовское, преступив божие повеление, еже не повеле никому же в чюжия пределы преходити, и Литовские люди в ту нашу отчину, в Лифлянскую землю, вступившися, тебя учинили тут гетманом. И ты многие неподобные дела поделал еси: не имея храбрства, взял еси искрадом нашия вотчины Пскова пригородок Избореск, как еси поругалъся, отступив от крестьянства, церкви божии и священства образом.[4] Ино тричисленного божества и пречистыя богородицы милость и всех святых его молитвы и иконного покланяния крепость вас иконоборцов посрами, а нашу древнюю отчину к нам возврати, а ваша надежда — Крон и Зевс и иниии, о нихже выше рехом, ни во что же бысть.

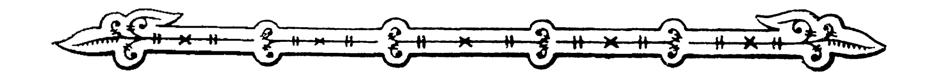
А пишешься Палемонова роду,[5] ино то палаумова роду, потому что пришел на государство, да не умел его под собою держать, сам в холопи попал иному роду. А что пишешься вицерентом земли Ифлянъския, справцы рыцарства волного — ино то рыцарство блудящее, розблудилося по многим землям, а не волное.[6] А ты выцерент и справьце над шибеницыными людми, которые из Литвы ушли от шибеницы, то с тобою рыцерство. А гетманство твое над кем? С тобою жадного доброва человека нет из Литвы, а то все воры, да тати, да разбойники. А владеешь — городков з десять нет, где тебя слушают. А Колывань за Свейским, а Рига особе, а Задвинье за Кетрером.[7]

А старостить тебе над кем? Где меньтер, где машъкалка, где кумендери, где советники, и все воинство Лифлянские земли?[8] Всево у тебя ничего!

А ныне наше царьское величество пришло своих вотчин разсмотрити Великово Новагорода и Пскова и Лифлянские земли, и наше царьское повеленье с милостивнейшим защищеньем и чесные заповеди тебе: почто избранный ваш государь Стефан Обатур присылает к нам о миру и послов своих к нам шлет,[9] и мы хотим с ним миру как будет пригоже, и ты б меж нас с Стефаном Обатуром миру не рушил, и на кровопролитие християнское[е] не прагнул, и из нашие бы еси вотчины из Лифлянские земли поехал со всеми людми, а мы всему своему воинству приказали, не велели литовских людей ничем крянути. А толко ж так не учинишь, и не пойдешь из Лифлянские земли, и которые люди Литовъские будут в Лифлянской земле, и что над ними учинится, и то кровопролитие от тебя будет. А на Литовскую землю и ныне никоторые войны не учиним, доколе у нас[ж] от Оботуры послы будут. А с сею есмя грамотою послали к тебе воеводу своего князя Тимофея Романовича Трубецково, Семеновича, Ивановича, Юрьевича, Михайловича, князя Дмитрея, сына великого князя Олгерда, у которого твои предкове служили Палемонова роду.[10]

Писан в дому живоначалные Троицы и великого государя Всеволода Гаврила, а в нашей отчине двора нашего из боярские державы в городе в Прескове,[11] лета 7085 июля в 9 день, индикта 5, государствия нашего 43, а царств наших Росийского 31, Казанского 25, Астрахансково 24.

А на подписи у грамоты подписано: великого княжества Литовского дворянину доброму князю Олександру Ивановичю Полубинскому, дуде, вицеренту Литовския земли блудящие рыцарства Ливонсково розганенова, старосте Волъмерскому, блазну.



ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ (1577)

Такова грамота послана от государя из Володимерца к пану Яну Еронимовичу со князем Олександром с Полубенским[1]

Бог наш троица отец и сын и святой дух во единстве поклоняемый, о нем же живем и движемся, им же царие царствують и силнии пишут правду, сего властию и хождением и милостью удержахом скифетры Росийского царствия, мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [*следует полный титул*] государя Стефана [*следует полный титул*] пану Яну Еронимовичю Хоткевича, кграбя на Шклове и на Мыши, пану Виленскому старосте Жемоитицкому, маршалку земскому великого княжства Литовского, старосте Кобеньскому и державце Плотельскому и Тельшовскому слово наше то.[2]

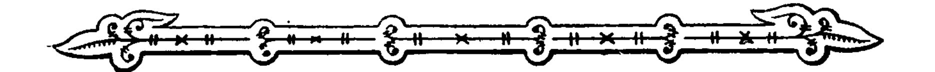
Мужю храбрый и велемудрый и дородный, достоин еси в роде начальнейшее быти и начальствовати! Издавна бо слышах храбрство твое и дивихся и похвалях и исках еже любити тя и жаловати на много времена и различна. Сему не даст быти, но и тогда, егда к нам через Лифлянскую землю без короля писал еси,[3] ныне же благоволением божиим, яко же рече апостол Павел: «во время благоприятно послушах тебя, и в день спасения помогох ти, се ныне время благоприятно, се день спасения, ни единого же, ни в чесом же, дающе претыкания»; сего ради восписую ти.

Тричисленного божества и во единстве поклоняемого милостию, со крестоносною хоругвию ходили есмя своей отчины очищати и дозрити, и ныне вседержительною божиею десницею и силою животворящего креста отчина вся Лифлянская земля учинилась в нашей воле. А ты писался администратором и гетманом Лифлянские земли, ино то у тебя отошло, и ты б, муж велеразумный и храбрый, о том не сумневался, занеже бог дает власть, емуже хощет. А сие было имя ещо государственное, к тебе и неприлично (а ты от роду великих панов, так мы, тешачи тебя, пишем к тебе кграбя, а и то так же к тебе неприлично). А убытка тебе здеся ни в чом нет, лише слово твое было, и ты б о том не кручинился, занеже слово мимошественно, а не постоятелно. Слышах твое велеразумие и храбрость под Улою и дивихся, и то храбръски еси учинил;[4] а в Лифлянскую было землю вступатися напрасно. И сего ради пишу велеразумью твоему; дай бо, рече, премудру вину, премудрее будет, сказай[а] праведному и приложит примати. Сего ради убо тебе, премудрому человеку, о сем не подобает смущатися и сия смущения отложити, и промышляти о покое христианском, и государю б еси Стефану королю Полскому говорили, чтоб он нашие вотчины Лифлянские земли не воевал и ничем не зацеплял. Так бы и ты досаду свою отложил. Да ещо и пословица та нехороша, что «одми толко ково одмет», ино тому живет лихо.[5] И ты б добр здоров был, да и ты б сам нашей отчине Лифлянской земле шкот никаких не делал.

А тово бы слова у вас не было, как в Полотцку, — где нашего коня ноги[б] не стояли, ино то не наша земля, а в нашей отчине в Лифлянской земле во многих местах нет того места, где б не токмо коня нашего ноги — и наши ноги не были, и воды, в котором месте из рек и изо озер не пили есмя; но все то з божиею волею под наших коней ногами и под нашим житием учинилося.[6] Так же б и того слова не было, что мы чрез перемирье в Лифлянскую землю вступилися, ино то слово ложно. Николи тово слова не бывало, имянно что с Лифлян-

скою землею мир, а мы нынешним своим походом Литовские земли ничем не зацепляли, и не изобидили. И ты б сам государю своему говорил и братье своей паном радам говорил же, и вместе ся с своею братьею с паны радами государю своему Стефану королю[в] говорили, чтобы государь ваш послов своих слал к нам не мешкаючи, а мы с ним миру и доброго пожития хотим, как будет пригожее. А он бы нас почтил чем пригожее, занеже без почестивости братству нашему статися с ним невместно.[7]

Писан в нашей отчине Лифлянские земли во граде в Волморе, лета 7086, сентября в 12 день, индикта 6, государствия нашего 43, и царств наших: Росийского 31, Казансково 25, Астороханского 24.



ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1577)

Такова грамота послана от государя из Володимерца же ко князю Андрею к Курбскому со князем Александром с Полубенским[1]

Всемогущие и вседержительные десница дланию содержащаго всея земли конца господа бога и спаса нашего Исуса Христа, иже со отцем и святым духом, во единстве покланяема и славима, милостию своею благоволи нам удержати скифетры Росийского царьствия смиренным и недостойным рабом своим, и от его вседержавныя десница христоносныя хоругви сице пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии [*следует полный титул*] — бывшему нашему боярину и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Воспоминаю ти, о княже, со смирением: смотри божия смотрения величество, еже о наших согрешениях, паче же о моем беззаконии, ждый моего обращения, иже паче Манасия беззаконовах, кроме отступления. И не отчеваюся создателева милосердия, во еже спасену быти ми, яко же рече во святом своем евангелии, яко радуется о едином грешнице кающемъся, нежели о девятидесят и девяти праведних, тако же о овцах и о драгмах притчи. Аще бо и паче числа песка морскаго беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия божия: и может пучиною милости своея потопити беззакония моя. Яко же и ныне грешника мя суща, и блудника, и мучи-

Второе послание Курбскому.
Л. 31 об. из списка ЦГАДА.

теля, помилова и животворящим своим крестом Амалика и Максентия низложи.[2] Крестоносной преходящи хоругви и никая же бранная хитрость непотребна бысть, яко ж не едина Русь, но и немцы, и Литва, и татарове, и многие языцы ведят. Сам прося их, уведай, имъже имя написати не хощу, понеже не моя победа, но божия. Тебе ж от[а] многих мало воспомяну, вся бо досады, яже писал еси ко мне, преже сего восписах ти о всем подлинно; ныне же от многа мало воспоминати. Воспомяни убо реченное во Иове: «обшед землю и прокожю поднебесную»; тако и вы хотесте с попом Селиверстом, с Олексеем Адашевым и со всеми своими семьями под ногами своими всю Рускую землю видети; бог же дает власть, емуж хощет.

Писал еси, что яз разтлен[б] разумом,[3] яко ж ни в языцех имянуемо, и я таки тебя судию и поставлю с собою: вы ли разтленны, или яз[в], что яз хотел вами владети, а вы не хотели под моею властию быти, и яз за то на вас опалялся? Или вы разтленны, что не токмо похотесте повинны мне быти и послушны, но и мною владесте, и всю власть с меня сняете, и сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел. Колики напасти яз от вас приял, колики оскорбления, колики досады и укоризны! И за что? Что моя пред вами исперва вина? Кого чим оскорбих? То ли моя вина, что Прозоровскаго полтораста четье Федора сына дороже? [4]Попамятуй и посуди[г]: с какою есть укоризною ко мне судили Сицково с Прозоровским, и как обыскивали, кабы злодея! Ино та земля наших голов дороже? И сами Прозоровские каковы перед нами[д]? Ино то уж мы в ногу их не судны![4] А у батюшка, за божиим милосердием и пречистые богородицы милостию, и великих чудотворцев молитвою, и Сергиевою милостию, и батюшковым благословением, и у меня Прозоровских было не одно сто. А Курлятев был почему меня лутче? Его дочерям всякое узорочье покупай, — благословно и здорово, а моим дочерем, — проклято да за упокой.[5] Да много того. Что мне от вас бед, всего того не исписати.

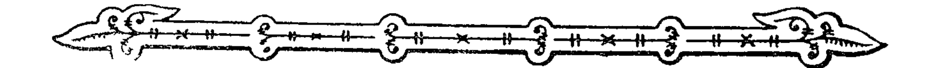
А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не[е] отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было.[6] А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, — ино вси есмя человецы. Ты чево для понял стрелецкую жену?[7] Только б есте на меня с попом не стали, ино б того ничево не было: все то учинилося от вашего самовольства. [8]А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? Яз восхищеньем ли, или ратью, или кровью сел на государство? Народился есми божиим изволением на царство; и не мню того, как меня батюшка пожаловал благословил государством, да и взрос есми на государстве. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государьству, которое его поколенье, развее вашие измены к нему, да его дурости? Что моя вина перед ним? Что ваши ж дяди и господины отца его уморили в тюрьме, а его и с матерью[ж] тако ж держали в тюрьме. И я его и матерь[з] от того свободил и держал во чти в урядстве; а он был уже от того и отшол. И яз такие досады стерпети не мог, — за себя есми стал.[8] И вы почали против меня болши стояти да изменяти, и я потому жесточайше почал против вас стояти. Яз хотел вас покорити в свою волю, и вы за то как святыню господню осквернили и поругали! Осердяся на человека, да богу ся есте приразили. Колико церквей и монастырей и святых мест испоругали естя и осквернили! Сами о том богу ответ воздадите. О сем же паки умолчю; ныне о настоящем воспишу ти. Смотри, о княже, божия судьбы, яко бог дает власть, емуже хощет. Вы убо, яко диавол, с Селивестром с попом и с Олексеем с Адашевым рекосте, яко же он во Иове хваляся: Обыдох землю и прошед поднебесную, и поднебесную под ногами учиних (и рече ему господь: «внят ли на раба моего Иева?»). Тако убо и вы мнесте под ногами быти у вас всю Русскую землю; но вся мудрость ваша ни во что же бысть божиим изволением. Сего ради трость наша наострися к тебе писати. Яко же рекосте: «несть людей

на Руси, некому стояти», — ино ныне вас нет, а ныне кто претвердые грады Германские взимает? Но сила животворящаго креста, победившая Амалика и Максентья, грады взимает. Не дожидаются грады Германские бранного бою, но явлением животворящаго креста поклоняют главы своя. А где по грехом, по случаю, животворящаго креста явления не было, тут и бой был.[9] Много отпущено всяких людей: спрося их, уведай.

А писал себе в досаду, что мы тебя в дальноконыя грады, кабы опаляючися, посылали,[10] — ино ныне мы з божиею волею своею сединою и дали твоих дальноконых градов прошли, и коней наших ногами переехали все ваши дороги, из Литвы и в Литву, и пеши ходили, и воду во всех тех местех пили, — ино уж Литве нелзе говорити, что не везде коня нашего ноги были. И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес; а мы тут, з божиею волею сугнали, и ты тогда дальноконее поехал.[11]

И сия мы тебе от многа мало написахом. Сам себе разсуди, што ты и каково делал, и за что и божия смотрения величества о нас милости разсуди, что ты сотворил. Сия в себе разсмотри и сам себе раствори сия вся. А мы тебе написахом сия вся, не гордяся, ни дмяся — бог весть; но к воспоминанию твоего исправления, чтоб ты о спасении душа своея помыслил.

Писан в нашей отчине Лифлянские земли, во граде Волморе, лета 7086 года, государствия нашего 43, а царств наших: Росийскаго 31, Казанского 25, Астороханского 24.



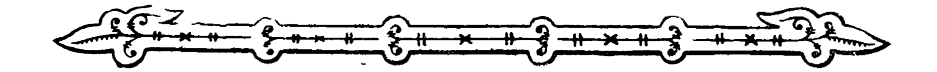
ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ (1577)

Такова грамота послана к Тимохе к Тетерину

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и многих земель государя к Тимофею Тихану Иванову сыну Пухову Титерину.

Что писал еси прежь сего к нашему боярину и воеводе и наместнику Юрьева Лифлянсково к Михаилу Яковлевичу Морозову, что он, сидя в стрелнице, а к тебе посылал грамоты с прещением, а его наместничество Юрьевское таково, что мы, ему не верячи, держим жену и дети в закладе,[1] — ино ты, рострига богатырь, Изборок изменою взял[2], чево для ныне за Двину в Литву побежал, а ни в котором стрелнице не удержалъся? А в том опалном наместничестве, в Юрьевском, ныне мы сами сидим. А вам ныне пригожее на покое том нас туто дождатися, и мы б вас от всех ваших бед упокоили. А нечево к тебе к страднику и много и писати. Какову еси страдничую. . .[a] и делаешь, и каковы еси грамоты к нам привозил от Андрея от Шеина,[3] коли первое с маистром наши люди виделися в нашей отчине Лифлянской земле.

Писан в государя твоего, в князя Ондрея Курбского[4] убежище, в нашей отчине Лифлянской земле во граде Волморе, лета 7086, сентября в 12 день.



ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ (1581)

А се грамота от государя х королю з гонцом его є Хриштопом з Дершком[1]

Всемогущия святыя и живоначальныя троицы, отца и сына и святаго духа во единстве покланяемаго, истиннаго бога нашего, вседержительныя десницы его непобедимые милостию мы, смиренный Иван Васильевич сподобихомся носители быти крестононосные хоругви и креста христова Росийскаго царствия и иных многих государств и царств и скифетродержатель великих государств царь и великий князь всеа Русии [*следует полный титул*] по божью изволенью, а не по многомятежному человечества хотению,[2] Стефану божьею милостию, королю Польскому, и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемойцкому, Мазовецкому, княже Седмиградцкому и иных.

[3]Что прислал еси к нам гонца своего Хриштофа Держка з грамотою, а в грамоте своей к нам писал еси, что послы наши великие, дворянин наш и наместник Муромской Остефей Михайлович Пушкин, а дворянин наш и наместник Шацкой Федор Писемской, а дияк Иван Ондреев сын Трифанова до тебя пришли з листом нашим верующим, в котором пишем до тебя, абых ты им веру дал, чтоб они имянем нашим тебе мовили. Якож они объявили тебе, иж з зуполною наукою пришли на покой хрестьянский становити, а кгды еси позволил им

с паны радами твоими намовы чинити, они чотыре замки в земли Лифлянской—Новгородок Лифлянский, Серенск, Адеж и Ругодив в сторону нашу мети хотели и ещо домовлялися к тому городов, которые прошлого лета за помочью божьею в руки твои пришли, зачем, дела не зделавши, отправлены от тебя быти мели. А затым просили, абых еси дозволил им послати до нас по науку о всех делех, которые им объявлены от тебя, каковым обычаем межи нами приязни статися пригоже, чего еси им позволил. И нам бы, углянувши в писанье своих послов, во всих тых речах науку достаточную им дати и моць супольную на листе своем отвористом прислать, за которым бы листом послы наши дела таковые становити и доканчивати могли на покой хрестьянский к утверждению приязни и братства межи нами; а тебе бы имоверно ку застановенью покою приходити. А посылати бы нам до послов своих с наукою и с моцью супольною и достаточною не мешкаючи, гды ж тебе войска собраные держати в панстве своем шкода, а приведши их ближе ку границе, тогды бы и нашему панству от них без шкоды не было. А что еси послом нашим велел припомянути и город Себеж на земли Полоцкой збудованый вчинил еси, то не для которого пожитку, толко для тово, абы приязнь поставленая свовольными людьми меж нас не была нарушена, кгды ж около Себежа везде села и люди полоцкие суть; а нам бы миритися межи себя так, как бы дело доброе непорушне утвержалося на добро хрестьянское, а межи нас бы приязнь множилася. Ведь же то пущаешь на баченье а уважение наше, а ты для добра хрестьянсково тым малым делом болших дел порушити не хочешь. А которые люди твои невинные купецкие задержаны суть в земли нашей, и тых абы нам со всеми маетностями их теперь доброволне выпустити казали, чим тебе знак приходности твоей ку доброму с тобою пожитью окажем. А с сим листом с своим послал еси до нас дворянина своего Хриштофа Дершка и нам бы, ничем его не задерживая, к тебе отпустити, иж бы он на рок, который еси послом нашим значил, до тебя быти не омешкал.[3]

А послы наши, дворянин наш и наместник Муромской Остафей Михайлович Пушкин с товарыщи, писали к нам, что, паны твои рада им от тебя говорили, что тебе с нами инако не мириватися, развие чтоб нам тебе поступитися всее Лифлянские земли до одново волока; а Велиж и Усвят и Озерища то готово у тебя, да город Себеж разорити, да четыреста тысяч золотых червонных за наклад твой дати тебе, что ты наряжаяся ходил нашие земли воевати, а Луки Великие[a] и Заволочье и Ржева пустая и Холм за хрептом в молчаньи покинули. И мы таково превозношенья не слыхали нигде и тому удивляемся: то ныне миритися хочешь, а такое безмерье паны твои говорят, а коли будет розмирица и тогды чему мера будет? Панове рада говорили нашим послом, что они приехали и торговати Лифлянскою землею. А ино наши послы торгуют Лифлянскою землею, ино то лихо, а то добро, что панове твои нами и нашими государьствы играют да делают гордяся, как чему статися нельзя? А то не торговля — розговор.[4]

А коли были прежние государи на том государстве хрестьянские побожные, почен от Казимера и до нынешнего Жигимонта Августа, и они о кроворозлитии хрестьянском жалели и послов своих к нам посылывали, и наши послы к ним хаживали, и наши бояре с их послы розговорные речи говаривали, а их королевские послы рада с нашими послы розговорные речи говаривали и многие приговоры делывали, чтоб как на обе стороны любо было, а хрестьянская бы кровь невинная напрасно не проливалася, а меж бы государей мир и покой был,— тово искали прежние паны рада. И съезжаютца много и побранятца с послы, да опять помирятца, да делают долго, а не одным часом обернут. А ныне видим и слышим, что в твоей земле хрестьянство умаляетца, ино потому: твои панове рада, не жалеючи о кроворозлитьи хрестьянском, делают скоро. И ты б, Стефан король, попаметовал на то и разсудил — хрестьянским ли то обычаем так делаетца?

Как еси присылал к нам своих великих послов, воеводу Мазовецкого Станислава Крыжского с товарыщи,[5] и они на

чом с нашими бояры договорилися, да и грамоту, твое слово, написали, какову хотели по своей воле, и на той грамоте крест целовали и печати свои к той грамоте привесили на том, что было тебе написати грамота своя такова, какову твои послы написали у нас на Москве, и печать свою к той грамоте привесити[б], и перед нашими послы на той грамоте к нам крест целовати[в] и по той перемирной грамоте тебе к нам до тех урочных лет и правити и послов наших с тою своею грамотою не издержав к нам отпустити.

И мы по приговору послов твоих з бояры с нашими [б]послали к тебе послов своих, дворецкого Тверского и наместника Муромского Михаила Долматовича Карпова да казначея своего и наместника Тулского Петра Ивановича Головина, да дьяка Тарасья-Курбата Григорьева сына Грамотина доделывати тово дела, что послы твои зделали, и у тебя перемирную грамоту взяти и на той грамоте тебя х крестному целованью привести. И нашего большого посла Михаила Долматовича Карпова не стало неведомо[г] какими обычеи, а товарыщи его, казначей наш и наместник Тульской, Петр Иванович Головин, да дьяк наш Тарасей-Курбат Григорьев сын Грамотина, как к тебе пришли, и ты то ни во што поставя, через присягу послов своих, по их приговору делати не похотел и, наших послов обесчестя, посадил еси их за сторожи, як вязней, в великой нуже. А что наши послы тебе посольства не правили, и они, видя твою гордость, что еси против нашего имяни не встал и о нашем имени сам не вспросил, не смели без нашего ведома тебе тое гордости стерпети. А вперед уже как ни гордися, то тебе уже не встрешно будет. А к урядником твоим послом нашим у себя на подворье посольство было правити не пригоже; тово из предков твоих не бывало. Да о том много говорити ныне несть потреба. А к нам еси прислал гонца своего Петра Гарабурду з бездельною грамотою,[6] а сам еси почал на нас изо многих земель рать копити. А которую еси грамоту к нам прислал с Петром с Харабурдою, и в той своей грамоте писал еси, чтобы нам то дело, которое

твои послы зделали, отставити, а к своим послом новой наказ свой послати, и велети им изнова делати о Лифлянской земле. И то где ведетца, чтоб целовал крест, да порушит его? Хоти послы что и не гораздо зделают, а то не рушитца, терпят то до урочных лет; послы проделаютца, ино на них за то опалу кладут, а что зделают, тово никак не переделывают и нигде тово не переделывают, а крестного целованья не переступают. Не токмо что во хрестьянских государствах тово не ведетца, чтобы так через крестное целованье делати, как ты захотел делати (а зовучися государем хрестьянским, а не по хрестьянскому обычаю захотел еси делати, поругаючися нашему крестному целованью, что мы к тебе на грамоте крест целовали, и через присягу послов своих, которое они учинили за твою душу, и через все то да изнова делати — и тово нигде не ведетца!), а и в бесерменских государьствах не ведетца,[7] чтоб роту и правду переступити; хотя и в бесерменех, и государи дородные и разумные, то держат крепко и на себя похулы не наведут, а хто порушит правду, и они тех укоряют и хулят и нигде правды не переступают. А и в предкех твоих тово не бывало, чтобы порушити то дело, на чом послы зделают, как ты учинил новую причину! И в книгах своих во всех вели искати — [8]ни при Ольгерде, ни при Ягайле, ни при Витофте, ни при Казимере, ни при Ольбрехте, ни при Александре, ни при Жигимонте Первом, ни при нынешнем Жигимонте Августе — и николи тово не бывало, как ты учинил новую причину. А коли тех прежних государей пишешь предки своими,[8] и о чем по их уложенью не ходишь, а свои обычеи новые всчинаешь, которые приходят к неповинному кроворозлитию хрестьянскому? А те все прежние предки твои, что послы их зделают, то не рушивали. И мы, слышавши таковое неподобное дело, твоего гонца Петра Гарабурду позадержали, а чаючи тово, что ты на подобное дело сойдешь и то дело довершишь с послы с нашими.

И нам учинилося ведомо, что ты на рать подвижен. И мы твоего гонца Петра Гарабурду к тебе отпустили, а с ним

к тебе отпустили своего гонца Ондрея Михалкова з грамотою,[9] а в грамоте своей к тебе писали есмя, что тому сстатися нельзя, что, порушив крестное целованье, да изнова делати; и ты б то дело с нашими послы доделал, как твои послы приговорили с нашими бояры, а о Лифлянской земле слал бы еси к нам иных своих послов, и мы с ними велим бояром своим делати как пригож. И ты тово не послушав, больма на ярость подвигся еси и, зламав присягу послов своих, наших еси послов выбил из своей земли кабы злодеев, не дав им своих очей видети. А за ними вборзе прислал еси к нам гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою, а в ней про наше государство многие неправые слова писал еси и нас укоряя, о них же несть нам потреба писати подробну, а после того гонца нашего Ондрея к нам отпустил еси, а с ним свою грамоту прислал еси так же яряся.[10] А сам пришел еси со многими землями и с нашими израдцами, с Курбским и з Заболоцким и с Тетериным [11] и с ыными с нашими израдцами ратью. И нашу вотчину город Полоцко израдою взял еси: наши воеводы и люди против тебя худо билися и город Полоцко тебе израдою отдали. А ты, идучи к Полоцку, грамоту свою писал еси ко всем нашим людем, чтобы нам наши люди израживали, а тебе з городы подавалися и с месты, а нас еси за наших изменников карати хвалился. А надеешся не на воинство, на израду![12] А мы тово не чаючи, что тебе так учинити, надеючися на крестное целованье послов твоих (чево из веку не бывало, как ты учинил!), пошли были есмя своей отчины очищати Лифлянские земли. И как мы пришли в свою отчину во Псков, и нам учинилося про тебя ведомо, что ты пришел к нашей вотчине к Полоцку ратью, и мы, не хотячи через крестное целованье с тобою кровопролитства делати, сами против тебя не пошли и людей больших не послали, а послали есмя в Сокол немногих людей проведати про тебя. И пришедши под Сокол воевода твой Виленской со многими людьми, город Сокол новым умышленьем зжег и людей побил и мертвым поругалися беззаконным обычаем, чево ни в безверных не слы-

хано: убьют ково на бою да покинут, ино то ратной обычей; а твои люди собацким обычеем делали, выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них брюха възрезывали, да сало и жолчь выимали как бы волховным обычеем.[13] Пишешь и зовешся государем хрестьянским, а дела при тобе делаютца не прилишны хрестьянскому обычею: хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром деяти. И мы еще будучи в терпеньи, а чаючи тово, что ты меру познаешь, поволили бояром своим с твоими паны обослатися, да и сами с тобою обсылалися есмя и не одинова. И ты вознесся безмерьем и как из предков твоих велося, по тому еси делати не похотел, и по прежним обычеем послов своих к нам послати не похотел еси, а сам еси учал на нашу землю наряжатися ратью. А которую еси грамоту к нам прислал з гонцом своим с Венцлавом с Лопатинским и в той твоей грамоте написано, что послы наши «перед маистад твой возвани», ино то кабы некоторые незнаемые сирота, а не послы, и приведши их, кабы сирот, поставили у предверного подножия и оттудова яко на небо подобно богу беседовати; таково наших послов «пред твоим маистатом ставление» и твоей гордыни превозношенье! Да и во всех землях тово не слыхано; хоти и не от великого государя послы придут к великому государю, не токмо от ровного, и они послов держат посольским обычеем, а не за простых людей место, ни за данщиков место, «перед маистатом» их не ставят.[14] Также и с наших бояр человеком с Левою с Стремоуховым прислал еси к нам свою грамоту опасную на наши послы (а твои панове рада писали к нашим бояром, чтобы мы к тебе по той твоей опасной грамоте послали послов своих), а та твоя опасная грамота писана не тем обычеем, как пишутся опасные грамоты послом: та твоя грамота писана кабы молодым купецким людем через твое государьство проезжая. И такова твоя высость чему уподобити? И к своему ты воеводе Виленскому так укоризнено не напишешь, как та грамота писана.[15] А такие есмя укоризны не слыхали ни от турецкого, ни от иных бесерменских государей-

И мы еще для кровопролитства хрестьянского в терпеньи будучи, посылали есмя к тебе дворянина своего Григорья Офонасьевича Нащокина з грамотою, а в грамоте своей к тебе писали есмя, чтобы ты по звыклому обычею послал к нам послов своих. А речью есмя с своим дворянином к тебе приказывали, толко ты не похочешь по звыклому обычею послать к нам послов своих, и ты б к нам прислал на наши послы свою опасную грамоту подобную, а не такову, как с Левою с Стремоуховым, и мы к тебе послов своих и через прежние обычеи часа того пошлем, а ты б наших послов дождался в своем государстве. [16]И ты нашего дворянина Григорья к нам отпустил, а с ним к нам прислал еси свою грамоту и послов своих по звыклому обычею к нам послати не похотел еси. А в своей грамоте писал еси, чтобы мы к тебе послали своих послов, да и опасную еси грамоту на наши послы прислал, а срок еси учинил нашим послом у себя быти, как невозможно не токмо что послом поспети, ни гонцу к тому сроку не бывать.[16] А сам еси как отпустя нашего дворянина Григорья, хотя видети кроворозлитье хрестьянское, тотчас на конь сел, не дожидаяся наших послов, пошел еси на нашу землю ратью. А тово при предкех твоих николи не бывало, что послы идут, а они бы ратью шли, — нолны послы чево не зделают, ино то толды рать пойдет, да и тут не скоро. А ныне при тебе за мечем миритись, ино то которой мир?

[17]И мы видячи твое нежаленье о хрестьянстве, послов есмя своих к тебе послали наскоро — стольника своего и наместника Нижегородцкого князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, да дворянина своего думного и наместника Елатмовского Романа Михайловича Пивова, да диака своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали есмя к тебе парабка своего молодого Федьку Шишмарева з грамотою, чтобы еси наших послов подождал в своей земле. И тот наш гончик встретил тебя на дорозе блиско Витепска, и ты на тое нашу грамоту ни поглянул, а сам еси пошел на нашу землю ратным обычаем,

ничего не опуская, не жалея крови крестьянские. И мы велели своим послом к тебе и в рать итти, чево нигде не ведетца, что в рати послом быти. И мы и тут тебя тешили, да не утешили, и ты наших послов не подождал и в Витепске и пошел еси на нашу землю ратью, а наших послов велел еси за собою вести тихо. А в те поры наши изратцы Велиж и Усвят и Озерища по твоим жаловальным грамотам твоим людем отдали, а сам еси пошел к Лукам, а наших послов велел еси за собою вести. И, пришед к Лукам, учал еси приступати, а нашим послом велел еси в те поры посольство правити, и тут которому посольству быти? Такая великая неповинная кровь хрестьянская розливаетца, а послом посольство делати! А паны твои рада, к нашим послом приходя, говорили, урезывая одным словом: любо зделай, так ино будет мир, а не зделают так, как паны говорят, ино миру нет. А и так которой мир? Паны с послы в шатре говорят о миру, а в те поры по городу без престани бьют; о чом послом с паны с твоими делати? А ты все то и поимал, и послом уж и посольствовати нечего, — ано уже посольство их все изрушилося![17] А к нам еси прислал гонца своего Григорья Лазовицкого з грамотою и с ним отпущал нашего сына боярского Микифора Сущова, и тут писал еси неподобное дело, чему сстатися не мочно, а другово еси гонца своего Гаврила Любощинского прислал к нам[18] з грамотою, что взял еси Луки, кабы грозя нам и похваляяся. Да сроки чинишь неподобные, как поспеть немочно не токмо что нашим гонцом к тебе, ни твои гонцы к тем сроком к нам не приезжают, а ездят дорогами лениво, а в том невинная кровь хрестьянская розливаетца. И такой непобожности ни в бесерменских государствах не слыхано, чтоб рать билася, а послы посольствовали. Коли послы, и они посольство делают, а коли захотят воевати, и они что нибуди вставят да посольство порвут, да ратью пойдут. [19]И волочил еси наших послов за собою осень всю, да и зиму всю держал еси их у себя, и отпустил еси их ни с чем, а тем всем нас укоряя и поругаяся нам. А что твои паны рада говорили нашим послом под Невлем и на чом

хотели толды делати, да как у тебя были послы наши в[д] Варшеве и паны твои рада по тому не захотели делати. А в кою пору приходили твои паны рада к нашим послом с ответом, и в ту пору с ними пришли твоих людей человек с сорок, а паны твои рада нашим послом сказали, что то твоя меньшая рада. И тово ни при которых твоих предкех не бывало, чтобы тут опричь панов радных иншие люди были. И то знатно, что твои панове рада всю землю наводят на кроворазлитие хрестьянское, жедаючи крови розливати хрестьянские. А то твои панове, жалеючи ли о крови хрестьянские, нашим послом в[д] Варшеве говорили: «которые дела под Невлем мы с вами, а вы с нами говорили и чего есте просили, что против того объявили, и по тем мерам на покой хрестьянству[е] статися не может, — а после того уж пролилося долгое время и наклады государю нашему и утраты починилися в воинстве немалые; взял государь наш у государя вашего после того Заволочье, а ныне уж почал государь наш воинство свое збирати изнова, и то ведь не без накладу ж»?[19] И то хрестьянское ли дело, твои панове говорят, а о кровопролитстве хрестьянском не жалеют, а о накладе жалеют? А коли тебе убыток, и ты б Заволочья не имал, хто тебе о том бил челом? А то не жадание ли кровопролитства — послов у себя держи, а дела с ними не делай, а от своего брата обсылки не жди, а воинства изнова збирай, да то розчитай в наклад? Хто тебя заставливает так убычитца?

А как отпустил еси к нам послов наших, и ты с ними к нам приказывал, толко мы с тобою похотим доброго дела, ино есть ещо коли послов нам к тебе послати. И мы ещо в терпеньи будучи, а чаючи того, что ты узнаешься и безмерье отставишь и на меру сойдешь, и послали есмя к тебе других послов, дворянина своего и наместника своего Муромского Остафья Михайловича Пушкина с товарыщи. И ты и тут на подобную меру не пришел, высокою мыслью обнялся, приказывал еси с паны радами своими к нашим послом, что тебе инако с нами не мириватися без всее Лифлянские земли и без наряду, что в тех городех, да Себежа бы нам тебе ж поступитися, а Велиж

и Невль готовы у тебя; а Луки и Заволочье и Холм, то за хрептом покинуто, и Озерища и Усвят. Да к тому бы ещо нам тебе заплатити твой подъем, как еси наряжался на нашу землю, а тово четыреста тысяч золотых червонных, а помиритца бы вечным миром. А будто ты присягал на том, что тебе отыскивать у нас Лифлянские земли и иных давно зашлых дел, которые еще при великом государе блаженные памяти Иванне, деде нашем, и при Александре короле дела делалися.

И коли тому так быти, ино то что за мир? Ныне казну у нас взявши, да обогатев, а нас изубытчивши, да на нашу казну людей нанявши, а землю нашу Лифлянскую взявши, да в ней наполня своими людьми, да немношко погодя, да собрався того сильнее да нас же воевать, да и достальное отнять! Ино и не миряся тоже делать и невинная кровь крестьянская розливати! Ино то знатно, что хочеш безпрестани воевать, а не миру ищешь; мы б тебе и всее Лифлянские земли[ж] поступилися, да ведь тебя не утешить же, а после того тебе кровь проливати же! Во се и ныне — у первых послов наших чего еси не просил, а с нынешними с нашими послы и ты прибавил Себеж, и ты, тебе дай то, и ты възмеришься да иного запросишь, да ни в чом меры не поставишь, да не помиришься. Мы ищем того, как бы кровь хрестьянская уняти, а ты ищешь того, как бы воевати да кровь хрестьянская неповинная проливати. Ино чем нам с тобою помиритца, а ведь не помиряся тому же быти. А то все ныне при тебе делаетца не по хрестьянскому обычаю! А писали есмя к тебе о том и не одинова, чтоб еси к нам прислал своих послов по прежним обычеем, ино бы ранее кровопролитство неповинное хрестьянское унялося. А нашим послом мирново постановенья не уметь зделати потому: мы с которым делом к тебе послов своих пошлем и ты по тому не похочешь делати, да иное дело вставишь, да порвав, да воевать; да х тому ещо послов просишь, а сам за все на коне готово сидишь, а сроки покладываешь с бесерменского обычея, как не мошно поспеть. Во се и ныне: мы то уже чаяли, — тебя утешили, и послали послов своих со всем с тем, как тебе

надобно, и ты того всего не полюбил, да вставя, которому делу не пригоже делатися, да дела не делавши, сам еси на конь сел да пошел на нашу землю ратью. Ино потому так и ссталося, как мы к тебе писали, что нашим послом николи у тебя доброва дела не зделати.

А что о нашей вотчине о Лифлянской земле и то ссталено не по правде, что она твоя; и николи тово не можешь указати — от Казимера ни при которых предкех твоих — чтоб она была х коруне Польской и к великому княжству Литовскому. А будет у тебя тому писмо есть или какое утверженье и ты пришли к нам, и мы тово посмотрим, да по тому учнем делати как пригоже. И тебе того не уметь указать! Развее как люторство в твоей земле учинилося, ино о Лифлянской земле начал воевода Виленской пан Миколай Янович Радивил и иные паны рада для кровопролитства хрестьянского.[20] От лета семь тысяч шездесят семаго, как присылал король Жигимонт Август послов своих воеводу подляшского пана Василья Тишкевича с товарыщи, а с ними к нам приказывал о лифлянтех, кабы о чюжой земле: что государь их им поручил, не толко меж собою и нами постановенья учинити, но и все хрестьянство в покое рад видети; а ведаючи то, что мы валку ведем з законом Реши Немецкие земли и Лифлянские[3], чево не опустят цесарь и Реша Немецкая, а к тому, что княже Брандоборский Вильгер, арцыбискуп Рижский — кровный его, для которого кривды на ту землю прошлого году тягнул, докуды ся узнали в своем выступе и его просили и он, привернувши князя арцыбискупа во все прежнее его достоинство, и их просьбу принял, а их земли не казячи, что крестьяне суть, про то и нас напоминает, чтобы есмя стерегли кровопролитья хрестьянского, а лутчи со князем арцыбискупом Рижским, с кровным его, покойне ся заховать. И ты б посмотрил тово: коли бы та Лифлянская земля была х коруне Польской и к великому княжству Литовскому, и он бы ее припомянул, а то её не припомянул ничем и своею её не назвал, приказывал об ней кабы чюжой, а и на них ходил войною не для своего

Послание польскому королю Стефану Баторию.

Л. 43 об. из Книги Польского двора № 13 (ЦГАДА).

Выдача «корма» польско-литовским послам.

Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи.

покоренья, — для своего кровного, арцыбискупа Ризского Вильгерма, что его лифлянты поизобидили, и он за его обиду ходил, а не за то чтоб ему повинны были. А и сам написал, что «их земли не казячи», — памятуй же на то, что «их земли», а не своей. А после того прислал к нам король Жигимонт Август лета семь тысяч шестьдесят осмаго своего посланника Мартына Володкова, и с ним к нам приказывал о Лифлянской земле, что она издавна предком его от цысарства хрестьянского подданна ко отчинному панству их к великому княжству Литовскому под мочь и в оборону. И ты б, Стефан король, розсудил; пригоже ли так государем неодностайные речи [21] говорити: с послы своими приказывал кабы о чюжой земле, а тут уже приказал, что будто ему от цысарства поддана, да и почал ее своею называти! А в грамоте своей писал, что княжате, мистр Кетлер и иные, втеклися припадаючи до маистаду его. И такое неправое дело панове рада коруны Польские и великого княжства Литовского уделавши, и почали называть Лифлянскую землю своею подданною и вослали в неё своих ротмистров, баламутов. И коли бы то правда была, ино бы одно слово было, а то розными словы, ухищряючи, говорили и писали, чем бы приметатися к Лифлянской земле и неповинная кровь хрестьянская проливати. И после того панове твои учали говорити, будто мы через присягу вступилися в Лифлянскую землю, а тово не могут указати и по ся места, на какове то мы листе присегали. И после того почали паны твои рада говорити, что мы присягу и листы свои опасные порушили, а вступилися в Лифлянскую землю, а мы того ничего не рушили, и в грамотах в перемирных с предки с твоими нигде не написана ни в которую сторону, и в листех опасных нигде того не написано, что нам своей отчины Лифлянские земли не очищати. Будет пак у тебя твоих предков о Лифлянской земле, наших прародителей и наши грамоты есть какие, и ты их пришли к нам, или писмо с них пришли к нам, и мы уже болши того о Лифлянской земле и не говорим, а то опроче кровопролитства оправдания у тебя нет ни которого. А чего

в писме нет, и то которое дело рушити; ано его и не бывало, и чего не бывало, и то что рушити? А у панов твоих то и слово: о лифлянты воюет, порушил присягу, порушил опасной лист. А коли та земля особно стояла, а были оне наши данщики и были в ней мистр и арцыбискуп и бискупы, а по городом[в] были князцы, а Литовского чоловека и иных господарств жаднаго в них чоловека не бывало: и тогды з Литвою присега и опасные листы рушены же ли были? И хто ими владел, литовские же ли ротмистры? И тобе того не мочи указати! А коли они не разорены были, и к нам присылали бити чолом, сами з нашими вотчинами, каковы сами, з Великим Новымгородом и со Псковом в своих сплетках мир имали. И в тых их[г] челобитных писано, что они нам в том добили чолом, что они приступали к королю Польскому и к великому князю Литовъскому, и им вперед к королю Полскому и к великому князю Литовскому никак не приставати, и ничим не помагати. А похош того посмотрити, и мы к тобе с тых их грамот послали списки в сей же своей грамоте.[22] А, будеть, похочеш тых самых грамот посмотрити, и ты пришли посмотрить своих великих послов, и мы им тые грамоты за печатьми покажем, как Лифлянты нашим прародителем и деду нашому блаженныя памети великому государю Ивану и отцу нашому блаженныя памети великому государю Василью и цару всея Руси, били чолом за свои вины, и как они от коруны Полское и от великого князства Литовского отписалися. И коли бы то была земля Лифлянтъская к Полще и к Литве — и лифлянты бы так в своих челобитных грамотах не писали. О чем пак предкови твои их от того не встягивали, что они к прадеду нашому, блаженныя памети к великому государю Василью Васильевичу[23] присылали бити чолом в лете шесть тысеч девятьсот шестьдесят осмом, про которого ты пишеш, будто он с Казимером королем о Великом Новегороде постановенье вел? И коли бы та реч слушна была, ино бы через Новгород лифлянты к прадеду нашому не присылали бити чолом. Также и к деду нашому, блаженныя памети великому государу

Иоанъну, и к отцу нашому блаженныя памети к великому государу Василью, цару всея Руси, и к нам многижда присылали бити чолом, и ты было приходы послов их и чолобитья к нам на Москве посполитому нараду всяких вер и чужеземъцом ведомо не тайно, явно. А предки твои к прародителем нашим и к нам о том не писывали, еще мы были и не в сверщеном возрасте, чтобы мы их челобитья не приймали, и в них не вступалися, и своими лифлянтов не называли, и коли бы то была их земля и предкове бы твои о том не молчали, а коли молъчали, ино то вжо не их земля! А что твои панове говорят: коли бы то земля наша была и нам было што с нею перемирье брать? Ино та земля была особная, [24]а у нас была наша отчина в прикладе, и жили в ней все немецкие люди, а писали перемирные грамоты с нашими вотчинами с Великим Новымъгородом и со Псковом по нашему жалованью, как мы им велим, по тому как мужики волостныя меж себя записы пишут, как им торговати, а не по тому, как государи меж себе перемирные пишуть. А ты пишешъся Пруским, а в Прусех свое княже, и у тебя присега с ним ест, ино потому и Прусы не твои? А то по тому ж Лифлянты были наша прикладная отчина, как у тебя Прусы. А что панове твои говорят, коли бы то была наша отчина и мы им и приложеных подавали: ино та наша отчина Лифлянтская земля была не нашие веры, а жили в ней все немецкие люди, и наши прародители и мы их пожаловали, дали им в том волю, что им мистром и преложеных обирати по их вере и по их обычаю, а для руских купцов, что приезжая к ним торговали, были у них церкви хрестьянские и дворы и слободы. А хоти и преложоных они имали, и они, ведь, имали у папы, ведь бискупов всих ставит папа, а не король, а предкове твои бискупов не ставили. А что арцыбискуп Вильгерм был старого Жикгимонта короля, кровный его, ино ему местечка нигде не было, ино, по королеву прошенью, лифлянты ему дали арцыбискупство Рижское; а, ведь, его ставил в арцыбискупы папа ж, а не король: короли ведають мирские дела, а церковные дела ведает папа, да арцыбискупы и бис-

купы; ино потому Лифлянтская земля ваша же ли?[24] А что панове твои говорят, что лифлянты рать вели блаженныя памети с великим государем Васильем и царем всея Руси с отцом нашым, и тому дивитися нечому! Многижъды подданой, хотя ис поддандства выступити, да государю своему противитца — ини его за то казнят.[25] А Ягайло и Витолт так с Прусы битву вели, и предки твои с Кондратом, князем Мазовецким воевалися. А ко отцу нашому блаженныя памети великому государю Василью, цару всея Руси, присылал к нему бити чолом княже Пруский Ольбрехт, немецкого чину высокий маистр Пруский, маркрабий Брандемборский, Статинский, Памерский, Касубъский, и Вендиский, дука бургравий Ноурмеръский, князь Рунгенский о помочи на старшого Жикгимонта короля.[25] А ты и сам почему ко Кгданъску ходил ратью? Ведь он твой, и к своему почто ратью ходить?[26] А так Лифлянтская земля рать против отца нашего по тому ж учинила. А что панове твои говорят: что лифлянты утеклися до вас, королей Полских и великих князей Литовских, ино покаместа они в своей воли были, и они к вам почему не утекалися? И как они нам израдили, и мы на них гнев свой положили, и их разрушили, и они к вам утеклися. Иного во всей вселенной хто беглеца приимает, тот с ним вместе не прав живет; и то не в чужое ли вступился еси? А о чем, коли они были не разрушены, и вы ими не умели владети? А коли Витолт з Ягайлом розницу вел о отцове убийстве, и в которых он немцах был, и с которыми немцы к Вилне ратью приходил, и мало Вилни не взял?![27] И того тобе жадным словом указати нелзя, коли была Лифлянтская земля не разрушена, чтоб она была послушна к королевству Полскому и к великому князству Литовскому, и то по всяких справах может ся знати, что Лифлянтская земля большей присегала к нашому государству, нижли к вашому.

И о том что много и говорити! То уже указано, что вы за посмех называете Лифлянтскую землю своею, а то все ныне, хотя невиновинного кровопролитетва хрестиянского, паны твои

взывають Лифляптскую землю не по правде своею подданою. А что твои панове рада говорили послом нашим, что ты на том присегал, что тобе Лифлянтское земли доступати, и то хрестиянское ли дело, что того для присегать, что за посмех, напрасно хотя гордости и корысти и разширения государству, неповинная кровь хрестьянская розливати? Ино ты писал, что предкове наши з неправъдою своею государство размножили, — а ты з великою правъдою отъискиваеш: с кровопролитъством через присягу? А что панове твои рада говорили нашим послом, что они за лифлянты стали со всею землею, что Лифлянтская земля костел римской, з ними поляки одна вера, и той всей земли пригоже то быти в твоей стороне, а в одной земли два государа, и тут добру не бывать: «А у нас государ поволной; обираем собе государя, кого захотят, которой государ у нас ни будет, и он без нас ничого не делает; а что и захочеть делати, ино мы не дадим; а ныне нашого государя нашого как есмя обирали, и мы то ему сказывали, что многие места от нашие земли по неправдам государа вашого и предков его, отлучоны; и государ наш нам на том присегал, что ему давно зашлых мест отъискивати, и Лифлянтская земля очистити». И то которое хрестиянское дело? Называетеся хрестияне, и у папы и у всих римлян и латын то и слово, что однако вера греческая и латынская; а коли собор был в Риме при Евгеньи папе Римском, от создания миру в лето шестьтысечное девятьсот чотыридесят семое, и тогды был на том соборе греческий царь Цариграда Иван Мануйлович, а с ним патреарх Цараградъский Иосиф (на том его соборе и не стало), а из Руси был тогды Исидор митрополит; и уложили на том соборе, что однако быти греческой вере и з римскою. Ино паны твои то ли хрестиянство держат, что не любят под греческою верою Лифлянтское земли? А они и своему папе не вераюіть: папа их уложил, что однако вера греческая и латынская, и они то разрушают, и отводят людей от греческой веры к латинской.[28] И то хрестиянское ли дело? А у нас которые в нашей земли держать латинскую веру, и мы их силою

от латинское веры не отводим, и держим их в своем жалованьи з своими людми ровно, хто какой чести достоин, по их отечеству и по службе, а веру держат, какову захотять. А что паны твои говорили, что в одной земли два государа, и тут добру не бывать, — и мы вжо к тобе о том и послали, чтоб ты с нами постановенье учинил о Лифлянтской земли, и ты с нами постановенья подобного не учиниш. А что ты присягал на том, что тобе давно зашлых мест отъискивати, и Лифлянтская земля очистити, так же и паны твои меж себя о том присегали, что им за то стояти, ино то для неповиного кровопролитства хрестиянского уделано з бесерменского обычая. И тот твой мир знатен: ничого иного не хочеш, толко бы хрестиянство истребити, мирити ли се тобе с нами, и твоим паном бранити ли ся, толко бы тобе свое хотенье и твоим паном улучити на пагубу на хрестиянскую. Ино то что за мир? То прелесть! А толко нам тобе всее Лифлянтское земли поступитися, и нам в том убыток великий будет; ино то что за мир, коли убыток?

А ты ничого иного не хочеш, толко бы тобе над нами вперед силну быти. И чим нам тобе самим над собою силу давати? И коли еси силен, и желателен крови хрестиянское, и ты, силою проливая кров неповинную хрестиянскую, емли. А и под Невлем панове твои рада послом нашим — столнику нашому и наместнику Нижегородскому князю Ивану Васильевичу Ситцкому-Ярославскому с товарыщи, также жадая крови хрестиянское, говорили; толко мы тобе не поступимъся всее Лифлянтское земли, и ты хочеш тых всих мест доступати, которые от великого князства Литовского к Московскому[x] государству отлучени, а на том тобе не переставывать и неуспелося будеть чого ныне доступити, и то и вперед не уйдет. И коли такое твое и панов твоих рад непрестанное умышленье и желание на неповинное крови розлитье хрестиянское, и тут которому миру быти, и доброго дела ждати! Изначала же, тебя емлючи панове на государство, на том тебе к присязе приводили, что тобе всих давно зашлых дел отъискати, — ино на што было и послов посылати? Одною душею, да двожды

присегати: паном и земли ты присягал, что тобе того доступати, а послы, что тобе зделати с нами мир. И тобе уж на том присегати, что иных мест нам поступитися, что пригоже! Да на том присегати ж, ино не ведомо будеть, которая присега крепчей, и самому тобе на той ли присязе быти, на чом еси земли присегал, или на той тобе присязе быти, что послы твои с нами зделають, или наши послы с тобою зделають меж нас? Ино тут одной присязе которой-нибудь быти изрушеной, а тому статися не мочно, что присяги обе крепко держены были, а не изрушены; и тут которому доброму делу быти? И потому меж обеюх наших земель до-века кровопролитству не перестать. А и то хрестиянским ли то обычаем делаетца, как еси ослободил нашим послом к нам отпустити нашого сына боярского Микифора Сущова, и твои панове рада велели тую грамоту, которую к нам посылають, к собе принести, да ее чли, а вели писати то ж, что ты пишеш, и иново ничого не дали писати?[29] Ино то неведомо послы, неведомо полоняники, неведомо твои люди, неведомо мои люди, что жадного слова без твоего ведома не смеют написати. Ино[м] то прямое вытесненье, а не так, как твои послы по своей воли зделали, и ты тое присягу изламал. Ино что послов и посылать, коли вы всею землею на кровопролитство устремилися? Сколько послов ни посылай, что ни давай, а ничем не утешиш, а миру не бывать. А что твои ж паны говорили, что они на том тобе и взяли, что давно зашлые дела исправити, да и сам еси писал и приказывал с послы и с посланники и не одинова. И то к которому доброму делу пристоит: с обе стороны не один государь извелся, и тые уже отошли на божий суд, а ты больши за сто лет изыскиваеш. Ино то, тые вси государи не умели того здумати, што за свое стоять, а которые при них были бояре и паны рада, тые глупы были, што того не отыскивали никоторыми обычеи, не токмо что кровью? А ты тых всих предков своих дородней, а паны рада твои умнее отцов своих; чого отцы их не умели отыскать, то они кровопролитством одыскивають. Дале ж уже что и от Адама делалося, и того станет

отъискивати! И коли давно зашлые дела отъискивати, и тут опроче кровопролитства иного нечого ждати; и коли ты пришол крови проливать, а паны тебя взяли на государство крови ж розливати: ино нашто было послов просити? Ведь ничим не утешиш, доколева кровопролиства насытятца хрестиянского. Ино то знатьно, что ты делаеш, предаваючи хрестиянство бесерменом! А как утомиш обе земли — Рускую и Литовскую, так все то за бесермены будеть. И ты хрестиянин именуешъсе, хрыстово имя на языце обносиш, а хрестьянству испроверження желаеш.

А что вечным миром хочеш з нами миритисе, ино и преж сего при твоих предках перемирье крепчей бывало миру; перемирья нихто не рушивал, а миры вечные всегда рушилися, а ныне и поготову нечому верити, потому что тобе присяга ни во что, порушити за игры места: что послы твои на чом нам присегали на грамоте, и ты тую присягу порушил, да кров проливать почал. Ино нечому верити, коли за присягненье не твердо держишься, и потому вечному миру меж нас быти с тобою нельзя, что нечому верити. А город Себеж, который есмя з божею волею еще не в звершеные свои лета в свое имя поставили [30] при старшем Жикгимонте короли, и он з своей побожности, не хотя видети кроворозлитства во крестиянъстве как ест государ хрестиянъский, хотя покою видети во крестиянстве, того местца нам поступился, а за то с нами кровопролитства во хрестиянъстве не вел. И тот бы город сам любо зжечи или розволочити велел, а землю бы нам тобе тое к Полоцку поступитисе: а ты пришлец, а того просиш, что не пригодитца к делу; ино тут как доброму делу быти, коли твое такое прошение не поделное? А что ты писал в своей грамоте, что есмя посылали к тобе послов своих, и что послы наши великие дворанин наш и наместник Муромъский Остафей Михайлович Пушкин, да дворанин наш и наместник Шацкой Федор Анъдреевич Писемъской, да дьяк Иван Андреев сын Трифанова до тебе пришли з листом нашим верущим, и в том листе пишеть, чтоб ты им веру дал, что они именем

нашим учнут тобе говорити; ино то [31]во всяком опасном листе пишется так, и что будеть тобе не в обычей, что в той земли делалося до тебя, и ты, старых панов спрося, про то уведай. А что они тобе объявили, что они полную науку имут, а зсылаешъсе на их грамоту, и по сей твоей грамоте, что к нам послы наши писали,[31] ино ты о всем о том паном своим приказовал послом нашым говорити, и по тому, как послы нашы к нам писали, что твои у нас запросы, доброму делу статися невозможно. А что нам дати полная наука послом своим, ино полнее того как наука давати! И так тебе послы наши поступалися болшей семидесят городов,[32] Полоцка и с пригороды и из нашие вотчины из Лифлянтские земли городов оприч Курлянъские земли, а Курлянская земля к тобе к тому наддатка, а в ней ест городов с тридцать. А того ни в которых государствах не ведетца, чтоб городов поступилися; нихто никому ни одного города не поступится, а мы тобе столко городов поступалися, а тебе на доброе дело не могли привести! А что они просили у тебе в нашу сторону из наших отчины и Лифлянтские земли, Новгородок, Сыренеск, Адеж, и Ругодев, а ты и того нам не хочеш поступитися! А что они просили у тебе нашые извечные вотчины, что ты поимал, и та наша отчина прародителей наших, и нам было как тобе тое своее отчины поступатися, то наша отчина извечная от прародителей нашых! И ты того всего делати не похотел, а хотел их отпустити без дела, и они тебе просили, чтобы еси им позволил с нами обослатися, а ты им объявил, каковым обычаем меж нами приязни статися пригоже, и нам бы взглянувши в писанье своих послов, во всих тых речах науку им достаточную и моц полную дати.

И мы писанье своих послов вычли гаразд, и вси твои объявленья вразумели; ино таковое твое объявление не токмо нам меж себе приязни статися не пригоже, и доброе пожитье и покой хрестиянству разораеш и на кровопролитство наводиш, но и потомком нашым на многие лета невозможно в приязни быти, развее на долгий час меж себе кровопролитъство вести

безъпрестанное. А науку нам достаточную и моц полную болшей того как давати? А что пишеш о своем войску, что будуть близко наших границ, ино от того убыток будеть; ино то давно ведомо, что ты завсе прагнеш на кровопролитъство хрестиянское! А что город Себеж нам разрушити, а землю его тобе поступитися, ино то к доброму делу не пристоить; и коли бы ты хотел покою в хрестиянъстве, и ты б к городу к Полоцку не ходил, и его не имал, ино бы то все была одна земля, ино бранитися не о чом. А и тут похочеш правды держати, ино Себеж с Полоцком при старшем Жикгимонте короли, и при новом Жикгимонте-Августе короли перемиръе был, а брани ни о чом не бывало; а ты нынеча все з задором пишеш. А что твои панове рада говорили, что ты против Себежа велиш Дрис зжеч — ино так младенъцов омыляють, как твои панове то говорили; а нам в том которой прибыток?[33] Мы Себеж велим зжечи, а ты велиш Дрис зжечи, а обе земли у тебя будуть! И ты, зжогши, да опят велиш поставить. Ино то твоих панов ухищренье, а не дело! А что пишеш в своей грамоте, чтоб нам миритися межи себе так, как бы доброе дело непорушно утвержалося на добро хрестиянское, а межи бы нас приязнь множиласе, а малым бы делом болших дел порушити не хочеш, — и ты пишеш, чтоб было дело доброе непорушно, а сам же всякими обычаи доброе дело разрушаеш, а малым бы делом болших не порушити, и ты ни малого, ни болшого дела в крепости не поставиш, толко одно то, чтоб воевати! А что писал еси о купецких людех, ино тые задержаны потому, что учинилася меж нас розмирица, а де́ржать их во всяком покое, а не як вязней, и товары их вси у них не поотниманы, на тых же у них дворех стоять, на которых дворех они стоять; а не отпустим их для того, чтоб они, пришедши к тобе, вестей не сказывали, что они в нашем государстве ведають, по тому ж как ты для вестей и за нашим прошеньем наших вязней не выдаеш на окуп и на обмену для того, чтоб нам про тебе, и про твою землю ведома не было. А коли бог дасть, меж нас доброе дело будеть, и мы их тогды отпустим со всими их маетностями

без всякое шкоды, а подлинъно есмя к тобе о том особную свою грамоту послали.[34] А чтоб нам твоего двора́нина Крыштофа Держка не задержав, к тобе отпустити к тому сроку, как еси нашим послом объявил, и мы его отпустили, как нам успелося. А тот твой дворанин Крыштов Держко приехал к нам за трынадцать ден от того сроку, и ему было к тобе к тому сроку не поспеть же; а хоти бы мы его и поборжей того отпустили, и к тому бы сроку хоть и поспел,[35] и тебе было нам тым не утешить же, и от кровопролитства не унять же; поспеет ли, не поспеет ли, мир ли, не мир ли — а однако кровопролитству быти! А предки твои вси всего того дожидалися на своих на столечных местех, а не в ратном походе, ни на пограничных местех. И мы к тобе его отпустили, как ся вместило. А что подъему просиш, и то вставлено з бесерменского обычая: такие запросы просят татарове, а в хрестиянских государствах того не ведется, чтоб государ государу выход давал, того во крестиянех не ведется, то ведеться в бесерменех, а в хрестиянъских государствах нигде того не сыщеш, чтоб меж себя выходы давали; да и бесермены меж себе выходов не емлють, развее на хрестиянех емлють выходы. А ты зовешся государем хрестиянъским, почто на хрестиянех просиш выходу з бесерменъского обычая? А за што нам тобе выход давати? Нас же ты воевал, да такое плененье учинил, да на нас же правь убыток. Хто тебе заставливал воевать? Мы тобе о том не били чолом, чтоб ты пожа́ловал, воевал! Прав собе на том, хто тебе заставливал воевать; а нам тобе не за што платити! Еще пригоже тобе нам тые убытки заплатити, что ты напрасно землю нашу приходя воевал, да и людей всих даром отдать. Да и то по-хрестиянски ли у тебе делается, что ходя к тобе послы наши и посла́нники и гонцы по твоим опасным грамотам, и которых они людей от себе отворочають назад и подводы, и твои украинные люди, оршане и дубровляне и иных многих городов, тых наших людей и проводников, которых отворочивають послы наши и гонцы, их самых грабять и обыскивають военъным обычаем, и лошади у них отнимають? Да что много

писати; коли устремился еси на такое кровопролитство и гордыню, а побожность хрестиянскую на сторону отложа, и в такое безмиръе и высость взялся еси, кабы хочешь вдруг поглотити, а фалишъся яко Амалик и Сенахирим или якож при Хоздрое Сарвар воевода,[36] хваляся на царствующий град, глаголет: «не блазнитеся убо о бозе, в оньже веруете, утре бо град ваш, яко птицу, рукою моею возму!» Мы ж положихом вышняго прибежище собе, и уповаем на силу животворащаго креста, и ты воспомяни Максентея в Риме, како силою честнаго и животворащего креста погибе; и вси гордящеися и висящеися николи ж без погибели не бывають, якож рече пророк: «Видих нечестиваго превозносящася, и висящася, яко кедри Ливанские: и мимо идох, и сей не бе, и взысках его, и не обретеся место его. Храни незлобие, и виж правоту, яко ест останок человеку мирну». И паки той ж пророк глаголеть: «Не спасетца царь многою силою своею, и исполин не спасется множъством крепости своея. Лож конь во спасение, во множестве же силы своея не спасетъся. И государ советы языком розораеть, и отметаеть мысли людей, совет же господень пребываеть во веки; не в силе бо констей благоволит господь, ни в лыстех мужъских: благоволить господь на боящихся его и уповающих на милость его». И коли еси силен, и ты плени: «Господь мне бысть помощник, не убоюсе, что сотворить мне человек? Благо ест уповати на господа, нежели надеятися на чоловека; благо ест уповати на бога, нежели надеятися на князя. Вси языцы обыйдоша мя, и именем господним претивляхся им: обышедше обыйдоша мя, и именем господним претивляхся им; обыйдоша мя яко пчолы сот, и разгоришася, яко огнь в тернии; и именем господним претивляхся им. Крепость моя и пение мое господь бысть мне во спасение». И коли уж так, что все кровопролитье, а миру нет, и ты б наших послов к нам отпустил, а православънаго хрестиянства кровопролитства и нас з тобою бог разсудить.

Будеть же похочеш воздержатися от неповинъного кровопролитъства хрестиянъского, и мы с тобою хотим перемиръя

и вечного пожитья. А как нам с тобою быти в вечном покое или в перемиръи, и по тому как мы к тобе приказывали з своими послы, з дворанином своим и наместником Муромъским с Остафъем Михайловичым Пушкиным с товарыщи, и ты в перемиръе с нами по тому быти не похотел: и нынече и мы с тобою в перемиръи быти не хотим, и в вечном покою быти не хотим по тому, как есмо приказывали к тобе з своими послы — столником своим и наместником Нижегородским со князем Иваном Васильевичом Ситцким-Ярославским с товарыщи и з нынешними своими послы, з дворанином и наместником Муромским, с Остафъем Михайловичом Пушкиным с товарыщи. А хотим с тобою в перемиръе быть и в вечном покою по тому, как есмя ныне к своим послом наказали, и грамоту свою прислали и науку им дали о последнем деле, как меж нас с тобою мочно им доброе дело постановити. А чтобы нам прислати к послом своим лист свой отвористый, как нам меж себе в доброй приязни быти, а тобе бы имоверно[и] ку застановенью покою приходити, и на листе своем отвористом и писав прислати, за которым бы листом послы наши дела таковые становити и докончивати могли на покой хрестиянский: и мы тому лист свой послали отвористый за своею печатью к своим послом.

А болшей того нам в перемирьи с тобою быти нелзя, а хотим с тобою в перемиръе быти по тому, как есмо ныне к тобе писали, а иные есмо речи послали, и наказ к послом своим, и велели тобе говорити.[37] И толко похочеш с нами доброе приязни, и в докончанье быти или в перемирье, и ты б был по тому, как есмо ныне послом своим приказали, к дворанину своему и наместнику Муромскому Остафью Михайловичу Пушкину с товарыщи. А будеть же не похочеш доброго дела делати, а похочешь кровопролитъства хрестиянского, и ты б наших послов к нам отпустил, а уже вперед лет на сорок и на пятдесят послом и гонцом промеж нас не хаживати. А как к нам послов наших отпустиш, и ты б их проводити велел до рубежа, чтоб их тыи твои украинные лотры не побили и не пограбили; будет што над ними учинитца какая шкода, и та

неправда от тебе ж будеть. Мы убо советовахом собе и тобе благая, ты же непослушлив, якоже онагр конь, убо на брань готов: от господа же помощ! Мы ж о всем возложихом упование на бога; тот, яко же хощеть, и зовершить нам благая силою своею животворащего креста. На его силу уповая и вооружився во все оружие креста, против врагов своих ополчаемся силою крестною.

А сю есмя свою грамоту запечатали своею болшею печатью, извещая тобе, каково нам бог поручил государъство. Писана в царъствия нашого дворе града Москвы, лета семь тисеч осмъдесят девятого июня в двадцать девятый день, индикта девятого, государствия нашого сорок шостого а царств наших: Росейского 34, Казанского 28, Астороханского двадцать семого.

ПОСЛАНИЯ ОТ ИМЕНИ БОЯР

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Д. БЕЛЬСКОГО (1567)

Великого бога и спаса нашего Иисуса Христа во трех лицех и во едином существе покланяема же и славима, имже царем скифетры утвержаютца, сего милостию вседержавные десницы скифетродержавие утвердися истиннаго православия, истиннаго благочестия подражателю, великому государю, государем самодержцу; его же милостию и хотением великого царя и великого князя Ивана Васильевича и всеа Русии [*следует полный титул*] и многих земель облаадателя и всегда прибавителя, от его царского величества совету боярина и воеводы навышшаго и наместника Володимерского и державцы Галичскаго и Луховского и Кинешемского князя Ивана Дмитреевича Литовского и Белского, брату нашему Жигимонту-Августу, королю Полскому и великому князю Литовскому [*следует полный титул*].

Што присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова,[1] [2]а в листе своем к нам писал еси, штож тебе поведал слуга твой верный Иван Петрович Козлов, какова есть нужа над нами всеми народом християнским, как великими людми, так середними и меншими, деетца за панованье брата твоего государя нашего. И ты то, брат нашь, слышавши, жалуешь того, заньже вашему государству и христьянству то негодно чинити над людом божьим пастырство вверенно, коли ж сам бог-сотворитель, человека сотворивши, неволи никоторые не учинил и всякою почестию тебя

посетил. Наш пак род здавна от предков наших вам есть в доброй ведомости, водился во областех панства вашего, великого княжства Литовского, какового величества и каковы чести годен был за панование предков твоих королев Полских и великих князей Литовских и, отшед от волного панства вашего, як сын от отца, з достойною частью богатества прироженной волности своей на иншую сторону, и там погубил его; где мы ныне сами пребываем, сподобилися есмя того над собою и по чести самовидцы быти для произволенья на то предков наших и вместо волности неволю и безчестье терпим. Як и тепере слышал еси о нас, што брат твой, приневоливши до того, нас учинил у себя наместником Володимерским, хотя ж есть в государстве его болшей уряд и в думе его навышшее место, которое мы заседаем. А однакож слышачи ты, брат наш, тое, еще болши жалуешь, что ся так надо мною от брата твоего деет, понеже ведаючи ты, брат наш, о родстве нашем и слышачи о нашем дородстве и о разуме, чим еси от бога надарен и украшен, разумеешь нам быти годно лудчего величства и чти, нежли воеводства Володимерскаго, и достойны есмя быти уделным князем, и коли вашему государству подданным станем, яко жадаем, ты ж, брат наш, обецуешь заховати нас при вашем величстве и что во всем ровного с подручными вашими княжаты уделными государей земль своих и в панстве твоем великом княжстве Литовском отчизну нашу поступити нам хочешь и х тому еще набольшей ласкою своею государскою рад еси и всякой чти и достойности нам причиняти, а не уменшивати, как годно роду нашему великому, и чинити то, што здавна и на тот час ведетца меж вами государи християнскими. А не толко нас в ласке своей государьской заховати хочешь, але и кого бы мы разумели годного быти к службам вашим, тые бы вси ехали до тебя, брата нашего, на имя твое, а ты их нас для пожалуешь.[2]

И мы твои листы вычли и вразумели гораздо. И как ты, брат наш, писал в своем листу, ино так делают прокураторы, и фалшеры, и лотры, а великим государем не подобает того

уделывати, што такими безлепичными грамотами межи государей и земли ссоры делати и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким татцким обычаем, якож змии подобяся, хапати и преодолети. Но тричисленнаго божества воля и милость и десница самодержьство царя нашего утвержает и нас, достойных советников его, благостью осияет, и никая же сия не токмо малая и худая сия пена, но и велие треволнение не может потопити, на камени бо церковьнем стоим, юже Христос утверди, ей же врата адова не удолеют, сего ради самодержство царя нашего и наш вернейший совет не боимся погрязновения. Как государь наш его царское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, также и наш совет волному его самодержьству верность и работу крепчайшу держим. А что еси писал брат наш в листе своем, описуючи слугою верным князей Воротынских молодого хлопца Ивашка Козлова, а описуешь его своим верным слугою; и годитца ли то тебе, великому государю, такова страдника верным слугою описывати? Ано такий хлопец не токма што у нас, но и у наших моложайших братей должен есть дворовой сор окоповати. А што он, собака, злодейским обычаем, яко змий, яд испустил и твоя препростейшая слуха якож Евжина наполнил, и ты, брат наш, жалуешь того неподобно. А государь наш, как есть государь правый христьянский, всех жалует по достоинству и по службам, а государьство свое бережет крепко от всякого лиха, а виноватых и израдец везде казнят. А што брат наш писал еси, што бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истины: понеже первого человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иж от единаго древа не ясти, и егда заповедь преступи и каким осужением осужен бысть! Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, от славы в кожаны ризы, от покоя в трудех снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп наведе, и паки по потопе завет еже не снести душа в крови, и паки в столпотворении раз-

сеяние и Аврааму веры ради обрезание и Исаку заповеление и Иякову закон, и паки Моисеом закон и оправдание и оцыщение, и преступником клятва дажь во Второзаконии и до убийства, та же благость и истина Исус Христом бысть и заповеди и законоуставление и преступающим наказание.

Видиши ли, як везде убо несвободно есть, и тое твое, брате, писмо далече от истинны отстоит? И то ли, брате, самоволство добро, як твои панове, брата нашего, доспели тебя фалшером х таковым безлепицам тебе, брату нашему, прирадили руку приложити? [3]А што писал еси о предках наших, какую почесть мы имели, ино наша была отчизна великое княжество Литовское, заньже прапрадед наш — князь Володимер великого князя сын Олгердов. И как князь великий Олгерд понял другую жену тверянку, и тое для другой своей жены прадеда нашего от достойные чести и отчества отставил; а дал тот столец, великое княжство Литовское, другой своей жены детем, сыну Ягайлу. И в якой чести держал прапрадеда нашего князь великий Ягайло и как моложайшую его братью поднесь, Лугвеня и Швитригайла, и иных молодых братию его, и якая ж за ним отчизна убогая была, и то есть всем людем ведомо было народу християнскому. И яким же обычаем дед твой Казимер сродича нашего князя Михайла Олелковича зрадным обычаем убил и отчизну его за собя взял и у собя в великом княжестве Литовском в уряд поставил, и в якой же чести прадед наш князь Иван и дед наш князь Федор были, як же до того понужен был и самую веру душевную отложити и едва во единой кошюле утек до истиннаго православия государя блаженные памяти великого государя Ивана, деда нынешняго государя нашего царского величества. И он, как есть государь правый христьянский, деда нашего князя Федора Ивановича великим своим жалованьем и почестливостию пожаловал и достойную честь воздал и никого в своей земле высочайши нас не учинил, ни в равенстве, даже и доселе; а много у царского величества прироженцов царских и великих княжеств многих и с государств со многих, и тые вси по его цар-

ского величества велению под нашим повелением ходят. Ино то ли достойная часть имения, як дед наш и прадед были и своего столца, великого княжства Литовского, лишены,[3] и якая тут часть богатества, с убогие вотчины что мочно собрати? И подданные наши панове рада великого княжства Литовского в равенстве были деду и прадеду нашему, — ино то ли воля и честь, яко подданному своему равны были? А ныне же мы царского величества милостию во всякой великой чти и жалованье пребываем, а кроме государской воли нихто нами не властен, а в государской воле подданным взгоже быти, а где государской воли над собою не имеют, тут яко пьяны шатаютца и никоего же добра не мыслят. А што еси брат наш писал в своем листу, што будто государь наш, нас приневоливши, учинил у себя воеводою Володимерским, ино же [4]царского величества жалованье и почесть ко мне велика: первое, его царского величества первосоветник есми; а другое, держу столечное местцо его царского величества Володимерь; третье, коли государь мой царское величество посылает меня против своих недругов, и толды же мы в его место царского величества всеми овладуем; четвертое, коли царьского величества к его порогу приезжают цари и царевичи и иные государи розных земель, и мы перед теми перед всеми не безчестны есмя, а иных и выше оседуем.[4] А што еси писал, брат наш, что пригоже нам быти уделным князем и хочешь нас держати равно с иными князми уделными в твоей земле, брата нашего, и то есть нам велми зазле, як нам у тебя, брата нашего, подданным быти, як брат еси наш: як ты от Олгерда, так и мы от Олгерда, ты четвертой, а я пятой; и што нам обецуешь с уделными своими княжаты в ровенстве быти, и нам с поддаными нашими как в ровенстве быти? А мы царского величества жалованьем и ныне всех тех вышшы, а не в равенстве.

[5]И будет похош, брат наш, и ты б нам поступился великого княжства Литовского да Русские земли, опричь тех городов, которых у тебя просит князь Михайло Иванович Воро-

тынской, и мы будем с тобою, как Ягайло был с Витовтом: ты буди на Полском королевстве, а я буду на великом княжстве Литовском и на Русской земле, и оба будем под голдом царского величества; а царское величество есть милостив для христьянства и для подданных своих всех, не щадит персоны своей против недругов своих, мощен есть обороняти тебя и меня от турок, и от Перекопского, и от цысаря, и от иных многих земель и во всем нас в покое заховывати будет. А инакож нам учнешь нагорожати, брат наш, и нам менши того незгоже быти; а ведь же еси, брат наш, сам писал, что мы от бога подарованы и украшены дородством и разумом, ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти? Як же ты, брат наш, нам радишь по звычею панов рад твоих, як они звыкли зрадою тебя, брата нашего, держати, а мы же як же достойные чести и первосоветничества верной покорности царскому величеству прямо заслугуем и заслуговати з жаданием будем. А што еси, брат наш, писал, штобы нам на твое имя перезывати людей, ино же подобает тебе к такому лотру писати, який же бы достоин был лоторскому твоему писму, а мы ж фалшером не хотим быти, як же твои, брата нашего, панове тебе прирадили, а у нас же таких карают. А иное есми вказали тебе, брату своему, словом мовити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и што он учнет тебе говорити, и ты б ему верил, бо то суть наши речи.[5]

Писана царского величества в граде Москве, лета 7075, июля в 2 день.

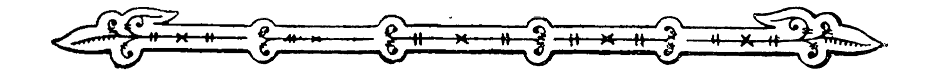
ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БЕЛЬСКОГО

Великого бога спаса нашего Иисуса Христа, в троице славимаго милостию, великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*полный титул*] от его царского величества совету боярина и воеводы навышшаго и наместника Володимерского и державцы Галичскаго и Луховского и Кинешемского, князя Ивана Дмитреевича Литовского и Белского, Григорью Хоткееву [6] честные нашие заповеди слово наше то.

Прислал еси к нашего порога величеству лист свой, а в нем широко писал еси, як же звыкли есте израдным обычаем писати, — як же у вас прокураторы, и лотрове, и фалшеры деют, так же и ты писал. Як же предкове твои зрадным обычаем сродника нашего князя Михаила Олелковича на Киеве зрадили и от нашего подданства есте отлучилися, и ты потому так што бешеная собака пишешь; а пригоже ли было тебе, подданому нашему, так к нам писати и без нашего повеления к нам совет чинити? А хоти было тебе и подобно что писати, ино было тебе писати к нашему служебнику, и он бы твой лист до нас донес, а у нас царского величества милостию служебники в твою версту есть, Пивовы [7] и иные, заньже они были околничие смоленские, а вы бояре киевские, як же были уряды у вас в Киеве, так и у них в Смоленске. А болши того нашему величеству не подобает с вами безбожными говорити, заньже своим злодейственным обычаем подобно змие на христьянство яд изливаете. И мы и о сем дивуемся, як брат наш ваш госу-

дарь таких вас неучоных собатцких людей в раде своей учинил, — а вы и нам в раде по своему безумью лотрове незгожи есте. Везде таких лотров карают да пугами бьют, як же ты изумевся писал еси.

Писана в царственнем граде Москве, лета 7075, июля 28 дни.



ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Ф. МСТИСЛАВСКОГО (1567)

Такова грамота послана х королю

Великого бога и спаса нашего Иисуса Христа во трех лицех поклоняема ж и славима, им же царем скифетры утвержаютца, сею милостию вседержавныя десницы скифетродержание утвердися истиннаго православия и истиннаго благочестия подражателю великому государю государем самодержцу, его ж милостию и хотением великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*полный титул*] от его царского величества совету боярина и воеводы и наместника Великого Новагорода и державца Ярославетцкого и Черемошского и Юхотцкого князя Ивана Федоровича Литовского, Ижеславского и Мстиславского, брату нашему Жигимонту-Августу, королю Полскому и великому князю Литовскому [*полный титул*].

Што присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова, а в листе своем к нам писал еси, штож тебе поведал слуга твой верный Иван Петрович Козлов, какова есть нужа над нами, народом христьянским, как великими, людми, так середними и меншими, деетца за填нованье[a] брата твоего государя нашего, и ты то, брат нашь, слышавши, жалуешь того, заньже вашему государству и христьянству то негодно чинити над людом божьим пастырство вверенно, коли ж сам бог-сотворитель, человека сотворивши, неволи

никоторые не учинил и всякою его почестию посетил. Наш пак род з давных предков наших вам есть в доброй ведомости водился во областех панства вашего великого княжества Литовского, каковою величества и каковы чести годен был за панование предков твоих королев Полских и великих князей Литовских и, отшед от волного панства вашего, як сын от отца, з достойною частью богатества прироженной волности своей на иншую сторону, и там погубил его, где ныне мы сами пребываем, сподобилися есмя того над собою и почести самовидцы быти для произволенья на то предков наших, и вместо волности неволю и безчестье терпим. Як и тепере слышал еси о нас, что брат твой, приневоливши до того, нас учинил у себя наместником Великого Новагорода, хотя ж то есть во государстве его великой уряд и в думе его навышшее место, которое мы заседаем. А однакож слышачи ты, брат наш, тое, еще болши жалуешь, что ся так надо мною от брата твоего деет, понеже, ведаючи ты, брат наш, о родстве нашем и слышечи о нашем дородстве и о разуме, чим еси от бога надарен и украшен, разумееш нам быти годно лутчего величества и чти, нежли воеводства Великого Новагорода, и достойны есмя быти уделным князем, и коли вашему государству подданным станем, яко жадаем, ты ж, брат наш, обецуешь заховати нас при вашем величестве и чти во всем ровного с подручными вашими княжаты уделными государей земль своих и в панстве твоем великом княжстве Литовском отчизну нашу поступити нам хочеш и х тому еще наболшей лаской своею государскою рад еси и всякой чти и достойности нам причиняти, а не уменшивати, как годно роду нашему великому, и чинити то, што здавна и на тотчас ведетца меж вами, государи християнскими, а не толко нас в ласке своей государьской заховати хочешь, але и кого бы мы разумели годного быти к службам вашим, тые б вси ехали до тебе, брата нашего, на имя твое, а ты их нас для пожалуешь.

И мы твои листы вычли и вразумели гораздо. И как ты, брат наш, писал в своем листу, ино так делают прокураторы,

и фалшеры, и лотрове, а великим государем не подобает того уделывати, что такими безлепичными грамотами межи государей и земли ссоры делати и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким тацким обычаем, бесоподобною казнью преодолети и подобно скорпии яд изливати. Но трисчисленного божества воля и благость и десница самодержство царя нашего утвержает и нас, достойных советников его, благодатию осияет, и никая же сия малая и худая сия пена, но и велие треволнение не может потопити, на камени бо церковьнем стоит, юже Христос утверди, ей же врата адова не удолеют, сего ради самодержство царя нашего и наш вернейший совет не боимся погрязновения. Как государь наш его царское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, так же и наш совет волному его самодержьству верность и работу крепчайшу держит. А што еси писал в листе своем, описуючи слугою верным князей Воротынских молодого хлопца Ивашка Козлова, а описуешь его своим верным слугою, и годитца ли то тебе, великому государю, такова страдника верным слугою описовати? Ано такий хлопец не токмо что у нас и у наших моложайших братей должен есть дворовой сор окоповати, а што подобно гаду яд изблевав и твоя младенческая слуха подобно Евгина наполнил, и ты, развратився от того лукавства, жалуешь того неподобно. А государь наш, как есть государь правый христьянский, сияя во благочестии, всех жалует по достоинству и по службам, а государьство свое бережет крепко от всякого лиха, а виноватых и израдец везде казнят. А што писал еси, што бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истинны: понеже перваго человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положы, иж от единаго древа не ясти, и егда заповедь преступи, и каким осужением осужен бысть! Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, и от славы в кожаны ризы, от покоя в трудех снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп наведе и паки по потопе завет, еже не снести

душа в крови, и паки в столпотворении разсеяние и Аврааму веры ради обрезание и Исаку заповеление и Иякову закон, и паки Моисеом закон и оправдание и оцыщение, и преступником клятва дажь во Второзаконии и до убийства, та же благость и истина Исус Христом бысть: и заповеди и законоуставление и преступающим наказание.

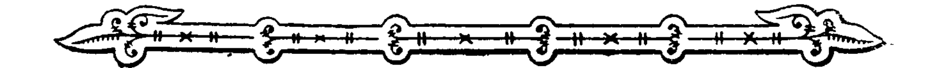
Видиши ли, яко везде убо несвободно есть, и тое твое писмо далече от истины отстоит? И то ли самоволство добро, яко твои панове доспели тебя фалшером, к таковым безлепицам прирадили тебе руку приложити, и королеву твою Барбару[8] отравою с тобою разлучили, и какие тобе про нее укоризны от твоих подданных были? То нам гораздо ведомо! Як еси и сам повсегда прихварал и есть еси недоброго здоровья, то все от панов твоих поволства тебе ссталось. [9]А што еси писал о предках наших, какую почесть мы имели, ино наша отчизна была великое княжство Литовское, и яким зрадным обычаем прародителя нашего Евнутья братья его молодшые Олгерд и Кестутей с столечного его местца зрадивши згонили и якож некоторому убогому человеку дали на прокормление Новгородок Литовской и иные убогие местца, и от тех мест во всяком безчестие и гоненье род наш был; и яким обычаем твоя, брата нашего, рада, а наши подданные подобно сатанинской гордости вознеслись и як же в безчестье дед наш был князь Михайло Иванович Ижеславской, и як же то писати, и того боже уховай поминати![9] Ино то ли то честь, яко сын от отца, что поддаными его своими безчествовати? И якая доволная часть богатества с такие убогие отчизны, што нам и на кашу не станет? Ино то ли нашему роду была воля и честь, что поддаными нашими безчествованы есмя? А ныне есмя царьского величества милостию во всякой великой чти и жалованье пребываем, а кроме государьской воли никто нами не властен, а в государьской воли поддаными взгоже быти, а где государьской воли над собою не имеют, тут яко изумевся шатаютца и никоего ж̑ блага не ведят. А ш т еси писал нам в своем листу, што будто государь наш прин

воливши учинил у себя воеводою Новогородцким, ино ж [10]мне царьского его величества жалованье и почесть велика: первое, его царьского величества в первосовете есми, а другое, держу великое местцо его царьского величества Великий Новгород, як брат мой и твой князь Семен Лугвень был, и то есть наше достоинство, от коего достоинства предков наших ваши предкове выгнали, и царьское величество опять нас тем достоинством пожаловал; третье, коли государь мой царьское величество посылает меня против своих недругов, и тогды ж мы по его царьского величества веленью многими воеводами и людми обладуем; четвертое, коли у царьского величества к его порогу приезжают цари и царевичи и иные государи многих земель, и мы перед теми передо всеми не бесчестны есмя, а иных и выше оседуем.[10] А што еси писал, брат наш, што пригоже нам быти уделным князем, и хочешь нас держати ровна с иными князми уделными в твоей земле, брата нашего, и то есть нам велми зазле, як нам у тебя, брата нашего, подданным быти, як брат еси наш: як ты от Гедимона, так яз от Гедимона ж, ты пятой, а я семой; а Евнутей Олгерду болшой брат; и што нам обецуешь с уделными своими княжаты в ровенстве быти, и нам с поддаными своими как в ровенстве быти? А мы царьского величества жалованьем и ныне тех всех выше, а не в ровенстве.

И будет похошь, брат наш, и мы будем с тобою как Ягайло был с Витовтом: ты буди на Полском королевстве, а брат наш князь Иван Дмитреевич Белской на великом княжстве Литовском и на Руской земле, а нам бы еси, брат наш, поступил Троков и што в Тротцком повете, и Берести, и Ковна, и Львова, и Петрокова, и Городня, да Прусов и Жемоти, а нас бы еси учинил с собою в ровенственом братстве, как был Витофт с Ягайлом, а не по тому, как был Швитригайло, и все будем под голдом царьского величества. А царьское величество есть милостив для христьянства и для подданых своих, не щадит персоны своей против недругов своих, мощен есть обороняти тебя и меня от турок, и от Перекопского, и от цысаря,

и от иных многих земель и во всем нас в покое заховывати будет. А инакож нам, брат наш, учнешь нагорожати и нам менши того невзгоже быти, — а ведь еси, брат наш, писал, што мы от бога подарованы и украшены дородством и разумом, ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти? Як же ты, брат наш, нам радишь по звычею панов рад твоих, як же они звыкли з радою тебя, брата нашего, держати, а мы як же достойные чести и первосоветничества в верной покорности царьскому величеству прямо заслугуем и заслуговати з жаданьем будем. А што еси, брат наш, писал, штоб нам на твое имя перезывати людей, ино ж подобает тебе к тому лотру писати, який же бы достоин был такому твоему лотровскому писму, а мы ж фалшером не хотим быти, як же твои, брата нашего, панове тебе прирадили, а у нас же таких карают. А иное есми тебе, брату своему, сказали молвити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и что он учнет тебе от нас говорити, и ты б ему верил, бо то суть наши речи.

Писана царьского величества граде Москве, лета 7075, июля в 5 день.



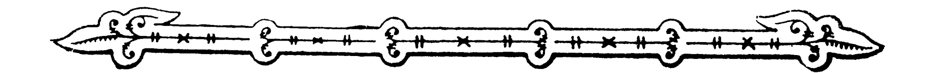
ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ МСТИСЛАВСКОГО

Великого бога и спаса нашего Иисуса Христа в троице славимаго милостию, великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*следует полный титул*], от его царьского величества совету боярина и воеводы и наместника Великого Новагорода и державцы Ярославетцкого и Черомошского и Юхотцкого князя Ивана Федоровича Литовского, Ижеславского и Мстиславского Грише Хоткееву [11] честные нашие заповеди слово наше то.

Прислал еси к нашего порога величеству лист свой, а в нем широко писал, як же звыкли есте зрадным обычаем уживати, як же предкове твои израдным обычаем предков наших израдив, и от подданнаго холопства отлучилися, и от тех мест злодейской обычай вземши есте и по се время лотровским и душегубцовым обычаем живете, и к нам пишешь изумевся, што бешеная собака, а называешься нам братом; и то подобно ли разумному человеку так делати? Достойно язык твой от челюстей исторгнути и с прочим телом псом предати за твое изуменье. То ли наша достаточная честь, што ты нам брат, страдник и холоп, коли государю живет брат, а у нас царьского величества милостию в твою версту многие служебники есть и ныне, занже то нам гораздо ведомо, што вы бояре киевские неболшие, а пригоже ли было тебе, подданному нашему, без нашего повеленья к нам совет чинити и писати? хоти что и подобно, и тебе было писати к своему брату к нашему слу-

жебнику, и он бы твой лист до нас донес, а болши того от нашего величества ответу недостойны есте. Мы и о сем дивуемся, як брат наш, ваш государь, таких вас злобесовских уродственных людей, собак, в раде своей учинил, а вы и нам по своему безумию, лотрове, в раде не взгожи есте, везде таких лотров карают, а пугами бьют, яже ты собатцким обычаем писал еси.

Писана в царствующем граде Москве, лета 7075, июля 31 дня.



ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ М. И. ВОРОТЫНСКОГО (1567)

Такова грамота послана х королю

Бога в троице славимаго милостию и во едином существе поклоняема и славима, сего вседержавные десницы хотением, скифетродержателя благочестию подражателя великого государя государем самодержьца великого царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*следует полный титул*], от его царьского величества совету боярина и воеводы и наместника Казанского и державцы Новосилского, князя Михаила Ивановича Воротынского, Жигимонту-Августу, божиею милостью, королю Полскому и великому князю Литовскому. [*следует полный титул*].

[12] Прислал еси до нас бывшего нашего хлопца коморнаго, а своего верного слугу Ивашка Петрова сына Козлова, з листом своим, а в нем к нам писал еси, штож тебе тот наш хлопец поведал, какова нужа над нами князи и надо всем народом христьянским, так и людми великими, ако и над меншыми станы деетца за пнованье брата вашего, государя нашего. И вы то слышавши, жалуете о том, занеже вашему государству и христьянству то негодно чинити над людом божьим, вашему пастырству звероным, коли же сам бог-сотворитель, человека сотворившы, зневоленья ему не вчинил и всякою почестию его посетил. Наш пак род великий з давных предков наших великих князей Новосилских вам есть в доброй ведомости,

каковое чти годен быти ровное с предками государей наших великих князей Московских; про то еще больше и жалуете, иж ся то нам, княжате зацному, и всякой чти годному деетца от вашего брата. Да и то вам сказывал Ивашко Козлов, какову верность свою к вам и к вашим государьством отец наш князь Иван Михайлович указал: и з уделом своим отчизным, в панства ваши податись хотел, для чего немало лет в заточеньи был на Белеозере и смерть принял. И вы, воспомянувшы на верность отца нашего и на смерть его за панованья славное памяти великого государя отца вашего Жигимонта, божиею милостию, короля Полского и великого князя Литовского, и на нашу нужу от брата вашего за панованьем вашим государьским, хотите то все нам ласкою вашею государьскою нагорожати. И коли вашему государьству поддаными станем, и вы нам обецуете заховати нас при всем том, што держым и што перво сего отчизны нашие отошло от нас, а вам, государю, и во панованье ваше за помочью божиею и службами нашими придет; хотите нам подати и ваших замков подошлых уделу нашему поступити нам в вотчизну и людей ваших военных прислати к нам на мочь не замешкаете, а нас самих хотите мети, яко одного княжат уделных голдовников вашых, государей землям своим подручных — вашему государьству княжате Прусскому и княжате Ледницкому и княжате Мишенскому и под боком вашим государьским в вашем панстве великом княжстве Литовском княжате Слутцкому и княжате Курлянскому во всем нас ровных з ними мети и нам еще наболей всякой чти и достойности причиняти, а не вменшивати, яко годно роду нашему великому чинити, што здавна ведетца и на тот час межи вашими государи христьянскими — ничим ся не зменшивает, але еще от часу всякие добродетели примножати повинни есте, а отлучати не хотите каждому з народу християнского, а особливе крови княжачой от бога-сотворителя повышоной. И иншие, которых бы яз разумел годных быти к службам вашим, таковые вси нехай едут до вас на имя ваше государьское, а вы для меня и им ласку вашу государь-

скую вдячне показовати хотпте.[12] Як же о всем том велели есте словом нам говорити и з нами постановити тому верному слузе вашему Ивашку Козлову; а для лепные верности ваш лист до нас послали есте под печатью вашею таемною и с подписаньем руки вашые государьские.

И мы тот твой лист вычли и уразумели гораздо. Ино годитца ли тебе, великому государю, так писати, как делают прокураторы, и фалшеры и лотрове, как ты, великий государь, в государя нашего царьского величества землю с такими безлепицами на ссору присылаешь и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким тацким обычаем и бесоподобною козныю хочешь одолети. Но тричисленого божества воля и благость и десница самодержство царя нашего утвержает и нас, достойных советников его, благодатию осияет, и никая же сия малая и худая пена, но и велие треволненье не может потопити, якоже реченно есть: «да ся пенит море и збесит, но Иисусова карабля не может потопити, на камени бо церковнем стоит, юже Христос утверди, ей же врата адова не удолеют». Сего ради самодержство царя нашего и навернейший совет не боимся погрязновенья, как государь наш и его царьское величество нас жалует, верных своих советников, и в достойной чести держит, так же и наш совет его волному самодержству верность и работу крепчайшу држым. А что еси писал нашего худого холопца своим верным слугою, ино то уже у тебя у великого государя опроче тех наших молодых паробков и людей нет! Ано и нам такой паробок мало у лошадей пригодитца, не токма которая верность на него положити; ино то твое государьство худо, што такие у тебя страдники в верности. А что он тадцким обычаем твоя изуменная слуха свистаньем ужасил и свел в пропасть безчестия, ино великим государем не подобает того делати и таких безлепиц слушати. А что ты так негораздо учинил, и мы тому удивляемся; а что жалуешь неподобно о християнстве, — [13]ино наших великих государей волное царское самодержство, не как ваше убогое королевство, а нашим великим государем не указывает никто,

а тебе твои панове как хотят, так укажут, занже наши государи от великого Владимера, просветившаго всю землю Рускую святым крещением, и до нынешняго государя нашего их волное царьское самодерьжство николи непременно на государьстве, и никем не посажены и не обдержимы, но от всемогущие божия десницы на своих государьствах государи самодержствуют, а вы потому своих панов рад слушаете, што прародителей твоих гетманы литовские Рогволодовичев Давила да Морколда на Литовское княжество взяли. И которым обычаем князь велики смоленской Мстислав Володимерович Манамаш тех Рогволодовичев сведши с Полотцка, заточил во Царьгород и как они великому князю Мстиславу до заточенья повинны были, а в чем преслушалися, и они за то и наказанье приняли, и то ведомо всему народу християнскому, которым то обычаем делалося. Ино потому ты своим паном и послушен, что есте не коренные государи, а будет потому, што вы от Сенкушковичев и как безлепичники врут, что Витенец служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегимник. И толко вы от тех пошли, ино вам и болши того подобает панов своих послушывати, занже есте государи не коренные; а наши великие государи, почен от Августа кесаря, облаадающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя его царьского самодержьства, все государи самодержьцы, и нихто же им ничем не может указу учинити и волны добрых жаловати, а лихих казнити; а ты по делу не волен еси, что еси посаженой государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государьство и дали.[13] А пастырство твое, которое не токма что вверенных тебе людей не волен еси, но и в себе не волен еси; как ты остаеешься без потомства, и який тобе поминок будет? Занже [14]сестра твоя Анна несть замужем и несть подобна по тебе седяща государя, и кому твоя память творити? Также сестра твоя Катерина [14] по думе панов рад твоих за каким ныне мужем, есть ли подобно то в ровности? А твое хотенье было и сестры твоей Катерины

за нашего великого государя! И мог ли ты малую волю свою мимо панов рад твоих волю сотворити? И коли ты сам в себе не волен, как же тебе волну быти в своем государьстве? А то прокрасу собе притворяешь, што будто ты милостию волю даешь, а ты сам не волен ни в чем. А что писал еси, что бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истинны, понеже перваго человека Адама бог сотворил самовласна и высока и заповедь положи, иже от единого древа не ясти, и егда заповедь преступи и каким осуженьем осужен бысть. Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, от славы в кожаны ризы, от покоя в трудех снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп, и паки по потопе заповедь иже не снести душа в крови, и паки во столпотворении разсеяние и Авраму веры ради обрезание и Исаку за повеление и Иякову закон и паки Моисеом закон и оправдание и оцыщенье и преступником клятва даж во Второзаконии и до убийства, та же благодать и истинна Иисус Христом бысть и заповеди и законоуставление и преступающим наказание.

Видиши ли, яко везде убо несвободно есть; и то твое писмо далече от истинны отстоит? И то ли самоволство добро, як твои панове доспели тебя фалшером, х таковым безлепицам тебе прирадили руку приложити? А што о нас писал еси неподобное дело, младенческим разумом изумевся, а нам таким государем великим самодержьцом пригоже ли быти в ровности? У волного царьского самодержьства во чти есмя: в советникех есмя не меншые, также и в воеводстве обладуем многими людми, и которые прироженцы государьские изо многих царьств царьского величества по ругу приходят, и от тех не безчестны есмя и отчину свою по своему достоинству держу.[15] А что еще от прародителей наших незгодами запустело город Новосиль, ино царьского величества милостию и казною и тот есмя город поставили и по его милосердному самодержьству тем городом обладуем. А тое ли нам чести хотети, как предкове нашы незгодами своими предков вашых с своими

отчинами в руки пришли и якую неволю и безчестье терпели от предков ваших, як же и паны радными безчествованы? А панове рада твои все зговжы быти нашими подданными, ино тое чести боже уховай, што подданным нашим с нами ровным быти! А што ж нас пишешь зацными, ино зацному годитца ли зрадцою быти? А мы из давных предков своих своим государем и их волному царьскому самодержьству в службе своей верность показуем. А што хлопец наш Ивашко Козлов подобно змие яд тебе изблевав, што будто отец наш князь Иван Михайлович и с отчиною своею хотел податися в отца твоего панство, и тое неподобное зрадное слово х которому делу пристоитца? Как он, собака, злодей, подобно бешеной собаке отца нашего небожщика укарает? А мы не есть от роду зрадцы, но от прародителей своих верные слуги его царьскому волному самодержьству, а от государя от своего его царьского волного самодержьства кроме жалованья и чти ничего не видим. А что на отца нашего опалы были, и то по его проступкам было, а смерть ему учинилась по божью веленью, а государьское наказати и жаловати.

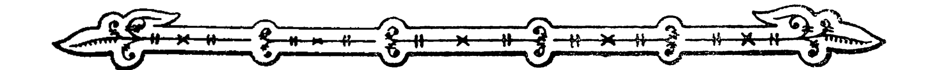
А што нам обецуешь свое жалованье нагорожати, и ты б нам нагородил так: первое бы еси учинился с нами в братстве, а нам бы еси дал в вотчизну Новгородок Литовской, да Витепск, да Менеск, Шклов, Могилев и иные городы по Днепру, кроме Киевского повету, да Волынскую землю и Подолскую всю сполна; ты будешь на Полском королевстве, а брат наш князь Иван Дмитреевич Белской будет на великом княжстве Литовском и на Русской земле, а брат наш князь Иван Федорович Мстиславской будет на Трокех и на Берести и на иных городех и на Прусех и на Жемоти, а мы на тех городех, которых мы нынеча просим у тебя, и так меж себя будем в братстве и в любви, и все совокупився с тобою вместе з братом своим будем под голдом великого государя его царьского волного самодержьства, бо его царьское величество есть милостив для християнства и для поданых своих не щадит персоны своей против недругов своих, мощен есть обороняти тебя и нас

от турок, и от Перекопского, и от цысаря, и от иных многих земель и во всем нас в[б] покое заховывати будет. А инако же нам учнешь нагорожати, брат наш, и нам менши того незгоже быти.

А што ж ты, брат наш, хошь нам подати великого государя нашего его волного самодержьства вотчину и на помочь людей послати, и мы зрадцею своему великому государю не хотим быти. Як же ты, брат наш, нам радишь по звычею рад твоих зрадному, а тая сотонинская гордость, что ты, брат наш, чюжое даешь, чему подобна есть?! Якоже есть писано: аще взграеши яко орел и свиеши гнездо свое посреди звезд небесных, и оттуду тя свергу; рече господь: бог господь гордым сопротивник есть, смиренным же дает благодать. А что еси писал, брат наш, што хошь нас держати подобно с иншими князми, ино ж мы царьского величества милостию и так тех князей выше есмя; а Пруская княжата што говорити, занже и ныне тебе не послушен есть, нам то гораздо ведомо. А что противно божью веленью писал еси, што от бога-сотворителя повышоной княжачой крови, ино тое слово кроме ко антихристу приложити, а к иному ни к чему не подобно есть; господу богу нашему Исусу Христу, везде о смирении поучающу и глаголющу: «Царие язык господствуют ими[в] и велицы облагодатели нарицаютца, вы же не тако, но аще хто хощет вящшый быти, да будет всем раб и всем слуга. Сын бо человеческий не приде, да послужат ему, но да послужити и дати душу свою избавленье за многих»; и паки инде рече: «Еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред богом»; апостолу же вопиющу: «яко крыющеся в вертепах, и в горах, и в пропастех земных, им же не бе достоин весь мир; где же положиши бога того оного веселящеся во вся дни светло и в муках возведша очи свои, како же убо Лазаря нищего, иже крупицы падающи не могущи ясти и псом лижущи гной его, и лежаща пред враты того же богатого и несену быти ангелом на лоно Авраамле; богатому же оному мучитися в огни бесконечнем, ниже языка прохладити могуща». Как же не противно твое, брата нашего,

писание Христову повеленью? Везде убо господу гласящу и смирение заповелевающу, а ты, брат наш, гордость хвалишь и последствуя антихристову повеленью. А што еси, брат наш, писал, штоб нам на твое имя перезывати людей, ино же подобает тебе к такому лотру писати, якиж бы достоин был такому твоему лотровскому писму, а мы ж фалшером не хотим быти, як же твои, брата нашего, панове тебе прирадили, а у нас же таких карают. А иное есми всказал тебе, брату своему, словом молвити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и што он учнет тебе от нас говорити, и ты б ему верил, бо то суть наши речи.

Писана царьского величества в граде Москве, лета 7075, июля 15 день.



ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ВОРОТЫНСКОГО

Великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа в троицы славимого милостию великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [*следует полный титул*] от его царьского величества совету боярина и воеводы и наместника Казанского и державцы Новосилского князя Михаила Ивановича Воротынского пану Григорью Александровичю Хоткевича слово наше то.

[16]Что прислал еси к нам лист свой с нашим хлопцом молодым с Ивашком Козловым, а в листу своем к нам писал еси, что ваш государь християнский, а будучи святый милосердый пан, помазанец божий, по звычаю блаженных памятей их милостей славных и великих государей прародителей своих государьских, так теж и сам из своей щедростливости государьские и з милосердья будучи повинен завжды оказывати образ человеколюбья божия, любовь к народу христьянскому, ея ж ради не пощадел бог сына своего единородного, да распят был для нашего спасения и кровию его святою совокупил нас всех яко уды многи до единого тела и втвердил крещением любовь в нас; и для того должен государь ваш, по апостолу, с радующимися радовати, а со плачющими плакати и инде немощи немощных носити, а не себе угождати повинны есмя. И слышачи великий государь ваш милостивый его кралевская милость о брату своем о государе нашем жестосердье неразсудителное его и на нас людей христьянских, богом поручен-

ных ему, гоненья без правды и гнев непощадимый, так теж и разделение людем единого християнского народу и единые веры, а для чего сталась есть опричнина и для чего земская, чего з веков давных земли его николи за панованье предков его не бывало, тому дивит великий государь ваш и того жалует и вы вси жалуете и дивуетеся ему. И для того государь ваш много отъжидает ему терпеньем своим государьским, еще не простер праведные руки своее кролевские и не поднес меча своего острого на землю его за его гордость, понеже[г] видит его растленна разумом и болшого неприятеля земли своей, нежли вашего государя и кровопроливца нашего. И разумеет то государь ваш по нас по христьянских людех, што мы с вами кровь проливаем по неволи, и милосердует о земли нашей и о нас всех, яко и знак милосердья великого государя вашего есть немалый на землю и на люди земли нашея на князе Ондрею Михайловичю Курбском, как его государь ваш пожаловал великим своим жалованьем и приближеньем и первшим местцом под Киевским воеводством, а он уже был в московских родех не десятый, а мало не двадцатый, также и в местцы. А наш пак род великий будучи надо всеми роды московскими, сведомо есть добре великому государю вашему и вам всем то есть ведомо, што вышел с крови государьские великих князей Новосилских и до сих часов ведемся своими чины и обычайми великими на отчизне и на уделу своем по прироженному нашему величеству, маючи в себе свои бояре и воеводы; так теж ведомо есть великому государю вашему, что отчизна уделная нашие милости за Угрою за рекою от Москвы подошла у границы государя вашего под панство его королевские милости великое княжство Литовское к Северe, для которые яз отчизны своее уделные вмале не пил чаши отца своего князя Ивана Михайловича, которую он пил по зависти государей наших и по приироженью злому их. А так государь ваш великий, ведаючи о нашем величестве и слышачи про наше дородство и разум, которая наша милость от бога сотворителя нам дарована и окрашена, и разумеючи нашу милость быти пра-

вого наследника прародителем нашим и доброго блюстителя отчизне своей, послал до нашие милости слово свое государьское ласковое, посетивши нашу милость в нужи нашей и зычачи нам той хотячи видети, абы бог на нашей милости прародителей наших величества и власть обновити и показати рачит, до чего хочет великий государь ваш домочи нашей милости войсками не малыми людей своих и казною своею государьскою. И вы все государю вашему великому на то радите, а нашей милости помогати до того головами вашими и маетностями ради будете. И с тым государь ваш его королевская милость посылает до нашие милости дворянина своего и слугу верного Ивана Петровича Козлова, который давал ведомость великому государю вашему и вам, иж дед его был у отца нашего в милости преднейший человек, и верную ему государь ваш давши науку о всем о том. Также и вы до нашие милости посылаете листы ваши через верного слугу государя вашего Ивана Козлова, а вашего милово приятеля, и наша б милость ласки государьские великого государя вашего рачил вдячен быти, а вашу любовь к себе помнити, и государю вашему на листы его милости государьские наша милость рачил отписати волю свою сокровенно, яко есть обычай тому, и к вам на ваши листы також отписати тым же слугою государя вашего верным Иваном Козловым, ничим его не вредивши; а ведь же он, яко раб будучи, который не ищет воли своей, но господина своего воли ищет, а не боитца убивающих тела, но болши боитца убивающих душу и тело; а хто убивает тело брата своего, в мале времени смерти сподобляя, тот душу свою на веки погубляет. А в том был во всем рачила наша милость верити души твоей, будучи ужь на старости седины твоее, што ваша милость слово государя вашего християнского ни в чем обменны не будут, яко и пред тым никому, великому и убогому, слово государя вашего николи обменно не бывало а ни будет. А ты нашей милости не толко в словех любовь свою показати хочешь и серцем к серцу, и одна ти есть роскошь и утеха намилшая в старости лет, твоих два сына в себе з ласки

божьей меешь, Андрея и Александра, и каешся в них яко во свете очей твоих, и тых к нашей милости пошлешь со всеми слугами твоими и з маетностью твоею не пощадишь к потребе и к помощи нашей милости и сам нашу милость в добром здоровье видети жадаешь; а притом приязни нашей милости полецаешся.[16]

И мы тот твой лист вычли и вразумели гораздо. И по твоему было отступному бесослужителному разуму, нецнотливой матери сыну, непригоже ниж краю ушес слышанию сподобитись, ниже мала ответа подати, яко бесовстей тме, токмо крестным огражением прогоняти. Также и ты в совершенных сединах, аки возбеснев, вне ума своего бесом служити отдал еси себя и вместо християнства отступником именоватись и лжехристьянином быти, и святей истине, и православной христьянстей вере, и священным церквам и божественным иконам попратель еси и разоритель; и аще прелестней тме служитель еси и богу противник еси, что убо к сему яко скорпия яд изливаеши, понеже отца твоего диявола еси наследник и похоти отца своего хощешь творити, яко он человекоубийца искони и во истине не стоит. А что в листу своем писал еси, что будто государь ваш образ человеколюбия божия оказует, ино то лукавое прикровенье всем знатно, штож государь ваш не токмо вами, паны своими, не обладует, но и о себе власти не имеет: как же хотел государь ваш за нашего государя царьского величества сестру свою Катерину дати, ино ж вы панове зрадным обычаем того ему не природили и з братом его царьского величеством и во всем христьянстве якое есте кровопролитие розмножили и ево есте сестру за какого великого человека дали и якую честь есте в том своему государю принесли, и то есть ведомо всему народу христьянскому! И як же государь ваш о том слезен был, и што мог себе и сестре своей пособити кроме воли вашые? Ино то ли образ человеколюбия божия, что в неволе быти? Слово божие не вяжетца нигде ж и самовластно прибывает и волею за мирское спасение разпятца, а не так, как вы своего государя в неволе держите; ино то ни есть образ человеколюбия божия, но прелесть и тма

подобно антихристу, еже есть супротивно воле божьей. А што писал еси о единороднем сыне божии, и где троица разделяетца, якож вы, тут не подобает о бозе богословити, понеже не ведите ни яж глаголете, ни о них же утвержаетеся, якож инде реченно есть: «Грешнику ж рече бог: вскую ты поведаеши оправданья моя и восприемлеши завет мой усты твоими, ты же возненавидел наказанье и отверже словеса моя вспять, аще видяше татя, течяше с ним и с прелюбодеи участье свое полагаше, уста твоя умножиша злобу, и язык твой соплеташа лщения, седяй на брата своего клеветаше и на сына матери своея полагаше соблазн; сия сотворил еси, вознепшевал еси, яко буду тебе подобен, обличю тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя, разумейте ж сия забывающеи бога, да некогда похитит и не будет избавляяй». И паки по апостолу: разумевше быти бога не яко бога благодариша и прославиша, иже истинну в неправде держаще, но осуетишася помышленми своими и омрачися неразумное их серце. глаголюще быти мудри, объюродеша и послужиша твари вместо творца, иже есть благословен во веки. Аминь. Также и вы вместо бога надеетесь на мимотекущая стихия и на бесовския козни, и вам не подобает божественных глагол своими безбожными усты глаголати. А что кровью своею святою господь наш совокупил нас всех воедино, ино вы ж то за много лет разодрали ересью латынскою, так же ныне конечне от бога отступили есте и противни богу со антихристом учинились есте, церкви божии разаряюще и священныя иконы попирающе и священныя сосуды сокрушающе и истиннаго православия веру з божественными догматы испровергаете и горее бесермен напротивку богови востали есте и лжеимянно християнское имя на собе обносите, якоже рече божественный богословец: изыдоша от нас, но не беша от нас. Аще бо быша были от нас, превыша убо были с нами, вы же сами себя от божественнаго крещенья и любве крестьянские отогнали есте, понеже бысте «враги креста христова, им же бог чрево и слава во студ им, иже земная мудрствующе». А што государь ваш с радующеми

радуетца и с плачющими плачетца, ино ж государь ваш ничегоже не может через вашу волю учинити, и то есть неоднокрот писано, штож сами ж вы, отнявши волю у государя своего, и за то его святым зовете и милостивым, и штож его милость, коли он ничем не волен? Тая милость оказуетца праве яко власность имущий милость содержит. А чтож государь ваш немощи немощных носит, а не себе угождает, но все подданным своим угожданье творит, ино ж государь ваш, якож среди поля некоего Зхатая был, стоящы посреди скорпиев и аспидов вашего неистовства и израдства, отовсюду пуст сродства и пособленья, еще же к сему и главы не имея, еже истинные веры во истинного бога, тем же отовсюду пуст быв — мимошедшых надеж и будущих присносущих надеж сих всех пуст быв, в правду убо и по достоинству вашей бесоподобной гордости угаждает. Так теж вы з давных предков ваших звычею зрадным обычаем злолукаваго змия ухищрением государя своего безчествуете. А что еси писал в своей грамоте возбеснев о нашего государя царьском величестве, что будто государь ваш слышит о нашем государе, о его царьском величестве о жестосердии неразсудительном на нас, народе християнском, гоненье без правды и гнев непощадимой; и то твое бесовское коварство чему есть подобно? Еже подобно змии яд изливаеши. Годно ли в чюжом государстве закон ставити и в правде воли то перед спасителем богом, еже в чюжом государьстве закон утвержати, сами не весте закона и не токмо законопреступницы, но и отступницы закона бысте? Како закон утвержаете? Како ж убо реченно бысть о Елизвое ефиопском цари, како подвижесь на Надунаса жидовина к Омиритцкому граду и каково запрещение бысть ему, якож рече: «мне месть — аз воздам, глаголет господь».[17] Ты, дьяволской сын, как на такое царьское величество глаголешь неподобно? А наш государь, его царьское величество, как есть государь истинный и православный християнский, сияя во благочестьи государьство свое добре разсматряет и благим жалованье подает, а злых наказует; а и во всех землях зрадцов казнят. [18]А што еси писал в бесо-

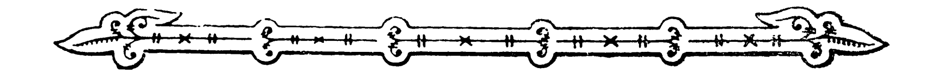
составной своей грамоте о разделение народу християнского, о опричнине и земском, ино ж тово не ведая, якии же скурвины дети, як же и ты, глаголют, а у государя нашего опричнины и земского нет; вся его царская держава в его царской деснице, а хто годен, тот у его царского порога приближен есть, а хто негоден, тот отдалей слугует, бо государь наш самодержец есть, як же воля его, також и розказует нам слугам своим, а не як же государь ваш якоже подданый ваш вас послушенствует. А ведь же и в вашей земле есть земское, и дворное, и кралевское, гетманы и подскарбии и иные чиновники.[18] А штож ся государь ваш дивует, ино ж из века то есть: младенчески разум имеющи и изуменьем похитившуся, веле-мудрому разуму дивятца. А што государь ваш не поднял меча своего острого на землю царского величества, и то есть подобно сотонинской гордости, якоже реченно есть: взыду выше звезд небесных и поставлю престол мой на облацех и буду подобен вышнему. Сице же государь ваш и вы, последствуя дияволу, подобно Сенахириму и Навходносору и Хоздрою[19] и иным безбожным царем, яко птицу рукою своею хотите похитити православье, но господь гордым противник есть, якоже есть реченно: не в силе констей, ни в лыстех мужеских благоволит господь, благоволит господь на боящихся его и уповающих на милость его. Царское бо величество и наш вернейший совет надеетца на всемогущего бога, в троицы славимаго, милость и помощь, о бозе бо сотворит силу, и той уничижит враги царского величества; а ваш государь, да и вы надеетеся на сотонинскую прелесть, и якая ж ваша надея, якую ж себе отступную помощь обрящете? А што же писал еси злобесовным обычаем о разуме царского величества укаряя, ино есть тому дивитися нечему, понеже есте сами предалися в неискусен ум лукавствия и изумевся, якоже есть подобает вам, собацким людем, не ведуще что глаголете, не токмо царского величества укоризны, но и на самого бога востали есте, и изумевыйся якоже вы не весть ся что глаголете, и сего ради на вас грядет гнев божий, на сыны непокоривыя. А штож госу-

дарь ваш разумеет нас по неволе с вами кровь проливати, ино ж мы от прародителей своих его царьского величества вернейший совет от многих времен и х царьскому величеству праве заслуговали есмя и вперед з жаденьем заслуговати будем; и штож их царьского величества искони вечная отчизна незгодами предков и их зрадою предков государей ваших вашим государем в руки пришла, и мы ж по царьского величества веленью с радостью службу свою приносячи его царьскую отчизну доставая и у царьского величества по старине утвердити желаем. А штож писал еси о такой же собаке, як же еси сам, о Ондрее о Курбском, что его ваш государь пожаловал и во чтивости учинил, и коли б государь ваш младенческим разумом не объят был, и он бы вас, панов рад своих, на безделье не слушал и лотровским обычаем таково израдца не жаловал на кровопролитье християнству. А о том дивитися не о чем, як же зрадивши государя нашего его царьской главе и от шибеницы утекши, и к вашему малоумному государю пришел! Его же ты не зная, нецнотный человек, похваляешь. А что о нас писал еси, ино и сам описовал еси, што наш род великий и зацный, ино подобает ли тебя, собаки, послушав, и твоего израдново умышленья последовати и израдою быти? А мы в царьского величества жалованье в чести есмя в великой и отчизну свою по своему достоинству держим, и х тому еще его царьского величества милостию, которая наша отчизна пуста была, и той государьского величества милостию нагорожен есми и тем всем обладую.

А будет же королевское хотенье с нами братство и любовь свою и склонность хочет учинити, и он бы по тому учинил, как мы к нему в своем листе описовали. А зрадцею нам великим родом незгоже быти и отчизну государя нашего за себя заседати, як же племянник твой Янко,[20] хотячи осести Вифлянскую землю, и якое ж хотел кровопролитие християнству учинити, иже бог всех сотворитель злобесовской его козни сотворитись не здоволил. А што еси писал о нашей отчизне лобесовскою кознью, ино же отец наш князь Иван Михайло-

вич отошел света сего по божьим судбам, а ни по которой нуже, также и мы за некоторое прегрешенье в его царьском наказанье были есмя, и опять ныне его царьского величества милостью в светлости учинены есмя, а не як же ты, бешеная собака, изумевся пишешь, что будто отчизны для нашие на нас царьское наказанье было, а зависть и прироженье злобы есть ваша, что вы подданные слуги государя своего властью ровняетеся своему государю. А что хочет государь ваш нашу власть обновити, и як же есмя писали к государю вашему в своем листу, и он бы так и обновил, а инакож' нам невзгоже. А штож тот наш хлопец собацким обычаем сказывал государю вашему и вам, што дед его у отца нашего был первейшим человеком, и то есть от вашего безумья нам укоризна. А што есть он государя вашего верный слуга, а ваш милый приятель, ино ж таких хлопцов у нас у стад много есть, и коли ж у вас люд худ, а вам к потребе нужен, и вы ж и тех наших стадных хлопцов поемлите к себе и своему государю в верные слуги устройте их и себе в милые приятели, а мы ж по християнскому обычаю того вам не забороним. А инако ж нам братцкие приязни государя вашего невдячно быти, кроме того як же есмя писали к брату своему, а вашему государю, в его листу. А што ж пишешь, чтоб нам твою любовь к себе помнити, ино ж то есть нам невзгоже, что с нами, княжаты, вам, мужиком, быти в братстве; а будет же хочешь нашие милости к себе и як же еси писал, яко имеешь у себя два сына Андрея и Александра, и ты б их к нам прислал к потребе, як же они будут заслуговати нам, так теж и мы будем их заховывати. А на лист ваш сю нашу заповедь учинили есмя с тем же хлопцом нашим, а вашего государя верным слугою, а вашим приятелем. А твоей безбожной души кому мочно верити? Занже кто бога оставил и истинную веру, кая есть треба в души его крепости оставитися? А в такой старости, як же ты, неподобно есть государя своего фалшером чинити; также и тому, иже злодейским обычаем приходит, несть погрешително, еже по его безумью место воздати.

Писана царьского величества во граде Москве, лета 7075, июля 20 день.

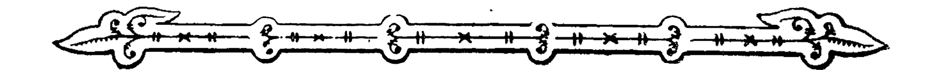


ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. П. ФЕДОРОВА (1567)

Бога в троицы славимаго милостию и во едином существе поклоняема и славима, великого государя государем и самодержца, великого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии [*следует полный титул*], от его царского величества совету боярина и воеводы Полотцкого и наместника Ярославского[21] Ивана Петровича Федоровича великому государю Жигимонту-Августу, божиею милостию королю Полскому и великому князю Литовскому [*следует полный титул*].

Что прислал еси до нас лист свой государской з бывшим хлопцом братьи нашей во государской раде Воротынских князей, и в листу своем к нам писал еси, и мы тот твой лист вычли и вразумели гораздо. Ино годитца ли тебе, таковому государю великому, фалшерным обычаем и лотровским з рукою своею государскою такие безлепицы посылати? А ведь же, государу, я уже человек при старости, зрадивши мне государя своего и душу свою зломивши, немного жити, а у тебе ж будучи, в войсках твоих ходити уже не могу, а до ложницы твоей ходити с курвами ноги же не служат, так теж и машкарством потешати тебя, государя, в старости своей не учон есми; чему ж твое государское хотенье предлежит? Чему же треба тебе по моей старости? Яким же бы еси лотром такое писанье прислал еси, яковым же бы достойно такое твое лотровское писмо.[21]

Писана в отчизне государя нашего в Полотцку, лета от создания миру 7075, августа 6 дня.



ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ФЕДОРОВА

Бога в троицы славимаго милостию и во едином существе поклоняема и славима, великого государя государем и самодержца, великого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии [*следует полный титул*], от его царского величества совету боярина и воеводы Полотцкого и наместника Ярославского Ивана Петровича Федоровича, брату нашему Григорью Александровичю Хоткевича, пану Виленскому, гетману навышшему великого княжства Литовского, старосте Городенскому и державце Могилевскому слово наше то.

Что присылал еси к нам з листом хлопца Воротынских князей Ивашка Козлова, а в нем писал еси многие неподобные речи. Иnож пак, пане Григорей, будучи нам в таковых сединах, згоже ли нам такие ссылки меж себя чинити, як же ты в своем писаньи писал еси и мне зрадити своего государя радишь? Мы же ся о том добре дивуем и жалуем о твоих сединах, як же еси в таковых сединах таковому лотровскому обычею вдался еси, еже нам не годитца таковым неподобным обычаем государем своим служити, но и справедливою правостью государем заслуговати, а то есть неподобных людей и лотров обычей, что язык свой на укоризну обращати. И мы о тебе, брате своем, добре жалуем, што в такое неподобное дело вдался еси. Также что в своем листу писал еси, называючи того молодого хлопца Воротынских князей государя своего дворянином, верным слугою: ино, пане Григорей, годно ли тебе, такому

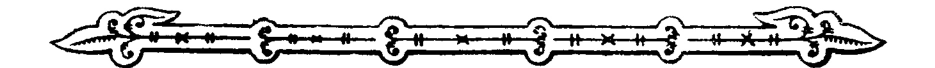
сединами украшену человеку, так государю своему радити, як же того молодого хлопца дворянином и верным слугою таковаго великого государя описовати? Ино то есть не прямая ваша служба государю вашему и не добрая рада! А што ж он собатцким обычаем царьское величество укоряя, тобе яко змия яд излиял, ино, пане Григорей, взгоже ли тебе в таковых сединах, собатцкой рот вземши, таковое неудобство писати? А государь наш, его царьское величество, как есть государь милостивый, истинного православия, всех нас подданных слуг своих милостиво осмотряет и нас подданных слуг своих по нашим заслугам своим жалованьем жалует, и есть есмя и ныне его царьского величества милостию, честью, и отчизною и скарбом одарен много. А штож писал еси в листу своем, штож государь мой хотел надо мною кровопроливство вчинити, и тое, брат наш, берешь перед себя небылыя слова але зрадные, а ни есть того коли бывало, а ни быти может, што царьскому величеству без вины кого карати. Также и того не бывало, што Литве Москва судити; полно, пане, вам и ваше местьцо справовати, але не Московское царство. А штож в твоем листу писано, што потреба жалованью, как бы годно самому подданому; и якая ж то прямая служба, еже не мает воли государя своего над собою, но свою волю мает? И то есть не прямая служба, но зрадная, тоя ж от тебе зазле имею, як же в таковых сединах неразумьем писал еси. А што в твоем листу писано, штож государь мой волокитами меня трудит; ино государь мой, его царское величество, волокитами меня не трудит; а где есть годно его царскому величеству наша послуга, тут его царское величество на потребы свои посылает, также и наше прироженство царскому величеству с радостию заслуговати, а не в трудность то себе ставити, а так же мы не хотим выслуговати, як же вы, пане Григорей, у государя своего старшые вряды поимали с курвами бачачи до ложницы его государские, также с ним машкарством прохлажаючися, мы же на то дозволити не хотим. А штож есмя от бога разумом украшены и одарены, ино згоже ль разумному и дородному

зрадцею быти, як же, пане Григорей, посмехая свою седину, так неподобно радишь? Также, пане Григорей, такую мне вашу приязнь видячи ко государю вашему, как мне в вашу землю податися, як же не токмо к нам, своей братье, але же к своему государю прямые службы не оказуете, як же вы ныне его в якое безчестье ввергли, и як же вы ему прирадили, к яким безлепицам руку приложити на ссору христьянскую и на многое розлитие неповинные крови христьянские? Бо государь наш, как есть истинный, милостивый христьянский, на таковые ваши змиинные причины, якож солнце сени отгоняя, не зрит. Мне же при своей старости зрадивши своего прироженного государя, чего от предков наших в нашем роду не бывало, также и аз предком своим последствуючи, хочю государю своему прямо заслуговати и до своей смерти. Штож по вас, по безбожных людех будет, як же вы церкви божьи со священными законы испровергли есте? А штож писал еси, што яз государя вашего зычливый, ино ж яз как есть христьянский а побожный человек, и коли ж есми не видал злого дела в христьянстве, як же всякую любовь и милость свою показал и як же видели есмя по вас неприятельство к царскому величеству и ко всего народа христьанству желанье кровопролитью, и мне штож до вас дело, кое бо причастие свету ко тме и кое согласие Христови к Велияру и кая часть хрестьянину з безбожными? [22] А о вифлянтех что и писати! Толко тово государь ваш царскому величеству не поступитца, ни яким же обычаем может кровопролитство в христьянстве унятися. Так бы еси ведал!

Писана в царского величества отчизне в Полотцку, лета от создания миру 7075, августа 6 дня.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО



ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1564)

Царево государево послание во все его Российское царство об измене клятвопреступников — князя Андрея Курбского с товарищами

[1]Бог наш троица, всегда бывший и ныне сущий, отец и сын и святой дух, не имеющий ни начала, ни конца, которым мы живем и движемся, которым цари царствуют и властители пишут правду; богом нашим Иисусом Христом дана была единородного слова божия победоносная непобедимая хоругвь — крест честно́й первому во благочестии царю Константину и всем православным царям и оберегателям православных. И после того как исполнилась воля провидения и божественные слуги божьего слова, как орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия дошла и до Российского царства. По божьему изволению начало самодержавия истинно православного Российского царства — от великого царя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и от великого царя Владимира Мономаха, который получил от греков достойнейшую честь, и от храброго великого государя Александра Невского, одержавшего победу над безбожными немцами, и от достойного хвалы великого государя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами [татарами], вплоть до мстителя за несправедливости, деда нашего, великого князя Ивана, и до приобретателя исконных прародительских земель, блаженной памяти отца нашего

великого государя Василия, и до нас, смиренных, скипетродержателей Российского царства. Мы же хвалим бога за премногую милость к нам, что не допустил он деснице нашей обагриться единоплеменной кровью, ибо мы не отняли ни у кого царства, но по божию изволению и по благословению своих прародителей и родителей как родились на царстве, так и были воспитаны и выросли, и божиим повелением воцарились, и взяли все родительским благословением, а не похитили чужое. Да будет известно повеление этой истинно православной христианской самодержавной власти, владеющей многими землями, и да примет наш христианский смиренный ответ бывший истинно православный христианин и наш боярин, советник и воевода, ныне же отступник честного и животворящего креста господня и губитель христиан и служитель врагов христианства, отступивших от поклонения божественным иконам и пренебрегших всеми божественными священными повелениями, и разоривших святые храмы, осквернивших и низвергнувших священные сосуды и образа, как Исавр, Навозоименный [Копроним] и Армянин, вступивший с ними в союз, князь Андрей Михайлович Курбский, изменнически пожелавший быть Ярославским князем.[1]

Зачем ты, о князь, отверг свою единородную душу, если ты мнишь себя благочестивым? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть все равно похитит тебя, — зачем же ты по ложному совету своих преданных бесу друзей и прислужников, за тело предал душу, если даже ты и побоялся смерти? И всюду, как бесы во всем мире, так и ваши друзья и слуги,[2] отрекшись от нас, нарушив крестное целование [присягу], подражая бесам разнообразными способами, всюду раскинули сети и по обычаю бесов следят за нами, наблюдая куда мы идем, что говорим и, воображая, что они бесплотны [невидимы],[3] они составляют против нас оскорбления и укоризны, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за это злодеяние даете им многие награды нашей же землей и казной, ложно называя

их слугами, и, наполнившись этими бесовскими слухами, словно змеиным ядом, вы, разъярившись на меня и душу свою погубив, принимаетесь разрушать церковь. Не думай, что это справедливо — разъярившись на человека, восстать на бога: одно дело — человек, даже носящий на себе царскую порфиру, а другое дело — бог. Думаешь, окаянный, что убережешься? Никак! [4]Если ты пойдешь вместе с ними воевать, придется тебе и церкви разорять, и иконы попирать, и христиан убивать; где руками не дерзнешь, там это сотворится из-за смертоносного яда твоей мысли. Представь же себе, как во время нашествия во́йска конские копыта будут попирать и давить нежные тела младенцев! Когда же зимой наступают, совершаются еще бо́льшие жестокости. И разве же твой злодейский поступок не похож на неистовство Ирода, совершившего убийство младенцев? Это ли благочестие — совершать такие злодейства? Если же ты скажешь, что мы тоже воюем с христианами — германцами и литовцами, то это — не то же самое. Даже если бы в этих странах были христиане — то ведь мы воюем по обычаям своих прародителей, как и прежде многократно случалось; но сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан, кроме мелких служителей церкви и тайных рабов господних. Кроме того, и война с Литвой совершилась из-за вашей же измены, недоброхотства и безрассудного нерадения.[4]

Ты же ради тела погубил душу, презрел вечную славу ради мимотекущей, и на человека разъярившись, на бога восстал. Пойми, бедный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». Это ли твое благочестие, что ты погубил себя не во имя бога, а из себялюбия? Могут и там[5] понять твое злодейство те, кто поумнее: ты бежал не от смерти, а желая мимотекущей славы и богатства. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, зачем ты убоялся мученической смерти, которая не есть смерть, но приобретение? В конце концов все равно умрешь. Если же

ты убоялся смертного приговора из-за лжи и клеветы твоих друзей, слуг сатаны,[6] то это показывает только ваши всегдашние изменнические умыслы! Зачем ты презрел апостола Павла, говорящего: «Всякая душа да повинуется властям; нет власти не от бога; тот, кто противится власти — противится божьему повелению»? Смотри и разумей: кто противится власти — противится богу; а кто противится богу, тот называется отступником, а это — наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной. Вспомни же сказанное выше, что мы ни у кого не похитили престола, — кто противится такой власти, тем более противится богу! Тот же апостол Павел, слова которого ты презрел, говорит в другом месте: «Рабы! Слушайтесь своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но, как слуги бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Вот воля господня — пострадать, делая добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и приобрести мученический венец?

Но ради временной славы, себялюбия и сладостей мира сего ты попрал все свое душевное благочестие и христианскую веру; ты уподобился семени, попавшему на камень и выросшему, но из-за солнечного зноя, то есть из-за одного ложного слова, соблазнился и отпал и не сотворил плода; из-за ложных слов ты уподобился семени, упавшему на дорогу, ибо дьявол исторг из твоего сердца посеянную там веру в бога и покорность нам и подчинил тебя своей воле. Во всех божественных писаниях сказано, что дети не должны противиться родителям, а рабы — господам ни в чем, кроме веры. А если ты, научившись лжи от отца своего дьявола, будешь утверждать, что бежал от меня ради веры, то — жив господь мой, жива душа моя — не только ты, но и твои единомышленники, бесовские слуги, этого греха во мне не найдете. Надеемся еще милостию бога-слова и его пречистой матери и молитвами всех святых дать ответ в этом

не только тебе, но и тем, кто попрал святые иконы, отверг божественную тайну христианства и отступил от бога (ты же вступил с ними в дружескую связь), надеемся обличить их нечестивость и выступить на защиту благочестия, дабы воссияла благодать.

Как же ты не устыдился раба своего Васьки Шибанова?[7] Он ведь и у порога смерти сохранил свое благочестие и, стоя перед царем и перед всем народом, не отрекся от присяги тебе, восхваляя тебя и стремясь за тебя умереть. Ты же не захотел сравняться с ним в благочестии: из-за одного какого-то гневного слова погубил не только свою душу, но и души своих предков — ибо по божьему изволению бог отдал их души под власть нашему деду, великому государю, и они, отдав свои души, служили нам до смерти и завещали своим детям и внукам нашего деда. А ты все это забыл, собачьей изменой нарушил присягу на кресте, присоединился к врагам христианства и к тому же еще, не сознавая собственного злодейства, обращаешься к нам с нелепыми и тупоумными речами, словно в небо швыряя камни, не стыдясь благочестия своего раба и не желая поступить со своим господином так, как поступил он.

Писание твое принято и прочитано внимательно.[8] Змеиный яд у тебя под языком и поэтому, хоть письмо твое и наполнено медом и сотами, но на вкус оно горше полыни; как сказал пророк: «уста их мягче елея, но в них — стрéлы». Так ли обучен ты, христианин, служить христианскому государю? Так ли следует воздавать честь владыке, от бога данному, как делаешь ты, изрыгая бесовский яд? [9]В начале твоего письма, которое ты написал не размыслив, содержится наватская ересь, ибо ты, подобно Навату, требуешь от человека такого покаяния, которого не позволяет человеческая природа. Ты прав, что мы были просвещены светом православия — как тогда, так и теперь мы веруем истинной верой в истинного и живого бога. Но когда ты пишешь, что [мы выступили] против и [прибавляешь]: «разумевай,

имеющий прокаженную совесть», — тут ты впадаешь в наватскую ересь и не думаешь о евангельских словах: «Горе миру от соблазнов, ибо не надобно притти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит; лучше было бы ему, если бы привесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской». В слепоте твоей злобы ты не способен видеть истину; и если уж ты считаешь себя достойным стоять у престола всевышнего, всегда служить с ангелами и собственными руками заклать жертвенного агнца для спасения мира, то зачем же ты все это попрал и со своими дьявольскими советниками обрек нас своими лукавыми замыслами на многие страдания? Вы ведь еще с юности, подобно бесам, поколебали мое благочестие, и державу, полученную мною от бога и от моих прародителей, взяли под свою власть. А это ли совесть прокаженная — держать свое царство в руке и не давать господствовать своим рабам? Это ли противно разуму — не хотеть быть под властью своих рабов? И это ли православие пресветлое — быть под властью и повелением рабов?[9]

Так обстоит дело с мирскими делами; в духовных же и церковных делах, если я и совершил небольшой грех, то только из-за вашего же соблазна и измены; кроме того, и я — человек; нет ведь человека без греха, один бог безгрешен; это ты только считаешь себя человеком, равным ангелу. А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. А русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! А ты этого в своей злобе не смог понять, считая благочестием, когда самодержавие находится под властью известного попа[10] и под вашим злодейским повелением. А это по-твоему нечестие, когда мы сами обладаем властью, данной нам от бога, и не хотим быть под властью попа и под вашим злодейским повелением. Когда же божьей милостью, заступничеством пречистой богородицы, молитвами всех святых и родительским

Иван Грозный.

Портрет из «Титулярника» XVII в.

благословением я не дал вам, злодеям, погубить себя — это значит, по-твоему, что я выступил против православия? Сколько зла я тогда от вас претерпел! Но об этом напишу подробнее ниже.

[11]Если же ты вспоминаешь о том, что мы не твердо соблюдали церковные обряды и устраивали игры, то ведь это тоже было из-за вашего коварного поведения, ибо вы исторгли меня из спокойной духовной жизни и по-фарисейски взвалили на меня тяжелое бремя, а сами ни одним пальцем не помогали его нести, поэтому я и не соблюдал церковных обрядов частью из-за забот царского правления, вами подорванного, частью — чтобы избежать ваших коварных замыслов. Устраивал же я игры, снисходя к человеческим слабостям, ибо вы много народа увлекли вслед коварным замыслам, устраивал для того, чтобы они нас, своих государей, признали, а не вас, изменников, подобно тому как мать разрешает детям всяческие забавы, пока в младенческом возрасте, ибо когда они вырастут и превзойдут родителей умом, то откажутся от этих забав сами, или подобно тому как бог разрешил евреям приносить жертвы — лишь бы богу приносили, а не бесам. А чем они у вас привыкли забавляться? [11]

А не в этом ли заключается мое отступничество, что я не дал вам погубить себя? А ты зачем погубил свою душу и разум, нарушив крестное целование, — не из-за страха ли смерти? Советуешь нам то, чего сам не делаешь! По-наватски и по-фарисейски рассуждаешь: по-наватски потому, что требуешь от человека большего, чем позволяет человеческая природа, по-фарисейски же потому, что, сам не делая, требуешь этого от других. Но хуже всего ваши укоры и оскорбления, которые вы начали наносить мне уже давно и продолжаете до сих пор, ярясь как дикий зверь и учиняя измену, — в этом ли заключается ваша усердная и верная служба, что вы меня оскорбляли и укоряли? Дрожите, как одержимые, а сами, предвосхищая божий суд и заменяя его своим судом, устроенным вашими начальниками, попом и Алексеем,[12] осу-

ждаете меня, как собаки. И этим вы противитесь богу и всем святым, прославившимся постом и подвигами, ибо они нередко подавали руку впадавшим во грех и вновь подымавшимся (нет беды в том, чтобы подыматься!) и страждущим и подымали из пропасти греха [следует библейская цитата], которых ты отверг, бы! Так же, как эти святые страдали от бесов, так и я от вас пострадал.

Что ты, собака, совершив такое злодейство, пишешь и жалуешься! Чему подобен твой совет, смердящий гнуснее кала? [13]Или, по-твоему, праведно поступили те твои дьявольские единомышленники, которые сбросили монашескую одежду и пошли воевать против христиан? Скажете, что это было насильственное пострижение? Но не так это, не так! Разве не говорил Иоанн Лествичник: «видел я насильственно обращенных в монахи, которые стали праведнее вольных»? Чего же вы им не подражаете, если вы благочестивы? Много было насильно постриженных и получше Тимохи — даже среди царей, а они не оскверняли монашества. Тем же, которые дерзали расстричься, это на пользу не пошло, — их ждала еще худшая гибель, телесная и душевная, как было с князем Рюриком Ростиславичем Смоленским, постриженным по приказу своего зятя Романа Галичского. А посмотри, как была благочестива его княгиня — он захотел освободить ее от невольного пострижения, но она предпочла вечное царство преходящему и приняла схиму; он же, расстригшись, пролил много христианской крови, грабил святые церкви и монастыри, истязал игуменов, попов и монахов и в конце концов не удержал своего княжения и даже памяти о нем не осталось. Много было таких случаев и в Царьграде: одним были отрезаны носы, другие же, которые сбросили монашескую одежду и вновь заняли царский престол, были за это наказаны — на этом свете жесточайшей казнью, а на том бесконечными муками, ибо совершили это из гордости и честолюбия. Так было с государями, а с подданными еще хуже! Всякого, кто отречется от ангельского монашеского чина, ждет божий суд.

Те же, которые были пострижены недавно по решению великого собора и снова вернули себе прежнее достоинство, совершили еще больший грех, чем прежние преступники, не дерзнувшие это сделать.[13]

Это ли ваше благочестие, что вы совершаете такие дьявольские нечестивые дела? Или ты думаешь, что ты — Авенир, сын Нира, храбрейший во Израиле, если позволяешь себе в своей надменности писать такие дьявольские послания? Но и тогда что произошло во Израиле? Когда убил его Иоав, сын Саруя, тогда не стало во Израиле сильных мужей. Скажешь, что вы с божьей помощью одержали славные победы над противниками? Но напрасно ты все время так надменно хвалишься! Вспомни опять о том, кто сотворил подобно тебе, — если любишь Ветхий Завет, с ним и сравним тебя: помогла ли военная храбрость Авениру, когда он бесчестно поступил со своим господином, соблазнил Ресфу, жену Саула, и, уличенный в этом сыном Саула Мемфивосфеем, разгневался, изменил Саулу и затем погиб? Ты подобен ему своими дьявольскими поступками и надменным стремлением к почестям и богатству. Как Авенир посягнул на супругу своего господина, так и ты посягаешь на богом данные ему города и деревни, совершая столь же дьявольский и бесчестный поступок. Или ты напомнишь мне плач Давидов? Но хотя этот царь был праведен и не хотел совершать убийства, нечестивые погибли своей смертью. Видишь, что бранная храбрость не помогает тому, кто не чтит своего господина. Приведу тебе еще пример Ахитофела: он подобно тебе составлял коварный заговор, подговаривая Авессалома против отца, и как же он был наказан за это! Весь его замысел рассыпался в прах благодаря одному старцу; весь Израиль был побежден небольшим числом людей; он же окончил свою жизнь, удавившись. Так было раньше, так бывает и теперь: божья благодать обнаруживается в немощах, и ваше дьявольское восстание на церковь рассыпает сам Христос. Вспомни также древнего отступника Иеровоама, сына Навата, как он отделился от Израиля с де-

вятью племенами, создал царство в Самарии, отрекся от бога живого и стал поклоняться тельцу, и как царство в Самарии пришло в смятение; царская власть там не удержалась и вскоре оно погибло; Иудейское же царство было хоть и мало, но грозно и существовало, пока этого желал бог [следуют цитаты из Библии и из византийского писателя и церковного деятеля Иоанна Златоуста о могуществе божьем и бессилии его врагов].[14]

Как же ты не смог понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? Апостол сказал: «к одним будьте милостивы, с рассмотрением, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели же ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников еще опаснее! Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. Что же должен делать правитель, как не разбирать споры своих подданных?

Как же тебе не стыдно именовать мучениками злодеев, не разбирая, за что они пострадали? Апостол восклицал: «тот, кто незаконно, то есть не за веру, подвергнется мученичеству, не достоин мученического венца»; божественный Златоуст и великий Афанасий в своем исповедании говорили: воры, разбойники, злодеи и прелюбодеи предаются пыткам, но они не мученики, ибо они мучимы за свои грехи, а не во имя бога. Божественный же апостол Петр говорил: «лучше пострадать за добро, чем за зло». Разве ты не видишь, что никто не восхваляет мучения творивших зло? Вы же, уподобляясь дьявольским поведением змее, изрыгая яд, не разбираете ни обстоятельств, ни покаяния, ни преступности человека, а хотите только с бесовской хитростью прикрыть свою коварную измену лживым названием.

[15]Разве же это противно разуму — сообразоваться с обстоятельствами и временем? Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, убил собственного сына! А князь Федор Ростиславич, ваш предок, сколько крови пролил в Смоленске во время пасхи! А ведь они причислены к святым. А как же Давид, избранный богом, когда его не приняли в Иерусалиме, приказал убивать иевусеев [иерусалимцев] — хромых и слепых, ненавидящих душу Давидову? Или по твоему и те, не желавшие принять данного богом царя, — тоже мученики? Как же ты не задумался над тем, что такой благочестивый царь обрушил свой могучий гнев на немощных рабов? Но разве нынешние изменники не совершили такого же злодейства? Они еще хуже. Те только попытались помешать царю вступить в город, но не сумели этого сделать; эти же, нарушив клятву на кресте, отвергли уже принятого ими, данного им богом и родившегося на царстве царя и, сколько могли сделать зла, сделали — словом, делом и тайным умыслом; почему же эти менее достойны злейших казней, чем те? Ты скажешь: «те действовали явно, эти же тайно»; но потому-то ваше дьявольское злодейство еще преступнее: люди видят ваше доброхотство и службу, а в сердцах ваших злодейские замыслы и стремление к гибели и разорению; устами благословляете, а сердцем проклинаете. Немало и иных было царей, которые спасли свои царства от беспорядка и отражали злодейские замыслы и преступления подданных. И всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими, добрым являть милосердие и кротость, злым — жестокость и расправы. Если же этого нет, то он — не царь, ибо царь заставляет трепетать не добро творящих, а зло. Хочешь не бояться власти? Делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных. Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег? Где тебе следовало разумным советом уничтожить злодейский

замысел, там ты еще подбавил сорных трав.[15] И сбылось на тебе пророческое слово: «вы, которые возжигаете огонь, хо̀дите в пламень огня вашего, который вы сами разожгли». Как ты сходен с Иудой предателем! Так же, как он ради богатства разъярился и отдал на убиение общего повелителя, проживая среди его учеников, а веселясь с иудеями, так и ты, пребывая у нас, ел наш хлеб и соглашался служить нам, а в душе копил злобу на нас. Так-то ты выполнил присягу, скрепленную крестным целованием, — желать нам добра без всякой хитрости? Что же может быть подлее твоего коварного умысла? По словам премудрого «нет головы, подлее змеиной», также и нет злобы подлее твоей злобы.

Почему же ты взялся быть учителем моей душе и телу? Кто тебя поставил судьей или властителем надо мной? Разве же ты дашь ответ за мою душу в день Страшного суда? Апостол Павел говорит: «Как веруют без проповедующего и как проповедуют, если не будут на то посланы?». Так было в пришествие Христово; ты же от кого послан? И кто тебя сделал архиереем и позволил принять на себя учительский сан? Апостол Иаков это отвергает [следуют библейские цитаты].

Неужели же ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-невежи и злодеев-изменников, а царь им повинуется? А это, по-твоему, противно разуму и порождено прокаженной совестью, когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попом. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам? Так пусть эта погибель падет на твою голову! [следуют библейские цитаты].

Неужели же это свет — когда поп и лукавые рабы правят, царь же только по имени и по чести — царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма — когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания? Зачем же и самодержцем называется, если сам не управляет?

Апостол Павел писал галатам: «Наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба; он подчинен управителям и наставникам до срока, отцом назначенного». Мы же, слава богу, дошли до возраста, отцом назначенного, и нам не подобает слушаться управителей и наставников.

Скажешь, что я, поворачивая туда и сюда, пишу все одно и то же? Но в этом виноваты прежде всего ваши злодейские замыслы, потому что вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы — на деле; потому все так и случилось, что вы до сих пор не перестаете затевать злодейские замыслы против меня. Вспомни, когда бог избавил евреев от рабства, разве он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, он поставил над ними единого царя — Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но Аарону зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от бога. Видишь сам, что не подобает священникам творить царские дела! Также когда Дафан и Авирон захотели захватить власть — вспомни, как они были наказаны за это гибелью и к какой гибели привели многих сынов Израиля? Того же и вы, бояре, достойны! После этого судьей над Израилем был поставлен Иисус Навин, а священником Элеазар, и с тех пор, до времен жреца Ильи, господствовали судьи: Иуда, Варак, Еффа, Гедеон и многие другие. И как мудро они боролись с врагами и спасали Израиль! Когда же жрец Илья взял на себя и священство и царскую власть, то, хотя он сам был праведен и добр, все соблазнились богатством и славой, сыновья его Офний и Финеес отступили от истины, и погиб он сам и его сыновья, весь Израиль был разбит, и киот с заповедями господними подвергался пленению вплоть до времени царя Давида. Не видишь разве, что власть священника и управителя с царской властью не совместима? Это из ветхозаветной истории, то же бывало и в Римском царстве и, после Христова пришествия, в греческом царстве, когда там осуществлялись злодейские замыслы, подобные вашим. Август-кесарь ведь обладал всей

вселенной: Аламанией [Германией], Далмацией, всеми италийскими землями, готами, сарматами, Афинами, Сирией, Киликией, Азией, Междуречьем, Каппадокийскими странами, городом Дамаском, божьим городом Иерусалимом, Александрией, Египтом, вплоть до Персидской державы, — все это было много лет под единой властью, вплоть до благочестивейшего царя Константина Флавия. Но после него его сыновья разделили власть: Константин в Царьграде, Констанций в Риме, Конста же в Далмации. С этого времени Греческая держава стала делиться и оскудевать. И снова, при царе Маркиане, в Италии многие князья, управлявшие отдельными областями, восстали, подобно тому как делаете вы; в царствование Льва Великого каждый из них захватил себе особую область, например, в Африке рига [король] Зинзирих [Гейзерих] и другие. И с тех пор прекратился всякий порядок в Греческом царстве — только и делали, что боролись за власть, честь и богатство и гибли в междоусобной борьбе. Особенно же стала ослабевать греческая вера и власть в царствование Анастасия Дикороса Драчанина, ибо в это время начали нападать персы и захватили Месопотамскую митрополию, а многие воины восставали, как, например, Виталик, и подступали с войском к стенам Константинополя. Очень ослабела греческая власть и при Маврикии. Но даже когда при Фоке-мучителе персидский царь Хозрой захватил Фракию и Ираклию досталось сильно уменьшенное царство, духовные, ипаты [управители] и весь царский совет не перестали воевать между собою из-за власти и богатства и захватывать города, области и имения, а греческое царство из-за этого все более распадалось. В царствование Юстина [Юстиниана] Курносого греки снова потерпели поражение от варваров и было перебито множество воинов. В это время отделились болгарская держава и церковь, а духовные, советники и все управители не переставали тем временем бороться из-за власти и не упускали случая приобрести новые имения и богатства в городах и областях [следует библейская цитата о корыстолюбивых людях].

Так как же, по вашему дьявольскому мнению, можно угождать таким людям? [следует библейская цитата о человеческой порочности].

Потом, в царствование Апсимара, Филиппика и Феодосия-Бороды Адрамического персы захватили у греков Дамаск и Египетскую державу; затем, при Константине Навозоименном [Копрониме] от греческого царства отложились скифы, а при Льве Армянине, Михаиле Аморене и Феофиле отторгся Рим со всей Италией; после этого все они избрали себе в цари латинского князя Карла из земли внутренних фрягов [франков], и во многих италийских странах поставили себе собственных королей, князей, властителей и управителей. Также и в Нейстрии и в Испании, и в Далмации, и у французов, и в верхне-немецкой земле, и у поляков, и у литовцев, и у готов, и у валахов, и у молдаван, также и у сербов и болгар, когда они отделились от Греческого царства, установилась своя власть, а Греческое царство из-за этого еще больше распалось. В царствование же Михаила и Феодоры благочестивых персы захватили божий город Иерусалим, Палестинскую землю и Финикийские страны; столица пришла в еще больший упадок и испытывала частые потрясения от нашествий и войн, а тем временем духовенство и советники не оставляли своих зловредных привычек, и не только не беспокоились о таком разорении царства, но как бы сном считали эту гибель. Ведь вы также, подобно им, злодейски желаете себе славы, чести и богатства сверх меры, на гибель христианству! До того времени греки брали со многих стран дань, но потом сами стали платить дань — не по божьей воле, а из-за беспорядка, подобного тому, который вы затеваете. Таким образом, столичный город все это время пребывал в упадке, вплоть до царствования Алексея, прозванного Дукой Мурцуфлом, при котором столица была захвачена фрягами [западными народами] и попала в тяжелейший плен, и так погибла благочестивая и великолепная Греческая держава. Затем Михаил Палеолог изгнал латинян из Царьграда и вновь создал царство, ничтож-

ное по силе; оно просуществовало до царя Константина, прозванного Дрогасом [Драгазесом], а при нем явился за наши грехи безбожный Магмет, погасил Греческую державу и, подобно ветру или сильной буре, не оставил от нее ни следа.[16]

Подумай, какая власть создавалась в тех странах, где цари слушались духовных и советников, и как погибли эти страны! Неужели и нам посоветуешь так поступать, чтобы тоже притти к гибели? Это ли благочестие — не подавлять злодеев, не управлять царством и отдать его на разграбление иноплеменникам? Этому, по-твоему, учат святители? Хорошо и поучительно! Одно дело — спасать свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах других людей; одно дело — отшельничество, одно дело — монашество, одно дело — священническая власть, а другое дело — царское правление. Отшельническая жизнь — жить подобно агнцу, который ничему не противится, или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает в житницы; монахи же, хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, правила и даже заповеди,— если они не будут всего этого соблюдать, то совместная жизнь расстроится; священническая власть требует многих запретов, наказаний за вину; у священников существуют высшие и низшие должности, им разрешаются украшения, слава и почести, а инокам это не подобает; царской же власти позволено действовать страхом и запрещением и обузданием, а против злейших и лукавых преступников — последним наказанием. Пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. Прилично ли царю, например, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это ли совершеннейшая заповедь; как же царь сможет управлять царством, если допустит над собой бесчестие? А священнику подобает так делать, — пойми же, поэтому, разницу между царской и священнической властью! Даже у отрекшихся от мира существуют многие тяжелые наказания, хоть и не смертная казнь. Насколько же суровее должна наказывать злодеев царская власть!

[17]Не может осуществиться и ваше желание править теми городами и областями, где вы находитесь. Ты сам своими бесчестными очами видел, какое разорение было на Руси, когда в каждом городе были свои начальники и правители, и потому можешь понять, что это такое.[17] Пророк говорил об этом: «Горе дому, которым управляет женщина, горе городу, которым управляют многие»! Как видишь, управление многих, даже если они сильны, храбры и разумны, но не имеют единой власти, будет подобно женскому безумию. Ибо так же, как женщина не способна остановиться на едином решении — то решит одно, то другое, так и многие правители царства — один захочет одного, другой другого. Вот почему желания и замыслы многих людей подобны женскому безумию. Все это я указал тебе для того, чтобы ты понял, какое благо выйдет из того, что вы будете владеть городами и управлять царством вместо царей, — имеющему разум следует это понять. Вспомни: «не обращайте сердца к богатству и золоту, даже когда богатство умножается». Кто сказал эти слова? Не обладал ли он царской властью? Разве ему не подобало золото? Но он и не смотрел на золото, а ум его всегда был направлен к богу и военным делам. Ты же подобен Гиезию, продавшему божью благодать за золото и наказанному за это проказой; ибо ты тоже ради золота ополчился против христиан. Апостол Павел восклицал: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей; ибо многие, как я часто говорил вам, а теперь говорю с плачем, поступают, как враги Христовы; их бог — чрево, слава их — в сраме, они мыслят о земном». Как же не назвать тебя врагом креста Христова, если ты ради славы, желая насладиться богатством и честью этого бренного мира, презирая вечное будущее, научившись измене от своих прародителей и заранее приготовив злодейство в сердце своем, ты, «евший со мной хлеб, поднял на меня свою ногу», нарушил присягу и вооружился, чтобы воевать против христиан? Так пусть же подымется на тебя победоносное оружие господне — крест Христов!

Как же ты называешь таких изменников доброжелателями? Так же как однажды в Израиле заговорщики, изменнически и тайно сговорившись с Авимелехом, сыном Гедеона от одной из жен, то есть от наложницы, перебили в один день 70 сыновей Гедеона, рожденных в беззаконии его женами, и посадили на престол Авимелеха, так и вы, задумав свою злую собачью измену, хотели истребить законных царей, достойных царства, и посадить на престол хоть и не сына наложницы, но дальнего родственника. Какие же вы доброжелатели и как же вы душу за меня полагаете, если, подобно Ироду, хотели погубить сосущего молоко младенца и меня,[18] и посадить на царство чужого царя? Так-то вы душу за меня полагаете и добра мне желаете? Будь это ваши дети, дали бы вы им вместо яйца — скорпиона и вместо рыбы — камень? Если вы злы — то почему умеете творить добро своим детям, а если добры — то почему же вы не творите того же добра нашим детям, что и своим?[19] Но вы еще от прародителей научены совершать измену: как дед твой Михайло Карамыш вместе с князем Андреем Углицким затеял измену против нашего деда, великого государя Ивана, так и отец, князь Михаил, с великим князем Димитрием-внуком причинял вред и готовил смерть нашему отцу, блаженной памяти великому государю Василию, так же и деды твоей матери Василий и Иван Тучко говорили пакостные и укоризненные слова нашему деду, великому государю Ивану, так же и дед твой, Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, сказал про нее много надменных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву, и так как ты — змеиное отродье, то и изрыгаешь яд.[19] Этим я тебе достаточно объяснил, почему твоему дьявольскому разуму противен тот, кто знает у кого прокаженная совесть! В нашей же державе таких нет. А хоть отец твой, князь Михаил, много претерпел гонений и обид, но такой измены, как ты, он не совершил.

[20]А когда ты писал: за что я перебил сильных во Израиле и данных богом воевод различным смертям предал и их святую и победоносную кровь в церквах божьих пролил, обагрил цер-

ковные пороги кровью мучеников и придумал неслыханные мучения, казни и гонения для своих доброжелателей, полагающих за нас душу, облыгая православных и обвиняя их в изменах, чародействе и других неподобающих поступках,[20] то ты писал и говорил ложь, как научил тебя отец твой, дьявол, ибо сказал Христос: «Вы дети дьявола и хотите исполнить желания отца вашего, ибо он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». А сильных во Израиле мы не убивали и неизвестно, кто еще сильнейший во Израиле: потому что Российская земля держится божьим милосердием, милостью пречистой богородицы, молитвами всех святых, благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами. Мы не предавали своих воевод различным смертям, — с божьей помощью мы имеем у себя много воевод и кроме вас, изменников. Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить.

Крови же в церкви мы никакой не проливали. Не знаем, что это за победоносная и святая кровь, — в нынешнее время о такой у нас ничего не было слышно. А церковные пороги, и не только пороги, но и помост и преддверия, мы, как только избавились от вашей бесовской власти, принялись украшать всяким добром, насколько хватает у нас сил и у наших подданных усердия, — это могут видеть и иноплеменники. Кровью же никакой мы церковных порогов не обагряли; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают (подобно зеркалу) порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; те же, которые, как я сказал,

оказывают противодействие, приемлют казнь по своей вине. А как в других странах карают злодеев, сам увидишь: там не по-здешнему! Это вы утвердили дьявольский обычай любить изменников; а в других странах изменников не любят: казнят их и тем усиливаются.

Мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали, если же ты говоришь об изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят. А что мы якобы облыгаем православных [следует библейская цитата, уподобляющая Курбского глухому аспиду], то если уж я облыгаю [клевещу], от кого же тогда ждать истины? Что же, изменник, по твоему дьявольскому мнению, что́ бы они ни сделали, их и обличить нельзя? А облыгать мне их для чего? Из желания ли власти моих подданных, или их худого рубища, или чтобы пожирать их? Не смеха ли достойна твоя выдумка? Чтобы охотиться на зайцев, нужно множество псов, чтобы побеждать врагов — множество воинов; кто же, имея разум, будет зря казнить своих подданных!

[21]Выше я обещал подробно рассказать, как жестоко я страдал из-за вас от юности до последнего времени. Это известно всем (ты был еще молод в те годы, но, однако, можешь знать это): когда по божьей воле, сменив порфиру на ангельскую [монашескую] одежду, наш отец, великий государь Василий, оставил бренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное предстоять перед царем царей и господином государей, мне было три года, а покойному брату, святопочившему Георгию, один год; остались мы сиротами, а мать наша, благочестивая царица Елена, — столь же несчастной вдовой, и оказались словно среди пламени: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Надчитархан, нагаи, казанцы, а вы, изменники, тем временем начали причинять нам многие беды — князь Семен Бельский и Иван Ляцкий, подобно тебе, бешеной собаке, сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись? И в Царьград и в Крым и к нагаям, и всюду подымали войну против православных. Но ничего из этого не

вышло, — по божьему милосердию и молитвам наших родителей, все эти замыслы рассыпались в прах, как заговор Ахитофела. Потом изменники подняли на нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду (вот кого ты хвалишь и называешь доброжелателями, полагающими за нас душу!), а от нас в это время отложились и присоединились к князю Андрею многие бояре во главе с твоим родичем, князем Иваном Семеновичем, внуком князя Петра Львова-Романовича и многие другие. Но, с божьей помощью, этот заговор не осуществился. Не это ли то доброжелательство, за которое их хвалишь? Не тем ли они за нас душу полагают, что хотели нас погубить, а дядю нашего посадить на престол? Затем они изменническим образом стали уступать нашему врагу, великому князю литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель, — так ли доброжелательствуют? Если в своей земле некого подучить губить родную землю ради славы, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю! [21]

[22]Когда же божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в небесное, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами — никто нам не помогал; осталась нам надежда только на бога, пречистую богородицу, на всех святых и на родительское благословение. Было мне в это время восемь лет; подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца, перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них! Казну матери перенесли в Большую казну, и при этом неистово пихали ее ногами и кололи палками [концами трости], а остальное разделили между собой. А ведь делал это дед твой, Михайло Тучков. Тем временем князья Василий и Иван Шуйские самовольно заняли при мне первые места

и стали вместо царя, тех же, кто больше всех изменяли нашему отцу и матери, выпустили из заточения и привлекли на свою сторону. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея Ивановича, и его сторонники, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, на этом дворе захватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при нашем отце и при нас, и, опозорив его, убили; князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; подняли руку и на церковь: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение, и так осуществили свои желания и сами стали царствовать. Нас же с покойным братом Георгием начали воспитывать, как иностранцев или как нищих. Какой только нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали во-время. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом, — говорили, будто детям боярским на жалованье, а взяли себе, а их жаловали не за дело, назначали не по достоинству; бесчисленную казну нашего деда и отца забрали себе и наковали себе из нее золотых и серебряных сосудов и надписали на них имена своих родителей, будто это их наследственное достояние; но известно всем людям, что при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая [полушерстяная] зеленая на куницах, да еще на ветхих, — так если бы это было их наследственное имущество, то чем сосуды ковать, лучше бы шубу переменить, а сосуды ковать, когда есть лишние деньги. Что касается казны наших дядей, то ее всю захватили. Потом напали на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили

Свержение митрополита Иоасафа Шуйскими.

Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи.

их имения. А как перечесть обиды, которые они причиняли своим соседям? Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами устраивали неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду и за мзду все только и делали.[22]

[23]Так они жили долгое время, но когда я стал подрастать, я не захотел быть под властью своих рабов; князя Ивана Васильевича Шуйского отправил служить вдали от себя, а при себе велел быть своему боярину князю Ивану Федоровичу Бельскому. Но князь Иван Шуйский, собрав многих людей и приведя их к присяге, пришел с войсками к Москве, и его советники, Кубенские и другие, еще до его приезда захватили боярина нашего, князя Ивана Федоровича Бельского, и иных бояр и дворян и, сослав на Белоозеро, убили; а митрополита Иоасафа с великим бесчестием прогнали с митрополии. Потом князь Андрей Шуйский со своими единомышленниками явились к нам в столовую палату, неистовствуя, захватили на наших глазах нашего боярина Федора Семеновича Воронцова, обесчестили его, вытащили из палаты и хотели его убить. Тогда мы послали митрополита Макария и своих бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых передать им, чтобы они его не убивали, и они, с неохотой послушавшись наших слов, сослали его в Кострому; при этом они оскорбляли митрополита, теснили его и разорвали на нем мантию с источниками [цветными полосами], и толкали в спину наших бояр. Не это ли их доброжелательство, что они, вопреки нашему повелению, захватили угодных нам бояр и перебили их, предав мукам? Так ли они душу за государей своих полагают, что ходят на государей войной, сонмищем захватывают людей, и государю приходится сноситься с холопами и упрашивать своих холопов? Хороша ли такая верная служба? Поистине вся вселенная будет смеяться над такой верностью! Что и говорить о притеснениях, совершенных ими в то время? Со времени кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло! [23]

[24]Когда же мы достигли пятнадцати лет, то взялись сами управлять своим царством, и, слава богу, управление наше началось благополучно. Но так как человеческие грехи всегда раздражают бога, то случился за наши грехи по божьему гневу в Москве пожар, и наши изменники-бояре, те, которых ты называешь мучениками (я назову их имена, когда найду нужным), как бы улучив благоприятное время для своей измены, убедили скудоумных людей, что будто наша бабка, княгиня Анна Глинская, со своими детьми и слугами вынимала человеческие сердца и колдовала и таким образом спалила Москву, и что будто мы знали об этом их замысле. И по наущению наших изменников народ, собравшись сонмищем иудейским, с криками захватил в церкви Дмитрия Селунского нашего боярина, князя Юрия Васильевича Глинского; оттуда его выволокли и бесчеловечно убили в Успенском соборе напротив митрополичьего места, залив церковный помост кровью, и, вытащив его тело через церковные двери, положили его на торжище, как осужденного преступника. Это убийство в святой церкви всем известно, а не то, о котором, ты, собака, лжешь! Мы жили тогда в своем селе Воробьеве, и те же изменники убедили народ убить и нас за то, что мы будто бы прятали у себя мать князя Юрия Глинского, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Такие измышления, право, достойны смеха! Чего ради нам самим в своем царстве быть поджигателем? Из родительского имущества у нас сгорели такие вещи, каких во всей вселенной не найдешь. Кто же может быть так безумен и злобен, чтобы, гневаясь на своих рабов, спалить свое собственное имущество? Он бы тогда поджег их дома, а себя бы поберег! Во всем видна ваша собачья измена. Разве же можно кропить на такую высоту, как колокольня Ивана Великого? Это — явное безумие![24] В этом ли состоит достойная служба наших бояр и воевод, что они, собираясь без нашего ведома в такие собачьи сборища, убивают наших добрых бояр, да еще наших родственников? Этим ли душу за нас полагают, что всегда жаждут отправить нас на тот свет? Нам велят свято

чтить закон, а сами нам в этом не следуют! Чего же ты, собака, хвастаешься военной храбростью и хвалишь за нее других собак и изменников? Господь наш Иисус Христос сказал: «если царство разделится, то оно не сможет устоять»; кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобиями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: если в царстве нет благого устройства, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель недостаточно укрепляет войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, не думая об этом, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно; ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; дома ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь утвердить храбрость на самовольстве и междоусобных бранях.

[25]Был в это время при нашем дворе собака Алексей, ваш начальник, еще в дни нашей юности неизвестно каким образом возвысившийся из батожников [низших служителей]; мы же, видя измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли его с вельможами, надеясь на его верную службу. Каких почестей и богатства удостоили мы не только его, но и его род! Какой же верной службой он отплатил нам за это? Дальше услышишь. Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что он, человек, стоящий у престола господня, побережет свою душу; он, коварный, начал сперва как-будто творить благо, следуя священному писанию, и я, зная из писания, что следует без сомнения покоряться добрым наставникам, повиновался ему добровольно, но по неведенью; он же, удостоившийся при жизни нести серафимскую службу, попрал свой священнический обет и право предстоять с ангелами у престола господня, у которого всегда стремятся преклониться ангелы и где вечно приносится в жертву божественный агнец, соблазнился властью, подобно жрецу Илье, и начал, подобно мирским, окружать себя друзьями.[25]

Потом собрали мы всех архиепископов, епископов и весь священный собор русской митрополии[26] и получили прощение от нашего отца и богомольца митрополита всея Руси Макария за то, что мы в юности возлагали опалы на вас, бояр, и за то, что вы, бояре, выступали против нас; после этого мы вас, бояр и всех прочих людей, пожаловали, обещали об этом больше не вспоминать и признали всех вас верными слугами.

Но вы не отказались от своих коварных привычек, снова вернулись к прежнему и начали служить нам не честно, попросту, а с хитростью. Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными; вместо духовных, стали заниматься мирскими делами, мало-по-малу стали подчинять вас, бояр, своей воле, отнимая от нас великолепие нашей власти, приучали вас прекословить нам и нас почти что равняли с вами, а вас — с мелкими детьми боярскими. Мало-по-малу это зло распространилось, и он начал возвращать вам вотчины и села, которые были отобраны от вас по уложению нашего деда, великого государя, и которым не надлежит быть у вас, бросал вотчины словно на ветер и, нарушив уложение нашего деда, привязал этим к себе многих людей. Потом Сильвестр ввел к нам в совет своего единомышленника, князя Димитрия Курлятева, делая вид, что он заботится о нашей душе и занимается духовными делами, а не хитростями; затем начали они со своим единомышленником осуществлять свои злые замыслы, не оставив ни одного места, где бы у них не были назначены свои сторонники, и всегда добиваясь своего. Затем с этим своим единомышленником они лишили нас древней прародительской власти и права распределять честь и места между вами, боярами, и передали это дело на ваше желание и усмотрение, как вам заблагорассудится и будет угодно, окружили себя друзьями и делали все по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все делали по своей воле и воле своих советников.[27] Если мы предлагали даже что-либо хорошее, —

им это было неугодно, а их даже плохие и скверные советы считались хорошими!

Так было во внешних делах; во внутренних же, даже малейших и незначительных делах, мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать — все было по их желанию, я же был, как младенец. Неужели же это противно разуму, что взрослый человек не захотел быть младенцем? Потом вошло в обычай: если я попробую возразить хоть самому последнему из его советников, меня обвиняют в нечестии, как ты сейчас написал в своей облыжной [клеветнической] грамоте, а если последний из его советников говорит мне надменные слова, обращаясь ко мне не как к владыке и даже не как к брату, а как к низшему, — это хорошо; кто нас послушается, сделает по-нашему, — тому гонение и мука, кто раздражит нас или в чем-нибудь утеснит — тому богатство, слава и честь, а если не соглашусь — пагуба моей душе и разорение царству! И так мы пребывали в таком гонении и утеснении, и росло это гонение не день ото дня, а час от часу; все, что было нам враждебно — усиливалось, все же, что было нам по нраву, уничтожалось. Вот какое тогда было православие! Кто сможет подробно перечислить все те притеснения, которым мы подвергались в житейских делах, во время путешествий и во время отдыха, в хождении в церковь и во всяких других делах? Вот как это было: они притворялись, что делают это во имя бога, что творят такие утеснения не из коварства, а ради нашей пользы.

[28]Когда же мы божьей волей с крестоносной хоругвью православного христианского воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ Казанский, одержали победу над этим бусурманским [мусульманским] народом и со всем войском невредимые возвращались во-свояси, какое добро оказали нам люди, которых ты называешь мучениками? А вот какое: как пленника, посадив в судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и невернейшую землю![28] Если бы рука всевышнего не защитила меня, навер-

няка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство тех людей, про которых ты говоришь, что они душу за нас полагают, — хотят выдать нас иноплеменникам!

По возвращении в царствующий град Москву бог оказал нам милосердие и дал нам наследника — сына Димитрия; когда же, немного времени спустя, я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Алексеем во главе, восстали, как пьяные, решили, что нас уже не существует[29] и, не заботясь о нашей душе и своих душах, забыв присягу нашему отцу и нам — не искать себе иного государя, кроме наших детей, — решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от бога, погубить, подобно Ироду. Говорит ведь древнее изречение, хоть и мирское, но справедливое: «царь царю не кланяется, но, когда один умирает, другой принимает власть». Вот каким доброжелательством от них мы насладились еще при жизни, — что же должно было стать после нас! Когда же мы, слава богу, выздоровели, и замысел этот рассыпался в прах, поп Сильвестр и Алексей и после этого не перестали утеснять нас и давать злые советы, под разными предлогами изгоняли наших доброжелателей, во всем потакали князю Владимиру, преследовали ненавистью нашу царицу Анастасию и уподобляли ее всем нечестивым царицам, а про детей наших и вспомнить не желали.

В это время собака и изменник, князь Семен Ростовский, который был принят нами в думу не за свои достоинства, а по нашей милости, изменнически выдал наши замыслы литовским послам, пану Станиславу Довойно с товарищами, и говорил им оскорбительные слова про нас, нашу царицу и наших детей, мы же, расследовав это злодейство, наказали его, но милостиво.[30] А поп Сильвестр после этого вместе с вами, злыми советниками своими, стал оказывать этой собаке всяческое покровительство и помогать ему всякими благами, и не только ему, но и всему его роду. Таким образом, после этого всем изменникам было хорошо, а мы терпели притеснения; ты

также в этом участвовал: известно, что вы с Курлятевым-сыном хотели устраивать суд по делу Сицкого.[31]

[32] Когда же началась война с германцами [ливонцами], о которой дальше будет написано подробнее, поп Сильвестр с вами, своими советниками, жестоко на нас за нее восстал: когда за свои грехи заболевал я, наша царица или наши дети,— все это, по их словам, случалось за наше непослушание им! Как не вспомнить немилостивый обратный путь из Можайска с больной царицей Анастасией?[32] Из-за одного неподобающего слова! Молитв, путешествий к святым пустыням, приношений и обетов о душевном спасении и телесном выздоровлении и о благополучии нас самих, нашей царицы и детей — всего этого нас коварно лишили, о врачебном же искусстве против болезни и помянуть нельзя было.

Пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие, мы, расследовав измены собаки Алексея Адашева и всех его советников, [33]наказали их за все это, но милостиво: смертной казнью не казнили, а разослали по разным местам. Поп же Сильвестр, увидя, что его советники впали в ничтожество, ушел по своей воле, но мы, благословив его, не отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что за его коварную службу и понесенные от него телесные и душевные страдания мы хотим судиться с ним не здесь, а в будущей жизни, перед агнцем божьим. Поэтому и сыну его я и до сих пор позволил пребывать во благоденствии, только являться к нам он не смеет. Кто же, кроме тебя, будет говорить такую нелепость, что следует повиноваться попу? Видно, вы потому так говорите, что немощны слухом и не узнали как следует христианский монашеский устав, поэтому вы и требуете для взрослого человека учителя, словно молока вместо твердой пищи. Как я выше сказал, я не сделал Сильвестру никакого зла. Что же касается мирских людей, бывших под нашей властью, то мы наказали их по их изменам: сначала никого не казнили смертной казнью, но всем, кто не был с ними заодно, повелели с ними не об-

щаться, в чем и была взята присяга; но те, кого ты называешь мучениками, и их сообщники презрели наш приказ и нарушили присягу, и не только не отстали от этих изменников, но стали им помогать еще больше и всячески старались вернуть их на первое место, чтобы устраивать против нас еще более коварные заговоры, и так как тут обнаружилась неутолимая злоба и непокорство, то виновные получили наказание, достойное их вины.[33] Не из-за того ли, что я не подчинился тогда вашей воле, ты и попрекаешь меня отступничеством? Вы, бессовестные, привыкли нарушать клятвы ради золота, — видно вы и нам то же советуете? Скажу поэтому: избавь, боже, нашу душу и все христианские души от этих иудиных замыслов! Ибо, как Иуда ради золота предал Христа, так и вы, ради наслаждений мира сего, нарушив присягу, предали православное христианство и нас, своих государей.

В церквах же, как ты лжешь, казней у нас не было. Как я выше сказал, виновные понесли наказание по своим винам; все было так, как я рассказал, а не так, как ты лжешь, неподобающим образом называя изменников и блудников — мучениками, кровь их — победоносной и святой, наших врагов — сильными мучениками, отступников — воеводами; выше я указал, каково их доброжелательство и как они за нас полагают души. Нечего тебе говорить, ибо мы никого не облыгали, а измена их известна всему миру: если хочешь, можешь найти свидетелей этих злодейств даже среди варваров [иноземцев], приходящих к нам по торговым и посольским делам. Так это было; ныне же даже те, кто были в согласии с вами, вкусили все блага свободы и благосостояния, им не вспоминают их прежних проступков, и они находятся в прежней чести и богатстве.

Что же ещё? [34]Вы и на церковь восстаете и не перестаете умышлять против нас всяческие злодейства, вступаете против нас в союз с иноплеменниками и подстрекаете их к истреблению христиан; разъярившись на человека, вы, как я сказал выше, восстали на бога и на церковь; как сказал божественный

Павел: «За что же гонят меня братья, если я и теперь проповедую обрезание? Тогда соблазн креста упразднился бы. Пусть же содрогнутся возмущающие нас!». И так же, как им вместо креста было потребно обрезание, так вам вместо государской власти потребно самовольство; но теперь ведь нет притеснений: почему же не прекращаете гонений? [34]

Все это я излагаю тебе подробно, чтобы ты понял, почему твоему разуму противен тот, кто знает, у кого прокаженная совесть. Что же говорить о безбожниках, если во всей вселенной нет равных тебе по дьявольским замыслам! И всем ясно также, чего достойны те, которых ты, сочиняя небылицы, подобно Антенору и Энею, предателям Троянским,[35] называешь сильными, воеводами и мучениками. Выше я показал, каковы их доброжелательство и душевная преданность; вся вселенная знает их ложь и измены.

[36]Свет же во тьму я не превращаю и сладкое горьким не называю. Не это ли, по-твоему, свет и сладость, если рабы господствуют? И не это ли тьма и горечь, если господствует данный богом государь, как я пространно писал тебе выше? Ты ведь в своей облыжной грамоте писал, поворачивая разными словами, все одно и то же, восхваляя такой порядок, когда рабы властвуют помимо господ. Я же стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного бога, в троице славимого, и данного им богом государя и отказались от междоусобных браней и преступной жизни, подрывающих царства. Это ли горечь и тьма — отойти от зла и сотворить добро? Это ведь и есть сладость и свет! Там, где царю не повинуются подданные, никогда не прекращаются междоусобные брани. Что может быть зловреднее обычая хватать для самого себя! Сам не зная, где сладость и свет, где горечь и тьма, других поучает. Не это ли сладость и свет — отойти от добра и начать творить зло среди самовластия и междоусобных браней? Всякому ясно, что это — не свет, а тьма, и не сладость, а горечь.

О вине наших подданных и нашем гневе на них. До сих пор русские властители ни от кого не подвергались допросу, могли по своей воле жаловать и казнить своих подданных; до сих пор они ни с кем не судились, но если и подобает изъяснять их вины, то я сказал о них выше. Ты же называешь христианскими предстателями [заступниками] тленных [смертных] людей, как это делалось в отвратительных сочинениях эллинов — они ведь уподобляли богу Аполлона, Дия, Зевса и многих других скверных людей, как рассказывает Григорий, названный богословом [следует цитата из византийского церковного писателя Григория Богослова против эллинских языческих обрядов]. Им и ты уподобился по своим стремлениям, ибо тоже называешь тленных [смертных] предстателями, не страшась наказания за дерзость. Так же как эллины почитали богов в соответствии со своими страстями, так и ты восхваляешь изменников, будучи изменником сам, так же как они вместо бога чтили свои тайные страсти, так же и ты вместо правды восхваляешь вашу тайную измену. Мы же, христиане, верим в Иисуса Христа, прославляемого в троице [следуют цитаты из Библии]. Мы называем предстателями триединого бога, которого познали через Иисуса Христа, и заступницу христианскую, пречистую богородицу; имеем еще предстателей: небесные силы, архангелов и ангелов, — например архангел Михаил был покровителем Моисея, Иисуса Навина и всего Израиля, он же был покровителем и для первого христианского царя Константина, незримо участвуя в его походах и побеждая его врагов, с тех пор и поныне он помогает всем благочестивым царям. Вот кто наши предстатели: Михаил, Гавриил и другие бесплотные силы; молятся же за нас перед богом пророки, апостолы, святители и мученики, добродетельные и святые и молчальники — мужчины и женщины. Вот кто предстатели христиан! Смертных же людей, которых можно было бы назвать предстателями, мы не знаем: это название не только не подобает нашим подданным, но неприлично и нам, царям, — хотя мы и носим порфиру,

украшенную золотом и бисером, но все же мы тленны [смертны] и подвержены человеческим немощам. Ты же не стыдишься именовать изменников и смертных людей покровителями, хотя Христос говорил в святом Евангелии: «То, что для людей высоко, для бога — мерзость». Ты же приписываешь изменникам, смертным людям не только человеческое величие, но и божью славу! Подобно эллинам, ты в умоисступлении и неистовстве чтишь изменников, избирая их по своей страсти, как эллины чтили своих богов! Одни резали и всячески мучили себя в честь богов; другие, уподобляясь богам, предавались всяким страстям, как говорил божественный Григорий: они поклонялись скверне и жестокости; так и тебе подобает. И так же как они разделили участь своих прескверных богов, так и тебе следует разделить страдания твоих друзей-изменников и вместе с ними погибнуть. Так же как эллины называли скверных людей богами, так и ты неподобающим образом именуешь смертных людей мучениками, и поэтому следует и тебе устраивать в честь их праздники, плясать и гудеть, резать и мучить себя. Делай то же, что эллины: пострадай, как они, празднуя в честь своих мучеников![36]

[37] А что ты писал, будто бы «эти предстатели покорили и подчинили прегордые царства, под властью которых были ваши предки», — это справедливо, если речь идет об одном Казанском царстве, под Астраханью же вы не только не воевали, но и в мыслях не были. А насчет бранной храбрости снова могу тебя уличить во лжи. О, безумие! Что ты хвалишься, надменный! Предки ваши, отцы и дяди были так храбры и мудры, что вам и во сне не сравняться с ними, и шли в бой не так, как вы, — не по принуждению, а по собственной воле, и такие храбрые люди в течение тринадцати лет до нашего возмужания не могли защитить христиан от варваров! Скажу словами апостола Павла: «подобно вам, буду хвалиться; вы меня к этому принуждаете, ибо вы, безумные, терпите власть, когда вас объедают, когда бьют вас в лицо, когда превозносятся; я говорю это с досадой». Всем ведь из-

вестно, как жестоко пострадали православные от варваров — и от Крыма, и от Казани: почти половина земли пустовала. А когда мы, с божьей помощью, начали войну с варварами, когда в первый раз послали на Казанскую землю своего воеводу, князя Семена Ивановича Микулинского с товарищами, вы все говорили, что мы посылаем их в наказание, в виде опалы, а не для дела. Какая же это храбрость, если вы считаете службу за опалу? Так ли следует покорять прегордые царства? Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили по желанию, а не по принуждению? Когда же бог оказал нам свое милосердие и покорил христианству этот варварский народ, то и тогда вы настолько не хотели воевать с нами против варваров, что из-за вашего нежелания к нам не явилось более пятнадцати тысяч человек! [37] Тем ли вы разрушаете прегордые царства, что внушаете народу безумные мысли и, подобно Янушу [Заполе] Венгерскому, отговариваете от битвы? [38] Ведь и тогда, когда мы были там, вы все время давали вредные советы, а когда запасы утонули,[39] предлагали вернуться, пробыв только три дня! И никогда вы не соглашались потратить лишнее время, чтобы дождаться благоприятных обстоятельств; думая о своих головах, а не о победе, вы стремились только к одному: поскорее победить или быть побежденным и вернуться во-свояси. Ради скорейшего возвращения вы не взяли с собой самых лучших воинов, из-за чего потом было пролито много христианской крови. А разве при взятии города вы не собирались, напрасно губя православное воинство, начать битву в неподходящее время, и сделали бы это, если бы я вас не удержал? Когда же город по божьему милосердию был взят, вы, вместо устроения, занялись грабежом! Это ли покорение царств, которым ты так надменно хвалишься? Ни единой похвалы оно; по правде говоря, не стоит, ибо все это вы совершили не по желанию, а как рабы — по принуждению и даже с ропотом. Лишь те воины достойны похвалы, которые воюют по собственному побуждению, с охотой. А подчинили вы эти царства так, что там еще семь лет не утихала

бранная лютость! [40]Когда же кончилась ваша с Алексеем собачья власть, тогда это государство само нам подчинилось и теперь оттуда ходят на помощь православию больше тринадцати тысяч воинов. Так-то вы покорили и подчинили нам прегордые царства! И так заботимся о христианстве мы, кого ты злобно обвиняешь в выступлении против разума!

Это о Казани, а на Крымской земле и на пустых землях, где бродили звери, теперь устроены города и села. А что стоит ваша победа на Днепре и на Дону? Сколько урона и пагубы вы наделали христианам, а врагам — никакого вреда! Об Иване же Шереметьеве что и говорить? Из-за вашего злого совета, а не по нашей воле, совершилась эта пагуба христианству. Такова ваша верность и добрая служба и так вы покоряете и подчиняете нам прегордые царства, как я уже выше указывал.[40]

Германские [ливонские] города по-твоему достались нам благодаря старанию наших изменников. Как же ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь! Вспомни как, когда началась война с германцами [ливонцами], мы послали своего слугу царя Шигалея и своего боярина Михаила Васильевича Глинского с товарищами воевать против германцев, сколько мы услышали укоризненных слов от попа Сильвестра, от Алексея и от вас — не стоит подробно и рассказывать! Что бы плохое ни случилось с нами — все это происходило из-за германцев! Когда же мы послали тебя и нашего боярина и воеводу Петра Ивановича Шуйского на год против германских городов (ты был тогда в нашей вотчине, Пскове, ради собственных нужд, а не по нашему поручению), мне пришлось более семи раз посылать к вам, пока вы, наконец, пошли с небольшим числом людей и лишь после многих наших напоминаний взяли свыше пятнадцати городов. Это ли ваше старание, если вы берете города после наших писем и напоминаний, а не по собственному стремлению? Как не вспомнить вечные возражения попа Сильвестра, Алексея и всех вас против похода на германские города, и как, из-за коварного пред-

ложения короля Датского, вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы?[41] [42]Сколько христианского народу они перебили, напав на нас в начале зимы! Не это ли старания наших изменников? Вот старания наших изменников и ваше добро — губить христианский народ! Потом мы послали вас с вашим начальником Алексеем и с очень большим числом людей; вы же едва взяли один Вильян [Вильянди, Феллин] и при этом еще погубили много народа. Испугались литовских войск, словно малые дети! А под Пайду [Пайде, Вайссенштейн] вы пошли нехотя, по нашему приказу, измучили войска и ничего не добились! Это ли ваши старания, так-то вы старались завладеть германскими городами? Если бы не ваше дьявольское противодействие, то, с божьей помощью, в том же году вся Германия была бы под православной верой. Тогда же вы подняли против православия литовский народ и готский [шведский].[42] Это ли ваши старания и так-то вы стремитесь укреплять православие?

Поголовно мы вас не истребляем, но изменникам всюду бывает казнь: в той стране, куда ты поехал, ты узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны бо́льших казней и опалы; мы еще милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то тебе бы не удалось уехать от нас к нашему врагу: если бы мы тебе не доверяли, то ты не был бы отправлен в этот наш город, и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в эту нашу вотчину, и ты изменил нам, как собака.

[43]Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть — общая обязанность всех людей за адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но знаю, что по природе я так же немощен, как и все люди. А то, что вы мудрствуете и хотите, чтобы я был выше законов природы, это — совершенная ересь. Я уже сказал, что благодарю моего господа, что сумел, сколько было сил, укрепить свое благочестие. Это же достойно смеха, человек, выходит, подобен скоту; если так считать, то у человека пар вместо души: это ведь саддукейская ересь! Вот до какой нелепости ты дошел в своем безумном письме! Я же верю в Страшный

суд, когда все души и тела всех людей, царей и нищих, будут собраны, судимы за свои дела и разделены на две части, по их делам. А когда ты писал, что я не хочу предстать перед этим неподкупным судом, то, приписывая ересь другому, сам обнаруживал дьявольскую манихейскую ересь! Так же как они гнусно сочиняют, что небом обладает Христос, землей — самовластный человек, а преисподней — дьявол, так и ты проповедуешь будущее судилище, а божьи кары за человеческие грехи на этом свете презираешь. Я же знаю и верю, что те, кто живут злой жизнью и преступают божьи заповеди, не только там получают кару, но и здесь испивают чашу ярости господней за свои злодейства и испытывают многообразные наказания, а придя на тот свет, в ожидании праведного господнего суда, претерпевают горчайшее осуждение, а после осуждений — бесконечные муки. Так я верю в Страшный суд господен. Вопреки манихеям, вопреки твоим гнусным выдумкам, будто я не хочу дать ответ в своих грехах, я знаю, что Христос владеет и распоряжается всем на небе, земле и в преисподней и карает мучениями непокорных. Верю, что мне, как рабу, предстоит суд не только за свои грехи, вольные и невольные, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности; не достойна ли смеха твоя выдумка, что возможно не повиноваться царю царей, если даже человеческая власть может привлекать к суду силой? Если даже кто-нибудь будет настолько безумен, что не захочет повиноваться богу, то где же он укроется от его гнева? [следуют библейские цитаты о вездесущем боге]. Так я верую в неподкупный господен суд. Кто, живой или мертвый, может ускользнуть от божьей десницы? Все обнажено и все открыто перед ним.[43]

[44]Я знаю, что истинный бог наш Христос — противник гордых гонителей [следует библейская цитата]. Рассудим же, кто из нас горд: я ли, требующий повиновения только от рабов, данных мне от бога, или вы, отвергающие мое владычество, установленное богом, и свое рабское состояние, требующие, чтобы я исполнял вашу волю, как божью, и присваивающие

себе учительский сан? [следует цитата из византийской церковной литературы, запрещающая «учить старцев, не имея бороды»]. Где гордость: когда господин учит раба или когда раб приказывает господину? Даже невежда может это понять. Как же ты, собака, и о том не подумал, что когда три патриарха с множеством святителей написали длинный список нечестивому царю Феофилу, они все-таки не написали ему таких хулений, как ты; а ведь царь Феофил был нечестив; а благочестивым царям надо писать как можно смиреннее, если хочешь получить милость от бога. Я же верю в бога и таких грехов, как Феофил, ни одним движением сердечным не совершил, и если они, имея власть, не хулили нечестивого, то кто ты такой, чтобы, присваивая учительский сан, так неистово меня хулить? Вы хотите утвердить божий закон насилием и таким дьявольским произволом нарушаете апостольские заветы [следует библейская цитата].[44]

[45]Вы обвиняете других в гонениях: а вы с попом и Алексеем не совершали гонений? Разве не вы приказали народу города Коломны побить каменьями нашего советника епископа коломенского Феодосия? Но бог сохранил его, и тогда вы согнали его с престола. А что сказать о нашем казначее Никите Афанасьевиче? Зачем вы разграбили его имущество, а самого его много лет держали в заточении в отдаленных землях, в голоде и нищете? Кто может полностью перечислить ваши гонения на церковных и мирских людей — так много их было! Все, кто были хоть немного покорны нам, подвергались от вас гонению. Это ли ваша праведность, что вы, подобно бесам, сшиваете и расставляете сети и коварно улавливаете в них жертвы? Ваши беззакония становятся еще хуже оттого, что вы ведете себя подобно фарисеям: как они снаружи представлялись праведными, внутри же были полны лицемерия и греха; так и вы перед людьми делаете вид, что наказываете ради исправления, а внутри себя даете волю неправедному гневу, — все знают о ваших гонениях. На Страшном же суде будут не только разбирать наши дела «до власти», но и в душу загля-

нут [следует цитата из Библии], но только не ты будешь судьей.[45] В деяниях святых старцев рассказывается об Иване Колове, который осудил своего брата, жившего в большом монастыре и предававшегося пьянству, блуду и прочим грехам и скончавшегося среди этих грехов. Иван же вздохнул о нем и внезапно явилось ему видение: увидел он себя стоящим перед большим городом и увидел господа нашего Иисуса Христа на престоле и вокруг него множество ангелов. И принесли ангелы душу этих покойников к Ивану и попросили его суда, куда он велит отправить эти души, он же не дал ответа. Когда же Иван приблизился к райским вратам, то Иисус не пустил его, и услышал он издали голос Иисуса: «Не это ли антихрист, присваивающий себе мой суд?». И после этих слов он был изгнан, и ворота закрылись, и он был лишен своей священнической мантии — покрова божьего. Когда же он пришел в себя, то мантии не оказалось, а это — важный признак. После этого он пятнадцать лет страдал в пустыне, не видя не только человека, но и зверя и, наконец, снова удостоился видения, получив прощение и мантию. Смотри же, бедняга, — он даже не осудил ближнего, а только вздохнул, а как страшно пострадал, хотя и был праведником! Насколько же сильнее пострадают те, которые сами совершают нечестивые дела, и все-таки присваивают себе божий суд и, гордясь, стращают и угрожают, а не милостиво упрекают. И если он так пострадал за упреки, насколько же сильнее пострадает осуждающий!

Ты хочешь, чтобы Христос, бог наш, был судьей между мной и тобой, — я не отказываюсь от такого суда. Ведь он, господь наш, наилучший судья для праведных, он знает, что́ внутри человека и в его сердце, и все, что́ кто-нибудь подумает в мгновение ока, для него открыто и известно — ничего не укроется от огня очей его, знающего сокровенные тайны; он знает, за что вы восстали на меня, за что ненавидите меня, за что пострадали, и за какое безумие я, в конце концов, воздал вам милостивое наказание. Наоборот — вы виновники всего, ибо вы, говоря словами пророка, считали меня за червя,

а не за человека, толковали обо мне, сидя у ворот, и пели обо мне, выпивая вино с другими изменниками, пусть же судит все ваши льстивые советы и замыслы истинный судья — Христос, бог наш. Ты ведь хочешь поставить судьей Христа, а делам его не следуешь, ибо он говорил: пусть не зайдет солнце, пока вы будете гневаться, а ты даже на Страшный суд хочешь итти без прощения и отрекаешься от обидчиков.

[46]Напрасных гонений и зла ты от меня не претерпевал, бед и напастей мы на тебя не навлекали, а если какое-нибудь небольшое наказание и было, то было оно за твое преступление, ибо ты вступил в соглашение с нашими изменниками. Не возводили мы на тебя лжи и не приписывали тебе измены, которой ты не совершал; за твои же действительные проступки мы возлагали на тебя наказание, соответствующее вине. Если же ты не можешь пересказать всех наших опал из-за множества их, то может ли вся вселенная перечислить все измены и притеснения в государственных и частных делах, которые вы причинили мне по вашему дьявольскому умыслу? Ничего мы тебя не лишали, от божьей земли тебя не отлучали, но ты сам лишил себя всего, подобно скопцу Евтропию, — не церковь его предала, а сам он от нее отрекся, так и ты: не божья земля тебя изгнала, а сам ты от нее отторгся и принялся губить ее. Какое же я тебе сделал зло и какую обнаружил ненависть? Видели мы тебя с юности при нашем дворе и в совете, и еще до нынешней твоей измены ты всячески пытался нас погубить, но мы никогда не наказывали тебя за твои злые замыслы. Это ли наше зло и неумолимая ненависть, если, зная, что ты замышляешь против нас зло, мы держали тебя в таком приближении и чести, какой не удостоивались твои отцы: всем ведь известно, в какой чести и богатстве жили твои родители, и какие пожалования, богатство и честь имел твой отец, князь Михайло. Все знают, каков ты по сравнению с ним, сколько было у твоего отца управителей по селам, и сколько у тебя. Отец твой, князь Михайло, был боярином Кубенского, ты же был наш боярин: мы удостоили тебя этой

чести. Разве не достаточно было тебе чести, имения и наград? Нашими пожалованиями ты был лучше своего отца, а заслугами — хуже, ибо совершил измену. Но если так, чем же ты недоволен? Это ли твое добро и любовь к нам, если ты всегда тщательно расставлял против нас сети и препятствия и, подобно Иуде, предназначал свою душу для гибели? [46]

[47]А что, по твоим безумным словам, твоя кровь, пролитая от рук иноплеменников ради нас, вопиет на нас к богу, то, раз она не нами пролита, это достойно смеха: кровь вопиет на того, кем она пролита, а ты выполнял свой долг перед отечеством; ведь если бы ты этого не сделал, то был бы не христианин, но варвар. Вот о нас можно так сказать: насколько сильнее вопиет к богу наша кровь, пролитая из-за вас; не кровавый поток из ран, но пот, пролитый мною при многих непосильных трудах и ненужных отягчениях, совершенных по вашей вине! Также взамен крови я пролил немало и слез из-за вашей злобы и притеснений, немало вздыхал и стенал и испытал из-за этого оскорблений, ибо вы не возлюбили меня и не поскорбели вместе со мной о нашей царице и детях. И это мое страдание вопиет на вас к богу еще более, чем другие ваши злодейства: ибо одно дело пролить кровь за православие, а другое — желая чести и богатства. Такая жертва богу не угодна: он скорее простит удавившемуся, чем погибшему ради славы. Мои же обиды и то, что, хоть крови я не пролил, но зато испытал от вас оскорбления и противодействия, все, что было посеяно вашей строптивой злобой, не перестает жить и непрестанно вопиет на вас к богу! Совесть же свою ты вопрошал не искренне, а лживо, и потому не нашел истины, думая только о военных подвигах, а о бесчестии, нанесенном нам, не пожелал вспомнить; поэтому ты и считаешь себя неповинным.[47]

[48]Какие же светлые победы ты совершал и когда ты со славой одолевал наших врагов? Когда мы послали тебя в нашу отчину Казань привести к повиновению непослушных, ты, вместо виновников, привел к нам невинных, обвинив их в из-

мене, а тем, против кого ты был послан, ты не причинил никакого вреда. Когда наш недруг, крымский царь, приходил к нашей вотчине Туле, мы послали вас против него, но царь устрашился и вернулся назад, и остался только его воевода Ак-Магомет-улан с немногими людьми; вы же поехали есть и пить к нашему воеводе Григорию Темкину, и только после пира отправились за ними, и они ушли от вас целы и невредимы. Если вы и получили при этом многие раны, то никакой славной победы не одержали. А как же под городом Невелем: пятнадцатью тысячами человек вы не смогли победить четыре тысячи, и не только не победили, но сами от них едва возвратились, ничего не добившись? Это ли светлая и славная победа, достойная похвалы и чести? А если что было не в твоей власти, то это тебе в вину и не ставится![48]

А что ты мало видел свою родительницу, мало встречался с женой, покидал отечество и вечно находился в походе против врагов в дальних городах,[49] терпел болезни и раны от варварских рук и поныне страдаешь от многих ран, — то ведь все это происходило тогда, когда господствовали вы с попом и Алексеем. Если это вам не нравилось, зачем вы так поступали? Зачем, сделав это своей властью, возлагаете на нас вину? А если бы и мы это приказали, то тут нет ничего удивительного, ибо вы обязаны были служить по нашему повелению. Если бы ты был воинственным мужем, ты бы не считал своих прежних бранных подвигов, а стремился бы к новым; потому ты и считаешь свои бранные подвиги, что ты оказался беглецом, не вынесшим бранных подвигов и захотевшим покоя. Разве же мы презрели твои небольшие ратные подвиги, если мы забывали заведомые твои измены и противодействия и ты был среди наших вернейших слуг по славе, чести и богатству? Если бы не было этих подвигов, то какого наказания ты заслужил бы за свое злодейство! Если бы не наше милосердие к тебе, если бы, как ты писал в своем дьявольском письме, ты подвергся гонению, тебе не удалось бы убежать к нашему недругу. Твои бранные дела нам хорошо известны. Не думай, что я слабоумен

или неразумный младенец, как нагло утверждали ваши начальники, поп Сильвестр и Алексей. Не надейтесь запугать нас страшилищами, которыми пугают детей: если это не удалось вам прежде, не думайте, что сделаете это теперь. Как сказано в притчах: «Не покушайся на то, чего взять не можешь».

Ты пишешь, что ждешь воздаяния от бога, — поистине, время справедливо воздает за всякие дела — добрые и злые, но только следует каждому человеку рассудить: кто какого воздаяния заслуживает за свои дела? Пишешь, что мы не увидим твоего лица до дня Страшного суда, — видно ты дорого ценишь свое лицо. Но кому же нужно такое эфиопское лицо видеть? Встречал ли кто-нибудь честного человека, который бы имел серые глаза? Ведь даже твой вид обнаруживает твой коварный нрав![50]

[51]А если ты не собираешься молчать и всегда будешь обращаться с молитвами против нас к пребезначальной троице и к пречистой богородице и ко всем святым, то, даже если бы ты и справедливо молился, вспомни-ка, окаянный, что сказано об этом в послании божественного [Дионисия] о епископе Поликарпе [следует рассказ Дионисия Ареопагита и сходный с ним другой рассказ о святом муже, молившемся против грешников, молитву которого не принял Христос; после обоих рассказов заключение:] И если такого праведного и святого мужа, справедливо молившегося о гибели грешников, не послушал ангельский владыка, то тебя, смердящего пса, злого изменника и грешника, молящегося о злом, наверное не послушает [следуют библейские цитаты].[51]

[52]О святом князе Федоре Ростиславиче — с охотой принимаю его в судьи, хотя он вам и родственник, ибо святые видят, что было между вами и нами от начала и доныне, и поэтому рассудят справедливо. А как, вопреки вашим суетным злым немилосердным замыслам, святой Федор Ростислáвич действием святого духа исцелил нашу царицу Анастасию, которую вы уподобляли Евдоксии? Ясно поэтому, что он не вам способствует, но нам, недостойным, оказывает свою милость.

Так и теперь мы надеемся, что он будет помогать более нам, чем вам, ибо «если бы вы были детьми Авраама, то творили бы дела Авраама, а бог может и из камней сделать детей Аврааму». Не все ведь, произошедшие от Авраама, считаются его потомством, но только те, кто живут в вере Авраама.[52] По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на лживое основание ногами своими не опираемся, но, поскольку у нас хватает сил, стремимся к твердым решениям и, опершись ногами на прочное основание, стоим на нем непоколебимо.

Никого мы из своей земли не изгоняли, а если кто отпал от православия, то по своей воле. Избитые же и заточенные, как я выше сказал, получили наказание по своей вине. А если вы называете себя невинными, то совершаете еще худший грех, ибо, сотворив зло, не хотите раскаяться и получить прощение. Грех ведь не тогда опасен, когда его совершают, а когда, совершив его, не приносят покаяния и выдают нарушение закона за законный поступок. Радоваться же победе над вами мне незачем; не радостно узнать об измене своих подданных и казнить их за эту измену. Скорее надлежит скорбеть, что у них мог возникнуть такой дьявольский замысел — сопротивляться своему владыке, данному богом. Возможно ли, чтобы эти убиенные за свою измену предстали перед господним престолом? Да и не может быть людям это ведомо. Вы же, изменники, вопиете неправедно и не получите просимого, ибо, как было сказано выше, просите ради баловства.

Ничем я не горжусь и не хвастаюсь, и нечем мне гордиться, ибо я исполняю свой царский долг и никого не считаю выше себя. Скорее это вы гордитесь, ибо, будучи рабами, присваиваете себе святительский и царский сан и учите, запрещая и повелевая. Никаких средств для мучения христиан мы не придумываем, а, напротив, сами готовы мучиться ради них от их врагов не только до крови, но и до смерти. Подданным своим воздаем добром за добро и наказываем злом за зло, и не потому, что нам хочется их наказывать, а по нужде —

из-за их злодейских преступлений, ибо сказано в Евангелии: «когда состаришься, то прострешь руки свои и другой тебя перепояшет и поведет, даже если не хочешь». Видишь ли, что часто я не хочу, но приходится наказывать преступников за их преступления. [53]Пишешь, что мы надругаемся над монашеством и потакаем ласкателям — не знаю каким, не остаткам ли вашего дьявольского совета? Среди бояр наших нет несогласных с нами, кроме только ваших друзей и советников,[53] которые и теперь, подобно бесам, не оставляют своих коварных замыслов [следуют библейские цитаты]. Губителей нашей души и тела среди нас нет. Ты опять помышляешь помыкать мною, как младенцем, — вы ведь называете гонением, если я не хочу, подобно ребенку, быть в вашей воле. Вы же всегда хотите быть мне и властителями и учителями, как младенцу. Мы же уповаем на божью милость, ибо достигли возраста Христова, и помимо божьей милости, милости богородицы и всех святых не нуждаемся ни в каких наставлениях от людей, ибо невозможно, властвуя над множеством народа, добиваться наставлений от других.[54] [55]Насчет кроновых жрецов ты писал нелепости, лая, подобно псу, или изрыгая яд, подобно змее: родители не станут причинять своим детям таких неприятностей — как же мы, цари, имеющие разум, можем впасть в такое нечестие? Все это ты писал по своему дьявольскому, собачьему умыслу. А если ты свое писание хочешь с собою в гроб положить, значит, ты уже окончательно отпал от христианства. Господь повелел не противиться злу, ты же и перед смертью не хочешь простить врагам, как делают по обычаю даже невежды; поэтому над тобой не должно будет совершать и последнего отпевания.[55]

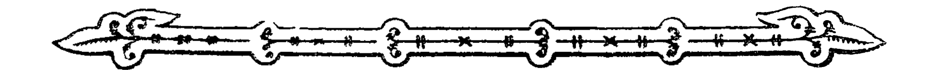
Город Владимир [Волмер, Валмиеру], находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь городом нашего недруга, короля Сигизмунда.[56] Этим ты доводишь свою собачью измену до конца. А что ты надеешься получить от него многие пожалования — это правильно, ибо вы не захотели жить под властью бога и данных богом государей, а захотели

самовольства; поэтому ты по своему дьявольскому умыслу и искал себе такого государя, который ничем сам не управляет, но хуже последнего раба — от всех принимает повеления, сам же никем не повелевает. Но ты не найдешь себе там утешения, ибо там каждый о себе заботится: «Кто избавит тебя от насилий со стороны обидчиков, если даже сироты и вдовы не находят правого суда?», ибо вы — враги христианства! [57]

[58]Об антихристе мы слыхали, — вы, замышляющие зло против божьей церкви, поступаете подобно ему. О «сильных во Израиле» и о пролитии крови я уже писал; а что мы якобы потакаем кому-либо — неправда, это вы не переносите возражений, а любите, чтобы вам потакали. Никакого советника, рожденного от блуда, мы не знаем, — наверное, это кто-нибудь из вас, а моавитянин и аммонитянин — ты сам. Так же, как они, происходя от Лота, сына Авраама, всегда воевали с Израилем, так и ты, происходя из государского рода, беспрестанно стремишься нас погубить.[58]

[59]Писал ты свое письмо, выступая как бы судьей или учителем, но ты не имеешь на это права, ибо повелеваешь с угрозами. Как все это напоминает коварство дьявола! Он ведь то заманивает и ласкает, то гордится и пугает, так и ты: то, впадая в безмерную гордость, ты воображаешь себя правителем и пишешь обвинения против нас; то притворяешься беднейшим и скудоумнейшим рабом. Как и другие, бежавшие от нас, ты написал свое письмо собачьим неподобающим образом — в исступлении ума, в неистовстве, по-изменнически и по-собачьи, как подобает одержимому бесом [следуют пространнейшие цитаты из Библии и из сочинений византийских духовных писателей против лиц, присваивающих себе права правителей, учителей и священников].

Дано это крепкое наставление в Москве, царствующем православном граде всей России в 7072-м году, от создания мира в 5-й день июля [5 июля 1564 г.].[59]



ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ (1570)

Некоторое время тому назад брат твой, король Эдуард, послал нескольких своих людей, Ричарда и других, для каких-то надобностей по всем странам мира и писал ко всем королям и царям и властителям и управителям. А на наше имя ни одного слова послано не было. Неизвестно каким образом, волею или неволею, эти люди твоего брата, Ричард с товарищами, пристали к морской пристани у нашей крепости на Двине.[1] Тогда мы, как подобает государям христианским, милостиво оказали им честь, приняли и угостили их за государевыми парадными столами, пожаловали и отпустили к твоему брату.[2] А затем приехал к нам от твоего брата тот же Ричард Ричардов [Ченслер] и Ричард Грей. Мы их также пожаловали и отпустили с честью. И после того как к нам приехал от твоего брата Ричард Ричардов,[2] мы послали к твоему брату своего посланника Осипа Григорьевича Непею. А купцам твоего брата и всем англичанам мы дали такую свободную жалованную грамоту, какую даже из наших купцов никто не получал, а надеялись за это на великую дружбу со стороны вашего брата и вас и на верную службу всех англичан. В то время, когда мы послали своего посланника, брат твой Эдуард скончался, и на королевство вступила твоя сестра Мария; спустя некоторое время она вышла замуж за испанского короля Филиппа. И испанский король Филипп и сестра твоя Мария приняли нашего посланника с честью и к нам отпустили,

но поручения с ним никакого не передали.[3] В то же время ваши английские купцы начали совершать над нашими купцами многие беззакония и свои товары начали продавать по столь дорогой цене, какой они не стоят. А после этого стало нам известно, что сестра твоя, королевна Мария, скончалась, а испанского короля Филиппа англичане выслали из королевства, а на престол посадили тебя.[4] Но мы и в этом случае не учинили твоим купцам никаких притеснений и предложили им торговать попрежнему.

А до сих пор, сколько ни приходило грамот, хотя бы у одной была одинаковая печать! У всех грамот печати разные. Это не соответствует обычаю, принятому у государей, — таким грамотам ни в каких государствах не верят; у каждого государя в государстве должна быть единая печать. Но мы и тут всем вашим грамотам доверяли и действовали в соответствии с этими грамотами.

После этого ты прислала к нам по торговым делам своего посланника Антона Янкина [Дженкинсона]. И мы, рассчитывая, что он пользуется твоей милостью, привели его к присяге и вместе с ним другого твоего купца Ральфа Иванова [Рюттера], как переводчика, потому что некому было быть переводчиком в таком великом деле, и передали с ним устно тайные дела великого значения, желая с тобой дружбы.[5] Тебе же следовало к нам прислать доверенного человека, а с ним Антона, или одного Антона. Нам не известно, передал ли это поручение тебе Антон или нет; а в течение полутора лет про Антона не было известий. А от тебя никакой ни посол, ни посланник не прибывал. Мы же ради этого дела дали твоим купцам свою новую жалованную грамоту; рассчитывая, что эти гости пользуются твоей милостью, мы даровали им свою милость свыше прежнего.

После этого нам стало известно, что в Ругодив [Нарву] приехал твой подданный, англичанин Эдуард Гудыван [Гудмен], с которым было много грамот, и мы велели спросить его об Антоне, но он ничего нам об Антоне не сообщил, а нашим

посланникам, которые были к нему приставлены, сказал много невежливых слов. Тогда мы велели расследовать, нет ли с ним грамот, и захватили у него многие грамоты, в которых для унижения нашего государева достоинства и нашего государства написаны ложные вести, будто в нашем царстве якобы творятся недостойные дела. Но мы и здесь отнеслись к нему милостиво — велели держать его с честью до тех пор, пока не станет известен ответ от тебя на поручения, переданные с Антоном.

После этого приехал от тебя к нам посланник в Ругодив [Нарву] Юрий Милдентов [Мидлтон] по торговым делам.[6] Мы его велели спросить про Антона Янкина [Дженкинсона], был ли он у тебя, и когда он должен прибыть от тебя к нам. Но посланник твой Юрий ничего нам об этом не сказал и наших посланников и Антона облаял. Тогда мы также велели его задержать, пока не получим от тебя вестей о делах, порученных Антону.

И, наконец, нам стало известно, что к Двинской пристани прибыл от тебя посол Томас Рандольф, и мы послали к нему с жалованьем своего сына боярского и приказали ему быть приставом при после, а послу оказали великую честь. А приказали спросить его, нет ли с ним Антона; он же нашему сыну боярскому ничего не сказал и начал говорить о мужицких и торговых делах; а Антон с ним не пришел. С того времени, как он пришел в наше государство, мы много раз ему указывали, чтобы он вступил в переговоры с нашими боярами и сказал, есть ли у него приказ от тебя о тех делах, о которых мы передали тебе с Антоном. Но он нелепым образом уклонился. А писал жалобы на Томаса [Гловера] и на Ральфа [Рюттера] и занимался другими торговыми делами, а нашими государственными делами пренебрегал. Из-за этого-то твой посол и запоздал явиться к нам; а затем пришло божье послание — моровое поветрие, и он не мог быть принят. Когда же божье послание — поветрие — кончилось, мы его допустили перед свои очи.

Но он опять говорил нам о торговых делах. Мы выслали к нему своего боярина и наместника вологодского князя Афанасия Ивановича Вяземского, печатника своего Ивана Михайлова и дьяка Андрея Васильева и велели его спросить, есть ли у него поручение по тем делам, о которых мы передавали тебе с Антоном. Он ответил, что такое поручение с ним также имеется. А мы поэтому оказали ему великую почесть, и он был принят нами наедине. Но он говорил о тех же мужицких и торговых делах и лишь изредка касался того дела. В то время нам случилось отправиться в нашу вотчину Вологду, и мы велели твоему послу Томасу ехать с собой. А там, на Вологде, мы выслали к нему нашего боярина князя А. И. Вяземского и дьяка Петра Григорьева и велели с ним переговорить, как лучше всего устроить между нами это дело. Но посол твой Томас Рандольф все время говорил о торговом деле, и едва его убедили и поговорили о тех делах. Наконец, договорились об этих делах, как следует их устроить, написали грамоты[7] и привесили к ним печати. Тебе же, если тебе это было угодно, следовало таким же образом написать грамоты и прислать к нам в качестве послов достойных людей и с ними вместе прислать Антона Янкина [Дженкинсона]. Прислать Антона мы просили потому, что хотели его расспросить, передал ли он тебе те слова, которые мы ему говорили, согласна ли ты на наше предложение и каковы твои намерения. Вместе с твоим послом послали своего посла Андрея Григорьевича Совина.

Ныне ты к нам отпустила нашего посла, а своего посла с ним ты к нам не послала. А наше дело ты сделала не таким образом, как договорился твой посол.[8] Грамоту же ты послала обычную, вроде как проезжую. Но такие дела не делаются без клятвы и без обмена послами. Ты совсем устранилась от этого дела, а твои бояре вели переговоры с нашим послом только о торговых делах, управляли же всем делом твои купцы сер Ульян Гарит [Уильям Гаррард] да сер Ульян Честер. Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государской чести

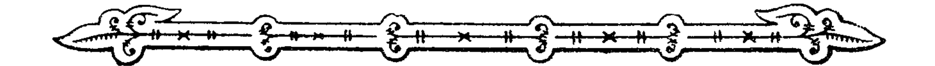
Отправление Грозным английского посла Ченслера и русского посла Непеи; гибель Ченслера по дороге; прием Непеи Марией Тюдор и Филиппом II.

Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи.

и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица.[9] А тому, кто хотя бы и участвовал в нашем деле, да нам изменил, верить не следовало.[10]

И раз так, то мы те дела отставим в сторону. Пусть те мужики, которые пренебрегли нашими государскими головами и государской честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не бедно было. А торговую грамоту, которую мы к тебе послали, ты прислала бы к нам. Даже если ты и не пришлешь эту грамоту, мы все равно по ней ничего делать не будем. Да и все наши грамоты, которые до сего дня мы давали о торговых делах, мы отныне за грамоты не считаем.

Писана в нашем Московском государстве, в году от создания мира 7079, 24 октября [24 октября 1570 г.].



ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III (1572)

[1]Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул],[1] от нашего высочайшего царского порога[2] грозное повеление и наставление.

Когда ты получишь это наше государево послание, тебе, Иоганну, королю Шведскому, Готскому и Вендийскому, будет уже известно и другое наставление, данное нами прежде, в январе месяце. В этом наставлении было подробно описано, как ты присылал к стопам нашего владычества бить челом Павла, епископа Абовского, когда наше высокое величество было в своей вотчине, в Великом Новгороде, как о приезде твоих послов было донесено нам в Великий Новгород, как мы по прежнему обычаю дали твоим послам наставление, как твои послы раздражили наше величество своим нелепым поведением и мы на них разгневались, как мы, находясь в Великом Новгороде, хотели за твое малоумие обратить свой гнев на твою Шведскую землю, и по какой причине наше величество, надеясь, что ты образумишься, отложило свой гнев, снисходя к челобитию твоих послов нашей государевой думе — Михаилу Кайбуловичу Астраханскому с товарищами, к ходатайству наших детей и к челобитью нашей думы, и как мы, отпустив твоих послов, послали с ними к тебе наставление и повеление, как тебе заслужить прощение нашего высокого величества.[3]

Об этом тебе неоднократно было писано подробное наставление и установлен срок для прибытия твоих послов к нам в нашу вотчину Великий Новгород в Троицын день этого года.[4] Мы же, как истинный христианский государь, умилосердились над твоей Шведской землей, удержали свой гнев и остановили бранную лютость. Но даже немногие наши люди из передовых частей, оторвавшись от остальных, сумели причинить твоей земле достаточно вреда, — ты сам знаешь, чего они достигли и сколько людей пленили и куда ты дел своих людей.[5] Мы надеялись, что ты и Шведская земля уже осознали свою глупость. Поэтому мы и оказали милость твоим послам, отпустив их домой. Мы дали тебе наставление, как тебе бить челом и назначили срок — Троицын день. Мы же обещали быть к этому времени в своей вотчине, в Великом Новгороде, и выслушать твое челобитье от твоих послов.

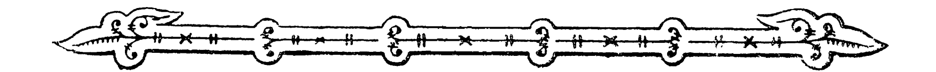
К указанному тебе сроку, в Троицын день, наше величество прибыло в нашу вотчину, в Великий Новгород, со своими думными людьми. Но ты словно обезумел и по восьмой день августа от тебя никакого ответа нет. А мы до сих пор ожидали от тебя ответа, милостиво и кротко пребывая здесь со всей своей царской роскошью и со всей своей думой, с ближними людьми и без рати, но до сих пор про твоих послов слуха нет, прибудут они или нет. [6]А выборгский твой приказчик Андрус Нилишев [Андрос Нильсен] писал к ореховскому наместнику князю Григорию Путятину, будто наше высокое величество само просило мира у ваших послов.

Нет нужды много писать об этом: этой зимой ты сам увидишь, как мы просим мира — то будет уже не то, что было прошлой зимой! А после этого нам сказали, что твои послы будут к Петрову дню.[6] Не надеешься ли ты, что Шведская земля может попрежнему плутовать, как делал твой отец Густав, нападавший, вопреки перемирию, на Орешек?[7] Как тогда досталось Шведской земле! А как брат твой Эрик обманом хотел нам дать жену твою Катерину, а его свергли с престола и тебя посадили![8] А потом осенью нам говорили, что ты умер,

а весной сказали, что тебя согнали с государства брат твой Карл да зять твой герцог Магнус.[9] А после этого пришла весть про послов твоих, будто они идут и будто ты на своем государстве. Ныне же про послов твоих слуху нет; говорят, что ты сидишь в Стокгольме, в осаде, а брат твой Эрик на тебя наступает. И тут-то ваше плутовство и обнаруживается: оборачиваетесь, как гад, разными видами. И раз уж год прошел, а ты бить челом не прислал, а земли своей и людей тебе не жаль (богат и надеешься на деньги!), то мы тогда много писать не хотим: возложили упование на бога. А как крымскому хану без нас от наших воевод досталось, о том спросив, узнаешь! [10]

Ныне же мы поехали на свое царство в Москву, а в декабре опять будем в своей вотчине, Великом Новгороде, и тогда ты посмотришь, как мы и наши люди станем у тебя мира просить! Если же ты захочешь бранную лютость утолить и пришлешь послов, согласно нашему наставлению, то мы тебя за твою покорность пожалуем.

Дано это величественное наставление в нашей вотчине, в Великом Новгороде, в 7080 году, 11 августа [11 августа 1572 г.], на 39-й год нашего правления, 26-й год принятия Российского царства, 20-й год Казанского царства, 18-й год Астраханского царства.[11]



ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III (1573)

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул] наставление и слово Иоганну, королю Шведскому [следует титул].

Ты прислал к нам через пленника свою грамоту, наполненную собачьим лаем, — мы дадим тебе на нее отповедь позже.[1] А сейчас, по своему государскому обычаю, достойному нашего высокого величества, посылаем тебе пространное наставление со смирением.

Первое: ты пишешь свое имя впереди нашего, — это неприлично, ибо нам брат — цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств, как будет доказано впереди. Ты говоришь, что Шведская земля — вотчина отца твоего; так ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, был ли твой дед на престоле, и с какими государями он был в братстве и в дружбе,[2] укажи нам всех их поименно и грамоты пришли, и мы тогда уразумеем.

Когда ты прислал гонца своего переводчика Петрушу [Сифридсона] просить охранной грамоты для своих послов, то мы думали — ты хочешь заключить мир по прежнему обычаю: с наместниками Новгородскими[3] (так ведь велось исстари в течение нескольких сот лет, еще при князе Юрии, да при посадниках

Новгородских, а у вас — при князе Магнусе, который ходил войной к Орешку[4]), и потому мы послали охранную грамоту по прежним обычаям и хотели даровать тебе по прежним обычаям мир с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Ливонской землей. Но ты епископа Павла прислал без настоящих полномочий и с надменностью и поэтому из этого ничего не вышло. С архиепископом Павлом была послана охранная грамота, — так почему же ты к нам в течение всего лета не прислал послов? А мы были в своей вотчине, в Великом Новгороде, и ждали, что ты смиришься, а военных действий не вели нигде, разве что какие-нибудь мужики столкнулись между собой на границе. А если некоторые люди, оторвавшись от наших передовых частей, и повоевали в Финской земле, то это случилось потому, что когда мы отправили с епископом Павлом охранные грамоты на послов, эти люди уже далеко зашли — мы приказали их вернуть, но не успели, поэтому они и повоевали.

А Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее бог даст. Злое же дело начал ты, как только сел на государство и наших великих послов, боярина нашего и наместника Смоленского Ивана Михайловича Воронцова, дворецкого нашего Можайского Василия Ивановича Наумова и дьяка нашего Ивана Васильева сына Лапина неповинно и с глумлением велел ограбить и обесчестить — в одних сорочках их оставили![5] А ведь это такие великие люди: отец того Ивана, Михаил Семенович Воронцов, был нашим наместником в нашей вотчине, в Великом Новгороде; а прежде никогда не бывало, чтобы от нас, государей, ходили послы в Шведскую землю: послы всегда ходили от новгородских наместников! А наказание на послов возложено напрасно, якобы за то, что они за твоей женой приехали, а они не сами приехали: прислали их, а послали их из-за вашего же вранья: сказали, что тебя в живых нет. Если бы сказали, что ты жив, как же было твою жену просить? Каждый знает, что жену у мужа взять нельзя. И тебе надо было пенять на своего брата Эрика, да на его советников, которые с ним делали это дело обманом.

А послы наши, боярин и наместник Смоленский Иван Михайлович Воронцов с товарищами приняли страдания и глумления из-за твоего недомыслия.

Произошло это все таким образом: прежде всего, вскоре после твоей свадьбы стало известно, что твой брат Эрик подверг тебя заточению, а после этого стало известно, что ты скончался. И мы, прождав года с полтора, послали к твоему брату, королю Эрику, гонца своего Третьяка Андреевича Пушечникова узнать, жив ты или нет, чтоб брат твой Эрик, если тебя нет в живых и детей у тебя также нет, прислал к нам, ради наших милостей, Катерину, сестру брата нашего короля Польского и великого князя Литовского Сигизмунда-Августа, а мы его за то пожалуем — освободим от сношений с наместниками нашей вотчины, Великого Новгорода, и начнем с ним сноситься сами. А просили мы Катерину, сестру брата своего, для того только, чтобы, взяв ее, отдать ее своему брату Сигизмунду-Августу, божьей милостью королю Польскому и великому князю Литовскому, а у него взять за сестру его Катерину свою вотчину, Ливонскую землю, без кровопролития, а не по той причине, которую измыслили лгуны и бездельники; в этом деле нет никаких причин, кроме тех, о которых мы писали выше.

Тебя же от нас спрятали; ведь если бы мы знали, что ты жив, разве мы стали бы просить твою жену? И посланника нашего Третьяка, заведя в пустынное место, уморили, предав насильственной смерти, а к нам прислал твой брат своего посланника Ивана Лаврентьева [Ганса Ларссона][6] с уверением, что наш гонец Третьяк умер случайно, и с просьбой сообщить, что именно мы хотели передать через Третьяка. И мы Ивану Лаврентьеву велели сказать о нашей милости твоему брату: если он пришлет сестру польского короля Катерину, то мы его пожалуем — освободим от сношений с наместниками. После этого твой брат Эрик послал к нам своих послов, князя Нильса [Гюлленшерна] с товарищами, и они посулили отдать нам сестру польского короля Катерину, а мы пожаловали твоего

брата Эрика, освободили его от сношений с наместниками, дали клятву и послали своих полномочных послов. Наши полномочные послы жили у вас года с полтора, а про тебя слуху никакого не было — жив ты или нет, и у Нильса с товарищами не могли они ничего про тебя выпытать, поэтому-то о тебе и не думали, поэтому и была высказана такая просьба. Когда же ты пришел к власти, ты беспричинно предал наших послов грабежу, бесчестью и оскорблениям из-за лживого сообщения твоего брата и всех шведских людей. Заманили обманом наших послов, да и мучат, и грабят, да год просидели в Або в заточении, да еще отпустил ты их, как каких-нибудь пленников! Но ведь наши послы не виноваты ни в чем — не солгали бы ваши люди, нашим людям и ходить незачем было; а мы думали, что они говорят правду. Тебе следовало пенять на своих людей, которые сообщают неправду, а наши послы у тебя напрасно мучились из-за твоего недомыслия. А после всего этого ты с надменностью послал к нам своих послов — Павла, епископа Абовского, и других. Итак, это ты начал делать злое дело, нападая на честных людей вместо лживых, — если бы мы вашей лжи не поверили, этого бы не было.

Все это мы тебе обстоятельно объяснили, а много говорить об этом нет нужды: жена твоя у тебя, никто ее не хватает, а вот много крови ради одного слова своей жены пролил ты напрасно. Вперед об этом вздоре много говорить не стоит, а станешь говорить, мы тебя и слушать не будем: делай что хочешь со своей женой, никто на нее не покушается!

А что ты писал о своем брате, короле Эрике, будто мы из-за него собирались начать с тобой войну, то это смехотворно. Ради этого нам нечего было с тобой войну начинать: нам брат твой Эрик не нужен. А что мы ему свою жалованную грамоту послали, то это произошло таким образом: в то время, когда ты присылал к нам своего гонца Антона Ольса, между нашей вотчиной, Великим Новгородом, и тобой началась война, и к нам через некоторых людей дошло челобитье от твоего брата короля Эрика, чтобы нам ему оказать помощь или, если он

прибежит к нам, принять его к себе. И мы потому оказали ему милость, что ты — враг нашей вотчине, и нам нужно было что-нибудь сделать, чтобы ты осознал свою гордость и присмирел; а если бы нам пришлось начать войну, это также пригодилось бы. А ради этого нам войну начинать не стоило, да и не собирались мы войну начинать; а беглого нам как не принять?[7] Тебе же мы писали, чтобы ты пришел в сознание и прислал послов, тогда и решение было бы обо всем по-хорошему. Но ты из гордости не прислал послов; из-за этого и кровь льется. [8]Об Эрике же мы тебе ни с кем ничего не передавали и за него не хлопотали, а раз такого дела не было, то что и говорить? А что значит, что была грамота? Было написано, да прошло.[8]

Если бы ты хотел жить по правде, так ты бы прислал ко мне послов — все бы и без крови разрешилось. А ты крови желаешь, поэтому ты бессмыслицу говоришь и пишешь. Никто на тебя не покушается, делай с женой и с братом, что хочешь; об этом много говорить не стоит. А много крови проливается из-за нашей вотчины, Ливонской земли, да из-за твоей гордости, что не хочешь по прежним обычаям сноситься с новгородскими наместниками; и пока ты этого не осознаешь, и дальше будет литься много невинной крови из-за твоей гордости и из-за того, что незаконно вступил в нашу вотчину, Ливонскую землю. Ты писал, что мы не сдержим обязательств, данных в грамоте и скрепленных печатью, но ведь на свете есть много великих государств, и во всех этих государствах наше слово неизменно ценится (ты спроси там — узнаешь!), почему же в одной Шведской земле будет по-иному? А что послы твои вопреки обычаю и охранной грамоте были обесчещены и отправлены в заключение,[9] то ты этому не дивись: нельзя же было не ответить на твой недостойный поступок с нашими послами, да и то мы еще не поквитались за наших послов: ведь наши послы — великие люди, а те — холопы, а наши послы у тебя в Або сидели взаперти долго (это ли не заточение?), да и отпустил ты их, как пленников, а всех их опоили отравой,

и они, приехав сюда, померли. Спеси же с нашей стороны никакой нет, а писали мы тебе так, как подобает писать нашей самодержавной власти к твоей королевской, — ибо раньше того не бывало, чтобы великим государям всея Руси сноситься со шведскими правителями; сносились шведские правители с Новгородом. Неужели же достоинство нашей вотчины, Великого Новгорода, заключалось в том, что она от нас отделялась, а теперешнее бесчестие — в том, что она признает нас, великих государей, как ты нелепо пишешь? А войску нашему правитель — бог, а не человек: как бог даст, так и будет.

А это истинная правда, а не ложь, — что вы мужичий род, а не государский. Пишешь ты нам, что отец твой — венчанный король, а мать твоя — также венчанная королева; но хоть отец твой и мать — венчанные, но предки-то их на престоле не бывали! А если уж ты называешь свой род государским, то скажи нам, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, и где на государстве сидел и с какими государями был в братстве, и из какого ты государского рода? Пришли нам запись о твоих родичах, и мы по ней рассудим. А нам хорошо известно, что отец твой Густав происходил из Смоланда,[10] и еще потому нам известно, что вы мужичий род, а не государский, что, когда при отце твоем Густаве приезжали наши торговые люди с салом и с воском, то твой отец сам, надев рукавицы, как простой человек, пробовал сало и воск и на судах осматривал и ездил для этого в Выборг; а слыхал я это от своих торговых людей. Разве это государское дело? Не будь твой отец мужичий сын, он бы так не делал. Ты пишешь, что в течение нескольких сот лет в Швеции были короли, но мы таких не слыхали за исключением Магнуса, который ходил под Орешек, да и тот был князь, а не король. А давно ли в Шведской земле сидел правитель — Стен Стуре?[11] Об этом у тебя многие помнят: спроси — узнаешь. А отец твой обменивался грамотами с новгородскими наместниками, и грамоты эти писались следующим образом: сперва написан титул нашего царского величества, а затем написано: [12]«Густав Эри-

кович, божьей милостью Шведский и Готский король и советники королевства Шведского и вся земля Шведская присылали своих послов к великому государю Ивану, божьей милостью царю и государю всея Руси и великому князю бить челом, чтобы великий государь Иван [следует титул] Густава, короля Шведского и Готского и советников королевства Шведского и всю землю Шведскую пожаловал, велел своим боярам и наместникам Великого Новгорода и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины, Великого Новгорода, торговать со Шведской землей попрежнему. И великий государь Иван [следует титул] по их челобитью Густава Эриковича, шведского короля, и всю Шведскую землю пожаловал, велел своему боярину и наместнику Борису Ивановичу Горбатому и дворецкому Семену Никитичу Бутурлину и своей вотчине, Великому Новгороду, заключить перемирие, а также велел людям своей вотчины торговать со Шведской землей попрежнему. И довели до конца это челобитье новгородскому наместнику великого государя царя Русского, князю Б. И. Горбатому и дворецкому С. Н. Бутурлину шведские послы господин Кнут Андреевич [Кнут Андерсон] и Бернардин Николаевич [Биорн Классон] и от имени всей Шведской земли заключили перемирие на шестьдесят лет — от Благовещенья 7045 [1537] г. до Благовещенья 7105 [1597] г. — с наместником великого государя царя Русского Б. И. Горбатым и дворецким С. Н. Бутурлиным, которые выступали от имени вотчины великого государя, Новгородской земли; и по условиям этого мира должен быть устроен съезд в Соболине, на реке Вуоксе, через десять лет после заключения мира, в Ильин день 7055 [1547] года, а на этом съезде должны присутствовать с обеих сторон достойные люди из вотчины великого государя царя Русского, Великого Новгорода, а также из Шведского королевства, которые должны размерить границы по земле и воде согласно грамотам князя Юрия и князя Магнуса. Во исполнение всех этих условий, по повелению великого государя Ивана [следует титул].

боярин и наместник Великого Новгорода Б. И. Горбатый и дворецкий С. Н. Бутурлин привесили к этой мирной грамоте свои печати и принесли клятву, целуя крест за вотчину великого государя, Великий Новгород, и за Новгородскую державу. А от имени Шведской державы короля Густава и от Выборгской державы и от города Выборга, за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников королевства Шведского целовали крест послы Шведского королевства Кнут Андреевич и Бернардин Николаевич. Когда же новгородские наместники великого государя царя Русского пошлют своего посла к королю Густаву, то Густав, король Шведский и Готский, должен будет за всю Шведскую державу перед этим послом целовать крест, обязуясь исполнить то, что написано в этой мирной грамоте, и должен будет Густав, король Шведский, привесить к этой грамоте свою печать. А архиепископ Упсальский должен будет поручиться за всю Шведскую державу, и должны будут они исполнять то, что написано в этих грамотах. Заключен этот мир в Великом Новгороде в 7045 году, а от воплощения господня [рождества Христова] в 1537 году».[12]

Все это мы тебе выписали точно из грамоты о перемирии, которую отец твой Густав заключил с новгородскими наместниками. И если бы у вас было настоящее королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля не считались бы за товарищей, а землю к именам великих государей не приписывают. Всего же достовернее будет, если ты пришлешь запись о своем государском роде, о котором ты писал, что ему четыреста лет, кто после кого сидел на престоле, с какими государями были в братстве, и мы оттуда уразумеем величие твоего государства. Какие ваши предки жили в городах и столицах, а не в мужицких деревнях, и кто входил в ваш род, кроме твоего отца (сообщи все это обстоятельно!), и какие у вас в Швеции были еще короли и из какого рода. А что ты писал о короле Арцымагнусе [Магнусе],[13] так мы и помимо него знаем, что вы — мужичий род, и попали на престол не по своему достоинству, а бла-

годаря родству. Те же, которые сидели в городах и больших местах, были не из вашего рода и также не короли. А королей мы в Шведской земле не слыхали до твоего отца Густава; первый король — твой отец, а ссылался он в своих грамотах на грамоты князя Магнуса, а не короля.[14] Ведь и твой отец мог бы сыскать прежних королей, да не ссылался на королей, а ссылался на князя Магнуса, а ты, неведомо каким образом, сыскал у себя прежних королей! И потому еще ваш род — мужичий и государство — не великое, что написано в тех же грамотах, что отец твой должен целовать крест за всю Шведскую державу и за город Выборг и за Выборгскую державу, а архиепископ Упсальский [15] должен поручиться; а от имени Шведской державы короля Густава, и от Выборгской державы и от города Выборга, от всей Шведской земли за город Выборг и за Выборгскую державу и за всю Шведскую землю по поручению короля Густава и советников Шведского королевства целовали крест послы Шведского королевства, обещая, что король Густав будет целовать крест, а архиепископ Упсальский даст поручительство, и все сказанное должны будут исполнить. И ты бы сам рассудил, ведется ли так в великих государствах, как в вашем? Отец твой целовал за Шведскую державу и за Выборгскую державу, — выходит, что Выборг как бы особое место, а сидит там как-будто бы товарищ отца твоего. Если бы ваше государство было великое, то и архиепископ Упсальский не был бы записан в товарищах отца твоего, а то записан архиепископ как товарищ твоего отца. Почему советники Шведского королевства товарищи твоему отцу? А послы не от одного отца твоего, а от всего Шведского королевства, а отец твой во главе их, как староста в волости. И если бы отец твой был великим государем, то и архиепископ у него в товарищах не был бы и советники и вся земля Шведская и Выборгская держава приписаны не были бы, и послы были бы от одного твоего отца, а не от королевства Шведского, а здесь послы от королевства Шведского, а не от одного отца твоего, и архиепископ приписан. «Должны будут исполнить

то, что написано в той грамоте», — видишь ведь, как отцу твоему исполнить, так и архиепископу! И тебе поэтому нельзя равняться с великими государями: у великих государей таких обычаев не бывает. Если же кто-нибудь не бережет своего государского достоинства и называет тебя своим братом, то это его дело; нас это не касается, мы соблюдаем свою честь, как подобает нашему царскому величеству.[16] Если же ты не доверяешь той грамоте своего отца, то пришли своих послов, верных людей, и они посмотрят эту грамоту и печать твоего отца на ней. И с этими послами ты сообщи нам, был ли кто-нибудь королем в Шведской земле до отца твоего, кто именно был и из какого рода и с кем он был в братстве; а мы об этом не слыхали, — уж не нашел ли ты этих королей у себя в чулане?

А король Магнус нам этого не рассказывал, и он сам столько не знает про ваш мужичий род, сколько мы узнали от людей, приходящих из разных земель. А что мы короля Арцымагнуса [Магнуса] пожаловали городом Полчевым и иными городами, то мы, слава богу, в своей вотчине вольны:[17] кого хотим, того и жалуем. А что было написано о деде Арцымагнуса [Магнуса] Фридрихе, то тут, как видно, переводчики сделали какую-то описку.[18] Сам же ты написал вполне верно, что некоторое время тому назад Христиерн, благородный король Дании, взял под свою благородную власть Шведское королевство, а затем, оставив там своих бояр, поехал на свое государство в Датскую землю; и отец твой Густав, сговорясь с прежними правителями Шведской земли, примчался из Смоланда с коровами и перебил бояр короля Христиерна Датского, а сам стал королем; после этого он сговорился с Христианом, отцом Магнуса, и они захватили Христиерна, а датским королем посадили Христиана.[19] Так оно и было, правду ты нам написал, больше и писать нечего. Сам ведь ты написал, что ваше королевство выделилось из Датского королевства, а если ты еще нам пришлешь грамоту с печатью, о том, как бессовестно поступил отец твой Густав, захватив

королевство, то и того лучше будет, нам и писать будет нечего об этом: сам ты свое холопство признал!

Ты писал насчет нашего царского письма о великом государе самодержце Георгии-Ярославе, — это мы потому писали, что с великим государем самодержцем Георгием-Ярославом во многих битвах участвовали варяги, а варяги — немцы; и раз они его слушали, значит были его подданными;[20] но мы об этом только известили, а нам это не нужно. А о твоей печати мы писали потому, что, если ты хочешь с нами сноситься, минуя наместников Новгородских, то ты должен за это нас чем-нибудь отблагодарить. Вот почему мы тебе об этом писали; а без такой благодарности тебе нельзя позволить сноситься с нами помимо наместников. [21]Что же касается печати Римского царства, о которой ты писал, то у нас есть своя печать от наших прародителей; а римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августа кесаря,[21] а ты судишь о нас, вопреки воле бога, — что нам бог дал, то ты отнимаешь у нас; мало тебе нас укорять, ты и на бога покушаешься. Напрасно ты думаешь, что мы хотим присвоить твои титулы и печать для возвеличения, — нам твоей мужичьей чести добиваться нечего и величия твоего не нужно. Мы тебе потому писали, что тебе нужно было сноситься с нами помимо наместников, но без достойного выкупа тебе этого не видать. Если же ты захочешь из-за этого кровь проливать — дело твое; а мы положились на божью волю, что нам милосердный бог даст. А твоего титула и печати мы просто так не хотим: если тебе хочется с нами сноситься помимо наместников, то ты нам уступи и подчинись и отблагодари нас как следует, и тогда мы тебя пожалуем и освободим от сношений с наместниками, а сноситься тебе с нами даром не дает права ни твое государство, ни твой род; а без твоего подчинения мы и сами не хотим твоего титула и печати. А если ты хочешь присвоить титулы и печати нашего царского величества, так ты, обезумев, можешь, пожалуй, и государем вселенной назваться, — да кто тебя послушает? Если же тебе неугодно по нашему ука-

занию поступить, то сносись по-старому с наместниками. Напрасно ты пишешь, что мы из честолюбия хотим присвоить твою печать и землю; мы писали об этом потому, что, если ты хочешь с нами сноситься помимо наместников, то ты должен нам подчиниться, а если ты подчинишься, то и земля твоя и владения и печать будут нашими, и тогда мы тебя пожалуем и будем сноситься с тобою, как со своим; а с чужим и столь незначительным государем, как ты, сноситься нам не подобает.

А к наместникам я тебя не приравниваю, — так исстари ведется, так бог твое место определил; а ты богу противишься и не хочешь по его повелению поступить. Да какому тебе богу молиться — ты ведь безбожник: не только истинной веры не познал ты, но даже скромное прибежище латинского богослужения разрушено у вас, и иконы уничтожили и священников сравняли с мирянами; ты сам ведь писал, что принял власть от отца своего, короля Шведской земли.[22] А себя мы не хвалим и не прославляем, а только указываем на достоинство, данное нам от бога; и тебя мы не хулим, а пишем это лишь для того, чтобы ты пришел в сознание и не требовал неподобающих вещей.

А что ты писал, будто мы просим у тебя твою королеву,[23] так ты, неразумный человек, не понял. Мы писали тебе, что так же возможно, чтобы ты нам свою жену отдал, как и то, чтобы мы сами тебе крест целовали; но ведь это невозможно, чтобы у мужа жену взять, всякий это знает (да мы и не хотим этого!), также невозможно и то, чтобы мы с тобой сами сносились, помимо наместников — настолько это недостижимо! А ты, не рассудив, написал. Мы тебе писали не затем, чтобы жену твою просить; нам твоя жена не нужна, — мы для твоего вразумления писали: насколько невозможно у тебя взять жену, настолько же невозможно тебе не сноситься через наместников. Мы писали тебе, осуждая твою гордыню, а не просили твою жену: нам твоя жена вовсе не нужна, делай с ней, что хочешь. И крови неповинной мы не желаем — это ты

из-за своей гордости проливаешь кровь христианскую и стремишься и далее проливать. Ты пишешь, будто это ложь, что польская королевна была замужем за конюхом, так ты спроси тех, кто знает, кто такой был Войдило при Ягайле, короле Польском, и из-за чего была борьба между Ягайло и его дядей Кейстутом, и как Кейстут повесил Войдила, и как Ягайло Кейстута захватил и велел удавить,[24] тогда и узнаешь правду.

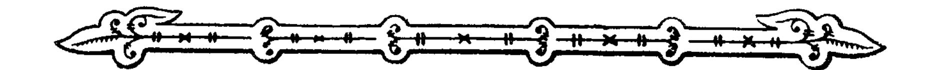
А что наш дьяк передавал твоему подданному Антону Ольсу [Тоне Ольсону], чтобы ты нам уступил все те земли, которые ты захватил в нашей вотчине Ливонской земле, незаконно туда вступив, и насчет серебряной руды и мастеров, которые добывают руду, и насчет десяти тысяч ефимков за оскорбление наших послов [25] и насчет воинских людей, так это мы передавали тебе потому, что раз тебе надобно с нами сноситься, то ты должен это сделать; а если за такое великое дело с нашей стороны вы не отплатите великим же делом, то ничего не выйдет. Мы несообразностей не признаем, — это ты признаешь несообразности. Что тут сообразного, чтобы ты с нами сносился? Это совсем несообразно, чтобы мы сносились с тобой, сами с тобой заключали мир, целовали крест, минуя наместников, и своих послов к тебе посылали.

Ты не хочешь послать нам послов бить челом, — мы удивлены откуда у тебя такая гордость и сила взялась, что ты не хочешь согласиться на то, на что соглашался твой отец: отец твой весь свой век прожил, сносясь с наместниками, только разок под старость не захотел, — и как ему удалось это, ты знаешь![26] Отец твой с этим век прожил, а ты не хочешь, — видно ты лучше отца, что места его не хочешь! Если не пришлешь послов, — миру не бывать; нам же к тебе послов посылать не подобает. Мы из снисхождения к тебе пишем: если хочешь, чтобы мы тебя пожаловали и от сношения с наместниками освободили, то пришли к нам своих великих послов бить челом и отблагодари нас за это великим делом, насколько сможешь; тогда мы тебя пожалуем и от наместников освободим; а не дав выкупа, ты у нас этого не добьешься.

А что ты писал к нам лай и дальше хочешь лаем отвечать на наше письмо, так нам, великим государям, к тебе, кроме лая, и писать ничего не стоит, да писать лай не подобает великим государям; мы же писали к тебе не лай, а правду, а иногда потому так пространно писали, что, если тебе не разъяснить, то от тебя и ответа не получишь. А если ты, взяв собачий рот, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты ни напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем.

Если хочешь выступить, так наши люди твои пушки видели; а захочешь еще попытаться — увидишь, какая тебе будет прибыль. Если же захочешь мира своей земле — пришли к нам своих послов, и мы узнаем от них твои намеренья и решим, что следует сделать.

Писана в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Пайде [Вейссенштейн], в 7081 году, 6 января [6 января 1573 г.], на 40-й год нашего правления, на 26-й год нашего Российского царства, 21-й — Казанского, 18-й — Астраханского.



ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ (1573)

Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси в Кириллов монастырь, игумену Козьме с братиею во Христе

В пречестную обитель Успения пречистой богородицы и нашего преподобного отца Кирилла чудотворца, священного христова полка наставнику, вождю и руководителю в небесные селения, игумену Козьме с братиею во Христе, царь и великий князь Иоанн Васильевич всея Руси челом бьет.

Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такую дерзость? Молю вас, господа и отцы, ради бога, откажитесь от этого замысла.[1] Я и братом вашим называться не достоин, считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в писании: «свет инокам — ангелы, свет мирянам — иноки». Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и погрязших среди греховного тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно среди пьянства, блуда, прелюбодеяния, скверны, убийств, грабежей, хищений и ненависти, среди всякого злодейства, как говорит великий апостол Павел: «ты уверен, что ты путеводитель сле-

пым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины; как же, уча другого, не учишь себя самого? проповедуя не красть, крадешь? говоря „не прелюбодействуй“, прелюбодействуешь; гнушаясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь богу». И опять тот же великий апостол говорит: «Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?».

Ради бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира. Как могу я, нечистый и скверный душегубец, быть учителем, да еще в столь многомятежное и жестокое время? Пусть лучше господь бог, ради ваших святых молитв, примет мое писание, как покаяние. А если вы хотите найти учителя, — есть он среди вас, великий источник света, Кирилл. Почаще взирайте на его гроб и просвещайтесь. Ибо его учениками были великие подвижники, ваши наставники и отцы, передавшие и вам духовное наследство. Да будет вам наставлением святой устав великого чудотворца Кирилла, который принят у вас. Вот ваш учитель и наставник! У него учитесь, у него наставляйтесь, у него просвещайтесь, будьте тверды в его заветах, передавайте эту благодать и нам, нищим и убогим духом, а за дерзость простите, бога ради. [2]Вы ведь помните, святые отцы, как некогда случилось мне притти в вашу пречестную обитель пречистой богородицы и чудотворца Кирилла и как я, по милости божьей, пречистой богородицы и по молитвам чудотворца Кирилла, обрел среди темных и мрачных мыслей, небольшой просвет — зарю света божия — и повелел тогдашнему игумену Кириллу с некоторыми из вас, братия (был тогда с игуменом Иоасаф, архимандрит Каменский, Сергий Колычев, ты, Никодим, ты, Антоний, а иных не упомню), тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мирского мятежа и смятения; и в долгой беседе я открыл вам свое желание постричься в монахи и искушал, окаянный, вашу

святость своими слабосильными словами. Вы же мне описали суровую монашескую жизнь. И когда я услышал об этой божественной жизни, сразу же возрадовалась моя окаянная душа и скверное сердце, ибо я нашел божью узду для своего невоздержания и спасительное прибежище. С радостью я сообщил вам свое решение: если бог даст мне постричься при жизни, совершу это только в этой пречестной обители пречистой богородицы и чудотворца Кирилла; вы же тогда молились. Я же, окаянный, склонил свою скверную голову и припал к честным стопам тогдашнего вашего и моего игумена, прося на то благословения. Он же возложил на меня руку и благословил меня на это, как и всякого человека, пришедшего постричься.[2]

И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец: хоть и не совсем еще отказался от мирской суеты, но уже ношу на себе благословение монашеского образа. И видел я уже, как многие корабли души моей, волнуемые лютыми бурями, находят спасительное пристанище. И поэтому, считая себя уже как бы вашим, беспокоясь о своей душе и боясь, как бы не испортилось пристанище моего спасения, я не мог вытерпеть и решился вам писать.

И вы, мои господа и отцы, ради бога простите меня, грешного, за высказанные вам суетные слова [следует цитата из византийского церковного деятеля и писателя III—IV в. Илариона Великого, в которой Иларион «ужасается» из-за того, что его принуждают присваивать себе «учительский сан»].

И если такое светило так говорит о себе, что же делать мне, вместилищу всяких грехов и игралищу бéсов? Хотел было я отказаться от этого, но раз вы меня принуждаете, то я, как говорит апостол Павел, буду вести себя, как безумец, и в своем безумии буду говорить с вами не как учитель, имеющий власть, но как раб, и подчинюсь вашему повелению, хоть и безмерно мое невежество.

И опять, как говорит то же великое светило Иларион, добавляя к предыдущему [следует другая цитата из Илариона,

в которой Иларион, несмотря на свои сомнения, все же выражает согласие написать просимое «писание»].

Прочитав это, и я, окаянный, дерзнул написать, ибо кажется мне, окаянному, что такова божья воля.

Поверьте мне, господа мои и отцы, свидетель бог, пречистая богородица и чудотворец Кирилл, что этого великого Илариона я до сих пор не читал и не видел и даже не слышал о нем, но когда я захотел к вам писать, то хотел выписать вам из послания Василия Амасийского и, раскрыв книгу, нашел это послание великого Илариона и, вникнув в него, увидел, что оно очень подходит к нынешнему случаю, и решил, что здесь заключается для нашей пользы некое божье повеление, и поэтому дерзнул написать. Обратимся же, с божьей помощью, к беседе. Вы принуждаете меня, святые отцы, и я, повинуясь, пишу вам ответ.

Прежде всего, господа мои и отцы, вы, по божьей милости и молитвами его пречистой матери и великого чудотворца Кирилла имеете у себя устав этого великого отца, действующий у вас до сих пор. Имея такой устав, мужайтесь и держитесь его, но не как рабского ярма. Крепко держитесь заветов чудотворца и не позволяйте их разрушать [следует цитата из апостола Павла, призывающая крепко стоять за правду].

И вы, господа и отцы, стойте мужественно за заветы чудотворца и не уступайте в том, в чем вас просветили бог, пречистая богородица и чудотворец, ибо сказано, что «свет инокам — ангелы и свет мирянам — иноки». И если уж свет станет тьмой, то в какой же мрак впадем мы — темные и окаянные! [3]Помните, господа мои и святые отцы, что Маккавеи только ради того, чтобы не есть свиного мяса, приняли мученический венец и почитаются наравне с мучениками за Христа; вспомните, как Елеазару сказал мучитель, чтобы он даже не ел свиное мясо, а только взял его в руку, чтобы можно было сказать людям, что Елеазар ест мясо. Доблестный же так на это ответил: «Восемьдесят лет Елеазару, а ни разу он не соблазнил людей божьих. Как же ныне, будучи стариком,

буду я совращать народ Израиля?». И так погиб. И божественный Златоуст пострадал от обидчиков, предостерегая царицу от лихоимства. Ибо не виноградник и не вдова были причиной этого зла, изгнания чудотворца, мук его и его тяжкой смерти во время принудительного путешествия. Это невежды рассказывают, что он пострадал за виноградник, а тот, кто прочтет его житие, узнает, что Златоуст пострадал за многих, а не только за виноградник. И с виноградником этим дело было не так просто, как рассказывают. Но был в Царьграде некий муж в боярском сане, и про него наклеветали царице, что он поносит ее за лихоимство. Она же, объятая гневом, заточила его вместе с детьми в Селунь [Салоники]. Тогда он попросил великого Златоуста помочь ему, но тот не упросил царицу и все осталось, как было. Там этот человек и скончался в заточении, но царица, неутомимая в своем гневе, захотела хитростью отнять убогий виноградник, который он оставил своей семье для прокормления. И если святые из-за столь малых вещей принимали такие страдания, сколь же сильнее, мои господа и отцы, следует вам пострадать ради заветов чудотворца.[3] Так же как апостолы Христовы шли за ним на распятие и умерщвление и вместе с ним воскреснут, так и вам подобает следовать великому чудотворцу Кириллу, крепко держаться его заветов и бороться за истину, а не быть бегунами, бросающими щит и другие доспехи, — наоборот, возьмитесь за оружие божье, да не предаст никто из вас заветов чудотворца за серебро, подобно Иуде или, как сейчас, ради удовлетворения своих страстей. Есть и у вас Анна и Кайафа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлаам Собакин, ибо он послан от царской власти,[4] и есть Христос распинаемый — поруганные заветы чудотворца. Ради бога, святые отцы, ведь если вы в чем-нибудь малом допустите послабление, оно обратится в великое.

Вспомните, святые отцы, что писал к некоему иноку великий святитель и епископ Василий Амасийский и прочтите там, какого плача и огорчения достойны проступки ваших иноков и послабления им, какую радость и веселье они доставляют

врагам и какой плач и скорбь верным! То, что там написано некоему монаху, относится и к вам и ко всем, которые ушли от бездны мирских страстей и богатства, в иноческую жизнь, и ко всем, которые воспитались в иночестве [следуют обширные тексты из византийской церковной литературы, восхваляющие монашескую жизнь и порицающие нарушение монашеского устава].

Разве же вы не видите, что послабление в иноческой жизни достойно плача и скорби? Вы же ради Шереметьева и Хабарова преступили заветы чудотворца и совершили такое послабление. А если мы по божьему изволению решим у вас постричься, тогда к вам весь царский двор перейдет, а монастыря уже и не будет! Зачем тогда и монашество, зачем говорить: «отрекаюсь от мира и всего, что в нем есть», если мир весь в очах? Как тогда терпеть скорби и великие напасти со всей братией в этом святом месте и быть в повиновении у игумена и в любви и послушании у всей братии, как говорится в иноческом обете? А Шереметеву как назвать вас братиею? Да у него и десятый холоп, который с ним в келье живет, ест лучше братии, которая обедает в трапезной. Великие светильники православия Сергий, Кирилл, Варлаам, Дмитрий и Пафнутий,[5] и многие преподобные Русской земли установили крепкие уставы иноческой жизни, необходимые для спасения души. А бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они у вас постриглись, а вы у них; не вы им учителя и законодатели, а они вам. И если вам устав Шереметева хорош — держите его, а устав Кирилла плох — оставьте его. Сегодня тот боярин один порок введет, завтра другой иное послабление введет, мало-по-малу и весь крепкий монастырский уклад потеряет силу и пойдут мирские обычаи. Ведь во всех монастырях основатели сперва установили крепкие обычаи, а затем их уничтожили распутники. Чудотворец Кирилл был когда-то и в Симонове монастыре, а после него был там Сергей. Какие там были правила при чудотворце, узнаете, если прочтете его житие; но Сергей ввел

уже некоторые послабления, а другие после него — еще больше; мало-по-малу и дошло до того, что сейчас, как вы сами видите, в Симонове монастыре все, кроме тайных рабов господних, только по одеянию иноки, а делается у них все, как у мирских, так же как в Чудовом монастыре, стоящем среди столицы перед нашими глазами, — и нам и вам это известно.[6] Были там архимандриты: Иона, Исак Собака, Михайло, Вассиан Глазатый, Авраамий, — при всех них был этот монастырь одним из самых убогих. А при Левкии он сравнялся по благочинию с лучшими обителями, мало в чем уступая им в чистоте монашеской жизни. Смотрите сами, что дает силу: послабление или твердость? А вы над гробом Воротынского поставили церковь![7] Над Воротынским-то церковь, а над чудотворцем нет! Воротынский в церкви, а чудотворец за церковью! Видно и на Страшном суде Воротынский да Шереметев станут выше чудотворца: потому что Воротынский со своей церковью, а Шереметев со своим уставом, который для вас крепче, чем Кириллов. Я слышал, как один брат из ваших говорил, что хорошо сделала княгиня Воротынская. А я скажу: не хорошо, во-первых, потому что это образец гордости и высокомерия, ибо лишь царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом. Это не только не спасение души, но и пагуба: спасение души бывает от всяческого смирения. А во-вторых, очень зазорно и то, что над Воротынским церковь, а над чудотворцем нету, и служит над ним всегда только один священник, а это меньше, чем собор. А если не всегда служит, то это совсем скверно; а остальное вы сами знаете лучше нас. А если бы у вас было церковное украшение общее, вам было бы прибыльнее, и лишнего расхода не было бы — все было бы вместе и молитва общая. Думаю, и богу это было бы приятнее. Вот ведь на наших глазах только в монастырях преподобного Дионисия в Глушицах и великого чудотворца Александра на Свири [8] бояре не постригаются, и эти монастыри по божьей благодати славятся монашескими подвигами. А у вас дали сперва Иоасафу

Умному оловянную посуду в келью, потом дали Серапиону Сицкому и Ионе Ручкину, а Шереметеву — отдельный стол, да и кухня у него своя. Дашь ведь волю царю — надо и псарю; дашь послабление вельможе — надо и простому. Не рассказывайте мне о том римлянине, который славился своими добродетелями и все-таки жил такой жизнью: то ведь не установлено было, а было случайностью, и в пустыне было, недолго и без суеты, никого не соблазнило, ибо сказано в Евангелии: «не надобно притти соблазнам; горе тому человеку, через которого приходит соблазн!».[9] Одно дело — жить одному, а другое дело — вместе с другими.

[10]Господа мои, отцы преподобные! Вспомните вельможу, описанного в «Лестнице» — Исидора, прозванного Железным, который был князем Александрийским, а какого смирения достиг? Вспомните также и вельможу царя Индийского Авенира: в какой одежде он явился на испытание — ни в куньей, ни в собольей. А Иоасаф, сын этого царя: как он, оставив царство, пешком пошел в Синаридскую пустынь, сменил царские одежды на власяницу и претерпел много бедствий, о которых раньше и не знал, как он достиг божественного Варлаама и какой жизнью стал жить вместе с ним — царской или постнической? Кто же был более велик — царский сын или неведомый пустынник? Принес ли царский сын с собой свои обычаи, или стал жить по обычаям пустынника, даже и после его смерти? Вы сами знаете это гораздо лучше нас. А ведь у него много было своих Шереметевых. А Елизвой [Элесбоа], царь Эфиопский, какой суровой жизнью жил? А как Савва Сербский отца, мать, братьев, родных и друзей вместе со всем царством и вельможами оставил и принял крест Христов, и какие монашеские подвиги совершил? А как отец его Неманя, он же Симеон, с матерью его Марией, ради его поучения оставили царство и сменили багряные одежды на монашеские и какое при этом они обрели земное утешение и небесную радость? А как великий князь Святоша, владевший великим княжением Киевским, постригся в Печерском монастыре и пятнадцать лет был

там привратником и работал на всех, кто знал его и над кем он прежде сам властвовал? И не устыдился ради Христа такого унижения, что даже его братья вознегодовали на него. Они видели в этом унижение для своей державы, но ни сами, ни через других людей не могли отвратить его от этого замысла до дня его кончины, и даже после его кончины от его деревянного стула, на котором он сидел у ворот, бесы бывали отгоняемы. Вот какие подвиги совершали эти святые во имя Христа, а ведь у всех них были свои Шереметевы и Хабаровы. А как похоронен праведный цареградский патриарх, блаженный Игнатий, который был сыном царя и был, подобно Иоанну Крестителю, замучен кесарем Вардой за обличение его преступлений, ибо Варда жил с женой своего сына?[10]

А если в монахах жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. На этом, святые отцы, я могу и закончить мое нелепое пустословие. Я мог отвечать вам немногое, ибо вы все это в божественном писании знаете гораздо лучше нас, окаянных. Да и это немногое я сказал вам только потому, что вы меня к этому принудили. Вот уже год, как игумен Никодим был в Москве, а отдыха все нет: все Собакин и Шереметев! Чтó я им, отец духовный или начальник? Пусть как хотят, так и живут, если им спасение своей души не дорого! Долго ли будут длиться эти разговоры и смуты, суета и мятеж, распри и нашептывания и празднословие? И из-за чего? Из-за злобесного пса Василия Собакина, который не только не знает правил иноческой жизни, но не понимает даже, что такое чернец, а тем более — инок, чтó еще выше, чем чернец.[11] Он даже в одежде монашеской не разбирается, не только в жизни. Или из-за бесова сына Иоанна Шереметева? Или из-за дурака и упыря Хабарова? Поистине, святые отцы, это не чернецы, а поругатели монашеского образа. [12]Разве же вы не знаете отца Шереметева — Василия? Ведь его бесом звали! А как он постригся, да пришел в Троице-Сергиев монастырь, так сошелся с Курцевыми. А Иоасаф, который был митрополитом, — с Коровиными, и начали они между собой ссориться, тут все

и началось.[12] И в какое убожество впала эта святая обитель, известно всем, имеющим разум.

А до этого времени в Троице были крепкие порядки; мы сами это видели: когда мы приезжали к ним, они потчивали множество людей, а сами блюли благочестие. Однажды мы в этом убедились собственными глазами во время нашего приезда. Дворецким тогда у нас был князь Иоанн Кубенский. Когда мы приехали, благовестили ко всенощной; у нас же кончилась еда, взятая в дорогу. Он и захотел поесть и попить — из жажды, а не для удовольствия. А старец Симон Шубин и другие, которые были с ним, не из самых главных (главные давно разошлись по кельям), сказали ему как бы шутя: «Поздно, князь Иван, уже благовестят». Сел он за еду, — с одного конца стола ест, а они с другого конца отсылают. Захотел он попить, хватился хлебнуть, а там уже ни капельки не осталось: все отнесено в погреб. Такие были крепкие порядки в Троице, — и ведь для мирянина, не только для чернецов![13] А слышал я от многих, что были в этом святом месте и такие старцы, которые, когда приезжали наши бояре и вельможи, их потчивали, а сами ни к чему не прикасались, если вельможи их заставляли в неподобающее время, и даже в подобающее время — и тогда едва прикасались. А про порядки, которые были в этом святом месте в древние времена, я слышал еще более удивительные вещи: было это, когда к монастырю живоначальной Троицы приезжал помолиться к гробу Сергия чудотворца преподобный чудотворец Пафнутий и жившая там братия вела с ним духовную беседу. И когда он захотел уйти, они из духовной любви к нему, проводили его за ворота. И тогда, вспомнив завет преподобного Сергия — не выходить за ворота — они стали на молитву и преподобного Пафнутия побудили молиться вместе с ними. И об этом молились и затем разошлись. И даже ради такой духовной любви не пренебрегали отеческими заповедями, а не то, что ради чувственных удовольствий! Вот какие были в этом святом месте крепкие порядки в эти древние времена. Ныне же, за наши грехи,

монастырь этот хуже Песношского, как в те времена была Песношь.[14]

А все это послабление начало твориться из-за Василия Шереметева, подобно тому как в Царьграде все зло началось от царей Льва Исавра и его сына Константина Навозоименного [Копронима].[15] Ведь Лев только посеял семена злочестия, Константин же обратил царствующий град от благочестия к мраку: так и Вассиан Шереметев своими кознями разрушил отшельническую жизнь в Троице-Сергиевом монастыре вблизи столицы. Так же и сын его Иона стремится погубить последнее светило, сияющее, как солнце, и уничтожить спасительное пристанище для душ: отшельническую жизнь в Кирилловом монастыре, в самом пустынном месте. Ведь этот Шереметев, когда он еще был в миру, первый вместе с Висковатым перестал ходить крестным ходом.[16] А глядя на это, и все перестали ходить. А до этого времени все православные христиане, с женами и с младенцами, участвовали в крестном ходе и в те дни не торговали ничем, кроме съестного. А кто попробует торговать, с тех взымали пеню. И такой благочестивый обычай погиб из-за Шереметевых. Вот каковы Шереметевы! Кажется нам, что они таким же образом хотят истребить благочестие и в Кирилловом монастыре. А если кто заподозрит нас в ненависти к Шереметевым или в пристрастии к Собакиным, то свидетель бог, пречистая богородица и чудотворец Кирилл, что я говорю это ради монастырского порядка и искоренения послаблений. Слышали мы, что на праздник у вас в Кириллове монастыре были розданы братии свечи не по правилам, а некоторые при этом и служебника обижали. А прежде даже Иоасаф митрополит не мог уговорить Алексия Айгустова, чтобы тот прибавил нескольких поваров к тому небольшому числу, которое было при чудотворце. Немало и других было в монастыре строгостей, и прежние старцы твердо стояли и настаивали даже на мелочах. А когда мы в юности впервые были в Кирилловом монастыре,[17] мы как-то однажды опоздали ужинать из-за того, что у вас в Ки-

риллове в летнюю пору не отличить дня от ночи, а также по юношеским привычкам. А в то время помощником келаря [монаха, ведающего хозяйством монастыря] был у вас тогда Исайя Немой. И вот кто-то из тех, кто был приставлен к нашему столу, попросил стерлядей, а Исайи в то время не было — был он у себя в келье, и они с трудом едва его привели, и тот, кто был приставлен к нашему столу, спросил его о стерлядях или иной рыбе. А он так ответил: «Не было мне об этом приказа; что мне приказали, то я вам и приготовил, а сейчас ночь — взять негде. Государя боюсь, а бога надо больше бояться». Вот какие у вас тогда были крепкие порядки: «правду говорить и перед царями не стыдился», как сказал пророк. Ради истины праведно и возражать царям, но не ради чего-либо иного. А ныне у вас Шереметев сидит в келье словно царь, а Хабаров и другие чернецы к нему приходят и едят и пьют словно в миру. А Шереметев, не то со свадьбы, не то с родин, рассылает по кельям пастилу, коврижки и иные пряные искусные яства, а за монастырем у него двор, а в нем на год всяких запасов. Вы же ему ни слова не скажете против такого великого и пагубного нарушения монастырских порядков. Больше и говорить не буду: поверю вашим душам! А то ведь некоторые говорят, будто и вино горячее потихоньку приносили Шереметеву в келью, — так ведь в монастырях зазорно и фряжские [итальянские] вина пить, а не только что горячие. Это ли путь спасения, это ли монашеская жизнь? Неужели вам нечем было кормить Шереметева, что ему пришлось завести особые годовые запасы? Милые мои! До сих пор Кириллов монастырь прокармливал целые области в голодные времена, а теперь, в самое урожайное время, если бы вас Шереметев не прокормил, вы бы все с голоду перемерли. Хорошо ли, чтобы в Кирилловом монастыре завелись такие порядки, которые заводил митрополит Иоасаф, пировавший в Троицком монастыре с клирошанами, или Мисаил Сукин, живший в Никитском и других монастырях, как вельможа, или Иона Мотякин и другие люди, не желающие соблюдать

монастырские порядки? А Иона Шереметев хочет жить, не подчиняясь правилам, так же как отец его жил. Про отца его хоть можно было сказать, что он неволей, с горя, в монахи постригся. Да и о таких Лествичник писал: «Видел я насильственно постриженных, которые стали праведнее вольных». Так те ведь невольные! А ведь Иону Шереметева никто взашей не толкал: чего же он бесчинствует?

Но если, может быть, такие поступки у вас считаются приличными, то дело ваше: бог свидетель, я пишу это, только беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Гнев на Шереметевых тут не причем: у него, ведь, имеются братья в миру, и мне есть на кого положить опалу. Кто же будет надругаться над монахом и возлагать на него опалу! А если кто скажет, что я ради Собакиных, так мне из-за Собакиных нечего беспокоиться. Варлаамовы племянники хотели меня с детьми чародейством извести, а бог меня от них спас: их злодейство раскрылось и из-за этого все и произошло. Мне за своих душегубцев мстить незачем. Одно только было мне досадно, что вы моего слова не послушались. Собакин приехал с моим поручением, а вы его не уважили, да еще и поносили его моим именем, что и рассудилось судом божиим. А следовало бы ради моего слова и ради нас пренебречь его дуростью и поступить с ним кротко. Шереметев же приехал сам по себе, и вы потому его чтите и бережете. Это — не то, что Собакин; Шереметев дороже моего слова; Собакин приехал с моим словом и погиб, а Шереметев — сам по себе, и воскрес. Но стоит ли ради Шереметева целый год устраивать мятеж и волновать такую великую обитель? Новый Сильвестр на вас наскочил: видно, вы одной с ним породы.[18] Но если я гневался на Шереметевых за Собакина и за пренебрежение к моему слову, то за все это я воздал им еще в миру. Ныне же, поистине, я писал, беспокоясь о нарушении монастырских порядков. Не было бы у вас в обители тех пороков, не пришлось бы и Собакину с Шереметевым браниться. Слышал я, как кто-то из братьев вашей обители говорил нелепые слова, что у Шереметева

с Собакиным давняя мирская вражда. Так какой же это путь спасения и чего стоит ваше учительство, если и после пострижения прежняя вражда не разрушается? Так вы отрекаетесь от мира и от всего мирского и, отрезая волоса, отрезаете и унижающие суетные мысли, так вы следуете повелению апостола: «жить обновленной жизнью»? Сказал ведь господь: «Оставьте порочным мертвецам погребать свои пороки, как и своих мертвецов. Вы же, шествуя, возвещайте царство божие». И если уж пострижение не разрушает мирской вражды, тогда, видно, и царство, и боярство, и любая мирская слава сохранится в монашестве, и кто был велик в бельцах, будет велик и в чернецах? Тогда уж и в царствии небесном так же будет: кто здесь богат и могуществен, будет и там богат и могуществен? Так ведь это подобно лживому учению Магомета, который говорил: у кого здесь богатства много, тот и там будет богат, кто здесь в силе и славе, тот и там будет. Он и другое многое лгал. Это ли путь спасения, если и в монастыре боярин не сострижет боярства, а холоп не освободится от холопства? Как же будет с апостольским словом: «Нет ни эллина, ни скифа, ни раба, ни свободного, все едины во Христе»? Как же они едины, если боярин — по-старому боярин, а холоп — по-старому холоп? А разве апостол Павел не называл Анисима, бывшего раба Филимона, его братом? А вы и чужих холопов к боярам не приравниваете. А в здешних монастырях до последнего времени держалось равенство между холопами, боярами и торговыми мужиками. В Троице при нашем отце келарем был Нифонт, холоп Ряполовского, а с Бельским с одного блюда ел. На правом клиросе стояли Лопотало и Варлаам, неизвестно какого происхождения, а на левом — Варлаам, сын Александра Васильевича Оболенского. Видите: когда был настоящий путь спасения, холоп был равен Бельскому, а сын знатного князя делал одно дело с мужиками. Да и при нас на правом клиросе был Игнатий Курачев, белозерец, а на левом — Федорит Ступишин, и он ничем не отличался от других клирошан, да и много других таких случаев было до сих пор.

А в Правилах святого Василия написано: «Если чернец хвалится при других благородством происхождения, то пусть за это постится 8 дней и совершает 80 поклонов в день». А ныне то и слово: тот знатен, а тот еще выше, — так тут и братства нет. Ведь когда люди равны, тут и братство, а коли не равны, какому тут быть братству? А так и иноческая жизнь невозможна. Теперь же бояре своими пороками разрушили порядок во всех монастырях. Скажу еще более страшную вещь: как рыбак Петр и поселянин Иоанн Богослов будут судить богоотца Давида, о котором бог сказал, что он пришелся ему по сердцу, и славного царя Соломона, о котором господь сказал, что «нет под солнцем человека, украшенного такими царственными достоинствами и славой» и великого царя Константина и своих мучителей и всех сильных царей, господствовавших над вселенной? Двенадцать скромных людей будут их судить. Да еще того страшнее: родившая без греха господа нашего Христа и первый среди людей человек, креститель Христов, будут стоять, а рыболовы будут сидеть на 12 престолах и судить всю вселенную. А вам как своего Кирилла поставить рядом с Шереметевым, — кто из них выше? Шереметев постригся из бояр, а Кирилл даже приказным дьяком не был![19] Видите, куда завели вас послабления? Как сказал апостол Павел: «не впадайте во зло, ибо злые слова растлевают благие обычаи». И пусть никто не говорит мне этих постыдных слов: если вам с боярами не знаться, монастырь без даяний оскудеет. Сергей, Кирилл, Варлаам, Димитрий и другие многие святые не гонялись за боярами, но бояре за ними гонялись, и обители их росли: монастыри поддерживаются благочестием и не оскудевают. Иссякло в Троице-Сергиевом монастыре благочестие — и монастырь оскудел: никто у них не постригается и никто им ничего не дает. А в Сторожевском монастыре до чего допились?[20] Некому и затворить монастырь, на трапезе трава растет. А мы видели, как у них было больше восьмидесяти человек братии и по одиннадцать человек на клиросе: монастыри разрастаются благодаря благочестивой жизни,

а не из-за послаблений [следуют обширные выписки из Илариона Великого, предостерегающие иноков против «мирских» соблазнов].

Это — лишь малое из многого. Вы сами знаете всё лучше нас; если же хотите еще больше узнать, можете многое найти в божественных писаниях. А если вы напомните, что я забрал Варлаама из монастыря, обнаружив этим милость к нему и враждебность к вам, то бог свидетель, что мы сделали это только потому, что когда возникло это волнение и вы сообщили об этом нам, мы захотели наказать Варлаама за его бесчинство по монастырским правилам. Племянники же его нам говорили, что вы его притесняли ради Шереметева. А Собакины тогда еще не совершили измены против нас. И мы из милости к ним велели Варлааму явиться к нам и хотели его расспросить, из-за чего у них возникла вражда, и приказать ему, чтобы он сохранял терпение, если вы будете его притеснять, ибо притеснения и обиды помогают душевному спасению иноков. Но в ту зиму мы за ним потому не послали, что мы были заняты походом в Немецкую [Ливонскую] землю.[21] Когда же мы вернулись из похода, то послали за ним, расспрашивали его, и он стал говорить вздор — доносить на вас, что будто вы говорите о нас неподобающие и оскорбительные слова. А я на это плюнул и выругал его. Но он продолжал говорить нелепости, настаивая, что говорит правду. Затем я расспрашивал его о жизни в монастыре, и он стал говорить нивесть что, и оказалось, что он не только не знает иноческой жизни и одежды, но вообще не понимает, что такое чернецы, и хочет такой же жизни и чести, как в миру. И видя его сатанинское стремление к мирской суете, мы его и отпустили жить суетной жизнью. Пусть сам отвечает за свою душу, если не ищет душевного спасения. А к вам его, поистине, потому не послали, что не хотели огорчать себя и волновать вас. Он же очень хотел к вам. А он — настоящий мужик, врет, сам не зная что. Вы тоже нехорошо поступили, что прислали его как бы из тюрьмы, а старец соборный при нем словно пристав. А он

явился, как государь какой-то. И вы еще прислали с ним к нам подарки, да к тому же ножи, как-будто вы хотите нам вреда.[22] Как же можно посылать подарки с такой сатанинской враждебностью? Вам следовало его отпустить и отправить с ним молодых монахов. А посылать подарки при таком нехорошем деле неприлично. Все равно соборный старец ничего не мог ни прибавить, ни убавить, унять его он не сумел; все, что он захотел врать — он соврал, что мы захотели слушать — выслушали: соборный старец ничего не ухудшил и не улучшил. Все равно мы Варлааму ни в чем не поверили. Свидетель бог, пречистая богородица и чудотворец, что я беспокоюсь о нарушении монастырских порядков, а не на Шереметева гневаюсь. Если же кто скажет, что это жестоко и что Шереметев вправду болен, то если ему нужно послабление, пусть ест один в келье с келейником. А сходиться к нему зачем, да пировать, да яства в келье на что? До сих пор в Кириллове лишней иголки с ниткой не держали, а не только других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все это беззаконие, а не нужда. Если нужда, пусть он ест в келье, как нищий: кус хлеба, звено рыбы да чашку квасу. Если же вы хотите дать ему еще какие-нибудь послабления, то вы давайте сколько хотите, но пусть хотя бы ест один, а сходок и пиров не было бы, как прежде у вас водилось. А если кто хочет прийти к нему ради беседы духовной, пускай приходит не в трапезное время, чтобы в это время еды и питья не было, — так это будет, действительно, духовная беседа. Подарки же, которые ему присылают братья, пусть отдает в монастырское хозяйство, а у себя в келье таких вещей не держит. Пусть то, что к нему пришлют, будет разделено на всю братию, а не дано двум или трем монахам по дружбе и пристрастию. Если ему чего-нибудь нехватает, пусть временно держит. И иное что можно — тем его услаждайте. Но давайте ему из монастырских запасов и пусть пользуется один в келье, чтобы не возбуждать соблазна. А люди его пусть при монастыре не живут. Если же приедет кто-нибудь от его братьев с письмом, едой или подарками, пусть поживет дня

два-три, возьмет ответ и едет прочь, — и ему будет хорошо, и монастырю безмятежно. Мы еще в детстве слышали, что таковы были правила и в вашем монастыре, да и в других монастырях, где по божественному жили. Мы и написали вам все лучшее, что нам известно. А вы теперь прислали нам грамоту, и нет нам отдыха от вас из-за Шереметева. Вы пишете, что я передавал вам через старца Антония, чтобы Шереметев и Хабаров ели в общей трапезной с братией. Я передавал это только ради соблюдения монастырских порядков, а Шереметев увидел в этом опалу на него. Я писал только то, что я знал из обычаев вашего и других крепких монастырей, и для того, чтобы он мог спокойно жить в келье, не волнуя монастырь, — хорошо, если и вы его предоставите тихой жизни. А не потому ли вам так жаль Шереметева, что его братья до сих пор не перестают посылать в Крым и навлекать бусурман [мусульман] на христиан?[23] Хабаров велит мне перевести его в другой монастырь, но я не стану содействовать его скверной жизни. Видно уж очень надоело! Иноческое житье — не игрушка. Три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Пока он был в миру, только и знал, что образа окладывать, переплетать книги в бархат с серебряными застежками и жуками, аналои убирать, жить в затворничестве, кельи ставить, вечно четки в руках носить. А ныне ему с братией вместе есть тяжело! Надо молиться на четках не по скрижалям каменным, а по скрижалям сердец человеческих! Я видел, как по четкам матерно бранятся! Что в тех четках? Нечего мне писать о Хабарове, — пусть как хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, что его болезнь мне известна: так ведь не для всякого же лежебоки нарушать святые правила.

Написал я вам малое из многого из любви к вам и для укрепления иноческой жизни, вы же это знаете лучше нас. Если же хотите, найдете многое в божественном писании. А мы к вам больше писать не можем, да и нечего писать. Это — конец моего к вам письма. А вперед бы вы нам о Шереметеве и других нелепицах не докучали: мы отвечать не будем. Если

вам благочестие не нужно, а желательно нечестие, то это дело ваше! Скуйте Шереметеву хоть золотые сосуды и воздайте ему царские почести — ваше дело. Установите вместе с Шереметевым свои правила, а правила чудотворца отставьте, — так хорошо будет. Как лучше, так и делайте! Вы сами знаете; делайте, как хотите, а мне ни до чего дела нет! Больше не докучайте: поистине, ничего не отвечу. А злокозненную грамоту, которую вам весной прислали Собакины от моего имени, сравните повнимательней с моим нынешним письмом, а затем уже решайте, верить ли дальше нелепицам.

Да пребудут с вами и с нами милость бога мира и богородицы и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ (1574)

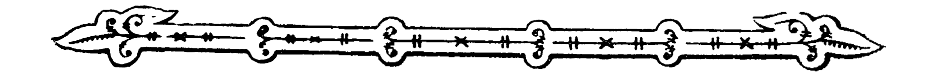
От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси Василию Григорьевичу Грязному-Ильину

Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен;[1] так надо было, Васюшка, без пути средь крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, надо было не по объездному спать: ты думал, что в объезд приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя в торок [к седлу] и привязали. Или ты думал, что и в Крыму можно так же, как у меня, стоя за кушаньем, шутить? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: «Пора домой!» Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве.[2]

Ты объявил себя великим человеком, — так ведь это за грехи мои случилось (и нам это как утаить?), что отца нашего и наши князья и бояре нам стали изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды.[3] А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине: такие там в станицах езжали, а ты в станице у Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили.[4] И мы не запираемся, что ты у нас в приближенье был; и ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали, а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут, и не дают

такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если б ты объявил себя маленьким человеком, то за тебя бы в обмен Дивея не просили. Про Дивея хоть хан и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместо Дивея: Дивей ему ста тысяч рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а нагайский князь и мурзы — все ему братья;[5] у Дивея своих таких полно было, как ты, Вася. Кроме князя Семена Пункова не на кого было бы менять Дивея; разве что, если бы надо было доставать князя Михаила Васильевича Глинского, можно было его выменять;[6] а в нынешнее время некого на Дивея менять. Тебе, выйдя из плена, столько не привести татар и не захватить, сколько Дивей христиан пленит. И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству, во вред ему: ты один свободен будешь, да приехав из-за своего увечия лежать станешь, а Дивей, приехав, станет воевать, да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?

Если ты оценил себя выше меры и обещал за себя мену выше своей стоимости, как же можно дать за тебя такой выкуп? Мерять такой неправильной мерой — значит не пособить христианству, а разорить христианство. А если будет мена или выкуп по твоей мере, и мы тебя тогда пожалуем. Если же из гордости ты станешь против христианства, тогда Христос тебе противник!

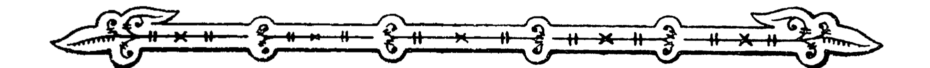


ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ (1575)

В 7084 году, 30 октября [30 октября 1575 г.] великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси подали эту челобитную князь Иван Васильевич Московский и дети его, князь Иван и князь Федор Ивановичи Московские, а в челобитной написано:

Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом и с Федорцом, челом бьют,[1] чтобы ты, государь, оказал нам милость, разрешил перебрать людишек,[2] бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишек: некоторых бы разрешил отослать, а некоторых милостиво разрешил принять, а с твоими государевыми приказными людьми разрешил обмениваться грамотами о людишках; и милостиво разрешил бы нам выбирать и принимать из всяких людей; и разрешил бы ты нам милостиво, государь, отсылать прочь тех, которые нам не нужны. Когда же мы, государь, переберем людишек, мы принесем тебе, государю, их поименные списки и уже с того времени без твоего государева ведома ни одного человека к себе не возьмем. А показал бы ты, государь, милость: запретил у тех людишек, которых мы примем к себе, отнимать вотчинишки, как прежде велось у удельных князей;[3] велел бы ты им отдать из их поместьишек хлебишко и деньжонку и всякое их рухлядишко [имущество], а людей их велел бы выпустить, не захватывая их имущества. И разрешил бы ты, государь, тем, которые захотят быть у нас, быть у нас без

опалы от тебя, и запретил бы ты отнимать их у нас. Тех же, которые от нас пойдут и будут проситься к тебе, ты бы, государь, милостиво отказался принимать.[4] Да окажи, государь, милость, укажи нам своим государевым указом, как нам своих мелких людишек держать: записывать ли их нашим дьячишкам по нашему указанию, или ты велишь брать у тебя полные грамоты на них?[5] Как укажешь, государь? Обо всем этом мы бьем тебе челом. Окажи милость, государь, пожалуй нас!



ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ (1577)

Такая грамота послана от государя из Пскова с князем Тимофеем Романовичем Трубецким во Владимир [Вольмар, Валмиеру] к князю Александру Полубенскому[1]

[2]Божьей [следует перечисление атрибутов, библейская цитата] волей и желанием, и властью, и силой творения, когда сказал бог «да будет свет» — стал свет, и совершилось иное творение тварей как наверху на небесах, так и внизу на земле и в преисподней. И затем создал бог человека, мужчину и женщину, сотворил их, поселил в раю и дал им наставление; когда же они послушали врага [дьявола] и наставление преступили, бог за это прогневался на них и изгнал их из рая нищими, и осудил их на смерть и болезни, и обрек их на труд, и отлучил их бог от лица своего. И увидел враг, что первые его козни пошли ему на пользу и что бог прогневался на человека, и, увидя это, решил окончательно уничтожить людей и побудил Каина убить Авеля. Бог же, не оставляя свое создание, из милосердия к роду человеческому сотворил ради Адама родоначальника правды — спасителя [Иисуса Христа]. И затем Енох угодил богу, ради чего бог прославил его взятием на небо и сохранил его как прорицателя своего второго пришествия. И когда умножились люди, и враг окончательно усилился, и люди стали повиноваться врагу во всем и восприняли все его злые дела, то бог еще более разгневался и истребил всех

людей на земле потопом и, обнаружив, что только праведник Ной действует по его заповедям, сохранил его за это как родоначальника вселенной. Затем, когда люди вновь умножились и враг еще более прельстил их и люди усердно предались вражьему прельщению и уклонились в богоборство, они начали создавать столп, говоря себе: если снова захочет бог навести потоп, то мы, взойдя на столп, вступим в борьбу с богом. И создали столп этот выше облаков, и бог гневом, дыханием уст своих, дыханием бурным и сильным, сокрушил столп и одних побил, а других разделил на семьдесят два языка. Один только Евер не присоединился к их делу и замыслу, за что бог и помиловал его: не отнял у него языка Адамова. От его имени и называются евреи. А других он разделил, чтобы, разделившись, восставали друг на друга и мучались за это преступление. Когда я говорю о боге, то, как и выше, я говорю об отце и сыне и святом духе в едином существе; ибо здесь были произнесены такие слова: «вот люди говорят одним языком и едиными устами и могут сделать всё, что захотят, спустимся и разделим их». Кто бы это мог говорить, как не троица? И затем, когда люди вновь умножились и подчинились врагу и бог еще более на них прогневался и отступил от них, дьявол поработил их и по своей воле стал вести все человечество. И отсюда пошли мучители и властители и цари, как первый Неврод, который начал строить столп, когда и произошло разделение языков. Неврод начал царствовать в Вавилоне, затем Мисрем в Египте, и в Ассирии Вил крепкорукий, он же Крон, и Бел, и Белус, и Белье, и Вабал, и Вельефегор, и Вельсавух, и Вельсавав, и Астарта, затем Нииие и Фор, он же Арес, и повсюду возникли многоразличные царства и каждое царство отдельно. Так возникло среди людей неблагочестивое царствование, то, о котором господь наш Иисус Христос говорит в Евангелии: высокое для людей — мерзость для бога. И так увидел бог, что погибает род человеческий и умилосердился над ним и создал праведника Авраама, того Авраама, который познал истинного бога и которого

бог возлюбил. И ради этого бог склонился на милосердие к человечеству и благословил Авраама и указал ему его обязанности и даровал ему наследника — Исаака и Исааку Иакова, он же Израиль. И обещал бог Аврааму: «сделаю тебя прародителем многих народов и цари от тебя произойдут». И те, которые произошли от Авраама, Исаака и Иакова, стали называться людьми, а прочие — язычниками, ибо говорит великий пророк Моисей: «всевышний поставил пределы народов по числу ангелов божиих; и стал Иаков уделом господним, Израиль — достоянием его». И в то время, когда бог пас народ израильский и извел его из Египта двумя своими крепкими и величественными руками — праведником Моисеем и Иисусом Навином, и поместил их в обетованной земле (было в то время много государств и некоторые из них израильтяне истребили), и когда он так сохранял еврейский народ и давал ему судей и правителей, и сам руководил ими до самого времени пророка Самуила, израильтяне из-за того, что после преступления Адама все человечество было охвачено прельщением и порабощено врагу, часто преступали божьи заповеди, прельщаясь делами беззаконных язычников. Бог же на них иногда гневался и отдавал их в рабство иноплеменникам, иногда же миловал и освобождал: когда они отступали от бога и поклонялись идолам, тогда предавал их, когда же обращались к господу, тогда освобождал их. Поэтому он, снисходя к их слабости, разрешал им даже приносить жертвы — не потому, что он хотел от них жертв, а уступая их слабости: «пусть приносят жертвы, лишь бы истинному богу приносили, а не бесам». Так было до пророка Самуила. Но человеку родственна всякая нечисть: не захотели израильтяне жить под божьим именем и под руководством его праведных слуг и попросили себе царя, и бог весьма за это прогневался на них и дал им царя Саула. И много напастей претерпели, и бог умилосердился над ними и дал им царя — праведника Давида и распространил царство его. Это было первое благословение царству: бог снизошел к слабости человеческой и благословил

царство. И затем, когда умножились люди и царства и власти и разрослось беззаконие, бог не презрел рода человеческого, мучимого дьяволом. Прежде всего послал пророков, провозвестивших пришествие божьего слова и обличающих грехи и беззакония; были же люди неразумны, и враг ими владел, и избили они пророков и еще более впали в нечестие. И затем во имя человеколюбия сам бог-сын, слово божие, соизволил воплотиться от пречистой матери, чтобы спасти людей на земле. И сперва он отверг царство, ибо говорит господь в Евангелии, что высокое для людей — мерзость для бога, а затем и благословил его, ибо божественным своим рождением прославил Августа-кесаря, соизволив родиться в его царствование; и этим прославил его и расширил его царство и даровал ему не только Римскую державу, но и всю вселенную — и готов, и сарматов, и Италию, и всю Далмацию, и Анатолию, и Македонию и иные страны — Азию, и Сирию, и Междуречье, и Египет, и Иерусалим — вплоть до границ Персии. И когда Август владел таким образом всей вселенной, он посадил брата своего Пруса в город, называемый Мальборг, и в Торунь, и в Хвойницу, и в преславный Гданьск на реке, называемой Неман, которая течет в море Варяжское [Балтийское]. Когда же господь наш Иисус Христос осуществил предназначенное ему провидением, послал он божественных своих учеников по всему миру просветить вселенную. Они же, точно на крыльях облетев всю вселенную, проповедывали слово божие. И так как в то время всюду царствовал грех и господствовало нечестие, а цари и князья и управители служили дьяволу и противодействовали ученикам божьим, то они были избиты, и многие ученики божьи — как священники, так и простые люди — приняли мученичество. И со времени царствования Августа вплоть до Максентия и Максимина Галерия было в Риме гонение на христиан. Господь же наш Иисус Христос не презрел моления рабов своих, но, внимая мольбам своей матери и исполняя свой обет: «Я с вами до скончания мира сего, аминь», создал опору бла-

гочестия — великого, сияющего благочестием Константина Флавия, царя правды христианской, соединившего священство и царство воедино, и с этого времени повсюду умножились христианские царства. И затем по благоволению в троице славимого бога в Российской земле создалось царство, когда, как я уже говорил, Август, кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата, упомянутого выше Пруса. И силою и милостью троицы так создалось это царство: потомок Пруса в четырнадцатом колене, Рюрик, пришел и начал княжить на Руси и в Новгороде, назвался сам великим князем и нарек этот город Великим Новгородом. Сын же его Игорь переселился в Киев и там установил скипетр российского царствования и брал дань с греков и жил в Переяславце Дунайском, где находятся Бен и Ведна [Вена]. Что же после них? Умилосердился бог над нашей Российской землей, и привел сына этого Святослава, Владимира, к познанию истины и просветил светом благочестия, чтобы он славил его, истинного бога, отца и сына и святого духа, во единстве почитаемого, избрал его, как второго Павла, в царственных сединах, обратил его к крещению и сделал царем правды христианской, как великого Константина. Как говорит божественный апостол Павел: нет власти не от бога, пусть всякая душа повинуется власти; поэтому тот, кто противится власти, противится божьему повелению, и никому не следует вступать в чужие пределы. Мы же хвалим, прославляем и почитаем господа, вечно поем и превозносим его, давшего нам средство к спасению, как в дому раба своего Давида, так и в дому блаженного великого Владимира, во святом крещении Василия. Его же божьей милостью, благоволением и волею утвердился и скипетр Российской державы и был передан нам — от этого великого Владимира, во святом крещении Василия, который рисуется на иконах с царским венцом, и от сына его великого государя Ярослава, названного в святом крещении Георгием, который завоевал эту Чудскую землю, то есть Ливонию, и поставил город, названный по его имени Юрьевым, а теперь

называемый Дерптом, и от великого царя и великого князя Владимира Мономаха, который воевал в византийской Фракии и приобрел царский венец и имя (получил он их от царя Константина, царствовавшего в то время в Царьграде), и от преславного великого князя Александра, одержавшего на Неве победу над немцами римской веры, и от достойного хвалы великого государя, великого князя Димитрия, одержавшего за Доном великую победу над безбожными агарянами [татарами], и от деда нашего, блаженной памяти великого государя Ивана Васильевича, собирателя Русской земли и многих земель обладателя, и от отца нашего, великого государя, царя всея Руси блаженной памяти Василия, приобретателя исконных прародительских земель, перешел, наконец, по наследству и к нам скипетр Российского царства. Мы же хвалим бога за премногую его милость к нам.[2]

Этого тричисленного божества, отца, сына и святого духа милостию, властью и волей покровительствуемые, а иногда охраняемые, защищаемые и укрепляемые, мы и удержали скипетр Российского царства; мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] оповещаем думного дворянина княжества Литовского, князя Александра Ивановича Полубенского, дудку, пищалку, самару, разладу, нефиря (все это — дудкино племя!)[3] о нашем царском повелении.

А наставление наше царское таково. Ливонская земля с незапамятных времен — наша вотчина: от великого князя Ярослава, сына великого Владимира, а во святом крещении Георгия, который завоевал Чудскую землю и поставил в ней город, названный по его имени Юрьевым, а по-немецки Дерптом, а затем от великого государя Александра Невского; Ливонская земля давно уже обязалась платить дань, и они неоднократно присылали бить челом прадеду нашему, великому государю и царю Василию, и деду нашему, великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти государю и царю всея Руси Василию, о своих винах и нуждах и о мире

с их вотчинами — с Великим Новгородом и Псковом — и обязались не присоединяться к Литовскому государю. И к нашему царскому величеству также неоднократно присылали бить челом своих послов и обязались платить дань по-старому, но потом всего этого не исполнили и за это на них наш меч, гнев и огонь ходит. И как-то раз дошло до слуха нашего, что люди безвластного государства Литовского, преступив божье повеление, не позволяющее никому вступать в чужие владения, вступили в нашу вотчину, в Ливонскую землю, и тебя сделали там гетманом. И ты совершил многие недостойные дела: не имея воинской доблести, обманом взял Изборск, пригород нашей вотчины Пскова, где, будучи отступником от христианства, надругался над божьими церквами и иконами.[4] Но милость бога и пречистой богородицы и молитвы всех его святых и сила икон посрамили вас, иконоборцев, а нашу древнюю вотчину нам возвратили, а ваша надежда — Крон и Зевс и другие, о которых мы говорили выше, — оказалась напрасной.

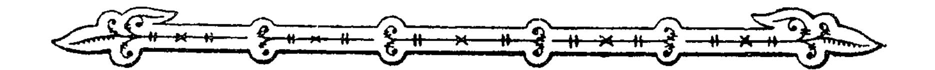
А пишешь, что ты — Палемонова рода,[5] так ведь ты — полоумова рода, потому что завладел государством, а удержать его под своей властью не сумел, сам попал в холопы к чужому роду. А что ты называешься вице-регентом земли Ливонской, правителем рыцарства вольного, так это рыцарство бродячее, разбрелось оно по многим землям, а не вольное. А ты вице-регент и правитель над висельниками: те, кто из Литвы от виселицы сбежал — вот кто твои рыцари! А гетманство твое над кем? С тобой ни одного доброго человека из Литвы нет, а всё — мятежники, воры и разбойники. А владений у тебя — нет и десяти городков, где бы тебя слушали. А Колывань [Таллин, Ревель] у Шведского короля, а Рига — отдельно, а Задвинье у Кетлера.[7] А кем тебе править? Где магистр, где маршал, где командоры, где советники и все воинство Ливонской земли?[8] Всего у тебя — ничего!

А сейчас наше царское величество пришло обозревать свои вотчины — Великий Новгород, Псков и Ливонскую землю, и мы шлем тебе с милостивым покровительством наше

царское повеление и достойные наставления: мы хотим на угодных нам условиях заключить мир, о котором ваш избранный государь Стефан Обатур [Баторий] пишет к нам и присылает своих послов,[9] а ты бы не мешал заключению мира между нами и Стефаном Обатуром, не стремился к пролитию христианской крови и уехал бы со всеми людьми из нашей вотчины, Ливонской земли, а мы всему своему воинству приказали литовских людей не трогать. А если ты так не сделаешь и из Ливонской земли не уйдешь, тогда на тебя падет вина за кровопролитие и за судьбу литовских людей, которые окажутся в Ливонии. А мы не будем вести никаких военных действий с Литовской землей, пока послы от Обатура находятся у нас. А с этой грамотой мы послали к тебе своего воеводу князя Тимофея Трубецкого, сына Романа, сына Семена, сына Ивана, сына Юрия, сына Михаила, сына князя Димитрия, сына великого князя Ольгерда, у которого твои предки Палемонова рода служили.[10]

Писано в нашей вотчине в доме св. Троицы и великого государя Всеволода-Гавриила из двора нашего боярской державы в городе Пскове [11] в 7085 году, 9 июля [9 июля 1577 г.], на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 35-й год — Казанского, 24-й год — Астраханского.

А на подписи к грамоте написано: почтенному дворянину великого княжества Литовского, князю Александру Ивановичу Полубенскому, дудке, вице-регенту бродячей Литовской земли и разогнанного Ливонского рыцарства, старосте Вольмерскому, шуту.



ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ (1577)

Такая грамота послана от государя из Владимирца [Вольмера] к пану Яну Еронимовичу с князем Александром Полубенским

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] шлем наше слово пану государя Стефана [следует титул] Яну Еронимовичу Ходкевичу, графу на Шклове и Мыши, пану Виленскому, старосте Жмудскому, маршалку земскому великого княжества Литовского, старосте Ковенскому и правителю Плотельскому и Тельшовскому.[2]

Муж храбрый, высокомудрый и почтенный, достоин ты быть первым среди своего рода и начальствовать! Издавна ведь я слышал о доблести твоей и дивился ей и хвалил тебя, и стремился показать тебе мою любовь и милость во многих и различных случаях. Мне не пришлось сделать это, когда ты, во время отсутствия короля, писал к нам через Ливонскую землю,[3] ныне же, по благоволению божьему пришло то время, о котором говорил апостол Павел: «во время благоприятное послушал тебя, в день спасения помог тебе; вот ныне время благоприятное, ныне день спасения, и никакого нигде нет препятствия»; поэтому и пишу тебе.

Божьей милостью с крестоносной хоругвию ходили мы очищать и оберегать свою вотчину и ныне с помощью всемогу-

щей божьей десницы и силою животворящего креста вся вотчина, Ливонская земля, оказалась под нашей властью. А ты назывался администратором и гетманом Ливонской земли, а теперь ты этого лишился; так ты бы, муж благоразумный и храбрый, этому не удивлялся, ибо бог дает власть тому, кому хочет. А это ведь было звание, достойное государя, и тебе то не подобало (ты из рода великих панов, и поэтому мы, чтобы доставить тебе удовольствие, называем тебя графом, хотя это также тебе не подобает). А убытка ты здесь никакого не понес, потому что было у тебя только название, и огорчаться тебе из-за этого не стоит, ибо название — вещь мимолетная, а не постоянная. Слышал я о твоем благоразумии и храбрости во время сражения под Улой и восхищался, как ты доблестно там действовал;[4] а вот в Ливонскую землю вступил ты напрасно. И поэтому обращаюсь к твоему благоразумию; ибо сказано: «покажи премудрому его вину и мудрее станет, объясни праведному и сумеет постигнуть». Вот почему тебе, премудрому человеку, не должно из-за этого смущаться и, отказавшись от смущения, следует озаботиться об установлении мира между христианами. И указали бы вы государю вашему Стефану, королю Польскому, чтобы он не воевал с нашей вотчиной, Ливонской землей, и ничем ее не задевал. Также и ты не проявлял бы досады. А нехороша пословица: «отними у того, у кого уже отнято», — из-за нее-то и происходит зло.[5] Будь и ты в добром здоровии, а вотчине нашей, Ливонской земле, никакого вреда не причиняй.

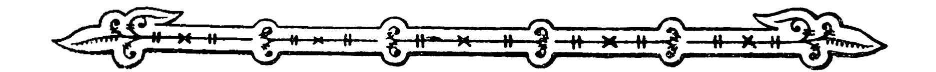
А больше вам не следует говорить те слова, которые вы говорили в Полоцке: что там не наша земля, где ноги нашего коня не стояли; ведь теперь в нашей вотчине, Ливонской земле, во многих областях нет такого места, где бы не только ноги нашего коня, но и наши ноги не были, нет и такой воды в водах и озерах, которой бы мы не пили, но все это по божьей воле оказалось под ногами наших коней и под нашим господством.[6] Также вам не следует говорить, что мы вопреки перемирию вступили в Ливонскую землю, ибо слова эти лживы.

Никогда мы не говорили о мире с Ливонской землей, а Литовской земли мы в нынешнем своем походе ничем не задели и не оскорбили. И ты бы сам говорил своему государю, а также братии своей, панам вашей рады, и совместно со своей братьей, с панами рады, говорил бы своему государю королю Стефану, чтобы ваш государь незамедлительно слал к нам своих послов, а мы хотим достойным образом заключить с ним мир и установить дружеские отношения. А он бы нас за это отблагодарил, ибо без такой благодарности братство между нами установиться не может.[7]

Писан в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году, 12 сентября [12 сентября 1577 г.], на 43-й год нашего государства, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й год — Казанского, 24-й год — Астраханского.

Иван Грозный.

Портрет из Казанского летописца.



ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ (1577)

Такая грамота послана государем также из Владимирца [Вольмера] к князю Андрею Курбскому с князем Александром Полубенским[1]

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью так пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси [следует полный титул] бывшему нашему боярину и воеводе князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Смиренно напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему преступлению, превозшедшему преступления Манассии, хотя я и не отступил от веры, снисходительно божье величество, в ожидании моего обращения. И не отчаиваюсь в милосердии создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского преступления мои, все же надеюсь на милость божию — может господь морем своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь господь оказал милость мне, грешнику, блуднику, и мучителю и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия.[2] А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Об этом ты можешь узнать от них, если спросишь, я же не хочу пере-

числять тебе эти победы, ибо не мои они, а божьи. Тебе же напомню лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже подробно ответил; теперь же напомню немногое из многого. Вспомни сказанное в книге Иова: «обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром и Алексеем Адашевым и всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но бог дает власть тому, кому захочет.

Писал ты, что я растлен разумом хуже язычника.[3] Я же ставлю тебя самого судьею между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел над вами господствовать, а когда вы не захотели быть под моей властью, разгневался на вас? Или растлены вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти: на словах я был государь, а на деле нисколько не властвовал. Сколько напастей я от вас испытал, сколько оскорблений, сколько обид и упреков! И за что? В чем была моя вина перед вами с самого начала? Чем и кого я оскорбил? Это ли моя вина, что полтораста четей [земельные владения] Прозоровского вам были дороже моего сына Федора?[4] Вспомни и рассуди: как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея! Неужели эта земля вам была дороже моей жизни? И что такое сами Прозоровские рядом с нами? [далее в тексте непонятная фраза].[4] Божиим милосердием, милостью пречистой богородицы, молитвой святых чудотворцев и милостью святого Сергия у моего батюшки, и с батюшкиного благословения у меня была не одна сотня таких, как Прозоровский. А чем лучше меня был Курлятев? Его дочерям покупают всякие украшения и желают им здоровья, а моим шлют проклятия и желают им смерти.[5] Много такого было. Сколько мне было от вас бед — не исписать.

А с женою моей зачем вы меня разлучили? Не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв[6].

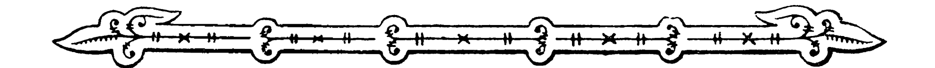
А если скажешь, что я после этого не стерпел и не соблюл чистоты — так ведь все мы люди. А ты для чего взял стрелецкую жену? [7] А если бы вы с попом не восстали на меня, ничего бы этого не случилось: все это случилось из-за вашего самовольства. А зачем вы захотели князя Владимира посадить на престол, а меня с детьми погубить? Разве я похитил престол или захватил его благодаря войне и кровопролитию? По божьему изволению с рождения был я предназначен к царству; как меня отец благословил на государство, уже и вспомнить не могу; на государском престоле вырос. А князю Владимиру с какой стати следовало быть государем? Он — сын четвертого удельного князя. Какие у него достоинства, какие наследственные права быть государем, кроме вашей измены и его глупости? В чем моя вина перед ним? Что ваши же деды и господа отца его уморили в тюрьме, а его с матерью также в тюрьме держали? А я его и его мать освободил и держал их в чести и в благоустройстве; а он уже был всего этого лишен. И я такие оскорбления вытерпеть не мог — и стал за самого себя.[8] Тогда вы начали против меня еще больше выступать и изменять, и я потому еще жестче начал выступать против вас. Я хотел вас подчинить своей воле, и как же вы из-за этого надругались над святыней господней и осквернили ее! Рассердившись на человека, восстали на бога. Сколько церквей, монастырей и святых мест поругали и осквернили! Сами за это богу ответ дадите. Но опять-таки умолчу об этом; пишу здесь тебе о нынешних делах. Дивись велениям божьей судьбы, о князь: ибо бог дает власть кому хочет. Вы ведь с попом Сильвестром и с Алексеем Адашевым хвастались, как дьявол в книге Иова: «обошел землю и прошел вселенную и вся земля под ногами моими» (и сказал ему господь: «а знаешь ли ты раба моего Иова?»). Так и вы мнили, что вся Русская земля под ногами вашими, но по божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и навострил свое перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «нет людей на Руси, некому обороняться», — а нынче вас нет; кто же нынче занимает

сильнейшие германские крепости? А между тем сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, занимает крепости. Не ждут бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста! А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был.[9] Много всяких людей отпущено: спроси их, узнаешь.

Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальние города как бы в наказание посылали,[10] — так теперь мы, не пожалев своих седин, и дальше твоих дальних городов, слава богу, прошли, и ногами коней наших переступили все ваши дороги — из Литвы и в Литву, и пешком ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, место покоя твоего, привел нас бог: настигли тебя, и ты еще дальше поехал.[11]

Итак мы написали тебе лишь некоторое из многого. Рассуди сам, как и что ты наделал, за что божье провидение обратило на нас свою милость, рассуди, что ты натворил. Взгляни внутрь себя и сам себе раскрой содеянное тобой! Видит бог, что написали мы это тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал.

Писан в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 году [1577 г.], на 43-й год нашего правления, на 31-й год нашего Российского царства, 25-й — Казанского, 24-й — Астраханского.



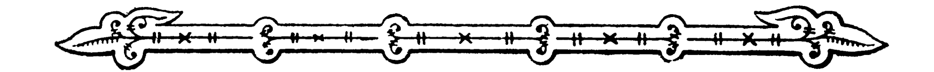
ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ (1577)

Такая грамота послана к Тимохе Тетерину

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и многих земель государя к Тимофею-Тихону Иванову сыну Тетерину-Пухову.

Писал ты прежде нашему боярину, воеводе и наместнику Юрьева Ливонского Михаилу Яковлевичу Морозову, что он, сидя в башне, посылает к тебе грамоты с угрозами, и что его Юрьевское наместничество такое, что мы, не веря ему, держим его жену и детей заложниками,[1] — так чего же ты, расстрига-богатырь, захвативший предательством Изборск,[2] ныне за Двину в Литву побежал, а ни в какой башне не удержался? А в этом опальном наместничестве, в Юрьевском, ныне мы сами сидим. А вам бы сейчас лучше всего нас здесь спокойно дожидаться — мы бы вас во всех бедах успокоили! А нечего к тебе, холопу, много и писать. Какую холопскую [в тексте пропуск] делаешь, а какие ты грамоты к нам привозил от Андрея Шеина,[3] когда впервые наши люди видались с магистром в нашей вотчине, Ливонской земле!

Писан в убежище твоего государя князя Андрея Курбского,[4] в нашей вотчине, в Ливонской земле, в городе Вольмере, в 7086 г., 12 сентября [12 сентября 1577 г.].



ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ (1581)

А это — грамота от государя к королю, пересланная с его гонцом Криштофом Држком[1]

Божьей [следует перечисление атрибутов] милостью мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова, Российского царства и иных многих государств и царств скипетродержателем, царь и великий князь всея Руси [следует полный титул], по божьему изволению, а не по многомятежному желанию человечества[2] — Стефану, божьей милостью, королю Польскому [следует титул] князю Семиградскому и иных.

[3]Прислал ты к нам гонца своего Криштофа Держка с грамотой; а в грамоте своей писал нам, что наши полномочные послы — дворянин и наместник Муромский Остафий Михайлович Пушкин и дворянин наш и наместник Шацкий Федор Писемский и дьяк Иван Андреев сын Трифонов — прибыли к тебе с нашей верительной грамотой, в которой мы просили тебя доверять их словам, сказанным от нашего имени. Ты пишешь, что они объявили тебе, что пришли со всеми необходимыми полномочиями, чтобы заключить христианский мир; но когда ты им позволил вести переговоры с панами твоей рады, они потребовали сохранения за нами четырех замков в Ливонской земле: Новгородка Ливонского [Нейгаузен], Серенска [Нейшлос], Адежа [Неймюль] и Ругодива [Нарва],

да еще прибавили к этому города, которые в прошлом году с помощью божьей перешли в твои руки; за это, они, по твоим словам, должны были быть отправлены назад, не окончив переговоров. А затем они попросили, чтобы ты дозволил им послать к нам за полномочиями о всех объявленных тобою условиях мира и дружбы, и ты разрешил им это. Ты хочешь теперь, чтобы, ознакомившись с посланием наших послов, мы дали им достаточные указания об этом и прислали грамоту со всеми полномочиями для заключения христианского мира и установления дружбы и братства между нами; удостоверившись в этом, ты согласишься заключить мир. А указания и полномочия своим послам ты просишь послать, не мешкая, ибо для тебя убыточно держать внутри своего государства набранные войска, а если подвинуть их ближе к границе, тогда, по твоим словам, и нашему государству не избежать убытков. Ты пишешь также, что велел нашим послам упомянуть город Себеж, построенный на земле Полоцкой, не ради какой-нибудь корысти, а только для того, чтобы установленная дружба не была нарушена своевольными людьми, ибо возле Себежа всюду расположены села и люди полоцкие; нам же, пишешь ты, следует мириться так, чтобы доброе дело нерушимо укрепилось на благо христиан, а дружба между нами все более усиливалась. Но ты предлагаешь это только на наше усмотрение и решение, а сам ты ради блага христиан не собираешься этим малым делом разрушать больших. Тех же твоих купцов, которые без всякой вины задержаны в нашей земле, ты просишь добровольно выпустить со всем их имуществом и тем самым дать тебе доказательство нашей склонности и готовности к дружбе. С этой своей грамотой ты послал к нам своего дворянина Криштофа Держка, и ты просишь без всякой задержки отпустить его к тебе, чтобы он не опоздал к сроку, указанному нашим послам.[3]

Твои же паны, как сообщают наши послы, дворянин и наместник Муромский Остафий Михайлович Пушкин с товарищами, говорили им от твоего имени, что ты с нами поми-

ришься только, если мы уступим тебе всю Ливонскую землю до последней пяди, что Велиж, Усвят и Озерище — все это уже у тебя, а Луки Великие, Заволочье и Холм беспрекословно оставлены нами при отступлении, и что мы должны разрушить город Себеж, да еще уплатить тебе четыреста тысяч золотых червонцев за твой убыток, что ты снаряжался, отправляясь воевать наши земли. Мы никогда еще не встречали такой самоуверенности и недоумеваем: ведь нынче ты собираешься мириться, а твоя рада предъявляет такие безмерные требования, — чего же они потребуют, прервав мирные переговоры? Твои паны попрекали наших послов, что они приехали торговать Ливонской землей. Так что же: если наши послы торгуют Ливонской землей, то это плохо, а если твои паны нами и нашими владениями играют и из гордости предлагают невозможное — это хорошо? Да это не торговля была, а переговоры.[4]

А когда в вашем государстве были благочестивые христианские государи — от Казимира до нынешнего Сигизмунда-Августа, они жалели проливать христианскую кровь и посылали к нам своих послов, и наши послы к ним ездили, и наши бояре вели с их послами предварительные переговоры и неоднократно принимали решения, выгодные для обеих сторон, чтобы христианская кровь не лилась напрасно и между государствами царили мир и спокойствие, — вот к чему стремились паны в прежние времена. Ездят бывало туда и обратно, побранятся с послами и снова помирятся, и делают дело долго, а не в один час обернутся. А ныне мы видим и слышим, что в твоей земле христианство умаляется; поэтому-то твоя рада, не беспокоясь о кровопролитии среди христиан, действует наскоро. И ты бы, король Стефан, припомнил все это и рассудил: по христианскому ли это обычаю делается?

Когда послал ты к нам своих полномочных послов — воеводу Мазовецкого Стефана Крыйского с товарищами,[5] то они без всякого принуждения договорились с нашими боярами, написали от твоего имени грамоту, привесили к этой грамоте свои печати и присягнули, целуя крест, что, когда приедут

наши послы, ты напишешь такую же свою грамоту, какую они написали в Москве, привесишь к ней свою печать и присягнешь, что будешь соблюдать эту грамоту в течение указанных лет, а наших послов отпустишь с той своей грамотой, не задерживая.

[6]Мы же, согласно решению твоих послов и наших бояр, послали к тебе своих послов — дворецкого Тверского и наместника Муромского Михаила Долматовича Карпова, своего казначея и наместника Тульского Петра Ивановича Головина и дьяка Тарасия-Курбата Григорьева сына Грамотина — довести до конца то дело, о котором договорились твои послы, взять у тебя грамоту о перемирии и привести тебя на той грамоте к присяге. Но наш полномочный посол Михаил Долматович Карпов скончался неизвестно от чего, а когда его товарищи, наш казначей и наместник Тульский Петр Иванович Головин и наш дьяк Тарасий-Курбат Григорьев сын Грамотин, пришли к тебе, то ты пренебрег договором, отказался следовать присяге твоих послов, предал наших послов бесчестию и насильно посадил их под стражу, как узников. А отказались вести с тобою переговоры наши послы потому, что они, увидя твою надменность, когда ты не встал при произнесении нашего имени и не спросил о нашем здоровье, не решались без нашего ведома стерпеть это. Отныне же, как бы надменно ты ни поступал, мы ни на что не будем отвечать. А вести переговоры с твоими управителями у себя в доме нашим послам не подобало: при предках твоих никогда так не бывало. Но много говорить об этом здесь нет надобности. Ты же прислал к нам своего гонца Петра Гарабурду с непристойной грамотой,[6] а сам начал собирать против нас войска из многих земель. А в грамоте, присланной с Петром Гарабурдой, было написано, чтобы мы отказались от условий, принятых твоими послами, и составили новый наказ своим послам и велели им снова договариваться о Ливонской земле. Где же это ведется, чтобы нарушать скрепленное присягой? Даже если послы совершают что-нибудь дурное, то и тут не нарушают

соглашения, а ждут истечения срока, установленного договором; послов за их вину наказывают, а что сделано, не переделывают, нигде не переделывают и присяги на кресте не нарушают. Не только в христианских государствах не принято нарушать присягу, как ты захотел сделать (называясь христианским государем, ты захотел действовать не по-христиански, надругаясь над нашей присягой и вопреки присяге твоих послов, сделанной за тебя, захотел делать все сызнова, — это нигде не ведется!), но и в бусурманских [мусульманских] государствах[7] не принято нарушать клятву; даже бусурмане, если они государи почтенные и разумные, держат клятву крепко и не навлекают на себя хулы, а тех, кто нарушит обещание, укоряют и хулят, и нигде не нарушают обещанного. Да и у предков твоих этого не бывало, чтобы нарушить то, о чем послы договорились; ты установил новый обычай! Прикажи поискать во всех своих книгах — [8]ни при Ольгерде, ни при Ягайло, ни при Витовте, ни при Казимире, ни при Альбрехте, ни при Александре, ни при Сигизмунде Первом, ни в наше время при Сигизмунде-Августе никогда не поступали по твоему новому обычаю. И если уж ты этих прежних государей называешь своими предками [8] — чего же ты по их установлениям не действуешь, а заводишь свои новые обычаи, которые приводят к пролитию невинной христианской крови? Те прежние государи, предки твои, не нарушали обещаний своих послов. Узнав о таком неподобающем деле, мы задержали твоего гонца Петра Гарабурду, ожидая, что ты согласишься на достойное соглашение и доведешь дело с нашими послами до конца.

И тут мы узнали, что ты готовишься к войне. Тогда мы отправили к тебе твоего гонца Петра Гарабурду, а с ним своего гонца Андрея Михалкова с грамотой,[9] в которой написали, что нельзя так поступать: отменить присягу и все делать заново; тебе следовало довести до конца то соглашение, которое заключили твои послы с нашими боярами; а о Ливонской земле ты должен прислать к нам других своих послов, и мы поручим боярам договориться с ними, как должно. И ты,

не послушав этого, впал в еще бóльшую ярость и, нарушив присягу своих послов, выгнал наших послов из своей земли, как каких-то злодеев, не допустив их до свидания с тобой. С ними ты наспех прислал к нам своего гонца Венцлава Лопатинского с грамотой, а в ней написал о нашем государском величестве многие несправедливые слова и укоры, которых не стоит подробно повторять, а после этого отпустил к нам нашего гонца Андрея, прислав с ним грамоту, также наполненную яростью.[10] Сам же ты пошел войной со многими людьми из разных земель и с нашими изменниками — Курбским, Заболоцким, Тетериным[11] и другими. И нашу вотчину, город Полоцк, взял изменой: наши воеводы и люди плохо дрались против тебя и изменнически сдали тебе город Полоцк. Ты же, идя на Полоцк, сам писал нашим людям грамоту, чтобы они нам изменяли и переходили к тебе с крепостями и городами, и хвалился, что отомстишь нам за наших изменников. Не на войско надеешься — на изменников![12] А мы, не ожидая, что ты так поступишь, и надеясь на присягу твоих послов (ведь ты поступил так, как от веку не бывало!), пошли было очищать свою вотчину, Ливонскую землю. Но когда мы пришли в свою вотчину, в Псков, до нас дошла весть о тебе, что ты пришел с войной к нашей вотчине, к Полоцку, и мы, не желая, вопреки присяге, начинать с тобой кровопролитие, сами против тебя не пошли и большого числа людей не послали, а послали лишь немногих людей к Соколу разведать о тебе. Тем временем твой воевода Виленский, придя со многими людьми к Соколу, необыкновенным способом зажег город Сокол и перебил наших людей, а над мертвыми надругался беззаконным образом, как не слыхано и у неверных; убить кого-нибудь в бою и оставить — это военный обычай, а твои люди поступили собачьим обычаем: выбирали трупы лучших воевод и детей боярских, разрезали у них животы и вынимали у них сало и желчь, как бы для колдовства.[13] Ты пишешь и называешь себя государем христианским, а дела у тебя делаются недостойные христианских обычаев: христианам не

подобает радоваться крови и убийствам и действовать подобно варварам. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты умеришь свои притязания, разрешили своим боярам снестись с твоими панами, да и сами неоднократно с тобой сносились. Но ты возгордился безмерно и не захотел делать так, как велось при твоих предках, и не пожелал послать к нам послов по прежним обычаям, а начал снаряжать войско против нашей земли. В грамоте же, которую ты прислал нам со своим гонцом Венцлавом Лопатинским, написано, что наши послы «призваны перед твой маестат» — как-будто это какие-то безвестные сироты, а не послы, и поставили их, этих сирот, у порога дверей и оттуда они беседуют с тобой, как с богом на небесах: так выглядит это «призвание послов перед твой маестат» и твоя безмерная гордость! Ни в каких землях такого не слыхано: когда к великому государю приходят послы не только от равного, но даже и не от великого государя, то держат их по посольским обычаям, а не как простых людей, не как данников, не ставят их «перед маестатом».[14] Также, когда ты прислал нам со слугой наших бояр Левой Стремоуховым свою охранную грамоту для наших послов (а твои паны написали нашим боярам, чтобы мы по этой охранной грамоте послали своих послов), то эта грамота оказалась написана не таким образом, как пишутся охранные грамоты для послов: твоя грамота написана как бы для мелких купцов, проезжающих через твое государство. На что похоже такое высокомерие? Ты бы даже своему воеводе Виленскому не написал таких укоров, какие заключены в этой грамоте.[15] Таких укоров мы не слышали ни от турецкого, ни от иных бусурманских государей. Но мы, всё еще сохраняя терпение, чтобы не допустить пролития христианской крови, послали к тебе своего дворянина Григория Афанасьевича Нащокина, а в грамоте писали тебе, чтобы ты послал к нам своих послов по прежнему обычаю. Устно же мы передали тебе с этим дворянином, чтобы ты, если не захочешь послать к нам послов по прежнему обычаю, прислал нам подобающую охранную грамоту для наших послов, а не такую,

какую ты послал с Левой Стремоуховым, и тогда мы к тебе тотчас же пошлем своих послов, хотя это и противоречит прежним обычаям, а ты бы дожидался наших послов в своем государстве. [16]Ты отпустил к нам нашего дворянина Григория с грамотой к нам, но послать по прежнему обычаю послов не пожелал. А в своей грамоте ты писал, чтобы мы прислали к тебе своих послов, и прислал на наших послов охранную грамоту, но указал такой срок для прибытия послов, что невозможно было поспеть не только послам, но и гонцу.[16] А сам, желая пролития христианской крови, как только отпустил нашего дворянина Григория, тотчас же, не дожидаясь наших послов, сел на коня и пошел войной на нашу землю. А при предках твоих не принято было воевать, пока послы едут; только когда послы чего-нибудь натворят, тогда начинали войну, да и то не сразу. А мириться с мечом в руках, как теперь при тебе, — какой же это мир?

[17]И мы, видя, что ты не щадишь христианства, спешно послали к тебе своих послов — своего стольника и наместника Нижегородского князя Ивана Васильевича Сицкого-Ярославского, своего думного дворянина и наместника Елатмовского Романа Михайловича Пивова и дьяка своего Фому-Дружину Пантелеева сына Петелина. А перед ними послали к тебе своего слугу Федьку Шишмарева с грамотой, прося, чтобы ты подождал наших послов в своей земле. Этот наш гонец встретил тебя на дороге, вблизи Витебска, но ты даже не взглянул на нашу грамоту, а сам пошел на нашу землю военным походом, никого не пропуская и не щадя христианской крови. И мы велели своим послам итти к тебе в военный стан, хотя еще никогда не бывало, чтобы послы находились в войске. Мы и тут хотели тебя ублаготворить, да не ублаготворили, — ты и в Витебске не подождал наших послов и пошел на нашу землю войной, а наших послов велел вести за собою неспеша. А тем временем наши изменники по твоим жалованным грамотам уступили твоим людям Велиж, Усвят и Озерище, а сам ты пошел к Лукам, а наших послов велел вести за собой. И, придя к Лукам, ты начал приступ, а нашим

послам велел вести переговоры, но какие же тут могут быть переговоры? Сколько льется неповинной христианской крови, а послам вести переговоры![17] А твои паны, приходя к нашим послам, говорили, отрубая одним словом: либо сделай так, тогда будет мир, а не сделают так, как говорят паны, тогда миру не будет. Что же это за мир? Паны с послами в шатре говорят о мире, а в то же время по городу бьют непрерывно, — что ж тут послам с панами твоими делать? А когда ты занял город, тут послам уже и посольствовать нечего — тут уже всему их посольству конец! А к нам прислал ты своего гонца Григория Лазовицкого с грамотой и с ним отпустил нашего сына боярского Никифора Сущова, а предлагал при этом неподобающее дело, которое не может осуществиться, а другого своего гонца Гавриила Любощинского прислал к нам[18] с сообщением, что взял Луки, как бы грозя нам и хвастаясь. А сроки ты устанавливаешь невозможные, так что не только наши гонцы к тебе, но и твои гонцы к нам за такие сроки не могут приехать; ездят же они по дорогам лениво, а из-за этого льется невинная христианская кровь. И такого нечестия даже в бусурманских государствах не слыхано, чтобы войска сражались, а послы тут же вели переговоры. Если послы — то они и ведут переговоры, а если хотят воевать, то выставляют какую-нибудь причину, прерывают переговоры и шлют войска. Всю осень таскал ты за собой наших послов, да и всю зиму продержал их у себя, а отпустил их ни с чем, за все это укоряя и ругая нас. А когда послы наши были у тебя в Варшаве, твои паны отказались от тех условий, о которых они же сами говорили нашим послам под Невелем. Когда же паны твоей рады приходили к нашим послам с ответом, вместе с ними пришло человек с сорок твоих людей, а твои паны сказали послам, что это твоя младшая рада. Ни при каких твоих предках не бывало, чтобы при переговорах были иные люди, кроме радных панов. Видно, твоя рада, желая лить христианскую кровь, всю твою землю склоняет к пролитию христианской крови. Побеспокоились ли твои паны о христианской крови,

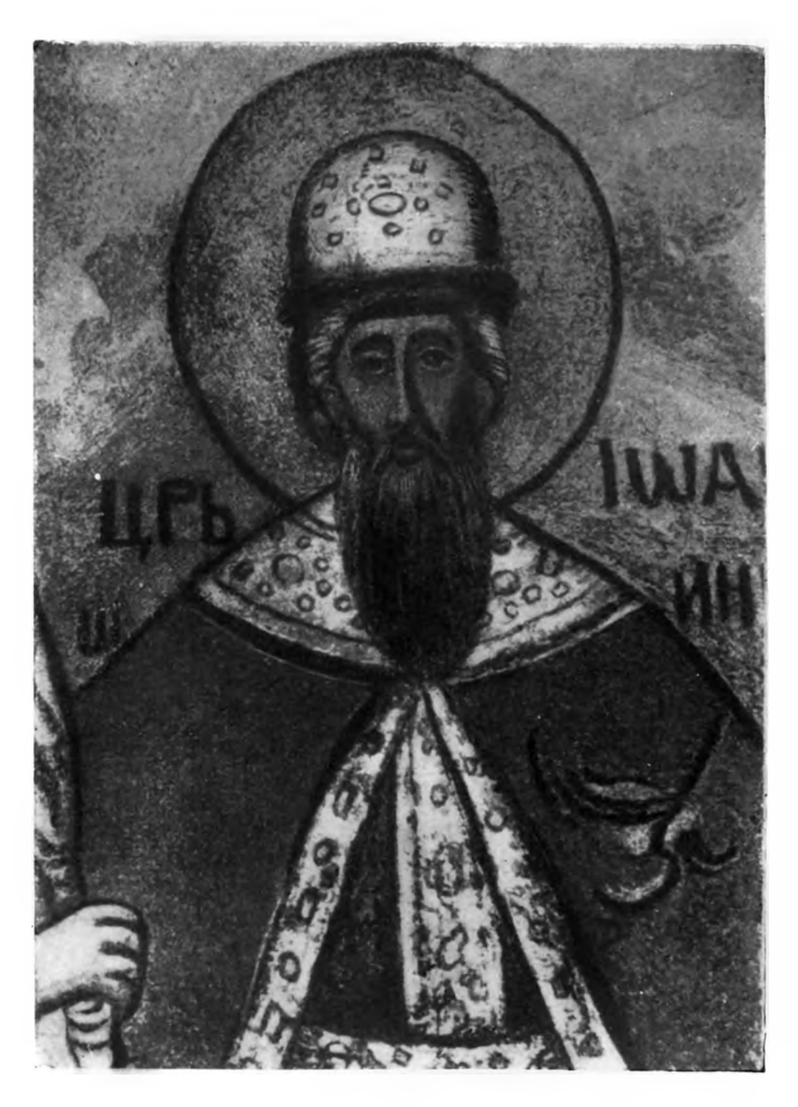
когда они говорили нашим послам в Варшаве: «на тех условиях, о которых мы с вами, а вы с нами сговорились под Невелем и о которых вы просили и получили ответ, христианский мир заключен быть не может, — ведь после этого прошло долгое время и наш государь понес большие расходы на войско: взял наш государь у вашего государя Заволочье, а теперь начал снова собирать войско, тут уж без расходов не обойтись»?[19] По-христиански ли твои паны говорят: проливать христианскую кровь не жалеют, а о расходах жалеют? А если тебе убыток, так ты бы Заволочья не занимал, кто тебе об этом бил челом? А это ли не жажда кровопролития — послов у себя держать, дела с ними не делать, от брата своего послов не ждать, а войско снова собирать, да все это еще нам в убыток поставить? Кто тебя заставляет так расходоваться?

Отпуская к нам наших послов, ты передавал с ними, что если мы захотим с тобой соглашения, то можем послать к тебе еще послов. И мы, всё еще сохраняя терпение и надеясь, что ты придешь в себя и откажешься от безмерных требований, послали к тебе других послов — дворянина своего и своего наместника Муромского Остафия Михайловича Пушкина с товарищами. Но ты, охваченный высокомерием, и тут не пошел на приемлемые условия и передал нашим послам через радных панов, что ты с нами не помиришься, пока мы не уступим всю Ливонскую землю со всеми крепостями и снаряжением; кроме того, мы должны уступить тебе Себеж; Велиж и Невель уже у тебя, а Луки и Заволочье и Холм оставлены при отступлении, как и Озерище и Усвят. Да к тому же мы должны еще уплатить тебе за твои сборы, когда ты снаряжался на нашу землю,— всего четыреста тысяч золотых червонцев, и заключить вечный мир. А ты будто присягал, что будешь добывать у нас Ливонские земли и разрешишь другие давние споры времени великого государя блаженной памяти Ивана, деда нашего, и короля Александра.

И если это так будет, то что же это будет за мир? Взять теперь у нас казну, нанести нам убыток, да на наши же деньги

нанять людей и взять нашу Ливонскую землю, а немного погодя, наполнив ее своими людьми, собрать еще бо́льшие силы, да на нас же напасть и остальное отнять! Можно ведь и не мирясь все это делать и невинную христианскую кровь проливать! Видно ты хочешь беспрестанно воевать, а не мира ищешь; хотя бы мы тебе и всю Ливонскую землю уступили, да ведь тебя и этим не успокоишь, и после этого все равно ты будешь лить христианскую кровь! Вот и теперь — чего только ты у прежних наших послов ни просил, а нынешним нашим послам ты еще прибавил Себеж, а дай тебе его — возгордишься безмерно и еще чего-нибудь попросишь, ничем не удовлетворишься и не помиришься. Мы добиваемся, как бы унять кровопролитие, а ты добиваешься, как бы воевать и лить невинную христианскую кровь. Так чем нам с тобой мириться, можно и не мирясь то же делать. Не по христианскому обычаю все это у тебя делается! Мы писали к тебе неоднократно, что если бы ты прислал к нам своих послов по прежнему обычаю, то пролитие неповинной христианской крови прекратилось бы скорее. Послы же наши не могут добиться мира потому, что когда мы посылаем к тебе наших послов с каким-нибудь предложением, ты на него не соглашаешься, а выставляешь новое требование и, прервав переговоры, снова принимаешься воевать; просишь прислать еще послов, а сам все время сидишь на коне наготове, а сроки указываешь по бусурманскому обычаю такие, чтобы послать было нельзя. Вот ведь и теперь — мы уже надеялись, что тебя ублаготворили, послали своих послов, согласившись на все, что ты хотел, а тебе и это не полюбилось, и ты, выставив неприемлемые требования и не сделав дела, сел на коня и пошел на нашу землю войной. Потому-то так и получилось, как мы к тебе писали, что нашим послам никогда не добиться от тебя соглашения.

А что наша вотчина, Ливонская земля, — твоя, это написано несправедливо; никогда ты не сможешь доказать, чтобы она при каких-либо твоих предках со времен Казимира входила в королевство Польское и великое княжество Литов-



Иван Грозный.

Фреска из Ново-Спасского монастыря.

ское. Если же у тебя есть об этом грамота или какое-нибудь доказательство, пришли к нам, и мы их рассмотрим и в соответствии с этим будем поступать, как подобает. Не доказать тебе этого! Только когда появилось в твоей земле лютеранство, воевода Виленский Николай Янович Радзивил и иные паны начали спор о Ливонской земле ради пролития христианской крови.[29] В семь тысяч шестьдесят седьмом году [1558/59 гг.], когда король Сигизмунд-Август присылал послов своих — пана Подляшского Василия Тышкевича с товарищами, они говорили с нами по его поручению о ливонцах, как о чужой земле: что государь их им поручил заключить договор не только между нами и собою, но что он рад и все христианство видеть в мире, что, как он узнал, мы ведем войну с Ливонией — орденом Немецкой империи, а этого не допустит император и Немецкая империя, что, кроме того, архиепископ Рижский Вильгельм князь Бранденбургский — его родственник, и из-за нанесенной Вильгельму обиды он в прошлом году выступал против этой земли и воевал до тех пор, пока ливонцы не осознали своего преступления и не попросили прощения, и тогда он, вернув князю-архиепископу его прежний сан, принял их просьбу, не разрушая их земли, ибо они — христиане; поэтому он и нас просил остерегаться кровопролития и сохранять мир с его родственником, князем-архиепископом Рижским. Сам посмотри: если бы Ливонская земля входила в королевство Польское и великое княжество Литовское, он бы об этом упомянул, а он вовсе не упомянул и не называл эту землю своею, а говорил о ней, как о чужой; войной же он ходил на нее не для того, чтобы ее покорить себе, а ради своего родственника, архиепископа Рижского Вильгельма, потому что его обидели ливонцы; ходил за его обиду, а не для того, чтобы их подчинить. Сам же написал: «не разрушая их землю», — заметь, что «их землю», а не свою. А после этого в семь тысяч шестьдесят восьмом году [1560 г.] прислал к нам король Сигизмунд-Август своего посланника Мартына Володкова и с ним передавал о Ливонской земле, что она издавна христи-

анскими императорами передана его предкам и присоединена к их наследственному владению — великому княжеству Литовскому для укрепления и обороны. Рассуди сам, король Стефан, хорошо ли государям говорить противоречивые вещи: [21] через своих послов передавал, как о чужой земле, а тут заявляет, что она ему передана от императора, и называет ее своею! В своей грамоте он писал также, что князья, магистр Кетлер и другие, обратились с мольбой о покровительстве к его маестату. И, сделав такое неправое дело, паны короны Польской и великого княжества Литовского стали называть Ливонскую землю своей и послали туда своих смутьянов-ротмистров. И если бы они говорили правду, то в одно слово говорили бы, а то говорят и пишут разными словами, ухищряясь как-нибудь прибрать к рукам Ливонскую землю и проливать неповинную христианскую кровь. После этого твои паны стали говорить, что мы вопреки присяге вступили в Ливонскую землю, но до сих пор не могут указать, в какой же это грамоте мы присягали. И после этого принялись говорить, что мы нарушили охранные грамоты и вторглись в Ливонскую землю, а мы ничего этого не нарушали, ибо Ливонская земля не упоминается в мирных грамотах ни с какой стороны и в охранных грамотах не говорится, что мы не должны очищать свою вотчину, Ливонскую землю, от врагов. Опять-таки, если у тебя имеются какие-нибудь грамоты твоих предков, наших прародителей и наши о Ливонской земле, пришли их к нам и мы тогда не будем больше говорить о Ливонской земле, а то, кроме кровопролития, оправдания у тебя никакого нет. А как можно нарушать то, чего ни в каких грамотах нет и никогда не бывало? А у панов твоих вечно одни и те же слова: напал на ливонцев, нарушил присягу, нарушил охранную грамоту. Но если эта земля существовала отдельно, а жители ее были нашими данщиками, и были в ней магистр и архиепископ и епископы, а в городах — князья, а ни одного литовца там не было, то была ли тогда нарушена присяга и охранная грамота с Литвой? И кто ими владел,

неужели литовские ротмистры? Этого тебе никак не доказать! Когда они еще не были разорены, они обращались к нам с челобитными, а поссорившись, заключали мир с такими же нашими вотчинами, как они сами, с Великим Новгородом и Псковом. А в челобитных они писали, что они испросили у нас прощения за то, что они присоединялись к королю Польскому и великому князю Литовскому, и что отныне они никогда не будут присоединяться к нему и ничем не будут ему помогать. Если хочешь — можешь в этом убедиться: мы послали тебе списки с тех грамот при этой своей грамоте.[22] А если, может быть, ты захочешь посмотреть самые эти грамоты, то пошли посмотреть своих полномочных послов, и мы им покажем грамоты с печатями, в которых ливонцы били челом о своих винах нашим прародителям, деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и в которых они отреклись от подчинения королевству Польскому и великому княжеству Литовскому. Но ведь если бы Ливонская земля принадлежала Польше и Литве, то ливонцы не писали бы так в своих челобитных грамотах. Почему твои предки не удержали их, когда они в шесть тысяч девятьсот шестьдесят восьмом году [1460 г.] присылали бить челом прадеду нашему, блаженной памяти великому государю Василию Васильевичу,[23] о котором ты пишешь, будто он заключил соглашение с Казимиром о Великом Новгороде? А если бы это утверждение было справедливо, то ливонцы не посылали бы бить челом нашему прадеду через Новгород. А они многократно посылали бить челом также и деду нашему, блаженной памяти великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, и к нам, и эти приходы и челобитья их послов, не тайные, но явные, были известны в Москве представителям всяких вероисповеданий и чужеземцам. А предки твои ни нашим прародителям, ни нам, когда мы еще были в юношеском возрасте, никогда не писали, чтобы мы не принимали челобитья ливонцев и не вступали в их

области и не называли их своими подданными; а если бы это была их земля, то твои предки бы об этом не молчали, а раз молчали — значит, это была не их земля! А что твои паны возражают: если это была наша земля, то зачем нам было с нею заключать перемирие? Так ведь эта земля была особая, [24]наша вотчина, отданная в держание [управление], жили в ней немцы, а заключали соглашения о перемириях с нашими вотчинами — Великим Новгородом и Псковом — с нашего разрешения и по нашему приказу, подобно тому как мужики в волостях заключают между собой соглашения, как им торговать, а не так, как заключаются перемирия между государями. Ты вот называешься Прусским, а в Пруссии свой князь и ты принимаешь от него присягу — стало быть, Пруссия не твоя? Вот Ливония и была такой же нашей вотчиной, отданной в держание, как Пруссия у тебя. Твои паны говорят на это, что, если это была наша вотчина, то мы должны были бы назначить им держателей [управителей], — но ведь эта наша вотчина, Ливонская земля, была не нашей веры, а жили в ней немцы, и наши прародители и мы оказали им милость, позволили им выбирать магистров и держателей согласно их вере и обычаю, а у них зато были устроены христианские церкви, дворы и слободы для русских купцов, которые торговали, приезжая к ним. А хотя держателей они получали, но ведь они получали их от папы, — епископов ведь всех ставит папа, а не король, и твои предки епископов не ставили. Вы вспоминаете еще, что архиепископ Вильгельм был родственник короля Сигизмунда-старого, — так ведь для него нигде местечка не было, и по просьбе короля ливонцы дали ему архиепископство Рижское; а ставил его в архиепископы опять-таки папа, а не король: короли ведают мирскими делами, а церковными делами ведает папа и архиепископы и епископы; так дает ли это основание считать Ливонскую землю вашей? [24] А что́ паны твои говорят, что ливонцы вели войну с блаженной памяти великим государем и царем всея Руси Василием, отцом нашим, так тут дивиться нечему! Часто бывает, что под-

данный, желая выйти из подданства, противится своему государю — за это его и наказывают. Воевали же Ягайло и Витовт с пруссами, а предки твои с Кондратом, князем Мазовецким. А к нашему отцу, блаженной памяти великому государю и царю всея Руси Василию, присылал с челобитьем князь Прусский Альбрехт, магистр немецкого ордена в Пруссии, маркграф Бранденбургский, Штетинский, Померанский, Кашубский и герцог Вендский, бургграф и герцог Ноурмерский [Неймаркский] и князь Ругенский о помощи против короля Сигизмунда-старшего.[25] Да ты сам зачем к Гданску ходил войной? Ведь он твой, а к своему зачем ходить войной?[26] Вот так и Ливонская земля затеяла войну против отца нашего. Говорят твои паны, что ливонцы обратились за покровительством к вам, королям Польским и великим князьям Литовским, так почему же они не обращались к вам, пока в своей воле были? А вот когда они нам изменили и мы на них возложили свой гнев и разбили их, тут они к вам и обратились. Во всей вселенной ведь так принято: кто беглеца принимает, тот вместе с ним виновен; не значит ли это, что и ты покушаешься на чужую собственность? Почему же вы не сумели овладеть ими, пока они не были разбиты? А когда Витовт вел борьбу с Ягайло из-за убийства отца, к каким именно немцам он обращался и с какими немцами ходил к Вильне войной и чуть не взял Вильно?![27] Ни единым словом не сможешь ты доказать, что Ливонская земля, пока она не была разбита, подчинялась королевству Польскому и великому княжеству Литовскому; сколько ни разбирай это дело — всегда обнаруживается, что Ливонская земля в большей степени подчинялась нашему государству, чем вашему.

Да что об этом много говорить! Известно, что вы называете Ливонскую землю своей попусту, желая пролития неповинной христианской крови. Говорили еще твои паны нашим послам, что ты присягал, что добудешь Ливонскую землю, — христианское ли это дело: присягать, что будешь вздорно и несправедливо, желая славы, богатства и расширения госу-

дарства, лить неповинную христианскую кровь? Вот ты писал, что предки наши несправедливыми поступками свое государство расширили, — а ты очень справедливо добываешь потерянное, проливая кровь вопреки присяге? Говорили еще твои паны нашим послам, что они за ливонцев вступились всей землей потому, что Ливонская земля римской [католической] веры, одной веры с ними, поляками, и поэтому всей этой земле следует быть в твоей власти, ибо нехорошо, чтобы в одной земле были два государя: «А у нас государь — по нашей воле: выбираем себе государем, кого захотим; какой бы ни был у нас государь, а без нас ничего не делает; а если и захочет что-нибудь делать, так мы не дадим; а когда мы выбирали теперь нашего государя, то указывали ему, что многие места нашей земли несправедливо отобраны вашим государем и его предками; и государь наш присягал нам, что он будет добывать наши давние владения и очистит Ливонскую землю». Христианское ли это дело? Называетесь христианами, а ведь папа и все римляне и латиняне [католики] вечно твердят, что вера греческая и латинская едина; а когда был в Риме в шесть тысяч девятьсот сорок седьмом году от сотворения мира [1439 г.] при папе Римском Евгении собор, и присутствовал на нем греческий царь [император] Иван Мануйлович, а с ним патриарх Царьградский [Константинопольский] Иосиф (на этом соборе он и скончался), а из Руси был митрополит Исидор, то на этом соборе постановили, что греческая вера и римская должны быть едины. Как же паны твои придерживаются христианства, если они не допускают, чтобы Ливонская земля была под греческой верой? Они и папе своему не следуют: папа их установил, что греческая и латинская веры едины, а они это отвергают и обращают людей из греческой веры в латинскую![28] Христианское ли это дело? А в нашей земле, если кто держится латинской веры, то мы их силой из латинской веры не обращаем, а жалуем их наравне со своими людьми, кто какой чести достоин, по их происхождению и заслугам, а веры держатся, какой хотят. Говорят еще твои паны, что если

в одной земле два государя, то добру не бывать; так мы же к тебе затем и посылали, чтобы ты заключил с нами соглашение о Ливонской земле, а ты с нами подобающего соглашения не заключаешь. А что ты присягал о тех, что будешь добывать отошедшие области и очищать Ливонскую землю, и паны твои также присягали, что будут тебя в этом поддерживать, так ведь это сделано по бусурманскому обычаю, ради пролития неповинной христианской крови. Вот, значит, каков твой мир: ничего не хочешь, кроме истребления христиан; помиришься ли ты и твои паны с нами или будешь воевать — тебе и твоим панам нужно только удовлетворить свое желание — губить христиан. Так что же это за мир? Это обман! А если мы тебе уступим всю Ливонскую землю, то нам от этого большой убыток будет, что же это за мир, если убыток?

Тебе же ничего другого не нужно, только бы тебе быть сильнее нас. И зачем нам давать тебе силу против самих нас? А если ты силен и жаждешь крови христианской, так ты приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми. Ведь и под Невелем твои паны, тоже желая христианской крови, говорили нашим послам, стольнику и наместнику Нижегородскому князю Ивану Васильевичу Сицкому-Ярославскому с товарищами, что если мы тебе не уступим всей Ливонской земли, то ты будешь беспрестанно отвоевывать все те области, которые отделены от великого княжества Литовского к Московскому государству, а если теперь чего-нибудь и не успеешь отвоевать, так оно и потом не уйдет. Если таково твое и твоей рады непрестанное стремление и желание кровопролития — какого ж тут ждать мира и доброго дела! Ведь уже сначала, когда тебя посадили на престол, паны привели тебя к присяге, что ты добудешь все давно отошедшие области, — чего же было и послов посылать? Одною душой, а дважды ты присягал: ты присягал панам и земле, что будешь добывать земли, а послы твои присягали, что ты заключишь с нами мир. И ты тогда присягни-ка еще уступить нам какие-нибудь места получше! Присягнешь еще раз — и совсем будет непонятно, какая при-

сяга крепче, и держаться ли тебе той присяги, которую давал земле, или той, которую дали твои послы, или той, о которой договорятся наши послы? Видно, одной какой-нибудь присяге придется быть нарушенной, — нельзя и две присяги вместе соблюсти; какое же тут может быть соглашение? И поэтому между обоими нашими землями никогда не будет конца кровопролитию. Когда же ты разрешил нашим послам отправить к нам нашего сына боярского Никифора Сущова, а твои паны велели ту грамоту, которую они к нам посылали, принести к себе, прочли ее и велели им написать только то, что ты пишешь, и ничего иного — разве же это по христианскому обычаю было сделано?[29] Неизвестно, послы ли они, пленники ли, твои ли люди, мои ли, если ни единого слова без твоего ведома не смеют написать. Это — прямое притеснение, а ведь твои послы, наоборот, поступали по своей воле, и ты их присягу нарушил. Так зачем же и послов посылать, если вы всей землей стремитесь к кровопролитию? Сколько послов ни посылай, что ни делай — ничем вас не удовлетворишь и миру не добьешься. Ведь твои паны писали, и ты сам неоднократно передавал с послами и посланниками, что ты для того и приглашен на престол, чтобы разрешить давние споры. Это к добру не приведет: взыскиваешь более, чем за сто лет, а за это время с обоих сторон не один государь умер и предстал на божий суд. Видно, все те государи не знали, как за свое стоять, а бояре и паны у них глупы были, что не взыскивали это никаким образом, а не только кровью? А ты видно всех своих предков лучше, а паны твои умнее своих отцов: чего отцы их не умели добыть, они с кровопролитием добывают! Скоро начнешь взыскивать и то, что при Адаме потеряно! Если давно прошедшие споры разбирать, так тут кроме кровопролития ждать нечего, а если ты пришел кровь проливать и паны посадили тебя на престол для этого, то зачем было и послов приглашать? Их ничем не удовлетворишь, пока кровью христианской не насытятся. Оно и видно, что ты действуешь, предавая христианство бусурманам! А когда обессилишь обе земли — Русскую и Литовскую,

все бусурманам и достанется. Называешь себя христианином, христово имя поминаешь, а хочешь ниспровергнуть христианство.

Ты предлагаешь нам заключить вечный мир, но ведь прежде при твоих предках перемирие было крепче мира: перемирий никто не нарушал, а вечный мир всегда нарушался, а ныне и подавно верить нечему — присяга тебе нипочем, ты, играя, нарушаешь ее: нарушил то, в чем послы твои присягали, и начал кровь проливать. Но если ты присяги не соблюдаешь — нечему верить, а раз нечему верить, невозможно заключить вечный мир. А город Себеж, поставленный от нашего имени в годы нашего детства,[30] король Сигизмунд-старший, как набожный христианский государь, не желая кровопролития и стремясь к миру, нам уступил и благодаря этому избежал пролития христианской крови между нами. И ты, пришелец, просишь теперь от нас невозможного: самим сжечь или разобрать этот город, а землю уступить тебе вместе с Полоцком; какое может быть соглашение, если твое предложение ни с чем несообразно? Ты пишешь, что в верительной грамоте наших полномочных послов — нашего дворянина и наместника Муромского Остафия Михайловича Пушкина, нашего дворянина и наместника Шацкого Федора Андреевича Писемского и дьяка Ивана Андреева сына Трифонова — указано, чтобы ты доверял их словам, сказанным от нашего имени; [31]так ведь такие слова пишутся во всяком охранном листе; если же тебе неизвестно, что делалось в этой земле до тебя, спроси старых панов и узнаешь. Говорили они тебе также, что имеют достаточные полномочия, но на тех условиях, о которых говорится в твоей грамоте, в речах твоих панов нашим послам и в письмах наших послов,[31] соглашение заключено быть не может. Ты пишешь, что нам следует дать им еще более подробные указания, — но подробнее этого как можно указать! И так наши послы уступили тебе более семидесяти городов — Полоцк с пригородами и города из нашей вотчины, Ливонской земли, не считая Курляндской земли, а Курляндская земля тебе в придаток,

а в ней городов с тридцать.[32] Ни в каких государствах это не принято — уступать города; а мы тебе столько городов уступили и все-таки не смогли побудить тебя к соглашению! Просили они тебя оставить нам из нашей вотчины, Ливонской земли, Новгородок, Сыренск, Адеж и Ругодив [Нарву], но ты и этого не хочешь уступить! Просили они тебя также оставить нам наши извечные вотчины, которые ты захватил: как же мы можем уступить тебе эти извечные вотчины, доставшиеся нам от наших прародителей? И ты обо всем этом договориться не пожелал, и решил отослать их, не договорившись; а когда они попросили разрешения снестить с нами, ты сообщил им твои условия мира, чтобы мы, ознакомившись с их сообщением, дали им указания и полномочия.

Мы внимательно прочли послание своих послов и уразумели все твои предложения, но эти предложения не только не могут привести нас к соглашению, но подрывают христианский мир, ведут к кровопролитию и делают невозможной долгую дружбу между нашими потомками, — им остается только вечно продолжать беспрестанное кровопролитие. А сверх тех подробных указаний и полномочий, которые мы уже дали, чтó мы можем еще дать? Ты пишешь, что если твое войско будет близко к нашим границам, то от этого будет убыток, — так ведь давно известно, что ты всегда жаждешь пролития христианской крови! А разрушить город Себеж и землю его уступить — на это согласиться невозможно; а если ты хотел христианского мира, так ты бы к Полоцку не ходил и его не забирал, — все бы это и была одна земля, не из-за чего было бы и воевать. Если же ты стремишься поступать по закону, то по перемирию, которое было при короле Сигизмунде-старшем и при короле Сигизмунде-Августе новом, Себеж и был вместе с Полоцком, а войны ни из-за чего не было; а ты нынче пишешь, чтобы только ссору затеять. Твои паны говорили еще, что в обмен за Себеж ты велишь сжечь Дриссу, — таким способом только младенцев надувают; а нам от этого что за прибыль?[33] Мы Себеж велим сжечь, ты велишь Дриссу сжечь,

а обе земли у тебя будут! И ты сожжешь, а потом снова велишь поставить. Это ведь ухищрения твоих панов, а не дело! Ты пишешь еще в своей грамоте, что нам нужно мириться так, чтобы на благо христиан доброе дело укрепилось нерушимо, а дружба усиливалась, и что ты не хочешь малым делом разрушать большое, — пишешь о нерушимости доброго дела, а сам его всячески разрушаешь, опасаешься малым делом разрушить большое, а сам ни большого, ни малого не укрепляешь — только бы воевать! А купцы, о которых ты писал, были задержаны из-за войны, а содержат их со всеми удобствами, не как узников, товары у них не отняты и находятся в тех же домах, где они сами, а не отпускаем мы их ради того, чтобы они, придя к тебе, не сообщили вестей о нашем государстве, так же как и ты, вопреки нашим просьбам, не выдаешь наших узников ни за выкуп, ни на обмен, опасаясь, что мы узнаем вести о тебе и твоем государстве. Но если между нами, бог даст, будет заключено соглашение, то мы их отпустим со всем имуществом без всякого ущерба; а подробнее мы пишем тебе об этом в особой грамоте.[34] Что же касается того, чтобы отослать твоего дворянина Криштофа Держка без задержки к объявленному тобой сроку, то мы отпустили его, как только смогли. Но этот твой дворянин, Криштоф Держко, приехал к нам за тринадцать дней до истечения этого срока, и поспеть к этому сроку он не мог, но даже если бы мы его и скорее отпустили и если бы он даже поспел к этому сроку,[35] то все равно мы бы тебя этим не ублаготворили и не отвлекли от кровопролития: поспеет гонец или не поспеет, мир или война, а кровопролитие все равно будет! А предки твои в таких случаях ожидали у себя в столице, а не в военном стане, не на границе. Мы же отпустили его к тебе, как только стало возможно. А что просишь оплатить военные сборы, — это ты придумал по бусурманскому обычаю: такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтобы государь государю платил дань, — нигде этого не сыщешь; да и бусурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут

дань. Ты ведь называешься христианским государем, — чего же ты просишь с христиан дань по бусурманскому обычаю? И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал, и с нас же убытки взымаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами! Взыскивай с того, кто тебя заставил с нами воевать; а нам за что тебе платить? Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что ты, беспричинно напав, завоевывал нашу землю, да и людей следовало бы вернуть без выкупа. А это разве по-христиански у тебя делается, что, когда наши послы, посланники и гонцы на основании твоих охранных грамот отсылают к нам людей и подводы, то твои пограничные жители, оршане и дубровляне и из других городов, этих наших людей и их проводников, которых отсылают наши послы и гонцы, грабят и обыскивают по военному обычаю, а лошадей у них отнимают? И если ты, забыв христианское благочестие, так стремишься к кровопролитию и настолько охвачен гордостью, что словно хочешь все вокруг проглотить и хвалишься, как Амалик и Сенахерим или воевода Сарвар при Хозрое: [36] «не надейтесь на бога, завтра город ваш, как птицу, возьму моей рукой!», то к чему и писать много! Мы же надеемся на всевышнего и уповаем на силу животворящего креста, и ты вспомни-ка Максентия в Риме, погибшего силою благочестивого и животворящего креста; также и все гордящиеся и возвышающиеся не избегнут гибели [следуют цитаты из Псалтыря о всемогуществе бога и о ничтожестве человеческих сил в сравнении с силой бога]. И если ты силен, то плени: «Господь мне в помощь, убоюсь ли человека?» [следует дальнейший текст цитаты из Псалтыря о «имени господнем», побеждающем всех врагов]. И если уж мира не будет, а только кровопролитие, то ты бы наших послов к нам отпустил, а за пролитие православной христианской крови нас с тобой бог рассудит.

Если же захочешь воздержаться от пролития неповинной христианской крови, то и мы с тобой хотим заключить пере-

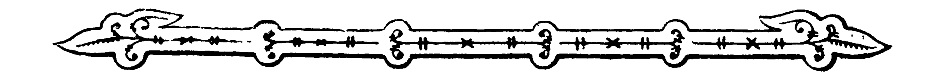
мирие и вечный мир. А на тех условиях, которые мы предлагали со своими послами, со своим дворянином и наместником Муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами, ты заключить с нами вечный мир и перемирие не захотел, а теперь и мы не хотим заключать с тобою перемирие и вечный мир на тех условиях, которые передавали со своими послами, стольником и наместником Нижегородским князем Иваном Васильевичем Сицким-Ярославским с товарищами, и со своими нынешними послами, с дворянином и наместником Муромским Остафием Михайловичем Пушкиным с товарищами. А хотим заключить перемирие и вечный мир на условиях, о которых теперь сообщили своим послам, послав к ним грамоту с окончательными указаниями, как можно заключить соглашение между нами. Ты писал, чтобы мы послали своим послам грамоту с полномочиями, как нам заключить между собой соглашение, чтобы, удостоверившись в этом, ты мог согласиться на мир, и чтобы на основании этой грамоты мог быть заключен христианский мир, — мы и послали своим послам эту полномочную грамоту со своей печатью.

Больше ни на какие условия перемирия не согласны; мы готовы заключить с тобою перемирие только на тех условиях, о которых теперь написали и передаем устно через своих послов, послав им наказ.[37] И если ты хочешь с нами соглашения, договора или перемирия, то согласись на условия, переданные нашим послам — дворянину и наместнику Муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищами. Если же не хочешь соглашения, а желаешь кровопролития, то отпусти к нам наших послов и пусть с этого времени между нами в течение сорока-пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то вина ляжет на тебя. Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как онагр-конь [осел], и стремишься к битве; бог в помощь! Уповая на его

силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов.

Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтобы ты знал, какое государство поручил нам бог. Писана в Москве, в нашем царском дворце, в семь тысяч восемьдесят девятом году, двадцать девятого июня [29 июня 1581 года], на 46-й год нашего правления, на 34-й год нашего Российского царства, 28-й — Казанского, двадцать седьмой — Астраханского.

ПОСЛАНИЯ ОТ ИМЕНИ БОЯР



ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Д. БЕЛЬСКОГО (1567)

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его наивысшего воеводы и наместника Владимирского, правителя Галичского и Луховского и Кинешемского, князя Ивана Дмитриевича Литовского и Бельского — нашему брату Сигизмунду-Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

Прислал ты к нам с грамотой своего верного слугу Ивашку Козлова,[1] [2]а в грамоте писал, что тебе рассказал твой верный слуга Иван Петрович Козлов, какие насилия, брат твой, наш государь, творит над всем народом христианским, — как над великими людьми, так и над меньшими и средними. Услышав это, ты, брат наш, ощутил жалость, ибо для христиан недопустимо, чтобы государь так обращался с народом, порученным ему от бога, — ведь сам же бог-сотворитель, создав человека, не обрек его на неволю [принуждение], а наоборот, даровал ему всякие блага. Тебе, пишешь ты, хорошо известно также, что наш род издавна проживал в областях вашего государства — великого княжества Литовского, известно, какой чести он удостоивался в царствование твоих предков — королей Польских и великих князей Литовских, и как этот род, подобно сыну, покинувшему отца, уйдя со значительной частью наследственных владений из-под вашей вольной власти

под другую власть, погубил себя: находясь здесь, мы, по твоим словам, сами теперь видим, чего мы достигли из-за произвольного решения наших предков и как вместо воли терпим неволю и бесчестие. Вот и теперь ты узнал про нас, что брат твой насильно назначил нас у себя наместником Владимирским, хотя в его государстве есть более важные должности, а в думе более высокие места, чем те, что мы занимаем. И слыша, как со мной поступает твой брат, ты, брат наш, испытываешь еще бо́льшую жалость, ибо, зная наше происхождение, достоинства и разум, дарованный нам от бога, ты считаешь, что мы заслуживаем большего сана и чести, чем воеводство Владимирское, и достойны быть удельным князем, и если станем подданным вашего государства, как ты желаешь, ты, брат наш, обещаешь оказать нам великую честь и сделать нас государями на своей земле, во всем равными своим подручным удельным княжатам, и уступишь нам в твоем государстве, великом княжестве Литовском, нашу древнюю вотчину и будешь рад оказать нам еще бо́льшую милость и честь и повышать, а не понижать нас в достоинстве, в соответствии с нашим великим родом и обычаями христианских государей. Ты хочешь оказать эту милость не только нам, но и всем тем, кого мы признаем годным для вашей службы, и предлагаешь всем им ехать к тебе на службу, и ты, ради нас, окажешь им всем покровительство.[2]

Мы внимательно прочли твою грамоту и хорошо ее поняли. А так, как ты, брат наш, написал в своей грамоте, пишут прокураторы [пилаты], мошенники и подлецы, и недостойно великого государя заводить такими нелепыми грамотами ссору между государями и, не умея победить храбростью, одолевать недруга воровским способом, хватая исподтишка, подобно змее. Но божия воля, милость и десница поддерживает самодержавие царя нашего и благословляет нас, достойных его советников, и не только эта жалкая и ничтожная морская зыбь, но и бо́льшая буря не может нас погубить, ибо мы стоим на церковной твердыне, которую утвердил Христос, и не одолеют ее врата

адовы; вот почему наш самодержавный государь и мы, его верные советники, не боимся гибели. Как его царское величество, наш государь, жалует своих верных советников и оказывает им подобающую честь, так и мы, его совет, проявляем верность и глубочайшую покорность по отношению к его вольной самодержавной власти. Называешь ты, брат наш, в своем письме мелкого прислужника князей Воротынских Ивашку Козлова своим верным слугой, — пристойно ли тебе, великому государю, этого холопа именовать верным слугой? Такой прислужник не только у нас, но и у самых младших наших собратьев достоин только сор на дворе убирать. А ты его жалуешь незаслуженно за то, что он, собака, злодейским образом испустив яд, как змея, одурманил тебе, словно Еве, твой доверчивый слух. Государь же наш, как истинный христианский государь, всех жалует по заслугам и по достоинству, и крепко оберегает свое государство от всякого зла; а преступников и изменников везде казнят. Ты писал еще, брат наш, что бог создал человека, даровав ему вольность и честь, но твое писание далеко отстоит от истины: уже первому человеку Адаму, созданному самовластным и могучим, бог дал заповедь — не есть плодов с одного дерева, и когда он нарушил эту заповедь, как сурово был он наказан! Вот первая неволя и бесчестие: от света ко тьме, от славы к одежде из шкур, от покоя к добыванию хлеба трудом, от нетления в истление, от жизни к смерти. А потом бог послал потоп на нечестивых, а после потопа опять дал заповедь, чтобы ни одна душа не ела крови, и снова рассеял людей после столпотворения, и Аврааму повелел обрезание во имя веры, и Исааку заповедь, и Иакову дал закон, и через Моисея также был послан закон для оправдания и очищения, и во Второзаконии предписывается проклятие преступникам вплоть до смерти, и та же истина была установлена Иисусом Христом — заповедь, закон и наказание преступникам.

Видишь теперь, брат, что никогда не было свободы и что твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли, брат, хорошая

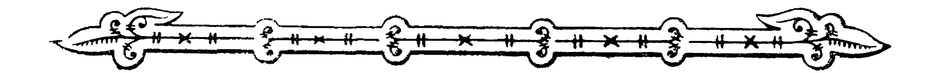
свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали тебе приложить руку к таким нелепицам? [3]Писал ты еще о наших предках, в какой чести они были, — так ведь великое княжество Литовское было нашей вотчиной, потому что наш прапрадед — князь Владимир, сын великого князя Ольгерда. Когда же князь Ольгерд взял себе вторую жену, тверянку, он, ради этой второй жены, лишил нашего прапрадеда предназначенных ему почестей и наследства и передал престол великого княжества Литовского своему сыну от второй жены — Ягайло. Известно всем христианским народам, в какой чести великий князь Ягайло держал прапрадеда нашего и своих младших братьев — Лугвеня и Свидригайла и иных младших братьев, и какая убогая вотчина была у нашего прапрадеда. Известно также, каким образом дед твой Казимир изменнически убил нашего родственника Михайла Олельковича и захватил его вотчину и отдал ее под власть великого княжества Литовского, и в какой чести были прадед наш, князь Иван, и дед наш, князь Федор, и как его принуждали даже оставить самую веру, и как он в одной рубашке убежал к истинно православному великому государю блаженной памяти Ивану, деду его царского величества, нашего нынешнего государя. И он, как истинный христианский государь, нашего деда, князя Федора Ивановича, пожаловал своим великим жалованием и воздал ему заслуженную честь, и с того времени до нынешнего никто в его земле не считается выше нас или даже в равенстве с нами; у царского величества служит много людей царского рода и великокняжеских родов, и все они по его царскому повелению подчиняются нашим приказам. Как же можно говорить, что мы сохранили достойную часть наследственных имений, если дед наш и прадед были лишены своего престола — великого княжества Литовского;[3] какая же тут часть владений, — что́ можно получить с убогой вотчины? А наши подданные, паны великого княжества Литовского, были в равенстве с нашим дедом и прадедом — какая же тут воля и честь: быть в равенстве со своими поддан-

ными? Ныне же мы по милости царского величества пребываем в великой чести и милости, и над нами никто не властен, кроме государевой воли, а быть в государевой воле для подданных хорошо, — а там, где над ними нет государевой воли, они колеблются, как пьяные, и никакого добра не придумают. Писал ты, брат наш, в своей грамоте, что будто наш государь насильно назначил нас воеводой Владимирским, [4]но царь оказал мне великие почести и милости: во-первых, я стою во главе совета его царского величества; во-вторых, управляю его царским стольным городком — Владимиром; в-третьих, когда мой государь посылает меня против своих врагов, то я стою во главе всех войск вместо самого царского величества; и, в-четвертых, когда к его царскому величеству приезжают цари и царевичи и иные государи из разных земель, то мы не уступаем им в чести, а иногда занимаем и более высокое место.[4] А что ты писал нам, брат наш, что нам подобает быть удельным князем и что ты хочешь держать нас в своей земле наравне с другими удельными князьями, то это нам очень обидно — быть подданным у тебя, нашего брата: ты потомок Ольгерда и я потомок Ольгерда, ты — четвертый, а я — пятый; а что ты нам обещаешь равенство с удельными княжатами, то как же нам быть в равенстве со своими подданными? Мы теперь по милости его царского величества выше их всех, а не в равенстве.

[5]А если уж тебе так угодно, брат наш, то уступил бы ты нам великое княжество Литовское и Русскую Землю [Западную Русь], кроме тех городов, которые просит у тебя князь Михаил Иванович Воротынский, и мы будем с тобой жить как Ягайло жил с Витовтом: ты будешь на Польском королевстве, а я — на великом княжестве Литовском и на Русской земле, и оба будем под властью его царского величества; а его царское величество к христианам милостив и ради своих подданных не щадит собственной персоны в борьбе с недругами, он имеет достаточно сил, чтобы оборонять тебя и меня, и от турок, и от Крымского хана, и от императора, и от многих других государств и будет нас держать

в благополучии. А на другое пожалованье, меньше этого, нам, брат наш, соглашаться не подобает: ты же сам писал, что мы одарены от бога достоинствами и разумом, — так подобает ли достойному и разумному быть изменником? Ты же, брат наш, советуешь нам поступить по обычаю твоих панов: они ведь привыкли служить тебе изменнически; мы же, удостоенные чести быть царскими советниками, служим и будем служить царскому величеству с верной покорностью. А насчет того, чтобы переманивать к тебе людей, — это ты лучше напиши какому-нибудь подлецу, достойному того подлого письма, которое тебе посоветовали написать твои паны, а мы мошенником быть не хотим — у нас таких казнят. Все остальное мы поручили твоему верному слуге, Ивашке Козлову, сказать тебе устно и просим верить его словам, сказанным по нашему поручению.[5]

Написано в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, во 2-й день июля (2 июля 1567 г.).



ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БЕЛЬСКОГО

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его наивысшего воеводы и наместника Владимирского, правителя Галичского и Луховского и Кинешемского, князя Ивана Димитриевича Литовского и Бельского — Григорию Ходкееву наше наставление.[6]

Прислал ты к нашему величеству грамоту, а в ней пространно написал по вашему изменническому обычаю — как у вас прокураторы [пилаты] подлецы и мошенники пишут, так и ты написал. Предки твои предательски изменили нашему родственнику Михаилу Олельковичу в Киеве и вышли из подчинения нам, — поэтому ты теперь и пишешь, как бешеная собака; а подобало ли тебе, нашему подданному, так к нам писать и без нашего приказа обращаться к нам с советами? Даже если тебе и следовало что-нибудь нам написать, так должен был ты написать комунибудь из наших слуг, а он бы твою грамоту нам передал, а у нас по милости царского величества есть слуги не ниже тебя, например Пивовы [7] и другие: они были прежде окольничими смоленскими, вы — боярами киевскими, и у них были такие уделы в Смоленске, как у вас в Киеве. А сверх того нашему величеству не подобает с вами, безбожниками, говорить, ибо вы, злодеи, подобно змее, изливаете яд на христиан. Мы удивляемся, как наш брат, ваш государь, таких собак и неученых людей, как вы, допустил в свою раду, — мы бы вас, негодяев,

за ваше безумие и к себе в раду не допустили. За то, что ты нам, обезумев, написал, в любом месте такого негодяя наказали бы, избив палками.

Написана в царствующем граде Москве, в 7075 году, в 28-й день июля [28 июля 1567 г.].

ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. Ф. МСТИСЛАВСКОГО (1567)

Такая грамота послана к королю

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его воеводы и наместника Великого Новгорода, правителя Ярославецкого, Черемошского и Юхотского, князя Ивана Федоровича Литовского, Ижеславского и Мстиславского — нашему брату Сигизмунду-Августу, королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

Прислал ты нам с грамотой своего верного слугу Ивашку Козлова [дальше излагается грамота Сигизмунда-Августа Мстиславскому, аналогичная грамоте Бельскому, см. стр. 417—418].

Мы внимательно прочли твою грамоту и хорошо ее поняли [начало ответа Мстиславского совпадает с началом ответа Бельского, см. стр. 418—419].

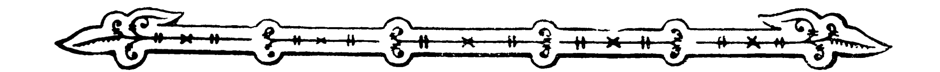
Видишь теперь, брат, что никогда не было свободы и это твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли, брат, хорошая свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали приложить руку к таким нелепицам и что они разлучили тебя с королевой Варварой,[8] отравив ее, и что они укоряли тебя за нее? Все это нам хорошо известно! Ты и сам всегда прихварывал и ныне слаб здоровьем, — все это случилось с тобой из-за самовольства твоих панов.

[9]Писал ты еще о наших предках, в какой чести они были, — так ведь нашей вотчиной было великое княжество Литовское, и тяжело даже вспомнить, каким изменническим образом нашего прародителя Явнутия его младшие братья Ольгерд и Кейстут вероломно прогнали с престола и дали ему, словно нищему, для прокормления Новгородок Литовский и другие убогие городки и в какое бесчестие был повергнут наш род с тех пор, и как твоя, брата нашего, рада впала в сатанинскую гордость, и как был оскорблен дед наш, князь Михаил Иванович Ижеславский![9] Какая же тут честь, какой там сын, покинувший отца, если мы были в бесчестии от наших подданных? И какая же там значительная часть владений при такой убогой вотчине, что нам и на кашу не хватит? Это ли была воля и честь для нашего рода, что он был в бесчестии от своих подданных? Ныне же мы по милости царского величества пребываем в великой чести и милости, и над нами никто не властен, кроме государевой воли, а быть в государевой воле для подданных хорошо; там, где над ними нет государевой воли, они колеблются, как пьяные, и никакого добра не знают. Писал ты, брат наш, в своей грамоте, что будто государь наш назначил нас воеводой Новгородским насильно, [10]но царь оказал мне великие почести и милости: во-первых, я участвую в управлении его царским советом; во-вторых, управляю великим царским городом Великим Новгородом, как управлял им мой и твой брат князь Семен-Лугвень, — ведь это наше достоинство, которого ваши предки лишили наших предков, а государь нас снова им пожаловал; в-третьих, когда мой государь посылает меня против своих врагов, то я по его повелению стою во главе многих людей и воевод, и, в-четвертых, когда к его царскому величеству приезжают цари и царевичи и иные государи из многих земель; то мы им не уступаем в чести, а иногда занимаем и более высокое место.[10] А что ты писал нам, брат наш, что нам подобает быть удельным князем и что ты хочешь держать нас в твоей земле наравне с другими удельными князьями, то это нам очень обидно — быть подданным

у тебя, нашего брата: ты потомок Гедимина, и я потомок Гедимина, ты — пятый, я — седьмой, а Явнутий Ольгерду — старший брат; а что ты нам обещаешь равенство с удельными княжатами, то как же нам быть в равенстве со своими подданными? Мы теперь по милости его царского величества выше их всех, а не в равенстве.

А если уж тебе так угодно, брат наш, то мы будем с тобою жить, как Ягайло жил с Витовтом: ты будешь на Польском королевстве, а брат наш, князь Иван Димитриевич Бельский на великом княжестве Литовском и на Русской земле, а нам бы ты уступил Троки и Троцкую область, Берестье [Брест], Ковно [Каунас], Львов, Петроков, Городню [Гродно], да Прусов и Жмудь и установил с нами равные братские отношения, какие были у Ягайло с Витовтом, а не со Свидригайлом, и все мы будем под властью его царского величества [конец грамоты совпадает с концом грамоты Бельского, — см. стр. 421—422].

Написано в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, в 5-й день июля [5 июля 1567 г.].



ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ М. И. ВОРОТЫНСКОГО (1567)

Такая грамота послана к королю

От боярина совета его царского величества, божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], от его воеводы и наместника Казанского и правителя Новосильского, князя Михаила Ивановича Воротынского — Сигизмунду-Августу, божьей милостью королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

[12]Прислал ты к нам нашего бывшего домашнего прислужника, а своего верного слугу Ивашку Петрова сына Козлова со своей грамотой, а в грамоте писал, что этот наш прислужник сообщил тебе, какие насилия брат твой, а наш государь творит над нами, князьями, и всем народом христианским — как над великими людьми, так и над меньшими и средними. Услышав это, вы ощутили жалость, ибо для христиан недопустимо, чтобы государь так обращался с народом, порученным ему богом: ведь сам же бог-сотворитель, создав человека, не обрек его на неволю, а наоборот, даровал ему всякие блага. Вы пишете также, что вам хорошо известен наш великий род, начиная от наших далеких предков, великих князей Новосильских; этот род достоин такой же чести, как и предки наших государей, великих князей Московских; вам поэтому

особенно обидно, что ваш брат так обращается с таким благородным и всякой чести достойным князем. Ивашка Козлов рассказывал вам, какую преданность к вам и вашим государствам обнаружил наш отец, князь Иван Михайлович: он хотел перейти под вашу власть со своим наследственным уделом, за что немало лет был в заточении на Белом озере и там умер. И вы, памятуя верность нашего отца, его смерть, происшедшую в царствование вашего отца славной памяти великого государя Сигизмунда, божьей милостью короля Польского и великого князя Литовского, и притеснения, которым мы подвергаемся от вашего брата теперь, в ваше царствование, предлагаете вознаградить нас за все то вашей государской милостью. Вы обещаете нам, если мы станем вашими подданными, предоставить нам все то, что мы теперь имеем и все, что удастся с божьей помощью и благодаря нашей службе отвоевать из числа наших утраченных наследственных владений; вы хотите дать нам в наследственное владение еще несколько за́мков, соседних с нашим уделом, и не замедлите прислать нам военных людей на помощь; нас же самих вы хотите держать на тех же правах, как одного из ваших подручных удельных князей — как князя Прусского или князя Ледницкого, или князя Мишенского, или как в Литве князя Слуцкого и князя Курляндского, во всем нас держать наравне с ними и при этом повышать, а не понижать нас в достоинстве, как подобает нашему великому роду и как всегда велось и ныне ведется у христианских государей, — вы считаете себя обязанными не уменьшать, а умножать благодеяния христианам и ни у кого из них ничего не отнимать, в особенности если они происходят из княжеского рода, возвышенного самим богом. Ради меня вы обещаете оказать государскую милость и тем, которых я призна́ю годными для вашей службы, и предлагаете им ехать к вам на службу.[12] Вы поручили договориться об этом с нами вашему верному слуге Ивашке Козлову, а для большей верности послали вашу грамоту с вашей подписью и личной печатью.

Мы внимательно прочли эту твою грамоту и хорошо ее поняли [начало ответа Воротынского совпадает с началом ответа Бельского, — см. стр. 418—419]. Называешь ты, брат наш, нашего мелкого прислужника своим верным слугой — видно уже у тебя, великого государя, кроме наших мелких прислужников, и людей нет! Мы бы такого слугу едва ли и на конюшню взяли, а не то что в доверенные люди; плохо твое государство, если у тебя такие холопы в доверенных. Мошеннически прокравшись к тебе, он своим свистом очаровал твой помутившийся слух и поверг тебя в пропасть бесчестия; но великим государям не следует так поступать и слушать такие нелепицы. Мы удивляемся тому, что ты так нехорошо поступил; а о христианах жалеешь ты напрасно — [13]ведь вольное [неограниченное] царское самодержавие наших великих государей — не то, что ваше убогое королевство: нашим великим государям никто ничего не указывает, а тебе твои паны указывают, что захотят, потому что наши государи — самодержцы божьей милостью, сидят на престоле непрерывно от великого Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и до нынешнего государя, никто их, вольных самодержцев, на престоле не сменяет, не ставит и не утверждает на нем — они посажены на свое самодержавное государство всемогущей божьей десницей, а твоих прародителей Давила и Моркольда Рогволодовичей взяли на Литовское княжество литовские гетманы, и вы потому слушаетесь своих радных панов. Всему христианскому народу известно, каким образом великий князь Смоленский Мстислав Владимирович, сын Мономаха, выгнав этих Рогволодовичей из Полоцка, изгнал их в Царьград и как они еще до изгнания были в зависимости от этого князя, а если выходили из повиновения, то несли за это наказание. Потому ты и послушен своим панам, что вы — не коренные государи. А если правда то, что рассказывается в баснословиях, и вы происходите от Сангушковичей, а Витень был слугой тверских князей, а Гегимник его конюшним, тогда вам тем более подобает слушать панов, ибо вы — не коренные государи. Наши великие

государи — все самодержцы, начиная с Августа кесаря, обладавшего всей вселенной, и брата его Пруса и до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя, вольны жаловать добрых и казнить дурных, никто им ничего не указывает; ты же не волен в своих делах, потому что ты — не наследственный государь, а посаженный: захотели твои паны, пожаловали тебя и дали тебе государство.[13] А правление твое такое, что ты не только над вверенными тебе людьми не волен, но и над самим собой: вот остаешься ты без потомства — кто по тебе справит поминки? Кто позаботится тебя помянуть, когда [14]сестра твоя Анна не замужем и после тебя на престоле не будет сидеть достойный государь? За кого выдана замуж другая твоя сестра, Катерина, по замыслу твоих панов — разве это ровня тебе?[14] А ведь ты и сестра твоя Катерина хотели, чтобы она вышла за нашего великого государя! Смог ли ты даже в таком малом деле поступить по своей воле, не слушаясь панов? А если ты в своих собственных делах не волен, как же тебе управлять государством? Утешаешь себя, что можешь другим волю давать, а сам ни в чем не волен. Ты писал еще, что бог создал человека, даровав ему вольность и честь... [опровержение этого тезиса совпадает с грамотой Бельского, — см. стр. 419].

Видишь теперь, что никогда не было свободы и что твое письмо далеко отстоит от истины? А это ли хорошая свобода воли, что твои паны сделали тебя мошенником и посоветовали тебе приложить руку к таким нелепицам? Помутившись в младенческом разуме, ты писал о нас неподобающие вещи, — разве мы можем быть в равенстве с таким государем самодержцем? Но мы от его вольной самодержавной власти получаем многие почести: в совете занимаем не последнее место, в войсках стоим во главе многих людей; когда же к царскому величеству за его жалованьем приходят из многих стран просители царского происхождения, мы не уступаем им в чести и сохраняем свою вотчину, соответствующую нашему достоинству.[15] Благодаря милостям и казне его царского величества мы сумели

отстроить город Новосиль, опустевший из-за несчастий — еще при наших прародителях и по милости царской владели этим городом. Неужели же нам добиваться той чести, которую испытали наши предки, когда из-за своих несчастий попали в руки ваших предков и терпели от них и их панов неволю и оскорбления? А ведь все твои паны достойны быть нашими подданными; но спаси боже от такой чести — быть наравне со своими подданными! Называешь нас благородным, — но годится ли благородному быть изменником? Еще со времен наших далеких предков мы служим своим государям и соблюдаем им верность. Наш прислужник Ивашка Козлов внушил тебе, изрыгнув яд, подобно змее, будто наш отец, князь Иван Михайлович, хотел перейти под власть твоего отца со своей вотчиной, — но разве эта нелепая изменническая выдумка может привести к добру? Как смеет этот злодей лгать, как собака, про нашего покойного отца? Мы и предки наши — не изменники, а верные слуги вольной самодержавной власти, а от государя своего мы ничего не видели, кроме жалованья и чести. А если отец наш был в опале, то это было за его поступки, а смерть его случилась по божьей воле, а наказывать и награждать — дело государево.

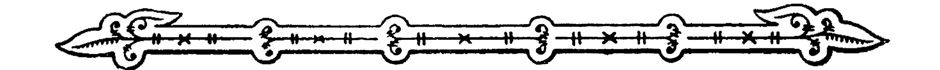
А если ты обещаешь нам свою милость, то наградил бы ты нас так: прежде всего установи с нами братские отношения и дай нам в вотчину Новгородок Литовский, Витебск, Минск, Шклов, Могилев и иные города по Днепру, кроме Киевского повета [области], и всю Волынскую и Подольскую земли; ты будешь на Польском королевстве, а брат наш князь Иван Дмитриевич Бельский на великом княжестве Литовском и Русской земле, а брат наш князь Иван Федорович Мстиславский будет владеть Троками и Берестьем и другими городами, и Прусами, и Жмудью, а мы будем владеть теми городами, которых теперь просим у тебя, и установим между собой братские и дружеские отношения, и все, вместе с тобой, братом своим, будем под вольной самодержавной властью великого государя, а его царское величество к христианам милостиво

и ради своих подданных не щадит собственной персоны в борьбе с недругами; он имеет достаточно сил, чтобы оборонять тебя и нас от турок и от Крымского хана, и от императора, и от многих других государств и будет нас держать в благополучии. А на другое награждение, меньше этого, нам, брат наш, соглашаться не подобает.

Хочешь ты, брат наш, передать нам вотчину вольного самодержца, великого государя нашего, и послать на помощь людей, — но мы не желаем быть изменниками своему государю. Ты же, брат наш, предлагаешь нам это по изменническому обычаю твоих советников: чему можно уподобить такую сатанинскую гордость — чужое давать? [следует библейская цитата]. Писал ты еще, что хочешь держать нас наравне с другими князьями, — так мы по милости царского величества и так выше тех князей, а о Прусском князе и говорить не стоит: всем известно, что он тебе не подчиняется. Слова же твои о князьях, возвышенных самим богом, богопротивны — так можно говорить не о боге, а об антихристе; господь наш Иисус Христос учил смирению [следует библейская цитата].

Так не противно ли, брат наш, твое писание Христову повелению? Господь везде повелевает смирение, а ты, по завету антихриста, восхваляешь гордость. А что касается того, чтобы переманивать к тебе людей. . . [следует конец, как в грамоте Бельского, — см. стр. 422].

Написана в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, в 15-й день июля [15 июля 1567 г.].



ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ВОРОТЫНСКОГО

От боярина совета его царского величества божьей [следует перечисление атрибутов] милостью великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], его воеводы и наместника Казанского и правителя Новосильского Михаила Ивановича Воротынского — пану Григорию Александровичу Ходкевичу наше слово.

[16]Прислал ты к нам свою грамоту с нашим мелким прислужником Ивашкой Козловым, а в грамоте писал, что ваш христианский государь, будучи святым и милосердным господином и помазанником божьим, по обычаю своих прародителей, их милостей, блаженной памяти славных и великих государей, а также по собственной щедрости и милосердию, всегда считает себя обязанным подавать пример божьего человеколюбия и любви к народу христианскому, ради которого бог не пожалел и сына своего единородного, дав его на распятие для нашего спасения и объединив нас всех его святой кровью, как многие члены одного тела, и утвердил в нас крещением любовь друг к другу; поэтому и ваш государь, по апостольскому учению, вменил себе в обязанность радоваться с радующимися, плакать с плачущими и разделять немощи несчастных, а не угождать себе. Ты писал, что ваш государь, слыша о безрассудной жестокости нашего государя, о его неправедном гонении и беспощадном гневе на нас, его христианских подданных, и о небывалом разделении нашим царем единого хри-

стианского народа на опричнину и земщину, удивляется и огорчается, и все вы тоже удивляетесь и огорчаетесь этому. Ваш государь, по твоим словам, только потому сохраняет терпение и до сих пор не поднял своей праведной королевской руки и острого меча на нашу землю за его гордость, что он считает, что наш государь растлен разумом и больше вредит своей земле и проливает кровь своих подданных, чем сам ваш государь. Ваш государь понимает, что мы, христианские люди, проливаем кровь в войне с вами поневоле, и готов потому умилосердиться над всеми нами и над нашей землей; немалым доказательством этого милосердия вашего великого государя к нашей земле и ее людям служит пожалование, данное князю Андрею Михайловичу Курбскому: ваш государь оказал ему великую милость, приблизил его и пожаловал ему первый после Киевского воеводства город и еще другие городки, хотя род его среди московских родов занимал даже не десятое, а едва ли не двадцатое место. Вашему государю и всем вам, по твоим словам, хорошо известно, что наш род — лучший из московских родов, что он — государской крови и происходит от великих князей Новосильских и что мы до сих пор сохраняем в своей вотчине свои законы и обычаи и имеем там своих бояр и воевод; вашему великому государю известно также, что наша удельная вотчина за рекой Угрой примыкает к границе владений его королевской милости, к Северской области великого княжества Литовского, из-за чего мне чуть не пришлось испить ту же смертную чашу, которую, по твоим словам, из-за зависти и злого нрава наших государей испил мой отец, князь Иван Михайлович. Поэтому ваш великий государь, зная о нашей знатности, доблести и разуме, которые нам дарованы от бога, и считая нашу милость истинным наследником и хорошим блюстителем прародительской вотчины, обратился к нам со своим ласковым государевым словом, снисходя к нашей нужде и стремясь по своему доброжелательству, чтобы бог вернул нам величие и власть наших прародителей, предлагает помочь нам немалыми войсками

и казной. Вы все выразили согласие с этим предложением вашего государя и обещали предоставить в наше распоряжение вас самих и ваше имущество. С этой твоей грамотой ваш государь послал к нам своего дворянина и верного слугу Ивана Петровича Козлова, сказавшего вашему государю и вам, что его дед был первым и любимейшим слугой нашего отца; ваш государь дал ему подробные полномочия. Вы также послали к нам ваши грамоты через Ивана Козлова, верного слугу вашего государя и вашего доброго приятеля, прося с благодарностью принять любезность вашего государя и помнить вашу любовь и тайно ответить на его государскую грамоту через того же Ивана Козлова, ничем ему не повредив, — ведь он, как раб, выполняющий волю своего господина, боится не тех, кто убивает тело, но тех, кто убивает также и душу; а ведь тот, кто убивает тело ближнего своего, быстро обрекая его на смерть, навеки губит и свою душу. Ты просишь нашу милость верить тебе, старому человеку, украшенному сединами, что в словах государя твоего не будет обмана, ибо слово государя вашего никогда не было и не будет лживым — ни для знатного, ни для бедного. Хочешь ты показать нам свою искреннюю сердечную любовь: одна у тебя есть по милости божьей утеха на старости лет — два сына, Андрей и Александр, — свет очей твоих; ты предлагаешь послать их к нашей милости вместе с твоими слугами и имуществом в наше распоряжение, желаешь доброго злоровья и доверяешься доброте нашей милости.[16]

Мы внимательно прочли эту твою грамоту и хорошо ее поняли. Бесовское же твое и отступническое рассуждение, сын бесчестной матери, не следовало бы и краем уха слушать, а не только отвечать на него, — разве только отогнать тебя крестным знамением, как бесовское наваждение. Достигнув почтенных седин, ты словно взбесился: обезумев, отдал себя на служение бесам, из христианина стал отступником и лжехристианином, и ныне ты — поругатель и разоритель святой истины, православной христианской веры, священных церквей

и божественных икон, потому-то ты и изливаешь яд подобно скорпиону, что стал служителем тьмы и врагом бога, ибо ты последователь и исполнитель воли отца твоего, дьявола, исконного человекоубийцы и врага истины. А что ты писал в своей грамоте, что ваш государь следует примеру божьего человеколюбия, то всем понятно, что это — обман, ибо государь ваш не только вами, своими панами, не владеет, но и над собой не имеет власти: когда ваш государь хотел выдать свою сестру Катерину за нашего государя, то вы, паны, изменническим образом ему это отсоветовали, и всему христианскому народу известно, какое кровопролитие вы этим вызвали между ним и его братом — царским величеством и во всем христианском мире, и за какого великого человека отдали его сестру и какую честь принесли этим своему государю! Ваш государь лил из-за этого слезы, — но что он мог сделать для себя и своей сестры вопреки вашей воле? Это ли пример божьего человеколюбия — быть в неволе? Бог — самовластен; он никому не подчиняется и ради спасения мира отдал себя на распятие по собственной воле, а вы держите своего государя в неволе; это — не пример божьего человеколюбия, а антихристов обман и наваждение, враждебные воле божьей. Писал ты еще о единородном сыне божьем, о том, как разделяется троица, но там, где вы находитесь, не подобает рассуждать о боге, ибо вы не понимаете, о чем рассуждаете [следуют цитаты из священного писания]. Вместо бога вы надеетесь на мимотекущую стихию и на бесовские козни, и вам не подобает безбожными устами говорить божественные слова. Не следует вам вспоминать и о том. что господь объединил нас всех своей святой кровью, ибо вы уже много лет тому назад латинской ересью разорвали это объединение и ныне окончательно отступили от бога, стали его врагами, присоединились к антихристу, принялись разорять божьи церкви, попирать священные иконы и сосуды и разрушать истинную православную веру и божественные догматы и ныне стали худшими врагами бога, чем бусурмане, и лживо носите на себе христианское имя; как ска-

зал богослов: произошли от нас, но не были нашими. Если бы вы были нашими, то были бы с нами, но вы сами себя отторгли от божественного крещения и христианской любви, ибо вы — «враги креста Христова, чей бог — чрево, и слава — в сраме, чьи мысли — о земном». А что ваш государь радуется с радующимися и плачет с плачущими, так ведь ваш государь ничего не может сделать помимо вашей воли, и уже много раз было писано, что вы сами же, отняв волю у своего государя, за это его зовете святым и милостивым, — а какая тут милость с его стороны, если он ни в чем не волен? Лишь та милость действительна, которую оказывает власть имущий. А что ваш государь разделяет немощи несчастных и угождает не себе, а своим подданным, так ведь ваш государь, стоя, как Зхатая среди некоего поля, среди скорпионов и змей вашего неистовства и измены, лишенный близких, помощи и к тому же еще головы, то есть не имея истинной веры в истинного бога, не имея надежды ни в прошлом, ни на будущее, поистине угождает вашей бесовской гордости. Вы же по давнему изменническому обычаю ваших предков, ухищряясь, как лукавый змей, бесчестите своего государя. Взбесившись, ты написал в своей грамоте, что будто ваш государь услышал о безрассудной жестокости нашего государя и о неправедном гонении и беспощадном гневе на нас, его христианских подданных, — на что похоже такое твое бесовское коварство? Подобно змее, яд изливаешь. Разве это допустимо, разве это дозволено богом — устанавливать закон для чужого государства, да еще вам, — не ведающим закона, не только законопреступникам, но и законоотступникам? Как вы смеете устанавливать закон? Вспомните, как эфиопский царь Елизвой [Элесбоа] пришел против иудея Надунаса [Зу Нуваса] к городу Омиру и как ему это было запрещено, ибо сказано: «моя месть и я воздам ее — говорит господь».[17] Как смеешь ты, дьяволов сын, неподобающим образом говорить о таком царском величестве? Его царское величество, наш государь, как государь истинно православный христианский, разумно руководит своим государством: добрых жалует, а злых

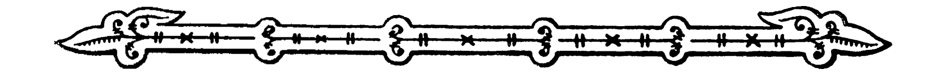
наказывает; а изменников во всех государствах казнят. [18]А о разделении народа христианского, об опричнине и земщине ты писал в своей бесовской грамоте, не понимая, со слов таких же сукиных детей, как ты сам, а у нашего государя опричнины и земщины нет: вся его царская держава в его царской руке, кто достоин — тот приближен к престолу, кто не достоин — служит в отдалении, ибо государь наш — самодержец, приказывает нам, своим слугам, по своей воле, не то что ваш государь, который повинуется вам, как подданный. Но ведь и в вашей земле есть земщина и двор и королевский удел, гетманы, казначеи и другие чиновники.[18] А что ваш государь удивляется этому, то так ведь всегда бывает: имеющий младенческий разум и лишенный разума удивляются разуму мудрого. Писал ты еще, что ваш государь до сих пор не поднял своего острого меча на землю царского величества, — это уже гордость, достойная сатаны, говорившего: взойду выше звезд небесных, поставлю престол мой на облаках и буду подобен всевышнему. Так и вы с вашим государем, следуя дьяволу, подобно Сенахириму и Навуходоносору и Хозрою [19] и другим безбожным царям, хотите овладеть православием, схватив его рукой, как птицу, но господь противится гордым, ибо сказано: «не силе конской, не мощи мужей благоволит господь, а тем, кто его боится и уповает на его милость». Его царское величество и мы, его верные советники, надеемся на милость и помощь всемогущего бога, в троице славимого; с божьей помощью соберет он силы, и бог уничтожит врагов его царского величества, а ваш государь и вы надеетесь на сатанинскую хитрость, — в чем же ваша надежда и какими преступлениями можете вы помочь себе? С бесовской дерзостью ты посмел хулить ум его царского величества; но тут нечему удивляться, ибо, вздумав лукавить своим неискусным умом и обезумев от этого, вы, собачьи дети, сами теперь не понимаете, что говорите, и не только укоряете его царское величество, но и на самого бога восстаете и, обезумев, сами не знаете, что говорите, — за это вас, сынов непокорных, покарает гнев

божий. Ваш государь считает, что мы проливаем с вами кровь поневоле; но мы со времен прародителей — верные царские советники, издавна честно служим его царскому величеству и далее будем с охотой служить ему: по велению его царского величества мы с радостью будем добывать его исконные вотчины, доставшиеся вашим государям, благодаря их изменническим поступкам и несчастиям предков нашего государя. Писал ты об Андрее Курбском, такой же собаке, как ты сам, что ваш государь оказал ему милость и почет; но если бы ваш государь не обладал младенческим разумом, он не послушал бы вашего нелепого совета и не награждал бы, стремясь к кровопролитию, мошенническим образом такого изменника. Нечего удивляться, что он, изменив своему государю и бежав от виселицы, пришел к вашему слабоумному государю! Ты же, неблагородный человек, не зная его, хвалишь. Ты же сам писал, что наш род великий и благородный, — так подобает ли нам, послушавшись тебя, собаки, последовать твоему изменническому примеру и стать изменником? Мы же от царского величества получаем милости и почести и сохраняем вотчину, соответствующую нашему достоинству, а к тому же еще по милости царского величества мы получили ту часть нашей вотчины, которая прежде была в запустении, и ныне ею владеем.

Если же ваш государь хочет с нами братства и дружбы, пусть он сделает так, как мы написали ему в своей грамоте. Не подобает нам, знатному роду, быть изменниками и захватывать для себя вотчины нашего государя, как твой племянник Янко,[20] который пытался с помощью кровопролития занять Ливонскую землю, но бог-сотворитель не дал осуществиться его бесовским козням. С бесовской хитростью ты писал, бешеная собака, что мы были наказаны царем из зависти к нашей вотчине, но в действительности это вы охвачены завистью и злобой, если, будучи подданными, смеете равняться с государями; отец же наш Иван Михайлович скончался по божьей воле, а не насильственной смертью; мы же были наказаны

царем за некое прегрешение, а теперь опять по милости его царского величества находимся в почете. А если ваш государь хочет восстановить наши владения, то пусть восстановит так, как мы писали ему в своей грамоте, а иначе нам не подобает. А что этот наш прислужник сказал вам, налгав, как собака, что дед его был первейший человек нашего отца, то эта нелепость нам оскорбительна. Если же он вашему государю верный слуга, а вам милый приятель, так ведь у нас много таких холопов за стадами ходят, и если у вас народ плох и вам нужны люди, так вы и этих наших пастухов возьмите к себе и определите вашему государю в верные слуги, а себе — в милые приятели: как христиане, мы вам в этом не воспрепятствуем. А иначе, чем мы писали вашему государю, а своему брату, нам не подобает соглашаться на братскую дружбу с вашим государем. Ты просишь нас помнить твою любовь, но нам, княжатам, не подобает с вами, мужиками, быть в братстве; если же ты хочешь милости с нашей стороны, то можешь послать к нам в услужение своих сыновей, о которых ты писал, — Андрея и Александра, и мы окажем им те милости, какие они заслужат. Это наставление мы посылаем к тебе с тем же нашим холопом, верным слугой вашего государя и вашим приятелем. А твоей безбожной душе как можно верить? Ведь если человек оставил бога и истинную веру, станет ли его душа заботиться о клятве? Не подобает в таком почтенном возрасте, как твой, обучать своего государя мошенничеству; а тому, кто является с таким злым делом, не грех и воздать за его безумие.

Написана в Москве, городе его царского величества, в 7075 году, в 20-й день июля [20 июля 1567 г.].

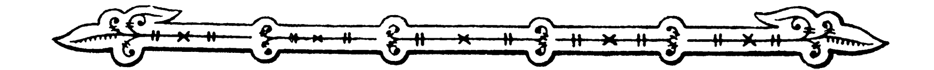


ПОСЛАНИЕ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ ОТ ИМЕНИ И. П. ФЕДОРОВА (1567)

От боярина совета его царского величества божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], воеводы Полоцкого и наместника Ярославского [21]Ивана Петровича Федоровича великому государю Сигизмунду-Августу, божьей милостью королю Польскому и великому князю Литовскому [следует полный титул].

Прислал ты к нам свою государеву грамоту с бывшим прислужником наших собратьев по государевой раде, князей Воротынских, и мы эту грамоту прочли и хорошо поняли. Но подобает ли тебе, такому великому государю, подлым и мошенническим образом рассылать такие нелепицы и подписывать их своей рукой? Ведь я же, государь, уже старый человек, немного мне жить осталось; когда изменю своему государю и оскверню свою душу, ходить у тебя с войском уже не смогу, водить тебе девок в спальню — ноги тоже не служат, а потешать тебя на старости лет скоморошеством не обучен, — на что же мне твое государево предложение? Что тебе нужно от моей старости? Послал бы ты лучше это письмо каким-нибудь подлецам, достойным твоего подлого письма.[21]

Написано в Полоцке, отчине моего государя, в 7075 году от сотворения мира, в 6-й день августа [6 августа 1567 г.].



ПОСЛАНИЕ ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ ФЕДОРОВА

От боярина совета его царского величества божьей [следует перечисление атрибутов] милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси [следует полный титул], воеводы Полоцкого и наместника Ярославского Ивана Петровича Федоровича — брату нашему Григорью Александровичу Ходкевичу, пану Виленскому, наивысшему гетману великого княжества Литовского, старосте Городенскому и правителю Могилевскому наше слово.

Присылал ты к нам прислужника князей Воротынских Ивашку Козлова с грамотой, а в ней писал многие неподобающие вещи. Прилично ли, пан Григорий, чтобы мы с тобою, достигнув почтенных седин, вели между собою такие переговоры, какие затеваешь ты, советуя мне в своем письме изменить своему государю? Очень мы этому удивляемся и жалеем, что ты в таком возрасте занялся такими подлостями, осквернив язык свой клеветой; мы же считаем, что заслуживать милость своего государя следует не бесчестными делами, но честной и правдивой службой; ведь это обычай бесчестных людей и подлецов — обращать свой язык на клевету. Очень жалеем, что ты, брат наш, вмешался в такое неподобающее дело. В своей грамоте ты назвал этого мелкого прислужника князей Воротынских дворянином и верным слугой своего государя: но подобает ли тебе, пан Григорий, человеку, украшенному сединами, так служить своему государю — называть

такого мелкого прислужника дворянином и верным слугой такого великого государя? Нет! это — не достойная и не верная служба вашему государю! А если он, собака, оскорбляя царское величество, изливал тебе свой яд, подобно змее, то пристойно ли тебе, пан Григорий, при твоих сединах, взяв собачий рот, писать такую бессмыслицу? Наш же государь, его царское величество — государь милостивый, истинно православный, заботится о нас, своих подданных, блюдет и по заслугам жалует нас своим жалованьем, и я тоже щедро награжден милостями, почестями, вотчинами и казной его царского величества. А то, что ты, брат наш, в своей грамоте лживо или изменнически написал, что будто бы мой государь хотел со мной расправиться, то это нелепые или изменнические слова: никогда не бывало и быть не может, чтобы его царское величество карало кого-нибудь без вины. Не бывало и того, чтобы Литва Москву судила, — вам, пане, впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством. Ты писал, что подданный должен получать такое жалование, какое ему потребно, — какая же это верная служба, если подданный не подчиняется государевой воле, а творит свою волю? Это — не верная служба, а изменническая, и мне было очень досадно, что ты, почтенный человек, пишешь так неразумно. Ты писал еще, что мой государь утруждает меня хлопотами, но мой государь не утруждает меня хлопотами, а посылает туда, где его царскому величеству бывает нужна моя служба, мы же от предков своих научены служить царскому величеству с радостью и не считать этого тягостью, а не так, как вы, пан Григорий, добываете у своего государя высокие чины, заботясь о девках для государевой спальни и развлекаясь с ним скоморошеством, — мы же этого себе не позволяем. Если же мы от бога одарены разумом, то прилично ли разумному и достойному человеку быть изменником, как ты, пан Григорий, советуешь нам, оскверняя свои седины? Стоит ли мне, пан Григорий, переходить в вашу землю, если вы не соблюдаете верности не только своей братии, но и своему госу-

дарю, ввергая его в бесчестие и научая скреплять своей подписью такие нелепые грамоты, ведущие к ссоре и кровопролитию среди христиан? Ведь наш милостивый, истинно христианский государь даже не замечает ваших змеиных затей, отгоняя их, как солнце — тени. Я же, следуя обычаю моих предков, хочу на старости лет честно служить, а не изменять своему государю. Чтó от вас, безбожников, можно ожидать, если вы разрушили церкви божьи со священными заповедями? Ты писал, что я расположен к вашему государю; но я набожный христианин и никогда не встречал никакого зла от христиан, я оказывал им всегда любовь и милость, а от вас встречал только недоброжелательство к царскому величеству и стремление к пролитию христианской крови, — какое же я могу иметь с вами дело, что общего между светом и тьмой, какое может быть согласие между Христом и Велиаром и между христианином и безбожниками? [22] А о Ливонской земле чтó и писать! Если ваш государь не уступит ее царскому величеству, никогда не прекратится кровопролитие между христианами. Так и знай!

Написана в Полоцке, отчине царского величества, в 7075 году от сотворения мира, в 6-й день августа [6 августа 1567 г.].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Вторособиратель всея Русския земли» (по Ивану Тимофееву), прогрессивный государственный деятель Иван Васильевич Грозный, был выдающимся писателем своего времени. Его произведения, в особенности «послания», могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы.

Творчество Грозного не получило надлежащей оценки в литературоведении. Дворянско-буржуазная наука, не сумевшая понять исторической роли этого «человека с сильной волей и характером»,[1] не уделила должного места и писательской деятельности Грозного. Его сочинения рассматривались обычно как своего рода «человеческие документы», дающие материал для построения биографии царя. Вопрос о значении Грозного как писателя, о месте, которое занимает его творчество среди других литературных памятников того времени, не был даже поставлен. Вопрос этот должен быть разрешен советской литературоведческой наукой.

Главным препятствием на пути изучения творчества Грозного является отсутствие собрания его сочинений. Не установлен даже общий объем его творчества — попытка И. Н. Жданова [2] составить список произведений Ивана IV должна быть признана

---

[1] О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

[2] И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Соч., т. I, СПб., 1904.

неудачной. Все это не позволяет в настоящее время дать даже самую краткую характеристику основных этапов литературной деятельности Грозного.

Настоящее издание ставит своей задачей объединить лучшие памятники эпистолярного наследия Ивана IV. Наряду с широко известными посланиями — Курбскому, в Кирилло-Белозерский монастырь и Василию Грязному — издается послание «великому князю всея Руси» Симеону Бекбулатовичу и ряд дипломатических посланий, написанных в типичной для Грозного полемической манере.[1] Характерные черты литературного стиля Ивана IV обнаруживаются и в группе издаваемых нами посланий Сигизмунду II Августу и гетману Ходкевичу, формально написанных от имени бояр.

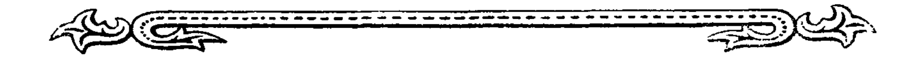
При подготовке настоящего издания пришлось встретиться с трудностями, вытекающими из своеобразной судьбы литературного наследия Грозного в рукописной традиции. Так, например, в списках XVII в. почти не получила распространения группа посланий Ивана IV, связанных с ливонским походом 1577 г. (в эту группу входит и второе послание Курбскому); приходится пользоваться при издании единственным, притом дефектным списком XVII в. и копией XIX в. с утраченного списка. Одно из наиболее интересных посланий этой группы — польскому наместнику в Ливонии Полубенскому — издается впервые. Возникали трудности и при издании первого послания Курбскому, самого крупного и по содержанию особо значительного произведения Грозного. Послание это издавалось не раз, но лишь по спискам конца XVII и XVIII вв.,

[1] В настоящее собрание избранных сочинений Ивана IV включаются лишь те его дипломатические послания, которые представляют интерес как памятники литературы. Поэтому не включены в текст грамоты царя; даже интересные с исторической точки зрения (как, например, послание королю Эрику XIV — стр. 625), а также послания, сохранившиеся лишь в современных им переводах, обычно неточных и не передающих своеобразного литературного стиля Грозного.

в основе которых лежит текст, создавшийся и хранившийся во враждебной Ивану IV рукописной традиции. К изданию первого послания Курбскому привлечены списки собраний Погодина и Археографической комиссии, не принятые во внимание предыдущими издателями из-за их дефектности, но важные и ценные потому, что они позволяют исправить испорченные чтения ранее изданных текстов и восстанавливают первоначальное авторское заглавие послания, раскрывающее подлинного его адресата: «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбсково с товарищи, об их измене».

Собранные вместе и изданные по более достоверным спискам, послания Ивана Грозного несомненно привлекут к себе внимание исследователей и, вместе с тем, дадут представление советскому читателю об этом своеобразном писателе и крупном государственном деятеле, чей образ неоднократно воссоздавался в художественной литературе и искусстве.

В. Адрианова-Перетц.



Д. С. Лихачев

ИВАН ГРОЗНЫЙ — ПИСАТЕЛЬ

Конец XV века и век XVI-й — это период укрепления русского централизованного государства. С его появлением на смену старым пришли новые взгляды на власть «великого князя всея Руси», да и сами «великие князья всея Руси» по-новому начинают рассматривать свою деятельность, свои задачи и самое свое положение в государстве.

Вместо ограниченных в своих владельческих заботах русских князей периода феодальной раздробленности стали появляться государственные деятели более широкого размаха, реформаторы государственной жизни России. Под влиянием назревших экономических потребностей начинают ломаться старые порядки в государственном управлении и в быту, в религиозных установлениях местных церковных организаций и в культурной жизни. Усиливающаяся классовая борьба и борьба внутри класса феодалов между старым боярством и поднимающимся дворянством требовали усиления централизованного государственного управления. Правительство стало на путь удовлетворения требований дворянства, поддерживавшего все реформы царской власти. Сознание необходимости реформ достигло крайнего напряжения в царствование Грозного.

Вот почему с предложениями разного рода социальных преобразований, с описанием идеальных государственных устройств, а иногда с нравственными наставлениями и «изобли-

чениями злодейств» спешат обратиться к Грозному представители разнообразных групп господствующего класса — друзья и враги, советчики и «изобличители», люди разных политических убеждений, разного писательского темперамента, занимавшие самое различное общественное положение. С наставлениями и проектами обращаются к Грозному и митрополит Макарий, и протопоп Благовещенского собора Сильвестр, и псковский старец Филофей, и Иван Пересветов, и скромный монах Еразм, и родовитый князь Андрей Курбский.

Вера в силу убеждения, в силу мысли, в возможность построения лучшего государства на разумных началах была в этих посланиях выражена с предельной силой. Этой верой поддерживалось в XVI в. чрезвычайное развитие публицистической мысли. Вместе с тем в обстановке все укрепляющейся централизованной монархии многим современникам казалось, что весь ход русской истории зависит от убеждений только одного человека, во власти которого было якобы возможно направить ее по наилучшему пути.

Деятельность Грозного, отражавшая интересы широких кругов дворянства, очутилась, таким образом, в центре внимания русской литературы. Она подвергалась страстному обсуждению. Грозного осуждали одни, одобряли другие, стремились подсказать новые реформы третьи. Сам царь спешит поддержать переписку со своими друзьями и врагами. Переубедить его невозможно, он горячо отстаивает свои убеждения и всю свою политическую деятельность, но и в его посланиях чувствуется та же вера в силу убеждения, в силу мысли, которая отличала и его корреспондентов. Грозный — политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа. И в его писательской деятельности не меньше, чем в его деятельности государственной, сказалась его исключительная талантливость.

Вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Грозный, и, вместе с тем, каждое литературное выступление которого обладало бы с самого начала таким властным авторитетом. Все написанное Грозным написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано живой необходимостью современной ему политической действительности. И именно это наложило сильнейший отпечаток на его произведения. Он нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, как только они становятся ему помехой. Он заботится о стиле своих произведений лишь постольку, поскольку это нужно ему, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Он политик, государственный человек прежде всего, и он вносит политическую запальчивость и в свои произведения. Все написанное им стоит на грани литературы и деловых документов, на грани частных писем и законодательных актов. И всюду он резко проявляет себя: в стиле, в языке, в темпераментной аргументации и, самое главное, в непрерывно дающих себя знать политических убеждениях.

Во всех областях своей кипучей деятельности Грозный был новатором, человеком, стремящимся сбросить груз многовековых традиций „удельной“ Руси, остро видящим будущее и сознающим интересы централизованного государства. В дипломатической практике, дерзко нарушая условные формы посольских обычаев своего времени, Грозный впервые стал лично вести переговоры с иностранными послами. Грозный непосредственно сам, а не через своих дьяков или бояр, обращался и к литовскому послу Ходкевичу в 1563 г. и к польским послам Кротошевскому и Роките в 1570 г. Речь его к польским послам была столь обширна, что секретарь польских послов сказал Грозному: «Милостивый государь! таких великих дел запомнить невозможно: твой государский от бога дарованный разум выше человеческого разума». Минуя обычаи своего времени, Грозный сам непосредственно вел споры о вере с Яном Рокитой и Поссевином. По свидетельству англичанина Горсея, царь

отличался в этих выступлениях «большим красноречием», «употреблял смелые выражения». Неудивительно, что и в своих литературных произведениях Грозный дерзко нарушал стилистические традиции.

Нельзя думать, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны «по невежеству», как изображал это его противник князь Курбский. Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. По свидетельству венецианца Фоскарини, Грозный читал «много историю Римского и других государств. . . и взял себе в образец великих римлян». Грозный заказывал перевести Историю Тита Ливия, биографии цезарей Светония, кодекс Юстиниана. В его сочинениях встречается множество ссылок на произведения древней русской литературы. Он приводил наизусть библейские тексты, места из хронографов и из русских летописей, знал летописи польские и литовские. Он цитировал наизусть целыми «паремиями и посланиями», как выразился о нем Курбский. Он читал «Хронику» Мартина Бельского (данными которой он, повидимому, пользуется в своем послании к Курбскому). По списку Библии, сообщенному Грозным через Михаила Гарабурду князю Острожскому, была напечатана так называемая Острожская библия — первый в славянских странах полный перевод Библии. Он знал «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, философскую «Диоптру» и др.

Книги и отдельные сочинения присылали Ивану Грозному из Англии (доктор Яков — изложение учения англиканской церкви), из Польши (Стефан Баторий — книги о Грозном), из Константинополя (архидиакон Геннадий — сочинения Паламы), из Рима (сочинения о Флорентийском соборе), из Троицкого монастыря, из Суздаля и т. д. Каспар Эберфельд представлял царю изложение в защиту протестантского учения, и царь охотно говорил с ним о вере. Отправляя архидиакона Геннадия на Ближний Восток, Грозный приказывал «обычаи в странах тех писати ему». Он заботился о составлении тех или иных новых сочинений и принимал участие в лите-

ратурных трудах своего сына, царевича Ивана Ивановича. К нему обращались со своими литературными произведениями Максим Грек, князь Курбский, митрополит Макарий, архимандрит Феодосий, игумен Артемий, Иван Пересветов и многие другие.

Грозный знал цену слову и широко пользовался пропагандой в своей политической деятельности. В 1572 г. литовский посол жаловался, что Грозный распространяет глумливые письма на немецком языке против короля Сигизмунда-Августа, и русские не отрицали этого. Если Грозный и не был непосредственным автором этих листков, то, во всяком случае, он был их инициатором и редактором.

Грозный вмешивался во всю литературную деятельность своего времени и оставил в ней заметный след, далеко еще не учтенный ни в историческом, ни в чисто литературном отношении.

Наиболее ярко литературный талант Грозного сказался в его письме к своему любимцу — «Васютке» Грязному, в письмах к Курбскому и в послании игумену Козьме 1573 г.

Переписка Ивана Грозного и Василия Грязного относится к 1574—1576 гг. В прошлом Василий Грязной — ближайший царский опричник, верный его слуга. В 1573 г. он был направлен на южные границы России — в заслон против крымцев. Грязной должен был отправиться в глубь степи с отрядом в несколько сот человек и добыть языков. Но крымцы «подстерегли» отряд Грязного и настигли его. Поваленный наземь Грязной отчаянно сопротивлялся, до смерти перекусав «над собою» шесть человек и двадцать два ранив, о чем не только писал впоследствии Василий Грязной Грозному, но что подтверждали и очевидцы. Грязного «чють жива» отвезли в Крым к хану, и здесь, «лежа» перед ним, он вынужден был признаться, что он у Грозного человек «веременный» — его любимец. Узнав об этом, крымцы решили выменять его на Дивея-

Мурзу — знатного крымского воеводу, захваченного в плен русскими. Из плена Василий Грязной и написал Грозному свое первое письмо, прося обмена на Дивея. Осенью 1574 г. Василий получил ответ Грозного через гонца Ивана Мясоедова. С этим гонцом Грозный передал Грязному свое государево жалование и сообщил ему, чтобы он не беспокоился о семье: сына его Грозный пожаловал поместьем и деньгами. Но самое письмо Грозного содержало решительный отказ выкупить его за большие деньги или обменять на Дивея-Мурзу. После этого Василий Грязной еще дважды писал царю, но крымцы не получили за Грязного Дивея-Мурзу. В 1577 г. Грязной был выкуплен за умеренную сумму, но что сталось с ним после выкупа, не известно.

Переписку Ивана Грозного и Василия Грязного охватывает общее настроение, общий обоим дух ядовитой шутки: с одной стороны, от царя — властной и открытой, а с другой, — от Грязного — подобострастной, переходящей в намеки, вызывающей на близость, стремящейся найти опору к возвращению прежних отношений. Это — переписка людей, когда-то дружественных, но успевших остынуть друг к другу: Грозный уже разочарован в своем любимце, но еще сохраняет к нему приязнь; Василий же чувствует, что расположение Грозного уходит от него и стремится поддержать его интимной, но уже осторожной шуткой, соединенной с самой беззастенчивой лестью. Оба стремятся поймать друг друга на слове: один — чтобы укорить насмешкой, другой — чтобы вымолить себе выкуп из плена. Шутка, как мяч, перелетает от одного к другому, демонстрируя находчивость обоих и слаженность выработавшейся еще за столом, «за кушанием» в покоях у Грозного, остротной игры. Но если отвлечься от этого общего им обоим тона переписки и вдуматься в ее содержание, то сразу же становится ясным различие взглядов и характеров: с одной стороны — большой государственный человек, полный заботы об интересах государства, непреклонный в своем отказе поступиться интересами государства ради личных при-

вязанностей, а с другой — «Васютка» Грязной, мастер лихой потехи, шутник и балагур, преданный и эгоистичный, остроумный и ограниченный.

Первое письмо Грязного, в котором он просит царя об обмене его на Дивея-Мурзу, не сохранилось. Но ответ Грозного дошел до нас в своем первоначальном виде. Как и всегда, Грозный не только принимает решения, но и объясняет их. С исключительной принципиальностью ставит Грозный вопрос об обмене Василия на Дивея-Мурзу. Он не желает рассматривать этот обмен, как его личную услугу Грязному. Будет ли «прибыток» «крестьянству» от такого обмена? — спрашивает Грозный. «И тебя, вед, на Дивея выменити не для крестьянства на крестьянство». «Васютка», вернувшись домой, лежать станет «по своему увечью», а Дивей-Мурза вновь станет воевать «да неколько сот крестьян лутчи тебя пленит! Что в том будет прибыток?». Обменять Василия на Дивея-Мурзу — это с точки зрения государства «неподобная мера». Тон письма Грозного звучит наставлением, он учит Грязного предусмотрительности и заботе об общественных интересах.

И вместе с тем, несмотря на всю наставительность этого письма, оно полно вызывающей искренности, лукавой, а иногда резкой шутки к «Васютке», как ласково называет его Грозный. Письмо Грозного, по выражению Василия, «жестоко и милостиво». Грозный смеется над тем, как неосмотрительно попал Василий в плен к крымцам, он напоминает ему о былых охотничьих забавах и о шутках за столом: «ты чаял, что в объезд [т. е. на охоту] приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон, умеют ловити. . .».

Постепенно раздражаясь, Грозный впадает в тон жестокой насмешки. Он напоминает Василию, что с государственной точки зрения он самый обычный пленник: «а доселеве такие по пятидесят рублев бывали». Разве стоит обменивать его

на Дивея-Мурзу, ставить их в одну меру: «у Дивея и своих таких полно было, как ты».

Васютка, умевший понимать шутки Грозного и, когда нужно, обращать их себе на пользу, подхватывает напоминание Грозного о былых шутках за столом: «А шутил яз, холоп твой, у тебя, государя, за столом, тешил тебя, государя, а нынеча умираю за бога, да за тебя же, государя, да за твои царевичи, за своих государей. . .». Он принимает и другой упрек Грозного — о своем увечье — и опять-таки обращает его себе на пользу, напоминая Грозному, что добыл он эти раны на службе ему: «А яз, холоп твой, не у браги увечья добыл, ни с печи убился». Хоть он и будет лежать, но постарается и лежа служить своему государю: «Мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити: то наша и надежа. . .». Он отвечает и на упрек Грозного за попытку сравнять себя с Дивеем-Мурзой. Но в ответе своем он уже не шутит: он смиренно молит о пощаде — «не твоя б государская милость, и яз бы што за человек?».

Ничто не напоминает в этой переписке витийственной, поднятой на ходули риторики XVI в. Читая переписку «Васютки» Грязного и Ивана Грозного, забываешь, что оба были разобщены огромным по тому времени расстоянием, что письма доставлялись с трудом, доходили через многие месяцы. Перед нами свободная беседа, словно записанный разговор, — оба перекидываются шутками, как бывало «за кушанием».

Гораздо сдержаннее и официальнее Грозный в своей переписке с князем Курбским, бежавшим в Литву. В письмах Грозного к Курбскому меньше специфических «грозновских» черт. Между царем и изменником не могло быть той непосредственности, какая была в письмах Грозного к своему любимцу Василию Грязному или в письмах к кирилло-белозерским монахам. Грозный выступает здесь с изложением своих взгля-

дов как государственный человек. Не случайно переписка Грозного с Курбским обращалась среди московских людей в качестве материала для чтения.

Грозный стремится дать понять Курбскому, что ему пишет сам царь — самодержец всея Руси. Свое письмо он начинает пышно, торжественно. Он пространно говорит о своих предках. Курбский верно почувствовал тон письма Грозного, назвав его в своем ответе «широковещательным и многошумящим». Но и здесь, в конце концов, дает себя знать темпераментная натура Грозного. Постепенно, по мере того как он переходит к возражениям, тон письма его становится оживленнее. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя!». Бояре, такие, как Курбский, похитили у него в юности власть: «от юности моея благочестие, бесом подобно, поколебасте, еже от бога державу, данную ми от прародителей наших, под свою власть отторгосте». Грозный резко возражает против мнения Курбского о необходимости ему иметь мудрых советников из бояр. В полемическом задоре Грозный называет бояр своими рабами. Повторяющиеся вопросы усиливают энергию возражений. «Ино се ли совесть прокаженна, яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разумом, еже не хотети быти работными своими обладанному и овладенному? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?». «А Российское самодерьжьство изначяла сами владеют своими государьствы, а не боляре и не вельможи». «Царь — гроза не для добрых, а для злых дел; хочешь не бояться власти — делай добро, а делаешь зло, бойся, ибо царь не в туне носит меч — в месть злодеям. . .».

Постепенно тон письма становится запальчивым. Он с азартом издевается и высмеивает Курбского, отпускает такие насмешки, которые уже лишены всякой официальности. Так, например, в первом письме к Грозному, «слезами омоченном», Курбский перечислял все обиды и преследования. В обличительном порыве Курбский в конце концов обещает положить

свое письмо с собою в гроб и явиться с ним на Страшном судище, а до того не показывать Грозному своего лица. Грозный подхватил и вышутил это самое патетическое место письма Курбского: «Лице же свое, пишешь, не явити нам до дне Страшнаго суда божия? — Кто же убо восхощет таковаго ефиопскаго лица видети!».

Грозный мог быть торжественным только через силу. Он был чужд позы, охотно отказывался от условности, от обрядности. В этом отношении он был по-настоящему русский человек. Грозный, на время вынужденный к торжественности тона, в конце концов переходит к полной естественности. Можно подозревать Грозного иногда в лукавстве мысли, иногда в подгонке фактов, но самый тон его писем всегда искренен. Начав со стилистически сложных оборотов, с витийственно-цветистой речи, Грозный рано или поздно переходил в свой тон, становился самим собой: смеялся и глумился над своим противником, шутил с друзьями или горько сетовал на свою судьбу.

Это был поразительно талантливый человек. Казалось, ничто не затрудняло его в письме. Речь его текла совершенно свободно. И при этом какое разнообразие лексики, какое резкое смешение стилей, какое нежелание считаться с какими бы то ни было литературными условностями своего времени! . .

Еще больше непосредственности во втором, кратком, письме Грозного Курбскому, написанном им после взятия русскими войсками Вольмера — города, в котором жил некоторое время, спасаясь от Грозного, Курбский. Вспомнив опять своего противника, Грозный не мог не пошутить и не поиздеваться над Курбским по этому случаю. Он писал ему, между прочим: «И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес».

Из двух посланий Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь первое послание наиболее обширно и значительно. Оно написано по следующему случаю. Несколько опальных бояр, в том числе Шереметев и Хабаров, забыв свои монашеские обеты, устроились в монастыре, как «в миру», и перестали

выполнять монастырский устав. Слухи и сообщения об этом доходили и до Грозного, составившего в связи с этим свое обширное послание в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме «с братией».

Оно начинается униженно, просительно. Грозный подражает тону монашеских посланий, утрирует монашеское самоуничижение: «Увы мне грешному! горе мне окаянному! ох мне скверному! Кто есмь аз на таковую высоту дерзати [т. е. на высоту благочестия Кирилло-Белозерского монастыря]? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от таковаго начинания. . . А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати и чем просветити?». Грозный как бы преображается в монаха, ощущает себя чернецом: «и мне мнится, окаянному, яко исполу [т. е. на половину] есмь чернец». И вот, став в положение монаха, Грозный начинает поучать. Он поучает пространно, выказывая изумительную эрудицию и богатство памяти. Постепенно нарастают и его природная властность и его скрытое раздражение. Он входит в азарт полемики. Письмо Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь — это развернутая импровизация, импровизация в начале ученая, насыщенная цитатами, ссылками, примерами, а затем переходящая в запальчивую обвинительную речь — без строгого плана, иногда противоречивую в аргументации, но неизменно искреннюю по настроению и написанную с горячей убежденностью в своей правоте.

Грозный иронически противопоставляет «святого» Кирилла Белозерского (основателя Кирилло-Белозерского монастыря) — боярам Шереметеву и Воротынскому. Он говорит, что Шереметев вошел со «своим уставом» в монастырь, живущий по уставу Кирилла, и язвительно предлагает монахам: «Да Шереметева устав добр, — держите его, а Кирилов устав не добр, оставите его». Он настойчиво «обыгрывает» эту тему, противопоставляя посмертное почитание умершего в монастыре боярина Воротынского, которому монахи устроили роскошную могилу, почитанию Кирилла Белозерского: «А вы се

над Воротыньским церковь есте поставили! Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцом [Кириллом] нет! Воротыньской в церкви, а чюдотворец за церковию. И на Страшном спасове судище Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче».

Вспоминая прежние крепкие монастырские нравы, Грозный мастерски рисует бытовые картинки. Он рассказывает, что видел он собственными очами в один из своих приездов к Троице. Дворецкий Грозного, князь Иван Кубенской, захотел поесть и попить в монастыре, когда этого по монастырским порядкам не полагалось — уже заблаговестили ко всенощной. И попить-то ему захотелось, пишет Грозный, не для «прохлады», а потому только, что жаждал. Симон Шубин и иные с ним из младших монахов, а «не от бóльших» («бóльшия давно отошли по келиам», — разъясняет Грозный) не захотели нарушить монастырские порядки и «как бы шютками молвили: князь Иван-су, поздо, уже благовестят». Но Иван Кубенский настоял на своем. Тогда разыгралась характерная сцена: «сидячи у поставца [Кубенской] с конца ест, а они [монахи] з другово конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталося: все отнесено на погреб». «Таково было у Троицы крепко, — прибавляет Грозный, — да то мирянину, а не черньцу!».

Не то что с боярами — с самим царем монахи не стеснялись, если дело шло о строгом выполнении монастырских обычаев. И правильно делали! — утверждает Грозный. Он вспоминает, как в юности он приехал в Кириллов монастырь «в летнюю пору»: «мы поизпоздали ужинати, занеже у нас в Кирилове в летнюю пору не знати дня с ночию [т. е. стоят белые ночи]». И вот спутники Грозного, которые «у ествы сидели», «попытали [т. е. попросили] стерьлядей». Позвали подкеларника Исаию («едва его с нужею привели») и потребовали у него стерлядей, но Исайя, не желая нарушать монастырских порядков, наотрез отказался. Грозный с похвалою

передает безбоязненные слова, сказанные ему Исайей: «о том, о-су [т. е. государь], мне приказу не было, а о чом был приказ, и яз то и приготовил, а нынеча ночь, взяти негде; государя боюся, а бога надобе больши того боятися».

Настойчиво внушает Грозный монахам смелую мысль, что для них не существует никаких сословных (и вообще светских) различий. Святые Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский «не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялись». Шереметев постригся из боярства, а Кирилл и «в приказе у государя не был», но все равно простец Кирилл выше боярина Шереметева. Он напоминает, что у Троицы в постриженниках был Ряполовского холоп «да з Бельским з блюда едал». Грозный высказывает мысль о том, что монах в духовном отношении, в личной жизни, выше даже его — царя: двенадцать апостолов были «убогими», а на том свете будут на двенадцати престолах сидеть и судить царей вселенной.

Приходя все в большее и большее раздражение, царь требует наконец, чтобы монахи оставили его в покое, не писали ему и сами справились бы со своими непорядками. «Отдоху нет, — пишет он с гневом, — а уж больно докучило»; «а яз им отец ли духовный или начальник? Как собе хотят, так и живут, коли им спасение душа своея не надобеть»; «а отдоху от вас нет о Шереметеве». Чего ради, в самом деле, тревожат его монахи — «злобеснаго ли ради пса. Василья Собакина. . . или бесова для сына Иоанна Шереметева, или дурака для и упиря Хабарова?».

Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинами. Вот как изображает он лицемерное воздержание от питья: вначале только «в мале посидим поникши, и потом возведем брови, таже и горло, и пием, донележе в смех и детем будем». Монаха, принявшего власть, Грозный сравнивает с мертвецом, посаженным на коня. Описывая запустение Сторожевского монастыря,

Грозный говорит: «тово и затворити монастыря некому, по трапезе трава ростет».

Его письмо, пересыпанное вначале книжными, церковнославянскими оборотами, постепенно переходит в тон самой непринужденной беседы: беседы страстной, иронической, почти спора. Он призывает в свидетели бога, ссылается на живых свидетелей, приводит факты, имена. Его речь нетерпелива. Он сам называет ее «суесловием». Как бы устав от собственного многословия, он прерывает себя: «что ж много насчитати и глаголати», «множае нас сами весте. . .». Грозный не стесняется бранчливых выражений: «собака», «собачий», «пес», «в зашеек бил» и т. д. Он употребляет разговорные обороты и слова: «дурость», «дурует» «маленько», «аз на то плюнул», «а он мужик очюнной врет, а сам не ведает что». Он пользуется поговорками: «дати воля царю, ино и псарю; дати слабость вельможе, ино и простому». Его речь полна восклицаний: «ох!», «увы, увы мне!», «горе ей!». Он часто обращается к читателям и слушателям: «видети ли?», «а ты, брат, како?», «ты же како?», «милые мои!». Он прерывает свою речь вопросами, останавливает себя. Он смешивает церковнославянизмы и просторечье. Он делает смелые сопоставления библейских лиц и событий с современными все с тою же иронической целью. Богатство его лексики поразительно. Язык Грозного отличается необыкновенною гибкостью, и эта живость, близость к устной речи вносит в его произведения яркий национальный колорит. Это — по-настоящему русский писатель.

Те же черты литературной манеры Грозного наблюдаем мы и во всех других его произведениях. Во многих письмах к иностранным государям можно определить немало страниц, написанных самим Грозным. Эти страницы опознаются по властному тону, по живой игре характерного для Грозного остроумия, по самому стилю грубой, сильной и выразительной речи.

«Подсмеятельные слова», до которых был большим охотником Грозный, страстная, живая речь свободно вторгаются

и в послание к королеве Елизавете Английской, и в послание к Стефану Баторию, и в послание к шведскому королю Иоганну III. Наконец, есть послания, целиком выдержанные в тоне пародии. Таково, например, знаменитое послание Грозного Симеону Бекбулатовичу. Послание это — только одно из звеньев того политического замысла, который Грозный осуществил, передав свой титул касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу.[1] Грозный в притворно униженном тоне, называя себя «Иванцем Васильевым», просит разрешения у новопоставленного «великого князя всея Руси» Симеона «перебрать людишек».

Но как бы ни был Грозный привязан к шутке, к иронии, к едкому, а порой и резкому слову, — основная цель всех его произведений всегда одна и та же: он доказывает права своего единодержавства, своей власти; он обосновывает принципиальные основы своих царских прав. Даже передавая свои прерогативы Симеону Бекбулатовичу и обращаясь к нему с поддельно униженным челобитьем, Грозный поступал так, чтобы делом доказать свое полное самовластие вплоть до внешнего отказа от него. И в том, с какою смелостью доказывал Грозный свое царское самовластие, видна его исключительная одаренность.

Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации и, вместе с тем, такого полного нарушения всех правил средневекового писательства: все грани между письменной речью и живой, устной, так старательно возводившиеся в средние века, стерты; речь Грозного полна непосредственности. Грозный — прирожденный писатель, но писатель, пренебрегающий всеми искусственными приемами писательства во имя живой правды. Он пишет так, как говорит, смешивая книжные цитаты с просторечием, то издеваясь, то укоряя, то сетуя, но всегда искренно по настроению.

[1] О политическом смысле этого „маскарада" см. ниже в статье Я. С. Лурье, стр. 482—484.

Роль Грозного в историко-литературном процессе древней Руси громадна и далеко еще не оценена. Н. К. Гудзий справедливо сближает литературную манеру Грозного с манерой Иосифлянской школы. Однако то, что у иосифлян только намечалось — разрушение канонов средневековой поэтики, то у Грозного было выражено с потрясающей силой. Живая эмоциональная речь, непосредственная национальная демократическая стихия языка хлынула в письменность.

Грозный значительно опередил свою эпоху, но писательское дело Грозного не осталось без продолжателей. Во второй половине XVII в., через сто лет, его талантливым последователем в чисто литературном отношении явился протопоп Аввакум, недаром так ценивший «батюшку» Грозного царя. Крайний консерватор по убеждениям, Аввакум был, однако, таким же, как и Грозный, мятежником против всяких литературных традиций.

Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 г.), мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда ,,самодержец всея Руси‘‘, пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели — убедить своего читателя, воздействовать на него — таков Грозный в своих произведениях.

Я. С. Лурье

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В ПОСЛАНИЯХ ИВАНА IV

Время Ивана Грозного неизменно привлекает к себе внимание историков. Это время резкого обострения классовой борьбы, окончательного оформления крепостного права, укрепления централизованного самодержавного государства, огромного увеличения международного авторитета России. В центре всех этих событий — сам царь, «человек с сильной волей и характером»[1], последовательный сторонник феодально-самодержавного строя, создатель «прогрессивного войска опричников»[2]. Послания Ивана Грозного — исторический источник, значение которого едва ли может быть переоценено.

Послания, помещенные в настоящем издании, по их характеру и содержанию могут быть разбиты на две группы: послания, предназначенные для русских адресатов, и дипломатические послания. К первой группе безусловно могут быть отнесены только три послания: в Кирилло-Белозерский монастырь, Василию Грязному и «великому князю всея Руси» Симеону Бекбулатовичу. К числу дипломатических посланий относятся: послание английской королеве Елизавете, два послания шведскому королю Иоганну III, несколько посланий, связанных с ливонским походом 1577 г., и послание польскому

---

[1] О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. Госполитиздат, 1950, стр. 21.

[2] Там же.

королю Стефану Баторию. К этой же группе относятся и послания к польскому королю Сигизмунду II Августу и гетману Гр. Ходкевичу, написанные в 1567 г. от имени бояр, но фактически, по всей видимости, принадлежащие царю. Промежуточное положение между двумя названными группами занимают послания Курбскому и Тетерину. Эти «государевы изменники», проживавшие во время написания царских посланий в Польско-Литовском государстве, не были, конечно, иностранными правителями, которым подобает писать дипломатические грамоты, но вместе с тем они не были уже и подданными царя. По содержанию первое послание Курбскому — самое большое и значительное из произведений царя — одинаково важно как для понимания внутренней истории «Российского царства», так и для истории его взаимоотношений с «безбожными языками»; второе послание Курбскому и послание Тимохе Тетерину больше связаны с внешнеполитическими делами, чем с внутренними: эти послания принадлежат к числу грамот, написанных во время похода 1577 г.

Итак, внешнеполитическая тематика занимает весьма важное место в издаваемых посланиях Грозного — несмотря на то, что мы помещаем здесь лишь небольшую часть его дипломатических посланий. А между тем в литературе, посвященной Грозному, эта сторона его творчества почти совсем не нашла отражения — историков занимали только внутриполитические вопросы в сочинениях царя. Этим вопросам посвящены многие страницы у Соловьева, Костомарова, Ключевского и других буржуазных историков.[1] В трудах советских историков — И. И. Смирнова, И. У. Будовница[2] эти вопросы получили

[1] С. М. Соловьев, История России. Издание «Общественной пользы», кн. II, стлб. 160—163, 501—504; Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. XIII, 1881, стр. 255—291; В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. М., 1906, стр. 208—214, 240—249.

[2] И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 102—108; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. 1947, стр. 286—296.

новое, марксистское, освещение: образ Грозного — политического деятеля — освободился в этих трудах от искажений, допускавшихся буржуазными учеными. В настоящей статье мы уделяем значительное место менее разработанной стороне творчества Грозного — его высказываниям по вопросам внешней политики. Этим определяется и построение статьи: первый раздел ее посвящен посланиям, связанным с внутренней политикой;[1] остальные два раздела — дипломатическим посланиям царя в связи с историей его внешней политики. Первого послания Курбскому нам придется касаться дважды — в связи с обоими вопросами.

I

В своей статье «Личность царя Ивана Васильевича Грозного», этом запоздалом обвинительном акте против Ивана IV, Н. Костомаров выражал удивление и возмущение по поводу послания Ивана Грозного Курбскому. «С какою целию написано это письмо, и чего добивался царь от Курбского?», — спрашивал Костомаров. «Неужели он хотел, ему нужно было и он надеялся убедить Курбского признать царя во всем правым, а себя и всех опальных и замученных виновными?. . Или уж не хотел ли Иван склонить Курбского воротиться? Но этого намерения и в письме Ивана не видно».[2]

В настоящее время мы в состоянии ответить на вопросы, поставленные Костомаровым. Царь ни в чем не собирался убеждать Курбского и еще менее собирался склонить его к возвращению. Послание царя вообще меньше всего было рассчитано на «князя Андрея». Послание это, как мы можем теперь с уверенностью сказать,[3] не было даже формально адре-

---

[1] Речь идет только о политических вопросах, *современных* самим посланиям (1564—1582 гг.). Разбор высказываний царя (часто весьма неточных и тенденциозных) о начале его царствования («боярское правление», восстание 1547 г., «избранная рада») отнесен в комментарии (см. прим. 21—33).

[2] Н. И. Костомаров, ук. соч., стр. 255—256.

[3] См. «Археографический обзор».

совано «князю Андрею». Это было «царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбсково с товарищи, об их измене». Адресатом послания было «все Российское царство», обращения к «крестопреступнику» на страницах послания носили характер не убеждения, даже не увещевания, а прежде всего — обличения. Начав послание с прямого обращения к Курбскому, царь уже на второй странице переходит с единственного числа («почто, о княже. . .») на множественное («ваши изволшия быти друзи и служебники. . . вы же им воздаяние много за сие злодейство даровали есте») — в соответствии с заголовком послания: «на князя Андрея Курбского с товарищи». Состав этих «товарищей» по «крестопреступлению» был довольно пестр: сюда входило, например, такое знатное лицо, как В. С. Заболоцкий, которого агент германского императора в Польше аббат Цир почтительно именовал «князем Московским» («Wladimirus dux Moscovita»);[1] входили сюда и менее знатные люди, как, например, служилый человек Тимофей Тетерин, насильственно постриженный царем в монахи, бросивший монастырь и бежавший за границу, другой выходец из служилого класса, Марк Сарыхозин, ученик известного церковного деятеля Артемия (тоже бежавшего в свое время в Литву), и другие. Несмотря на пестроту состава, «крестопреступников» объединяло вполне сходное отношение к новым политическим порядкам, заведенным в Москве. «А есть у великого князя, — писали Тетерин и Сарыхозин боярину Морозову об Иване Грозном, — новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, а которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют».

Все эти «крестопреступники», находясь за границей, не пребывали в бездействии. До нас дошло несколько посланий

---

[1] Венский Государственный архив, Polonica, Bericht Cyrus an Maximilian II, 15. Oct. 1569; об этом источнике см. ниже, стр. 493, прим. 1.

Курбского и одно письмо Тетерина и Сарыхозина, адресованное на Русь; существовали, повидимому, подобные послания и от других лиц. Как проникали эти письма в Московскую Русь, мы точно не знаем, но с уверенностью можем отвергнуть легенду «Степенной книги» XVII в. (увековеченную А. К. Толстым) о слуге Курбского, Василии Шибанове, якобы явившемся в Москву и подавшем письмо своего господина «на красном крыльце» царю.[2] В действительности, как мы узнаём из официальной летописи, Шибанова «поимали воеводы» — где-то в районе границы, и если у него и было обнаружено послание его господина царю, то уж, конечно, оно не предназначалось для передачи «на красном крыльце», а было рассчитано, как и ответное письмо царя, не на одного адресата, а на «все Российское царство». Чтобы представить себе действительные пути проникновения «эпистолий» Курбского на Русь, следует обратить внимание на несколько писем его, направленных в Псковско-Печорский монастырь (между Псковом и Юрьевом—Тарту). Из этих писем мы обнаруживаем прежде всего, что Курбский был связан с монастырем еще до своего бегства и поверял каким-то «старцам» этого монастыря (в частности, старцу Вассиану, казненному впоследствии Грозным в связи с «новгородским изменным делом») достаточно интимные дела: он жаловался им на начинающие «кипеть» против него «напасти и беды от Вавилона», т. е., как предположил уже древний комментатор одной из его рукописей, «наветы и умышления великого князя». Связь эта не прекратилась и после бегства Курбского: «государев изменник» не только не стеснялся компрометировать монастырских старцев, живших под властью «великого князя», своими письмами, но энергично побуждал их «претить» (возражать) «царю или властéлям о законопреступных»; когда же старцы попытались прервать сношения со столь опасным корреспондентом, он обрушился на них с упреками, дословно совпадающими с упреками царю в пер-

[1] См. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 7.

Иван Грозный.

Гравюра из немецкого «летучего листка» XVI в.

Пойманный воеводами Василий Шибанов сообщает Грозному «изменные дела» Курбского.

Миниатюра из Синодального списка Никоновской летописи

вой «эпистолии» к нему («каких напастей и бед. . . и гонения не претерпех!», угроза взять «сие писанейце» с собой в гроб). Приложить к этим письмам и саму эту «эпистолию», сохранившуюся, кстати, в тех же сборниках, что и последнее письмо в Печорский монастырь, было бы для Курбского и уместно и удобно.[1]

Таким образом, вопреки Костомарову, у царя Ивана Васильевича было вполне достаточно «побуждений к написанию такого длинного письма». Предназначая, как и его противники, свое послание для «всего Российского царства», выступая не против одного Курбского, но против всех «крестопреступников» разом, Грозный и сам в своем послании ощущал себя не отдельной «смиренной» личностью, а носителем «православного истинного христианского самодержства, многими владычествы владующего». По справедливому замечанию И. И. Смирнова, «своеобразие Ивана Грозного как политического писателя заключается в том, что, будучи теоретиком и защитником самодержавия, он выступает при этом как апологет своей собственной власти, придавая своим воззрениям на природу царской власти характер своего рода политической исповеди, изложения тех принципов, которыми *он сам* — царь — руководствуется в управлении государством. Эта черта воззрений Ивана Грозного придает его писаниям особый, неповторимый колорит: практическая деятельность подымается здесь до высоты теории, а сама теория выступает, как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность».[2]

Защита и обоснование неограниченных прав самодержавной власти — вот основная тема первого послания Курбскому. «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнить вольны же» — провозглашает царь. Эта же тема повторяется и в ос-

---

[1] Три послания Курбского в Псковско-Печорский монастырь (одно — «некоему старцу» и два — старцу Вассиану) см.: Курбский, Сочинения (изд. 1914 г.), стлб. 377—410.

[2] И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 105—106.

тальных посланиях. В послании Сигизмунду II Августу от имени Воротынского «волное царское самодержство» Ивана IV противопоставляется «убогому королевству» Ягеллонов; в послании Стефану Баторию Грозный многозначительно именует себя царем «по божьему изволению, а не по многомятежному человечества хотению» и т. д.

Объявляя всех подданных, независимо от их происхождения «холопами» самодержавной власти, Грозный, однако, хорошо отличал врагов самодержавия от его друзей — «злодеев» от «добродеев». «Злодеи» — это, прежде всего, «боляре». Как и все представители господствующего класса, Иван IV не любил вспоминать, что у этого класса имеется и еще более опасный враг — народные массы, угнетаемые и крупными и мелкими феодалами. Даже народное восстание 1547 г. царь (вопреки более раннему и более достоверному летописному рассказу[1]) изображал как дело рук «бояр... наустивших [настроивших] народ художайших умов». Только в одном месте, вспоминая о самоуправстве князей Шуйских в годы его детства, Грозный говорит о «болярах» с сочувствием — да и то речь идет о «доброхотных» и «угодных» «болярах», ставших жертвами княжья. В остальных случаях «вы, бояре», как постоянно обращается царь к Курбскому, — всегда враги. И здесь мы еще раз видим, что противник, с которым полемизирует Грозный на страницах своего послания, — не индивидуальный, а собирательный. Грозный знает, что Курбский был еще «юн» в 30-х годах XVI в., когда, после смерти Василия III, бежали в Литву, «скача и бесясь», князь Семен Бельский и окольничий Иван Лятцкий; но, поскольку он пошел по их пути, он подобен им и несет ответственность и за их преступления. Курбский только видел своими «беззаконными очами» злоупотребления наместников в годы «боярского правления» — в 50-х годах XVI в., в период так называемой «избранной рады», наместничье управление было ликвидировано; но, бежав за

[1] См. комментарий, прим. 24.

границу и «восхотев изменным обычаем» именоваться князем Ярославским, он воскресил боярские традиции прежних времен и несет ответственность за своих политических предков.

Осуждая «синклитов» (светских вельмож) за разрушение «великих царств», царь был не более снисходителен и к «епархам» (к духовной знати). Полная ортодоксальность в религиозных вопросах, его гордое убеждение, что в гонении на веру его не могут обвинить даже «бесовские служители», не мешали царю считать, что не может не погибнуть царство «от попов владомое». В связи с этим следует со всей решительностью отвергнуть взгляд на мировоззрение Грозного как на своего рода теократический абсолютизм, высказанный И. Н. Ждановым в его статье «Сочинения царя Ивана Васильевича».[1] Порочный методологически, взгляд этот основан в значительной степени на недоразумении: в известном ему тексте первого послания Грозного Курбскому Жданов читал рассуждение царя о «постничестве» (отшельничестве) и «общежительстве» (совместной монашеской жизни), завершающееся словами: «Се же убо разумей разнство постническому и общежительству: очима видел еси, и от сего можеши разумети, что сие есть. К сему же пророк речет: горе дому, имже домом жена обладает, горе граду, имже мнози овладают» (см. стр. 88). Далее в послании царь переходит к общим рассуждениям о том, как следует управлять государством. Жданов сделал из этого вывод, что «общежительство», по представлению царя, — это не только общая жизнь в монастыре, но и всякая совместная жизнь людей, в том числе и государство: «Таким образом, — делает вывод И. Н. Жданов, — строй государственный представляется как существенно сходный по своим основам с бытом общинно-монастырским».[2] Заглянув в издаваемый нами новый, более исправный текст первого послания Грозного (стр. 27), мы можем убедиться, что Грозный вовсе не думал того, что при-

[1] И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Соч., т. I, СПб., 1904.

[2] Там же, стр. 149—150.

писал ему И. Н. Жданов: фраза в известном Жданову тексте послания была оборвана на середине; в действительности же царь писал: «разумей разнство постничеству и общежительству и святительству и ц а р ь с т в у». И дальше царь говорит как раз противоположное: он доказывает, что царская власть принципиально отлична от всякого «святительства», ибо царь не должен соблюдать известного евангельского завета — когда его «бьют в ланиту» (щеку), подставлять другую, ибо тогда он будет «без чести». «Святителю же сие прилично — по сему ж разньству разумей святительству с царством!».

Царь четко противопоставляет свою программу идеалам «крестопреступников». Он решительно осуждает вмешательство «епархов и синклитов» в управление, «совладение» вельмож «на градех» (наместничество) и т. д. Но что он предлагает взамен, чем он хочет дополнить реформы, проведенные уже в 50-х годах, — этого мы от царя не узнаём. Виной здесь в значительной степени те литературные каноны, которые делали в глазах человека XVI в. неприличной слишком светскую тематику («неистовых баб басни») и которые, в частности, побудили какого-то редактора-современника (а может быть и самого автора) составить ту выхолощенную по содержанию, но зато идеально благочестивую краткую редакцию первого послания Курбскому, которую мы можем прочитать в настоящем издании следом за пространной.

Опричнина, — это важнейшее мероприятие Грозного, вызывавшее столько споров и недоумений среди современников и потомков, — не находит истолкования в дошедших до нас сочинениях ее руководителя. Историки, правда, усматривают намек на подготовку этого мероприятия в том месте первого послания, где царь многозначительно замечает Курбскому, считавшему своих сторонников «сильными во Израиле» и «чадами Авраама»: «может господь и из камней воздвигнуть [создать] чад Аврааму». Этой, по выражению Ключевского,[1] «исторической угрозой», царь в первом послании Курбскому

[1] В. О. Ключевский, ук. соч., М., 1906, стр. 212.

и ограничился, может быть, потому, что послание было написано за несколько месяцев до учреждения «особного двора», и конкретные формы нового учреждения еще не определились. Когда же опричнина стала совершившимся фактом, «крестопреступники» за рубежом сумели развернуть вокруг этого «разделения людей единого христианского народу и единые веры» такую пропаганду, что Грозный предпочел не вдаваться в разъяснение сущности этого учреждения, а просто объявил, что у него «опричнины и земского нет». Именно такой ответ по вопросу об опричнине был продиктован царем одному из четырех бояр, получивших в 1567 г. тайные послания от Сигизмунда II Августа и гетмана Григория Ходкевича с соболезнованием по поводу «неразсудительного жестосердия» московского государя.

Последующие (прямые и косвенные) упоминания опричнины в сочинениях Грозного относятся к тому времени, когда в истории этого учреждения наступил глубокий перелом. Ярким памятником этого перелома может служить знаменитая «Духовная» (завещание) царя 1572 г. «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, — писал Грозный в этом завещании, — и не явилось никого, утешающих не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь».[1] По очень вероятному предположению исследователя,[2] речь здесь идет именно об опричниках, этих новых «чадах Авраама», созданных царем и не вполне оправдавших его надежды в военном отношении: опричники не сумели отстоять Москву от крымцев в 1571 г. Отголоски этого же недовольства опричниками мы встречаем и в наставлении, посланном Грозным в 1574 г. опричнику Василию Грязному, — царь именует Грязного и его товарищей «дрочонами» (неженками), не умеющими воевать, и замечает: «А что сказываешься великий человек — ино что по грехам моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и

---

[1] Цитата в переводе Ключевского (там же, стр. 239); подлинный текст см. ниже, стр. 524.

[2] С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного. Изв. АН СССР, сер. истор. и философ., т. IV, № 6, 1947, стр. 515.

наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников [холопов], приближали, хотячи от вас службы и правды».

Было бы, однако, большой ошибкой на основании этих иронических слов царя сделать вывод, что в 70-х годах он уже не разделял своих прежних воззрений, высказанных в первом послании Курбскому, и намеревался снова приблизить взамен «страдников» «князей и бояр». Если кто-либо из князей и бояр и рассчитывал на это, то им пришлось быстро разочароваться. Доказательством этому может служить уже послание в Кирилло-Белозерский монастырь, написанное царем еще до грамоты Грязному — в 1573 г.

«Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси в Кирилов монастырь игумену Козме, иже о Христе с братиею» не было еще, сколько нам известно, предметом специального исследования историка. До сих пор это послание привлекало к себе внимание исследователей лишь с литературной и культурно-бытовой стороны. А между тем, оно несомненно заслуживает внимания и с чисто исторической точки зрения. Характерны уже сами обстоятельства появления этого послания — оно написано в ответ на грамоту игумена и «братии» монастыря в связи с конфликтом между двумя влиятельными монахами — Ионой, в миру Иваном Васильевичем Шереметевым, и Варлаамом, в миру Василием Степановичем Собакиным. Это люди совершенно различного склада: Шереметевы — старый московский боярский род, пользовавшийся большим влиянием еще при предках Грозного и впавший в немилость накануне опричнины; Собакины — представители одного из служилых родов, возвысившихся в годы опричнины,[1] главным образом благодаря женитьбе царя (в 1571 г.) на представительнице этого рода — Марфе Собакиной. Варлаам (Василий Собакин) играл в Кирилло-Белозерском монастыре своеобразную роль царского уполномоченного, — Грозный иронически сравнивал его положение в монастыре с по-

[1] Ср.: С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. Пробл. источниковед., т. III, 1940, стр. 339.

ложением римского прокуратора Пилата: «понеже от царские власти послан»; руководство монастыря, очевидно, тяготилось присутствием Собакина и благоволило к Шереметеву. В 1573 г. Собакины разделили участь многих родов, возвысившихся в годы опричнины: попали в опалу (племянники Варлаама были обвинены в «чародействе»). Ободренные этим обстоятельством игумен и «братия» Кирилло-Белозерского монастыря и отправили царю свою грамоту, порицая Собакина и заступаясь за Шереметева. Но руководителям монастыря пришлось испытать разочарование: несмотря на свое недовольство Собакиными, Грозный не пожелал разделить благосклонность игумена Козьмы и «братии» к Шереметеву, и, начав свое послание с выражений глубочайшего уважения «господам и отцам», кончил его строжайшим выговором за покровительство опальному боярину. «Другой на вас Сильвестр наскочил», — зловеще заметил царь, напоминая игумену о ненавистном «попе», одном из вождей «избранной рады», к которой, кстати сказать, был близок в свое время и И. В. Шереметев.

Но недовольство царя Шереметевым и покровительствовавшим ему монастырским начальством объяснялось не только прошлым опального боярина. Положение Шереметева в Кирилло-Белозерском монастыре уже после его пострижения и превращения в монаха Иону тоже давало основания для беспокойства. Грозному стало известно, что опальный боярин, ставший «непогребенным мертвецом», продолжает владеть собственностью — держать при монастыре «особные годовые запасы». Монастырское начальство, с которым Грозный начал спор о Шереметеве еще задолго до написания послания 1573 г., указывало царю, повидимому, что эти шереметевские запасы служат подспорьем для хозяйства самого монастыря. Спор приобретал, таким образом, принципиальный характер: речь шла уже не об одном Шереметеве, а о монастырском хозяйстве в целом. Мнение царя по этому вопросу было вполне определенным: монастырь, имеющий собственные «села», ни от кого не должен зависеть в материальном отно-

шении. «Милые мои!, — писал Грозный в послании, — доселе многие страны Кирилов препитывал и в трудные времена, а ныне и самех вас в хлебное время, толико бы не Шереметев перекормил, и вам бы всем з голоду перемерети». Но точке зрения Грозного, принципиального противника того, чтобы монастырь «гонялся за бояры», противостояла точка зрения принципиальных защитников такого положения: «Не глаголи никто же, — с негодованием восклицает царь, — студные сия глаголы [постыдные слова]: яко только нам з бояры не знаться — ино монастырь без даяния оскудеет».

Для того чтобы понять, почему эти «студные глаголы» так возмущали Грозного, следует вспомнить обстоятельство, отмеченное несколькими исследователями. Время опричнины характеризуется усиленным наплывом «вкладов» в монастыри: бояре, неуверенные в эти трудные для них годы в прочности своих владений, очень часто предпочитали «дарить» их в монастырь. Часто это была просто замаскированная продажа, но нередки и такие случаи, когда боярин обеспечивал себе при этом место в монастыре и надеялся «укрыться за спину» монастырских властей.[1] Каковы были взаимоотношения между таким «дарителем» и монастырем в последующее время: становился ли он после этого скромным монастырским «слугой» или влиятельным покровителем, «ктитором» монастыря — это, вероятно, зависело от многих обстоятельств. Слова Грозного о монастырях, «гоняющихся за боярами», и положение Шереметева в Кирилловом монастыре говорят, во всяком случае, о том, что второй вариант не был редкостью. Такое положение, естественно, не устраивало царя. Послание его в Кирилло-Белозерский монастырь в значительной степени направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины.

---

[1] Ср.: С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века. Историч. зап., т. 10, 1941, стр. 103, 107; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 130.

Последнее из издаваемых здесь посланий, связанных с внутриполитическими делами, непосредственно возвращает нас к важнейшему мероприятию Грозного — к опричнине. Судьба этого учреждения в 70-х годах XVI в. вызывала и продолжает вызывать споры среди историков. В 1572 г. термин «опричнина» исчезает из официальных документов (разрядных записей), — значит ли это, что опричнина была отменена или что было только изменено ее название? Современники-иностранцы прямо говорят, что в 1572 г. «пришел опричнине конец»,[1] но в русских источниках мы не находим таких прямых и определенных известий. Наиболее загадочно в этом отношении уже упомянутое завещание, написанное летом 1572 г.; в заключительной части этого завещания мы читаем: «А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее и чинят, а образец им учинен готов».[2] «Учинил опришнину» — так можно сказать и о существующем учреждении и об отмененном (и об отменяемом). Ясно одно: если царь оставлял вопрос о судьбе опричнины на усмотрение сыновей, значит сам он уже не был убежден в ее бесспорных достоинствах. О том, что в 1572 г. произошло нечто большее, чем простая перемена названия «государева особного двора», говорят и некоторые частные акты, обнаруженные исследователями в начале XX в.; из них мы узнаём, что после 1572 г. некоторое число «земских» получило назад свои владения из опричнины.[3]

Осенью 1575 г. Иван IV совершил поступок, который поразил современников едва ли менее, чем введение оприч-

---

[1] Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Перевод И. И. Полосина, М., 1925, стр. 110, 151—152.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М., 1950, стр. 446 (начало завещания см. в «Археографическом обзоре»).

[3] Ср.: Л. М. Сухотин. Из истории опричнины. ЖМНП, ноябрь 1911 г.; важные материалы о возвращении вотчин «земским» содержатся и у П. А. Садикова, (ук. соч., стр. 137—146).

нины в 1564 г.: он передал свой титул «великого князя всея Руси» служилому татарскому хану Симеону Бекбулатовичу, а сам, как рассказывает летопись XVII в., «назвался Иваном Московским и вышел из града и живяше на Петровке и весь свой чин царский отдаде ему, Симеону, а царь Иван Васильевич ездил просто, что боярин, в оглоблях, человек; и как приедет к царю Симеону, и ссажался с царева места далече, з бояры».[1] Помещенное в настоящем издании послание «Иванца Московского» Симеону Бекбулатовичу является непосредственным следствием этой неожиданной реформы, а вместе с тем оно в значительной степени и объясняет эту реформу. Из «челобитной Иванца Московского» (тщательно копирующей стиль подлинных челобитных) мы узнаём, что под властью «Иванца» находится какая-то особая территория, к которой он намеревается присоединять «вотчинишки» еще каких-то «людишек», находящиеся пока во владении «великого князя всеа Руси»; из этих вотчинишек он собирается «отсылать прочь» тех, которые ему «не надобны». Картина знакомая: «удел Иванца» с неизбежностью напоминает нам «особый двор государев» — опричнину. Как известно, одной из важнейших сторон опричной реформы было разрушение материальной базы родовитого боярства путем создания особой («опричной») территории, принудительного выселения из нее старых владельцев и передачи их владений новым людям. «Удел Иванца» — это, очевидно, какая-то новая форма опричной территории.

Зачем же Грозному понадобилась эта новая форма и весь политический «маскарад» 1576 г.?[2] Ответ на это дают, как кажется, известия нескольких иностранцев, посетивших Русь как раз

---

[1] Этот неизданный летописец находится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (цит. по: П. А. Садиков, ук. соч., стр. 42).

[2] П. А. Садиков, отметивший связь назначения Симеона «великим князем» с опричниной, считает, однако, что «объяснение подобного маскарада» следует «искать во внешне-политической конъюнктуре» (ук. соч., стр. 43). Ниже (в комментарии к посланию Симеону, прим. 1) мы

в «правление» Симеона Бекбулатовича. Один из них, посол английской королевы Елизаветы Д. Сильвестр, удостоился личной аудиенции у «Иванца Московского» и имел с ним довольно интимный разговор. Во время этого разговора Грозный указывал Сильвестру на фиктивность своего отречения, но объяснял его «опасным положением государей», которые «подвержены переворотам (chaunge)», «что в настоящее время и оправдалось, ибо мы передали сан нашего правительства. . . в руки чужеродца. . . Причиной (occasion) этого является преступное и злокозненное поведение наших подданных, которые ропщут и противятся нам; вместо верноподданнического повиновения они составляют заговоры против нашей особы».[1] Сходное объяснение было, очевидно, дано и германскому послу Даниилу Принцу: в своем рассказе о путешествии в Москву в 1576 г. он писал, что царь передал власть Симеону «по причине подлости подданных».[2] Дополнением к этим известиям могут служить известия иностранцев, писавших несколько позже, — англичан Горсея и Флетчера: по их словам, Симеон Бекбулатович нужен был царю как подставное лицо для проведения каких-то непопулярных, но доходных мероприятий.[3] Сопоставив известия иностранцев с посланием «Иванца Московского», мы легко сможем понять, в каком именно вопросе Грозный ожидал наибольшего сопротивления «подлых подданных». Пропаганда «крестопреступников» вне и внутри

указываем, почему это предположение П. А. Садикова не представляется достаточно убедительным.

[1] Ю. Толстой. Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875, стр. 179—182.

[2] Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. Чтения ОИДР, 1876, кн. III, отд. IV, стр. 29.

[3] Горсей. Записки о Московии. СПб., 1909, стр. 30—31; Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 50. Относительно конкретного характера этих мероприятий оба источника расходятся: Горсей говорит об уничтожении «прежних долгов» вообще, Флетчер — об уничтожении жалованных грамот монастырям.

Русского государства и действительные злоупотребления некоторых из «государевых слуг» сделали опричнину непопулярной; в течение многих лет ее существования Грозный объявлял через своих послов, что у него «опричнины нет»; в 1572 г. он и формально пошел на ее отмену. Реформа 1564 г., проведенная Грозным, в значительной степени осуществила поставленную им цель; родовитое боярство в основном было разгромлено. Но мог ли Грозный считать, что враги его полностью обессилены? Из послания Симеону Бекбулатовичу мы знаем, что в 1575 г. царь решил вновь провести «перебор людишек», прибегнув для этого к фиктивному разделению государства на владения «великого князя всея Руси» Симеона и «Иванца Московского». Нам не известны полностью ни формы этого разделения, ни весь объем мероприятий, проведенных с осени 1575 г. по осень 1576 г. (когда «великий князь» Симеон был сведен с престола «всея Руси» и получил «великое княжение Тверское»); мы не знаем также, почему Иван Грозный считал, что «маскарад» 1576 г. меньше взволнует «злокозненных подданных», чем опричнина. Ясно одно: несмотря на неудачи и разочарования 1564—1572 гг., царь вновь вернулся к своей прежней политике, «обозрительно» (осмотрительно) «перебирая людишек» и продолжая «носить меч в месть злодеям, в похвалу же добродеям».

Такая настойчивость, способность после временных неудач снова возвращаться к прежней политике, составляет характерную черту Грозного. Эта особенность бросается в глаза при изучении его внутренней политики: она присуща и его внешней политике.

II

Вопросы внешней политики не меньше, чем вопросы внутренней политики, были предметом споров и борьбы между царем и «крестопреступниками».

В 1552 г. войсками Ивана Грозного было завоевано Казанское ханство; в 1556 г. к Русскому государству была присоеди-

нена и Астрахань. Крымский хан, с начала XVI в. ставший опаснейшим врагом Руси, превратился теперь в непосредственного соседа царя; наступление на Крым стало реальным делом. Но крымский хан был не единственным врагом Руси. Одновременно с войной на Волге войска Ивана IV вели военные действия в Прибалтике — в 1557 г. они нанесли поражение шведскому королю Густаву Вазе. И здесь первоначальные успехи русского оружия можно было развить дальше: невыплата Ливонским орденом дани, установленной еще при Иване III (в 1503 г.), давала повод для нового наступления в Прибалтике.

Каково будет дальнейшее развитие русской внешней политики? С конца 50-х годов вопрос этот стал предметом серьезных разногласий в московских правящих кругах.

В первом послании Курбскому царь говорит об этих разногласиях с достаточной ясностью и определенностью — гораздо яснее, чем о разногласиях по вопросам внутренней политики. С горечью вспоминает он те «словесные отягчения» и «супротивословия», которые ему пришлось выслушать от своих советников — друзей и единомышленников Курбского, в связи с начатой им Ливонской войной. «Како же убо вспомяну, — восклицает он, — о гермонских градех супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукавого ради напоминания Датц[к]ого короля, лето цело дасте безлепо рифлянтом збиратися?». Говоря об этом «лете» передышки, полученном ливонцами и использованном ими для перехода под власть польского короля, царь имеет в виду перемирие, данное Ливонии по ходатайству короля Датского с марта по ноябрь 1559 г. Сопоставив замечание царя с летописью, мы легко сможем понять, почему Сильвестр, Адашев и другие их единомышленники настояли в этот момент на удовлетворении «лукавого напоминания» короля Дании: как раз в это же время (летом 1559 г.) брат Алексея Адашева Даниил вел военные действия на юге против Крыма и Турции.

О стремлении единомышленников Курбского вести войну именно в южном направлении царь в первом послании говорит столь же определенно, как и об их отрицательном отношении к Ливонской войне. Он иронически называет кратковременные успехи, достигнутые во время экспедиций Даниила Адашева и Вишневецкого на Днепр и Дон, «вашими победами, еже Днепром и Доном»; он всецело возлагает на Курбского и его друзей ответственность за неудачный поход И. В. Шереметева (будущего кирилло-белозерского монаха Ионы) на крымского хана: «еже по вашему злосоветию, а не по нашему хотению случилась такова пагуба православному христианству». Этим бесплодным набегам на Крым царь противопоставляет свою тактику: постепенную колонизацию «пустых мест» на юге, умиротворение «бесерменских» (мусульманских) сил и привлечение их «на помощь православию» в Ливонской войне.

Известия о разногласиях по внешнеполитическим вопросам, содержащиеся в первом послании Курбскому, находят полное подтверждение и в других источниках. Если многие другие обвинения, выдвинутые царем в этом послании, относились, как мы видели, фактически не к Курбскому и его друзьям по «избранной раде», а к «болярам» вообще, то в данном случае царь действительно имел в виду «князя Андрея Курбсково с товарищи». В этом мы сможем убедиться, обратившись к сочинениям самого Курбского: уже после своего бегства за границу «изменник государев» продолжал доказывать, что царю следовало воевать с Крымом и что такую тактику рекомендовали ему «мужи храбрие и мужественные», но царь их не послушал. В грамотах в Крым, посланных Иваном в начале 60-х годов, царь также указывал, что в предшествующие годы его ссорили с «царем» (ханом) Адашев, Ив. Шереметев и другие лица, на которых он ныне «опалу свою положил».

Известия о разногласиях по вопросам внешней политики, содержащиеся в первом послании Курбскому, не остались неизвестными для историков. Особенное внимание уделили

им С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров, воскресившие в историографии XIX в. старинный спор XVI в.: какой из двух внешнеполитических путей был правильным?[1]

Мнение Костомарова, защищавшего походы на юг и видевшего в Ливонской войне только неудачное продолжение прежних оборонительных войн против прибалтийских рыцарей, конечно не может быть принято. С государственной точки зрения Грозный был, несомненно, прав, ведя войну на западе, а не на юге (на невозможность войны за черноморское побережье в XVI в. справедливо указал уже С. М. Соловьев). Но дело было не только в том, что Иван Грозный лучше понимал интересы государства, чем его противники. Внешнеполитические взгляды его врагов вытекали, очевидно, из их общего мировоззрения, были как-то связаны с их социальной природой. В чем же заключалась эта связь? В исторической литературе нередко можно встретить указания на то, что у виднейших представителей княжья и боярства были специальные интересы на юге, что война с Крымом была нужна им для защиты их южных (заокских) владений.[2] Но в сочинениях Курбского речь идет не об обороне юга (сторонником обороны был и Грозный), а о наступлении на Крым. Такое наступление, в случае его удачи, обеспечило бы за Русским государством богатые черноземные территории слободской Украины и «Поля»; территории эти, как всегда бывало с новоприсоединенными к Московскому государству землями, поступили бы в первую очередь в пользование служилым людям. Почему же Курбский и его единомышленники заботились о присоединении этих земель? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сопоставить внешнеполитическую программу этой группы с ее социально-политической программой в целом. Как известно, Курбский и его единомышленники примыкали к «нестяжателям» — сторонникам секуляризации церковных земель. Совре-

---

[1] С. М. Соловьев, ук. соч., стр. 106—107; Н. И. Костомаров, ук. соч.. стр. 218—239.

[2] Ср.: П. А. Садиков, ук. соч., стр. 13.

менная историческая наука объясняет это тем, что «ликвидация церковных владений и превращение церковных земель в государственный фонд были выгодны крупному боярству, так как этим путем вопрос о земле, необходимой государству для испомещения служилых людей, разрешался за счет церковной, а не боярской земли».[1] Но если это так, то надо признать, что южные земли, которые можно было бы добыть в войне с Крымом, не в меньшей степени, чем церковные, могли спасти бояр от потери их собственности. Война на западе, напротив, не обещала значительных земельных приобретений, а в случае затяжки грозила серьезными тяготами для государства вообще и для служилых людей в частности. Бояре могли предвидеть, что выход из этих тягот государство найдет в конфискации боярских земель, что, как известно, и случилось во время опричнины.

Грозный не хуже Курбского и его единомышленников знал достоинства южнорусских земель и уж во всяком случае больше Курбского заботился об интересах помещиков. И если он не пошел по пути, предложенному «избранной радой», и решился на войну на западе, то дело было, очевидно, в том, что землям он предпочитал море, которое виднелось ему за прибалтийскими территориями. «Сознательной целью» Грозного «было дать России выход к Балтийскому морю».[2]

Ливонская война началась в 1558 г.; первый год войны был ознаменован рядом блестящих успехов — были взяты Нарва, Юрьев (Тарту, Дерпт) и ряд других городов. Но с 1559 г. положение изменилось — в войну вмешались новые силы. Может быть Грозный и преувеличивал, когда писал (в первом послании Курбскому), что «литаоньский и гофинский язык [Польша и Швеция]» сумели вмешаться в войну по вине

---

[1] История СССР (второе изд.), т. I, М., 1948, стр. 284—285. Сходную мысль высказывает и И. У. Будовниц (ук. соч., стр. 93—94, 131), но он предполагает, что бояре и «сами непрочь были воспользоваться монастырскими богатствами».

[2] К. Маркс, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165.

Курбского и его единомышленников, т. е. благодаря передышке, полученной ливонцами в 1559 г.; напуганные новым усилением Московского государства соседи Ливонии раньше или позже всё равно вмешались бы в эту войну, если бы этого перемирия и не было. Но верно, что именно 1559 год был переломным годом в истории войны — вмешательство польского короля (в сентябре 1559 г. принявшего центральную и южную Ливонию под свой протекторат) сразу чрезвычайно усложнило обстановку. А за польским королем готовились выступить и другие силы — война, начатая против Ливонии, постепенно приобретала международный характер.

Стремительное наступление русских сил в Ливонии произвело большое впечатление на Западе. В исторической литературе часто приводятся слова протестантского публициста Юбера Ланге (из его письма Кальвину), относящиеся к самому началу этой войны: «Если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой», — сказал Ланге о Московии. Но если западноевропейские политики проявляли столь тревожное внимание к русскому наступлению в Прибалтике, то и русские политические деятели хорошо понимали, какую роль в ходе Ливонской войны могут сыграть державы Запада и, в частности, то государство, с которым Русь уже с конца XV в. имела постоянные сношения — «Священная Римская» (Германская) империя. Позиция габсбургских императоров, не только номинально считавшихся сеньерами Ливонского ордена, но и фактически связанных с ливонскими «германами», постоянно учитывалась Грозным в его политике, — учитывается она и в его посланиях.

Первая попытка Габсбургов вмешаться в Ливонскую войну относится к 1560 г. Русско-крымские и русско-турецкие столкновения в конце 60-х годов не остались незамеченными в Западной Европе: главные враги султана в Европе — Габсбурги (как германский император Фердинанд, так и его влиятельный родич — испанский король Филипп II) — не менее Курбского и его единомышленников радовались этим

столкновениям.[1] Неожиданный поворот в русской политике не мог их не разочаровать, — в 1560 г. император Фердинанд I обратился к Ивану Грозному с просьбой прекратить войну против его вассалов. Ответное послание Грозного, к сожалению, дошло до нас не в подлиннике, а лишь в переводе (латинском и немецком), — иначе оно, несомненно, должно было бы быть помещено в собрании посланий царя. Грозный в этом послании ставил перед собой трудную задачу: он ни в малейшей степени не собирался отказываться от столь успешно начатой войны, но, вместе с тем, он не хотел и излишне раздражать своего влиятельного адресата, прибавляя к списку своих врагов еще одного.

Послание Грозного Фердинанду I начинается с несколько неожиданного утверждения: царь выражает уверенность, что после его разъяснения император не только откажется от поддержки ливонцев, но сам обратит на них свою «немилость и гнев». Дело в том, что ливонцы совершили величайшее преступление: они «преступили заповедь божию» и «впали в Лютерово учение». В этом и заключается причина Ливонской войны: царь только потому и начал ее, что потерял надежду на обращение ливонцев «к справедливости и старому закону».[2] Легко заметить своеобразие этой аргументации: Иван Васильевич ведь отлично знал, что «старый закон», которого придерживались ливонцы до «впадения в лютерово учение», был католи-

---

[1] См. ниже, в комментарии к посланию Елизавете, прим. 3.

[2] Латинский текст этого послания издан в книге Ciampi «Bibliografia critica delle . . . corrispondenze . . della Italia colla Russia» (Firenze, 1834, p. 252); русский перевод с этого латинского текста см. в книге Любич-Романович «Сказания иностранцев о России XVI—XVII вв.» (СПб., 1843). Послание Грозного почти сразу было издано на Западе на немецком языке в виде брошюры («летучего листка»): «Ein ernstlicher Sendbrief und gwisse Antwurt des Gross. Moscowit. Herrn» (1561). Существует другой немецкий перевод с этой грамоты, тоже сделанной современником [издан в «Копенгагенских актах» Ю. Щербачева (Чт. ОИДР, 1915, т. IV, стр. 147)], но с исправлением резких антипротестантских мест.

ческим «законом». Православный царь, всю жизнь презиравший «латынскую ересь», заявлявший католикам: «вы же сами себя от божественного крещения и любве крестьянские отогнали есте, понеже бысте враги креста Христова», ругавший папу «волком», выступает в качестве католического крестоносца! Впрочем, причину такого неожиданного выступления понять не трудно: Грозный очень хорошо знал, какое место занимала в политике Габсбургов идея католической контрреформации. Фердинанд I много лет воевал против «лютерова учения» в Германии, его племянник Филипп II испанский уже готовился стяжать лавры первого врага Реформации. Выступая против «лютерова учения», действительно очень широко распространившегося в Ливонии, Грозный задевал весьма чувствительную струну габсбургской политики.

Остроумный ответ Грозного, вызвавший большой интерес на Западе, не мог, конечно, примирить Габсбургов с его новой политикой: не вступая прямо в войну, император всячески старался воспрепятствовать русским в Ливонии. Однако даже после ответа царя и после нескольких лет продолжения Ливонской войны, Габсбурги все-таки не потеряли надежды отвратить «Московита» от войны на Западе и обратить его против «Турка». В 1566 г., во время серьезного наступления турок на габсбургские владения (осада Сигета), к Грозному обратился новый император (сын Фердинанда I) Максимилиан II. Формальным поводом для этого обращения было ходатайство за бывшего ливонского магистра Фюрстенберга, попавшего в плен к русским, но одновременно император не упустил случая напомнить царю о желательности возобновления войны против «бешеных псов — турок», с которыми Русь не так давно воевала. Обращение это не явилось для царя неожиданностью: из донесений своих послов в Крыму он знал уже о войне в «Можарской земле» (Венгрии). Грозный опять ответил императору с дипломатической тонкостью: в своем послании (также, к сожалению, дошедшем до нас только в переводе) он заявил, что охотно помог бы «цесарю»,

особенно теперь, когда тот находится в «весьма опасной распре с турками», но для этого необходимо два условия: чтобы ливонцы перестали ему «несправедливо противоборствовать» и покорились и чтобы польский король не беспокоил его «несправедливыми и беспрерывными войнами».[1] Это, конечно, был отказ: Грозный давал понять, что он намерен довести до конца Ливонскую войну и не собирается ради Габсбургов отказываться от этой войны и ввязываться в «опасную распрю» с султаном. По существу у царя не было никаких оснований огорчаться из-за того, что Габсбурги отвлечены от северно-европейских дел войной на юге: одновременно с вежливым отказом императору царь послал крымскому хану (вассалу султана и участнику войны в «Можарах») свои поздравления по поводу крымско-турецких успехов в войне с «цесарем» и выразил пожелание, «чтобы недруги наши под ногами нашими были».[2]

Третья попытка Габсбургов столкнуть русского царя с султаном, относящаяся к осени 1569 г., вновь возвращает нас к сюжету, затронутому царем в первом послании Курбскому, — к разногласиям между Грозным и его прежними «советниками» по вопросам внешней политики. За годы, прошедшие с начала Ливонской войны, многие из этих «советников» успели сойти с исторической сцены, некоторые из них, в первую очередь А. М. Курбский, успели превратиться в «крестопреступников». Но это не значит, что внешнеполитические планы, воодушевлявшие этих «крестопреступников» прежде, потеряли свое значение, — напротив, именно потому, что поворот во внешней политике, происшедший в конце 50-х годов, совпал с разгромом боярства, представители этого класса могли надеяться, что новый внешнеполитический поворот принесет им пользу.

[1] Латинский текст этого послания Грозного (по списку миланской библиотеки) издан М. Крашенинниковым в ЖМНП [1896, кн. 1 (ч. 303), стр. 200].

[2] ЦГАДА, Крымская посольская кн. № 12, л. 367 об.

Неизданные до сих пор документы, находящиеся в Венском архиве, раскрывают нам весьма интересный, хотя и совершенно неизвестный русским историкам факт: *прямую и непосредственную связь между эмигрантом Курбским и Габсбургами*. Через 5 лет после своего бегства из России «изменник государев», недавно принимавший участие в русско-польской войне на стороне Сигизмунда II Августа, обратился к императорскому агенту в Польше с неожиданным предложением: заключить союз между императором и русским государем против султана. Максимилиан II, извещенный о предложении Курбского своим агентом, аббатом Циром, отнесся к этому предложению с полным вниманием: в течение целого года Цир, действовавший, конечно, по инструкциям императора, вел переговоры с «дражайшим (carissimus) Курбским»[1] и систематически информировал об этих переговорах Максимилиана II.

В чем же заключалась цель Курбского, на что он рассчитывал, обратившись к императору с таким предложением? Несмотря на то, что отношения между беглым князем и польским правительством в эти годы явно ухудшились, «князь Ковельский» (как именовал себя Курбский в Польше) занимал, как-никак, определенное общественное положение, был даже допущен в королевскую раду и, конечно, не стал бы затевать такое дело, если бы не имел надежды на его реальное осуществление.

Главное, что давало Курбскому надежду на осуществление его планов, было, конечно, резкое ухудшение русско-крымских и русско-турецких отношений в эти годы. В 1569 г. турецкий султан Селим II попытался изгнать русских с Волги и подступов к Кавказу. Попытка турок перейти с Дона на

---

[1] История этих переговоров излагается автором настоящей статьи в специальной работе (принятой к изданию в «Исторических записках» АН СССР) по материалам Венского архива (Wiener Staats Archiv, Polonica, Berichte Cyrus 26 Nov. 1569—26 July 1570), полученным (в виде машинописных копий) благодаря любезности Р. С. Ланина.

Волгу и овладеть Астраханью не удалась; однако с 1569 г. Грозный уже никак не мог быть спокойным за свои южные границы: крымский хан, перед лицом явной враждебности своего патрона — султана — к Ивану Грозному, тоже переменил тон, стал требовать территориальных уступок, «поминок» (дани) и угрожать нападением. В кругах «крестопреступников» в Польше не случайно получил распространение специальный рассказ о нападении на Астрахань: [1] единомышленники Курбского надеялись, что события 1569 г. заставят царя вспомнить «супротивословия» «добрых и мужественных». Как истый боярин, Курбский считал свою измену обыкновенным «отъездом», подобным тем, которые нередко совершались в Литовской, да и в Московской Руси (до Грозного), и не были бесповоротным актом. Заключив для Русского государства в трудный момент турецко-татарского нападения соглашение с одним из сильнейших государств Западной Европы, Курбский, по его мнению, мог рассчитывать на почетное возвращение в Россию.

План совместного нападения на Турцию, частично изложенный Курбским Циру (полностью изложить свой план Курбский соглашался только лично императору, для чего просил под каким-нибудь предлогом пригласить его к императорскому двору), несомненно весьма привлекал Габсбургов: после войны 1566 г. император непрерывно ожидал турецкого нападения и готовился к войне. Но можно ли было рассчитывать на сочувствие этому плану со стороны Ивана IV? Нет необходимости доказывать, что «посредник», с которым имели дело Габсбурги, никак не мог быть доверенным царя. Грозный еще менее склонен был снисходить к «отъездам», чем его предки, уже с XV в. начавшие войну с этим пережитком феодальной раздробленности. И в 1569 и в 1571 г., отправляя своих послов в Польшу, царь неизменно наказывал им: «с Курбским, ни с ыными которыми изменники никоторых речей не говорити, а молвити:

---

[1] См. в «Археографическом обзоре», стр. 550, 551.

с изменниками которого ся доброго дела договорити?».[1] Но неудачны были не только личные планы Курбского. План союза против Турции в целом тоже был весьма сомнителен. Конечно, после 1569 г. Грозный не мог быть спокоен за свои южные границы и принужден был думать о возможной войне с Крымом и Турцией. Но отказываться ради этой войны от Прибалтики, на приобретение которой было затрачено столько сил, он не желал: как мы помним, на просьбу о помощи против турок, посланную императором в 1566 г., царь ответил, что может оказать эту помощь только при условии прекращения «противоборства» со стороны Ливонии и польского короля.

На что же рассчитывал сам Грозный? Какую политическую линию противопоставлял он планам императора и «крестопреступников»? Всеми мерами стараясь сохранить status quo на южной границе Руси, убеждая султана и хана (даже после 1569 г.), что между ними и Русским государством «ныне всчинается недружба неведомо за что»,[2] Грозный понимал вместе с тем, что для успешного ведения Ливонской войны ему надо иметь союзников в Европе. Габсбурги были враждебны русскому продвижению в Прибалтике — необходимо было найти какие-то силы, враждебные им или по крайней мере независимые от них.

И Грозному удалось найти такие силы. Новый шведский король (сын Густава Вазы) Эрик XIV не менее Грозного испытывал политическое одиночество в тогдашней Европе. В войне с Данией, начатой им в 1563 г., симпатии Габсбургов были явно на стороне его соперника — датского короля. В 1565 г. император объявил о блокаде Швеции по образцу объявленной им за несколько лет до этого блокады русской Нарвы. Эти обстоятельства не могли не заставить Эрика XIV пересмотреть традиционную враждебную политику своих предков в отноше-

[1] Сб. РИО, т. 71, стр. 543 и 778.

[2] Крымская посольская кн. № 13, л. 207—208 об; Турецкого Двора кн. № 2, л. 1—9.

нии Москвы; несмотря на соперничество в Ливонии (Эрик XIV взял под свою власть Ревель—Таллин) шведский король в 1564 г. пошел на перемирие с Иваном IV, а в 1566 г. предложил русскому царю заключить союз. В 1567 г. в Александровской слободе был заключен договор о союзе и взаимной помощи между обоими государствами (Ливония должна была быть поделена, причем бóльшая часть ее доставалась Русскому государству); Иван добился также включения в договор пункта о свободном проезде иностранных мастеров на Русь. Для окончательной ратификации этого договора летом 1567 г. в Швецию было послано русское «великое посольство» во главе с И. М. Воронцовым.

Швеция была не единственным государством, с которым Иван IV пытался завязать дружбу в те годы. Английская королева Елизавета, вступившая на престол в 1558 г. (одновременно с началом Ливонской войны), еще менее Эрика склонна была ужасаться «нашествию варваров-московитов» на далекую Ливонию. Занявшая вскоре после своего вступления на престол самостоятельную позицию в отношении Габсбургов, английская королева охотно содействовала выгодной для Англии торговле с Московией и, вопреки увещеваниям императора и польского короля, не соглашалась поддержать блокаду Нарвы. У Ивана Грозного, естественно, возникла мысль, что экономическое содружество может быть превращено в политический союз. Условия этого союза, предложенного царем Елизавете, не могут не показаться нам сходными с только что перечисленными условиями союза с Эриком: Иван предложил Елизавете, «чтобы ее величество была другом его друзей и врагом его врагов и также наоборот», и потребовал свободного проезда иностранных мастеров на Русь. Дата этого выступления также примечательна: Иван IV вызвал к себе Дженкинсона осенью 1567 г., т. е. как раз в то время, когда московские послы, отправленные в Швецию, вели переговоры об окончательной ратификации русско-шведского союза. Нет ли связи между этими двумя проектами? Пробелы в русских источни-

ках [1] не дают возможности доказать (или опровергнуть) это предположение; но косвенное подтверждение его можно найти в иностранных материалах. Из них мы узнаем, что Эрик XIV тоже в течение многих лет стремился к союзу с Елизаветой, и что у него уже в 1561 г. возникал план шведско-русско-английского союза.[2]

Итак, в 1567 г. Иван IV сделал попытку вступить в союз с двумя государствами Западной Европы. Союз этот, несомненно, мог бы помочь ему при ведении Ливонской войны. Но осуществить этот союз ему не удалось.

Английская королева не приняла предложения Грозного. Став на путь осторожной оппозиции габсбургской политике, Елизавета, однако, была очень далека от каких-либо активных внешнеполитических планов и боялась серьезного столкновения с Габсбургами. Вмешиваться в войну на Балтике, вступать в союз с далекой Московией — все это никак не входило в ее намерения. Своим послам, ехавшим к царю, она приказала отвечать на его предложение «благопотребными речами» и фактически отказалась от заключения договора.

На пути русско-шведского союза стало другое препятствие: государственный переворот в Швеции. В 1568 г., во время пребывания русских послов в Стокгольме, Эрик XIV, энергично проводивший абсолютистскую политику в Швеции, был свергнут с престола феодальной знатью, и к власти пришел его брат Иоганн III, сторонник союза с Польшей и злейший враг Москвы. «Ограбленные и обесчещенные» русские послы были (после нескольких месяцев заточения) отправлены на Русь; о союзе теперь, конечно, говорить не приходилось.

Послание Елизавете 1570 г. и два послания Иоганну III, печатаемые в настоящем издании, отражают эту дипломати-

---

[1] В «Шведских делах» Посольского приказа отсутствуют как раз дела за 1562—1568 гг. (см. комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 8); «Английские дела» Посольского приказа начинаются только с 1581 г.

[2] Ср.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XV—XVII вв., т. I, СПб., 1893, стр. 354—355.

ческую неудачу Грозного. Для того чтобы понять их, необходимо учесть изложенную выше международную обстановку, а также и конкретную военную обстановку тех лет: с конца 1560 г., т. е. с момента вмешательства в Ливонскую войну новых сил (Польши, Швеции и Дании), и до начала 70-х годов русские войска не добились никакого продвижения на ливонском фронте (в 1570 г. окончилась неудачей попытка завоевать Ревель). И в такой трудный для «скифетродержателя Российского царства» момент государи Англии и Швеции, двух государств, которые, по представлению Грозного, были «честию ниже» Руси, срывают предложенный им союз. Гневом и презрением преисполнены послания царя в Англию и Швецию. Поведение Елизаветы он объясняет тем, что она вообще «пошлая [обыкновенная] девица», за которую правят «мужики торговые»; в посланиях Иоганну III он не делает различия между новым королем и свергнутым Эриком, трактуя весь род Ваз как подозрительных проходимцев «мужичьего» происхождения, уклоняющихся от выполнения своих международных обязательств под предлогом государственных переворотов: «И то уж ваше воровство всё наруже: опрометываетесь как бы гад — розными виды».

Но приведенные послания — не только памятник неудачи. Уже в августе 1572 г., когда царь писал свое первое послание шведскому королю Иоганну III, перед ним вставали контуры нового военно-дипломатического плана; в 1573 г., когда была написана вторая грамота шведскому королю, план этот уже начал осуществляться.

Поворот во внешней политике Грозного был в значительной степени связан с событиями «польского бескоролевья». Смерть последнего Ягеллона, безвольного Сигизмунда II Августа, сама по себе едва ли могла бы считаться крупным событием; но благодаря существовавшей в Речи Посполитой уже к тому времени феодальной анархии, прекращение династии вызвало длительный период безвластия: польское «бескоролевье» длилось фактически с 1572 по 1576 г. с перерывом на несколько месяцев. Для Грозного это «бескоролевье» оказа-

лось чрезвычайно благоприятным обстоятельством: из борьбы за Прибалтику выбыло государство, больше всех «противоборствовавшее» царю в предшествующие годы. «Польское бескоролевье» отвлекло от ливонских дел и Габсбургов: всецело занятый борьбой за польский престол, император теперь смотрел на русского царя, главным образом, как на силу, могущую сыграть важную (и, может быть, благоприятную для Габсбургов) роль в ходе польской «элекции». А во время «бескоролевья» он не имел и фактической возможности вмешиваться в Ливонскую войну.

Роль «польского бескоролевья» в истории Ливонской войны, несомненно, недостаточно учтена исследователями: в исторической литературе обычно в центре внимания оказывается лишь начало войны (1558—1561 гг.), а между тем стоит перечислить русские завоевания в Прибалтике в 70-х годах, чтобы понять, как блестяще сумел Грозный использовать прекращение польского «противоборства».

Уже летом 1572 г., в первом послании Иоганну III, Иван IV обещал ближайшей зимой показать шведскому королю, имевшему неосторожность сказать, что русские «просили» у него мира, «как мы и люди наши учнем у тебя миру просить». Подготовка к этой величественной «демонстрации» началась с конца 1572 г. Шведы владели в это время в Ливонии сравнительно небольшим куском территории в северной Эстонии; наемные шведские «гофлейты», грабившие местное население, были весьма непопулярны в стране. Отлично понимая, как важно обеспечить себе хотя бы пассивную поддержку населения, Грозный еще за несколько лет до этого разработал план создания в Ливонии вассального королевства; «королем Ливонии», «голдовником» (вассалом) царя, был провозглашен герцог Магнус, брат датского короля Фридрика II. Однако первая попытка создания «Ливонского королевства» не удалась — после военной неудачи под Ревелем в 1570 г. вассальный «король» решил было отказаться от высокой чести, предложенной ему царем, и удалился на остров Эзель, принадлежавший

датчанам. Теперь Грозный вновь возобновил договор с Магнусом, вновь пожаловал ему его временную резиденцию город Полчев (Пылтсама, Оберпален) и некоторое время спустя обвенчал его со своей племянницей. Договор с «королем Ливонии» обеспечивал Грозному не только сочувствие населения (по словам современников, Магнус, обещавший сохранить Ливонии местные права и обычаи, «явился утехой и убежищем почти всех ливонцев, переходивших толпами к этому государю»), но также поддержку брата Магнуса, короля Дании, а возможно и косвенную поддержку императора: датский король был союзником Габсбургов и энергично добивался их согласия на создание «Ливонского королевства».

1 января 1573 г. русские войска штурмом взяли крепость Пайду (Вайссенштейн), крупнейший (после Ревеля) опорный пункт шведов в Ливонии. Через несколько дней после этого, возвращаясь из завоеванного города, царь отправил шведскому королю свое второе послание, для большей внушительности пометив, что оно написано из «нашей вотчины Лифлянские земли города Пайды». В послании царь заявил, что он не перестанет «доступать» Ливонию, «докудова нам ее бог даст».

Из шведских владений царю предстояло «доступать» в Ливонии уже немного: из крупных крепостей у шведов оставался, в сущности, один Ревель. Наученный печальным опытом неудачной осады 1570 г., Грозный на этот раз не сделал попытки взять эту мощную крепость, а поставил перед своими войсками другую задачу: выйти непосредственно к морю, обойдя Ревель с юга. В 1573 г., эта попытка не удалась; но уже в начале 1575 г. войскам Магнуса удалось овладеть крепостью Салис на берегу Рижского залива (ныне г. Салацгрива Латвийской ССР), а в июле того же года русские войска взяли крупную приморскую крепость Пернов (Пярну). Ливония была окончательно разрезана на две части.

1576 год принес новые успехи. В начале этого года русскими войсками были взяты «Коловерь», «Лиговер», «Апсол» и «Падца» [Лоде, Леаль, Гапсаль (Хапсалу) и Падис] — города

в крайней северо-западной оконечности Ливонии. Теперь русские владения выходили не только к Финскому и Рижскому заливам, но непосредственно к Балтийскому морю; в руках Грозного находилось почти все побережье от Ревеля до Риги (в том же году «голдовник» царя, Магнус, завладел крепостью Лемзаль, находившейся верстах в 60 от Риги).

На четвертый год «польского бескоролевья» Грозный мог уже серьезно думать о близком завершении Ливонской войны. Правда, в 1576 г. «польское бескоролевье» окончилось: в Польше появился король — Стефан Баторий. Но на первых порах царю во всяком случае не приходилось опасаться этого нового соседа: он очень хорошо знал, что Баторий избран только частью сейма и что значительная часть страны поддерживает другого кандидата (избранного сенатом) — германского императора Максимилиана II. «Бескоролевье» сменилось междоусобной борьбой, не прекратившейся и после внезапной смерти Максимилиана II в октябре 1576 г.: даже после смерти императора один из важнейших портовых городов Польши — Гданьск — продолжал оказывать неповиновение Баторию, не признавая его королем. Мало того, — по сведениям, полученным Баторием, мятежные гданчане имели «поразуменье» (соглашение) «з Московским и з Макгнусом». Крайне смущенный этим обстоятельством, польский король всячески старался умиротворить «Московского» и уж конечно никак не мог противодействовать ему в Прибалтике.

Такова была обстановка, в которой происходил поход на польскую Ливонию в 1577 г. — один из самых удачных военных походов Ивана IV. Такова была обстановка, в которой возникла группа посланий царя, написанных во время этого похода, — один из наиболее интересных памятников творчества Грозного.

III

Иван Грозный имел основания для того, чтобы, подводя итоги походу 1577 г., писать в одном из своих посланий: «ныне вся Лифлянская земля учинилась в нашей воле». Поход 1577 г.

был задуман как последний, завершающий поход Ливонской войны, — отсюда и грандиозные масштабы похода и личное участие в нем Грозного, Симеона Бекбулатовича, недавнего «великого князя всея Руси», и «ливонского короля» Магнуса (ведшего по соглашению с царем военные действия в центральной Ливонии). Обстоятельства подтверждали оптимистические ожидания царя: 13 июля 1577 г. царь со своей армией двинулся из Пскова на юг — в южную Ливонию, захваченную в начале Ливонской войны польским королем, и почти сразу же ливонские крепости, эти «претвердые германские грады», стали одна за другой сдаваться русской армии. Власть польского короля давно уже была непопулярна в Ливонии; пять лет анархии еще больше подорвали ее авторитет. Без сопротивления Грозному сдались города Влех (Мариенгаузен), Лужа (Лудза, Люцен), Режица, Невгин (Двинск). Дойдя до Двины, русские войска повернули на север, — и здесь их ждал почти такой же прием: за исключением небольшого города Чиствина (Зесвегена), который в течение одного дня оказывал сопротивление царю, все остальные города сдавались сразу же.

Единственное, что несколько смутило триумфальное настроение царя, было известие (полученное им в конце августа) о самовольных действиях его «голдовника», Магнуса. Согласно приказу, полученному им от царя в Пскове, Магнус, владевший уже в центральной Ливонии крепостями Каркусом, Салисом и Лемзалем, мог несколько расширить свои владения на юг с тем, чтобы южной границей его владений стала река Говь (Гауя); южнее этой реки он имел право присоединить только один город — Кесь (Цесис, Венден — старинную столицу ордена), все остальное должно было принадлежать царю. Магнус же, ободренный своими первыми успехами, сделал попытку овладеть всем побережьем Двины, разослав по городам Подвинья грамоты с предложением переходить под его власть; население этих городов, недовольное польской властью, охотно последовало этому предложению. Возмущенный само-

вольством «голдовника», Грозный 25 августа послал ему грамоту с энергичным выговором. Грамота эта, сохранившаяся в «разряде» похода 1577 г.[1] и стоящая несколько особняком от остальных посланий этого года,[2] тем не менее весьма характерна для литературной манеры царя:

«Милосердия ради милости бога нашего, в них же посети нас восток свыше, во еже направити ноги наша на путь мирен, сей убо в троицы славимаго бога нашего милостию удержахом скифетры Росискаго царствия, мы великий государь, царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Руси [*следует полный титул*], голдовнику нашему Арцымагнусу королю Крестьяновичу, отчичу и дедичу Норбецкому, арцугу Слезвицкому, Олченскому, Скорманскому и тех Делмарских, графу Олдньбарскому и Делманскому. Прислали к нам твои люди, а того не ведомо хто имянем писал, твою грамоту; а в твоей грамоте писано, что тебе сдались: город Кесь, город Нитов, город Шкуин, город Зборск, город Голбин, город Чествин, город Тыржин, город Пиболда, город Лавдун, город Барзун, город Канцлов, городок Ерла, городок Фес, городок Леневард, городок Воршевад, городок Суижел, город Роденбжь, городок Какенгауж. И по той по твоей грамоте, сложась с нашими недруги, нашу вотчину отводишь; а которая у них казна, и ты тое казну у нас теряешь; а как еси у нас был во Пскове, и мы тобе тех городов не поступывались, одну есмя тобе поволили доставати Кесь, да те городки, которые на той стороне Гови реки, и ты в те городки вступился неподельно. И ныне мы божею волею свою отчину Вифлянскую землю очищаем, и бог нам в руки дал: город Влех, город Лужу, город Резицу, город Навгин, город Круцбор, город Голвин, город Чествин, город Левдун, город Барзун; Анцклава мыза выжжена, а Фелдатыржин мыза в нашей отчине, промеж тех го-

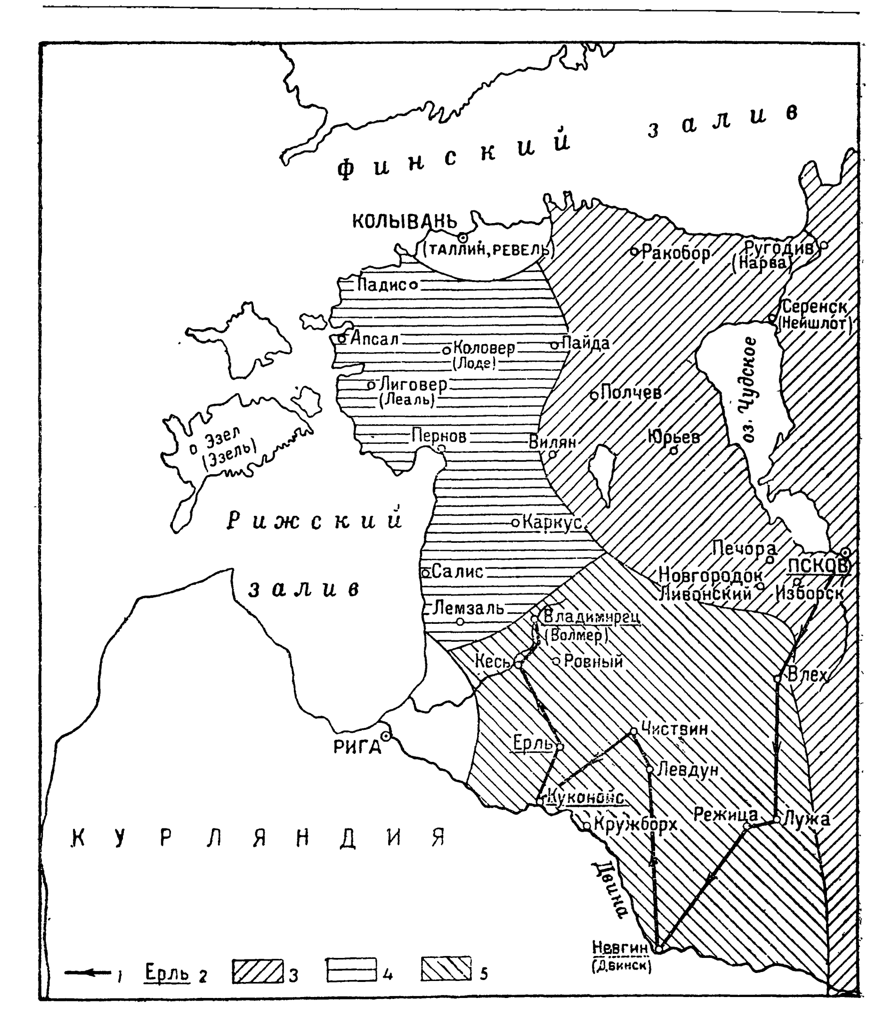
[1] Этот «разряд» издан в «Военном журнале» за 1852 и 1853 гг. (грамота Магнусу — в № 5 за 1853 г., стр. 94—96).

[2] Мы не поместили эту грамоту в основном тексте из-за затруднений археографического характера; приводим ее текст здесь.

родов, которые есмя взяли. И будет похочешь, и ты их у нас емли, а мы здеся с тобою блиско, и в тех городкех с божею волею наши воеводы и люди сидят, и тобе о тех городкех печись не пригоже, и без тебя их уберегут. А приставов в твои городки, сколко нам бог помочи подаст, столко пошлем их, а и сами сколко можем в пристовстве в твоих городкех будем; а денги у нас и сухари, каковы лучились, таковы и везем; и будет не похош нас слушати, и мы наготове, а тобе было нашу вотчину отводить непригоже. А будет тебе не на чем на Кеси и на тех городкех, которые за Говею, сидеть, и ты поди в свою землю Езел да и в Датцкую землю за море, а нам тобя имати нечево для, да и в Казань тобя нам ссылати — то лутчи; толко поедешь за море, а мы с божею волею очистим свою отчину Вифлянскую землю и обережем».

Самочинные (а по существу, как мы увидим, изменнические) действия Магнуса были тревожным симптомом: выше уже указывалось, что Магнус через своего брата был связан с Габсбургами. Но на первых порах выступление Магнуса не помешало дальнейшему «очищению Вифлянской земли»: Грозный перешел на Двину, сразу же забрал под свою власть города, присягнувшие было Магнусу, — Куконойс (Кокнесе, Кокенгаузен), Ерль (Эрлу) и другие; некоторое сопротивление было оказано только городами, предназначенными первоначально для Магнуса и отнятыми у него в наказание за самовольство, Венденом (Кесь) и Вольмаром; но и эти города (Венден — после жестокого штурма) были заняты Грозным. Вся Ливония по Двину (т. е. вся собственно Ливония — Лифляндия и Эстляндия), за исключением только двух городов — Ревеля и Риги, была в руках русских.

Послания 1577 г. представляют собой своеобразный памятник этого похода. Выступая из Пскова, Грозный написал первое из них, адресованное Александру Полубенскому, вицерегенту Ливонии, возглавлявшему в то время польские силы к северу от Двины. Следующие послания были написаны в Двинске (польскому магнату И. Талвашу), в Куконойсе



Ливонский поход 1577 г.

1 — направление похода 1577 г.; *2* — города, откуда были отправлены послания царя; *3* — русские владения к 1572 г.; *4* — завоевания 1572—1577 гг.; *5* — завоевания, сделанные осенью 1577 г.

(Радзивиллу и польскому послу Крыйскому), в Эрле (в город Ригу) и, наконец, в Вольмаре (Стефану Баторию, Яну Ходкевичу, Курбскому, Таубе и Крузе, Тетерину).

Заслуживает внимания лицо, избранное Грозным для передачи последних пяти посланий. Это — Александр Полубенский, тот самый человек, которому было адресовано первое послание царя. Такое превращение бывшего адресата Грозного в его посланца тем более удивительно, что, как мы можем увидеть из псковского послания, Полубенский в начале похода ни в каком отношении не пользовался благоволением царя. Послание к нему — одно из самых ядовитых произведений пера Грозного: пародируя какую-то из грамот Полубенского, царь называет его «блазнем» (шутом), гетманом «разогнанного и блудящего» рыцарства, сравнивает его с дудкой, пищалкой и другими скоморошескими инструментами. Это и неудивительно: уже задолго до 1577 г. Полубенский был хорошо известен царю, как энергичный враг Москвы; он был близким свойственником Курбского, помогал ему в его незаконных сношениях с русскими землями после бегства за границу; вместе с Тетериным и Сарыхозиным Полубенский захватил обманом (выдав свое войско за опричников) в 1569 г. русскую крепость Изборск. А между тем, когда в конце похода Полубенский, выданный восставшими против него жителями Вольмара, попал в руки Магнуса, Грозный обнаружил по отношению к этому «блазню» необычайную заботливость: велел во что бы то ни стало разыскать его, сказать ему, «чтоб он не опасался ничево», что «царское величество милость ему покажет, пожалует, к королю его отпустит»,[1] и, действительно, выполнил это обещание, милостиво приняв Полубенского, а затем отпустив его со своими письмами. Сходную метаморфозу можно заметить и в отношении патрона Полубенского, «гетмана Лифлянской земли» Яна Ходкевича, — достаточно сравнить одно из посланий 1567 г., адресованное его дяде (от имени Воротынского), с посланием к нему в 1577 г.: в первом случае Ян Ходкевич упоминается как «племянник твой Янко», который хотел «осести Вифлянскую землю» и «кровопролитие християн-

[1] Военный журнал, 1853, № 5, стр. 105—106.

ству учинити», во втором случае он выступает как «муж храбрый и велемудрый и дородный», достойный «начальствовати».

Столь явная перемена в обращении с обоими польскими полководцами заставляет нас отнестись со вниманием к сходным известиям двух ливонских источников [1] о тайных сношениях Полубенского с царем во время похода 1577 г.: согласно этим источникам, Магнус еще в начале похода изменил Грозному, вступив в переговоры с Баторием, но Ходкевич, презиравший ливонцев, открыл его измену Полубенскому, а Полубенский — царю. Насколько это известие верно, сказать трудно; дошедшее до нас официальное донесение Полубенского королю, написанное в форме дневника, во всяком случае никак не помогает решению этого вопроса; донесение это содержит много подозрительных пропусков и умолчаний (Полубенский упоминает измену Магнуса задним числом, ничего не рассказывая о том, как он узнал о ней), числа в нем странным образом перепутаны и т. д.[2] Умалчивает Полубенский и о той, несомненно предосудительной с точки зрения Батория, роли, которую он играл после пленения: как мы узнаём из официальных русских «разрядов», став пленником Грозного, Полубенский помог ему завоевать ливонский город Трикат, написав жителям этого города, чтобы они «государю царю не противили, видя такую моць государя самого, войско и наряды великие».[3]

---

[1] Хроника Ливонии Б. Рюссова (Сборник материалов по истории Прибалтийского края, т. III, Рига, 1880, стр. 271—272); «Apologia Reliquarum Livoniae», напечатанная (в выдержках) в статье K. Busse «Rembert Geilsheim» (Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, B. II, Heft III, Riga—Lpz., 1842, S. 419, 425, Anm. 36, 430, Anm. 40).

[2] Донесение Полубенского см.: Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III, М., 1900. Ср. комментарий к посланию Яну Ходкевичу, прим. 1.

[3] Текст этой грамоты «его царского величества вязня» Полубенского (из «разряда» похода 1577 г.) — в «Военном журнале» за 1853 г., № 6, стр. 91—92. Курляндский хронист Геннинг даже прямо называл Полубенского «человеком» Ивана IV (Scriptores rerum Livonicarum, II, Riga—Lpz., 1848, стр. 270).

Возможная связь таких польских политических деятелей, как Ходкевич и Полубенский, с царем становится понятной, если мы учтем, что в 1577 г. положение Батория, только что избранного на престол и еще не признанного всей страной, было крайне непрочным; Грозный же еще недавно считался одним из влиятельнейших кандидатов на польский престол и пользовался значительной популярностью в Литве. Что касается царя, то у него во всяком случае не было никаких оснований отвергать услуги этих лиц: теперь, когда «вся Лифлянская земля» учинилась «в его воле», он явно не хотел войны с Польшей, желая только, чтобы поляки признали совершившийся факт «очищения Лифлянской вотчины».

Победа казалась царю достигнутой, — послания 1577 г. должны были подвести итог законченной войне. Послания эти несомненно предназначались царем не только для их формальных адресатов: достаточно сравнить между собой списки XVII в., сохранившие перечисленную выше группу посланий,[1] чтобы убедиться, что они восходили к единому, заботливо составленному сборнику. Можно думать, что сборник этот был составлен еще при Грозном и составлен с определенной политической целью. Специальный характер этого сборника обнаруживается уже из его состава: сюда вошли все грамоты, рисующие блестящие успехи Грозного в 1577 г. (по большей части не включенные в официальные «Дела Польские» Посольского приказа), но не вошла сюда, например, приведенная выше грамота Магнусу (тоже написанная во время похода) и именно потому, что она говорила не об успехах, а о неудаче (хотя и частичной). Очевидно сборник посланий 1577 г. был составлен не для внутренних нужд Посольского приказа, а рассчитан на более широкие круги читателей.[2]

[1] См. «Археографический обзор», стр. 570.

[2] Такое соединение документальных памятников в сборники, имеющие определенный политический характер, не является, как известно, редкостью: для XIV—XV вв. это явление доказано на большом числе примеров Л. В. Черепниным в его исследовании «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (ч. 1, М.—Л., 1948).

Обращаясь к этим читателям — и из «Российского царства», и к другим «многим языцем», царь во всех посланиях 1577 г. повторял одну и ту же тему: о своих законных правах на Ливонию, подтвержденных ныне «божьим смотрением [провидением]». Тема эта проходит через все послания 1577 г. (отсюда ряд совпадений отдельных мест: о «хотении миру» со Стефаном-королем, о том, что в Ливонии уже нет места, «где бы нашего коня ноги не стояли», и воды, которой бы «не пили есмя», и т. д.), начиная с первого из них — послания Полубенскому. Для этого послания, написанного еще в Пскове в начале похода, царь широко использовал свои прежние сочинения: здесь мы читаем и изложение царской родословной из первого послания Курбскому, и рассказ о происхождении русских государей от Августа-кесаря, — все эти аргументы были мобилизованы царем для обоснования последнего, как он думал, похода на Ливонию. А в заключительных грамотах, написанных в Вольмаре, царь обращался к «крестопреступникам», некогда мешавшим и «супротивословившим» ему в начале Ливонской войны, приглашая их самих убедиться («и я таки тебя судию и поставлю»), кто был прав в законченном, наконец, споре.

Грозный торжествовал — и торжествовал не только как государственный деятель, добившийся политического успеха. Замечания царя о «божьем величестве», разрешившем, наконец, его спор с «крестопреступниками», подводят нас к новой, совсем неизученной историками стороне мировоззрения царя — к его философским взглядам. Взгляды эти раскрываются уже в другом, более раннем памятнике — в грамотах 1567 г., посланных Сигизмунду II Августу от имени бояр (цитируемое место дословно совпадает в грамотах трех разных бояр и с уверенностью может быть приписано их общему автору — царю). Отвечая на утверждение Сигизмунда II Августа, что «бог-сотворитель, человека сотворивши, неволи никоторые не учинил и всякою почестью посетил» и что, следовательно, человек по природе свободен, Грозный писал ему:

«А што, брат наш, писал еси, што бог сотворил человека и вольность ему даровал и честь, ино твоё писание много отстоит от истины: понеже первого человека Адама бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иж от единого древа не ясти, и егда заповедь преступи, и каким осуждением осужен бысть! Се есть— первая неволя и бесчестие. . .». И, приведя затем другие примеры библейских и евангельских «заповедей», царь заключает: «Видиши ли, як везде несвободно есть, и твое писание далече от истины отстоит?».

Трудно сказать, какой конкретно смысл имели рассуждения Сигизмунда II Августа о «свободе» в его не дошедшей до нас грамоте, — отметим только, что догмат о «свободе воли» был как раз в это время орудием католической реакции в борьбе с Реформацией (в 1564 г. этот догмат был утвержден в противовес лютеранам Тридентским собором). Для нас гораздо важнее, что рассуждениям Сигизмунда II Августа о *свободе* Грозный противопоставлял тезис о *необходимости*.

Эта же мысль о *необходимости*, но в несколько ином аспекте, выдвигается царем в посланиях 1577 г. Победа его в Ливонской войне — *не случайна*, подчеркивал царь, многократно и настойчиво повторяя во всех этих посланиях одну фразу: «бог дает власть, ему же хощет» (т. е. тому, кому хочет дать). Тринадцать лет тому назад Курбский грозил царю «божьим судом» после смерти, — Грозный отвечал ему тогда, что он «не отметается» этого суда не только «тамо» — после смерти, «но и зде» — на земле. И вот теперь божий суд свершился; победа Грозного есть осуществление непреодолимого «божьего изволения»: «не моя победа, но божья» — «Смотри, о княже, божия судьбы, яко бог дает власть, ему же хощет!».

Перед нами, несомненно, не случайное высказывание царя, а именно выражение его философских взглядов. Чтобы понять смысл этих философских взглядов, следует вспомнить ту оценку, которую давал Энгельс аналогичному «учению о предопределении», развивавшемуся на Западе Кальвином. Энгельс считал, что эта догма Кальвина «отвечала требо-

ваниям самой смелой части тогдашней буржуазии».[1] На Западе учение о предопределении, давая молодой буржуазии веру в неизбежность («предопределение») ее победы, было орудием в борьбе против феодальной системы в целом. В России же «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».[2] Учение о необходимости (предопределении) было здесь использовано самодержавной властью, боровшейся против феодальной раздробленности.

В мировоззрении Грозного это учение о «божьей судьбе» несомненно занимало весьма важное место, еще более усиливая тот «неповторимый колорит» его писаний, который отмечают исследователи. Если, по справедливому замечанию И. И. Смирнова, «практическая деятельность» подымалась у Грозного «до высоты теории», то успех в этой практической деятельности приобретал в его глазах особый смысл, становясь доказательством правильности его поступков, соответствия их «божьему смотрению». Если мы учтем это, то согласимся, что, перечисляя Курбскому во втором послании свои успехи, царь действительно делал это, «не гордяся, ни дмяся», а *доказывая* своим успехом свою правоту. Мы не усмотрим тогда цинизма и в заявлении Грозного польским послам, сделанном несколько месяцев спустя: «Ино ведь кто бьет — тот лутче, а ково бьют, да вяжут — тот хуже».[3] Тот, «кто бьет» (даже если он «бесерменский государь»), бьет ведь по велению «божьей судьбы», поэтому он и «лутче».

Но как ни величественна была эта теория, она, несомненно, таила в себе серьезную опасность. Представление, что «бог

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 297.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. V, стр. 34.

[3] Из переговоров (начало 1578 г.) с польскими послами Крыйским и Скуминым [цит. по рукописи Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Q. IV, 33, л. 61].

дает власть, ему же хощет», так ободрявшее Грозного в 1577 г., превращалось в оружие против него, стоило только «божьей судьбе» повернуться в другую сторону.

А поворот этот произошел очень быстро. Вероломный «голдовник» Магнус, попытавшийся, как мы видели, изменить царю в 1577 г. и окончательно изменивший в 1578 г., правильно понял изменившуюся ситуацию. Избранный на польский престол как ставленник султана, Стефан Баторий, вопреки опасениям Габсбургов, сумел избавиться от турецкой зависимости. А тем самым он терял свою одиозность в глазах католических сил: папский нунций, энергично поддерживавший Габсбургов во время бескоролевья, вступил теперь в дружескую связь с польским королем; Баторий завел непосредственные сношения и с могущественнейшим государем католической Европы — Филиппом II испанским, обещая ему помощь против турок, нидерландских «еретиков» и т. д. При всем своем нерасположении к сопернику, германские Габсбурги тоже не могли теперь помышлять о войне с ним. Гданьск, дольше всех отказывавшийся признавать Батория, принужден был уступить силе и дипломатическому воздействию.

Освободив руки на Западе, Баторий мог обратить все свои силы на Восток. Быстрый и решительный перелом, которого ему удалось здесь добиться, может, в сущности, служить косвенным доказательством правоты Грозного, начавшего эту войну для приобретения морских путей на Запад. Польский король, тесно связанный, в отличие от русского царя, со всей Западной Европой, «поднял» на Русь, по меткому выражению царя, «всю Италию» (католическую Европу). Войне против «Московита» Баторий сумел придать вид почти общеевропейского (по крайней мере, общекатолического) крестового похода. Бесчисленные авторы «летучих листков» начали прославлять польского короля; на рождество 1579 г. папа прислал ему освященные эмблемы — шлем и меч. Армия Батория и впрямь была собрана по всей Европе: основу ее составляли профессиональные воины — немецкие, венгерские и другие

наемные ландскнехты. Русские же войска были измотаны двадцатилетней войной. Это быстро оказало свое действие. В Западной Руси были потеряны Полоцк, Сокол и Великие Луки; в Ливонии русские войска оставили Двинск и Венден (Кесь). За какие-нибудь два года были потеряны завоевания многих лет.

В этой-то трагической обстановке и было написано послание царя Баторию — последнее из помещенных в настоящем издании посланий. «Божья судьба» отвернулась от Грозного,— насмешливые слова: «кто бьет — тот лутче, а ково бьют, да вяжут — тот хуже», можно было теперь адресовать к нему самому. Мы сделали бы, однако, очень большую ошибку, если бы предположили, что царь, увидевший волю провидения в своих победах 1577 г., перед лицом неудач 1578—1581 гг. должен был обнаружить фаталистическую покорность судьбе. Учение о предопределении у Грозного, как и у «торговых мужиков» XVI в.,[1] никак не означало отказа от практической деятельности и безмолвной покорности «божьему смотрению». Наоборот, неуклонная вера в «милость» к нему «благоутробия божия» (и, следовательно, в конечный успех своих поступков) побуждала царя к самой энергической деятельности: «поразительная уверенность в себе»,[2] которую с удивлением замечают историки в его послании Баторию, имела своей основой не только надежду на «силу животворящего креста», но и вполне реальные дипломатические планы.

В чем эти планы заключались, мы можем догадаться уже из текста послания. Одна тема настойчиво проходит через весь текст обширной грамоты царя польскому королю: обвинения Батория во вражде «христианству» и пособничестве «бесерменству» (мусульманству). Как это часто бывает у Грозного, обвинение это сперва возникает исподволь; в начале послания царь вскользь замечает, что нарушать «крестное целование» не принято «в хрестьянских государствах», и дальше почему-то

[1] Ср.: Г. В. Плеханов. К вопросу о роли личности в истории. М., 1941, стр. 5, 6, 8 (прим.).

[2] P. Pierling. La Russie et le Saint-Siege, t. II. Paris, 1897, p. 69.

прибавляет: «а и в бесерменских государьствах тово не ведетца». Далее, по мере того как могучий темперамент автора начинает брать верх над желанием быть «смиренным», тема эта начинает звучать все яснее: «А что ты присягал на том, что тебе давно зашлых мест отъискивати. . . ино то для неповинного кровопролитства хрестиянского уделано з бесерменского обычая, и тот твой мир знатен: ничого иного не хочеш, толко бы хрестиянство истребити». И, наконец, уже прямо: «Ино то знатьно, что ты делаеш, предаваючи хрестиянство бесерменом! А как утомиш обе земли — Рускую и Литовскую, так все то за бесермены будеть. И ты хрестиянин именуешсе, хрыстово имя на языце обносиш, а хрестьянству испроверження желаеш».

Враждебность к «бесерменству» — новая тема в творчестве Грозного; если мы обратимся к истории его внешней политики в предшествующие годы, то вспомним, что враги царя обвиняли его как раз в противоположном грехе: в нежелании воевать с «бесерменами». Но мы вспомним также, что мысль о столкновении «Московии» с мусульманским миром уже многократно выдвигалась в XVI в. и что такое столкновение было постоянным предметом мечтаний и домогательств габсбургско-католической дипломатии. Эта тенденция Габсбургов особенно ярко обнаруживалась во время польского бескоролевья: стоило Грозному проявить хотя бы некоторую склонность к вражде с Крымом и Турцией, и он уже превращался на страницах германской печати из «ужасного Московита» в «дружественного государя». Когда же трансильванский князь Стефан Баторий, поддержанный султаном, опередил Габсбургов в борьбе за польскую корону, именно габсбургская дипломатия стала убеждать царя, что Стефан — ставленник султана и опирается на «силу Турского». Следует заметить, что Грозный (которому об этом самолично писал император Максимилиан II) первоначально отнесся к этому обвинению с поразительным равнодушием: в 1578 г. он даже сам, между прочим, заметил послам Батория, что следует чтить и «бесерменских

государей».[1] И если теперь, когда недавние враги Батория готовы были забыть о прежних грехах польского короля и признать его католическим крестоносцем, Грозный счел нужным возобновить эти обвинения, то дело было, конечно, не в усилении его вражды к исламу, а в новой дипломатической комбинации, возникшей перед царем.

Комбинация эта возникла еще за год до написания послания Баторию. В августе 1580 г. Грозный послал со своим гонцом, Истомой Шевригиным, грамоту к новому германскому императору Рудольфу II. В грамоте этой, многими местами совпадающей с более поздним посланием польскому королю, царь заявил Рудольфу II, что он терпит нашествие «мусульманских государей и посаженника салтана Стефана Ботуры. . . за то, что есмя с братом нашим, а с твоим отцом с Максимилияном цесарем, и с тобою, с братом нашим, с Руделфом цесарем, были в ссылке. . . та наша ссылка с отцом твоим. . . стала салтану Турскому и Стефану королю ненавистна: потому сложась на нас и стали с одного». Точно такое же обвинение должен был передать Шевригин и другому адресату царя — римскому папе Григорию XIII.[2] Именно посещение папы, с которым до сих пор Грозный не имел никаких сношений и которого он просил вмешаться в русско-польскую войну и прекратить ее, было главной целью миссии Шевригина. В случае, если папе удастся остановить своего «крестоносца», Грозный обещал выступить против «бесермен». Неожиданный визит русского гонца к папе неизбежно должен был вызвать у последнего и другие надежды: на обращение «схизматического» царя в лоно римской церкви.

Обращение русских «схизматиков» в католицизм было давней мечтой римского престола. В XV в. папству едва не удалось на короткое время достигнуть своей цели: на Флорентийском соборе 1439 г. митрополит всея Руси грек Исидор

[1] Цит. выше рукопись ГПБ (Q. IV. 33, л. 61).

[2] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, стлб. 790—793; т. X, стлб. 10—11.

вместе с другими греками, представителями восточной (православной) церкви, согласился на унию с католицизмом и признание верховной власти папы; но по возвращении на Русь Исидор был свергнут с митрополичьего престола, и в дальнейшем идея унии (т. е. фактически подчинения католицизму) неизменно отвергалась русскими государями. Догадывался ли Грозный, что его обращение к папе вновь воскресит старые надежды, и хотел ли он их воскрешать? Грамоты, посланные с Шевригиным, не дают ответа на этот вопрос. Но если мы снова обратимся к посланию Стефану Баторию, то найдем там упоминание и об унии. С негодованием отвергая аргумент польских панов, что Ливония — католическая страна и должна принадлежать католическому государю, Грозный писал: «Называетеся хрестиане, и у папы и у всех римлян и католиков одно слово, что однако вера греческая и латынская; а коли собор был в Риме при Евгеньи папе Римском. . .и тогда был на том соборе греческий царь Цариграда Иван Мануйлович, а с ним патреарх Царьградский Иосиф. . . а из Руси был тогды Исидор митрополит; и уложили на том соборе, что однако [т. е. единой] быти греческой вере и з Римскою». И дальше Грозный изображает благородное негодование по поводу недисциплинированности польских католиков: «А они и папе своему не верають: папа их уложил, что однако вера греческая и латынская, и они то разрушают». Чтобы оценить это неожиданное высказывание, следует иметь в виду, что во всей русской литературе того времени не было сюжета более ненавистного, чем «осьмой собор латынский» 1439 г.: в полемическом задоре русские книжники осуждали не только результаты этого собора (действительно, выгодные католикам), но и самую мысль об «осьмом соборе» и «соединении с римляны». А царь, выросший и воспитавшийся на этой литературе, говоривший католикам: «а что кровью своею святой господь совокупил нас всех воедино, ино вы ж за много лет разодрали ересью латинскою», выражает свое почтение к решениям «осьмого собора» и негодование по адресу их нарушителей! Конечно, это было не прямое ука-

зание на готовность возобновить унию, а косвенный (и ни к чему не обязывающий) намек; но царь отлично понимал, что его замечание о Флорентийском соборе в официальной грамоте польскому королю не останется тайной для представителей римского престола в Польше (что и случилось).

Расчет Грозного был верен: постоянно стремившийся к созданию антитурецкой лиги, мечтавший о привлечении в свое лоно новых «овец» (взамен покинувших «стадо Христово» ради Реформации), римский престол с готовностью откликнулся на обращение царя. Результатом этого обращения было, как известно, посредничество папского агента иезуита Поссевино, прибывшего вскоре после отправления послания Баторию и заключившего русско-польское перемирие. Конечно, согласие Батория на заключение этого перемирия в гораздо большей степени объяснялось его внутренними затруднениями (известными Грозному уже во время написания его послания королю[1]) и, особенно, неудачей под Псковом, чем папским посредничеством, — но, с другой стороны, самое это посредничество никогда не имело бы места, если бы Грозный не пообещал осуществить, наконец, давние домогательства Габсбургов и выступить против Турции.

Собирался ли он сделать это в действительности? Думал ли он перед лицом военных неудач на Западе изменить свою внешнеполитическую линию и пойти по пути, намеченному Курбским и его единомышленниками? Конечно, нет! Грозному нужно было только одно — передышка, и он получил ее, заключив в 1582 г. Запольское перемирие с Баторием. А после того как Поссевино выполнил свою миссию, Грозный достаточно легко сумел от него отделаться. С «Перекопским» (крымским) ханом он воевать отказался, заявив, что он с ним «в дружбе и любви», а участвовать в антитурецкой лиге согласился только при том условии, если в этой лиге будут участво-

[1] См. об этом в дневнике польского королевского секретаря Пётровского — «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию» (Псков, 1882, стр. 46).

вать все «короли и княжата хрестьянские» — условие для того времени абсолютно невыполнимое, как это хорошо понимал сам Грозный. Что же касается объединения церквей, то, когда Поссевино напомнил царю (почти его же словами) о Флорентийском соборе, «на котором был царь Иван Мануйлович и папа Евгений и многие патреархи и философы. . . и уложили, что быть вере греческой с римскою одной вере», Грозный кратко заявил, что «нам с вами не сойдетца в вере», и превратил весь дальнейший религиозный диспут в сплошную комедию, спрашивая Поссевино, зачем он «сечет бороду» и зачем папа носит крест «ниже пояса».[1]

Запольское перемирие было передышкой, — только такой смысл имело оно в глазах царя. В этом отношении чрезвычайно характерен разговор, имевший место между русским послом в Англии и английскими политическими деятелями через несколько месяцев после заключения Запольского мира: «Государь наш, — заявил русский посол, — хочет со своею сестрою, с королевною Елизаветью, а с вашею государынею в докончанье и в соединенье быти, потому что учинился государю нашему недруг Стефан король Полский и Литовской, а спомогают ему папа и цысарь и иные короли». Англичане заметили: «Здесь де нам слух дошел, что папа Римской похваляетца тем, будто он государя вашего с Литовским королем помирил». «Воля папе, что хочет, то говорить за очи, — возмущенно ответил посол, — а коли б он государя нашего с королем помирил, и [т. е. то] государь бы наш Литовского короля себе недругом не называл и к сестре своей, а к вашей государыне, х королевне Елизавети недругом себе не писал».[2]

Собираясь возобновить Ливонскую войну, Грозный хорошо знал, что «папа и цесарь» (германский император) будут в этой войне его врагами, — именно поэтому он и попытался воскресить проект союза с Англией. История переговоров с короле-

---

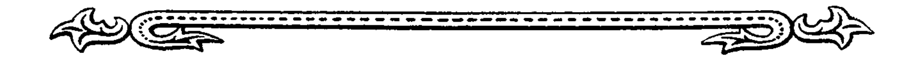
[1] Памятники дипломатических сношений . . ., т. X, стлб. 300—303.
[2] Сб. РИО, т. 38, стр. 37—39.

вой Елизаветой в 1582—1584 гг. — последних дипломатических переговоров в жизни Грозного — выходит за рамки этой статьи. Нам необходимо только отметить, что переговоры эти велись царем с единственной, ясно указанной им целью — возобновить войну в Прибалтике и отвоевать свою «Лифляндскую вотчину». Когда английский посол Джером Баус во время переговоров в Москве вздумал поднять вопрос о русских правах на Ливонию, спросив царя, «исстари ли то ево вотчина?», Иван Васильевич так грозно заметил ему, что он «своей сестры Елизавет королевны. . . не в судьи просит», что посол поспешил ослабить значение своих слов, заявив, что они сказаны им между прочим, «в розговоре».[1]

«Розговор» этот происходил в феврале 1584 г., за месяц до смерти Грозного. До последних дней своей жизни царь сохранил веру в конечный успех своей политики. «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой».[2]

[1] Там же, стр. 132—133.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165.



АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОСЛАНИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО

Проблема издания сочинений Ивана Грозного связана с особыми трудностями: до нас не дошло ни одного сборника сочинений царя — ни от XVI в., ни от последующих веков. Исследователям древнерусской литературы придется еще когда-нибудь задаться вопросом: почему в Московской Руси XVII в. собрания сочинений «изменника государева» князя А. М. Курбского тщательно и многократно переписывались, а творения первого «царя всея Руси», свойственника царей XVII в. — Романовых, подвергались явному пренебрежению?

Так или иначе, издателю сочинений Грозного приходится, прежде всего, начать с извлечения этих сочинений из самых различных литературных и не-литературных памятников XVI—XVII вв. Сложность этой задачи заключается не только в том, что при этом приходится принимать во внимание чрезвычайно широкий круг памятников (в значительной части не изданных), но и в том, что самый принцип отбора сочинений Грозного еще далеко не установлен. Что именно из числа подписанного именем царя Ивана Васильевича всея Руси может быть отнесено к подлинным произведениям его творчества? Что оставил он как человек и писатель? Этот вопрос был уже поставлен в русской науке акад. И. Н. Ждановым в его посмертной работе «Сочинения царя Ивана Васильевича».[1] Едва ли, однако, можно согласиться с попыткой разрешения этого вопроса, сделанной И. Н. Ждановым. Признавая, что среди посланий Грозного к иностранным государям имеются такие, которые «совершенно чужды условных правил официальной дипломатической переписки», что изложение этих грамот отличается «игрой остроумия, рядом колких, вызывающих насмешек», а «по содержанию — это трактаты, посвященные то изложению общих государственных взглядов, то общим припо-

---

[1] Сочинения И. Н. Жданова, т. I, СПб., 1904, стр. 84—90.

минаниям и сближениям», и что «повидимому, письма подобного рода должны быть отнесены к числу памятников, оставленных нам царем Иваном, как писателем», — признавая все это, Жданов, тем не менее, отказывается от включения этих посланий в число сочинений Грозного (стр. 86—87). Этот неожиданный приговор (относящийся едва ли не к большей части известных нам произведений Грозного) основывается, повидимому, на двух предпосылках: на официально-документальном характере этих писем (на этом основании Жданов включает в обзор «записку» к Магнусу 1573 г., но отвергает грамоту к нему 1577 г., — стр. 111) и на предположении, что они могли быть написаны не самим царем, а по его поручению другими лицами.

Обе эти предпосылки представляются весьма сомнительными и находятся в резком противоречии с принципами, примененными самим же И. Н. Ждановым при отборе других произведений. Разве не относятся к числу официально-документальных произведений завещание 1572 г. или многочисленные «богомольные грамоты» (грамоты, посылаемые в монастыри в связи с военными походами), включенные Ждановым в число сочинений Грозного? Разве не могли быть и эти произведения написаны по поручению царя его подчинёнными? Царь мог ведь «велеть отписати» любую грамоту к любому адресату.

Очевидно, единственным критерием, позволяющим выделить подлинные сочинения царя из числа документов, подписанных его именем, могут быть индивидуальные особенности стиля, знакомые нам по другим сочинениям Грозного. Говоря о «богомольных грамотах» Грозного, И. Н. Жданов отмечает, что в некоторых из них «ярко рисуется его настроение в данное время, под влиянием того или иного события». Но это в гораздо большей степени относится к дипломатическим посланиям Грозного — например к посланию Иоганну III, написанному в 1572 г., после победы над крымцами (единственный, приведенный Ждановым пример дипломатического послания, который Грозный «велел отписать» — послание к Эрику XIV — как раз неудачен, так как послание это до нас не дошло, и мы не можем судить, были ли в нем те черты, которые представляются нам индивидуальными чертами Грозного). Сам И. Н. Жданов заметил, что большой раздел в грамоте Грозного гетману Я. Ходкевичу дословно совпадает с соответствующим разделом во втором послании Курбскому, и на этом основании включил грамоту Ходкевичу в число собственных сочинений царя (стр. 116—117). Но если можно включить послание к «гетману Лифлянские земли», то почему нельзя включить послания к иностранным государям, обнаруживающие столь же характерные черты творчества Грозного? Несомненно прав акад. А. С. Орлов, разбирающий в своем очерке об Иване Грозном в академической «Истории русской литературы» в качестве характерных произведе-

ний пера Грозного как раз эти дипломатические послания [1] (а также послание Симеону Бекбулатовичу, тоже не включенное Ждановым в число сочинений царя). При отыскании и извлечении сочинений Грозного исследователь не должен заранее ограничивать себя определенным кругом памятников, а должен будет извлекать их и из многочисленных в XVI—XVII вв. сборников разного содержания (например первое послание Курбскому, послание в Кирилло-Белозерский монастырь и др.), и из летописей (например отмеченные уже Ждановым послания к Макарию, послание патриарху Иоакиму и др.), и в огромной степени из таких сборников документального характера, как «Посольские дела» и даже «Разрядные книги» (например грамота Магнусу 1577 г.).

Настоящее издание, будучи по своему характеру собранием избранных сочинений Грозного, не ставит перед собой задачи выявления и публикации всего творчества Ивана IV. В состав его входят только послания царя русским адресатам и те из его дипломатических посланий, которые могут рассматриваться как литературные памятники (огромная, чисто деловая дипломатическая переписка Грозного остается поэтому за пределами данного издания). Эпистолярный жанр является преобладающим в творчестве Грозного, и все наиболее выдающиеся (в литературном отношении) памятники этого жанра в издание включены, однако при таком ограничении в состав издания не могли быть включены два важных памятника иного жанра, обнаруживающие несомненные и индивидуальные черты творчества царя: «Стоглав», собрание постановлений церковно-земского собора 1551 г., заключающее в себе ряд выступлений Ивана IV, и знаменитое «Завещание» Грозного, написанное в 1572 г. Желая дать читателю хотя бы частичное представление об этих памятниках, мы помещаем на страницах настоящего комментария выдержки из них: часть вступительного «писания», данного Грозным собору (из гл. 3-й «Стоглава») и ту часть «Завещания», которая имеет характер послания к сыновьям — Ивану и Федору.

Отрывок из «писания» мы приводим по тому списку «Стоглава», который считается в литературе (Д. Стефанович. О Стоглаве. СПб., 1909, стр. 148) наиболее древним списком наиболее ранней редакции — по списку Рукописного отдела Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийское собрание, 1515 (список XVI в.). Отрывок этот посвящен описанию детства и юности царя и многими чертами напоминает соответствующее место из первого послания Курбскому:

«Видим вси, каковы различныя казни и милостивное наказание на нас посла господь, обращая нас от заблужения, яко чядолюбивый отець; мы же никакоже о сем не въспомянухомся. Первое — смирил нас

[1] История русской литературы, т. II, М.—Л., 1946, стр. 507—510.

бог, отнял у меня отца, а у вас пастыря и заступника; еще же сия скорбь не мину, начаша ся множити великиа бедныа скорби; боляре и велможи вернии и любимии отцом моим совет не благ совещаша ми, вменяюще яко мне доброхотствуют, наипаче же себе самовластие улучающе, яко помрачени умом дрьзнули поимати и скончяти братию отца моего. И егда хощу въспомянути нужную их смерть и немилостивное мучение, весь слезами разливаюся и в покаание прихожу и прощениа у них прошу за юность и неведание. И по скончянии дядь моих не по мнозе времени и мати моя преставилася, и оттоле горкая скорбь постиже нас, мне сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако боляре наши улучиша себе время; сами владеша всем царством самовластно, никому же возбраняющу им от всякого неудобнаго начинания. И моим грехом и сиротством и юностию мнози межуусобною бедою потреблени быша злей. Аз же возрастох в небрежении и в ненаказании отца своего и матери, якоже подобает наказати отцу чядолюбцу, и навыкох их злокозненныя обычаи и таяжде мудрьствовах якоже и они. И от того времени и доныне каких зол не сьтворихом пред богом, и каких казней не послал на нас бог, приводя нас на покаание: ово пленением и святым церквам разорение, и попрание всяким святыням, и многобесчисленное кровопролитие, и пожжение, и истопление, и в плен расхищениа всякого священничьскаго и иночьскаго чина, князей и боляр и всякого хрестьянского роду, мужеска полу и женска; разсеяны по лицу всея земля и осквернены всякими нечистотами и всякими страданми и муками томимы и смертем предаеми. Мы же о сем многажды покушахомся месть сьтворити врагом своим и ничтоже успехом; ни уразумехом сего, еже господь наказует нас сими, а не поганых поспешьство над нами; и сими великими казньми в покаание не внидохом, сами межоусобство зло сьтворихом и бедным хрестианом всякое насильство чинихом. И милосердый господь за премногыя грехи наша наказая нас, ово потопом, ово мором и различными болезньными бедами, и никакоже не наказахомся. И посла господь на нас тяжкиа и великия пожары, вся наша злая събрания потреби, и прародительское благословение огнь пояде, паче же всего святыя божиа церкви и многиа великиа и неизреченныя святыни и святыа мощи и многое безчисленное народа людска; и от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа, и смирися дух мой и умилихся и познах своя съгрешениа. И прибегох ко святей соборной и апостольстей церкви, и припадох к божию великому человеколюбию и к пречистой богородицы, и к всем святым, и к твоему первосвятительству, и всем иже с тобою святителем, умильно припадая с истинным покаанием, прося прощениа, еже зле съдеях, и божия ради великиа милости получих от вас мир и благословение и прощение о всем, еже съдеах зле. Тогда же убо яз всем своим князем и боляром по вашему благословению, а по их

обещанию на благотворение, подах прощение в их к себе прегрешениих. И по вашему благому совету богу помагающу нам начя же вкупе устрояти и управляти богом врученное ми царство, елико бог поспешит, а у него милости и помощи прося».

Отрывок из «Завещания» мы приводим по единственному сохранившемуся списку — копии XIX в., сохранившейся в «портфелях Малиновского» [Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА) — «Акты, собранные Малиновским», портфель 3-й, № 79]; на заголовке этого списка имеется помета, указывающая, что он является копией с копии 1739 г., «списанной с оригинальной сей духовным человеком, искусным и любопытным, как примечания показуют».

«Во имя отца и сына и святаго духа, святыя и живоначальныя троицы, и ныне и присно и во веки веков, аминь, и по благословению отца нашего Антония митрополита всея России. Се аз многогрешный и худый раб божий Иоанн пишу сие исповедание, своим целым разумом, но понеже разума нищетою содержим есмь, и от убогого дому ума моего не могох представити трапезы пищи ангельских словес исполнены, понеже ум убо острюпись, тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мной поскорбит, и не бе, утешающих не обретох; воздаша ми злая возблагая, и ненависть за возлюбление мое. Душою убо осквернен есмь и телом окалях. Якоже убо от Иерусалима божественных заповедей ко ерихонским страстем пришед, и житейских ради подвиг прелстихся мира сего мимотекущею красотою; якоже к мирным гражданам привед, и багряницею светлости и златоблещанием предахся умом, и в разбойники впадох мысленныя и чувственныя, помыслом и делом; усынения благодати совлечен бых одеяния, и ранами исполумертв оставлен, но паче нежели возмнитися видящым, но аще и жив, но богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший, его же иереи видев не внят, левит, и той возгнушався премину мне. Понеже от Адама и до сего дни всех преминух в беззакониях согрешивших, сего ради всеми ненавидим есмь! Каиново убийство прешед, Ламеху уподобихся первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием, Рувиму уподобихся осквернившему отче ложе, несытства и иным многим яростию и гневом невоздержания. И понеже быти уму зря бога и царя страстем, аз разумом растленен бых, и скотен умом и проразумеванием, понеже убо самую главу оскверних желанием и мыслию неподобных дел, уста разсуждением убийства и блуда и всякаго злаго делания, язык срамословия и сквернословия, и гнева и ярости, и невоздержания всякаго неподобнаго дела, выя и перси гордости и чаяния высокоглаголиваго разума, руце осязания неподобных, и грабления несытно, и продерзания и убийства внутрення, ея же помыслы всякими скверными и неподобными оскверних,

объядении и піянствы, чресла чрезъестественная блужения, и неподобнаго воздержания и опоясания на всяко дело зло, нозе течением быстрейших ко всякому делу злу, и скверноденяниа и убивства, и граблением несытнаго богатства, и иных неподобных глумлений. Но что убо сотворю, понеже Авраам не уведе нас, Исаак не разуме нас, и Израиль не позна нас? Но ты, господи, отец наш еси, к тебе прибегаем и милости просим, иже не от Самарии, но от Марии девы неизреченно воплотивыйся, от пречистых тя ребр воде и крови яко масло возлияв, Христе боже! Язвы струп моих, глаголюще душевныя и телесныя, обяжи и к небесному сочетай мя лику; яко милосерд, господи боже мой, мир даждь нам, разве тебе иного не знаем и имя твое разумеем; просвяти лице твое на ны и помилуй ны. Твоя бо есть держава неприкладна, и царство безначално и безконечно, и сила и слава и держава, ныне и присно и во веки веков, аминь.

«И понеже, по писанию, не должни суть хранити имения чада родителям, но родителие чадам, и яже убо вышнее имение, якоже реченно: «премудрость во исходящих поется, на краех же забралных мест проповедается, при вратех же сильных дерзающи глаголет, се предлагаю вам глас мой, сыновом человеческим, лучше бо ту куповати паче злата и сокровища много, честнейши же суть камения многоценна, все честное недостойно ея есть». Глаголет господь: «мною царие царствуют и сильнии пишут правду». Сего ради и аз предлагаю учения, елико мой есть разум, от убожества моего. Чадца моя! благодать и божий дар вам.

«Се заповедую вам, да любите друг друга и бог мира да буди с вами. Аще бо сия сохраните, и вся благая достигнете; веру к богу тверду и непостыдну держите, и стойте, и научитися божественных догматов, како веровати, и како богу угодная творити, и в какове оправдании пред нелицымерным судиею стати: то всего болше. Знайте православную христианскую веру, держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти. А сами живите в любви. А воинству поелику возможно навыкните. А как людей держати и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навыкли же; а людей бы есте, которыя вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат; а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию. А всякому делу навыкайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, и как которые чины ведутся здесь и в-ыных государствах, и здешнее государство с иными государствы что имеет: то бы есте сами знали. Также и во обиходе во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто держится, тому б есте всему научены были: ино вам люди не указывают, вы станите людям

указывати, а чего сами не познаете, и вы не сами стате своими государствы владети и людьми. А что, по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, аможе бог когда не оставит (и вам есми грехом своим беды многия нанесены), бога ради не пренемогайте в скорбех, возвержите на господа печаль свою и той вас препитает, по пророку глаголющу: «отец мя и мати остависта, господь же восприимет, понеже бо вся в руце господеви, яко чаша уклони от сия, в сию смиряет, а сею возносит, никтоже бо приемлет честь от себе, но званный от бога, дает бо власть, ему же хощет, и воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, посадити его с князи людей, а престол славы наследует ему». А докудова вас бог помилует, свободит от бед, и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, а земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была: ино то вам прибылняе. А ты, Иван сын, береги сына Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, Ивана сына, а своего брата старейшаго, докудова строитель, уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебе б льзе прокормити было, и оба вы есте жили заодин и во всем устроивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал и берег и любил и жаловал его и добра ему хотел во всем так, как себе хочешь, и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом молотшим, и в худе и в добре один человек, занеже единородныя есть у матери своей. И вы бы сами о себе прибежище положили, якоже рече Христос во святом Евангелии: «идеже собрани аще два или три во имя мое, ту есмь аз посреде их»; и аще Христос будет посреде вас, для вашея любви, и никто может вас поколебати, вы будете друг другу стена и забрало и крепость. К кому ему прибегнуть и на кого уповать? Ты у него отец и мать, и брат, и государь и промысленник. И ты б его берег и любил и жаловал, как себя; а хотя будет в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату твоему Федору на уделе: и ты б удела его под ним не подъискивал, а на него лиха ни с кем не ссылался; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал: занеже аще кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилакотна гроба не может избежати, и тогды то все останется, по господней притчи, ему же угобзися нива, иже хотяще разорити житницы и болшая создати,

к нему же рече господь: «безумне! в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал, кому будет»? А ты б любовь нелицемерную держал к брату своему, а к моему сыну Федору, яко же рече божественный апостол Павел: «любы не завидит, любы не гордится, любы не злообразуется, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, все уповает, вся терпит, любы николиже отпадает»; якоже рече той же апостол: «аще кто о ближних своих не промышляет, веры отверглся и есть невернаго горши». А ты, сыне мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место отца своего, и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем и добра хоти ему, как мне, родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы еси жил так, как из моего слова; а будет благоволит бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на ево лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Иваном был в лихе и в добре один человек; а докуды и по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего, и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин, и с его бы еси изменники и с лиходеи никоторыми делы не ссылался; а будет тебе учнут прельщать славою и богатством и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюд того не делал и из-Ывановой сыновниной воли не выходил, как Иван сын тебе велит, так бы еси был, а ни на что бы еси не прельщался; а где тебя Иван сын пошлет на свою службу, или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит; а где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег того наикрепко, смотрел бы еси правды, а напрасно бы еси не задирался и людским бы еси вракам не потакал: занеже аще кто множество богатства или земли приобрящет, а трилакотнаго гроба не может избежати, и тогда то все останется, токмо едина дела, что сотворихом, благо ли, или зло. И ты б сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, держал в мое место, отца своего, честно́ и грозно, и надежду бы еси держал во всем на бога да на него, и ни в чем бы еси ему не завидел, занеже единородные есте у своей матери; и вы б сами себе прибежище положили, якоже рече Христос во святом Евангелии: «идеже собрани два или три во имя мое, ту есмь и аз посреде их»; и аще Христос будет посреди вас, для вашия любви, ино кто может вас поколебать? Он тебе стена и забрало и рать и крепость; к кому тебе прибегнуть и на кого уповать? Он тебе отец и мать, и брат старейший, и государь, и промысленик. И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был и добра ему хотел и во всем так, как мне и себе, и во всем в воли его буди до крови и до смерти, ни в чем ему не прекослови; а хотя будет на

тебя Иванов сыновен гнев, или обида в чем-нибудь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был, и рати никакой ни вчинял, и собою ничем не боронился, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изволил и жаловал тебя во всем, по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо — и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж, совсем бы еси печаль на радость преложа положил на бога; занеже всяким неправдам местник есть бог. И ты б, Иван сын, с братом своим молодшим, а с моим сыном Федором, жил в любви и в согласии заодин во всем, по моему приказу. И вы б, дети мои, Иван и Федор, жили в любви и в согласии заодин, и сей мой наказ памятовали крепко; аще бо благо учнете творити, вся вам благая будет, аще ли злая сотворите, вся вам злая сключатся, якоже речено бысть во Евангелии: „аще кто преслушает отца, смертию да умрет“».

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

Первое послание Грозного Курбскому — самое большое и значительное из произведений царя — до сих пор издавалось только в составе сочинений Курбского: в «Сказаниях князя Курбского», изданных Н. Устряловым (3 издания: в 1833, 1842 и 1868 гг.) и в «Сочинениях князя Курбского» (т. I), изданных в 1914 г. Г. З. Кунцевичем в т. XXXI «Русской исторической библиотеки» (издаваемой Археографической комиссией). Из этих изданий текст первого послания Курбскому перепечатывался в различных хрестоматиях и учебных изданиях [напр. в «Русской классной библиотеке» (изд. под ред. А. Н. Чудинова, вып. XXVIII, СПб., 1902)]; по изданию Г. З. Кунцевича сделан К. Штелином и немецкий перевод послания в книге «Der Briefwechsel Iwans des Schreckliches mit dem Fürst Kurbskij» (herausgegeben von Stählin), Lpz., 1921, в серии «Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte», H. 3.

Включая послание Грозного в состав сочинений его злейшего врага, издатели XIX в. следовали в этом отношении более ранней традиции: и в XVII и в XVIII вв. первое послание царя сохранялось и переписывалось обычно как составная часть сборников, собранных в основном из сочинений Курбского.

Мы не можем с точностью указать, когда впервые было составлено собрание сочинений Курбского, эта своеобразная антология, имеющая вполне определенное политическое лицо (на составе этого собрания мы остановимся ниже), но, повидимому, такое собрание, включающее самые разнообразные сочинения Курбского, могло возникнуть только при жизни или сразу после смерти «государева изменника». Включение царского послания в собрание сочинений Курбского объяснялось, конечно, тем, что послание это было необходимо для пояснения писем

самого Курбского: все второе письмо Курбского построено, как известно, на высмеивании литературного стиля царя: «Широковещательное и многошумящее твое писание прияx и вразумех и познах, иже от неукротимого гнева с ядовитыми словесы отрыгано. . . а наипаче так ото многих священных словес хватано. . . зело паче меры преизлишне и звягливо, целыми книгами, и паремьями целыми, и посланьми! Туто же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни» (А. М. Курбский, Соч., изд. Г. Кунцевичем, Русск. ист. библ., XXXI, стлб. 113). Для того, чтобы продемонстрировать читателю эти «ядовитые словеса», составителю собрания и понадобилось привести послание царя. Именно в собрании сочинений Курбского послание Грозного и получило, конечно, тот «нейтральный» заголовок, под которым оно обычно издается: «Послание царя и великого князя. . . ко князю Андрею Курбскому против его, князя Андреева письма, что он писал из града Волмера» — естественный заголовок для собрания, в котором перед данным посланием было помещено самое «князь Андреево письмо».

Собрание сочинений Курбского не дошло до нас в оригинале XVI в. Но едва ли можно сомневаться, что именно к этому собранию восходит текст первого послания и в многочисленных сборниках сочинений Курбского второй половины XVII в. и более позднего времени (в отличие от недошедшего до нас *собрания сочинений* XVI в. называем их *«сборниками Курбского»*) и в нескольких списках хронографа — тоже не ранее середины XVII в. На общность происхождения первого послания Грозного в «сборниках Курбского» и в хронографе указывает чрезвычайная близость между ними — даже в явных ошибках и искажениях текста. Одинаковый заголовок — «послание. . . против его князь Андреева письма» — и неизменное наличие перед посланием Грозного самого «князь Андреева письма» позволяет считать, что источником для всех этих списков было собрание сочинений «князя Андрея».

Мы уже говорили о том, что беглому князю несравненно более повезло в литературной традиции, чем Грозному. Первое послание царя переписывалось книжниками XVII—XVIII вв. из сочинений его врага; из этого же источника его извлекают издатели XIX—XX вв. Н. Устрялов во всех трех изданиях «Сказаний Курбского» издавал первое послание Грозного по тексту «сборников Курбского»; Г. З. Кунцевич присоединил к тексту «сборников Курбского» (I редакция по его классификации) еще текст хронографа (в качестве II редакции).

А между тем, достаточно внимательного прочтения первого послания Грозного по изданию Устрялова и Кунцевича, чтобы усомниться в том, что враждебная царю литературная традиция сохранила его сочинение в исправном виде. Текст этого послания изобилует множеством неясных, сомнительных и просто нелепых мест: исследователям приходилось

затрачивать немало остроумия для их истолкования и осмысления. Так, например, уже в начале послания мы читаем странный вопрос к Курбскому: «или мнишеся, яко ты еси Авенир сын Ниров, есть храбрейший возрастом?» (стр. 79); говоря о библейском царе Давиде, Грозный задает не менее странный вопрос: «како убогих [в других списках — «убих»] причительных в вотчинники?» (стр. 81); рассказывая об истории Византии, царь замечает: «Во царство Дикотра Драчанина не больми нача оскудевати»; говоря о разных видах монашеской жизни он почему-то прибавляет: «се убо указах ти, како благо есть нам на грех сидети» и т. д.

Еще более странные вещи обнаруживаются в том месте послания, где царь рассказывает о своих разногласиях с «избранной радой» по вопросам внешней политики. Повествуя о начале Ливонской войны, Грозный восклицает: «Како же убо воспомяну о германских градех супротивъсловия попа Селивестра восхищати может иже Сидору [в других списках: «сиру и»] вдовица, суду не внемлюще, их же вы, желающе на християнство злая, составляете!» (стр. 109). Эта фраза своей непонятностью уже привлекала внимание исследователей. Особенную популярность в исторической литературе приобрело толкование ее, данное Н. Устряловым: по его мнению, вторая половина фразы представляет собой слова Сильвестра, который, заступаясь за Ливонию, называл ее «сирой вдовицею» (Устрялов, Сказания А. М. Курбского, 1868, прим. 277; ср.: Штелин, ук. соч., стр. 76). Однако даже если принять это объяснение, дальнейший текст будет попрежнему вызывать наше недоумение. Всякий, кто внимательно читал первое послание Курбскому, знает, что ответ Грозного по своему расположению точно следует вызвавшей его «эпистолии»: царь иногда отвечает кратко, иногда очень пространно,[1] но никогда не нарушает порядка изложения у Курбского, так что письмо последнего (см. ниже, стр. 534) может как бы служить оглавлением к посланию царя. В разбираемом месте царь отвечал на вопрос: «не претвердые ли грады ерманские (ливонские)» завоевали казненные им бояре? Далее, следуя порядку изложения оригинала, он должен был бы ответить на вопрос: зачем он «всеродно погубляет» единомышленников Курбского? Вместо этого мы, однако, читаем дальше в послании царя, что он знает «Антихриста», но что у него нет никакого советника, рожденного от «преблужения» и что Курбский сам достоин названия «аммонитянина и моавитянина» (см. стр. 109). Что означают эти замечания? Только про-

---

[1] Грозный иногда допускает значительные *отвлечения*, например, в связи с обвинением, что он «облыгает православных», он излагает всю свою биографию, но этим он не нарушает порядка изложения у Курбского, — после изложения автобиографии он переходит к следующему вопросу Курбского: зачем он «прелагает свет во тьму»; затем переходит к вопросу о вине «христианских предетателей», о покорении «пregордых царств» и т. д.

читав письмо Курбского до конца, мы сможем ответить на этот вопрос: об антихристе, советнике, рожденном от блуда, и аммонитянине Курбский говорит в самом конце своего письма, в приписке (стр. 536). Итак, разбираемое место, находящееся *в середине* послания царя, представляет собой ответ на *конец* послания Курбского.

Но это — не единственная его странность. После замечаний об аммонитянине и моавитянине и характеристики письма Курбского в целом, царь переходит к цитатам и приводит грандиозную по размерам выписку из византийского сочинения «Послание к Димофилу», автором которого считался ученик Христа Дионисий Ареопагит. Выписка эта трактует об уважении к священникам и осуждает грубое обращение с ними. И вот, непосредственно после рассуждения о необходимости подчинения высшему разуму («первоходимому слову»), мы читаем: «Аще бо на жилищих видиши раба владыце и старцу юношу и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию и како убо, лукавого ради напоминания, датся до короля лето цело безлепо лифлянтом збиратись?» (стр. 113). Что это значит? Алексеем царь на протяжении всего письма называет Адашева; Адашева и «всех вас» (Курбского и других), естественно, можно было обвинять и в попустительстве «лифлянтам», но как могло это обвинение оказаться в тексте Дионисия Ареопагита? Автор сочинения, подписанного этим именем, жил, по мнению исследователей, в V в. н. э. — естественно поэтому, что ни об Адашеве, ни о «лифлянтах» говорить он не мог. Где же кончаются слова Ареопагита и начинаются слова самого царя? К счастью для нас, процитированное царем сочинение Дионисия мы можем найти и вне послания царя — в составе памятника, из которого Грозный, по всей вероятности, его и заимствовал — в Четиях-Минеях. В Четиях-Минеях мы читаем текст «Послания к Димофилу» Дионисия в том же переводе с греческого, что и у Грозного, и легко можем найти интересующее нас место; после рассуждения о необходимости подчиняться «первоходимому слову», мы читаем здесь: «аще бо на торжищах видеши раба владыце и старцу юношу или сыну отцу досаждающе вкупе».[1]

Итак, начало фразы: «аще бо на жилищих [ошибка — вместо «торжищах»] видеши раба владыце и старцу юношу», есть кусок фразы Ареопагита, каким-то образом соединившийся с фразой Грозного об Адашеве и «лифлянтах» («и Алексея и всех вас»). Но где же продолжение и конец фразы Ареопагита? В тексте «сборников Курбского» мы его не найдем, но если мы обратимся к тому тексту послания, который сохранился

[1] Великие Минеи Четии, октябрь 1—3, изд. Археографической комиссии, СПб., 1870, стлб. 759 (при исправлении явных ошибок в тексте Ареопагита мы пользовались текстом Миней). Кунцевич в своем издании приводит (в подстрочном аппарате) текст Дионисия Ареопагита, но не по Четиям-Минеям, а по греческому подлиннику и переводу на современный русский язык.

в составе хронографа, то, дочитав этот текст почти до конца, найдем продолжение интересующей нас фразы: «или сыну отцу досаждающу вкупе» и далее весь остальной текст Ареопагита, имеющийся в Четиях-Минеях.[1]

Ясно, что перед нами результат какой-то случайной путаницы в тексте: Грозный мог, конечно, цитировать Дионисия Ареопагита в разбивку и в разных местах своего послания, но, находясь в здравом уме, он не стал бы при этом бессмысленно разрывать фразу на куски, присоединяя эти куски к обрывкам (столь же бессмысленным) своих собственных фраз («и Алексея и всех вас»). Очевидно, цитата из Ареопагита оказалась разорванной уже после написания послания: как это нередко бывало со старинными рукописями, часть страниц послания попала не на место. Какая же из двух частей этой цитаты находится не на своем месте: та ли, которая в *середине* послания, или та, которая в *конце*?

Если мы вспомним, что первая половина цитаты из Ареопагита, находящаяся в *середине*, примыкает к куску текста, и без того отличающегося странностями, — к тексту, по смыслу соответствующему *концу* послания Курбского, то у нас, естественно, возникнет предположение, что весь этот кусок послания находится не на месте: несколько страниц заключительной части первого послания Грозного с ответом на приписку и цитатой из Ареопагита [от слов «восхищати может иже Сидору вдовица» (стр. 109) до слов «. . . раба владыце и старцу юношу» (стр. 113)] видимо попали по ошибке в середину послания.

Обнаруженная нами перестановка текста наблюдается и в «сборниках Курбского» и в хронографе; следовательно, эта перестановка имела место уже в их общем протографе — собрании сочинений Курбского XVI в. Очевидно, список первого послания, попавший в руки составителей этого собрания был дефектным, — не забудем, что собрание сочинений Курбского составлялось за рубежом и что составители его, желавшие продемонстрировать своим читателям «ядовитые словеса» «великого князя Московского», едва ли испытывали какой-либо пиэтет по отношению к царскому сочинению и особенно беспокоились о точности его передачи.

Итак, основной текст первого послания Курбскому, изданный Н. Устряловым и Г. З. Кунцевичем, неизбежно вызывает у нас сомнения. Правда, наряду с текстом «сборников Курбского» и хронографа Г. З. Кунцевич опубликовал в своем издании еще один текст первого послания (названный им III редакцией), текст, о котором можно предполагать, что он независим от собрания сочинений Курбского. Текст этот отличается от текста «сборников Курбского» и хронографа прежде всего заголовком, несравненно более подобающим письму Грозного, чем ней-

[1] См. текст редакции хронографа в издании Кунцевича (Курбский, Сочинения, стлб. 106).

тральное «послание. . . против. . . князь Андреева письма»: «Лета 7072-го, царево государево послание — все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея с товарищи о их измене». Однако при обращении к содержанию этой редакции послания мы испытываем разочарование: перед нами, как справедливо заметил в своей статье о редакциях первого послания П. В. Вилькошевский,[1] не то «широковещательное» письмо — с «ядовитыми словесами» «о постелях, о телогреях», которое вызвало язвительный ответ Курбского, а какое-то сокращение этого письма. Сокращение это, вероятно, больше удовлетворяло каноническим литературным правилам XVI в., чем более известный вариант послания, — все личные моменты, вызывавшие насмешки Курбского, здесь удалены, излишне длинные цитаты сокращены, но для нас этот текст почти не имеет ценности: вместе со всем «светским» элементом удалено почти все, касающееся истории и политики Грозного; остались, в сущности, одни цитаты из священного писания и обвинения в «погублении души».

Таким образом, ни один из изданных до сих пор списков не отражает первоначального текста первого послания: это — либо списки враждебной традиции, либо краткая редакция послания. Перед издателями посланий Грозного вставала поэтому задача привлечения новых списков, содержащих полный текст послания, не искаженный враждебной традицией. Задачу эту в значительной мере удалось осуществить: при подготовке этого издания автору настоящего обзора удалось найти и привлечь к изданию два новых списка, которые, повидимому, содержат послание в его первоначальном (или близком к первоначальному) виде.

Все известные нам теперь списки первого послания Курбскому могут быть разбиты на пять групп (I—V).

I группа включает два списка — оба, впервые публикуемые в настоящем издании.

Первый из этих списков — рукопись Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погодинское собрание, № 1567 (в четверку). Это — сборная рукопись, сплетенная из нескольких тетрадей, писанных на разной бумаге и разными почерками. В первую тетрадь сборника входят следующие произведения: послание Курбского в Псковско-Печорский монастырь старцу Вассиану [это послание, написанное Курбским уже в эмиграции в 1564—1565 гг. и многими местами совпадающее с его посланием к царю, издано

[1] К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг., вып. XXXIII, Л., 1926, стр. 74. — Вилькошевский, однако, не обратил внимания на заголовок этой редакции и на другие черты первоначальной традиции в ней (см. ниже, стр. 557). На заголовок этой редакции обратил внимание И. У. Будовниц (Русская публицистика, стр. 286).

Г. З. Кунцевичем (Сочинения Курбского, стлб. 405)], первое послание Курбского царю, послание Тимохи Тетерина и Марка Сарыхозина боярину М. Я. Морозову, послание гетмана Полубенского Шабликину и Огибалову (у Кунцевича см. стлб. 495—496) и, наконец (начиная с л. 12 по л. 53 об.), первое послание Грозного Курбскому. Послание Грозного обрывается (вместе с первой тетрадью сборника) на середине; в сохранившейся части текста имеется один дефект (впрочем, мало существенный): л. 27—27 об. (нынешней пагинации) при переплете попал не на место — он должен находиться между л. 19 об. и л. 20. В других тетрадях сборника находятся: три послания, приписываемые Сильвестру, послание Спиридона-Саввы о Мономаховом венце и отрывок (XVI в.) о венчании на царство всероссийское. Из произведений, находящихся в первой тетради сборника, два (помимо первого послания царя) представляют особый интерес для нашего издания: первое послание Курбского послужило поводом для первого (и второго) послания к нему царя; послание Тетерина, хотя оно было адресовано Морозову, также вызвало (в 1577 г.) печатаемое в настоящем издании послание Грозного. Ввиду того, что для понимания указанных посланий необходимо знать первое послание Курбского и послание Тетерина, мы приводим здесь их текст по Погодинскому списку (текст послания Курбского сильно отличается в Погодинском списке от других списков, и, судя по цитатам, содержащимся в первом послании Грозного, он в большинстве случаев лучше остальных списков воспроизводит оригинал):

«Царю, от бога препрославленному, паче во православии пресветлу явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротивным обретесь. Разумеваяй да разумеет совесть прокаженну имуще, якова же ни во безбожных обретается. И болши сего глаголати о всем по ряду не попустих моему языку; но гонения ради прегорчяйшаго от державы твоея, и от многие горести сердца потщуся мало изрещи ти, о царю.

«Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, данных ти на врага твоя, различными смертьми расторгл еси, и победоносную, святую кровь их во церквах божиих пролиял еси, и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси, и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от века муки и смерти и гоненья умыслил еси, изменами и чяровани и иными неподобными облыгая православных, и тщася со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили пред тобою, и чем прогневали тя кристьянскии предстатели? Не прегордые ли царства разорили и подручны тобе сих во всем сотворили, у них же прежде в работе были праотцы наши? Не предтвердые ли грады ерманские тщанием разума их от бога тебе данны быста? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас? Али ты безсмертен, царю, мнишися, и в небытную ересь

прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судье, надежде христьянской, богу начяльному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду, паче же не обинуяся пред гордым гонителем и хотяще изтязати их до власти [1] прегрешения их, яко же словеса глаголют? Он есть — Христос мой, седяше на престоле херувимстем, одесную величествия во превысоких, — судитель межу тобою и мною.

«Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившая ми ся от тобе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи, и понеже горестью еще душа моя объята бысть. И вкупе вся реку конешне: всего лишен бых, и от земли божия тобою туне отогнан бых. И воздал еси мне злая возблагая,[2] и за возлюбление мое — непримирительную ненависть. И кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смышлях и совесть мою свидетеля поставлях, и исках, и зрех мысленне и обращаяся, и не вем себе, и не наидох ни в чем пред тобою согрешивша. Пред войском твоим хожах и схожах, и никоего тебе безчестия приводях; но развее победы пресветлы, помощию ангела господня, во славу твою поставлях и никогда же полков твоих кристьян к чюжим обратих; но паче одоления преславна на похвалу тобе сотворих. И сие ни во едином лете, ни в двою, ни [3] в довольных летех потрудихся, многими поты и терпением; яко мало и рождешии мене зрех и жены моея не познавах, и отечества своего отстоях, но всегда в дальноконных градех твоих, против врагов твоих, ополчяхся и претерпевах естественныя болезни, имже господь мой, Иисус Христос свидетель; паче же учящен бых ранами от варварских рук в различных битвах, и сокрушенно уже ранами все тело имея. Но тебе, царю, вся сия ни во что же бысть.

«Но хотех рещи вся по ряду ратные мои дела, их же сотворих на похвалу твою, но сего ради не изрекох, зане лутчи един бог весть: он бо, бог, есть всим сим мъздовоздаятель, и не токмо сим, но и за чяшу студеные воды. И еще, царю, сказую ти и х тому: уже не узриши, мню, лица моего до дни Страшнаго суда. И не мни мене молчяти ти о сем: до дни скончяния живота моего буду безпрестанно со слезами вопияти на тя пребезначяльной троицы, в нея же верую; и призывая в помощь херувимского владыку, матерь, надежу мою и заступницу, владычицу богородицу, и всех святых, избранных божиих, и государя моего князя Федора Ростиславичя.

«Не мни, царю, ни помышляй нас суемудренными мысльми, аки уже погибших, и избьенных от тебе неповинно, и заточенных, и прогнан-

[1] *В других списках* до влас.
[2] *В других списках* за благие.
[3] *В других списках* но.

ных без правды; не радуйся о сем, аки одолением тщим хваляся: разсеченныя от тебе, у престола господня стояше, отомщения на тя просят; заточенные же и прогнанные от тебе без правды от земля ко богу вопием день и нощь на тя! Аще и тмами хвалишися в гордости своей, в привременном сем и скоротекущем веке, умышляючи на кристьанской род мучительныя сосуды, паче же наругающи и попирающи ангельский образ, и согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы бесовские, согласным твоим бояргубителем души твоей [1] и телу, иже и детьми своими, паче Кроновых жерцов, действуют. И о сем, даже и до сих. А писаньеце сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложити, грядущи с тобою на суд бога моего, Иисуса. Аминь. Писано во граде в Полмере, господаря моего, Августа Жигимонта короля, от него же надеян много пожалован быти и утешен ото всех скорбей моих, милостию его господарскою, паче же богу ми помогающу.

«Слышах от священных писаний, хотящая от дьявола пущенна быти на род кристьянский прогубителя, от блуда зачятаго, богоборнаго антихриста, и видех ныне сигклита, всем ведома, яко от преблужения рожден есть, иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили, аки делом антихристу: не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю! В законе господни в первом писано: „моавитин и аммонитин и выблядок до десяти родов во церковь божию не входят", и прочая».

«Тимохи Тетерина.

«Господину Михаилу Яковлевичю Тимоха Тетерин да Марко Сарыхозин челом бьет. Писал еси, господине, Волмер ко князю Олександру Полубинскому; а называеш нас, господине, изменники не по делом, и мы бы, господине, и сами так, уподобяся собаки, умели против лаяти, да не хотим такова безумия сотворити; а были бы, господине, мы изменники тогда, коли бы мы, ни мала скорби не претерпев, побежали или бы от государева жалованья; а то, господине, и так есмя виновати, что есмя не исполнили долго апостольского, паче же христова слова, и не бежали от гонителя, а побежали уже по многих нестерпимых муках и по наругани ангельского образа. И ты, господине, убойся бога, паче гонителя и не зови православных кристьян, без правды мучимых и прогнанных, изменниками.

«А и твое, господине, чесное Юрьевское наместничество не лутчи моего Тимохина чернечества; а был еси, господине, наместником пять лет на Смоленске, а ныне тебя государь одаровал наместничеством Юрьевским с пригородки, что Турской Мутьянского воеводством пожа-

[1] *В других списках* **несогласным твоим бояром, губителем души твоей.**

ловал; а жену и детей у тобя взял в закладе, а доходу тебе не указал ни пула; а велел тобе свою две тысячи рублев занявши проесть, а Полукашиным, господине, будет тебе заплатити нечем. А невежливо, господине, молвити: чяю недобре и верять. Есть у великого князя новые верники: дьяки, которыя его половиною кормят, а другую половину собе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопъстве не пригожалися, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют.

«Да саблю, государю, хощешь на нас доводити, и в том, государь, сердцам зритель, волен бог. Он бо есть, зрит всех вину и правость сердечную. И ты, господи, не спеши, в стрельне сидя шестой год, хвалитися! А бог, государь, за грехи у вас ум отнял, что вы над женами и над детми своими и над вотчинишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите. А сметь, государь, вопросити: каково тем женам и детем, у которых отцов различными смертьми побили без правды? А мы тебе, господине, много челом бьем».

Погодинский сборник был известен Г. З. Кунцевичу, который, как уже указано, напечатал по этому сборнику грамоту гетмана Полубенского и использовал его (в вариантах) при напечатании первого послания Курбского царю, послания его старцу Вассиану и послания Тетерина Морозову. Однако Кунцевич не воспользовался этим сборником при напечатании первого послания Грозного Курбскому — очевидно потому, что текст этого послания дефектный (без конца). На том же основании не придал этому списку значения и П. В. Вилькошевский,[1] ознакомившийся с ним только по описанию Г. З. Кунцевича. Для того, чтобы понять всю ошибочность этого решения, достаточно указать на время написания этой рукописи. Первая тетрадь, включающая послание царя, по почерку (см. репродукцию) и водяному знаку [кувшинчик, точно определяемый по Н. Лихачеву (Палеографическое значение бумажных водяных знаков), № 4127=1611—1612 гг.] относится к самому началу XVII в., т. е. она не менее, чем на полвека старше всех до сих пор известных списков послания (все они — не раньше середины XVII в.).

Но достоинство Погодинской рукописи не только в ее древности. Обратившись к тексту первого послания, мы убедимся, что перед нами новая редакция этого послания, существенно отличающаяся от известных до

[1] В своей статье Вилькошевский совсем не разбирает этот список, упоминая его лишь в числе списков «неопределенной редакции», о существовании которых он узнал из рукописных заметок Кунцевича (ук. соч., стр. 75, прим. 1 и 76). Отметим кстати, что перечень списков первого послания, сделанный Вилькошевским, изобилует множеством ляпсусов (напр.: «Рум. муз., № 780» — несуществующий №, неверные ссылки на номера Тихонравовского собрания и т. д.) и может только дезориентировать исследователя. Очевидно Вилькошевский, воспользовавшись рукописными заметками Кунцевича, не попытался проверить их de visu.

сих пор. Уже заголовок послания — «Царево государево послание *во* все его Российское царство на крестопреступников. . .» — сразу показывает нам, что мы имеем дело не с текстом, связанным с традицией собрания сочинений Курбского. Однако это и не текст упомянутой краткой редакции: он нисколько не уступает текстам «сборников Курбского» и хронографа в полноте (и даже превосходит их), и «светские» места здесь не опущены.

В том, что Погодинский список восходит к более раннему протографу, чем известные до сих пор списки, легко убедиться, если систематически сопоставить текст этого списка с другими списками. Погодинский список сильно отличается от всех остальных, и почти всегда он дает более осмысленные и исправные чтения. Особенно ясно это обнаруживается на цитатах (из Библии и «отцов церкви»), в изобилии встречающихся в тексте первого послания: там, где в других списках текст был искажен настолько, что редактору издания 1914 г. Г. Кунцевичу приходилось восстанавливать его по первоисточникам (печатая также восстановленные по Библии и другим памятникам места курсивом), мы в Погодинском списке читаем правильный текст, соответствующий источнику [например конец цитаты из послания ап. Иакова (ср. в нашем издании стр. 83 и 23), из книги пророка Исайи (стр. 86 и 25) и др.]. Погодинский список устраняет и разъясняет десятки бессмысленных мест, имеющихся в других списках: например, вместо упомянутого выше загадочного утверждения, что библейский царь Давид «убогих причитательных в вотчинники», мы читаем здесь иронический вопрос к Курбскому (о жертвах Давида): «как убо сих причитаеши в мученики?» (стр. 81 и 19); вместо вопроса Курбскому: «или мнишеся, яко ты еси Авенир сын Ниров, храбрейший возрастом? Или еже такие писания злобесным своим обычаем нечестия сотворяете?», читаем: «или мнишеся яко ты еси Авенир сын Ниров, храбрейший во Израиле, еже такие писания злобесным обычаем. . . писати?» (стр. 79 и 17); искаженное имя библейского жреца «Лия» читается здесь правильно «Илья» (стр. 85 и 23); три сына императора Константина, которые в других списках именуются одинаковым именем «Констянтин», здесь правильно названы «Констянтин, Констянтий и Конста» (стр. 85 и 24); имя короля «фрягов» — «Карул» (Карл), пропущенное во всех остальных списках [и восстанавливавшееся Устряловым по догадке (см.: «Сказания кн. А. М. Курбского», изд. 1868 г., прим. 242)], здесь читается (стр. 87 и 26), и т. д.[1] Но Погодинский список не только помогает нам значительно исправить текст

[1] Более правильным представляется нам и чтение Погодинского списка «играм быти» вместо «имый гро́м бытие» в других списках (ср. стр. 77 и 15). — см. об этом «Комментарии», прим. 11.

первого послания Грозного Курбскому. Список этот дает нам и два совершенно новых отрывка первого послания, пропущенных во всех других списках и до сих пор неизвестных. Первый из этих кусков относится к рассказу об истории Византии, приводимому царем в доказательство недопустимости подчинения царской власти «епархам и сигклитам». После описания царствования Льва Великого, в других списках послания читается загадочная фраза: «Во царство Анастасия Дикотра Драчанина не больми нача оскудевати», а после этой фразы следуют обличения каких-то «людей сих» и библейская цитата (стр. 85). В Погодинском списке мы читаем «Во царство Анастасия Дикорота Драчянина болми начя оскудевати греческая вера и власть», и после этого идет изложение византийской истории VI—VII в. н. э., отсутствующее в других списках (стр. 24). Заканчивается этот отрывок указанием на то, что, несмотря на военные поражения Византии при Юстиниане («Иустине») Курносом, «епархи и сугклиты» не перестали «меж собя ратоватися», после чего естественно звучат энергичные замечания про «людей сих», имеющиеся и в других списках.

Еще интереснее другой отрывок из первого послания Курбскому, сохранившийся только в Погодинском списке и впервые печатаемый в настоящем издании. Он примыкает к тексту послания, говорящему о разнице между отшельничеством, монашеством, духовной и светской властью. Во всех других списках, кроме Погодинского, после фразы «разумей разнство постническому и общежительству, очима видел еси и отселе можешь разумети» следует библейская цитата против «владения многих» (стр. 88). У исследователей создавалось впечатление, что Грозный специально хочет подчеркнуть разницу между отшельничеством («постничеством») и монашеским «общежитием» [Жданов (ук. соч., стр. 150) делал даже из этого далеко идущие выводы об идеологии Грозного вообще]. В Погодинском же списке мы читаем: «разумей разньство посничеству и общежительству и святительству и царьству»; после этого следует очень яркое противопоставление царской власти — духовной (царь не может, по евангельскому завету, если его ударят в «ланиту», подставлять другую), а затем начинается совершенно новый сюжет: царь полемизирует с желанием Курбского и его единомышленников «на градех и властех совладети», т. е. восстановить систему наместничества времени «боярского правления» (стр. 27). Именно к этому острому вопросу и относится библейская цитата против «владения многих». Таким образом, несмотря на дефектность текста первого послания в Погодинском списке (до нас дошло не больше половины послания), этот список оказывается чрезвычайно ценным при издании первого послания.

Вопрос о происхождении Погодинского сборника (точнее, интересующей нас первой тетради этого сборника) может быть, конечно, решен

только предположительно. Очевидно, составитель его не стремился специально подобрать сочинения Курбского или царя. Заметим, что в круг его внимания попали, наряду с посланиями обоих этих лиц, еще послание Курбского в *Печерский монастырь*, послание Тетерина *юрьевскому* воеводе и послание Полубенского двум лицам, также находившимся в *Юрьеве* (см.: А. М. Курбский, Соч., стр. 497). Все это ведет нас к одному району [Юрьев (Тарту) и Печерский монастырь (Петсери) находятся, как известно, поблизости]. Не из этого ли пограничного с польской Ливонией района, откуда бежал Курбский, и точнее — не из Печерского ли монастыря (с которым, как свидетельствует его грамота Вассиану, он сносился и после бегства) происходит наш сборник?

Так это или нет, во всяком случае Погодинский сборник явно независим от собрания сочинений Курбского, составленного в Польско-Литовском государстве, и текст послания царя, содержащийся в нем, восходит к более раннему протографу, чем текст «сборников Курбского» и хронографа (см. генеалогическую схему списков первого послания), — вероятнее всего к официальному тексту, посылавшемуся «во все Российское царство» (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печера).

Погодинский список — наиболее ранний и наиболее исправный из всех существующих списков первого послания Курбскому. Но список этот, как уже указано выше, не имеет конца. Текст его обрывается на известии о возвышении Сильвестра (стр. 37). К счастью, мы можем восполнить этот недостаток благодаря другой находке: второму списку той же редакции.

Второй из списков этой группы находится в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в собрании Археографической комиссии, № 41. Это — сборная рукопись, состоящая из разных тетрадей, написанных разными почерками на однотипной бумаге. Состав сборника: отрывок из рассказа Повести временных лет о крещении Руси; летописные заметки, переходящие в разрядные записи до 1589 г. (царствование Федора Ивановича); первое послание Грозного Курбскому (без начала — л.л. 254—359 об.); хронограф 2-й редакции (1617 г.), также без начала. Первое послание в этом списке представляло, повидимому, когда-то отдельную рукопись, так как оно имеет особую древнюю нумерацию листов (по тетрадкам), так же как следующий за ним хронограф (по листам).

Список Археографической комиссии, так же как Погодинский, не был издан. О нем не упоминают ни Н. Устрялов, ни Г. З. Кунцевич,[1]

[1] В рукописных заметках Г. З. Кунцевича, использованных П. Вильнотевским, эта рукопись, очевидно, не упоминалась, так как о ней ничего не сообщает Вильношевский (ук. соч., стр. 75—76).

хотя трудно понять, каким образом Г. З. Кунцевич, выпустивший «Сочинения А. М. Курбского» в «Русской Исторической библиотеке», издаваемой Археографической комиссией, не знал о существовании списка, принадлежащего этой комиссии и описанного уже в 1882 г. (Барсуков. Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882). Если игнорирование этого списка Кунцевичем не случайное, а сознательное, то объясняется оно, очевидно, той же причиной, что и игнорирование Погодинского списка первого послания Грозного. Первое послание в списке Археографической комиссии дефектно: оно начинается со второй страницы текста (л. 254 в сборнике), затем следует 16-я страница (л.л. 254 об. — 255), затем 15-я (л.л. 255—255 об.), 14-я (л.л. 255 об. — 256), 13-я (л.л. 256—256 об.) и т. д., в такой же обратной последовательности вплоть до 3-ей страницы (л.л. 260 об. — 261); после чего с л. 261 следует 17-я страница текста и дальше весь текст в нормальной последовательности. Причина этой путаницы ясна: в руках переписчика был, очевидно, экземпляр, где первые 16 страниц были оторваны, причем первый лист был потерян, а остальные перевернуты в обратном порядке; добросовестный, но не слишком догадливый писец механически переписал их, не беспокоясь о получающейся бессмыслице (имевшаяся у него рукопись не совпадала по формату с дошедшей до нас, и концы страниц отыскиваются теперь в середине листов нашей рукописи).

Точно так же, как и в случае с Погодинским списком, дефектность списка Археографической комиссии ни в какой мере не может служить препятствием для привлечения этого списка. Как и Погодинский список, список этот древнее всех остальных: судя по почерку (см. репродукцию) и водяным знакам (лилия с буквами *MD* под нею и кувшинчик с буквами *VB* — точно по Лихачеву не определяется), он относится к первой половине и даже, скорее всего, к первой четверти XVII в. Но еще важнее — текст первого списка. Перед нами — несомненно та же первоначальная, не связанная с враждебной традицией (учтем, что послания Курбского в этом списке вообще нет!) редакция первого послания, что и в Погодинском списке. Заголовок послания (как и вся первая страница) здесь, правда, не сохранился, но достаточно просмотреть весь дальнейший текст (слова Грозного о царе Давиде, об Авенире и т. д.), чтобы убедиться в полном тождестве списка Археографической комиссии с Погодинским. Здесь имеются и выпущенные в других списках куски текста: из истории Византии, о различии царской и духовной власти и т. д.

Принадлежа к той же редакции, список Археографической комиссии несомненно написан худшими переписчиками, чем Погодинский список. Уже отмеченная выше путаница в начале послания не говорит

в пользу этого списка; в дальнейшем тексте (написанном, правда, другой рукой, чем первые листы) также немало изъянов: пропусков букв, целых слов, иногда прямых искажений (так, например, сходные имена сыновей императора Константина здесь также слиты в одно «Констянтин», хотя несколько иначе, чем в большинстве списков: «чяда его разделиша власть: Констянтин же в Риму, Констянтин же в Долматии»). Переписчики списка Археографической комиссии и сами, повидимому, не переоценивали своих палеографических способностей: не разобрав то или иное слово, они нередко оставляют в соответствующем месте рукописи пробел.

Для первой половины послания, сохранившейся в Погодинском списке, список Археографической комиссии имеет относительно второстепенное значение — лишь в нескольких местах он помогает исправить описки Погодинского списка. Но для второй половины послания, где у нас имеются только списки, связанные с традицией Курбского (или фрагменты текста в краткой редакции), значение этого списка едва ли можно переоценить. Несмотря на свои дефекты (и даже вопреки им) список Археографической комиссии помогает исправить и восстановить множество мест в до сих пор известном тексте послания. Тексты цитат (из Григория Богослова и Дионисия Ареопагита) здесь значительно ближе к подлинникам, чем в других списках (ср. стр. 116, 51 и 112, 65). Вместо непонятной фразы: «Безсмертен быти мнявся, понеже смерть Адамский грех» (стр. 114) мы читаем здесь «Безсмертен быти не мнявся» — оправдание царя против обвинения Курбского, что он «мнит себя бессмертным» (стр. 49); вместо «сие же мнях у подлежит, еже человеком яко скотом быти» (стр. 114) — «сие же смеху подлежит» (стр. 50) и т. д. Уже Н. Устрялов обратил внимание на замечание Грозного по поводу поведения бояр под Казанью: «И тако ли прегордые царства разоряете, еже народ безумными глаголы наущати и от брани отвращати, подобно Юношю Угорскому?». Устрялов (ук. соч., прим. 275) предположил, что царь намекает на одного из героев русской сказки «Дракула Мутьянский воевода». И. Н. Жданов (ук. соч., стр. 115—116), не соглашаясь с этим толкованием, предположил вместо этого, что «Юноша Угорский» это «Януш Угорский» — венгерский магнат Ян Заполя. В Археографическом списке мы находим подтверждение этой гипотезы: там прямо читается «подобно Янушу Угорскому» (стр. 47).

Еще более интересное дополнение дает список Археографической комиссии к известному ответу царя на угрозу Курбского «не явить» ему своего лица до Страшного суда: «Кто же убо восхощет — таковаго ефиопъскаго лица видети?»(стр. 121). Смысл этой фразы, воспринимавшейся историками как простая полемическая грубость, становится понятным из дальнейшего текста нового списка: «Где же убо кто обрящет мужа прав-

дива, иже серы очи имуща? Понеже вид твой злолукавый нрав исповедует» (стр. 57). После этого следует также совершенно новый текст, являющийся ответом на другую угрозу Курбского: «А еже убо не хощеши молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и пречистой владычицы богородице и всем святым, воспомяни же к сему, окаянне, аще бы праведне молился еси, рече на нас в послании божественнаго [Дионисия] о Поликарпе епискупе. . .». Дальнейший рассказ отличается некоторой композиционной запутанностью: в доказательство недопустимости «молится за погибель» кого бы то ни было, царь приводит два сходных рассказа о «святых мужах» Карпе и Поликарпе, дважды сопровождая их одинаковым заключением: «И аще убо такова праведна и свята мужа и праведне молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебе, пса смердяща. . . не послушает. . .». Вряд ли можно, однако, считать эту композиционную запутанность (встречающуюся, как мы увидим, и в списках хронографической редакции) делом рук переписчика списка Археографической комиссии: соединение двух сходных рассказов и повторение одинакового заключения могло иметь место и в оригинале послания Грозного (см. об этом ниже, в комментарии к первому посланию, прим. 51).

И, наконец, список Археографической комиссии помогает разрешить поставленный выше вопрос о первоначальном порядке изложения в середине и конце послания Грозного. Мы уже обратили внимание на загадочное место в средней части послания: начав говорить о «супротивословии» Сильвестра против Ливонской войны, царь затем упоминает зачем-то сирую вдовицу и дальше следует текст, по смыслу относящийся к заключительной части послания. Мы высказали уже предположение, что текст этот попал в середину послания по ошибке — из-за перестановки страниц.[1] Список Археографической комиссии полностью подтверждает это предположение. Весь текст, от слов «восхитити возможет, иже сиру и вдовице» и кончая словами «Аще бо на торжищих видиши рабы владыце и старцу юношу», действительно находится здесь в конце (стр. 62—67), а читаемые в разных местах других списков концы фраз: «Како же убо воспомяну о гермонских градех супротивословие попа Селивестра. . .» и «. . . и Алексея и всех вас на всяко время» слиты в одну, вполне понятную и осмысленную фразу: «Како же убо воспомяну о гермонских градех супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, и како убо, лукавого ради напоминания Датц[к]ого короля лето цело дасте безлепа рифлянтом збиратися?» (стр. 49). Речь

[1] У автора настоящего обзора это предположение возникло еще до ознакомления со списком Археографической комиссии, найденным уже после того, как вся работа над изданием была окончена.

идет, конечно, о перемирии с Ливонией, заключенном согласно ходатайству датского короля в 1559 г. по докладу Алексея Адашева. Дальнейший текст также вполне последователен: царь продолжает обсуждение ливонского вопроса, затем переходит к вопросу о том, действительно ли он «всеродно погубляет» собратьев Курбского, и далее вплоть до конца неизменно следует порядку изложения в письме Курбского, Замечание о сирой вдовице оказывается частью характеристики Польско-Литовского государства (стр. 62), а кусок фразы Дионисия Ареопагита примыкает к другому куску той же фразы (стр. 67).

Таким образом, Погодинский список и дополняющий его список Археографической комиссии представляют собой списки первоначальной редакции первого послания Грозного Курбскому. Естественно поэтому, что в настоящем издании мы используем именно текст этих списков для перевода и комментария к посланию (издавая наряду с ним также текст «сборников Курбского» и краткой редакции). Текст Погодинского списка (в разночтениях — *П*), как более исправный, мы принимаем за основу вплоть до его окончания; дальше в основу кладется текст списка Археографической комиссии (в разночтениях — *К*).

II группа представлена четырьмя списками:

1) Хронограф из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 165 (б. собр. Толстого, I. 65; в лист). По почерку (скоропись) и водяным знакам (герб Амстердама — Лихачев, № 3547 = 1687 г.) относится к последней четверти XVII в. Состав рукописи: хронограф, доведенный до воцарения Михаила Федоровича (в тексте упоминается и о смерти этого царя»);[1] после главы 385 «О взятии Полоцка» следует глава 386 «Об отъезде в Литву боярина князя Андрея Курбского», включающая первое послание Курбского царю и послание Тетерина Морозову; после нее — глава 387 «О послании царя Ивана Васильевича. . . и о взятии литовского города Озерищ», в составе которой (л.л. 673—720 об.) и находится интересующий нас текст послания Грозного (далее следует глава 388, «Об опришнине»).

2) Хронограф из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 198. В изданиях Н. Устрялова и Г. З. Кунцевича не привлекался. Совершенно идентичен

[1] По своему содержанию этот хронограф не совпадает ни с хронографом второй, ни с хронографом третьей редакции по классификации А. Н. Попова: он ближе ко второй редакции, но дополняет ее по другим источникам (ср.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, т. II, стр. 258—262; А. Н. Попов. Изборник славянских и русских статей хронографа, стр. 398—412; С. Ф. Платонов. Древне-русские сказания и повести о смутном времени. Соч., т. II, СПб., 1913, стр. 419—420).

с предыдущим списком не только по составу, водяному знаку и общему характеру почерка (скоропись), но и по индивидуальным чертам почерка, — едва ли можно сомневаться, что оба хронографа писаны одним писцом. Послание Курбскому — на л.л. 659 об. — 707.

3) Степенная книга из Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из собрания Петербургской духовной академии, А 1/91 (в лист). По почерку (полууставная скоропись) и водяным знакам (лев в круглом гербовом щите,— Тромонин, № 926—930=1681 г.) относится к последней четверти XVII в. Состав рукописи: «Степенная книга», 17-я «степень» которой включает статью «Об отъезде в Литву боярина князя Андрея Курбского», первое послание Курбского, послание Тетерина, после которого (без обозначения новой главы, как в хронографе, но с тем же заголовком) — первое послание Грозного (л.л. 588 об. — 628 об.).

4) Рукопись Государственного Исторического музея (ГИМ), Уваровское собрание, 330 (из библиотеки Сахарова). Привлекается в настоящем издании впервые. По почерку (скоропись) и водяным знакам (гербовый щит, приблизительно соответствующий изображению у Тромонина, № 123) относится к середине XVII в. Состав рукописи: первое послание Курбского под заголовком: «Лист, присланный из Лифлянской земли из града Волмера, от князя Андрея Курбского, глава 75»; первое послание Грозного (л.л. 6—57 об.): «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в землю Вифлянскую в град Волмерь ко князю Андрею Курбскому, глава 79». Текст первого послания Курбскому обрывается на последних страницах послания (стр. 68 настоящего издания). Заголовки посланий, написанные на отдельных подклеенных листках, — вероятно позднего происхождения; упоминания «глав» свидетельствуют о том, что текст посланий в Уваровском сборнике заимствован из какого-то хронографа или из Степенной книги. Текст первого послания Курбского совпадает с текстами предыдущих списков этой группы, но содержит ряд ценных разночтений — в нескольких случаях Уваровский список ближе к тексту *К*, чем остальные списки этой группы (напр., в цитате из Дионисия Ареопагита «на торжищах», а не «жилищах», как в остальных списках), иногда текст его является даже более исправным, чем текст *К* (см. разночтения к стр. 54, 56 и 57).

Как уже было указано выше, текст, содержащийся в хронографе и в сходных с ним списках, не может считаться столь же независимым от собрания сочинений Курбского, как текст *ПК*. Об этом говорит и заголовок первого послания в хронографе: «Послание. . . против его князь Андреева письма», и близкое сходство со «сборниками Курбского», обнаруживающееся даже в явных ошибках обеих групп списков. Так, отмеченная нами перестановка текста из конца в середину имеет место

в хронографе точно так же, как в «сборниках Курбского» (но, как уже было указано, заключительная часть цитаты из Ареопагита сохранилась здесь в конце послания, что облегчает возможность восстановления первоначального порядка). Сходство между этими двумя группами дало возможность Г. З. Кунцевичу издать текст хронографа вместе с текстом «сборников Курбского» (в аппарате); только в заключительной части он разделил эти тексты и дал текст хронографа отдельно. Однако текст хронографа и сходных с ним списков имеет и существенные отличия от «сборников Курбского». Начиная, примерно, с рассказов о детстве Грозного (стр. 34 и 94), хронограф систематически дает иные версии первого послания, чем «сборники Курбского», и во всех этих случаях оказывается ближе к *ПК*, чем последние. Хронограф воспроизводит, в частности, притчу о Карпе и Поликарпе, имеющуюся в *К*, несмотря на ее композиционную запутанность, — в хронографе эта запутанность еще усиливается, так как здесь пропущены вступительные слова («а еже не хощеши молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы. . .») и вся притча лишена мотивировки (начинаясь со слов: «глаголаше бо, яко оскорбевше»). Наблюдается в хронографе сходство и с другим текстом, в котором мы можем подозревать близость к протографу, — с краткой редакцией послания.[1] Эту особенность списков хронографической группы мы можем объяснять двояко: позаимствовав послание Грозного из собрания сочинений Курбского, хронограф мог дополнить и несколько видоизменить его по другому тексту, более близкому к оригиналу; возможно однако, что именно хронограф правильно передает текст собрания сочинений Курбского XVI в., а «сборники Курбского» внесли в этот текст новые искажения, еще более отдалив его от подлинника.

Ввиду того, что текст хронографа представляет собой своеобразное соединение текста «сборников Курбского» с текстом *ПК* и не содержит ничего, такого, чего не было бы в этих списках, мы не издаем текста хронографа и сходных с ним списков. Но относительная близость этой группы к *ПК* позволяет нам привлечь эти списки: хронограф F. IV. 165 (в разночтениях *X*; хронограф F. IV. 198 мы в разночтениях не отмечаем, ввиду его полной идентичности с F. IV. 165), Степенную книгу (в разночтениях — *С*) и Уваровский список (в разночтениях — *У*) для отдельных исправлений списков *ПК*; особенно полезными оказываются списки *ХСУ* для второй половины текста — ввиду большого числа мелких описок и погрешностей в *К*.

III группа списков первого послания состоит из многочисленных сборников Курбского. По составу этих сборников III группа может быть разбита на две подгруппы. К первой подгруппе относятся сбор-

[1] Это сходство отметил уже Вилькошевский (ук. соч., стр. 74).

ники, содержащие, наряду с сочинениями самого Курбского, еще некоторые сочинения (Гваньини, Стрыйковского и др.); ко второй — сборники, составленные только из сочинений и переписки Курбского (с включением в нее первого послания Грозного).

К первой подгруппе относятся следующие списки:

1) Рукопись Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве, фонд № 181, дело № 60 (в лист; старый шифр: Гос. Древлехранилище, V отд., рубр. 2, № 18). По почерку (скоропись) и водяным знакам (герб Амстердама) относится к концу XVII в. (в 1690 г., судя по помете, принадлежала стольнику Ф. И. Дивову). Состав рукописи: «История о великом князе Московском» Курбского; первое послание Курбского царю, послание Тетерина Морозову, первое послание Грозного Курбскому (л.л. 123 об. — 176), второе послание Курбского царю, третье послание Курбского, служащее ответом на второе послание Грозного (второго послания Грозного нет!), послания Курбского Константину Острожскому, Козьме Мамоничу и многочисленные послания другим лицам; отрывок из «Описания Московии» Гваньини — «Об обычаях царя и в. к. Ивана Васильевича»; 4-я глава «Хроники» Матвея Стрыйковского, другой отрывок из «Описания Московии» Гваньини и сочинение неизвестного автора — «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань».

2) Рукопись Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. № 1494 (в лист). По почерку (скоропись) и водяным знакам (лев в круглом гербовом щите — Тромонин, № 926—930=1681 г.) относится к последней четверти XVII в. Состав этой рукописи вполне сходен с предыдущей («История о великом князе Московском», переписка Курбского, Гваньини и т. д.); первое послание Грозного — на л.л. 112—173.

С этими списками XVII в. совпадают по составу многочисленные списки XVIII—XIX вв. Не привлекая их, вслед за Г. З. Кунцевичем, к изданию (так как они не содержат никаких ценных разночтений по сравнению с более ранними списками), мы отмечаем, однако, их шифры (не приводя других археографических данных):

3) Государственный Исторический музей (ГИМ), Увар. 242. XVIII в.; состав сходен с предыдущими.

4) ГИМ, Увар. 302. XVIII в.; состав тот же.

5) ГИМ, собрание Барсова, 366. XVIII в.; состав тот же.

6) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, 779. XVIII в.; состав тот же.

7) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 4851. XVIII в.; состав тот же, но отрывок из Гваньини помещен после рассказа о походе на Астрахань.

8) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 1131. XVIII в.; состав тот же, но нет рассказа о походе на Астрахань.

9) Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из новых поступлений, К. п. $\frac{623}{1938}$. XVIII в.; состав тот же (рассказ о походе на Астрахань имеется).

10) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 2211—2212. XIX в. (1803 г.); состав тот же.

11) Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Румянцевского музея № CCXL. XIX в.; состав тот же.

12) Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F. IV. 337; «Похода на Астрахань» нет. Рукопись имеет собственноручные пометки Н. М. Карамзина.

13) Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. п. $\frac{426}{1929}$. XIX в.; «Похода на Астрахань» нет.

14) Рукописный отдел Библиотеки Академии Наук (БАН), Строгановское собрание, 62 (Р. О., 65). XIX в.; «Похода на Астрахань» нет.

Вторая подгруппа представлена только одной рукописью XVII в.:

1) Рукопись ГИМ, Синодальн. 136 (в лист). По почерку (скоропись) и водяным знакам (шут с картушем) относится ко второй половине XVII в. В состав рукописи входят те же сочинения Курбского («История о великом князе Московском», переписка), которые имеются в рукописях первой подгруппы, но других сочинений (Гваньини, Стрыйковского, «Похода на Астрахань») здесь нет. Первое послание Грозного — л.л. 124—178.

Остальные рукописи этой подгруппы относятся к XVIII в.:

2) ЦГАДА, ф. 181, № 282.

3) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание ОИДР, № 115 (119).

4) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 780.

5) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, М. 8991. Вторая половина XVIII в.

6) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. 1492. Рукопись представляет собой третий том трехтомного сборника сочинений Курбского и включает только его переписку.

7) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, новые поступления, К. п. $\frac{445}{1929}$. Рукопись совершенно сходна с предыдущей (третий том сборника сочинений Курбского).

Как мы видим, первая половина текста во всех списках этой многочисленной группы совпадает: сочинения и переписка Курбского содержатся в списках обеих подгрупп, в одном и том же составе и почти в одинаковом порядке. Такое совпадение позволяет предположить, что текст «сборников Курбского» в целом восходит к одному протографу — скорее всего, к упомянутому выше собранию сочинений Курбского. Как уже было указано, такое собрание (включающее в себя многочисленные послания беглого князя к различным адресатам, его богословские и другие сочинения) могло быть составлено, вероятнее всего, при жизни или сразу после смерти Курбского — им самим или кем-нибудь из его сподвижников.

Само собой разумеется, что в состав этого собрания сочинений Курбского могли входить и произведения других авторов (как, например, первое послание Грозного), — условный термин «собрание сочинений» не следует, конечно, понимать в современном смысле слова. Встает вопрос: какая же из двух подгрупп «сборников Курбского» более правильно отражает состав первоначального собрания сочинений — входили ли в состав этого собрания сочинения Гваньини и другие произведения, или они были вставлены в более позднее время?

Текст «Хроники» Стрыйковского, имеющийся в списках ЦГАДА № 60 и Погод. № 1494 (и в сходных списках XVIII—XIX вв.), говорит как будто в пользу второго предположения. Текст этот содержит прямое указание (в списке ЦГАДА — л. 325 об.) на то, что перевод «Хроники» Стрыйковского был сделан «тщанием Андрея Лызлова» в 1682 г. Ясно, что текст этот не мог находиться в составе первоначального собрания сочинений и попал в «сборники Курбского» в конце XVII в.

Но относится ли этот вывод и ко всем сочинениям других авторов, попавшим в «сборники Курбского (первая подгруппа)? Акад. А. И. Соболевский, специально исследовавший язык перевода двух отрывков из Гваньини, содержащихся в сборниках Курбского, пришел к выводу, что перевод этот современен подлиннику (книга Гваньини вышла в Польше в 1581 г.) и «сделан кем-нибудь из беглецов, близких к Курбскому».[1] По содержанию отрывки из Гваньини (один из них специально посвящен описанию «тиранства» Грозного), несомненно, могли быть включены в собрание сочинений Курбского рядом с его «Историей о великом князе Московском»: «Описание всех стран Московии» Гваньини представляет собою памфлет, направленный против Грозного, и своей резкостью вызывавший протесты даже среди иностранцев.[2]

---

[1] А. И. Соболевский. Переводная литература древней Руси, СПб., 1903, стр. 76.

[2] Ср.: Е. Шмурло. Известия Дж. Тедальди о России времени Иоанна Грозного. ЖМНП, 1891, № 5, стр. 132. По сообщению польского королевского секретаря Пётровского, памфлет Гваньини был послан Баторием вместе с ответом на печатаемое

Третье из сочинений, не подписанных именем Курбского, но входящих в сборники его сочинений, — «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань» — также могло входить уже в состав собрания XVI в. Повесть эта довольно давно известна в науке: в 1872 г. она была издана в «Записках Одесского общества истории и древностей» (т. VIII) по списку XVII в., имевшему заголовок: «История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета от создания мира 7185, а от рождения Христова 1677». В статье «Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.» (Историч. записки, № 22, 1947) П. А. Садиков указал, что заголовок этот не верен и что изданная Одесским обществом повесть представляет собою копию XVII в. с написанного современником рассказа о знаменитом походе турок на Астрахань в 1569 г. П. А. Садиков предположил также, что автором этого рассказа был западно-русский шляхтич Тарановский, посланный польским королем к Девлет-Гирею в 1569 г.,[1] — предположение, правильность которого подтверждается при сопоставлении повести «О приходе турецкого и татарского воинства» с источником, оставшимся, повидимому, вне поля зрения исследователя: с «Хроникой Польши» Мартина Бельского.[2] Рассказ Тарановского, содержащийся в этой хронике, действительно дословно совпадает с повестью, — в повести опущены только прямые указания на авторство Тарановского. П. А. Садиков, как и другие исследователи, не обратил также внимания на то, что русский текст повести Тарановского, наряду со списком, изданным в 1872 г., сохранился еще во многих (не менее 10) списках — в «сборниках Курбского». А между тем, при сопоставлении повести Тарановского «О приходе на Астрахань» с другими источниками о походе 1569 г. (донесение Семена Мальцева из Крыма, рассказ, включенный в отчет Новосильцева, русского посла в Турции) мы обнаруживаем в ней некоторые любопытные особенности: Тарановский утверждает, что турецко-татарское войско принуждено было удалиться в результате поражения, нанесенного им русским «воинством» «под справою князя Серебряного», между тем как другие источники ничего не говорят о прямом столкновении турок с русским войском.[3] Эта особенность повести Тарановского кажется нам еще более любопытной, когда мы узнаем, что, расходясь в описании событий 1569 г. решительно со всеми

в настоящем издании послание к нему Грозного. (Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1885, стр. 53; ср.: В. Новодворский. Борьба за Ливонию. СПб., 1904, стр. 219, прим. 3). Сообщение Пётровского устраняет сомнения по этому вопросу И. Н. Жданова (ук. соч., стр. 137), знавшего только известие Гейденштейна и грамоту Стефана Батория.

[1] П. А. Садиков, ук. соч., стр. 141.

[2] Kronika polska M. Bielskiego, t. VII, ks. 5, Warzawa, 1832, стр. 195—212. За указание на этот источник я весьма признателен доценту Ф. Е. Петрунь.

[3] П. А. Садиков, ук. соч., стр. 139—140.

русскими источниками (разрядные книги тоже ни слова не говорят о сражении русской рати с турками под Астраханью), Тарановский сходится в этом отношении с одним иностранным источником, до сих пор неизвестным русским историкам. В донесениях, которые посылал императору Максимилиану II из Польши его агент, аббат Цир,[1] содержится известие о событиях 1569 г., совпадающее с повестью «О приходе на Астрахань»: здесь также говорится о разгроме турецко-татарского войска «московитами». Откуда же черпает свои известия Цир? Судя по донесениям Цира, его осведомителями в русских делах были два русских эмигранта—Владимир Заболоцкий и, главным образом, постоянный собеседник императорского агента, разговорам с которым посвящено множество писем Цира, — «дражайший (carissimus) Курбский». Зачем же Курбскому и его единомышленникам понадобилось распространять известие о победе русских войск, о которой умалчивают источники, написанные на Руси? Дело здесь было, вероятно, не только в том, что «крестопреступники» любили подчеркивать свою враждебность к «бесерменам» (см. выше, стр. 494). Распространяя вести о победе «московитов», осведомители Цира (как и Тарановский) прославляли тем самым и полководца, возглавлявшего войско «московитов» под Астраханью. А это был князь П. С. Серебряный-Оболенский, тот самый «муж нарочит в воинстве», который был казнен в 1570 г., и гибель которого Курбский оплакивал в «Истории о великом князе Московском». Единомышленники Курбского, уже в конце 1569 г. поспешившие осведомить императорского агента о победе Серебряного,[2] естественно, могли включить в состав сочинений Курбского, наряду с его «Историей о великом князе Московском», и повесть Тарановского о военных успехах «нарочитого мужа», казненного «великим князем».

Итак, вопрос о первоначальном составе собрания сочинений не может считаться разрешенным: наряду с сочинениями самого Курбского (и первым посланием Грозного), в эту антологию могли входить и некоторые сочинения, сохранившиеся в первой подгруппе «сборников Курбского». Но какие именно это были сочинения и каков вообще был состав собрания сочинений XVI в. — мы не знаем.

То же самое можно сказать и о тексте первого послания Грозного в этих «сборниках». Текст этот, несомненно, еще дальше отстоит от *ПК*, чем текст *ХСУ*; первоначальный текст царского послания подвергся

[1] Донесение аббата Цира находится в Венском Государственном архиве, Polonica, Bericht Cyrus an Trautson, 26. Nov. 1569. Подробнее об этом источнике см. выше, стр. 493.

[2] Известие Цира о поражении турок не могло основываться на рассказе Тарановского: рассказ Цира о походе на Астрахань содержится в письме от 26 ноября 1569 г., а из донесения того же Цира от 7—8 января 1570 г. мы узнаём, что Тарановский вернулся в Польшу «несколько дней тому назад».

здесь систематической редакторской переработке. Но когда была произведена эта переработка — не известно: она могла быть произведена как редактором собрания сочинений Курбского XVI в., так и редактором XVII в. (в этом, втором случае, как мы уже указали, текст собрания сочинений XVI в. следует искать в списках *ХСУ*).

В литературном отношении текст «сборников Курбского», во всяком случае, имеет определенные преимущества над *ХСУ*. Это относится, например, к упомянутой выше притче о Карпе и Поликарпе. В списках *ХСУ*, как уже указывалось, притча эта столь же композиционно сложна, как и в *К*, и вдобавок начинается прямо с середины. В «сборниках Курбского» притча о Карпе опущена, оставлена только притча о Поликарпе, которая имеет вступительную мотивировку: «А еже речеши, глаголя: воссылати богу о отмщении своем, и сия или не веси, како преподобный Поликарп...» (стр. 121). Большая последовательность и осмысленность этой части текста «сборников Курбского» по сравнению с *ХСУ* дала основание немецкому переводчику первого послания Штелину (ознакомившемуся с этими списками по изданию Кунцевича) сделать вывод о первоначальном характере соответствующего места в «сборниках Курбского» по сравнению с *ХСУ* — рассказ о Карпе в *ХСУ* представляет собой, по мнению Штелина, постороннюю вставку в первоначальный текст Грозного (ук. соч., стр. 95, прим. b). Но мы знаем теперь, что рассказ *ХСУ* есть только испорченный вариант рассказа, читаемого в списке *К*. А рассказ о Карпе и Поликарпе в *К*, при всей своей композиционной сложности, несомненно ближе к первоначальному тексту Грозного, чем в «сборниках Курбского», — чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить вступления в обоих рассказах. В *К* мы читаем: «А еже убо не хощеши молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и всем святым...», — это действительные слова Курбского из его послания царю (см. выше, стр. 535); в «сборниках Курбского» вместо этого — весьма приблизительный пересказ: «А еже речеши, глаголя: воссылати богу о отмщении своем...». Очевидно, литературно сглаженный рассказ о Поликарпе в «сборниках Курбского» — плод редакторской работы: имея перед собой не удовлетворявший его по той или иной причине текст (может быть, такой, какой мы читаем сейчас в *ХСУ*), редактор подверг его стилистической правке.

За счет искажений переписчиков[1] и редакторской правки можно отнести бо́льшую часть отличий «сборников Курбского» от *ПК*. Но есть

[1] Одним из примеров таких искажений может, повидимому, служить текст, читающийся на стр. 106: «Тако и вы прегордые царства... подручны нам сотворили, талавии». Последнее слово Устрялов (ук. соч., стр. 435) переводил как «негодяи». Однако, в списках *К* и *ХСУ* мы читаем вместо этого слова: «*Тако же* нашь промысл, попечение о право*славии*» (стр. 48). Естественно, возникает предположение, что «та-лавии» — это просто начало и конец пропущенной фразы.

в «сборниках Курбского» одно место, которое едва ли можно приписать редакторской руке: это — последний абзац послания, отсутствующий и в *К* и в *ХСУ*. Грозный упрекает самого себя за излишние разговоры с Курбским и цитирует царя Соломона: «з безумным не множи словес». Можно ли предполагать, что это замечание, столь оскорбительное для Курбского, сочинено «в стиле Грозного» кем-либо из редакторов XVII в. или даже составителем собрания сочинений XVI в.? Скорее — это подлинные слова царя. Но тогда почему они не попали в текст *К*? Не следует ли предположить, что, адресовав и разослав свое послание прежде всего «во все Российское царство» (откуда — списки *ПК*), царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра послания «бывшему. . . боярину и советнику и воеводе, ныне же преступнику» и в этот-то экземпляр и приказал вписать дополнительную обиду — «з безумным не множи словес»? [1]

Верно это предположение или нет — во всяком случае существование такой возможности не позволяет нам игнорировать текст «сборников Курбского». Именно поэтому мы и решили в данном издании напечатать этот текст отдельно от текста Погодинского списка и списка Археографической комиссии. При издании первого послания Курбскому по спискам «сборников Курбского» в основу кладется список ЦГАДА (*Ар*); в вариантах привлекается список Погодинский № 1494 (*Пг*) и список ГИМ, Синод. 136 (*М*). При издании этих списков, несомненно уступающих в смысле точности передачи оригинала послания списку *П* с продолжением по *К*, мы в минимальной степени прибегали к исправлениям, стремясь дать представление именно о тексте протографа «сборников Курбского», а не о первоначальном тексте. В связи с этим (а также потому, что в «сборниках Курбского» нет продолжения цитаты из Дионисия Ареопагита) мы не исправляем здесь той перестановки текста из середины в конец, о которой упоминалось выше: место, попавшее, по нашему мнению, в середину по ошибке, остается в середине послания, но отмечается абзацами (без знаков препинания).

[1] Предположение, что текст «сборников Курбского» восходит к экземпляру, посланному Курбскому царем, было высказано уже Вилькошевским (ук. соч., стр. 73). Вилькошевский, однако, при этом предполагал, что текст «сборников» точно передает текст посланного царем экземпляра (так же как текст *ХСУ* точно передает текст оригинала, оставшегося в России) и что, в частности, сам царь, отправляя послание, выпустил оттуда конец цитаты из Дионисия Ареопагита, отсутствующий в «сборниках» (но имеющийся в *ХСУ*). Но мы знаем, что начало цитаты, обрывающееся на словах «старцу юношу. . .» в «сборниках» имеется (см. выше, стр. 113). Ясно, что конец цитаты из Ареопагита выпущен уже тогда, когда эта фраза была разорвана и вторая половина уже находилась вдали от первой: редактор, имевший в руках последовательный текст Ареопагита (как в *К*), а тем более автор, не стал бы обрывать цитату на середине фразы и оставлять текст, завершающийся бессмыслицей.

IV группа списков состоит из списков краткой редакции (3-й редакции, по классификации Г. З. Кунцевича).

1) Сборник ГИМ, Муз. 2524/42797 (в четверку). По почерку (скоропись) и водяным знакам (двойная геральдическая лилия, приблизительно определяемая по Лихачеву, № 4113/4114) относится к XVII в. Состав рукописи: краткий летописец, доведенный до смерти Михаила Федоровича (1645 г.); описание переговоров (легендарных) Ивана IV с турецким султаном и императором Максимилианом II (эта, по выражению Карамзина, «басня» встречается во многих сборниках XVII в.); первое послание Курбского Грозному, первое послание Грозного Курбскому (л.л. 50—72 об.); краткий летописец от 1571 г. до Федора Ивановича; послание Курбского старцу Вассиану (в Печерский монастырь) и др.

2) Сборник Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. 1573 (в четверку) включает ряд тетрадей, написанных разными почерками на разной бумаге. Тетрадь, включающая первое послание Грозного, судя по почерку (скоропись) и водяным знакам (шут с картушем?), относится ко второй половине XVII в. Состав рукописи близок к предшествующей: родословие русских князей, «записка событий» до 1593 г., описание переговоров с турецким султаном и Максимилианом II, первое послание Курбского царю, первое послание Грозного (л.л. 53 об. — 75 об.), послание Курбского старцу Вассиану и т. д.

3) «Степенная книга» из Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук (БАН), 32.8.5 (в лист). Привлекается в настоящем издании впервые. Включает две тетради, написанные на разной бумаге. Тетрадь, включающая послание Грозного, судя по почерку (скоропись) и водяным знакам (шут с картушем — Тромонин, № 649=1644 г.), относится ко второй половине XVII в. Состав рукописи: Степенная книга, начинаемая с середины 17-й степени (Грозный); под 7072 (1564) г. — «Послание великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца на крестопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищи об их измене в Литву» (л.л. 50—60); после окончания послания Грозного летописные известия за 7075 (1567) г. о посылке купцов в «Антроп», «Гурмыз» и «Ангилею» (ср.: Никоновская летопись, ПСРЛ, XIII, 408); житие митрополита Филиппа; повесть «о приходе в Новгород» Ивана IV; «Иное сказание» и другие сочинения о «смуте». Первое послание в этом списке имеет некоторые (небольшие) пропуски в тексте.

4) «Степенная книга» Рукописного отдела Библиотеки ЦГАДА, Древлехранилище, отд. V, рубр. 2, дело № 11. В предшествующих изданиях не привлекалась. По почерку (полуустав) и водяным знакам (шут с картушем и неопределенный знак) относится ко второй половине XVII в.

По составу весьма близка к «Степенной книге» БАН (после послания царя следуют такие же летописные заметки об отправлении купцов); послание Грозного (л.л. 961—975) имеет такой же заголовок и такие же пропуски в тексте.

Краткая редакция дошла в нескольких списках XVIII—XIX вв.

5) Рукописного отдела БАН, 24.5.38. Сборник «Источник нравоучения Аристотелевы», XVIII в.

6) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Румянцевского музея, № CCXL, сборник сочинений Курбского, XIX в

7) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание ОИДР, 645. XIX в.

8) ГИМ, собрание Черткова, № 80. XIX в.

Краткая редакция, как уже указывалось выше, представляет собой своеобразное сокращение полной редакции первого послания. Помимо сокращения (выпущены «светские» места), текст подвергся и некоторой перестановке. Для более ясного понимания структуры краткой редакции мы даем здесь таблицу, указывающую на соотношение ее текста с текстом полной редакции (привлекая для сравнения текст по Погодинскому списку, с продолжением по списку *К*, так как эти списки ближе к краткой редакции, чем «сборники Курбского»):

Текст	Страница краткой редакции	Страница списка *П* с продолжением по *К*
Начало до слов «преступивше крестное целование».	124—126	9—10
«и возъярився на мя. . . сия злобы сотвориши».	126	11
«се убо явственно. . . венец жизни носити» (внутри небольшие отличия).	126	12
«Како не усрамишися. . . и та суть стрелы».	126—127	13
«А еже писал еси. . . вольны же».	127	29—30
«А еже писал еси, аки не хотя. . . и мертвыми обладая».	127—128	50
«Мы же убо христианя. . . имеем предстатели христианскии».	128	45
«Се ли убо горько и тма. . . что сладко и свет».	128	43
«Хто убо тя поставил судью или владетеля. . . Страшнаго суда?».	129	20
«Понеже убо се есть вина. . . царским владетелем неприлично».	129	23

Текст	Страница краткой редакции	Страница списка *П* с продолжением по *К*
«Како же ты, собака, и того не рассудиши?».	129	51
«Станем же о сем разсужение имети. . . сан восхищаеши».	129—130	51
«Яко же в Старчестве. . . божий суд на ся восхищаеши».	130	52—53
«Пророк рече. . . тот тако, а иной инако».	130	28
«[Отвещай ми]:[1] тако ли убо навыкл еси. . . яд отрыгаеши?».	130—131	13—14
«Како же убо ты доброхотных. . . не учинил, что ты».	131	28—29
«[А еже писал еси, яко безсмертен мнюся, и аз] бессмертен. . . долг всем человеком».	132	49
«Яко учительский сан восхищаеши. . . кто устне обуздал».	132	20—21
«[Апостолу Павлу глаголющу]: имуще образ благочестия. . . истинне».	132	22
«Якоже тогда, тако и ныне. . . свою погибель содеваеши».	132	18
«Яко же рече [убо] апостол. . . подовластных своих?».	133	18—19
«И всегда убо царем подобает обозрительным быти. . . месть злодеем».	133	20
«[В послании божественного Дионисия о] Поликарпе [Измирскаго] видение, еже моляшеся на еретиков. . . зане зле просите».	133—134	59
«Что, собака, и болезнуеш. . . множайше сего обрящеши».	134	16—17
«Таково ли благочестие держите. . . конец погибельный обрете».	134—135	17—18
«Вы же изменники. . . сласте рады просите».	135	60
«[Аз же] не о чем же убо не хвалюся. . . колебляся, писал еси» (внутри небольшие пропуски).	135—137	60—63
«Како же не устыдишися. . . и тайными умышлении».	137	19
«[Апостол] Павел, сие дерзнув. . . 7072-го июля в 5-й день».	138	70—71

[1] В прямые скобки берем текст, имеющийся в краткой редакции, но отсутствующий в *К*.

Выше уже указывалась главная причина, не позволяющая считать краткую редакцию первоначальной редакцией первого послания Курбскому: против этого говорит, в первую очередь, то обстоятельство, что ответ Курбского относится не к краткой, а именно к полной («широковещательной») редакции первого послания. Кроме того, краткая редакция, представляя собой набор библейских цитат, имеющихся в полной редакции первого послания, несравненно уступает ей в последовательности и логической стройности: библейские цитаты, лишенные своего «светского» обоснования, нередко теряют смысл (напр. цитата «горе дому, имже обладает жена» без предшествующего текста о желании Курбского восстановить наместничество, — ср. стр. 28 и 130).

Но, не признавая краткую редакцию первоначальной редакцией первого послания Курбскому, мы должны, тем не менее, отметить целый ряд черт этой редакции, говорящих о том, что она независима от собрания сочинений Курбского и восходит к более раннему протографу (см. схему), чем «сборники Курбского» и хронограф. Об этом говорит уже заглавие краткой редакции: «на крестопреступников», а не «против князя Андреева письма». В связи с этим следует отметить, что в некоторых списках краткой редакции (напр. список БАН) нет даже первого послания Курбского. В пользу раннего происхождения краткой редакции говорит большая исправность и осмысленность текста в ней: в краткой редакции мы находим целый ряд совпадений со списками *ПК* и расхождений со всеми остальными списками (истолкование сходства между многовластием и женским характером, — стр. 28, 88 и 130; «сильный во Израиле» вместо бессмысленного «сильный возрастом» в других списках, — стр. 17, 79 и 134; «причитаеши в мученики» вместо бессмысленного «вотчинники», — стр. 19, 81 и 137; «юный судья» вместо «изсуди я» — стр. 51, 116 и 129, и т. д.). Восходя к более раннему протографу, чем «сборники Курбского» и хронограф, краткая редакция не имеет следов той путаницы текста, с которой мы встречались в списках *ХСУ* и в «сборниках Курбского». Несмотря на то, что краткая редакция в целом гораздо меньше следует порядку изложения в первом послании Курбского, ответ на приписку Курбского насчет «синклита, от преблужения рожденного» и «моавитянина и аммонитянина» правильно помещен здесь *после* ответа на последние слова текста (о положении «писания в гроб» и о «граде Волмере», — стр. 135—137), т. е. в том же порядке, как в послании Курбского.

Трудно сказать, при каких обстоятельствах возникла краткая редакция первого послания Курбскому. Имеющиеся в ней признаки раннего происхождения позволяют предположить, что сокращение и обработка первоначальной (полной) редакции были произведены еще при Грозном. Не едкая ли критика стиля Грозного у Курбского (в его ответе) дала

повод к исключению из послания «постелей», «телогреев» и прочих «басен неистовых баб», неприличных с точки зрения литературных вкусов XVI в.? Можно думать, что царь не был нечувствителен к такого рода критике. Может быть именно потому, что послание было подвергнуто такого рода официальной переделке, его первоначальная (полная) редакция и сохранилась только в неофициальной (Погодинский сборник, сборник Археографической комиссии) или враждебной («сборники Курбского», хронограф) традиции.

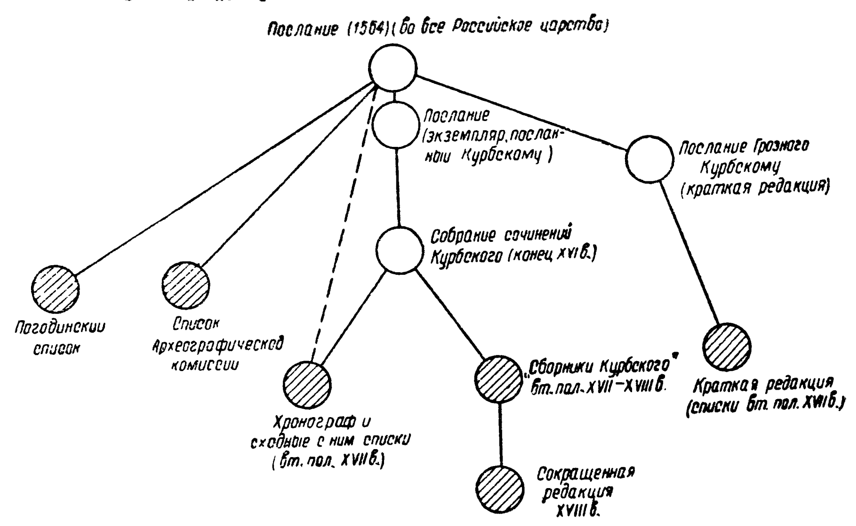


Схема происхождения списков первого послания Курбскому.

Учитывая возможность раннего (и даже, может быть, авторского происхождения краткой редакции, мы печатаем её в настоящем издании по списку ГИМ, Муз. 2524/42797 (в разночтениях *И*) с разночтениями по списку ГПБ, Погод. 1573 (*Б*) и Библиотеки Академии Наук (*А*).

V группа списков первого послания Курбскому состоит из списков XVIII в. «сборников Курбского», заключающих в себе сокращенную редакцию первого послания, но совершенно отличную от той, которая представлена IV группой.

1) Сборник БАН, 16.9.12. По своему составу аналогичен «сборникам Курбского» XVII в. (список ЦГАДА, Погод. № 1494), с той лишь разницей, что отрывок из Гваньини здесь имеет заголовок: «Андрей Курбский, князь Иоаковль [sic!] об обычаях ц. и в. к. Иоанна. . .»; повести «О походе на Астрахань» нет.

2) Сборник Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Тихонравова, 357. Состав такой же.

3) Сборник ГИМ, инв. № 2092, Муз. № 1117.

4) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Михайловского, Q. 281.

5) Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Лихачева, 46.

Сокращенная редакция XVIII в. не представляет, конечно, большого интереса для истории текста первого послания. В основе ее (как видно из состава сборников) лежат «сборники Курбского», подвергшиеся значительному искажению (автором сочинения Гваньини называется Андрей Курбский).

Текст первого послания сокращен не так, как в краткой редакции (IV группа): «светский» элемент не уменьшен, сокращение проведено систематически (была ли уже в протографе V группы путаница текста, отмеченная нами в *ХСУ* и в «сборниках Курбского» XVII в., сказать невозможно, так как в редакции опущено и место о «германских градах», и цитаты из Дионисия, и ответ на приписку).

Отмечая существование этой группы списков, мы не привлекаем ее к изданию.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

Послание Грозного английской королеве Елизавете было издано в 1875 г. Юрием Толстым в его сборнике «Россия и Англия (Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею)» на русском и английском языках по двум рукописям: русскому подлиннику и современному ему (XVI в.) английскому переводу. Обе эти рукописи, судя по указанию Толстого (оглавление, стр. II и VII), находились в Англии: русский подлинник в Лондонском королевском архиве, английский перевод — в Британском музее (Cotton, Nero, B. XI, 347).

Никаких других списков издаваемого здесь русского текста послания не известно. Послание издается по тексту в книге Ю. Толстого.

Ю. Толстой при воспроизведении текста стремился, очевидно, передать пунктуацию подлинника (отличную от современной); мы же, как и в других посланиях, употребляем современную пунктуацию. В текст внесены две поправки, отмеченные в вариантах. Места в рукописи, не разобранные Ю. Толстым (и отмеченные в его издании черточками), отмечаются многоточием. В отношении орфографии мы соблюдаем те же правила, что и при издании других посланий. В остальном настоящее издание следует изданию Ю. Толстого.

ПОСЛАНИЯ (ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ) ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III

Первое и второе послания шведскому королю Иоганну III издавались несколько раз. Первое послание было издано (неизвестно по какой рукописи) уже в 1790 г. — в «Древней Российской вивлиофике» (ч. XV, стр. 77). Оба послания были изданы по списку XVIII в. (из XXVII разряда Государственного Архива) П. Пекарским в «Летописи занятий Археографической комиссии» (вып. 5, СПб., 1871, отд. II, стр. 30). По этому же списку оба послания были изданы вторично в «Делах Тайного приказа», кн. II (Русск. ист. библ., т. XXII, СПб., 1908, стлб. 31). По списку «Дел Шведских» XVI в. обе грамоты были изданы в «Сборнике» Русского Исторического общества (т. 129, СПб., 1910). Издание это (данную часть тома издавал Л. Н. Майков) отличается рядом дефектов: в некоторых местах текст, вполне верно прочтенный рядом переписчиков XVIII в. (и верно переданный в предшествующих изданиях по копиям XVIII в.), заменен почему-то неверным (напр.: «опрометываетесь, словно гад, розными виды» прочтено «опрометываетесь словно пад розными виды»; «из Щмолант» заменено на «из измалот», и т. д.).

В настоящем издании текст печатается по тому же, но вновь выверенному, списку, что и в «Сборнике РИО» (т. 129): по списку ЦГАДА, фонд 96 (сношения со Швецией), Свейских посольств кн. № 3 (1572—1577), л.л. 2—6 об. и 7 об.—31 об. [рукопись по почерку (полууставная скоропись) и по водяным знакам относится ко второй половине XVI в.]. Это не подлинные грамоты (подлинные грамоты были, естественно, направлены в Швецию, где они, повидимому, не сохранились), но современная или почти современная им официальная дьяческая копия (с «черняка» грамоты Грозного, оставшегося в Москве).

Остальные списки обоих посланий, не имеющие значения при издании текста посланий (как значительно более поздние и не содержащие существенных разночтений), представляют, однако, определенный интерес для изучения литературной истории памятника. Уже с конца XVII в. и особенно в XVIII в. в рукописных сборниках начинают появляться списки с посланий Иоганну III, — очевидно, послания эти привлекают внимание переписчиков не как дипломатический документ, а как литературный памятник.

I группа списков включает в себя один список XVII в. и один список XVIII в.:

1) Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки (ГПБ) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собрание Титова, $\frac{2350}{1121}$, сборник конца XVII в. В том же сборнике помещено послание Грозного в Кирил-

ло-Белозерский монастырь (см. стр. 562.) и (непосредственно за посланиями шведскому королю) текст «боярского ответа» польскому послу Крыйскому в 1578 г. — о происхождении Ивана IV от Пруса, брата «Августа-кесаря».

2) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 779. Повидимому, XVIII в. (водяной знак: буквы «БФК»). Здесь также содержится ответ Крыйскому и переписка с Курбским.

Ко II группе могут быть отнесены списки, в которых первому посланию Иоганну III предшествует заголовок: «В прошлом 7080 году великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея России самодержец в грамоте своей писал к свейскому Ягану королю, которая послана из Великого Новгорода в Орешек, а из Орешка велено послать в Выборх». Заголовок этот интересен тем, что его нет в «Книге свейских посольств № 3» и поэтому можно подозревать, что эта группа списков (все — не ранее XVIII в.) восходит к иному протографу (возможно, XVI в., судя по выражению «в прошлом 7080 году»), чем «Посольские дела» (впрочем, существенных разночтений с «Посольскими делами» в этих списках не встречается). В эту группу входят списки:

1) Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), 32.4.29, включающий в себя также «Разговор между двумя приятелями о коммерции» П. И. Рычкова (1755/57 гг.?).

2) Рукописного отдела ГПБ, Погод. 1584. XVIII в.

3) Рукописного отдела ГПБ, О. IV. 74. XVIII в.

4) Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукописные книги, № 432 (прежний шифр БАН 32.5.18), конца XVIII в. (водяной знак: «Pro patria»).

III группу составляют списки, непосредственно снятые из книги № 3 Свейских посольств в б. Архиве Иностранной коллегии (ныне ЦГАДА):

1) ЦГАДА, фонд № XXVII, (XXVII разряд Государственного Архива), № 5. Этот список (из дел Тайного приказа) был дважды издан — в «Летописи занятий Археографической комиссии» и в РИБ (см. выше). XVIII в. Рукопись представляет собою, повидимому, ту самую копию 1739 г., сделанную для «ассесора Семена Иванова», о снятии которой сообщается на вклейке в книге № 3 Свейских посольств (л. 7 об.).

2) Рукописного отдела ГПБ, Эрм. 391; содержит не только послания Ивана IV, но и весь текст книги № 3 Свейских посольств. Это — одна из многочисленных в Эрмитажном собрании копий из Архива Иностранной коллегии. XVIII в.

3) Рукописного отдела ГПБ, F. XVII. 2/1. XVIII в.

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

«Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козме» было впервые издано более 100 лет тому назад в I томе «Актов исторических» (СПб., 1841, № 204, стр. 372—394) по трем спискам и обычно отсюда переиздавалось в отрывках или целиком. Н. М. Карамзин и первые издатели послания относили его приблизительно ко времени «около 1578 г.» [1] на том основании, «что в нем говорится о царском походе в Ливонию» («Зимусь, — пишет Грозный, — по него [по Варлаама Собакина, — *Д. Л.*] потому не послали, что нам поход учинился в Немецкую землю»). Однако И. Н. Жданов [2] и Н. К. Никольский [3] доказали принадлежность этого послания сентябрю 1573 г. Действительно, в списке послания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) (Софийское собрание, № 1152) на л. 117 имеется дата послания: «Лета 7082 [послание царя и великого князя] месяца сентября в 20 день в пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычица нашея богородица честнаго и славнаго ея Успения и преподобного и богоносного отца нашего Кирила чюдотворца». Что же касается до упоминаемого в послании похода «в Немецкую землю», то здесь, очевидно, имеется в виду поход 1572—1573 гг. (Грозный выступил в этот поход в сентябре 1572 г., 1 января пал Виттенштейн, в апреле—мае Грозный вернулся назад).

В основу издания текста послания Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь нами положен список:

1) Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева № 94, сборник, полуустав последней четверти XVII в., л.л. 105—150.

Для исправления описок привлечены списки:

2) Рукописного отдела ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание № 155/1232, отдельная рукопись, полуустав второй половины XVII в., л.л. 1—53 об. (в разночтениях — *К*).

3) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Пискаревское собрание № 572, сборник, полуустав конца XVII в., л.л. 147—198 об. (в разночтениях — *П*).

4) Рукописного отдела ГПБ, Титовское собрание, охранный № 1211, сборник, скоропись, дата 1679 г., л.л. 392—445 об. (в разночтениях—*Т*).

---

[1] Акты исторические, т. I, СПб., 1841, стр. 14—15, прим.; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, прим. 37.

[2] И. Н. Жданов, Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 98—99.

[3] Н. К. Никольский. Когда было писано обличительное послание царя Ивана Васильевича IV в Кирилло-Белозерский монастырь. Христианское чтение, 1907.

5) Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР (БАН), № 17.5.27, сборник из «Библиотеки царевичей» (Петра и Алексея Алексеевичей), полуустав конца XVII в., л.л. 117—170 (в разночтениях —*Ц*).

К изданию не привлечены следующие списки:

6) Рукописного отдела ГПБ. Софийская библиотека № 1152, рукопись «кормовых» и «даяльных» книг Кирилло-Белозерского монастыря на 121 л.л., в конце ее, на л.л. 117—121 об., неполный список послания, скорописью XVII в. с датой послания: «Лета 7082 [послание царя и великого князя] месяца сентября в 20 день в пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владычица нашея богородица честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чюдотворца» (л. 117).

7) Рукописного отдела ГПБ, Софийская библиотека № 1546, сборник, скоропись XVII в., л.л. 173 об. — 226 об.

8) Рукописного отдела ГПБ, Q. XVII. № 112, сборник, скоропись XVII в., л.л. 127—133.

9) Рукописного отдела ГПБ, Q. IV. № 286, из библиотеки Сокурова, отдельная рукопись, скоропись конца XVII в., л.л. 1—48.

10) Рукописного отдела ГПБ, F. IV. № 330, из собрания Н. М. Карамзина, отдельная рукопись, скоропись конца XVII в., с пометками Карамзина, л.л. 1—20.

11) Рукописного отдела ГПБ, F. II. IV. № 189, отдельная рукопись, скоропись начала XIX в., имеется пометка, что текст сверен в Кирилло-Белозерском монастыре «с подлинником» 28 июля 1809 г., л.л. 1—26.

12) Рукописного отдела ГПБ, Q. IV. № 44, отдельная рукопись, скоропись XIX в., л.л. 1—35.

13) Рукописного отдела ГПБ, Q. XVII, 254, л.л. 524—552 об.

14) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Музей № 137, сборник конца XVII в., л.л. 147 и сл.

15) Государственного Исторического Музея (ГИМ), собрание Уварова № 398, сборник, поморский полуустав, дата рукописи 1817 г., л.л. 262—330.

16) ГИМ, собрание Барсова № 365, XVIII в., л. 1—31.

17) ГИМ, собрание М. И. Соколова № 13, 176, л. 151 и сл.

18) ГИМ, № 360, хронограф, полуустав, дата рукописи 1765 г., л.л. 520—558.

19) ГИМ, собрание Щукина № 646, сборник, скоропись XVII в., с л. 116 (без начала и конца).

20) ГИМ, собрание Щукина № 417, XVII в., л.л. 124 и сл.

21) Рукописного отдела БАН, собрание Дружинина № 7, старообрядческим полууставом XIX в., л.л. 172—214 об.

22) Рукописного отдела БАН, собрание Яцимирского.

23) Рукописного отдела БАН, собрание Колобова, № 454 (42.8.2), XIX в., в лист, л.л. 219—230.

24) Тверского музея № 118 (3049), сборник разных почерков XVII—XVIII в., скоропись Петровского времени, л.л. 508 об. и сл.

25) Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Археографической комиссии, № 249, сборник разных почерков скорописью и полууставом XVII в., л.л. 4—37.

26) Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева, № 332, сборник, скоропись XVII в., л.л. 27—72 об.

27) Библиотеки Московского Государственного университета № 170, сборник, полуустав начала XVIII в., л.л. 49—71.

Не найден мною список:

28) Александро-Свирского монастыря, указанный Викторовым [«Александро-Свирский монастырь», № 48(49), стр. 187]. В Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР и в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР, куда поступили рукописи Александро-Свирского монастыря, сборника этого не оказалось.

Данные о рукописях №№ 13, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 25 любезно предоставлены мне В. И. Малышевым.

Особняком стоит список XVII в., хранящийся в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР в собрании Н. П. Лихачева № 332 (скоропись XVII в., л.л. 27—72 об.). Список этот имеет отличный от других заголовок: «Список з государевы грамоты» и, кроме того, содержит ряд пропусков из посланий Илариона Великого и киноварные указания, как эти пропуски восполнить по какой-то недошедшей до нас рукописи. В этих киноварных указаниях акад. А. С. Орлов, изучавший этот список,[1] а вслед за ним, первоначально, и пишущий эти строки подозревали копии с указаний, сделанных самим Грозным в черновом списке послания. В таком случае список этот должен был бы восходить к какой-то особой, черновой редакции этого послания, отличной от ее окончательного вида, в которой были уже внесены все необходимые места из сочинений Илариона Великого. Однако внимательное изучение списка (главным образом разночтений) свидетельствует против такого рода гипотезы. Повидимому, список № 332 из собрания Н. П. Лихачева — наскоро сделанная копия, по которой надлежало уже сделать парадный список. Сокращая свою работу, копиист и сделал все эти

[1] Покойный акад. А. С. Орлов предполагал издать послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Для этой работы в 1940—1941 гг. для него были изготовлены фотокопии со списка № 332 из собрания Н. П. Лихачева и нескольких списков Кирилло-Белозерского собрания ГПБ в Ленинграде. Однако после смерти акад. А. С. Орлова комиссия, разбиравшая бумаги покойного, никаких следов его работы над подготовкой этого издания не обнаружила.

указания (как уже было отмечено, сокращены крупные выписки из Илариона). Вот они:

1) На л. 65 вслед за словами «благочестия ради болми монастыри распространяются, а не слабости ради» (стр. 181, строка 5 сверху нашего издания), добавлено киноварью: «Приидем же паки на великого Илариона списание, и тамо речено есть».

2) На л. 65 об. вслед за приведенными словами помещено начало послания Илариона до слов «да возлюбим нравы их», после чего следует киноварная приписка: «и прочее от послания Илариона великого з двѣ тетради выписати надобно».

3) На том же листе следует перечеркнутый киноварным крестом текст: «И от сего разумѣти есть, яко ни в начатце отметания нашего, ни в юности, ни в старости, ни во здравии, ни в болѣзни, ни на исходе души ми сего отметаемся, но и еще любим и держимся его неотступно, донележе и душа наша в тѣлѣ нашем». Текст этот означает конец второй (краткой) выписки из Илариона (см. стр. 189 нашего издания).

4) Против приведенного выше перечеркнутого киноварным крестом места на левом поле читается следующий текст: «„Не обинуяся глагола намъ". Апостола Павла какъ приидемъ и притча и ты преступи — не пиши, но се пиши: „Сице возлюбленная моя братия" и прочее. И сего не пиши: „еда мал трудъ иноческаго жительства" — всего три страницы». Затем ниже в обведенном чернилами месте: «Сие паки пиши: „Аще ли кто от нас глаголетъ: „в миру ны ключилося быти" и прочее». Еще ниже обведенного чернилами места: «Конец: „Толико паче отрицаемся их, яко не суть отцы наши." И паки речь царева. Зри + и пиши речь цареву». Знак +, очевидно, стоял в тексте послания Илариона.

5) Вверху л. 65 на левом поле: «Здѣ речь царева», а внизу на правом поле: «ищи слову Иларионова к концу и пиши сие».

6) Л. 66 об. оставлен незаполненным текстом; вверху киноварная отметка: «Помянутых любовь их и прочее, а конец донележе душа наша в тѣле нашемъ и паки пиши сие».

7) На л. 67 вверху в левом углу тот же знак + и слово «здѣ».

Все эти указания копииста восстанавливают текст послания Грозного в том виде, в каком он известен по другим спискам.

Как выясняется из сопоставлений этих указаний копииста с текстом других списков послания, эти указания копииста касаются только выписок из послания Илариона Великого «к некоему брату».

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ

Послание Василию Грязному было впервые полностью издано в приложении к статье П. Садикова «Царь и опричник» (сб. «Века», I, Пгр.,

1924); вторично переиздано в приложении к его книге «Очерки по истории опричнины» (1950, стр. 530).

Оно дошло до нас в составе «Крымских дел» Посольского приказа [ЦГАДА, фонд 123 (сношения с Крымом), Крымская Посольская Книга № 14, л.л. 214 об. — 217 об. (рукопись — современная самому посланию: второй половины XVI в.)]. Послание царя Грязному помещено среди распоряжений об отпуске посланника Ив. Мясоедова (июнь 1574 г.). Ниже, в той же рукописи приводится «вестовой список» (предварительный отчет) Мясоедова, присланный весной 1576 г. Вместе с этим отчетом Мясоедов прислал две грамоты от В. Грязного: ответ на царское послание и «вестовую грамоту» (л.л. 241—254 об.). Приводим первую из этих грамот, так как она непосредственно связана с посланием царя:

«Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии бедной холоп твой полоняник Васюк Грязной плачетца. Писал еси, государь, ко мне, холопу своему, кое было мне бес путя середи крымских улусов не заезжати, а заехано — ино было не по объездному спати; да яз же, деи, чаял, что в объезде с собаками гоняти за заицы, ажно меня самово в торока как заица ввязали; да такожь, деи, яз чаял каково за кушеньем стоячи у тебя, государя, шутити; да яз же, деи, говорил, кое, деи, пора моя. Да в твоей же государеве грамоте писано, что яз за себя Дивея сулил, а сам ся сказывал великим человеком, и мне б памятовать свое величество. И яз, холоп твой, ходил по твоему государеву наказу, велено мне, государь, было и на Миюс ходити и на Молочные Воды языков добывати, которые бы ведали царево умышленье, кое бы тебе, государю, безвестну не быти, только вестей не будет ни от которых посылок. И мне было, холопу твоему, посылати неково; а ково ни пошлю, и тот не доедет, да воротитца, да приехав солжет: где ни увидит какой зверь, да приехав скажет — „люди". И мне было, холопу твоему, как с ложною вестью к тебе, ко государю, посылати, а солгав да к тебе, ко государю, мне было, холопу твоему, с чем появитца? А того слова не говаривал, кое пора, деи, моя; а которые говорили, те и бегали с Молочных Вод, да потеряв твое государево дело, да опять воротились. А толко б яз, холоп твой, по объездному спал, ино было, государь, до Молочных Вод не доити; да и назад уж был сходил, уж было того дни на Кмолшу на стан, коего дни меня, холопа твоего, взяли татареве, а подстерегли тут таки, государь: моя ж была. Да послал Василья Олександрова с товарыщи сторожей гоняти, а яз стал в долу с полком, а Василью приказал: „Любо, реку, учнут тебя гоняти, и ты, реку, к нам побежи". И как Василей учал гоняти сторожей — ино Василья встретили татарове да почали гоняти. И Василей побежал мимо меня, и яз, холоп твой, и молыл Василью так: „Пора напустить?", и, кинувшись встречю, Василья отнял, надеючись на полк, да сцепился с мужиком. А полк весь

побежал, и рук не подняли. Да чтоб, милостивый государь, от многих людей — ино толко было двесте восемьдесят человек татар и с мурзами, от болших людей на Карачекре отбились, да еще у них побили и поранили многих. А тут и рук не подняли, а было сто пятнадцать лучниц, а меня, холопа твоего, выдали. И меня, холопа твоего, взяли нолны з двема седлы защитясь, уж мертвово взяли; да заец, государь, не укусит ни одное собаки, а яз, холоп твой, над собой укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил; тех, государь, и ко царю принесли вместе со мною. А в Крыме что было твоих государевых собак изменников, и божиим милосердьем за твоим государевым счастием, яз, холоп твой, всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака остался — Кудеяр, и тот по моим грехом [1] маленко свернулся, а вперед начаюс на милость божию, толко бог грехов не помянет, и того ту не будет же. А коли меня, холопа твоего,[2] ко царю принесли только чють жива, а о чем меня царь спрашивал, и яз что говорил лежа перед царем, и яз, холоп твой, написав да х тебе, ко государю, послал с Офонасьем, а иные речи Офонасей сам да и все слышели, а Нагай толмачил, твой государев толмачь. А шутил яз, холоп твой, у тебя, государя, за столом тешил тебя, государя — а нынече умираю за бога да за тебя ж, государя, да за твои царевичи, за своих государей. И за тех изменников царь хотел казнити. Да еще бог [3] дал на свет маленко зрети да твое государево имя слышети, да опять царь разгодал да молыл: „Тот, деи, свое чинит, своему государю служит“, да меня, холопа твоего, отослал в Манкуп город да велел крепити да мало велел ести давати; толко б не твоя государьская милость застала душу в теле — ино было з голоду и с наготы умерети. А нынече молю бога за твое государево здоровье и за твои царевичи, за свои государи; да еще хочю у владыки Христа нашего бога, чтоб шутить за столом у тебя, государя, да не ведаю, мне за мое окоянство видат ли то: аще не бог да не ты поможешь — ино некому. Да в твоей ж государеве грамоте написано, кое ты пожалуешь выменишь меня, холопа своего, и мне приехав к Москве да по своему увечью лежать, — ино мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити: то наша и надежа и от бога без греха, а ныне в чом бог да ты, государь, поставишь. А яз, холоп твой, не у браги увечья добыл, ни с печи убился, да в чом бог да ты, государь, поставишь. А величество, государь, што мне помятовать? — Не твоя б государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки бог — и мала и велика чинишь. И царю есми сказывал: „Яз моло-

---

[1] *Зачеркнуто* моим.
[2] *В рукописи* твоег.
[3] Бог *повторено и зачеркнуто*.

дой человек". А Дивея, государь, яз за себя не суливал, хотя б и по моей мене была мена, и яз бы так не молвил: кое даст государь за меня мену, то, государь, в божие воле да в твоей государеве. А писал, государь, яз, холоп твой, о Дивее того для, чтобы тебе, государю, известно было царево умышление, при послах; и он мурзу прислал да велел был мне, холопу твоему, писати и приказывати, о чем ум весть не подъимет, а про Дивея молвил: „Велел, деи, был царь тебе о Дивее писати; а ныне Дивей царю не нужен: у Дивеи, деи, три сына и меньшой Дивей лутчи — вот, деи, послы их знают». И яз, холоп твой, говорил, сколко бог вразумил: милостивый государь, спроси послов, как ся что деяло, а Нагай толмачил. Да как, государь, отпустя послов, а меня, холопа твоего, велел повести в село в то ж, где яз тогда сидел, да как против царева двора, и царь выслал Зелдала-агу с саблею, да и с чернилы и з бумагою да говорил тогды так: „Пиши, деи, о Дивее; царь велел тебе говорити: Толко деи, не станешь писать, и тебе, деи, уж же быти кажнену; то, деи, уж ты меж нас ссору чинишь; а толко, деи, напишешь, а брат, деи, нашь, а вашь государь, так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет, — ино, деи, меж нас и доброе дело сстанетца". И яз, холоп твой, о том и плакал и бил челом и под саблю ложился, а говорил: „Коли царю надобен Дивей, и царь о нем о чом сам не пишет? А мне как холопу писати ко государю о таком о великом деле: яз волоса Дивеева не стоен". И он, государь, опять ко царю ходил, да вышедши молвил так: „Царь, деи, тебе велел говорити: Не станешь писати, и тебе уж жо быти кажнену. И ты, деи, которое любишь: то ли, кое уж жо умерети, или то, кое меж нас будет доброе дело? А мне, деи, о том писати сором потому, кое ево у меня ис полку взяли; яз, деи, потому перед послы не велел о том говорити." И толко б не было такова слова, и яз бы не дерзнул так писати для своей головы, хотя б и умерети. А то, государь, яз, холоп твой, писал для того, кое бы тебе, государю, было известно царево умышление, а не для того, кое бы ты, государь, дал за меня Цивея; хотя б государь, яз, холоп твой, сам того не разумел, и яз то помню, которые из Литвы сулили за себя мену, ино каково с им сставало. А о своей голове яз, холоп твой, тебе, государю, бил челом, чтобы ты, государь, милость показал, промыслил моею бедною головою, как тебе, государю, бог известит для кристьянские веры, а не для того, кое бы за меня Дивея дал. Да ко мне ж, холопу твоему, писано: толко стану на кристьянство за гордость — ино мне Христос противник. Ино мне, холопу твоему, то ли видети, кое от тебя, от государя, писано жестоко и милостиво, да так учинить: ино дана душа богу да тебе, государю, да твоим царевичам, а нашим государем, а буди воля божия да твоя государева отныне и до века, да и сподобил был бог умерети за вас, государей. Да еще вдунул душу бог в мертвеное тело, ино бы, государь, и на конец показати прямая службишко.

Да покажи милость бедному своему полонянику и богомолцу, пришли милостыню, не дай умерети з голоду, а хлеб дорог — по три тысячи батман — да и не добудут купити, а животина вымерла и лошади повымерли и мертвова ести не добудут. А сижю в пустом городе в кадомах — выработать нелзя и не у кого. А твое государево жалованье — и яз долг платил, а иное кое чего для отдал добра для. А царь мало кормит; а взять, государь, есть кому, а кормить некому: толко б не твоя государева милость, ино умерети з голоду и с наготы. А тогды потому, милостивый государь, писано неисправно: яз был тогды при смерти, а не писать яз, холоп твой, не смел такова слова. А в милости и во всем ты, государь, волен: яз, ведь, холоп твой, телом ныне в Крыму у крымского царя сижю, а душею у бога да у тебя, государя, и мне что слыша, как тово не писати? А в том волен бог да ты, государь: делаешь так, как годно богу да тебе, государю. А ныне вести х тебе, ко государю, потому не писал — скажет тебе, государю, Иван Мясоедов; а преж того есми послал к тебе, ко государю, две грамоты сего лета о Вознесеньеве дни, а третюю грамоту — о Покрове. А вперед, государь, надеюсь на милость божию, кое ты, государь, безвестен не будешь, хотя мне и умерети за бога да за тебя, государя, и за твоих царевичей. И мне то не страшит, а страшно мне твоя государева опала. И яз, холоп твой, о том тебе, государю, плачюсь, чтоб ты милость показал, свой царской сыск учинил, то ся как деяло и чего для: хоти мне, холопу, и умерети случитца, ино бы тебе, государю, известно было в правду».

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ

Послание Симеону Бекбулатовичу было издано впервые в журнале «Московский телеграф» (1830, № 8, стр. 425—430); затем (в 1856 г.) в одном из примечаний к т. VI «Истории России» С. Соловьева (ср. в издании «Обществ. польза», кн. II, стлб. 180—181, прим. 3); в 1861 г. оно было издано Вл. Ламанским в «Записках Отд. русской и славянской словесности Русского Археологического общества» (т. II, стр. 371); в 1908 г. — в «Делах Тайного приказа», кн. II (Русск. историч. библ., т. XXII, стлб. 76).

Послание сохранилось в виде столбца (склейки) в ЦГАДА, фонд XXVII (XXVII разряд Гос. Архива, Тайный приказ), дело № 12 (столбцы), на 4 листах. Рукопись, судя по почерку (см. репродукцию; водяных знаков на имеющихся листах не видно), современна написанию грамоты, т. е. относится к XVI веку. Других списков с этого послания не известно.

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ

Послание Ивана Грозного Полубенскому печатается в настоящем издании впервые. Послание Полубенскому принадлежит к группе гра-

мот, написанных Иваном Грозным во время летне-осеннего похода в Ливонию в 1577 г. Можно предполагать (см. выше, стр. 508), что еще при Иване Грозном (вероятно непосредственно: в 1577—1578 гг.) был собран специальный сборник этих грамот, два списка с которого (оба XVII в.) стали известны историкам в XIX в. К сожалению, один из указанных списков XVII в. — дефектный, имеет ряд пропусков (см. об этом списке ниже) и не содержит, в частности, послания к Полубенскому. Второй из этих списков был исследован и подготовлен к печати известным археографом второй половины XIX в. А. Н. Поповым. По словам А. Н Попова, список этот представлял собой «рукопись в четверку, крючковатой скорописью XVII в.». Рукопись эта принадлежала в XVIII в. кн. Д. М. Голицыну («верховнику») и составляла часть его библиотеки в селе Архангельском (под Москвой). Первую половину рукописи составлял «Титулярник» (перечисление титулов различных монархов), вторую половину — «Копии с листов меж царем Иоанном Васильевичем и Польскими 1547—1578». Но, к несчастию, А. Н. Попову не удалось довести до конца задуманной им публикации, и самый список Голицына, подготовленный им к печати, в настоящее время утерян. Г. З. Кунцевич, подготовляя в 1911—1914 гг. свое издание «Сочинений Курбского», пытался разыскать этот сборник (заключающий в себе, как мы увидим ниже, второе послание царя к Курбскому), но не сумел этого сделать (ср.: Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1911 г., вып. XXIV, СПб., 1912, стр. 18—19).

До нас дошла только копия XIX в., снятая с указанной рукописи XVII в. по заказу Попова. Копия эта находится в Рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова, № 47. Она заключает в себе 4 грамоты, связанные с польским бескоролевьем 1572—1574 гг. (обмен грамотами между Грозным и литовскими вельможами и, в частности, Яном Глебовичем), группу грамот 1577 г.: грамоту Полубенскому (из Пскова), грамоту польскому магнату Мик. Талвашу (из Двинска — «Невгипа»), грамоту литовскому магнату Радзивиллу (из Куконойса), грамоты послу польского короля Крыйскому от царя и от бояр (из Куконойса), грамоту городу Риге (из Эрли), грамоту польскому королю Стефану Баторию (из Вольмара), грамоты Ходкевичу и Курбскому (печатаемые в настоящем издании), грамоту «к Туву да к Илерту» и грамоту Тимохе Тетерину (печатаемую в настоящем издании). Судя по оглавлению Попова, в сборнике должны были быть еще грамоты (за несколько последующих лет), но в сохранившейся копии они отсутствуют.

Помимо четырех грамот, печатаемых в настоящем издании, определенный интерес для изучения творчества Грозного представляет грамота «к Туву да к Илерту». А. Н. Попов не разобрал имен адресатов этой грамоты, прочитав адрес ее: «к Туву Дакилерту». В действительности же

речь идет, конечно, о Таубе и Элерте Крузе, двух ливонских авантюристах, служивших царю и изменивших ему в 1571 г. Приводим текст послания Грозного к Таубе и Крузе (л.л. 58—58 об.).

«[Титул царя] — Туву да к Илерту. Честные нашие заповеди слово то, что есте к нашему царскому величеству ложно челобитье учинили и, с нашими изменники сложася, хотели естя нашу отчину, Лифлянскую землю, от нас отвести, и как писали есте меж себя, что иеросалимская свобода от Вавилона, так есте хотели свободитися, — ино через наше жалованье, что есмя вас пожаловали, из плену и от вязанья свободили. А вам было наша отчина, Лифлянская земля, без кровопролития в нашей воле учинить, — ино вы, забыв наше жалованье и преступив свои клятвы, таким злохитръством хотели естя свободиться по-иеросалимски. Ино божья милость и сила животворящего креста вотчину нашу нам в руки даёт, а вам по-еросалимски дарует: сами ся бьёте и жжёте. Писан в нашей отчине, Лифлянской земле во граде Волмере, лета 7086, сентября во 12 день. . .».

Комментируемая грамота Полубенскому находится в копии А. Н. Попова на л.л. 32—40 об.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ

Послание Яну Ходкевичу издавалось дважды, — оба раза совершенно неудовлетворительным образом. В 1843 г. польские историки Грабовский и Пшездецкий издали его в книге «Źródła do dziejów polskich» (т. I, стр. 54—59) по списку (до нас не дошедшему), который был написан по-русски, но они передали его латинскими буквами. В 1846 г. издатели «Актов исторических» переиздали это послание по изданию Грабовского, проделав обратную операцию: переделав текст с латинских букв на русские [Дополнения к Актам историческим (ДАИ), т. I, № 123, стр. 176]. Из-за дефектности оригинала или по вине издателей, в обоих изданиях имеются пробелы и дефекты (напр. текст поговорки «одми толко кого одмет» не был разобран издателями и пропущен в обоих изданиях).

Между тем, послание Ходкевичу дошло до нас в двух списках, несравненно лучших, чем воспроизведенный Грабовским и ДАИ. Оба эти списка представляют собой (упомянутые в археографическом обзоре к предыдущему посланию) сборники грамот, связанных с польским бескоролевьем и походом 1577 г.:

1) ЦГАДА, фонд 79 (сношения с Польшей), дело в столбцах № 1, 1573—1581 гг.;

2) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова, № 47.

Дело в столбцах (картон) № 1 из фонда № 79 (Польские дела) ЦГАДА представляет собой рукопись XVII в., аналогичную по составу 2-й части того «Титулярника», копия с которого была снята для А. Н. Попова. Так же как рукопись, бывшая у Попова, рукопись ЦГАДА начинается с грамот, относящихся к периоду бескоролевья (1572—1574 гг.), но, начиная с л. 24 об., в рукописи ЦГАДА обнаруживаются серьезные дефекты: между л. 24 об. и л. 25 (нынешней пагинации) утеряна значительная часть текста. Сравнивая список ЦГАДА с копией А. Н. Попова (см. обзор к предыдущему посланию), обнаруживаем, что в списке ЦГАДА пропущена грамота к Полубенскому и начало грамоты к Талвашу. Конец этой грамоты мы обнаруживаем не на л. 25, а на л. 33, так как тетради, следующие за одной пропущенной, перепутаны при переплете. На л.л. 33—40 об. содержатся конец грамоты Талвашу, грамота Радзивиллу, Крыйскому и начало грамоты в Ригу, а на л.л. 25—32 об. — конец грамоты в Ригу, грамота Стефану Баторию, комментируемое послание Ходкевичу (л.л. 28—30 об.) и начало 2-го послания Курбскому (см. ниже). Окончания послания Курбскому и посланий Таубе и Крузе и Тетерину в сборнике нет.

В настоящем издании мы печатаем послание Ходкевичу по списку ЦГАДА (*Ц*), привлекая в вариантах копию Попова (*Пк*) и текст, изданный Грабовским (*Г*).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

В печатных изданиях XIX в. второе послание Грозного Курбскому разделило судьбу первого послания: оно издавалось в составе «Сочинений Курбского» (см. выше). Но предшествующая его литературная судьба была совершенно иной: ни в один из списков «сборников Курбского» и хронографа оно включено не было (хотя ответ на него в «сборниках Курбского» неизменно помещался; см. его в «Сочинениях Курбского» изд. 1914 г., стлб. 125), и в рукописной традиции сохранилось вместе с грамотами, написанными в походе 1577 г., — к группе этих грамот оно, в сущности, и принадлежит.

Второе послание Курбского сохранилось в двух списках, описанных в обзоре списков предыдущих посланий:

1) ЦГАДА, ф. 79, дело в столбцах № 1 (текст послания Курбскому начинается на л. 31 и обрывается на л. 32 об.);

2) Рукописного отдела Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова, № 47 (копия А. Н. Попова), л.л. 53—57 об.

Кроме копии Попова, сохранилась еще одна копия XIX в., со второго послания Курбскому (с неизвестного оригинала). Она была сделана для Н. Г. Устрялова (по этой копии Устрялов печатал второе послание

в своих изданиях «Сказаний Курбского») и находится сейчас в ЦГАДА среди «Актов, собранных Малиновским», портф. 3-й, № 89 (вместе с ней находится и копия с незаконченного текста из дела в столбцах № 1). Копия, снятая для Устрялова, содержит ряд явных ошибок (напр. вместо «мудрость ваша ни во что же бысть» — «матерь ваша ни во что же бысть», что Устрялов истолковал как «сквернословие», — стр. 196), однако в некоторых случаях она дает более верные чтения, чем другие списки.

При печатании второго послания Курбскому мы кладем в основу текст копии Попова (*Пк*), привлекая к вариантам часть послания, сохранившуюся в ЦГАДА (*Ц*), и копию, сделанную для Устрялова (*У*).

ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ

Послание Тетерину впервые было издано Г. З. Кунцевичем в «Приложении» к его изданию «Сочинений Курбского» (Приложение II, стлб. 493). Оно дошло до нас только в списке Библиотеки им. В. И. Ленина, Бумаги Попова № 47 (копия А. Н. Попова, описанная выше), л.л. 58 об. —59.

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ

Послание Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г. было издано один раз — в «Книге Посольской метрики великого княжества Литовского» (т. II, М., 1843) по списку «Литовской метрики» (архива), находящемуся ныне в ЦГАДА (Метрика Литовская, 1581, дело № 3 — «Реестр переписи с книги канцелярских справ посольских, которыя ся почали вписывать за щастливого панованья наяснейшего господара Стефана, року 83, месяца июня 8. . .»). На корешке переплета надпись: «Acta Magn. Duc. Litv., anno 1581»; послание Грозного Стефану Баторию помещается на л.л. 130—144 об. Рукопись конца XVI в.

Наряду с этим списком существует еще один, никогда не издававшийся. Он входит в состав «Польских дел» Посольского приказа — ЦГАДА, ф. 79 (сношения с Польшей), «Книга Польского двора» № 13 (1581—1582 гг.); послание Стефану Баторию находится в этом списке на лл. 43—65 об. (л.л. 66—89 в рукописи отсутствуют). Рукопись по почерку (скоропись) и водяным знакам (кувшинчик — Лихачев, т. II, стр. 252 = 1581 г., ср. раньше № 1735 = 1597 г.) относится ко второй половине XVI в., т. е. приблизительно современна самому посланию. Таким образом, послание Баторию дошло до нас в двух списках примерно одного времени; протографом списка «Литовской метрики» была, оче-

видно, грамота, полученная Баторием, протографом списка «Польских дел» — «черняк» грамоты, оставшийся в Посольском приказе.

Какой список должен быть положен в основу при издании? В пользу списка «Литовской метрики» говорит дефектность списка «Польских дел» — в «Книге Польского двора» № 13 текст грамоты обрывается на середине. Однако текст «Литовской метрики» имеет другой, гораздо более существенный недостаток: текст грамоты Грозного переписан здесь белорусской орфографией («цара, государа, вераютъ» и т. д.), несомненно не свойственной Ивану Грозному. Поэтому мы решили взять за основу список «Польских дел» (в разночтениях — *Д*), орфография которого вполне соответствует орфографии других посланий царя, и печатать текст по этому списку до его окончания, и лишь отсутствующую в этом списке часть — по списку «Литовской метрики» (в разночтениях — *Л*). Такой способ воспроизведения (несмотря на неизбежный контраст между первой и второй половиной послания) представляется более правильным, чем передача всего текста в белорусской орфографии или произвольное исправление белоруссизмов (не всегда точно определимых для текста XVI в.) во второй половине послания.

ПОСЛАНИЯ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ И ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БОЯР

Послания Сигизмунду II Августу и Гр. Ходкевичу, написанные в 1567 г. от имени кн. И. Д. Бельского, кн. И. Ф. Мстиславского, кн. М. И. Воротынского и И. П. Федорова (Челяднина), были изданы впервые в 1790 г. в «Древней Российской вивлиофике» (ч. XV) без указания рукописного источника. В 1892 г. они были изданы с небольшими пропусками (в грамоте Мстиславского опущены места, сходные с грамотой Бельского) в составе «Памятников дипломатических сношений с Польско-Литовским государством» (т. III) в «Сборнике РИО» (т. 71) по списку «Польских дел» Посольского приказа.

В настоящем издании эти послания издаются по тому же списку (без пропусков). Это — рукопись ЦГАДА, ф. 79 (сношения с Польшей), Польского двора кн. № 8 (1567 г.); книга № 8 целиком занята только этими грамотами. По почерку (скоропись) и водяному знаку (щит с буквами — Лихачев, № 3258 = 1566 г.) рукопись современна самому посланию.

Наряду с этим списком, до нас дошла копия с него, хранящаяся в Рукописном отделе ГПБ, Эрмитажное собрание, № 462. Эта копия XVIII в. (водяной знак с датой — «1718»), несомненно, сделана со списка ЦГАДА (на титуле прямая помета — «№ 8») и принадлежит к большой группе копий с материалов Архива Иностранной коллегии (Посольского

приказа), имеющихся в Эрмитажном собрании (ср. Эрм. 391 — копия со «Шведских дел», включающая послание к Иоганну III; Эрм. 550 — 16 томов копий с Крымских, Шведских, Цесарских, Прусских и Польских дел и т. д.). Копия эта не имеет никакой самостоятельной ценности и к изданию не привлекается.

Послания Сигизмунду II Августу и Гр. Ходкевичу формально не принадлежат к творчеству Ивана IV. Не может быть, однако, никакого сомнения в том, что грамоты эти, написанные формально от имени четырех человек, в действительности принадлежат одному автору: текст посланий совпадает между собой на протяжении многих страниц. Уже давно в исторической литературе было высказано предположение, что этим автором был сам царь (ср.: Н. Карамзин. История Государства Российского, т. IX, прим. 181; С. Соловьев. История России, кн. II, изд. Общ. пользы, стр. 169; И. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 125. — Жданов относит эти послания к произведениям, «в которых нужно предполагать бо́льшую или меньшую долю его авторского участия»). В пользу этого предположения говорят не только многочисленные отдельные совпадения этих посланий с другими, печатаемыми здесь посланиями (замечание о том, что «израдец везде казнят» — ср. стр. 31, 49 и стр. 251, 270; излюбленное ругательство царя — «собака», в частности даже выражение «взяв собачий рот» — ср. стр. 160 и стр. 276; сходные цитаты: не только библейские — ср. стр. 28, 70 и стр. 269, но и из Иоанна Златоуста — ср. стр. 18 и стр. 243; легенда о Прусе и т. д.), но и общий стиль «грамот бояр», обнаруживающий руку царя — любителя и мастера «грубианской» полемической литературы.

Исходя из этого, мы сочли возможным поместить здесь эту группу посланий в качестве дополнения к посланиям Ивана Грозного.

При издании всех посланий Грозного приняты те же правила, что и в других изданиях серии «Литературные памятники» — титла раскрыты, «ъ» в конце слов опущен, проставлен «й», буквы «і», «ѣ», «ѳ», «оу» и «юс малый» соответственно передаются через «и», «е», «ф», «у», «я». Выносные буквы внесены в текст, причем выносное «ж» передается через «же»; «с» в окончаниях возвратных глаголов — через «ся». Буквы-цифры заменены цифрами. Внесена современная пунктуация.

Перевод «Посланий Грозного» на современный русский язык предпринимается в настоящем издании впервые. Сложный и своеобразный синтаксис речи Грозного часто не поддается переводу на нормы современного языка, в его лексике нередки непереводимые, им самим созданные сложные слова. Эмоциональный стиль Грозного изобилует повторениями, не всегда раскрываемыми намеками на забытые факты, понят-

ные современникам корреспондентов. Все это чрезвычайно затрудняет перевод посланий Грозного. Поэтому публикуемый перевод ставит себе ограниченную задачу: облегчить понимание с о д е р ж а н и я посланий. Проблема перевода сочинений Ивана Грозного, с возможной для норм современного языка точностью передачи его ярко индивидуального стиля, должна быть в будущем разрешена общими усилиями литературоведов и историков русского языка.

При переводе учитывались и иногда привлекались отрывки переводов из посланий Грозного, содержащиеся (к сожалению, в относительно небольшом количестве) в трудах С. Соловьева и В. Ключевского. Цитаты из священного писания и духовной литературы, в изобилии приводимые Грозным, иногда опускаются в переводе: в тех случаях, когда это именно цитаты, а не пересказ, и когда эти цитаты не связаны с последующим (или предыдущим) текстом Грозного. Однообразные религиозные формулы, часто повторяющиеся в некоторых произведениях Грозного (напр. в первом послании Курбскому: «божьей милостью и пречистой богородицы и всех святых», в посланиях 1577 г.: «в троице славимого бога»), переводятся полностью, когда они встречаются впервые, а затем опускаются.

Из трех редакций первого послания Курбскому переведена (как указано выше) только основная (Погодинский список с дополнением по списку Археографической комиссии); в переводе посланий от имени бояр Сигизмунду II и Гр. Ходкевичу опущены повторения текста первого послания («Бельского») в последующих (по этой же причине не переведено послание «Мстиславского» Ходкевичу, в основном совпадающее с посланием «Бельского»). Все пропуски в тексте оговорены в прямых скобках; в прямых скобках помещаются также расшифровки иностранных имен, архаических слов и перевод дат на современную эру.

Ссылки на «Комментарии» обозначены цифрами (как в тексте, так и в переводе); в тех случаях, когда в «Комментариях» поясняется более чем одна фраза, цифра повторяется дважды — как в начале, так и в конце комментируемого отрывка. Исправления текста и ссылки на разночтения (только в тексте) обозначены буквами.

РАЗНОЧТЕНИЯ

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

(по Погодинскому списку, с дополнениями по списку Археографической комиссии)

9. [а]*Испр.*; *П* летаем. [б]*П* Дмитрея *нет.* 10. [а]*П* не *нет.* 11. [а]*Так К, ХСУ*; *П* перфиду. [б]*Так К, ХСУ*; *П* показал еси. 12. [а]*Так ХС*; *ПК* еси. 13. [а]*Так К, ХСУ*; *П* и внятельно. [б]*П дважды* по твоему. 14. [а]*Так С*; *П* православных и; *К* воспрославо в; *ХУ* в православии в. [б]*Так К, ХСУ*; *П* что ум. [в]*Так К, ХСУ*; *П* сельский. [г]*Так К*; *П* в правду с вами; *ХСУ* поправшу с своими. [д]*Так К, ХСУ*; *П* его. 15. [а]*Так К, ХСУ*; *П* двердо. 16. [а]*Так К, ХСУ*; *П* зверп. [б]*Так К, ХСУ*; *П* моловательне. 17. [а]*Так К, ХСУ*; *П* зле. [б]*Так ХСУ*; *П* тако; *К* тамо же бесконечные муки прияша *нет.* [в]*Так ХСУ*; *ПК* во *нет.* [г]*Так К, ХСУ*; *П* сотворгаго. [д]*П* поят *нет.* 18. [а]*П* не *нет.* 19. [а]*Так К, ХСУ*; *П* еси. 20. [а]*П* добродеем *переправлено из* добротворцем; *на полях*: наказание государя к Курбскому. 21. [а]*Так К, ХСУ*; *П* мисти. 22. [а]*П* противистась Моисею тако и сии *нет.* 23. [а]*Так К*; *П* сынове; *ХСУ* Финиос. [б]*П дважды* и рядничество. 24. [а]*Так К, ХСУ*; *П* строюще. [б]*П* ся *нет.* [в]*Так К*; *П* пилатом. 25. [а]*Так К*; *П* ублажили; *ХС* ублажили ли; *У* ублажили *надписано* ублажиши. [б]*Так К*; *П, ХСУ* беззакония. 26. [а]*Так К*; *П* от того же вся. 27. [а]*Так К*; *П, ХСУ* обуздание. [б]*Так К*; *П* случившаяся. 28. [а]*Так К, ХС*; *ПУ* и. [б]*Так К, ХСУ*; *П* отець (?). 29. [а]*Так К, ХСУ*; *П* во Израиле. [б]*П* сильных *нет.* 31. [а]*Так К, ХСУ*; *П* имущих. [б]*П* можеши *переправлено из* подобаст. 32. [а]*П* на *нет.* [б]*Так К, ХСУ*; *П* доброхотво. [в]*Так К, ХСУ*; *П* пречистую богородицу. 33. [а]*Так К; П* вооружися. [б]*Так К, П* начя. [в]*П* по не. [г]*Так К; П* ногу положа на стул *нет*; *ХСУ* ногу положив на стол. [д]*Так К; П* понеже; *ХСУ* еже. 34. [а]*Так К; ХСУ*; *П* основаша. 35. [а]*Так К, ХСУ*; *П* полнее. [б]*Так К*; *П* осуженника ты; *ХС* яко же ты. 36. [а]*Так К, ХС*; *П* те кровной нами. 37. [а]*На этом*

слове кончается список П. [б]*Так ХСУ*; *К* преступники. [в]*Так ХСУ*; *К* супревословие. 38. [а]*Так ХСУ*; *К* единомысленники. [б]*Так ХСУ*; *К* вам. [в]*Так ХСУ*; *К* в нынешних. [г]*Так ХСУ*; *К* обиша. [д]*Испр.*; *К* младенца. [е]*К* рещи *нет.* 39. [а]*К* богатеству. [б]*Так ХСУ*; *К* успение. 40. [а]*К* на *нет.* 41. [а]*К* не *нет.* [б]*Так ХСУ*; *К* судия. [в]*К* еже *нет.* [г]*К* до *нет.* [д]*Так ХСУ*; *К* мосишского. [е]*К* учителя лета ради ныне же бысте требующе *нет.* [ж]*Так ХСУ*; *К* мирскому. 42. [а]*Так ХСУ*; *К* по них. [б]*Так ХСУ*; *К* рицаемых. [в]*Так ХСУ*; *К* ни налютейшее. [г]*Так ХСУ*; *К* пременениу сего ради блистания злата пременну. [д]*Так ХСУ*; *К* злата предаде. [е]*Так ХСУ*; *К* не ты. [ж]*Испр.*; *К* облагани. 43. [а]*Так ХСУ*; *К* Менеи. [б]*Так ХСУ*; *К* тщуяся. [в]*К* горькое не прозываю а се ли убо свет или сладко *нет.* [г]*Так ХСУ*; *К* на се ен. [д]*Так ХСУ*; *К* никогода. 44. [а]*Так ХСУ*; *К* сееть. [б]*Так ХСУ*; *К* истезуми. [в]*Так ХСУ*; *К* крестом. [г]*Так ХС*; *К* Ире; *У* Онѣ. [д]*Так ХСУ*; *К* юженам. [е]*К* и стра *и далее пробел.* 45. [а]*Так ХСУ*; *К* изряше. [б]*Так ХСУ*; *К* буда. [в]*К* не *нет.* [г]*Так ХСУ*; *К* подостпым. 46. [а]*К* но божию славу восхищаеши *нет.* [б]*Так ХСУ*; *К* человек. [в]*К после небольшого пробела* тархани. [г]*Так ХСУ*; *К* и се. [д]*К* гордостью-дмяся хвалишися како бо *нет.* [е]*Так ХСУ*; *К* суше. [ж]*К* лет *нет.* 47. [а]*Так ХСУ*; *К* да полуземи. [б]*Так ХСУ*; *К* покорятися прегордые царство. [в]*Так ХСУ*; *К* своим нуждением. [г]*Так ХСУ*; *К* христианство. [д]*Так ХСУ*; *К* каковых. [е]*Так ХСУ*; *К* три стаяве. 48. [в]*Так ХСУ*; *К* царству. [б]*К* царства *нет.* [в]*Так ХСУ*; *К* кроме. [г]*Так ХСУ*; *К* вашего. [д]*Так ХСУ*; *К* яко разума. [е]*Так ХСУ*; *К* папы. [ж]*Так ХСУ*; *К* наши напоминование. 49. [а]*Испр.*; *К* Датцого. [б]*Так ХСУ*; *К* зело. [в]*Так ХСУ*; *К* детцими. [г]*К* кои. [д]*Так ХСУ*; *К* томо о всем распространяешеся. [е]*К* с *нет.* 50. [а]*К* яко же они *дважды.* [б]*Так ХСУ*; *К* исповедани. [в]*Так ХСУ*; *К* сия ния. [г]*Так ХСУ*; *К* ево. [д]*К* суд *нет.* 51. [а]*Так ХСУ*; *К* рака. [б]*К вторично* десница. [в]*Так ХСУ*; *К* истинному богу нашему. [г]*К* ига *нет.* [д]*Так ХСУ*; *К* отметаетца. [е]*Так ХСУ*; *К* учищи веруеши и. [ж]*Так ХСУ*; *К* обедаи. [з]*К* не *нет.* [и]*К* ла. 52. [а]*К* алче. [б]*Испр.*; *К*, *ХСУ* может *нет.* 53. [а]*К* ко Ивану *нет*; *на этом месте пропуск.* [б]*Так ХСУ*; *К* оскуде не. [в]*Так ХСУ*; *К* их. [г]*Так ХСУ*; *К* испыя. [д]*Так ХСУ*; *К* дело их. [е]*Так ХСУ*; *К* воздам. [ж]*Так ХСУ*; *К* начато. 54. [а]*Так ХСУ*; *К* се. [б]*Так ХСУ*; *К* своего лишения. [в]*К* тебя *нет.* [г]*Так У*; *К* был еси; *ХС* были. [д]*Так ХСУ*; *К* боярина. [е]*К* сподобихомся. [ж]*Так ХСУ*; *К* нашего. [з]*К* пришел *два раза.* 55. [а]*Так ХСУ*; *К* Июди на пагуба нашему получался. [б]*Так ХСУ*; *К* должая. [в]*Так ХСУ*; *К* не сие. [г]*К* от сего *нет.* [д]*Так ХСУ*; *К* ся. [е]*Так ХСУ*; *К* сие убо всему. [ж]*К* общаго́ *нет.* [з]*Так ХСУ*; *К* местом. [и]*Так ХСУ*; *К* стает. [к]*Так ХСУ*; *К* нечетия. [л]*Так ХСУ*; *К* бы. 56. [а]*Так У*; *К* ядки; *ХС* етчи. [б]*Так ХСУ*; *К* поидосте. [в]*Так ХСУ*; *К* мосте.

[г]*Так ХСУ*; *К* егда возрасте. [д]*К* на своея; *ХСУ* свое. [е]*Так У*; *К* жены своея мало познал еси *нет*; *ХС* жены своея познал еси. [ж]*Так ХСУ*; *К* варварруских. [з]*К* егда *нет*. [и]*Так ХСУ*; *К* не. [к]*Так ХСУ*; *К* отнеже. [л]*Так ХСУ*; *К* бытие. [м]*Так ХСУ*; *К* токмо. [н]*Так ХСУ*; *К* бити. 57. [а]*Так У*; *К* ниже мнисте, яко же ныне таковая сотвористе *нет*; *ХС* ниже мните яко же ныне таковая сотворити. [б]*К* лице же свое пишешь не явити нам до страшного суда божия *нет*. [в]*Испр.*; *К* виде. [г]*Так ХСУ*; *К* нетогда. [д]*Так ХСУ*; *К* убою. [е]*Так ХСУ; К* е. [ж]*Так ХСУ*; *К* исея. 58. [а]*К вторично* молящеся. [б]*Так ХСУ*; *К* пожжения. [в]*Так ХСУ*; *К* долу. [г]*Так ХСУ*; *К* раме. [д]*К* Иисуса *нет*. [е]*Так ХСУ*; *К* юны. [ж]*Так ХСУ*; *К* но. [з]*Так С*; *К* проподи; *Х* пропасть. [и]*Так ХСУ*; *К* кождо убо. [к]*Так ХСУ*; *К* забы. [л]*К* в *нет* [м]*Так ХСУ*; *К* прящи. [н]*К недописано* скор. [о]*К* есть се есть. [п]*К* зрим аще добре зрим. 59. [а]*К* паче тебе *нет*. [б]*К* дыхающу *нет*. [в]*К* мужий онех *нет*. [г]*К* праведне *нет*. [д]*Так ХСУ*; *К* приемлете. [е]*Так ХСУ*; *К* доблеемую. [ж]*К вместо* Евдоксию *пропуск*. 60. [а]*К* были дела Авраамля бысте *нет*. [б]*К* Авраама *нет*. [в]*К* грех хощете имети не тако убо *нет*. 61. [а]*К* христианских и [б]*Так ХСУ*; *К* ныне. [в]*Так ХСУ*; *К* всех. [г]*Так ХСУ*; *К* яде отхидны. [д]*Так ХСУ*; *К* ся. 62. [а]*Так ХСУ*; *К* противися. [б]*К недописано* владыка. [в]*Так ХСУ*; *К* насъ сильных. [г]*Так ХСУ*; *К* пота книжника им (?) [д]*Так ХСУ*; *К* всем. [е]*Так ХСУ*; *К* моявип (?). [ж]*Так ХСУ*; *К* исол (?). [з]*Так ХС*; *К* пламяни не; *У* племяни кто. [и]*Так ХСУ*; *К* хтотя. [к]*К недописано* постави. [л]*Так ХСУ*; *К* горко. 63. [а]*Так ХСУ*; *К* ваших. [б]*Так ХСУ*; *К* коблеся. [в]*Так ХСУ*; *К* исполна. [г]*Так ХСУ*; *К* возьмут тя. [д]*Так ХСУ*; *К* Арепогит Тимофелу. [е]*Так ХСУ*; *К* навыщает. 64. [а]*Так ХСУ*; *К* сияющегося. [б]*Так ХСУ*; *К* конец изрекл. [в]*К недописано* раздели. [г]*К* пророцы *нет*. [д]*К недописано* посре. [е]*Испр.*; *К* навыкну; *У* навыкнуе; *ХС* навыкниши. [ж]*Так ХСУ*; *К* в нынешнем. [з]*Так ХСУ*; *К* входимых. [и]*Так ХСУ*; *К* отлученных. [к]*Испр.*; *К* на низвынья (?). 65. [а]*К вместо* день *пробел*. [б]*Так ХСУ*; *К* пря. [в]*Так ХСУ*; *К* ски но. [г]*Так ХСУ*; *К* лепона. [д]*Так ХСУ*; *К* то. [е]*Так ХСУ*; *К* сам. [ж]*К недописано* внимат. 66. [а]*К недописано* отсто. [б]*Испр.*; *К* подобноприятно; *ХСУ* богоприятном. [в]*К* просвещательно *нет*. [г]*Так ХСУ*; *К* его и. [д]*Так ХСУ*; *К* облечению. [е]*К* совсем достоит гонити понеже ангелом праведно воздати яже по достоянию *нет*. [ж]*К* от всех благочиннаго и праведнейшаго промысла иже убо иныя начальствовати от бога учиненны воздают последним себе и послушливым яже по достоянию *дважды*. 67. [а]*Так ХСУ*; *К* и божий. [б]*Так ХСУ*; *К* иного ни себе иного врачю или же. [в]*К вторично* и аще в мало верен и во мнозе верен есть. [г]*Так ХСУ*; *К* любезного мя. [д]*Так ХСУ*; *К* за. [е]*К* от *нет*. [ж]*Так ХСУ*; *К* ся. 68. [а]*К* отхиротенисает. [б]*К* и *нет*. [в]*Так ХС*; *К* и божие (*пробел*) чествующим. [г]*Так ХС*; *К* мило-

стивне. [д]*Так ХС*; *К* воскресит. [е]*Так ХС*; *К* учи бо а мыси. [ж]*Так ХС*; *К* множеством и стьдом. [з]*Так ХС*; *К* сверыпо. [и]*Так ХС*; *К* егда на разуму. 69. [а]*Так ХС*; *К* своих всех злодеев. [б]*Так ХС*; *К* величаеши. [в]*Так ХС*, *К* отпады. [г]*К недописано* на. [д]*Так ХС*; *К* понуже учитель. [е]*Так ХС*; *К* и буиного. [ж]*К* творити прелюбы *нет*. [з]*Так ХС*; *К* скарадуи. [и]*К вместо* милостив *пробел*. [к]*К* что *нет*. 70. [а]*Так ХС*; *К* дерзости еже. [б]*Так ХС*; *К* низцелною. [в]*Так ХС*; *К* приемли. [г]*Так ХС*; *К* пра. [д]*Так ХС*; *К* отверженнем. [е]*Так ХС*; *К* скончавще. [ж]*К* вещеши ю. [з]*Так ХС*; *К* человеканенавидство. [и]*К* еси беззакония *нет*.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ
(по спискам «сборников Курбского»)

72. [а]*Так Пг*; *Ар М* Арменским. 73. [а]*Так Пг*; *Ар М* христианам. 74. [а]*Так Пг М*; *Ар* крестъво. [б]*Так Пг М*; *Ар* противляюся. 76.[а] *Так М*; *Ар* вашею. 77. [а]*Так Пг М*; *Ар* ксходя. [б]*Так Пг М*; *Ар* ваши. 78. [а]*Так Пг М*; *Ар* обряшших. [б]*Так Пг М*; *Ар* Цариграда. 79. [а]*Так Пг М*; *Ар* приведен. 81. [а]*Так Пг М*; *Ар* кто. [б]*Так М*; *Пг Ар* злобесные. 82. [а]*Так Пг М*; *Ар* се и коням бразды во уста влагаем, да повинуются нам и все тело *нет*. 83. [а]*Так Пг*; *Ар* възстити; *М* возвестити. [б]*Так Пг М*; *Ар* гресех. 85. [а]*Так Пг М*; *Ар* люди *нет*. [б]*Так Пг М*; *Ар* вся. [в]*Так М*; *Пг Ар*; богатство. 86. [а]*Так Пг М*; *Ар* советояху. 87. [а]*Так Пг М*; *Ар* благолепне. 89. [а]*Так Пг М*; *Ар* дед твои. 90. [а]*Так Пг; И* зло; *Ар* бло. [б]*Так Пг*; *Ар М* имением. [в]*Так Пг; М Ар* враги. 91. [а]*Так М*; *Ар* обряшем. 92. [а]*Так Пг М*; *Ар* он. 93. [а]*Так Пг М*; *Ар* поимачия. [б]*Так Пг*; *М Ар* судит. 94. [а]*Так Пг М*; *Ар* воды. 95. [а]*Так Пг М*; *Ар* безчетно. [б]*Так М*; *Ар* воею. [в]*Так Пг М*; *Ар* изменно. 97. [а]*Так Пг М*; *Ар* пожрем. [б]*Так Пг М*; *Ар* или. 98. [а]*Так Пг М*; *Ар* пожалован. [б]*Так Пг М*; *Ар* увержения. 101. [а]*Так Пг М*; *Ар* ко. [б]*Так М*; *Ар* ангцем, *Пг* ангнецем. 104. [а]*Так М*; *Пг Ар* владели. [б]*Так Пг М*; *Ар* ових. [в]*Так Пг*; *М* елико о горе; *Ар* ели о Ре. 105. [а]*Так М*; *Ар Пг* злочестне. [б]*Так Пг*: *М* Израклии, *Ар* Израилия. 108. [а]*Так Пг*; *М* Казании, *Ар* казни. [б]*Так М*; *Ар Пг* душа. 109. [а]*Так Пг М*; *Ар* баче. 110.[а] *Так Пг М*: *Ар* враждую. 111. [а]*Так Пг М*; *Ар* избыти. [б]*Так Пг М*; *Ар* мисся. [в]*Так Пг*; *Ар* разрушищи, *М* разрешаши. 112. [а]*Так Пг М*; *Ар* сказывают. [б]*Ар в рукописи многоточие и пробел*. 113. [а]*Так М*; *Ар* babприприближеннейшая. [б]*Так Пг М*; *Ар* пре. 114. [а]*Так Пг М*; *Ар* готфкни. [б]*Так Пг М*; *Ар* воздвигоша. 115. [а]*Так Пг М*; *Ар* нам и от. [б]*Так Пг М*; *Ар* аще не моим с. [в]*Так Пг М*; *Ар* взыди. 116. [а]*Так Пг*; *Ар М* улучити. [б]*Так Пг М; Ар* Феофалу. [в]*Так Пг М*; *Ар* на 117. [а]*Так Пг М*; *Ар* до власном и. [б]*Так Пг М*; *Ар* божия. 118. [а]*Так Пг М*; *Ар* уж. [б]*Так Пг М*; *Ар* вами. 119. [а]*Так М*; *Пг Ар* нам. [б]*Так Пг М*; *Ар* поче же. [в]*Так Пг М*; *Ар* внимает.

120. [а]*Так Пг М*; *Ар* поехаст. 121. [а]*Так Пг*; *Ар М* а. 123. [а]*Так Пг М*; *Ар* не к ним. [б]*Так Пг М*; *Ар* над. 124. [а]*Так Пг М*; *Ар* самовольство. [б]*Так Пг М*; *Ар* труба.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ
(краткая редакция)

[а]*Так АБ*; *И* безоизвыкших. [б]*Так А*; *ИБ* Лия. [в]*Так А*; *ИБ* дед. [г]*Так А*; *И Б* и *нет*. [д]*Так А*; *БИ* низполнолзновению. [е]*Так Б*; *И* исправшихся, *А* исправлыпихся. [ж]*Так Б*; *ИА* оскудели. [з]*Так А*; *ИБ* та. [и]*Так А*; *ИБ* немошнем.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

[а]*Испр.*; *в оригинале* града. [б]*Испр.*; *в оригинале* наши.

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

[а]*Испр. по ТЦ*; *в рукоп.* А. [б]*Испр. по ТЦ*; *в рукоп.* по. [в]*Испр. по ТЦ*; *в рукоп.* Потом же. [г]*Испр.*; *в рукоп.* Колачев (*также КЦП*, *в Т* Ковачев). [д]*Испр. по КТЦ*; *в рукоп.* еда. [е]*Испр. по ТЦП*; *в рукоп.* его. [ж]*Испр. по П*; *в рукоп.* по (*также в КТЦ*). [з]*В рукоп. это слово пропущено (также в КТЦП)*; *вставлено по смыслу*. [и]*Испр. по К*; *в рукоп.* вас хождения. [к]*Испр. по смыслу*; *в рукоп.* по (*также в КТЦП*). [л]*Испр. по смыслу*; *в рукоп.* воспитѣвшимся (*также в КТЦП*). [м]*Испр. по смыслу*; *в рукоп.* ми (*также в КТЦП*). [н]*Испр. по ТЦ*; *в рукоп.* безгласно. [о]*Испр.*; *в рукоп.* затворившуся. [п]*Испр. по Ц*; *в рукоп.* Озаков (*также в КТП*). [р]*Испр. по К*; *в рукоп.* сравнася. [с]*Испр.*; *в рукоп.* остася. [т]*Испр. по смыслу*; *в рукоп.* во (*также КТЦП*). [у]*Испр. по ТЦП*; *в рукоп.* есть. [ф]*В рукоп. добавл.* и (*также в ТЦП*); *испр. по К*. [х]*В рукоп. описка*: шеперания (*также в КП*). [ц]*Испр. по смыслу*; *в рукоп.* удобно (*также в КЦП*; *в Т* удобна). [ч]*В рукоп. описка*: Шеремететевых. [ш]*В рукоп. сверху приписано*: монастыре (*в других списках нет*). [щ]*Испр. по смыслу*; *в рукоп.* оставих (*также в ЦП*; *в К* остави, *в Т* остави же). [ъ]*В рукоп. описка*: лю. [ы]*В рукоп.* мѣните; *испр. по ПЦ*. [ь]*Испр. по Ц*; *в рукоп.* правлении. [э—э]*Испр. по ЦП*; *в рукоп.*: боляре его и царь ей (*сходно в КТ*) [ю—ю]*В рукоп.*: то егда имяху что (*сходно в К*); *испр. по П*. [я]*Вставлено по смыслу*; *в рукоп. нет* (*нет также в КТЦП*). [а]*В рукоп. нет*; *вставлено по Т*. [б]*В рукоп. ошибочно дважды* чего. [в]*В рукоп. нет*; *испр. по ЦП*. [г]*Испр. по П*; *в рукоп.* большое (*также в КЦ*; *в Т* болшее).

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ

[а]*Испр.*; *в ркп.* разделением. [б]*Испр.*; *в ркп.* како. [в]*Испр.*; *в ркп.* больбам. [г]*Испр.*; *в ркп.* прародительския земля; *на полях пометка А. И Попова* и сия? [д]*В ркп.* Василию *нет.* [е]*Испр.*; *в ркп.* христианство [ж]*Испр.*; *в ркп.* вас.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ

[а]*Так Пк*; *ЦГ* сказати. [б]*Так Г*; *Ц Пк* ноги *нет.* [в]*Так Г.*; *Ц Пк* коротко.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

[а]*Так ЦУ*; *Пк* о. [б]*Так Ц*; *Пк* разтленне, *У* растрелен. [в]*На этом кончается текст Ц.* [г]*Испр. по предложению А. И. Попова (на полях его копии)*; *Пк* попамятуй и косудо; *У* по памяти и косу. [д]*Так У*; *Пк* вами. [е]*Так У*; *Пк* не *нет.* [ж]*Так У*; *Пк* смертью. [з]*Так У*; *Пк* смерть.

ПОСЛАНИЕ ТЕТЕРИНУ

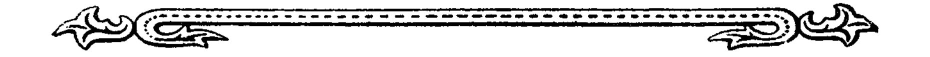
[а]*В ркп. неразб.*

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ

[а]*Так Л*; *Д* Лукие. [б]*Испр. (ср. Кн. Пос. Метр. Литовск., т. II, стр. 38)*; *ЛД* привесили. [в]*Испр.*; *ЛД* целовали. [г]*Так Л*; *Д* недомо. [д]*Так Л.*; *Д* в *нет.* [е]*Так Л*; *Д* христианство. [ж]*Так Л*; *Д* земли *нет.* [з]*Так Л*; *Д* Флянские. [и]*На этом слове кончается список Д.* [к]*Испр.*; *Л* им. [л]*Испр.*; *Л* Московскову. [м]*Испр.*; *Л* иное. [н]*Испр.*; *Л* иноверно.

ПОСЛАНИЯ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ И ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БОЯР

[а]*Испр. (ср. выше, стр. 241)*; *в ркп.* за панованье *нет.* [б]*Испр.*; *в ркп.* в *нет.* [в]*Испр.*; *в ркп.* ми. [г]*Испр.*; *в ркп.* поневаж.



КОММЕНТАРИИ

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

[1] Бог наш троица. . . ведомо да есть. — Титул, с которого начинается 1-е послание Курбскому, отличается от обычного титула дипломатических грамот (ср. стр. 144). Как обычно, этот титул начинается с перечисления атрибутов бога (мы опускаем это перечисление в переводе), но после этого следует не перечисление владений царя («всея Руси, Владимирского, Московского. . .» — как обычно в дипломатических грамотах), а изложение родословия русских князей, предков Грозного. «Врагами христианства» царь называет польско-литовских правителей и военачальников, которых русские источники того времени неоднократно обвиняли в разграблении православных церквей; с этим связано и сравнение их с тремя византийскими императорами-иконоборцами — Львом III Исавром (717—741 гг.), Константином V Копронимом (т. е. «Навозоименным», по древнерусски «Гноетезным») (741—775 гг.) и Львом V Армянином (813—820 гг.). Ярославским «владыкой» (князем) Курбский называл себя в многочисленных посланиях (А. М. Курбский, Соч., изд. 1914, стлб. 411, 449, 461 и др.), а впоследствии и в своем завещании (там же, стлб. 529), в связи с тем, что род его вел свое происхождение от прежних ярославских князей (от князя Ивана Васильевича Ярославского, потомка князей Смоленских).

[2] яко же беси на весь мир, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники. — В своем послании Грозный обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», разделяя их на две категории — товарищей Курбского и «служебников». К первой категории принадлежали, очевидно, Владимир Семенович и Иван Иванович Заболоцкие [Заболоцкие, как и Курбские, вели свой род от смоленских Рюриковичей (ср.: С. Б. Веселовский. Синодик опальных Ивана Грозного как исторический источник. Сб. «Проблемы источниковедения», т. III, 1940, стр. 284—285); о весьма бурной «деятельности» Вл. Заболоцкого в Литве свидетельствуют источники, изданные в книге «Жизнь кн. А. М.

Курбского в Литве и на Волыни», II (Киев, 1849, стр. 243 сл.)]. Ко второй категории относились многочисленные «худые люди», бежавшие в эти годы в Польшу и Литву, включая слуг Курбского (И. и М. Калыметы, К. Зубцовский и др.) и таких независимых, но незнатных лиц, как Тимоха Тетерин, Марк Сарыхозин [см. их письмо боярину М. Морозову (стр. 536) и ответ царя на это письмо (стр. 212); см. также дружеское письмо Курбского Сарыхозину на религиозные темы и указание Курбского в его завещании на материальную зависимость от него Сарыхозина (А. М. Курбский, Соч., изд. 1914 г., стлб. 415, 549, 561) и др.]. Грозный делал различие между этими двумя группами лиц — в инструкциях своим послам в Польшу он писал: «А то (речь идет об упреках за измену, — *Я. Л.*) говорити с Курбским или с кем иным радным, а с худым того не говорити, худому излаяв, да плюнути в глаза, да и пойти прочь» (Сб. РИО, т. 71, стр. 593). Это не мешало ему считать изменников-«служебников» еще более вредными, чем «радных» изменников, — недаром он систематически справлялся о судьбе Тетерина (Сб. РИО, т. 71, стр. 322, 468, 778 и др.); именно они, по его мнению, наполняют «яростью» Курбского и ему подобных.

[3] нас всячески назирающе, блюдуще хожения и глаголания, мнящеся аки безплотных быти. — Речь идет о деятельности изменников — «слуг» (т. е. незнатных изменников), следивших, по словам Грозного, за всеми его поступками. Выражение «мнящеся аки бесплотных быти» мы переводим: «воображая, что они бесплотны [невидимы]», т. е. изменники думают, что их соглядатайство остается незамеченным. Возможно, однако, что Грозный хотел сказать, будто изменники считают бесплотным его самого. В таком случае это выражение следует поставить в связь с помещенным ниже (см. прим. 9) обвинением против Курбского и его единомышленников в «наватской» (новацианской) ереси, представители которой требовали от людей, чтобы они были выше (нравственней) «человеческого естества».

[4] Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти. . . Литовская брань улучилася вашею же изменою и недоброхотством и нераденнием безсоветным. — Замечание царя, что Курбский будет участвовать в войнах «с христианами» (т. е., против Руси), подтвердилось спустя несколько месяцев после написания этого письма (ПСРЛ, XIII, 390). Мнение Устрялова (Сказания кн. А. М. Курбского, прим. 223), что царь имеет в виду уже совершившийся факт (разграбление Курбским Великолукской волости), не верно; поход Курбского на Великие Луки (как и на Полоцк) произошел после написания комментируемого послания (Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij, прим. 14); о войнах Грозного с Литвой и Ливонией см. ниже, прим. 42.

[5] тамо сущии — польско-литовские правители, к которым Грозный не раз обращался с просьбой о выдаче Курбского (Сб. РИО, т. 71, стр. 454, 467 и 532 и др.).

[6] убоялся еси ложнаго на тя речения смертнаго, от твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному солганию. — Здесь царь намекает на какие-то обстоятельства, предшествующие бегству Курбского; не совсем понятно, в каком смысле «смертное речение» именуется «ложным» (идет ли речь о том, что Курбскому солгали о каком-то несправедливом приговоре против него его друзья или о том, что самый этот приговор мог явиться результатом клеветы этих «друзей» на Курбского?). Намек на «ложное слово», бывшее причиной бегства Курбского, встречается в том же письме выше (предыдущий абзац) и ниже (в следующем абзаце); в упомянутой дипломатической переписке с Польшей царь указал, что Курбский «учал государю. . . делати изменные дела и государь хотел был его понаказати» и «посмирити»; узнав об этом, Курбский сбежал (Сб. РИО, т. 71, стр. 321, 468).

[7] Како же не страмишися раба своего Васки Шибанова? — Помимо известия комментируемого послания, существуют еще два известия о слуге Курбского Василии Шибанове. Первое из них — чрезвычайно популярное в литературе сообщение так называемой Латухинской Степенной книги о том, что Курбский, бежав в Литву, «посла того же своего верного раба к великому государю царю, с досадительным письмом из Литвы. Той же Васька Шибанов к Москве прииде, и при пути походу государева на Красном крыльце царю и в. кн. Иоанну Васильевичу лист той от князя своего подал» [цит. по примечанию Устрялова в его издании «Сказаний А. М. Курбского» (СПб., 1868, стр. 340)]. Далее рассказывается, как царь пробил В. Шибанову ногу «осном» (наконечником трости), и в таком положении он выслушал текст послания (этот рассказ послужил источником для известной баллады А. К. Толстого). Другое известие о Шибанове содержится в официальной летописи XVI в. — в Синодальном списке Никоновской летописи; здесь сообщается, что после бегства Курбского «человека его, Васку Шибанова, воеводы, поимав, прислали к господарю; тот же человек его, Васка Шибанов, государю царю и в. кн. сказал про государя своего князя Ондрея изменные дела» (ПСРЛ, XIII, 383, ср. репродукцию этого текста летописи — стр. 473). Легко заметить расхождение между обоими этими источниками; само собой разумеется, что предпочтение должно быть дано реалистическому рассказу летописи XVI в., а не романтической легенде «Степенной книги» XVII в. (т. е. Шибанов был взят в плен, а не явился к царю в качестве посланника). На первый взгляд может показаться, что известие Никоновской летописи о том, что Шибанов «сказал. . . князя Ондрея изменные дела», противоречит и словам царя о том, что

Шибанов «не отвержеся» Курбского, «похваляя его» «при смертных вратах». Однако, это противоречие мнимое. Если Шибанов, как сообщает летопись, был пойман и захвачен в плен, то, естественно, он на допросе не мог скрыть и не стал бы скрывать очевидного факта бегства к неприятелю Курбского, — а это и значит на языке официальной летописи, что он «сказал. . . изменные дела» Курбского. Это никак не исключает того, что Шибанов мог обнаружить при допросе достаточную храбрость и вассальную преданность «своему владыце», что и дало Грозному повод к нелестному для Курбского сравнению.

8 Писание же твое прията бысть и вразумлено внятельно. — Эти слова представляют собой пародию на традиционную формулу дипломатических грамот (см., напр., стр. 233 и 242), следующую после изложения текста грамоты иностранного государя.

9 Начало убо твоего писания. . . повеленну быти? — Грозный разбирает первые слова послания Курбского: «Царю от бога препрославленному, паче во православии пресветлу явившуся, ныне же. . . сопротивным обретесь» (см. стр. 534 — начиная с этих слов, царь в течение всего своего послания разбирает и опровергает фразу за фразой все послание Курбского). Выражение «сопротивным обретесь», употребляемое Курбским, заключало в себе, повидимому, обвинение в отступничестве от православия («в православии пресветлу явившуся, ныне же. . . сопротивным»). Во всяком случае, это обвинение больше всего оскорбило Грозного, и он многократно возвращается к нему на протяжении всего послания, иногда просто цитируя слово «сопротив» («се ли разумевая „супротиво"»? — стр. 15), иногда прибавляя дополнение: «сопротивно разума» («се ли убо сопротивно разума?», — стр. 19), иногда прибегая к довольно сложной и не всегда ясной игре этими словами (стр. 29 и 43). Определение «наватской» ереси Грозный берет, повидимому, из Хронографа: «Елици убо христиане, не могуще стерпеть мук, пожираху [нарушали пост] и потом каяхуся, Нават же не приимаше их [назад в лоно церкви], глаголя: аще и тмами каетеся, не приемлеть вас бог» (ПСРЛ, XXI, ч. 1, стр. 259; в действительности такую крайнюю строгость к согрешившим проявлял другой римский «ересиарх» III в. н. э. — Новициан). Приводимую им евангельскую цитату Грозный переделывает: вместо «нужда бо приити соблазнам» он пишет «нужда бо не приити соблазнам».

10 нарицаемого попа, т. е. «известного», «того, которого я имею в виду» («нарицати» — иметь в виду, разуметь). Речь идет о священнике московского Благовещенского собора Сильвестре. Сильвестр фактически исполнял обязанности царского духовника (личного священника) и пользовался большим личным влиянием на царя; указание Грозного (см. ниже, стр. 57), что Сильвестр при этом не гнушался такими приемами, как запугивание царя «детскими страшилами» (суеверными страхами),

подтверждается и Курбским (Соч., стлб. 169). О политической роли Сильвестра см. ниже, прим. 25.

[11] Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играм бытие. . . чим у вас извыкли прохлажатися?— Это оправдание царя (против какого-то предполагаемого обвинения Курбского) не совсем понятно. В первую очередь царь оправдывается, очевидно, в несоблюдении каких-то церковных обрядов, ссылаясь на «бремя царских правлений» [предположение Штелина (ук. соч., прим. 21), что здесь речь идет о мероприятиях, относящихся к церковному землевладению, за которые царь извиняется, не убедительно; «церковное предстояние» означает в послании именно хождение в церковь и соблюдение обрядов — ср. стр. 39]. Менее понятно оправдание по второму вопросу. В списках, известных до настоящего издания, это место читалось: «имый гром бытие», «и мы гром бытие» — Устрялов (Сказания кн. Курбского, стр. 142, d) истолковал это, как «мы громим, разрушаем бытие»; развивая это понимание, Штелин (ук. соч., прим. 20) видит здесь намек Грозного на его собственное прозвище. Такое толкование представляется весьма сомнительным: форма 1-го лица мн. ч. от глагола «громить» — «гром», нигде не встречается; дальше, повторяя тот же загадочный термин, царь оправдывается не в излишнем «громлении», а наоборот в снисходительстве; что касается прозвища «Грозный», то в XVI в. оно вообще не упоминается (тем более в писаниях самого царя), и т. д. Более вероятным представляется нам чтение, даваемое новонайденными списками начала XVII в. — Погодинским списком (см. репродукцию с этого листа рукописи, — стр. 593) и списком Археографической комиссии: речь идет о каких-то «играх», за которые царь считает нужным извиняться. Такое чтение вполне согласуется с дальнейшим текстом послания: царь сравнивает попустительство «играм» со снисхождением матери к детским забавам и спрашивает: «и чим [зачем] у вас извыкли прохлажатися [привыкли развлекаться]?». Какие именно «игры» имеет в виду Грозный — идет ли речь об играх «с скоморохами в машкарах», которыми Грозный, по словам Курбского, стремился «аки в дружбе себе присвоити» некоторых бояр, приглашая их «играть» с ним (Соч., стлб. 279, — это известный рассказ о Репнине, погибшем как раз в начале 60-х годов), или здесь имеются в виду «игры» более широкого характера — сказать трудно.

[12] Алексеем.— Имеется в виду окольничий Алексей Федорович Адашев, пользовавшийся большим влиянием в 50-х годах XVI в. (см. о нем ниже, прим. 25).

[13] Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих злобесных учиненно, еже иноческое одеяние свергши и на кристьян воевати? . . . Много же и не в Тимохину версту обрящеши. . . и не поправше иноческого образа . . . паки приидоша. — Грозный имеет в виду одного

из «худых» «единомысленников» Курбского — Тимофея-Тихона Пухова-Тетерина, бежавшего в Литву в конце 50-х — начале 60-х годов. Бегству Тетерина предшествовала его ссылка в Сийский монастырь и насильственное пострижение там. В архиве Грозного хранились дела: «Посылка на Двину в Сейской монастырь Тимохи Тетерина с Григорием Ловчиковым: дело Ондрея Кашкарова да Тимохина человека Тетерина, Позднячка, что они Тимохиным побегом промышляли» (Опись царского архива, Акты Археограф. экспед., т. I, стр. 354); в 1581 г. Грозный писал папскому послу Поссевину, что «Тимоху были есмя и пожаловали, а велели есмя его постричь по своему закону, и он, сметав платье чернецкое, да в Литву збежал» (Памятники дипломатических сношений с державами иностранными, т. X, СПб., 1871, стр. 226). — Князь Рюрик Ростиславич Смоленский, занимавший с 1194 г. (с перерывами) киевский престол, был насильственно пострижен в монахи в 1203 г. князем Романом Мстиславичем Галицко-Волынским. В 1205 г. он, как сообщает Никоновская летопись, «сложи с себе платье иноческое и растрижеся. . . такоже и жену свою хотяше рострищи, она же не восхоте» (ПСРЛ, X, 50). В 1215 г. он, согласно той же летописи, «преставися. . . княжа в Чернигове» (там же, 69). — Кого имеет в виду царь, говоря о «не в давных летех постриженых от синглита [совета, собора] превелика», не ясно (не идет ли речь о каких-то еретиках, постриженных по решениям соборов 50-х годов, осудивших Башкина, Феодосия Косого и других лиц? — ср.: Опись царского архива, Акты Археограф. экспед., т. I, № 289, стр. 349 и 353).

[14] Или мнишися, яко ты еси Авенир, сын Ниров, храбрейший во Израили . . . погибель содеваеши. — «Сильными во Израиле» Курбский именовал своих единомышленников, казненных Грозным. В соответствии с этим библейским термином царь выдвигает для посрамления Курбского примеры также из Библии: Авенир, сын Нира, Ахитофел, Иеровоам, сын Навата (этот библейский Нават не имеет ничего общего с еретиком Наватом, о котором Иван писал выше), — все это библейские лица. Далее царь приводит несколько цитат — из Библии и Иоанна Златоуста (о бессилии врагов божьих, — в переводе эти цитаты мы не сохраняем).

[15] Се ли убо сопротивно разума, еже по настоящему времени жити? . . . Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевела наполнил еси! — Выражение «настоящее время» (употребляемое царем и выше, стр. 18) имеет смысл: «соответствующее время», «соответствующие обстоятельства». Грозный возражает против того, что царь должен действовать во всех случаях «единако» (одинаково), и указывает, что он должен быть «овогда» (иногда)

кротким, «овогда — ярым» (свирепым). В доказательство допустимости в определенных случаях второго пути царь приводит примеры: римско-византийского императора Константина Великого (первого христианского императора, казнившего в 326 г. своего сына Криспа), смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича, предка Курбского, причисленного к лику святых (он был участником многих княжеских усобиц, в 1293 г. приводил на Русь татарскую рать, разграбившую многие города; в 1298 г. «крепко» осаждал Смоленск, занятый его двоюродным братом, но не сумел его взять, — ПСРЛ, X, 169, 171—172), и библейского царя Давида. В связи с последним примером царь вспоминает случай из своего царствования, когда его (подобно Давиду) замыслили «отвергнуть» «нынешние изменники»; Курбский же, видя то «пламя» (мятеж), «не погасил», «но паче разжегл» его. Царь намекает, очевидно, на события во время его болезни в 1553 г., см. ниже, прим. 29.

[16] Воспомяни же. . . безбожный Магмет греческую власть погаси, и, яко ветр и буря зельняя вся без вести сотвори. — В доказательство того, что не самодержавие «противно разуму», а что, напротив, неизбежно должно разориться государство «от злодейственных человек» и «от попов владомое», царь излагает длинный очерк библейской и византийской истории. Особенный интерес представляет изложение царем последнего сюжета: вопреки пренебрежительному замечанию Костомарова, что царь «мог все эти знания перевести на письмо Курбскому из любого Хронографа» (Исторические монографии, т. XIII, 1881, стр. 261), очерк византийской истории, сделанный царем, не совпадает с известными нам текстами Хронографа (напр. Хронограф ред. 1512 г. — ПСРЛ, XXII; некоторые совпадения наблюдаются с еще не изданным так называемым «Еллинским летописцем»), и вопрос о его источниках требует специального изучения. От перечисления владений «Августа-кесаря» (среди этих владений он называет «Ассею» и «Азею» в качестве различных стран — ср. ниже, прим. 2 к посланию Полубенскому) царь переходит непосредственно к распаду Империи после смерти Константина (337 г. н. э.), далее он упоминает борьбу в Италии при императоре Маркиане (450—457 гг.) и Льве Великом (457—474 гг.); «Зинзирих» — вождь германского племени вандалов Гейзерих, захвативший в 427 г. африканские владения империи, а в 450 г. Рим (наименование «рига», поставленное Грозным после имени «Зинзерих», означает «rex», король, и может относиться к любому лицу, скорее всего, к самому Гейзериху — ср. ПСРЛ, XXII, 285, 324: «риги же свои князи называют фрязи»). Дальше (в отрывке, пропущенном в до сих пор известных списках) упоминается император Анастасий Дикорос (491—518 гг.) из Диррахиума (нынешний Дуррес в Албании), при котором, действительно, произошло крупное восстание в армии, руководимое Виталианом (515 г.); вскоре после смерти Ана-

стасия начинается наступление Ирана на Византию при Хозрое I (531—579 гг.). Пропустив царствование Юстиниана Великого, Грозный затем переходит к императорам Маврикию (582—602 гг.) и Фоке (602—610 гг.) и упоминает завоевания иранского шаха Хозроя II (590—628 гг.), относящиеся к этому времени. Далее упоминается император Ираклий I (610—641 гг.), — вначале ему действительно досталось «худейшее» царство, но затем император вернул значительную часть завоеваний Хозроя, — и Юстиниан (Грозный пишет «Юстин») II Курносый (Ринотмет — «с обрезанным носом»; 685—711 гг.), терпевший многократные поражения от «варваров» (арабов, болгар), свергнутый с престола одним из своих полководцев и вернувший себе власть с помощью болгар. В связи с этой помощью от болгарского хана, Юстиниан II принужден был признать за ним титул «кесаря» и обязаться уплачивать ему дань (не ясно, о каком отделении болгарской «церкви» говорит Грозный — христианская религия у болгар появилась лишь с середины IX в.). Апсимар-Тиберий был одним из соперников Юстиниана II (правил в 698—705 гг.), Филиппик-Вардан окончательно сверг Юстиниана и правил после него (711—713 гг.); Феодосий III Бородатый из Адраминттона был одним из многочисленных полководцев, захвативших императорский престол (716—717 гг.); еще до этих императоров Египет и Дамаск были отвоеваны у Византии, но не персами, а арабами (вскоре после отвоевания их Ираклием I от персов). Не совсем понятно, о каком «отложении скифов» при Константине Копрониме (741—775 гг.) пишет царь: едва ли он имел в виду болгар, ибо выше он называл их просто болгарами [Устрялов (Сказания Курбского, прим. 240), толковавший «скифов» как болгар, не знал предшествующего текста]. В IX в., когда правили Лев V Армянин (813—820 гг.), Михаил II Аморен (820—829 гг.) и Феофил (829—842 гг.), происходит образование ряда государств в Европе (Грозный считает, что эти государства «отторглись от греческого царства», но фактически они уже давно были независимы); в начале этого века Византия признала западно-римским «базилевсом» (императором) «Карула от внутреннейшая Фругия» — франкского императора Карла Великого [имя «Карула» встречается только в Погодинском списке и списке Археографической комиссии; но уже Устрялов, не зная этого списка, правильно предположил, что речь идет о Карле Великом (Сказания Курбского, прим. 242)]. При Михаиле III и при правившей за него его матери Феодоре (842—867 гг.) Иран уже в значительной степени освободился от арабской власти; однако завоевать Иерусалим у Византии персы не могли, так как Иерусалим уже в VII в. принадлежал арабам. Константинополь был завоеван «фрягами» (западными европейцами, участниками так называемого IV крестового похода) в 1204 г.; восстановление «убогого царства» Михаилом VIII Палеологом (родо-

начальником последней византийской императорской династии) относится к 1261 г.; Константин XI (XII) Драгазес (1449—1453 гг.) — последний византийский император; в 1453 г. «безбожный Магмет» (турецкий султан Мухаммед II) завоевал Константинополь.

[17] Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градех и властях совладети, иде же вам быти, не подобает. И что от сего случишася в Росии, егда быша в коеждом граде градоначальницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего и сам беззаконныма очима видел еси. . . — Это место, впервые публикуемое в настоящем издании (в списках комментируемого послания, известных до настоящего времени, оно было пропущено), затрагивает один из самых острых вопросов в борьбе между царем и боярством. Наместническое управление на местах («наместники» в уездах и «волостели» в волостях) представляло собой пережиток феодальной раздробленности, неизбежный в первый период существования Русского национального государства. Наместники получали определенную территорию в «кормление» — для собственного обеспечения; следствием этого было стремление выжать как можно больше «корма», всевозможные злоупотребления. Злоупотребления наместников достигли наибольших размеров в период «боярского правления» (см. ниже, прим. 22), когда Курбский и мог наблюдать их «беззаконными очами» (в 50-х годах наместничество было в основном ликвидировано, — ср.: И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 41—46). Библейская цитата: «горе граду, им же многие овладают», относится именно к этому предполагаемому стремлению Курбского восстановить наместническое управление, а не (как получалось по другим спискам) к замечаниям царя об отшельничестве и «общежительстве» монахов [предположение Штелина (ук. соч., прим. 21), видящего и здесь «нестяжательские» тенденции Грозного, поэтому отпадает]. Далее следует цитата из Псалтыря (Псалтырь, LXI, 11; здесь Грозный ставит в пример Курбскому царя Давида, легендарного автора псалмов) и ряд других библейских и евангельских цитат.

[18] меня. — Речь идет опять, очевидно, о событиях 1553 г. (см. прим. 29); утверждение, что бояре, кроме, «ссущего млеко младенца» (Димитрия), хотели еще «лишить света сего» самого царя, имеется только в Погодинском списке и краткой редакции. Если это не описки (в списке Археографической комиссии читается: «младенца моего»), то обнаруживается тем самым еще одно обвинение царя против его врагов.

[19] Но понеже убо извыкосте от прародителей своих. . . такой яд отрыгаеши. — Грозный характеризует весь род Курбского, как изменнический. Кн. Андрей Углицкий — брат Ивана III — в 1491 г. был заточен Иваном III, и через 2 года умер в заточении. Кн. Димитрий Иванович — внук Ивана III (сын его старшего сына Ивана), в 1497 г. был

признан дедом в качестве наследника и соправителя, в 1502 г. при загадочных обстоятельствах подвергнут заточению вместе с матерью Еленой Стефановной; наследником Ивана III был провозглашен второй сын Ивана III Василий (отец Грозного); Димитрий умер «в нуже» (насильственной смертью) в тюрьме уже в правление Василия III. О связи предков Курбского с этими князьями в других источниках ничего не сообщается, но сам А. М. Курбский с большим сочувствием писал о гибели Андрея и Димитрия Ивановича (Соч., стлб. 271—272); об «укоризненных словах» предков Курбского по матери, Тучковых, по адресу предков Грозного в других источниках также ничего не сообщается; о роли Михаила Тучкова во время борьбы Шуйских и Бельских см. ниже, прим. 22.

[20] А еже писал еси: почто есмя сильных во Израили побили. . . православных. — Царь приводит большую цитату из письма Курбского (выше, стр. 534) и дальше на протяжении многих страниц дает на нее развернутый ответ.

[21] Яко же и выше рех, какова злая пострадах от юности моея даже и доселе. . . да погубят безпамятно! — Иван начинает пространное изложение своей биографии (и одновременно истории боярских измен) от смерти своего отца Василия III в 1533 г. Правительницей государства стала после смерти Василия его жена Елена Васильевна (Глинская); кроме Ивана, у Василия оставался еще один сын, глухонемой и «простой умом» (поэтому «святопочивший») Юрий. Крымские (перекопские) ханы несколько раз нападали на Русь в правление Елены (напр. в 1535 г.), но внутренние смуты (борьба двух ханов) не давали возможности крымцам начать большую войну. В 1535 г. произошел заговор в Казани и вместо московского ставленника ханом стал там крымский ставленник (Сафа-Гирей). Елене пришлось признать этого нового казанского хана. Бегство кн. Семена Бельского и окольничего И. В. Ляцкого к польскому королю Сигизмунду I относится к 1534 г. В 1535 г. Сигизмунд начал военные действия против Руси; ему удалось сжечь город Радогощь (ПСРЛ, XIII, 86), взять Гомель (по известию одного из списков летописи «наместник же градка того князь Димитрий Щепин Оболенский не храбр и страшлив, видев люди многии и убоялся», — ПСРЛ, XIII, 98) и Стародуб (после сильного сопротивления, — там же). Больше Сигизмунду ничего завоевать не удалось, и в 1536—1537 гг. было заключено перемирие. Не удовлетворенный таким исходом войны, С. Бельский отправился в Стамбул, вступил в переговоры с султаном, и в 1536 г. ходил с крымско-турецкими войсками на Русь (ПСРЛ, XIII, 100—101). Заговор кн. Андрея Старицкого (брата Василия III) относится к 1537 г.: Андрей пытался поднять против Елены новгородских помещиков («послужильцев»), но не достиг успеха и был принужден сдаться. Об участии

20.

Первое послание Курбскому.

Л. 20 из Погодинского списка.

в этом заговоре кн. Ивана Семеновича Ярославского (Грозный называет имена предков И. С. Ярославского, чтобы подчеркнуть его родство с Курбским) других известий (кроме комментируемого послания) нет. Что имеет в виду царь, упоминая среди других врагов Руси, выступивших в эти годы, «Надчитархана», — не вполне ясно. Штелин (ук. соч., прим. 40) предполагает, что «Читархан» (так читается в ряде списков) — это «Хаджи-тархан», т. е. Астрахань (по-татарски «Хаджи-тархан»). В Астрахани, действительно, незадолго до смерти Елены Васильевны произошел государственный переворот, и ханом, вместо дружественного Руси Абд-эль-Рахмана, стал Дербыш-Али (ПСРЛ, XIII, 120).

[22] Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей. . . преити от земного царьствия на небесное. . . по мзде творяще и глаголюще. — Грозный описывает период так называемого «боярского правления», наступивший после смерти его матери Елены Глинской (апрель 1538 г.). После смерти Елены погиб ее фаворит Овчина-Телепнев-Оболенский; были выпущены «из нятства» (заточения) князь Андрей Шуйский (арестованный в связи с заговором кн. Андрея) и кн. И. Ф. Бельский (ПСРЛ, XIII, 123), и «сведен с митрополии» ненавистный боярам митрополит Даниил. Следует отметить, что рассказ царя об этих событиях в комментируемом послании сходен (иногда дословно) с аналогичным рассказом в официальных летописных сводах — Никоновской летописи (Синодальный список) и «Царственной книге» и в особенности в приписках к этим сводам, сделанных каким-то официальным редактором (приписки к Синодальному списку были введены в основной текст более поздней «Царственной книги», но редактор, очевидно, не удовлетворился ими и дополнил «Царственную книгу» новой группой приписок). Историки предполагают, что редактором этим был какой-то близкий к царю человек, если не сам царь (ср. напр.: С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. Ист. зап., т. XV, стр. 33; С. Б. Веселовский. Последние уделы в сев.-вост. Руси. Ист. зап., т. XXII, стр. 106, и др.). В тексте «Царственной книги», как и в письме царя, дед Курбского Михаил Тучков упоминается как участник соперничества между Шуйскими и Бельскими (ПСРЛ, XIII, 432).

[23] И тако им на много время жившим, мне возрастом телом приспевающе, и не восхотех под властью рабскою быти. . . шесть лет и пол не престаше сия злая! — И. В. Шуйский был «отослан» (на воеводство во Владимир) и И. Ф. Бельский пришел к власти летом 1540 г.; новая победа Шуйских относится к 1542 г. Обстоятельства обоих этих государственных переворотов мало известны: официальные летописные списки (Синодальный список и «Царственная книга») умалчивают об этих событиях; из другого списка Никоновской летописи (ПСРЛ, XIII, 132—133) мы узнаем, что видную роль в победе Бельских играл митрополит Иоасаф

(недаром последовавшее поражение Бельских совпало с его отставкой). Положительная характеристика Бельских и отрицательная Шуйских, содержащаяся в комментируемом послании и в официальных летописях [рассказ о свержении Иоасафа и избиении Ф. Воронцова почти дословно совпадает в комментируемом послании и в приписках к летописям (ПСРЛ, XIII, 141 и 143); в приписке к «Царственной книге» подчеркивается участие в этом избиении Д. Курлятева и А. Басманова], связана, повидимому, с характерным для Грозного в те годы выдвижением княжат — Гедиминовичей (ср. комментарий к посланиям Сигизмунду II Августу, прим. 3, 12) за счет Рюриковичей, более опасных благодаря своему традиционному влиянию в прежних вотчинах. В действительности Бельские в 40-х годах едва ли были менее реакционной силой, чем Шуйские. Победа их в 1540 г. не может объясняться тем, что царь «приспевал возрастом [подрастал]», ибо ему было в это время только 10 лет. В перевороте 1542 г., организованном Шуйскими, участвовали служилые люди и горожане-москвичи; в результате этого переворота митрополитом (вместо Иоасафа) стал Макарий — один из наиболее выдающихся политических деятелей XVI в. (ср.: И. И. Смирнов. Иван Грозный, стр. 23—24). Весь период «боярского правления» длился, по мнению царя, шесть с половиной лет — с начала 1538 г. по конец 1543 г.: в конце 1543 г. Андрей Шуйский был казнен, а его сторонники сосланы (ПСРЛ, XIII, 145 и 444).

[24] Нам же пятагонадесят лета возраста преходящим. . . безумие явъственно. — Фактически в этот период «самостоятельного» правления Грозного (до 1547 г.) управление государством попрежнему находилось в руках бояр — родственников матери царя — Глинских. В 1547 г. в Москве произошло восстание, поводом к которому были «великие» пожары, происшедшие летом этого года. Рассказ о восстании 1547 г., содержащийся в комментируемом послании, следует сопоставить с известиями в официальных летописных сводах. В Синодальном списке Никоновской летописи, отражающем более ранний этап летописной работы, восстание 1547 г. описывается как народное восстание: «черные люди града Москвы от великие скорби пожарные восколебашася» (ПСРЛ, XIII, 154). В «Царственной книге» первоначальный текст, совпадающий с Синодальным списком, вычеркнут редактором (см. выше, прим. 22) и вписан новый текст, в котором ответственность за восстание возлагается на бояр (Шуйского и Федорова-Челяднина) и приводятся подробности восстания (слух о том, что «Анна Глинская. . . вымала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила, и оттого Москва выгорела», описание убийства Ю. Глинского в церкви), сходные с рассказом комментируемого послания (ПСРЛ, XIII, 455—457). С негодованием отвергая мысль, что можно

«на таковую высоту, еже Иван святый, кропити», Грозный имеет в виду слух, распространившийся среди восставших, что Анна Глинская вызвала московский пожар колдовством, кропя город зачарованной водою. «Иван святый» — это колокольня Ивана Великого в Кремле: Грозный хочет, повидимому, сказать, что загорелась и эта высочайшая колокольня, на которую невозможно было брызгать воду, стоя на земле (в летописи, правда, ничего не сообщается о пожаре на этой колокольне — сообщается лишь о пожаре в соседнем Успенском соборе и в «многих церквах каменных»); может быть, однако, что Грозный имеет в виду какой-то слух, что Глинская брызгала *с колокольни* Ивана Великого.

[25] Да того же времяни бывшу сему собаке Алексею. . . в дружбу подобно мирским. — Наиболее подробный рассказ о правлении Сильвестра и Алексея Адашева содержится в «Истории о в. кн. Московском» Курбского — политическом памфлете, написанном в Польше (Курбский, Соч., стлб. 169—173). Курбский, как и царь, подчеркивает большое влияние Сильвестра и Адашева в этот период (конец 40-х—50-е годы), всячески восхваляет этих лиц и именует кружок, собравшийся вокруг них, «избранной радой» (польский термин) — название, закрепившееся в исторической науке. Вопрос о политическом и социальном характере этой «избранной рады» весьма сложен. Восторженная характеристика, данная ей Курбским, и резко отрицательная, данная Грозным, естественно, создавали у историков впечатление, что «рада», подобно Курбскому, защищала княжеско-боярские интересы (ср. напр.: В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, II. СПб., 1900, стр. 367—371). Однако, документальные источники, сохранившиеся за эти годы, противоречат такому выводу: реформы 50-х годов, проведенные при Сильвестре и Адашеве, были направлены против остатков феодальной раздробленности и носили прогрессивный характер (ликвидация системы наместничества, судебная реформа, раздача земель служилым). В связи с этим в исторической науке установился критический подход к замечаниям Грозного и Курбского об «избранной раде», высказанным в ходе острой полемики и относящимся к более позднему времени. С. В. Бахрушин (ук. соч., стр. 36—38, 51, 54—55) считает, что «избранная рада» (которую он отожествляет с «ближней думой» царя) имела «компромиссный состав», но проводила прогрессивную политику, соответствующую интересам дворянства. И. И. Смирнов (Иван Грозный, стр. 87) считает вообще понятие «избранной рады» фикцией и полагает, что сближение Сильвестра и Адашева с княжатами произошло лишь в начале 60-х годов. Полемическая тенденциозность комментируемого рассказа проявляется и в характеристике «собаки Алексея» (Адашева) как выходца из «гноища» (навоза) и бывшего «батожника» (буквально: слуга, расчищающий путь с помощью палки; может быть, однако,

царь иронически указывает этим на то, что Адашев был «рындой» при дворе). В действительности Адашевы представляли собой провинциальный (костромской) дворянский род, и уже отец Алексея, Федор Адашев, выполнял ответственные поручения государя (ср. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 135—136).

[26] Потом же вся собрахом. . . освещенный собор русския митрополия. — Речь идет об «освященном соборе» в «царских палатах» в феврале 1549 г. (ПСРЛ, XXII, 528—529; ср.: С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950, стр. 447—448) или о Стоглавом соборе 1551 г. («писание» царя этому собору, содержащее действительно мотивы «взаимного прощения» и примирения, см. в «Археографическом обзоре», стр. 522). В старой исторической литературе (напр.: С. Соловьев. История России, кн. II, ч. VI—X. Изд. «Общественная польза», стлб. 45—46) существовало мнение, согласно которому Грозный между 1547 и 1550 гг. созывал на Лобном месте представителей «из городов всякого чина», и на этом «соборе примирения» (первом земском соборе) и состоялось то всеобщее прощение, о котором говорит царь в комментируемой грамоте (см.: Устрялов, прим. 264 и 21 к его изд. «Сказаний Курбского»). Однако, как указал Платонов, известие о «соборе примирения» основывается на вклейке конца XVII в. (а может быть и начала XVIII в.) в так называемую Хрущевскую Степенную книгу и представляет собою, повидимому, позднюю легенду, созданную на основе «Стоглава» и комментируемого послания Курбскому (С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории. СПб., 1903, стр. 219 сл.; характеристика Адашева как выходца из «нищих», содержащаяся в этом тексте Хрущевской Степенной книги, явно навеяна замечаниями Грозного в его послании).

[27] И тако помалу сотвердися сия злоба. . . своих советников хотение творяще. — Известие о том, что Сильвестр «вотчины ветру подобно роздал неподобно», было предположительно истолковано Устряловым (Сказания А. М. Курбского, прим. 265) как намек на так называемое «испомещение тысячи» детей боярских под Москвой в 1550 г. Однако «испомещение тысячи» было мероприятием, проведенным в интересах дворянства, и не должно было вызывать недовольства со стороны царя, подготовлявшего во время написания комментируемого послания опричнину. И. И. Смирнов (ук. соч., стр. 39, прим. 1) считает, что царь в данном случае возлагает на «избранную раду» «ответственность за земельную политику времени боярского правления (тенденциозно извращая хронологию и передвигая эту политику с 40-х годов, когда она действительно имела место, на 50-е годы XVI в.)». — Второе обвинение царя против Сильвестра и Адашева заключается в том, что они «от пра-

родителей наших данную нам власть отъяша, еже вам, боярам нашим, по нашему жалованию честью председания почтенным быти». Что хочет этим сказать царь? Сергеевич (ук. соч., стр. 369) понимает его слова так, что «организованный Сильвестром и Адашевым совет похитил царскую власть, царь был в нем только председателем». Более правильным представляется толкование слов царя С. В. Бахрушиным: царь хочет сказать, что «избранная рада» решала местнические споры (ук. соч., стр. 44), определяла, кто из бояр должен «сидеть впереди» других. Справедливо ли это обвинение по отношению к «избранной раде» — сказать трудно: к 1550 г. относится закон противоположного характера, запрещающий местничество в войске (ср.: И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 35). — Димитрий Курлятев, которого царь упоминает в качестве третьего сподвижника «попа и Алексея», — представитель удельного княжья (из рода Оболенских), пользовавшийся большим влиянием в те годы и подвергшийся опале одновременно с Адашевым.

[28] Та же. . . нам подвигшимся на безбожный язык Казаньский. . . аки пленника, всадив в судно, везяху. . . сквозе безбожную и невернейшую землю. — Это замечание царя Устрялов (цит. изд., прим. 268) и Костомаров (ук. соч., стр. 262) толкуют как доказательство того, что царя «везли насильно под стены Казани» и что он «играл. . . жалкую, глупую, комическую роль» во время казанского похода. Такое толкование совершенно неправомерно (ср.: Н. П. Лихачев. Дело о приезде Поссевина. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XI, СПб., 1903, стр. 255) — речь идет лишь о возвращении из Казани (и о недостаточной охране царя при этом возвращении); казанский поход в целом был совершен с полного одобрения и по приказу царя [см. ниже, прим. 37 и 40; «ревность» царя и его готовность не щадить «здравия своего» во время Казанского похода отмечал даже Курбский в «Истории о в. к. Московском» (Соч., стлб. 174)]. То, что возвращение царя из Казани было несвоевременным шагом, признает и Курбский (там же, стлб. 206), но он взваливает за это ответственность на «шурьёв» царя (Захарьиных).

[29] восташа яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем, мневше нас не быти. — Упоминаемый здесь «мятеж у царевой постели» в 1553 г. особенно подробно описан в приписке к «Царственной книге». Там рассказывается, как заболевший царь упрашивал бояр целовать крест его новорожденному сыну Димитрию (речь идет о первом сыне царя от Анастасии Романовны, скончавшемся некоторое время спустя, а не о Димитрии, сыне Марии Нагой), как многие из них открыто выступали против этого решения, ссылаясь на то, что за «пеленочника» будут править его родичи Захарьины и т. д. В числе противников присяги и сторонников Владимира Андреевича Старицкого называются Сильвестр, отец Адашева (но не сам Адашев), Курлятев, Палецкий и Фуников

(ПСРЛ, XIII, 522—526). Большинство историков придает важное значение этому событию, рассматривая его чуть ли не как переломный момент в отношениях между царем и «избранной радой» (ср. напр.: С. Соловьев. История России, кн. II, стлб. 136—141). Однако в исторической литературе высказывались и сомнения по поводу достоверности этого известия приписки к «Царственной книге» и комментируемого послания (ср. напр.: С. Б. Веселовский. Последние уделы сев.-вост. Руси. Ист. зап., т. XXII, стр. 106). В Синодальном списке Никоновской летописи (более ранний источник, чем «Царственная книга», см. прим. 22) никаких известий о мятеже у царевой постели нет.

[30] Та же собака, изменник князь Семен Ростовской. . . над ним учинили казнь свою. — Тайные сношения кн. Семена Лобанова-Ростовского с польским послом Довойно, очевидно, происходили летом 1553 г., когда этот посол приезжал к Ивану IV (Сб. РИО, т. 35, № 27). Летом следующего года он (вместе с сыном) сделал неудачную попытку бежать за границу. Согласно инструкции, данной русским послам, ехавшим в Польшу осенью 1554 г., на возможный вопрос о С. Ростовском они должны были ответить, что он «малоумством шатался и со всякими иноземцы говорил непригожие речи про государя» и что вместе с ним «воровали его племя [родичи], такие ж дураки» (там же, стр. 453). Сходный рассказ о С. Ростовском содержится и в тексте Синодального списка Никоновской летописи (ПСРЛ, XIII, 237—238: «хотел бежати. . . от малоумства. . . а с ним ехати хотели такие же малоумы»). В приписке же к этой летописи сообщается, что С. Ростовский затевал тайный заговор во время болезни царя в 1553 г. и что в этом заговоре участвовали представители крупного княжья: Щенятев, Серебряный, Пунков-Микулинский и др. (стр. 238, прим. 1). Следователями по этому делу были, согласно этой приписке, Курлятев, Палецкий и Фуников, т. е. те самые лица, которых более поздний источник (приписка к «Царственной книге») обвиняет в мятеже во время болезни царя. К сожалению, мы не знаем, как изложила бы дело Ростовского «Царственная книга», так как ее текст доходит только до 1553 г.

[31] Курлятевым сыном хотесте судити про Сицкаго. — Этот, довольно «темный» (Соловьев, кн. II, стлб. 151) намек царя может быть несколько разъяснен благодаря его же замечаниям во 2-м послании Курбскому (см. стр. 209). По убедительному предположению Бахрушина, «дело шло о ссоре между князем Сицким и его соседями по вотчинам в Ярославском уезде — Прозоровскими — из-за 150 четей земли. . . Сицкий, бывший в свойстве с царицей Анастасией, надо думать, пробовал воздействовать на судей именем малолетнего Федора и добился вмешательства в дело самого царя. В судебном разбирательстве участвовали, между прочим, кн. А. М. Курбский и кн. Д. И. Курлятев» (ук. соч., стр. 44). — Упоми-

нание «Курлятева-сына» (в списке Археографической комиссии) не совсем понятно. У Д. И. Курлятева был сын Иван, постриженный в 1562 г. в монахи вместе с отцом (ПСРЛ, XIII, стр. 344), но «Курлятевым-сыном» можно было назвать и самого Д. И. Курлятева (по отношению к его отцу, кн. И. В. Оболенскому-Шкурле). В других списках послания читается: «с Курлятевым нас хотесте судити про Ситцкого».

[32] Та же убо наченшеся войне, еже на герман... како же убо воспомяну... немилостивное путное прихождение? — Речь идет о столкновениях между царем и Сильвестром во время Ливонской войны (см. ниже, прим. 41—42). История этих столкновений (так же как и причина враждебности Сильвестра и его партии к царице Анастасии Романовне) не известна. Согласно Никоновской летописи (Синодальный список), царь с женой и детьми находился в Можайске в конце 1559 г., туда к нему пришла весть о нарушении ливонцами перемирия (заключенного, вероятно, под влиянием Сильвестра и других — см. ниже, прим. 41—42); царю срочно пришлось выехать, несмотря на «беспуту» (распутицу, бездорожье); при этом выезде «грех ради наших царица недомогла» (ПСРЛ, XIII, 321).

[33] Милостивно гнев свой учинили... повинныя по своей вине тако суть приляли. — Падение виднейших представителей «избранной рады» относится к началу 60-х годов. А. Адашев был отправлен летом 1560 г. на ливонский фронт (ПСРЛ, XIII, 327); затем он был назначен воеводой в Вильян (Вильянди, Феллин), оттуда переведен (по утверждению Курбского — сослан) в Юрьев (Тарту, Дерпт), где и умер [царь, по утверждению Курбского (Соч., стр. 264), подозревал его в самоубийстве; во всяком случае о его смерти было произведено специальное следствие (Акты Археогр. экспед., т. I, 354)]; брат его Даниил был казнен несколько лет спустя (по известию Курбского: Соч., стлб. 278). В конце 1562 г. был насильственно пострижен в монахи «за его великие изменные дела» кн. Д. Курлятев (ПСРЛ, XIII, 344). К этому же времени, повидимому, относится и ссылка Сильвестра в Соловецкий монастырь (Курбский, Соч., стлб. 264—265; даты нет). Обстоятельства этой ссылки и вообще опалы Сильвестра не известны; трудно сказать поэтому, правильно ли чтение списка Археографической комиссии: «нам же, его благословив, не отпустившу» (т. е. Иван отказался принять отставку Сильвестра) или вернее чтение других списков: «нам же его благословение отпустившу». — Предпосылки падения «избранной рады» так же не ясны, как и самый ее характер (см. выше, прим. 25). Если Карамзин, излагая историю падения «рады» (История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, стр. 5—15), просто повторял рассказ Курбского (Соч., стлб. 259—270), объяснявшего все эти события действиями «презлых ласкателей» (в частности, Захарьиных), то уже Соловьев справедливо отметил про-

тиворечивость и намеренную запутанность рассказа Курбского (Соч., стлб. 148). Сводить все дело к конфликту во время болезни 1553 г. (если даже доверять известию об этом конфликте, — см. прим. 29) едва ли возможно, ибо после 1553 г. деятели «избранной рады» сохраняли свое влияние в течение почти целого десятилетия. Бахрушин (ук. соч., стр. 55) обращает внимание на разногласия царя с «избранной радой» по внешнеполитическим вопросам, но почему-то считает этот конфликт «не принципиальным» и «формальным».

[34] На церковь востаете. . . но и ныне свободно есть: про что еще не престаете гонити? — Иван сравнивает «избранную раду» с гонителями христианства — сторонниками ортодоксального иудейства; конец приведенной им библейской цитаты: «да и содробнятца развещеваютъ сия» (в других списках — «да и содругнутся развещеващеи сия») искажен; должно быть: «дабы отсечены были развращающие вас». Выражение «но и ныне свободно есть» переводим предположительно; в «сборниках Курбского» этот текст читается: «иное сподобно [подобно?] есть» (см. стр. 103).

[35] подобно Антеру и Енеи. . . — Имеются в виду Антенор и Эней, герои Троянской войны; в «Илиаде» ни тот, ни другой не обвиняются в предательстве; легенды о их предательстве относятся к более позднему времени [Ликофрон, Дионисий Галикарнасский, поэмы о Троянской войне IV в. н. э. (см.: Pauly — Wissowa, Real-Encyclopädie, t. I, 1894, стлб. 2352)].

[36] Света же во тму прилагати не тщуся. . . мучеников своих в праздники страдати. — Царь отвечает на обвинение Курбского, что он «прелагает свет во тьму» (т. е. выдает свет за тьму), и на вопрос, «чем прогневали» его «христианские предстатели». Из ответа царя ясно, что этим термином Курбский обозначает казненных бояр, а не самого царя, как понял это место Кунцевич, видя здесь звательный падеж: «предстателю» (Курбский, Соч., стлб. 2; ср. Штелин, ук. соч., стр. 22, с). Царь считает недопустимым именование «предстателями» (покровителями, защитниками) простых смертных и сравнивает за это Курбского с язычниками.

[37] А еже писал и то, бутто те «предстатели предгордыя царства разорили. . . с нами тогда не быша! — Царь указывает вначале на неудачи в борьбе с Казанью во время его детства и «боярского правления» (тринадцать лет царь отсчитывает, повидимому, от своего рождения до конца «боярского правления», — ср. прим. 23). Первая «посылка» С. И. Пункова-Микулинского на Казанскую землю относится, очевидно, к 1545 г. (ПСРЛ, XIII, 146, 445—446). В 1550 г. происходил новый (неудачный) поход на Казань; в 1551 г. по приказу Ивана Грозного стала строиться напротив Казани русская крепость Свияжск. Взятие Казани произошло осенью 1552 г. Слова царя: «боле пятинадесять тысещь,

вашего ради нехотения, с нами тогда не быша», были истолкованы Н. Костомаровым, как утверждение, что под Казанью (в 1552 г.) было *не более* 15 000 воинов. Костомаров видел в этом вопиющее искажение истины, доказывая на основании других источников (Морозовский летописец, Курбский), что в действительности в казанском походе участвовало 120—150 тыс. человек (ук. соч., т. XIII, стр. 263—265). Однако это место послания не обязательно понимать так, как это делает Костомаров. Штелин (ук. соч., стр. 74, b) переводит эти слова иначе: с царем «не было», к нему не явилось 15 000 человек из числа обязанных явиться воинов. Это толкование текста представляется тем более вероятным, что у нас имеются прямые сведения о неявке многих служилых (из Новгорода) в казанский поход и о том, что царь приказал «отписать поместья» у таких «нетчиков» (ср. «Грамоты по делам поместным» 1555—1556 гг. в «Дополнениях к Актам историческим», т. I, № 52, стр. 92, 102, 107, 110).

[38] И тако ли прегордые царства разорять, еже народ. . . от брани отовращати, подобно Янущу Угорскому? — Впервые издаваемый здесь текст списка Археографической комиссии (в других списках — «Юношю Угорскому») подтверждает предположение И. Н. Жданова (Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 115—116), что в этом месте послания царь имел в виду венгерского магната Яна Заполю, воеводу Трансильвании (Семиградья), ставшего с 1526 г. (после победы турок при Могаче над венгерским королем Людовиком) королем Венгрии. Габсбурги (германские императоры) обвиняли Яна Заполю в связях с Турцией, и на Руси на него также смотрели, как на турецкого ставленника. В 1578 г., во время переговоров с послами Стефана Батория, польского короля и бывшего князя Трансильвании, русские дипломаты по поручению царя напоминали полякам, что «был на королевстве Угорском. . . Лодовик, которого Турецкой убил, а посадил на Угрех Януша Седмиградцкого, а Яныш был у Угорского короля у Лодовика гетман навышшой, и Януш, по ссылке с Турецким, Лодовика короля подал, и всем своим полком оступил, и для тое измены Турецкий его на королевстве учинил» [цит. по рукописи, содержащей переговоры с послами Батория (Рукоп. отд. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. IV, 33, л. 35 об.—36)].

[39] егда запасы истопоша. — Потопление запасов, о котором сообщает Грозный, имело место, очевидно, в начале осады Казани, 24—25 сентября 1552 г., во время «бури великой» на Волге. Летопись сообщает, что гибель «судов и многих запасов» во время этой бури вызвала «скорбь в людях», но царь приказал подвезти запасы из Свияжска и из Москвы (ПСРЛ, XIII, стр. 205, 501).

[40] Егда же Олексеева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако царствия нашему государьствию во всем послушны учинишеся. . . яко же выше явихом. — Это замечание царя обнаруживает разногласия

по вопросам внешней политики, возникшие во второй половине 50-х — начале 60-х годов между ним и «избранной радой». Если в вопросе о необходимости завоевания Казани (как и Астрахани) царь и его «советники» в общем не имели разногласий (царь обвиняет их только в недостаточном усердии в этом вопросе, но не в сознательном противодействии), то после 1552 г. обнаружились два возможных пути в русской внешней политике. Курбский и его единомышленники были сторонниками решительного и чисто военного наступления на «бесермен». Грозный считает именно их виновниками той гражданской войны, которая возникла в Казанском ханстве после 1552 г. и длилась «множае седми лет» (характерно, что в приписках к «Царственной книге» бояре как раз обвиняются в том, что вопреки приказу царя, они «Казанское строение отложиша, и в те поры Луговая и Арская поотложилися и многия беды християнству и крови наведоша», — ПСРЛ, XIII, 523). Сам царь, наоборот, был сторонником привлечения «бесерменских сил» на русскую службу, и, по его словам, после падения «избранной рады» мусульманские области стали поставлять русскому войску «множае треюдесять тысящь бранных» [действительно, в ливонских походах Грозного значительную роль играли татарские войска во главе с бывшим казанским ханом Шах-Али; ср. в связи с этим известие современника, англичанина Джерома Горсея, о «непреодолимой силе татар», поступивших на русскую службу после завоевания Казани и Астрахани и второго брака царя (Горсей. Записки о Московии. СПб., 1909, стр. 22)]. Еще более существенными оказались разногласия в крымском вопросе. Как указывает Курбский, его единомышленники, «мужие храбрые и мужественные, советовали и стужали, да подвижется сам [Иван IV], с своею главою, со великими войсками на Перекопского [Крымского хана]». (Соч., стлб. 239). Плодом этого, по выражению царя, «злосоветия» единомышленников Курбского были поход И. В. Шереметева в 1555 г. (несмотря на героизм русских войск, он окончился неудачей, — см. ПСРЛ, XIII, 256—257) и походы на Днепр и Дон запорожского атамана, перешедшего на русскую службу, Димитрия Вишневецкого и брата Алексея Адашева — Даниила в 1558—1559 гг. (ПСРЛ, XIII, 315, 318 и др.). С начала 60-х годов царь решительно отказался от этих нападений на Крым и вступил в переговоры с ханом, прямо подчеркивая изменение своей внешней политики: «А которые наши люди ближние промеж нас с братом нашим з Девлет Киреем царем ссорили, мы то сыскали, да на них опалу свою положили есмя — иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех, ни в сех ходят» (Центр. Гос. архив древних актов, Крымск. посольск. книга, № 10, л. 13 и 15; ниже царь называет прямо имена этих ближних людей: «Иван Шереметев, Алексей Адашев, Иван Михайлов и иные», — там же, л. 98). Курбский по трафарету объясняет эту перемену политики влиянием

«ласкателей, добрых и верных товарыщей трапез и купков» (Соч., стлб. 240). В действительности царь стремился к стабилизации южной границы ради использования всех сил в Ливонской войне.

[41] Како же убо воспомяну о гермонских градех супротивословие попа Селивестра и Алексея и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию, и како убо, лукавого ради напоминания Датцкого короля лето цело дасте безлепа рифлянтом збиратися? — Эта фраза, разрезанная во всех до сих пор известных списках комментируемого послания вставкой текста из заключительной части послания (см. Археографический обзор) и восстанавливаемая по списку Археографической комиссии, очень точно указывает на основной момент расхождений между царем и «избранной радой» во внешнеполитических вопросах. Ливонская война началась в 1558 г.; уже в январе этого года русские войска под командованием бывшего казанского хана Шах-Али и М. В. Глинского вели в Ливонии военные действия карательного и разведывательного характера (ПСРЛ, XIII, 289; Хроника Рюссова, Прибалт. сб., II, 358), в мае 1558 г. русскими была взята Нарва (ПСРЛ, XIII, 293—295, — Никоновская летопись объясняет завоевание Нарвы провокационным нападением самого нарвского «князьца» — фохта). Возможно, что уже тогда «избранная рада» позволяла себе «словесные отягчения» по этому поводу; но в июне 1558 г. в военных действиях против Ливонии должен был принять участие и А. М. Курбский (вместе с кн. П. И. Шуйским и Д. Адашевым, — ПСРЛ, XIII, 299—300). Вступив в Ливонию со стороны Пскова (к югу от Чудского и Псковского озер), войска под командованием Шуйского и Курбского завоевали Новгородок Ливонский (Нейшлос), Юрьев (Тарту, Дерпт) и ряд других городов Ливонии (ПСРЛ, XIII, 303—306). Однако с начала 1559 г. в военных действиях наступает перерыв. В марте этого года царь «маиструу и арцыбискупу Ризскому и бискупу Колыванскому для королёва челобитья Датцкого дал кроткого предстояния, воевати же не велел на шесть месяць, от маия до ноября»; «челобитье» датского короля доложил царю Алексей Адашев (ПСРЛ, XIII, 318). Если учесть, что это перемирие как раз совпало с походом Даниила Адашева на Крым (там же), то представляется весьма вероятным указание царя, что причиной согласия на «лукавое напоминание» датского короля были убеждения со стороны представителей «избранной рады», предпочитавших войну на юге. Ливонцы постарались максимально использовать «кроткое предстояние» 1559 г. (фактически русские войска не начинали активных действий до 1560 г.): они обратились к помощи своего номинального патрона — германского императора Фердинанда (в начале 1560 г. он ходатайствовал перед царем за Ливонию, — ПСРЛ, XIII, 324—325; Хроника Рюссова, Прибалт. сб., II, 376—377); в августе—сентябре 1559 г. новый магистр Ливонии Кетлер признал власть польского

короля над южной и центральной Ливонией (ср.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, I, стр. 242). С этого времени война приняла международный характер, и вопрос о ее дальнейшем продолжении приобрел особую остроту (характерно, что в «Истории о в. к. Московском» Курбский именно на походе 1558 г. обрывает изложение истории Ливонской войны и переходит к доказательствам необходимости войны на юге, — стлб. 236, сл.).

[42] Они ж, пришед пред зимним временем, и сколько тогда народу християньского погубили! . . . Оттоле литаоньский язык и гофинский и ина множайшая воздвигосте на православие. — В октябре—ноябре 1559 г. «не дождався сроку, на колко их государь пожаловал», ливонцы под командованием нового магистра Кетлера напали на русские войска вблизи Юрьева «и побили многих людей: убили семьдесят сынов боярских да с тысячю боярских людей» (ПСРЛ, XIII, 320—321); при известии об этом поражении царь принужден был срочно выехать из Можайска с больной царицей (см. прим. 32). В феврале 1560 г. царь «отпустил на немцы» Курбского и Д. Адашева (ПСРЛ, XIII, 326); в мае того же года был отправлен «большой наряд» во главе с И. Ф. Мстиславским, М. Я. Морозовым, Алексеем Адашевым (там же, 327). В августе русские войска разбили войска ливонского ландмаршала («ламмашкалка») Шалль-фон-Белля, попавшего при этом в плен, взяли крупную крепость Вильян (Вильянди, Феллин) (ПСРЛ, XIII, 330). Но в конце этого же года под Пайдой (Пайде, Вайссенштейн) русские войска потерпели неудачу [официальная Никоновская летопись ничего не сообщает об этом событии, но Псковская летопись рассказывает о нем, прибавляя, что воеводы ходили «не по цареву. . . наказу. . . на похвале. . . а стояли под городом 6 недель. . . и отошли, города не взяв. . . и Пскову и пригородам и сельским людям всей земли Псковской проторей стало в посохи много» (ПСРЛ, IV, стр. 312; ср.: Хроника Рюссова, Прибалт. сб., II, 395)]. В конце 1561 г. «литовские люди» захватили у русских в Ливонии город Тарвас (Тарвасту) с помощью подкопа (ПСРЛ, XIII, 339; это, возможно, и есть те «детские страшилы», о которых говорит Грозный). Тем временем шведы, вслед за поляками, вмешались в ливонские дела и заняли Колывань (Таллин, Ревель) и не доставшуюся русским Пайду (Вайссенштейн). Именно эти события имеет в виду Грозный, когда говорит, что единомышленники Курбского, затянув войну, подняли «литаоньский язык и гофинский [шведский] на православие» (т. е. дали Польше и Швеции возможность выступить). Замечание царя, что если бы не это «злобесное претыкание», «вся Германия была за православною верою лето же», также казавшееся историкам нелепым преувеличением (Костомаров, ук. соч., стр. 269), совпадает с мнениями, высказывавшимися в те же годы в самой Германии (ср. Г. В. Форстен, ук. соч., I, стр. 134).

[43] Безсмертен же быти не мняся. . . вся нага и отверста пред ним. — Царь отвечает на обвинение Курбского, что он «в небытную ересь прельщен» и не боится Страшного суда. Замечание царя: «аще ли тако. . . се убо ересь саддукейская», означает, повидимому, что та ересь, которую приписывает ему Курбский («се убо ты неистовишися, без ума пиша»), по характеру своему напоминает учение саддукеев — древне-еврейской религиозной секты (II—I в. до н. э. — I в. н. э.), отрицавшей загробную жизнь. С негодованием отвергая это обвинение, царь, в свою очередь, обвиняет Курбского в манихействе. Манихейство — религиозное учение, возникшее в III в. н. э. (повидимому, на персидской почве); сущность его — в признании дуализма окружающего мира [по хронографу: «благого бога глаголюще создателя быти небеси; земли же, и иже на ней, иного быть творца» (ПСРЛ, XXII, стр. 382)]; Курбский, думающий лишь о Страшном суде, но не о наказании за грехи на земле, сходен, по мнению царя, с манихеями. Осведомленность царя в вопросе о еретических учениях связана с широким развитием ересей на Руси во второй половине XV—первой половине XVI в.; царь был, несомненно, хорошо знаком с «Просветителем» Иосифа Волоцкого — важнейшим сочинением, направленным против русских еретиков. Учения еретических противников Иосифа Волоцкого заключали в себе элементы сходства с саддукейством [Зосиму, митрополита-еретика XV в., обвиняли в отрицании бессмертия души, — см. послание Иосифа Волоцкого к епископу Нифонту (Чтения Общества истории и древностей Российских, 1847 г., № 1)] и манихейством (в особенности с его болгарской формой — богумильством).

[44] Предгордых гонителей. . . всяко призираете. — В связи с угрозой Курбского, что Христос будет наказывать «прегордых мучителей», царь доказывает, что обвинение в гордости применимо не к нему, а к единомышленникам Курбского, «восхищающим [присваивающим себе] учительский сан» и осмеливающимся повелевать «владыце» (царю). — В связи с этим он указывает, что даже византийскому императору-иконоборцу Феофилу (829—842 гг.), «святители», упрекавшие его за ересь, не осмеливались писать таких «хулений», как ему, Грозному. «Многосложный свиток, его же святейшие патриарси к Феофилу . . . написаша» встречается в различных рукописных сборниках (см. напр.; Рукоп. отд. Гос. Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. I. 225, л. 116).

[45] Гонения же аще на люди воскладаете. . . но токмо не ты сему судитель. — Грозный отвечает на обвинение Курбского в «мучительстве», доказывая, что «избранная рада» тоже прибегала к «гонениям». — Феодосий был архиепископом Коломенским с 1542 г. (был назначен после свержения Шуйскими Бельских и поставления Макария на митрополию). Никита Афанасьевич Фуников-Курцев — дьяк, печатник, а затем

казначей, был видным деятелем московского государственного аппарата уже в 50-х годах (во время «избранной рады»), сохранил свое влияние и после падения Сильвестра и Адашева (был женат на сестре Афанасия Вяземского, видного деятеля опричнины; в 1570 г. был казнен в связи с новгородским «изменным делом»). О «гонениях» «избранной рады» на этих лиц в других источниках ничего не сообщается. — Говоря «истязание же не токмо до власти, но и в движение сердець» (так в списке Археографической комиссии), Грозный отвечает на угрозу Курбского, что Христос будет «истязать» гонителей «до власти прегрешения их» (так в Погодинском списке, см. выше, стр. 535). Следует отметить, что обе фразы (и у Курбского и у Грозного) в других списках читаются иначе: у Курбского — «истязать их и до влас прегрешения», у Грозного — «истязание же не токмо до влас. . .» (стр. 117). Какой из двух вариантов вернее — сказать трудно; очевидно Курбский и Грозный цитируют какой-то известный им обоим библейский текст.

[46] Зла же и гонения безлепа от мене не приял. . . на пагубу душу получил еси? — Евтропий — фаворит римско-византийского императора Аркадия (IV в. н. э.), казненный в результате конфликта с известным церковным деятелем Иоанном Златоустом и императрицей Евдокией. Рассказ о Евтропии заимствован царем из жития Иоанна Златоуста (в «Четьях Минеях») — источника, неоднократно цитированного Грозным (слово «скупец», читающееся в списке Археографической комиссии, несомненно, означает «скопец»: в хронографе и сходных списках здесь читается незаконченное слово «ско»); в житии повествуется о том, как Евтропий боролся против признания за церковью права убежища, а затем сам принужден был прибегнуть к этому убежищу; Златоуст «слово обличение продолжи о нем, еже бы с зазором другим, им же грешника не точию не миловав, но паки обличаше» (Великие Четьи Минеи, ноябрь 13—15, СПб., 1899, стлб. 973—974). — Князья Кубенские, как и Курбские, потомки ярославских князей; о службе М. М. Курбского у Кубенских в других источниках ничего не сообщается. — Выражение «понеже он ему даде», встречающееся в списке Археографической комиссии и в нескольких других, непонятно (оставляем его без перевода); может быть, правильнее чтение Уваровского списка, где вместо «даде» читается «дядя».

[47] И аще кровь твоя, пролитая от иноплеменных. . . неповинен быти. — В послании царю Курбский напоминал ему о своих собственных военных заслугах и о своей крови, «пролитой за тя»; царь отвечает на это указанием на слезы, которые он пролил из-за единомышленников Курбского. Царь говорит, что из-за Курбского и его друзей он получил «причреслие», — Устрялов переводит этот термин как «боль в пояснице» (Сказания А. М. Курбского, стр. 186, а; ср. Штелин, ук. соч., стр. 92);

но термин «прѣчрѣслiе» может означать и просто «обиду, оскорбление» (ср. примеры у Срезневского, цит. соч., т. II, стлб. 1714).

[48] Победы пресветлыя. . . и не восписуется. — В связи с замечаниями Курбского о его «победах пресветлых», Грозный напоминает ему о его неудачах. Наиболее интересным является первый из фактов, упомянутых царем (он упомянут на первом месте вопреки хронологии, очевидно именно в силу наибольшей важности). Речь идет об участии Курбского (вместе с С. И. Пунковым-Микулинским и И. В. Шереметевым) в подавлении восстания в Казанском ханстве в 1553—1554 гг. Как видно из текста комментируемого послания и из других источников (ср.: ПСРЛ, XIII, 234, 239; Курбский, Соч., стлб. 219—220), в военном отношении этот поход не мог считаться неудачным — воеводы привели «большой полон» и вернулись «здорово». Поведение Курбского и других воевод не удовлетворяло царя с *политической* точки зрения: после завоевания Казани между царем и «избранной радой» обнаруживаются разногласия по вопросу о политике в покоренном ханстве (см. выше, прим. 40); чрезвычайная жестокость, проявленная «карательными экспедициями», возглавлявшимися Курбским и другими боярами (примером такой политики является расправа с побежденными «изменниками Казанскими» в 1555 г.), вызывала недовольство царя. — Поход «крымского царя» на Тулу происходил в 1552 г. Официальные летописи, сообщая об этом событии, указывают, что в момент прихода «царя» к Туле воевода Тёмкин «и люди были воинские поехали к государю»; отпор хану дало само население города; воеводы же пришли в Тулу через 3 часа после ухода хана (ПСРЛ, XIII, 189—190, 486—487; о пире, устроенном воеводами вместо преследования неприятеля, в летописях ничего не сообщается). — О поражении Курбского под Невелем, кроме комментируемого послания, сообщает только польская хроника Мартина Бельского, который приводит другие цифры, чем царь (1,5 тыс. поляков и 40 тыс. русских), но также указывает на поражение Курбского, вопреки численному превосходству его сил (Kronika Marcina Bielskiego, ks. VII, Warszawa, 1832, стр. 155—156; ср. перевод этого известия в предисловии Устрялова к его изд. «Сказаний Курбского», стр. XII—XIII).

[49] в дальных конных градех. — О «дальноконных градах», в которых он постоянно пребывал, находясь на службе у царя, Курбский упоминал в своем письме (см. стр. 535). Это выражение было, очевидно, необычным для русского языка того времени — в большинстве списков переписчики его исказили. Грозному оно тоже показалось излишне вычурным, — во всяком случае, он вспоминает его не только в первом, но и во втором послании (стр. 211).

[50] Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже серы очи имуща? Понеже вид твой злолукавый нрав исповедует! — Последняя фраза,

сохранившаяся только в списке Археографической комиссии, объясняет все это место в комментируемом послании. Знаменитый ответ Грозного на угрозу Курбского «не явить» свое лицо до Страшного суда: «Хто же убо желает такова ефиопскаго лица видети?», не есть простая полемическая грубость. Грозный в данном случае выражает взгляд, характерный для средневековой философии: он считает, что сама внешность Курбского говорит о его «злолукавом нраве». Уваровский список (№ 330) послания, опустивший, как и все другие списки, последнюю фразу, дает зато ценное чтение предыдущей фразы: «. . . иже з е к р ы [голубые] очи имуща» (в других списках той же группы бессмысленное: «закры»). Этот вариант, возможно, более правилен, чем «серы»: в известном памятнике «отреченной литературы» древней Руси, «Тайная тайных» или «Аристотелевы врата», мы читаем предостережения (от имени Аристотеля) по адресу Александра Македонского против советников с голубыми глазами: «Стережися всякого, имуще око зекро» (М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг, вып. 4. СПб., 1908, стр. 175). Если Грозный в данном случае, действительно, опирался на авторитет «Тайная тайных», то это говорит и о его интересе к философской литературе, трактующей общие вопросы управления государством, и об известном свободомыслии царя («Тайная тайных» считалась «еретическим» памятником).

[51] А еже убо не хощеши молчати... да обратитца. — В доказательство греховности намерения Курбского «проповедати» троице на царя приводятся две притчи о святом муже, безуспешно молившемся против грешников. Притча о Карпе взята Грозным из того же «Послания Димофилу» Дионисия Ареопагита, которое цитируется и в другом месте первого послания Курбскому (стр. 63; об этой цитате см. в «Археографическом обзоре», стр. 531, 543). Происхождение второй притчи менее ясно. Н. Устрялов (ук. соч., прим. 293) полагал, что герой второй притчи — Поликарп — известный архимандрит Печерского монастыря, живший в XII в. и многократно упоминающийся в Печерском патерике. Но в краткой редакции прямо указывается, что притча о Поликарпе заимствована из «послания божественного Дионисия о Поликарпе Измирском» (стр. 133), — следовательно, из того же Дионисия Ареопагита. Однако в отличие от истории Карпа, история о Поликарпе не обнаруживается в известных нам сочинениях Ареопагита — ни в русском переводе в Четьих-Минеях, ни в греческом тексте (Migne. Patrologia graeca, t. III). Учитывая это обстоятельство, а также явное сходство между двумя притчами (и именами героев), можно предположить, что рассказ о Поликарпе представляет собой другой вариант того же рассказа о Карпе [это предположение высказывал уже Штелин, но так как он же считал, вслед за Устряловым, что упоминаемый здесь Поликарп — печерский архимандрит (ук. соч., стр. 95, прим. b и прим. 85), то полу-

чался абсурдный вывод, что в византийском сочинении V—VI в. н. э. шла речь о киевском архимандрите XII в.!]. Каким образом в послании Грозного оказались рядом два варианта одной притчи — сказать трудно. Поскольку такое удвоение имеется в разных группах списков, следует думать, что оно — раннего происхождения и может быть сделано самим Грозным или кем-либо из лиц, помогавших ему в составлении послания (вставлявшим цитаты по указанию царя).

52 О преподобнем князе Феодоре Ростиславиче. . . се суть семя Авраамле. — Речь идет о предке Курбского, смоленско-ярославском князе Федоре Ростиславиче (см. выше, прим. 15). Говоря, что этот «святый князь. . . царицу нашу от смертных врат воздвиг», Грозный имеет в виду какой-то случай обращения больной Анастасии к мощам Федора Ростиславича. — Евдоксия — супруга римско-византийского императора Аркадия, гонительница Златоуста. Характерно, что и Грозный и его противники во взаимной борьбе и полемике черпали полемические образы из одного источника — «Жития Златоуста» (включенного в Четьи-Минеи, см. выше, прим. 46): бояре сравнивали Анастасию с Евдоксией; Грозный сравнивает Курбского с Евтропием (который был, кстати, врагом Евдоксии!). — Замечание Грозного о «чадах Авраама», которых бог может «воздвигнути от камения» (библейская цитата), отражает, как отметил уже В. О. Ключевский (Курс русской истории, ч. II. М., 1906, стр. 212), один из существеннейших моментов политической программы царя. Не забудем, что «чадами Авраама», «сильными во Израиле», были в глазах Курбского бояре-вотчинники; Грозный отвечает на это (за несколько месяцев до учреждения опричнины!) угрозой «воздвигнуть из каменья» новый правящий класс — дворян из числа бывших «страдников» (ср. «Послание В. Грязному», стр. 193).

53 Наругающе же и попирающе аггельский образ. . . Безсогласных же бояр у нас несть, развее другов и советников ваших. — Курбский обвинял царя в надругательстве над «ангельским [монашеским] образом» в связи с тем, что тот насильственно постригал в монахи своих противников (так уже были истолкованы эти слова Курбского безвестным комментатором XVI—XVII в., сделавшим пометку на полях одного из «сборников Курбского»; ср. «Сочинения Курбского», стлб. 6, прим. 26); Грозный возражает, что над «ангельским образом» надругаются, напротив, «останки злаго совета» (единомышленники) Курбского (вероятно, имея в виду таких людей, как Тетерин, сбросивший иноческую одежду). | Выражение «безсогласные бояре» не совсем понятно — в соответствующем месте послания Курбского (см. стр. 536) мы наблюдаем сильные расхождения в списках: в Погодинском списке читается — «согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы бесовские, согласным твоим боярогубителем. . .», в других списках — «несогласным твоим боярам,

губителем души твоей». Если первое чтение верно, то в ответе царя, может быть, следует читать: «бесосогласных же бояр», т. е. бояр, угодников дьявола? При обоих чтениях остается, во всяком случае, важное указание царя, что при дворе его продолжают жить и действовать «други и советники» Курбского, не прекращающие «лукавые советы», — замечание тем более интересное, что оно сделано за несколько месяцев до учреждения опричнины.

54 доидохом в меру возраста исполнения Христова... ниже бо подобно есть, еже владети множества народа, от инех разума требовати. — Говоря, что он ни от кого не требует никакого «разума» и «учения», царь, повидимому, имеет в виду «учения» и наставления для себя со стороны каких-либо подданных: «избранная рада», по его словам, претендовала именно на роль «владетелей и учителей» при нем [Штелин (ук. соч., прим. 89) совершенно неправомерно толкует эти слова как требование со стороны царя слепого повиновения от подданных и выражение «истинного деспотизма»]. — «Возраст исполнения Христова» — 33 года, возраст, когда, по евангельским легендам, осуществил свое предназначение и был распят Иисус Христос (Грозному в момент написания письма было 34 года).

55 От Кроновых бо жерцех... неподобно и пению над тобой быти.— Кроносом (Кронос, согласно древнегреческой мифологии, отец Зевса, кровожадный титан) Курбский называл, повидимому, Грозного (см. стр. 536, ср. стр. 210); кого он имел в виду под «кроновыми жрецами», «действующими» на царя с помощью своих детей (принося их ему в жертву?), — не ясно. — В заключение своего письма Курбский обещал положить свое «писание» с собою в гроб, — Грозный усматривает в этом нарушение основной христианской заповеди прощения врагам перед смертью.

56 В нашей же вотчине, в Вифляньской земле, град Владимер недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши. — Город Владимир Ливонский (Вольмар, ныне Валмиера, Латвийской ССР) в числе других городов центральной и южной Ливонии (см. прим. 41) находился с 1559 г. под властью польского короля Сигизмунда II Августа. Курбский назвал его в своем послании «градом государя моего, Августа Жигимонта»; Грозный, считавший всю Ливонию своей вотчиной, усматривал в этом еще одно доказательство «собацкой измены» Курбского.

57 Паче же утешен не можеши быти, понеже тамо особь кождо о своем печеся: «Хто же бо убо тя от насильных рук обидячего восхитити возможет, иже сиру и вдовице, суду не внемлющих», иже вы — желающая на христианство злая составляти. — Вторая половина этой фразы (от слов «восхитити может») в известных до сих пор списках находилась не на месте в середине послания; там она следовала за фразой о «супро-

тивословиях» Сильвестра в ливонском вопросе (ср. в тексте «сборинков Курбского», стр. 109) — создавалось впечатление, что слова о «сирой вдовице» представляют собой замечание Сильвестра о Ливонии (ср. «Археографический обзор»). Теперь, благодаря списку Археографической комиссии, мы знаем, что слова эти относятся к Польше Сигизмунда II Августа. Курбский выражал надежду на получение «утешения» от своего нового государя, — Грозный отвечает на это, что во владениях такого «худейшего государя» для людей, подобных Курбскому, действительно, самое подходящее место, и далее, очевидно, приводит какую-то цитату. Приводимый Грозным текст: «Кто же тя избавит. . .», напоминает ряд мест из Библии о греховной стране, которую некому будет избавить от насилий и в которой вдова и сирота не находят правого суда (ср. Исайя, I; Плач Иеремии, V; Иезекииль, XXII; Малахия, III), и что еще важнее, почти дословно совпадает со словами самого Курбского в его послании в Псковско-Печерский монастырь (написанном, вероятно, одновременно с письмом царю): «Кто нас утешит и хто заступит от таковых нестерпимых бед и различных напастей. . .» (А. М. Курбский, Соч., стлб. 399; выше Курбский попрекает русское духовенство, что они перед царем «не вдовиц и сирот заступают», — стлб. 395). Если Грозный, действительно, имел в виду слова Курбского, эо такой полемический прием вполне в духе царя: Курбский говорил тти слова о Руси, Грозный относит их к новому отечеству Курбского. Последние слова («иже вы. . .») не вполне понятны: в других списках читается: «их же вы, желаюше на христианство злая, составляете».

[58] Антихриста же вемы. . . на ны безпрестани советуеши пагубу. — Эти слова представляют собой ответ на заключительную приписку (postscriptum) Курбского в его послании. Курбский намекает царю на какого-то его советника, «рожденного от преблудодеяния» и «всем ведома», которого он сравнивает с антихристом; Грозный заявляет, что он не знает такого. На кого намекает Курбский — не ясно; Устрялов (Сказания Курбского, прим. 218) почему-то предполагает, что речь идет о Федоре Басманове, но ничем это не обосновывает (нет никаких известий о том, чтобы Басманов был незаконнорожденным; отец его Алексей играл видную роль в опричнине). — Говоря, что Курбский происходит от «властительского» рода, Грозный, вероятно, намекает на происхождение Курбского (через ярославско-смоленских князей) от Рюриковичей.

[59] Что же убо писал, хотя убо поставити судею или учителя. . . в лета от создания миру 7072-го, июля в 5 день. — В заключение своего послания царь дает общую оценку послания Курбского, приводит обширные цитаты из Библии и византийской духовной литературы (в частности огромную выписку из сочинения IV—V в. н. э., приписываемого Дионисию Ареопагиту, часть которой попала в большинстве списков не на

место) и заканчивает датой, исчисляемой, как и во всех его посланиях, от «создания мира» (5 VII 7072 = 5 VII 1564 по нашему летосчислению). Говоря, что Курбский «подобится» (уподобляется) «местоблюстителям», Грозный, очевидно, понимает этот термин (как и выше, стр. 24) в смысле «управители, наместники» [а не в смысле «блюстителя епископского престола», как полагает Штелин (ук. соч., стр. 90)]. Царь сравнивает послание Курбского с выступлениями других лиц, «бежавших от рук наших»; из таких выступлений нам известно только послание Тетерина Морозову (см. выше, стр. 536). Выражение «степеней честного порога» (в последней фразе), как и в посланиях шведскому королю Иоганну (см. стр. 144), представляет собой указание на высокий ранг (в международном масштабе) Московского государства.

ПОСЛАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

[1] пристали к пристанищу к морскому в нашем граде Двины. — Английский капитан Ричард Ченслер пристал в августе 1553 г. к устью реки Сев. Двины у Никольского Корельского монастыря (ныне г. Молотовск Архангельской области). Ченслер был участником большой английской экспедиции, организованной по инициативе итальянца Себастьяна Кабота для открытия Индии северным морским путем. Экспедиция имела при себе грамоты короля Эдуарда VI «всем царям, государям и владыкам и всяким судиям земли и вождям ее» (Ю. Толстой. Первые 40 лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875, № 1). Один из кораблей экспедиции под управлением Виллоуби погиб вместе со всем экипажем, а корабль Ченслера был случайно занесен бурей в Белое море. Ченслер был доставлен (через Холмогоры) в Москву и с этого момента начинаются постоянные русско-английские торговые сношения. Следует отметить, однако, что первое знакомство Московской Руси с Англией произошло еще до Ченслера: в 1524 г. русские послы, ездившие в Испанию к императору Карлу V, проезжали через Англию и таким образом «открыли» ее еще во времена Василия III (H. Übersberger. Österreich und Russland. Wien—Lpz., 1906, стр. 184, прим. 3; Acta Tomiciana, t. IX, № 252, 259).

[2] и от того от брату твоего приехали к нам тот же Рыцерт Рыцертов... И после того приехали к нам от брата от твоего Рыцерт Рыцартов, и мы послали к брату твоему своего посланника. — Из этого текста можно, как будто, сделать заключение, что Ричард Ченслер после своего первого приезда на Русь приезжал еще два раза. Так понял это место английский переводчик XVI в., переведший последнюю фразу: «and after that it pleased your brother to send the said Richard to us the third time» (Толстой, стр. 110). Однако мы знаем, что Ричард Ченслер, после своего первого пребывания в Москве в 1553/54 г., ездил туда еще только

один раз — осенью и зимой 1555/56 г. (при возвращении из этой поездки он погиб; ср.: Никоновская летопись, ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 262, 270, 285). Возможно поэтому, что обе приведенные фразы говорят об одной и той же (второй) поездке Ченслера («после того» имеет смысл: «после того как»). Вторая поездка Ченслера происходила несомненно уже в царствование Марии Тюдор (Кровавой) (Эдуард VI умер летом 1553 г., до возвращения Ченслера из его первой поездки). Ченслер вез с собою грамоту королевы Марии и ее мужа, испанского короля Филиппа II, Ивану IV (Толстой, № 3; посланником Филиппа и Марии именуется Ченслер и в приведенном месте Никоновской летописи, говорящем о его втором приезде, — стр. 262).

[3] а дела с ним никоторого не приказали. — Русский посол Осип Непея прибыл в Англию в феврале 1557 г. (путешествие его сопровождалось кораблекрушением, во время которого утонул возвращавшийся на родину Ченслер). Содержание переговоров, которые Непея вел с Марией и Филиппом II (считавшимся не королем, а лишь мужем королевы, но фактически направлявшим в то время внешнюю политику Англии), остается неизвестным, — русские «Посольские дела» за эти годы не сохранились, а в грамоте Филиппа и Марии, посланной с Непеей, туманно говорится: «в настоящее время воздерживаемся писать вам более пространную грамоту и просим, чтобы вы дали веру в остальном тому, что скажет тот ваш посланник» (Толстой, № 4, стр. 17). Впоследствии Грозный указывал, что он вел переговоры «о любви и соединении с Филиппом и Марией» (Сборник Русского Исторического общества, т. 38, стр. 109, 147, 198). Переговоры Непеи в Лондоне вызывали усиленное и тревожное внимание в Европе. Они происходили в тот сравнительно короткий период, когда Габсбурги (Филипп II и его дядя, германский император Фердинанд I), ведшие войну с Францией и Турцией, стремились к дружбе с Московией: Иван IV боролся в эти годы с Крымом и Турцией и еще не начал Ливонскую войну. Враги Габсбургов считали поэтому, что во время переговоров в Лондоне Филипп настраивал русского царя против султана. «Вы должны, — писал в 1558 г. французский представитель в Венеции своему коллеге в Стамбуле по поводу «победы московитов над турками, — уверить султана и его пашу, что это король Филипп возбудил против него этого врага, ибо я вспоминаю очень хорошо, что когда я был послом в Англии, туда прибыл посол короля московитов. . . и король Филипп снабдил его всякого рода оружием. . . чтобы одержать верх над землею султана, против которого он их настроил и возбудил» (Negociations de la France dans le Levant, publiées par E. Charriere, t. II, стр. 449—450). В Польше также ходили слухи о том, что возвратившийся из Лондона Непея привез с собою огромное количество военного снаряжения для Руси [«thousands of ordinance, as also of harnies, swords, muni-

tions of warre» (Гамель. Англичане в России в XVI—XVII вв., ст. 1-я. СПб., 1865, прилож. к т. VIII Записок АН, № 1, 65)].

[4] Филипа короля ишпанского аглинские люди с королевства сослали, а тебя учинили на королевстве. — Елизавета вступила на английский престол в ноябре 1558 г., после смерти своей сестры Марии. Филипп II, лишившийся в результате смерти жены влияния на английские дела, предлагал руку Елизавете, но не достиг успеха. Дружба Габсбургов с Англией постепенно сменяется враждой, особенно после прекращения войны с Францией и начала французских религиозных войн. Обе стороны активно вмешивались во французские дела (Габсбурги поддерживали католиков, Елизавета — гугенотов); английские пираты начали нападать на испанский океанский флот (ср.: J. A. Froude. History of England from the fall of Wolsey, VIII. L., 1864, стр. 437—483). Когда Габсбурги, недовольные наступлением русских на Ливонию, сменили свою дружественную позицию в отношении Руси на враждебную, и император объявил (в 1560 г.) блокаду русской Нарвы, Елизавета не поддержала эту блокаду и, наоборот, продолжала оказывать покровительство английской «Московской компании», ведшей торговлю с Русским государством.

[5] а от тебя хотячи любви. — Оенью 1567 г. Иван IV передал Елизавете через купца Антона Дженкинсона предложение о союзе. Согласно этому предложению оба государства должны были помогать друг другу «против всех своих врагов» (в частности, против польского короля); Елизавета должна была помочь Ивану IV в приглашении из-за границы «мастеров, которые умели бы строить корабли и управлять ими», и в получении артиллерии и снарядов; оба государя должны были взаимно гарантировать (втайне) друг другу право убежища (Толстой, № 12). План союза с Елизаветой одновременно с союзом со шведским королем Эриком XIV был, повидимому, частью большого внешнеполитического плана, задуманного Грозным в эти годы (см. выше, стр. 496).

[6] о торговых делех. — Джордж Мидлтон приезжал в Нарву в первой половине 1568 г.; время приезда его предшественника Эдуарда Гудмена точно не известно (в предшествующих грамотах Елизаветы, изданных Толстым, он не упоминается). Оба эти гонца должны были защищать перед царем интересы монополистической «Московской компании» против купцов, торговавших помимо компании («interlopers»): Елизавета, как и ее предшественники и преемники, покровительствовала торговым монополиям (ср.: И. И. Любименко. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. Изв. АН СССР, 1933, № 10, стр. 733—735). Иван IV был значительно менее расположен к «Московской компании», тем более, что среди лиц, на которых жаловались Гудмен и Мидлтон, были Ральф Рюттер («Раф Иванов») и Томас Гловер, принимавшие уча-

стие в переговорах царя с Дженкинсоном о союзе (участие Рюттера в качестве переводчика засвидетельствовано выше в комментируемом послании; об участии Гловера см.: Толстой, № 20, стр. 70).

[7] и приговорили о тех делех, как тем делом пригож меж нас быти, да и грамоты пописали. — Томас Рандольф прибыл в Россию в июле 1568 г.; в феврале 1569 г. он был принят царем. Инструкции, данные ему лордом Бэрли (Сесилем), главным казначеем и одним из ближайших сподвижников королевы, ясно показывают, что Елизавета не хотела союза с Иваном IV. Сесиль указывал Рандольфу: «Такими общими и благопотребными речами имеете вы удовольствовать его, не давая повода вступать в какие-либо особенные трактаты или договоры для заключения между нами такого союза, который называется наступательным или оборонительным. Хотя сказанный Антон Дженкинсон и упоминал нам о сем, но вы имеете обойти этот предмет молчанием, ибо нам не безызвестно о существовании вражды между ним и королями. . . других (стран)» (Толстой, № 15, стр. 45 и 48). Уклончивая («уродственная» — нелепая по энергичному выражению царя) позиция Рандольфа во время переговоров неизбежно вытекала из данных ему инструкций. Но царю, очевидно, удалось все-таки добиться от посла согласия на русские предложения; хотя Рандольф впоследствии и отрицал это (Толстой, № 33, стр. 137), но из комментируемой грамоты явствует, что он и русские участники переговоров в конце концов «приговорили [договорились] о тех делех». В чем заключалось содержание, подписанных Рандольфом грамот, мы не знаем (русские материалы — «Английские дела» Посольского приказа — не сохранились; среди английских грамот, изданных Толстым, также нет этого документа), но, очевидно, они соответствовали первоначальным предложениям царя Дженкинсону. Для окончательной ратификации этих грамот царем был отправлен в Англию посол Совин.

[8] а наше дело зделала еси не по тому, как посол твой приговорил. — Андрей Совин вел переговоры в Лондоне в течение года (с лета 1569 г. по лето 1570 г.). Результаты этих переговоров не могли удовлетворить Ивана IV: Елизавета внесла в первоначальные условия союза такие изменения, которые лишали его в глазах царя всякого смысла. Так, например, вместо прямой военной помощи союзнику она предлагала своеобразный арбитраж между ним и его будущим врагом, а только «если зачинщик-государь своевольно, вопреки разума» откажется принять «условия мира согласно с законами всемогущего бога», соглашалась на помощь, поскольку такую помощь позволит оказать «современное положение» ее страны (Толстой, № 21). Вместо взаимного права убежища она снисходительно обещала Ивану прием в Англии, если «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» он будет «вынужден покинуть» Русь (Толстой, № 26; впоследствии она объясняла свое нежелание придать

этой статье взаимный характер боязнью дискредитировать себя перед своими подданными такой подозрительностью, — Толстой, № 38).

[9] Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываеш в своем девическом чину, как есть пошлая девица. — «Пошлая», в данном случае значит «обычная», «простая» (ср.: Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, II, 1336); девица на троне противопоставляется настоящему государю. Напоминая Елизавете, что главной задачей такого истинного государя являются не «торговые прибытки», а «государева честь», Грозный тем самым противопоставлял свой взгляд на государство взгляду, высказанному Елизаветой в грамоте от сентября 1568 г.: Елизавета объявляла в этой грамоте борьбу с нарушителями торговых монополий вопросом «величия и достоинства нашего королевства» (Толстой, № 16, стр. 59). — «Ульян Гарит» и «Ульян Честер» — Уилльям Гаррард (Джеррард) и Уилльям Честер, лондонские купцы, руководители английской «Московской компании».

[10] А что которой будет хотя и в нашем деле был, да нам изменил, и тому было верити не пригож. — Речь идет, очевидно, о сношениях Елизаветы с какими-то лицами, изменившими Грозному. В предшествующих грамотах, изданных Толстым, мы не встречаем никаких указаний на такие сношения; но в более поздней по времени грамоте содержится некоторое разъяснение этих слов царя. Грозный считал предложение Елизаветы о предоставлении ему убежища (вместо взаимной гарантии права убежища) результатом «козней изменников, перетолковавших по своему мысль нашу нашей сестре, коей ответ. . . был как нельзя более противен нашему желанию» (Толстой, № 39, стр. 182; в той же грамоте Грозный высказывал предположение, что «некоторые подданные сестры нашей. . . тайно сносятся с некоторыми из наших непокорливых подданных»). Следует отметить, что слух о переговорах Грозного с Елизаветой, действительно, распространился в это время на Руси и притом, как справедливо заметил царь, в чрезвычайно «перетолкованном» виде: в Псковской летописи под 7078 (1570) г. мы читаем рассказ о «лютом волхве» Елисее (речь идет о немце-враче Елисее Бомелии, бывшем подданном Елизаветы), который «много множества роду боярского взусти [подучил] убить цареви, последи же и самого привел на конец, еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшие побити» (ПСРЛ, IV, ст. изд., стр. 318).

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III

[1] Божественнаго. . . и наследника. — Первое послание Иоганну III начинается с обычного в дипломатических грамотах Грозного титула

(в дальнейших дипломатических посланиях мы его опускаем, оговаривая этот пропуск в прямых скобках). Грозный весьма усложнил традиционный титул своих предков [ср. титул Ивана III и Василия III в «Памятниках дипломатических сношений древней России», т. I (СПб., 1851, стлб. 15, 242, 316, 409)], вставив в него (вместо простого «божьей милостью») перечисление атрибутов божества [заимствованное, по мнению И. Н. Жданова (Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 115, прим. 1), из Дионисия Ареопагита], добавив (после 1552—1555 гг.) к перечислению владений царство Казанское и Астраханское, а также (до Ермака!) «Сибирскую и Сиверную страну» и Ливонию.

[2] высочайшего нашего царского порога, честные нашия степени величества. — Выражение «степени величества», часто употребляемое Грозным в этом и следующем послании, означает «ранг», «сан». Грозный подчеркивает, что он монарх значительно более высокой «степени», чем шведский король (выражение «степень величества» мы оставляем без перевода). Выражение «порог» можно понимать двояко: иногда оно представляет собой указание на то величественное место, откуда царь «глаголет» к менее высокопоставленным лицам и куда они к нему обращаются (аналогично фразеологии в грамотах к султану — «к высоким вратам», откуда произошло название «Порта»); иногда же Грозный употребляет этот термин в таком контексте, где ничего не говорится ни о каком общении с менее высокопоставленными лицами («нашего порога степени величества был в Новгороде») — очевидно в том же смысле, что и «степень».

[3] повеление к тебе послали есмя, как тебе нашие степени величества умолити. — Послы шведского короля Иоганна III — Павел, епископ Абовский, Антон «Оловеев» (Тоне Ольсон) и другие — приехали на Русь в сентябре 1569 г. Их приезду предшествовали события, весьма осложнившие русско-шведские отношения: в 1567—1568 гг. между Иваном Грозным и шведским королем Эриком XIV был заключен договор о союзе (см. ниже, прим. 8), но в конце 1568 г. Эрик был свергнут, и к власти пришел его брат Иоганн III, противник этого союза, подвергший оскорблениям русских послов, находившихся в Швеции. Отношения между Швецией и Русью сразу обострились, но Иоганн, ведший в то время войну с Данией, не хотел пока воевать с Грозным. Павел Абовский, посланный им к Ивану IV, должен был уладить возникшие уже пограничные инциденты и урегулировать отношения. Шведские послы не были приняты царем, и летом 1570 г. их сослали в город Муром. Обеспокоенный этим, Иоганн III дважды посылал к Грозному гонцов — в сентябре 1570 г. Янса и Шеферидова (Сиффридсона) (см. ниже комментарий ко второму посланию к Иоганну III, прим. 7) и в августе 1571 г. «легкого гончика» Ирика (Эрика). Осенью 1571 г. (до начала сентября, так как она помечена 7079 годом от сотворения мира — год кончался 31 августа) Иван IV

послал Иоганну грамоту, уже содержащую ряд мотивов, повторенных потом в обоих комментируемых посланиях (о «неразсудном обычае» Густава Вазы, воевавшего с русскими, о знатном происхождении оскорбленных шведами русских послов и т. д.). Грамота эта, не занесенная в русские «Шведские дела», сохранилась в шведских архивах в списке XVII в. — на русском языке и в шведском переводе. Она издана Ернэ (H. Hjärne) в его статье «Ur brefvexlingen emellan Johan III och Ivan Vasilievitj» (Historiskt Bibliothek, 1880, VII). О Павле Абовском Грозный писал: «И послы твои, пришедши к нашим боярам, уродственным обычаем стали что болваны, и сказали, что с ними к боярам никоторого приказу нет, а прежнего обычея позабывши, ино над ними по их уродству потому так и сталось. . . И ты б ныне прислал своих послов наскоре, чтоб послы твои были в нашего порога величества октября в первый день. И толко послы твои к тому сроку не будут, и мы взяв твоих первых послов, хотим своего царьского величества двором в свеских островех [!] витати, о том и тебя от своих уст хотим въспросити, которым обычаем такие непотребства в твоей земле учинилися» (русское приложение к статье Ернэ, стр. 7). В ноябре 1571 г. царь действительно решил даже «идти на непослушника своего на свейского Ягана короля войною за его неисправленье» [Сб. РИО, т. 129, стр. 207; одновременно им была послана еще одна грамота Иоганну, сохранившаяся только на шведском языке (Ернэ, ук. соч. стр. 541)], но трудная международная обстановка (война в Ливонии, татарская угроза) заставила его отказаться от похода на финско-шведские земли (в северной Ливонии война со шведскими силами шла непрерывно — русские осаждали Ревель, занятый шведским гарнизоном). В январе 1572 г. шведские послы, вызванные в Новгород, дали царю обязательство, что их король пойдет на все условия, предложенные Иваном IV; уплатит за «бесчестие» русских послов в Швеции, поможет Ивану IV в организации разработок серебряной руды, обеспечит свободный проезд иностранцев на Русь через Швецию и т. д. После этого «по печалованью детей своих царевича Ивана и царевича Федора и по челобитью царевича Михаила и бояр своих» царь отпустил в январе 1572 г. Павла и других послов с грамотой Иоганну III, содержащей условия, на которых царь согласен заключить мир. Приезд Павла и переговоры с ним сохранились в «Шведских делах» Посольского приказа (см.: Сб. РИО, т. 129, №№ 13 и 15).

[4] Троицын день — переходящий праздник христианского календаря (49-й день от пасхи), в 1572 г. приходился на 25 мая. Царь в этот день еще не приехал в Новгород [по Новгородской II летописи он приехал 1 июня (ПСРЛ, III, изд. 1841 г., 171)], но находился на пути туда.

[5] А которые немногия передние люди оторвався да так учинили. . . то сам сочтешь. — Военные действия, о которых здесь упоминает Гроз-

ный, имели место, очевидно, в конце 1571 г., когда царь принял решение «итти на. . . Ягана короля». В грамоте, посланной в январе 1572 г. с Павлом Абовским, Иван IV писал Иоганну III: «пошли были есмя. . . на тебя и на твою землю Свейскую и дошли есмя сами до своей отчины до Великого Новгорода, а ис передовых наших полков иные люди дошли до Орешка, а иные немногие люди, которые от передовых людей оторвались, и в Свейскую землю отомчались» (Сб. РИО, т. 129, стр. 221). Иоганн III жаловался на «порубежных лихих людей» и раньше — в октябре 1570 г. (там же, стр. 194).

[6] А Выборской твой приказщик Андрус Нилишев писал к Ореховскому наместнику. . . А после того сказали, что послы твои будут к Петрову дню. — Грамота А. Нильсена, наместника шведского короля в Выборге, была формальным поводом к написанию комментируемого первого послания Иоганну III. «Шведские дела» Посольского приказа сообщают о прибытии этой грамоты и о решении Ивана «отписать» ответ одновременно — под 1 августа 1572 г.: «И того же лета 7080-го, августа в 1 день. Писал ко царю и вел. князю из Орешка наместник Григорий Путятин, что писал к нему из Выбору наместник Андрус Нилишев не по пригожю, что буттось государь сам миру просити велел у государя его у Свейского короля послов. . . А государь, царь и вел. князь в ту пору был в Великом Новгороде и приговорил. . . послать к Свейскому от государя грамота из Орешка в Выбор» (Сб. РИО, т. 129, стр. 227). Можно, однако, предполагать, что «непригожая» грамота Нильсена была получена ранее 1 августа, так как в комментируемом послании царь указывает, что «после» этого письма пришла весть о приходе послов к Петрову дню, т. е. к 29 июня (непереходящий праздник христианского календаря). Возможно поэтому, что на окончательное решение царя послать столь «грозное повеление» оказали влияние другие события — в частности, значительное улучшение международного положения Руси, определившееся как раз в июле—августе 1572 г. (см. ниже, прим. 10).

[7] Как отец твой Гастав через перемирие Орешек воевал. — Война между шведским королем Густавом I Вазой и Иваном IV происходила в 1555—1557 гг.; начав эту войну, Густав нарушил русско-шведское перемирие 1537 г. (см. ниже, комментарий ко второму посланию Иоганну III, прим. 12). Смертельно боявшийся усиления «Московита» и всеми мерами старавшийся сохранить изоляцию Руси от Запада, шведский король пытался накануне войны привлечь на свою сторону Ливонский орден и Польско-Литовское государство. Эти попытки успеха не имели, и в течение двух лет войны шведы безуспешно осаждали русский город Орешек (Нотебург—Шлиссельбург—Петрокрепость); в 1557 г. Густав принужден был согласиться на невыгодный для него мир (в частности, устанавливавший свободу торговли между Русью и Швецией

и свободный пропуск русских послов через Швецию). Об этой войне см.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, т. I, стр. 17—21.

[8] А как брат твой Ирик оманкою нам хотел дати жену твою Катерину да и с королевства его сослали, а тебя посадили. — История русско-шведских отношений при Эрике XIV (старшем сыне Густава Вазы, вступившем на шведский престол в 1560 г.) была довольно сложной. С одной стороны, Эрик после распадения Ливонского ордена взял под свою власть Ревель (Таллин) и тем самым выступил в качестве соперника Ивана IV в северной Прибалтике — отсюда ряд столкновений между ним и русским царем [в 1563 г. в ответ на «безлепотное и неудобственное его писание» царь «писал х королю в своей грамоте многие бранные и подсмеятельные слова» — (ПСРЛ, XIII, ч. 2, 369)]. Но, с другой стороны, война с Данией, начатая Эриком в 1563 г., заставляла его стремиться к сближению с Москвой. В 1564 г. Эрик XIV заключил перемирие с Иваном IV (военных действий между обоими государствами фактически не было и раньше). В 1567 г., после переговоров, длившихся несколько лет, шведские послы Нильс Гюлленшерна и другие подписали в Александровской слободе договор о союзе между Русью и Швецией: оба государства согласились на раздел Ливонии (бóльшая часть ее должна была достаться Ивану IV), на взаимную помощь против врагов (в русских «Шведских делах» не сохранилась та часть, где описывается заключение этого договора — см. его текст в шведском издании: Rydberg, Sverges Traktater, IV. Stockholm, 1888, стр. 538; русское изложение см.: Форстен, ук. соч., т. I, стр. 493—495). Своеобразным обеспечением договора 1567 г. должно было быть довольно необычное обязательство шведского короля: Эрик обязался передать Ивану IV Катерину Ягеллон, сестру польского короля и жену своего брата Иоганна, в то время по его приказу арестованного (Иоганн был сторонником сближения с Польшей, с чем и был связан его брак с Катериной); в случае невыполнения этого условия Иван считал «грамоту не в грамоту и братство не в братство» (ПСРЛ, XIII, 407). Договор 1567 г., действительно, так и не вошел в силу: в сентябре 1568 г., во время пребывания русских послов, приехавших для ратификации договора, в Швеции произошел государственный переворот, и королем стал бывший узник — Иоганн III.

[9] брат твой Карло, да зять твой арцог Маамус. — «Карло» — герцог Карл Зюдерманландский, брат Эрика и Иоганна, третий сын Густава Вазы (будущий шведский король Карл IX); «Маамус» — Магнус, сын германского герцога Саксен-Люнебургского, живший в Швеции и женатый на дочери Густава Вазы. И Карл и Магнус принимали участие в свержении Эрика XIV, и оба они после прихода Иоганна III к власти внушали ему страх и недоверие. В марте 1571 г. шведский гонец Янс, живший прежде в России и вновь желавший перейти на русскую службу,

писал Грозному: «ныне, государь, при Ягане короле в Свея великое заворожну [?] стало: браты противу брата, а зять их Магнус против их же» (Сб. РИО, т. 129, стр. 198).

[10] А что Крымскому без нас от наших воевод учинилось, о том спрося уведаешь. — Речь идет о победе над крымским ханом, одержанной в июле 1572 г. на р. Лопасне (в Молодях) русскими войсками под командованием М. И. Воротынского. 6 августа известие об этой победе пришло к царю в Новгород (ПСРЛ, III, 173). По мнению акад. С. Б. Веселовского, это известие (наряду с вестью о смерти опаснейшего врага Ивана IV — польского короля Сигизмунда II Августа) было непосредственным толчком к написанию комментируемой грамоты: «Немедленно после получения вестей о победе Воротынского царь продиктовал и 11 августа послал давно известную историкам и обращавшую на себя внимание грамоту к шведскому королю» (С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. IV, № 6, 1947, стр. 520).

[11] Казанского 20, Астраханского 18. — Грозный считает от года взятия Казани (1552 г.) и Астрахани (1554 г.) Следует отметить, что отсчет годов Казанского и Астраханского «царств» в грамотах Ивана IV часто расходится: даты взятия Казани и Астрахани считаются в разных грамотах по-разному. Напр., согласно заключительной фразе во втором послании Иоганну III (стр. 147) начало «Астраханского царства» приходится на 1555 г.; согласно посланию Полубенскому (стр. 204), начало того же «царства» приходится на 1553 г.; согласно посланию Баторию (стр. 238), начало «Казанского царства» приходится на 1553 г., а «Астраханского царства» на 1554 г.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ ИОГАННУ III

[1] Что прислал еси свою грамоту с полоняником и которая твоя лая, и тому заповедь опосле. — В конце 1572 г. — начале 1573 г. Грозный предпринял очередной поход в северную Ливонию, в результате которого им был отвоеван город Пайда (Вайсенштейн, ныне г. Пайде Эстонской ССР). Во время этого похода Грозный получил через одного из пленников грамоту Иоганна III, написанную в ответ на первое из комментируемых посланий и давшую повод к написанию второго послания. Текст этой грамоты не приведен в русских «Шведских делах» — здесь содержится только краткое указание на то, что грамота Иоганна была написана «не по пригожею» (Сб. РИО, т. 129, стр. 230). Грамота эта не сохранилась, повидимому, и в шведском подлиннике: она не попала ни в публикацию переписки Иоганна III и Ивана IV, сделанную Ернэ

(H. Hjärne, ук. соч.), ни в издание Sverges Traktater Ридберга и Баллендорфа (т. V—VI, 1903). Содержание ее, однако, может быть довольно ясно представлено из комментируемого послания (представляющего собою ответ на нее), так как царь считал необходимым пространно ответить на все доводы шведского короля. Грамота Грозного демонстративно адресована из отвоеванной Пайды, хотя в «Шведских делах», где она помещена, указано, что она писана «з дороги, идучи из Ливонские земли» (Сб. РИО, т. 129, стр. 230).

[2] чей сын отец твой Густав и как деда твоего имянем звали, и на королевстве был ли. — Густав Ваза, отец Иоганна III, вступил на престол в 1523 г. в результате свержения датской власти над Швецией. Он происходил из старинного шведского дворянского, но не королевского рода. Грозный считал поэтому шведских королей не равными себе — «прирожденному государю»; в грамоте, посланной Иоганну III в феврале 1569 г., Иван IV называл его, хотя и неправильно, «избранным» королем, что было в его глазах лишним выражением неполноценности шведских королей (ср. эту грамоту в русском приложении к указанной статье Ернэ). Насмешки над «мужичьим родом» Ваз составляют, если можно так выразиться, первый лейт-мотив комментируемого второго послания к Иоганну III. Сами Вазы тоже считали не-королевское происхождение своим серьезным недостатком и пытались с большими натяжками доказать родство своего рода с древними королями, некогда правившими Швецией (ср.: Г. В. Форстен. Борьба на Балтийском море. СПб., 1884, стр. 256, прим. 2).

[3] как преж того бывал вам мир с наместники Ноугородцкими. — Вопрос о необходимости для «Свейской земли», поскольку она «честью ниже» Руси, сноситься не с царем, а лишь с его новгородскими наместниками, является как бы вторым лейтмотивом комментируемого послания. Сношения Швеции с Новгородом начались значительно раньше, чем с Москвой: владея Финляндией, Швеция была непосредственным соседом Новгородской земли. С конца XIV в. Швеция находилась под властью датских королей (Кальмарская уния), так что, когда в конце XV в. московский государь Иван III присоединил Новгород и взял в свои руки его дипломатические сношения, Швеция не была самостоятельным государством. Как Иван III, так и его потомки относились с явной враждебностью к многочисленным попыткам шведских правителей освободиться от датской власти: датские короли были традиционными союзниками Руси, и Иван III даже помогал в 1497 г. датскому королю в войне против шведского правителя Стуре (см. ниже, прим. 11). Отсюда и установилась традиция сношений со Швецией через Новгород: правители царской «вотчины», Новгорода, сносились с правителями «вотчины» датских королей — Швецией.

[4] при князе Юрье да при посадниках Ноугородцких, а у вас при Магнуше князе, которой приходил к Орешку. — Имеется в виду московский князь Юрий Данилович, занимавший несколько раз новгородский престол и в 1323 г. ходивший во главе новгородцев в поход на шведов (на Неве), и шведский король Магнус Эриксон, занимавший с 1333 г. шведский престол. В 1348 г. он предпринял поход (под предлогом обращения в католичество) на новгородский Орешек; поход был отбит новгородцами, обращавшимися за помощью к московскому князю Семену Ивановичу Гордому. Дальнейшая судьба Магнуса (в 1356 г. он попал в плен к датскому королю и в 1374 г. умер на чужбине) дала повод к появлению в русских летописях рассказа о его неудачном крестовом походе и так называемого «Рукописания Магнуша», в котором шведский король, указывая на свою трагическую судьбу, советует потомкам не нападать на Русь. Из новгородских летописей (ср. напр.: ПСРЛ, III, 227) эти сказания проникли в общерусские летописи времени Ивана Грозного — Никоновскую летопись и Степенную книгу (ср. напр.: ПСРЛ, X, 224).

[5] И послов наших великих. . . неповинно за посмех велел еси ограбити и безчествовати, в одных сорочках поставили. — «Великие послы» Ивана IV, И. М. Воронцов и другие, находились в Швеции с июля 1567 г. по июнь 1569 г. Во время их пребывания там им пришлось стать свидетелями и даже отчасти жертвами государственного переворота 1568 г.; статейный список Воронцова, сохранившийся в «Шведских делах» (Сб. РИО, т. 129, № 12), содержит замечательное описание последних дней Эрика и воцарения Иоганна. В августе 1567 г. послам стало известно, что Эрик сошел с ума — стал «не сам у собя своею персоною», как деликатно объяснили Воронцову шведы (Сб. РИО, т. 129, стр. 134). Воспользовавшись душевным расстройством Эрика, его враги — представители преследуемой им феодальной знати — начали подготовку государственного переворота. Арестованный Эриком Иоганн вновь, при не вполне ясных обстоятельствах, обрел свободу. Шведский рейхсрат (государственный совет) предложил Эрику отклонить заключенный его послами договор с Иваном IV (Форстен, Балтийский вопрос, т. I, стр. 399—400). Послам заявили о невозможности выдать Катерину — «законную жену живого мужа» (Сб. РИО, т. 129, стр. 154—155); Воронцов и его товарищи безуспешно напоминали, что такое обязательство было дано шведскими послами в Москве (в том числе и Нильсом Гюлленшерной, членом рейхсрата). Фактически руководство переговорами не находилось уже в руках Эрика, — сам он тайно извещал послов, что, если ему удастся расправиться с Иоганном, то он передаст им Катерину (там же, стр. 158, 163). 29 сентября 1568 г. Иоганн одержал победу над Эриком и вступил в Стокгольм — «и того же часу пришли на посолской двор многие немцы. . . и людей пограбили, да и самих послов ограбили,

оставили в одних рубашках» (стр. 168). Погром был приостановлен герцогом Карлом Зюдерманландским, более дальновидным политиком, чем его брат. В течение некоторого времени послов подвергали шантажу: требовали, чтобы они написали Ивану IV, не упоминая об учиненном над ними грабеже и указывая, что они «здоровы»; послы отказались «лгати своему государю» (стр. 169). В октябре они были высланы в Або; в мае 1569 г. их выпустили оттуда и отправили на Русь (стр. 170).

[6] И посланника нашего Третяка, заведши в пустынныя места, лихою смертью уморили, а к нам присылал брат твой посланника своего Ивана Лаврентьева. — Третьяк Пушечников, судя по летописным известиям, был отправлен в Швецию, в апреле 1565 г. (ПСРЛ, XIII, 396). В феврале 1566 г. приехавший из Швеции переводчик Нечайко Тамаров сообщил, что «Третьяка Пушечникова, не дошед Свейского короля, на дорозе в Свейской земле не стало поветреем» (т. е. умер от заразной болезни, — ПСРЛ, XIII, 401); во время переговоров с Эриком XIV обвинение в умерщвлении Третьяка не выдвигалось (ср.: Сб. РИО, т. 129, стр. 156). Дальнейшие переговоры велись, судя по «Шведским делам», шведским гонцом Гансом Ларссоном («Лаврентьевым», — Сб. РИО, т. 129, стр. 156 и в комментируемой грамоте) и, судя по летописи, русским гонцом Савлуковым (ПСРЛ, XIII, 404). Эти переговоры предшествовали приезду в Москву шведского посла Нильса Гюлленшерны, подписавшего в 1567 г. упомянутый выше союзный договор.

[7] А беглово было нам как не хотети примати? — Еще до своего свержения с престола, Эрик XIV, предчувствуя возможность этого события, вступил в тайные переговоры с русскими послами, прося через своего тайного посланца, «детинку молодого», чтобы послы взяли его «с собою на Русь» (Сб. РИО, т. 129, стр. 135—136, — послы не решились вести переговоры через этого посланца «потому что детина молод, верити ему нелзя»). Позже, после открытого выступления Иоганна, Эрик просил передать царю, чтобы он не признавал Иоганна, если «Яган меня убьет или возмет на деле» (там же, стр. 166); послы обещали, в случае их спешной отправки на Русь, помощь царя против «Ягана» и «изменников» (стр. 164). В 1570 г. (уже во время царствования Иоганна III) на Русь приезжали шведские гонцы, один из которых Янс, желавший перейти в русское подданство, сообщил царю, что Эрик «ныне сидит в городе в Абове в Финской земле» и что он, Янс, «у него был сюда едучи и с ним виделся, и Ирик с ним к царю и великому князю приказывал, чтоб государь прислал рать свою в Финскую землю, к Абову, а Абов в Финской земле, на сей стороне моря от Стеколна (Стокгольма), а город худ и людей в нем нет, только в нем сторожи стерегут короля Ирика человек со сто, а он сидит з женою и з детми» (стр. 197). Царь послал с Янсом грамоту к Эрику, не внесенную в «Шведские дела», но сохранившуюся в шведских

архивах — в русской копии XVII в. и в шведском переводе того же времени. Приводим русский текст по публикации Ернэ (русское приложение к статье Ернэ, стр. 3—4): «Грамота великого князя к Ирикю королю писана, бывчи в турме. Дана на Москвы лета от создания миру 7070 девятаго. Божиею милостию, мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевичь всея Русие, королю Ирику. Учинилось нашему царскому величеству ведомо, что на тебя брат твой король Яган со всею землею возстал, и тебя свейского государьства согнав, в заточение тебя з женою и детми держит. А ныне брат твой Яган к нашему царьскому величеству прислал своих людей, Петра Шавридова и толмача Анса с своею грамотою, а ты к нам приказывал с толмачом с Янсом, что было твое хотенье великое нашему царьскому величеству служити и во всяком повиновенье быти, а ныне божьим судом от брата своего с своего государьства изгнан, в заточенье в городе в Абове сидишь, и нашему царьскому величеству за тебя вступитись, прислати б нам в Финскую землю к Абову, хотя и немногую, рать свою, а тебе б нам в твоей нуже пособствовати. А мы, памятуя твою службу к себе, тебя хотим жаловати своим великим жалованьем, а за брата твоего за Яганово непослушанье, и которое он безчестие учинил нашим великим послом, боярину нашему Ивану Михайловичу Воронцову с товарищы, за те за все дела з божиею помочью хотим, оже даст бог, на брата на твоего над Ягана подвиг свои з болшою ратью учинив, на всю Свескую землю меч свой послати. А тебя хотим жаловати, как будет по пригожу, и за тебя стояти, ты б то ведал тайно, а собою промышлял как лутче и смотря по тамошному делу, а делал б еси то дело тайно себе, чтоб свиским людем то было не явно. С сею грамотою послали есмя к тебе толмача Анса и о всех делех к тебе словом приказали есмя, и ты б к нашему царьскому величеству о тех о всех делех со Янсом ведамо учинил, чтоб нашему царьскому величеству про те дела было ведамо, как нам тебя пожаловати, тебе помочь учинити, и мы по тому к тебе свое жалование учнем дерьжати. Писан как преже».

[8] А о Ирике. . . не говаривали и не вывечивали. . . А грамота что знает? Написано, да и минулося. — Слово «вывечивали» (в подлиннике через «ѣ» — «вывѣчивали») не встречается в словарях (Срезневский, Даль, Академический словарь). По контексту значит, очевидно, — «говорить за кого-нибудь, хлопотать». — «Грамота», значение которой отвергает Грозный, — скорее всего, его послание к ссыльному Эрику (см. прим. 7), попавшее каким-то образом в руки Иоганна (поэтому оно и сохранилось в официальном шведском архиве).

[9] А что послы твои через обычей и через опасную грамоту так безчествованы и в поиманье были. — Имеется в виду ссылка в Муром послов Иоганна III, Павла Абовского и других, в 1570—1572 гг. До этой ссылки послы, как мы узнаём из «Шведских дел», были подвергнуты еще специ-

альным репрессиям: в конце 1569 г., во время известной карательной экспедиции Ивана IV в Новгород (где до ссылки находились шведские послы), «велел государь свейских послов ограбити и грамоты королевы и наказы велел у них поимати за то, что Свейской король ограбил послов государских Ивана Михайловича Воронцова с товарищи» (Сб. РИО, т. 129, стр. 177).

[10] отец твой Густав из Щмалот. — Иван IV имеет в виду, что Густав Ваза происходил из Смоланда — провинции на юге Швеции. В действительности род Ваз происходил из другой провинции — Упланд. Неизвестно, почему Грозный приписывал Вазе происхождение из Смоланда — потому ли, что эта провинция была одной из первых, где началось восстание под руководством Густава (см. ниже, прим. 19), или, может быть, он имел в виду буквальный смысл названия Смоланд — «Малая земля», усматривая в самом этом названии намек на «мужичье» происхождение Ваз?

[11] А Стен Стур давно ли был правитель на Свейской земле? — В Швеции было два правителя с таким именем. Наиболее известен Стен Стуре Старший, регент Швеции в 1470—1497 и 1501—1503 гг. Стуре, стремившийся к освобождению Швеции от датской власти, был вместе с тем активным врагом Руси и заключал против нее союзы с Ливонским орденом и в. кн. литовским Александром Казимировичем. Иван III в 1497 г. помог датскому королю разбить Стуре; датский король в благодарность прислал московскому государю документы из архива Стуре, уличающие Александра Литовского (имевшего с 1497 г. формальный союз с Иваном III) в сношениях со Швецией. В 1503 г. во время перемирия с Литвой Иван III отказался включить в него Стуре (снова захватившего власть в Швеции и опять выступавшего в союзе с Литвой). Стен Стуре Младший был регентом Швеции в 1512—1520 гг.; он продолжал политику Стуре Старшего.

[12] «Густаус Ерикович. . . тысяща пятьсот тридесять седмое». — Грозный точно цитирует текст договора о перемирии между ним и Густавом Вазой, заключенного в 1537 г., опуская лишь (после слов «по княжь Магнушевым грамотам») описание русско-шведской границы, которую должны будут разметить съехавшиеся на Вуоксе послы. Грамота 1537 г. имеется в ЦГАДА, ф. 96 (сношения со Швецией), шведские трактаты, № 3; латинский текст ее приведен в книге Ридберга (Rydberg) «Sverges Traktater» (т. IV, стр. 181).

[13] писал еси о Арцымагнусе короле. — Речь идет о датском принце Магнусе, которого Грозный признал королем Ливонии (см. прим. 17). Приставка «арцы» (ср.: герм. Erz-, польск. Arzy-) присоединялась на Руси не только к некоторым западным титулам («арцыарцук» — эрцгерцог), но и к именам лиц, носивших соответствующие титулы [напр. шведский

герцог Карл, брат Эрика и Иоганна, именовался «Арцыкарло» (см. напр.: Сб. РИО, т. 38, стр. 265, 270)].

[14] княжь Магнушевы грамоты, а не на короля. — Шведский король Магнус Эриксон (см. выше, прим. 4), действительно, именуется в договоре 1537 г. князем не только в русском, но и в латинском тексте договора («dux», — Rydberg, стр. 183). Однако в летописных памятниках о Магнусе он называется королем (ср. ПСРЛ, X, 244).

[15] арцыбискупу Апсалимскому — Архиепископ Упсальский являлся главой шведской церкви (после реформации, когда власть папы над шведской церковью была ликвидирована, роль его еще более выросла).

[16] А хто будет не бережет своего государьства, а к тобе пишет братом, тот сам ведает. . . — Имеется в виду, повидимому, польский король Сигизмунд II Август (незадолго до этого умерший) — шурин Иоганна III, неоднократно предлагавший себя в качестве посредника между Русью и Швецией. Иван IV еще в 1563 г. говорил о Сигизмунде II: «А что он пишетца свейскому братом ровным, и коли он, брат наш, не рассмотряет своее чести, ино то он, брат наш, ведает, хоти и возовозителю своему назоветца братом, и в том его воля» (Сб. РИО, т. 71, стр. 243). Позднее русские послы характеризовали польское предложение о заключении «соединенья» с Иоганном III как «безлеп»: «тому никак не сстатися, что свейскому королю со государем нашим, царем и великим князем ссылатися» (там же, стр. 721).

[17] А что мы короля Арцымагнуса пожаловали городом Полчевым и иными городы, и мы з божиею волею в своей вотчине волны. — Принц Магнус, сын датского короля Христиана III и брат короля Фридриха II, с 1560 г. был наместником датского короля на о. Эзель (доставшемся Дании после распадения Ливонии в начале Ливонской войны). В 1569 г., после свержения Эрика XIV и провала плана русско-шведского союза, царь согласился на предложение двух ливонских авантюристов Таубе и Крузе и вступил в переговоры с Магнусом. В результате этих переговоров царь согласился признать Магнуса королем Ливонии, передать ему (когда они будут завоеваны) главные ее центры — Ригу и Ревель, признать за Ливонией ее «вольности, суды и права», сохранить местное (лютеранское) вероисповедание и предоставить ливонцам право беспошлинной торговли с Русью (см.: Копенгагенские акты, изд. Ю. Щербачевым, Чтения Общества истории и древностей Российских, 1915, кн. IV, стр. 284, докум. 160). За это «ливонский король» Магнус становился «голдовником» (вассалом) царя, гарантировалась свободная торговля Руси через Балтийское море; ценой этой уступки Иван IV, в случае успеха всего плана, достиг бы основных целей, поставленных в Ливонской войне. Город Полчев, о котором здесь идет речь, — ливонский город Оберпален (ныне г. Пылтсама, Эстонской ССР) был дан Магнусу

во владение до завоевания главных городов Ливонии. В 1571 г. (в связи с изменой Грозному Таубе и Крузе) Магнус пытался отказаться от своего соглашения с царем, но в 1572 г. он снова обратился к русским, и прежние отношения были возобновлены. Союз с братом датского короля (датский король Фридрих II вполне сочувствовал этому союзу) еще более усиливал русско-шведскую вражду: с 1572 г. начались активные военные действия Ивана IV против шведской Ливонии.

[18] А что о королеве о Арцымагнусове прародителе Фредрике — ино нечто буде переводчики не гораздо описалися. — Смысл этой фразы не совсем понятен. Повидимому, Иван IV имеет в виду какую-то неясность в сделанном для него переводе той «непригожей» грамоты Иоганна III, на которую он отвечает. «Фредрик» (Фридрих), о котором идет здесь речь, — датский король Фридрих I, царствовавший с 1523 по 1533 г.

[19] Гастаус. . . сам королем учинился. . . да Керстана поимали, а Крестьянуса на Дацком королевстве посадили. — Государственный переворот в Дании, совпавший с освобождением Швеции из-под датского господства, относится к 1520—1523 гг. Исторический характер этого переворота так же противоречив, как и сама фигура датского короля Христиерна (Христиана) II, против которого он был направлен. В Швеции борьба с Христиерном II имела характер национально-освободительного движения (в 1520 г. Христиерн II учинил избиение вождей шведской национальной оппозиции — так называемую «Стокгольмскую кровавую баню»); в Дании движение против Христиерна было в значительной степени вызвано стремлением феодальной знати избавиться от абсолютистской политики короля (подобно шведскому перевороту 1568 г.). В связи с этим ход движения в обеих странах также был различен. При известии о резне в Стокгольме, Густав Ваза (будущий король), находившийся в то время в эмиграции в Любеке, решился отправиться в Швецию. Ему удалось поднять восстание в Смоланде, но главную опору он нашел в горном районе Далекарлии. В 1521 г. Густав во главе восставших занял Упсалу и осадил Стокгольм. Что имеет в виду Грозный, когда говорит, что Густав «пригнался из Щмолант [Смоланда] с коровами», — не вполне ясно [вероятно, он имеет в виду рассказ о том, что Густав в 1519 г. бежал из тюрьмы, переодетый погонщиком скота (Geijer. Geschichte Schwedens, II. 1834, стр. 6)]. В 1523 г. Стокгольм был взят Густавом и власть датских наместников низвергнута. В Дании низвержение Христиерна II произошло также в 1523 г. На престол был посажен ставленник дворянства — Фридрих I, дед Фридриха II и Магнуса (а не «Христианус», как говорится в комментируемой грамоте). Но власть его была непрочной: горожане и крестьяне не признавали нового короля и вели с ним ожесточенную борьбу (Копенгаген так и не признал Фрид-

риха I до его смерти). Только Христиану III («Христианусу»), сыну Фридриха I, вступившему на престол в 1533 г., удалось кое-как овладеть всей Данией.

[20] с велики мгосударем самодержцем Георгием-Ярославом на многих битвах бывали варяги, а варяги — немцы, и коли его слушали, ино то его были. — Речь идет о киевском князе Ярославе Мудром, который в ходе междоусобных войн неоднократно использовал варяжские дружины (ср.: «Повесть временных лет», серия «Литературные памятники», т. I, 1950, стр. 89, 96, 100, 101).

[21] А что писал еси. . . мы от Августа Кесаря родством ведемся. . . примериватьца к твоей высости не к чему! — Во время переговоров с Павлом Абовским царь указывал, перечисляя условия, на которых он согласен вести непосредственные сношения с Иоганном III: «Да Ягану же царьского величества титла написати, да Свейским в титлех государьских написати по царьского величества указу. Да прислать образец, герб свейский, чтоб тот герб в царьского величества печати был» (Сб. РИО, т. 129, стр. 213). — Легенда о происхождении русских князей (через Рюрика) от «брата Августа-кесаря» Пруса, была широко распространена в русской письменности XVI в. и занимала важное место в писаниях самого Ивана Грозного. История этой легенды полностью не выяснена, но мнение ряда историков XVIII—XIX вв. (Байер, Шлецер, Куник) о ее польском происхождении должно быть отвергнуто, как необоснованное (ср.: И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 101). Первые известные нам упоминания этой родословной относятся ко времени Василия III — в «Послании Спиридона-Саввы» (Жданов, ук. соч., прилож. V, стр. 596—597) и у Герберштейна (Записки о Московии. СПб., 1866, стр. 11). Упоминается легендарный Прус и в летописных памятниках XVI в. (Воскресенская летопись, ПСРЛ, VII, 268; Степенная книга, ПСРЛ, XXI, ч. 1, стр. 7, 60). Грозный в своих дипломатических посланиях многократно подымал вопрос о своем происхождении от «Августа-кесаря». В грамоте польскому королю Сигизмунду-Августу в 1556 г. он писал: «А мы как есть государь кристьянский, положа упование на всемогущего бога, держим извечную свою прародительскую честь и старину, почен от Августа-кесаря и до великого князя Владимера, крестившего Русскую землю, и царьство Русское добре съдержавшего, и от великого Владимира до царства великого Владимира Манамаха, высоко и достойнейшую от грек честь приимшего, и от Владимира Манамаха по коленству до мстителя неправдам деда нашего, великого князя Ивана, и до блаженние памяти отца нашего, великого государя Василья, закосненным прародительствия землям обретателя, даже по се время и до нас» (Сб. РИО, т. 59, стр. 537—538). В 1563 г. бояре заявляли от его имени польским послам: «. . . мы как есть государи почен от Августа кесаря,

обладающему всею вселенною, брата его Пруса, его ж постави в березех Вислы реки во град Машборок [sic!] и Торунь и Хвойница и Преслава и Гданеск и иных многих городов по реку глаголемую Немон, впадшую в море Варяжское, до сего часа по имени его зоветца Пруская земля. А от Пруса четвертое-надесять колено до великого государя Рюрика даже и до нас, божиею благостью самодержцы есмя, ни от кого, кроме бога, не жалаем, з божьею благостью свою честь держим и на своих государствах государствуем, потому и сами о себе именуемся» (Сб. РИО, т. 71, стр. 231). Эта же мысль высказывалась в 1567 г. (см. выше, стр. 260), в 1573 г. (в комментируемом послании) и в особенно развернутом виде в 1577 г. (см. стр. 200 и прим. 2 к «Посланию Полубенскому»). — Двуглавый орел стал употребляться на печати московских государей с 1497 г. — после коронации внука Ивана III, Дмитрия, венцом и бармами Мономаха.

[22] а ты безбожен, не токма что изстинны не познал еси, но и малую сень латынского служения испровергли есте. . . а то и сам написал еси, что король на Свейской земле отцом твоим. — Реформация в Швеции произошла в связи с переворотом Густава Вазы и вскоре после этого переворота (началась в 1527 г.; конфискация церковных земель была завершена к 1540 г.). Резкое осуждение шведской реформации со стороны Грозного объясняется, повидимому, не только его желанием уязвить Иоганна III, но и политическими мотивами: намечавшимся в годы польского бескоролевья сближением Грозного с главными защитниками католицизма на Западе — Габсбургами. Высказанное в комментируемом послании презрение к протестантизму не помешало Грозному через несколько месяцев после написания этой грамоты разрешить своему «голдовнику» принцу Магнусу обвенчаться с племянницей царя Марией Владимировной по смешанному православно-протестантскому обряду (ср.: Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 215). — Почему в связи с реформацией Грозный укоряет Иоганна III за выражение «король Свейский отцом твоим» — не совсем понятно (может быть он противопоставляет себя, царя «божьей милостью»,— Иоганну, царствующему по милости своего отца?). Акт о наследовании его сыновей был провозглашен Густавом Вазой в 1544 г. — параллельно с проведением реформации.

[23] А что писал еси о своей королевне, будто мы ее у тебя просим, и ты не разумен сый, не разуме. — Во время уже упомянутых переговоров с Павлом Абовским (в 1569 г.) дьяк Висковатый, указывая Иоганну III, что царь позволил Эрику непосредственно сноситься с ним «для полского короля сестры Катерины», прибавлял: «и будет Яган король и ныне полского короля сестру Катерину королевну к царскому величеству пришлет, и государь наш, царское величество, по тому приго-

вору, как было делати с Ириком королем, с Яганом и ныне зделает» (Сб. РИО, т. 129, стр. 184—185).

[24] при Ягайле, короле Полском, хто был Войдило, и которым обычаем Ягайлу з дядею своим с Кестутьем бои были. — Ягайло — великий князь Литовский (с 1377 г.) и король Польский (с 1385 г.); Кейстут — его дядя (младший брат Ольгерда, отца Ягайло), князь Троцкий и Жмудский. В литовско-русских летописях рассказывается, что у князя Ольгерда был любимец, «паробок невольный, холоп, звали его Войдилом»; сын Ольгерда Ягайло женил этого бывшего холопа на своей сестре княжне Марии; Кейстут, подозревая Ягайло и Войдило во враждебных замыслах против него, убил Войдило; Ягайло, захватив своего дядю Кейстута в плен, приказал его удавить (ПСРЛ, т. XVII, 72—73, 76, 155—156, 160—161 и т. д.).

[25] А что дияк наш приказывал твоему человеку Онтону Олсу, чтобы ты нам поступился всево тово, что в нашей вотчине в Вифлянской земле. . . держишь. . . и о десяти тысячах ефимкех за послов наших безчестие —. «Онтон Олс», один из участников посольства Павла Абовского, Тоне Ольсон, именуется в русских источниках чаще «Онтонеем Оловеевым», «Алавеевым» или «Оловеевичем» [Сб. РИО, т. 129, стр. 171, 173, 174 и др.; идентичность Тоне Ольсона и «Онтона Алавеева» обнаруживается из сравнения русского и шведского текста грамоты Грозного, изданной Ернэ (ук. соч., 550, русск. прил., 8)]. Ольсон был отпущен в Швецию в декабре 1571 г. (в то время, когда Павел и другие послы еще оставались задержанными); вместе с ним был отправлен шведский гонец Эрик. Отпуск Ольсона не отмечен в «Шведских делах»; он упоминается только задним числом в заявлении шведских послов (в декабре 1571 г.): «преж того царьское величество по нашему челобитью отпустил ко государю нашему к свейскому Ягану королю посла его Онтона Оловеева» (Сб. РИО, т. 129, стр. 211). Сопроводительная грамота, данная Ольсону, сохранилась в шведских архивах (в копии XVII в.) и издана в статье Ернэ (на русском и шведском языке, — ук. соч., 549—550, русск. прил., 7—8). В грамоте этой, адресованной из «Тфери, в походе» говорится: «И мы ныне подвиг [в изд. Ернэ: «подиг»] свой учинили есмя к твоей земле, и твои послы с [в изд. Ернэ: «к»] нами будут на рубеже и в твою землю вборзе [в изд. Ернэ: «уборже»] и тебе известим своих из уст сами; а будет похожь наш гнев отовратити, а свою землю пусту видети не захочеш, и ты б к нам прислал своих великих послов, которые б могли наше царьское величество умолити и добити челом от твоего лица, как которым делом по пригожу статись мочно. . . А прислал бы еси своих послов не мешкая вскоре, покаместа большое разлитие крови не сталось. И били челом нашей степени царского величества порогу твои послы Павел бископ с товарищы, чтоб нашему царскому величеству пожаловати, одного из

них к тебе отпустити, а ты к нашей царского величества степени послов своих великих о своем неизправление бити челом пришлешь. И наше царское величество по послов твоих челобитию одного из них Онтона Алавеева к тебе отпустити велели». Требование об уступке шведской Ливонии и т. д., как о предварительном условии непосредственных сношений, в этой грамоте не упоминается; оно содержалось в другой грамоте, посланной с Ольсоном и гонцом Эриком (не сохранившейся на русском языке). Требование это упоминается и в переговорах с Павлом Абовским (Сб. РИО, т. 129, стр. 212).

[26] Отец твой век свой изжил, а с намесники ссылался, а маленко был не похотел под старость, — и каково ему удалось то, и ты ведаешь. — Одной из предпосылок войны 1555—1557 гг. между Густавом Вазой и Иваном Грозным (см. комментарий к первому посланию к Иоганну III, прим. 7) было то, что Густав Ваза «гонцов своих к Ноугородцким намесником не учал посылати, а учал гонцов своих посылать ко царю и великому князю, чтоб ему ссылаться с царем и великим князем» (Сб. РИО, т. 129, стр. 1). Густав соглашался сноситься с новгородским наместником только через своего наместника в Выборге. В грамоте шведскому королю царь писал по этому поводу: «И ты сам о том розсуди — Выборской земле с государством Великого Новгорода ровняться пригоже ли? Самому будет тебе неведомо, а ты купцов своих вспрося уведай — Ноугородцкие пригородки Псков и Устюг и Двинскую землю, чаю, знают, сколким многим один из них болши Стеколны, чаю, тебе скажут» (там же, стр. 20). В результате неудачной войны Густав принужден был «бить челом» о перемирии и заключить его (на 40 лет) попрежнему с новгородским наместником, а не с царем (Сб. РИО, стр. 41—44; шведский текст: Rydberg, Sverges Traktater, т. IV, стр. 306).

ПОСЛАНИЕ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

[1] престаните от такового начинания. — Послание Грозного написано в ответ на грамоту братии Кирилло-Белозерского монастыря, просившей, очевидно, царя о «наставлении». Грамота Кирилло-Белозерского монастыря до нас не дошла, и предистория этой переписки может быть восстановлена только с помощью самого комментируемого послания (ср.: А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 1. СПб., 1881, стр. 322—327). Непосредственной причиной «смущения» в монастыре была борьба между двумя влиятельными монахами — Ионой, бывшим боярином Иваном Шереметевым, и Варлаамом (Василием) Собакиным, посланным в монастырь «от царской власти». Уже за год до написания комментируемого послания (оно написано в сентябре 1573 г. — см. Н. К. Никольский. Когда было писано обличительное послание в Кирилло-Белозерский монастырь. Христианское чтение, 1907), т. е. осенью 1572 г., царь

узнал об этом «смущении» от приехавшего в Москву старца Никодима, исполнявшего должность игумена (стр. 175; ср. Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 10—11). С сентября 1572 г. новым игуменом Кирилло-Белозерского монастыря стал Козьма, адресат комментируемого послания (см.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, стр. 55), но и при нем «молва и смущение» не прекращались. Племянники Варлаама, Собакины, ходатайствовали о вызове их дяди в Москву, но царь, занятый походом в Ливонию в начале 1573 г., не мог этого сделать. Весной 1573 г. Собакины послали в монастырь какую-то «злокозненную грамоту», написанную, повидимому, от имени царя (см. стр. 192); в то же время, вернувшись из похода, царь вызвал Варлаама к себе [Барсуков (ук. соч., стр. 326) считает, что Варлаам и был вызван «злокозненной грамотой» его племянников, но в тексте комментируемого послания царь, отвергающий свою причастность к грамоте Собакиных, указывает, что за Варлаамом «мы. . . послали», — стр. 190]. Руководство монастыря, «поносившее» Собакина и «чтившее» Шереметева (стр. 178), прислало Варлаама «кабы ис тюрмы» в сопровождении «соборного старца» (Антония?). Царь передал монастырскому руководству (через старца Антония) ряд указаний, относящихся к усилению строгости монастырского режима (требуя, в частности, чтобы монастырь не давал послаблений Шереметеву). В этот же примерно период была обнаружена измена («чародейство») племянников Собакина (стр. 189 и 178). Может быть, именно это обстоятельство и ободрило руководителей монастыря, и они послали царю (после получения инструкций через Антония) новую грамоту (стр. 191), «жестоко стоя» в ней за Шереметева. В ответ на нее царь и написал комментируемое послание.

[2] Понеже помните, отцы святии егда некогда прилучися некоим нашим приходом к вам. . . благословившу мене на сем. . . яко некоего новоприходящаго пострищися. — Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, во время которой царь собирался постричься в монахи, относится, как он сам указывает, ко времени, когда игуменом монастыря был Кирилл, т. е. к 1564—1572 гг. (см.: Строев, ук. соч., стр. 55). В эти годы царь посещал монастырь дважды — в декабре 1565 г. (ПСРЛ, XIII, 400; Акты Археограф. экспед., т. I, № 270) и весной 1567 г. (ПСРЛ, XIII, 407).

[3] Помните, господие мои. . . кольми же паче. . . вам подобает о чюдотворцове предании пострадати. — Приводимые царем примеры страданий ради принципа заимствованы из Ветхого Завета (Елеазар, Маккавеи) и из жития византийского церковного деятеля и писателя IV—V в. н. э. Иоанна Златоуста, содержащегося в «Четиях-Минеях» (Великие Минеи Четии, ноябрь 13, СПб., 1899) — оттуда взята и история с виноградником опального вельможи, из-за которого Златоуст вступил в борьбу с царицей Евдоксией (стлб. 1013—1016), и история окончательного из-

гнания Златоуста в г. Кукус в Армении и оттуда в Пицунду в Грузии (по дороге в Пицунду Златоуст и умер, — стлб. 1100—1106). «Вдовица», о которой упоминает царь, — благочестивая Олимпиада, отказавшаяся с благословения Златоуста, вторично выйти замуж, хотя этого и требовал обычай (там же, стлб. 1054—1055); заслуживает внимания полемика царя с некиими «невеждами», объяснявшими гибель Златоуста историей с «вдовицей» (и с «виноградом») — любопытно, что в одном из своих писем в Печерский монастырь, направленных в значительной степени против царя, Курбский объяснял гибель Златоуста именно тем, что он «о единой вдовице не умолча» (А. М. Курбский, Соч., стлб. 408).

[4] Есть бо в вас Анна и Кайяфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин, понеже от царския власти послан. — Имеются в виду участники «смущения» в монастыре (см. прим. 1): Иван Васильевич (Большой) Шереметев (инок Иона), постригшийся в монахи в 1570 г. [Барсуков, ук. соч., стр. 308; Курбский в «Истории о в. к. Московском» (Соч., стлб. 295—296) изображает И. В. Шереметева в виде почти житийного мученика, якобы, растрогавшего своим благочестием самого царя], Иван Иванович Хабаров (бывший боярин и воевода; дата пострижения не известна) и Василий Степанович Собакин (инок Варлаам). Личность этого последнего не вполне ясна, так как у воеводы Степана Васильевича Собакина (жившего в первой половине XVI в.) было три сына с одинаковым именем Василий (Большой, Средний и Меньшой). Часть исследователей (Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II, стр. 228—230; Родословная книга «Русской старины», стр. 296—297; также: В. Корсакова. Русский биографический словарь, «Смеловский-Суворина», стр. 27—28, в статье «Собакины») считает, что инок Варлаам — это Василий Меньшой, дядя царицы Марфы Собакиной (третьей жены Грозного), которую они считают дочерью Василия (Богдана) Среднего. Акад. С. Б. Веселовский (Синодик опальных Ивана Грозного. Пробл. источниковед., т. III, стр. 338—339) полагает, что Варлаам — это Василий Большой, и что он же был отцом Марфы; однако никаких доказательств в пользу этой точки зрения он не приводит [в «Поколенной росписи» Собакиных XVII в., изданной в «Известиях Русского Генеалогического общества (IV, стр. 87—88), не указывается, кто из трех Василиев был монахом, и совсем не упоминается Марфа]. Во всяком случае, едва ли можно согласиться с С. Б. Веселовским, что В. С. Собакин был «в опале... принудительно пострижен и сослан в Кириллов монастырь»: в приведенном тексте царь прямо говорит, что Варлаам был «от царские власти послан», сравнивая его в связи с этим (в характерной для Грозного иронической манере) с Пилатом (прокуратором, представителем римской власти в Иудее); Шереметева и Хабарова царь сравнивает с иудейскими первосвященниками Анной и Кайафой

(главными виновниками гибели Христа, согласно евангельским легендам).

[5] Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей, и Пафнотей. — Имеются в виду основатели крупнейших русских монастырей — Сергий Радонежский, основавший Троице-Сергиеву лавру (XIV в.), Кирилл Белозерский (см. о нем ниже, прим. 19), Варлаам Хутынский (XII в.), Дмитрий Прилуцкий (XIV в.) и Пафнутий Боровский (XV в.).

[6] на Симоновс. . . и у Чюда. — Имеются в виду два московских монастыря: Симонов — на окраине города; Чудов — в Кремле.

[7] А вы се над Воротыньским церковь есте поставили. — Речь идет, повидимому, об умершем еще в 50-х годах Владимире Воротынском, похороненном в Кирилло-Белозерском монастыре, на месте погребения которого действительно была построена церковь (ср.: С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II. М., 1850, стр. 10—11); спустя десять лет в том же монастыре был похоронен его брат — А. И. Воротынский. Во всяком случае, неправ Н. Костомаров, думающий (Ист. монограф., т. XIII, стр. 280—281), что речь идет о «победителе крымцев» М. И. Воротынском — известном полководце, к которому в 1567 г. обращались Сигизмунд II Август и Г. Ходкевич (см. в нашем издании ответные послания от имени Воротынского — стр. 257); М. И. Воротынский был казнен незадолго до написания комментируемого послания и похоронен в Кашине; лишь в начале XVII в. тело его было перенесено в Кирилло-Белозерский монастырь (ср. Никольский, ук. соч., стр. 5).

[8] у Дионисия преподобного на Глушицах и у. . . Александра на Свири. — Дионисиев Глушицкий монастырь находился вблизи Вологды; Александро-Свирский Троицкий — вблизи Олонца (ныне Карело-Финская ССР).

[9] «нужно бо есть не приити соблазном: горе же человеку тому, им же соблазн приходит». — Грозный здесь, как и в первом послании Курбскому (см. комментарий к этому посланию, прим. 9), искажает (повидимому, сознательно) евангельскую цитату: вместо «нужда бо есть приити соблазном» он пишет «нужно бо есть не приити соблазном».

[10] Господие мои, отцы преподобнии! воспомяните. . . где сего праведного положиша? — Царь приводит в качестве примера ряд святых подвижников (монахов) знатного происхождения, известных ему из житийных и других источников. «Лествица райская» Иоанна Лествичника — византийское сочинение (руководство к иноческой жизни) VI в., несколько раз переводившееся на Руси (последнее издание — М., 1892). Царевич Иоасаф, царь Авенир — герои весьма популярной в древней Руси повести о Варлааме и Иоасафе (см.: Житие Варлаама и Иоасафа, изд. ОЛДП, LXXXVIII, СПб., 1887). Елизвой — эфиопский

(абиссинский) негус Элесбоа; по легенде, сохранившейся в Четиях-Минеях (Великие Минеи Четии, октябрь 19—31, СПб., 1880, 1836—1837), он принял монашество после победы над царем-иудеем Дунасом (Зу-Нувасом) и жил в монашестве чрезвычайно суровой жизнью. Савва Сербский — сын сербского царя Стефана-Немани (XII—XIII в.), принял монашество в юности, был архиепископом Сербии; отец его Стефан отрекся от престола и постригся в монахи под именем Симеона в 1195 г. Рассказ о Савве и его отце содержится в «Степенной книге» (ПСРЛ, XXII, 388—392). Рассказ о Николае Святоше, князе Черниговском (XII в.), содержится в «Печерском Патерике» (см.: Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 85—86 и 184—185; эпизода с «отогнанием» бесов от стула Святоши в «Патерике» нет; вероятно, эта легенда почерпнута Иваном IV из устной традиции). Игнатий — патриарх Константинопольский, сын императора Михаила Рангава (IX в.); о мучениях, понесенных им от императора Варды, рассказывается в «Степенной книге» (ПСРЛ, XXII, 344—345); однако здесь указывается, что Игнатий был замучен «не до конца» и при императоре Василии Македонянине вновь восстановлен на патриаршем престоле (там же, 350—351).

[11] ни видяща, яко есть чернец, не токмо инок, еже есть велико. — Подчеркивая, что инок выше чернеца, Грозный, очевидно, обозначает этими терминами две различных степени монахов, имея в виду под чернецами «новоначальных» (монахов, не имеющих степени), а под иноками — «малосхимников» (первая степень монашества; признаком малосхимников являлась мантия).

[12] Или не весте Шереметева отца Василия?. . . снялся с Курцовыми. . . да оттоле се им и почалося. — Отец И. В. Шереметева постригся в Троице-Сергиевом монастыре (под именем Вассиана) между 1537 и 1539 гг. По весьма вероятному предположению Барсукова (ук. соч., 78—79, 91), это «невольное» пострижение стоит в связи с борьбой боярских партий в период «боярского правления» (когда был свергнут с митрополии и Иоасаф, — см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 23). Остальные подробности биографии В. Шереметева, упоминаемые царем, по другим источникам не известны. Указание Грозного, что В. Шереметев «снялся с Курцевыми» (родственники казначея Никиты Фуникова-Курцева, см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 45), Барсуков (ук. соч., стр. 79) понимает том смысле, что у В. Шереметева «вышли неудовольствия» с ними; однако «сънятися» чаще означает «собраться, соединиться, сойтись» (Срезневский, Материалы для словаря др.-русского языка, т. III, стлб. 783—784); можно поэтому предположить, что в борьбе, раздиравшей Троицкий монастырь, В. Шереметев и Курцевы составляли одну партию, а Иоасаф

и Коровины — другую. Любопытно, что в этом послании Грозный с явным осуждением трижды поминает митрополита Иоасафа, близкого к течению «нестяжателей» (противников монастырского землевладения), в то время как в первом послании Курбскому Иоасаф упоминается в сочувственном тоне — как жертва боярского самовольства (см. выше, стр. 34).

[13] Таково было у Троицы крепко, да то мирянину, а не чернъцу! — Речь идет о поездках царя в Троице-Сергиев монастырь в 1544 или 1545 гг. Любопытно, что после обеих этих поездок Грозный накладывал «опалу» на дворецкого Ивана Кубенского (ПСРЛ, XIII, 146—147 и 445—446); в 1546 г. И. Кубенский был казнен. Кубенские (Иван и его брат Михаил) — потомки ярославских князей, активные участники междоусобной борьбы во время «боярского правления» (сторонники Шуйских, см. выше, стр. 34).

[14] Песношь. . . — Песношский Никольский монастырь (основан в конце XIV в.), находился недалеко от г. Дмитрова.

[15] царем Львy Исавру и сыну его Констянтину Гноетезному. — Византийские императоры-иконоборцы (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 1).

[16] тот Шереметев с Висковатым первыя не почели за кресты ходити. — Иван Михайлович Висковатый — государственный дьяк и печатник (иностранцы называли его «канцлером»), один из наиболее выдающихся политических деятелей времени Грозного. Висковатый достиг значительного влияния еще при «избранной раде» и сохранил это влияние после учреждения опричнины [хотя царь в грамоте крымскому хану (см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 40) делал вид, что осуждает политику «Ивана Михайлова», последний еще долго оставался главой Посольского приказа и активным проводником внешнеполитической программы Грозного — ср. записки Генриха Штадена «О Москве Ивана Грозного» (1925, стр. 84—85)]; в 1570 г. Висковатый был казнен Грозным при не вполне ясных обстоятельствах. Отказ Висковатого (вместе с Шереметевым) участвовать в крестных ходах стоит, вероятно, в связи с религиозными «сумнениями», обнаруженными Висковатым в 1554 г., когда он, протестуя против новых икон, «вопил во весь народ» и навлек даже на себя специальную соборную эпитимию, где ему предписывалось «ведать свой чин» и не воображать себя «головой», будучи «ногой» [см.: Акты Археограф. экспед., т. I, № 238; специальный «Розыск» по этому делу издан в Чтениях ОИДР (1858, кн. II, отд. III)].

[17] А коли мы первое были в Кириллове в юности. — Имеется в виду, очевидно, поездка царя в Кирилло-Белозерский монастырь в 1545 г. (ПСРЛ, XIII, 147 и 446).

[18] Варламовы племянники хотели были меня чародейством извести . . . Другой на вас Селивестр наскочил, а однако его семьи. — «Варламовы племянники» — это, очевидно, Калист, Степан и Семен Собакины, упоминаемые среди казненных в царском Синодике [см. текст Синодика в «Сказании кн. А. М. Курбского» Устрялова (стр. 390) и в цитированной статье С. Б. Веселовского (стр. 338—340)]. Время казни Собакиных точно не известно; их возвышение относится к концу 1571 г., в связи с кратковременным браком Ивана IV с Марфой Собакиной (умерла 13. XI, вскоре после свадьбы); Калист (Калинник) Собакин выбыл из разрядных списков в 1573 г. (Древняя Российская вивлиофика, ч. XX, стр. 53). Во всяком случае, как прямо указывает царь, в начале «смущения» в Кирилло-Белозерском монастыре (т. е. за год до написания его послания) «еще Собакиных тогды перед нами измены не было» (см. стр. 189); в момент написания комментируемого послания царь, хотя уже знал об этой «измене», все-таки был попрежнему недоволен излишним пристрастием монастыря к Шереметевым за счет Собакиных. — «Селивестр», сходством с которым («однако его семьи») царь попрекает монастырь, — это, конечно, благовещенский протопоп Сильвестр, участник «избранной рады» (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 10 и 25); царь намекает, очевидно, что руководство монастыря, подобно Сильвестру, претендует на роль руководителя и наставника при нем.

[19] Как же отрещися мира. . . а Кирило и в приказе у государя не был. — Об антибоярских тенденциях Грозного в комментируемом послании см. выше, стр. 464—466. — Цитата из Евангелия царем переделана (в подлиннике просто: «оставьте мертвым погребать своих мертвецов»; ср. об этом: И. Н. Жданов, ук. соч., стр. 143). — Кирилл Белозерский, основатель Кирилло-Белозерского монастыря, жил в XIV—начале XV в.; он был казначеем у своего родственника, московского окольничего Вельяминова.

[20] А на Сторожех до чего допили? — Имеется в виду Саввин Сторожевский монастырь вблизи г. Звенигорода. Данное царем описание непробудно-пьяного монастыря, которого даже и «затворить некому», напоминает известный сатирический памятник XVII в. — «Калязинскую челобитную».

[21] поход учинился в Немецкую землю. — Как справедливо указал И. Н. Жданов (Сочинения царя Ивана Васильевича, стр. 98—99), речь идет о походе на шведскую Ливонию в начале 1573 г. (см. выше, комментарий ко второму посланию Иоганну III, прим. 1).

[22] прислали к нам поминъки, да еще ножи, кабы не хотя нам здоровья. — Преподнесение ножа в качестве «поминка» (подарка) считалось враждебным актом: именно такой «поминок» за два года до кирилло-

белозерских монахов летом 1571 г., после разграбления крымцами Москвы, послал царю крымский хан Девлет-Гирей (ЦГАДА, Крымская посольская книга № 13, л. 404). Несмотря на все свое стремление в тот трудный момент не ухудшать отношений с Крымом, царь отказался принять этот «поминок» — «ножа имать не велел» (л. 404 об.).

23 что братия его и ныне не престанут в Крым посылать, да бесерменьство на христианьство наводити. — Это обвинение в «наведении» крымцев на Русь можно понимать в двояком смысле. Сам Иван Васильевич Большой Шереметев считался в миру даже излишне рьяным противником Крыма — в первом послании Курбского царь упоминал его неудачный поход на крымцев в 1555 г., а в письме к хану обвинял его в том, что он «ссорил» Русь с Крымом (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 40); царь мог, поэтому, обвинять Шереметева в том, что он своей враждебностью к «бесерменам» провоцировал их к нападениям на Русь. Но поскольку в комментируемом месте речь идет не об Иване Большом, а о его братьях — Иване Меньшом и Федоре, то обвинение царя повидимому, надо понимать в буквальном смысле. В 1912 г. С. К. Богоявленский опубликовал замечательный документ, к сожалению до сих пор не изученный историками: протокол допроса царем двух бывших русских пленников, вернувшихся из Крыма. Допрошенные лица, Костя и Ермолка, сообщили, между прочим: «изменяют тобе, государю, бояре Иван Шереметев, да брат его Федор, а измена их, сказывают, то: как приходил царь к Москве, и Москву царь зжег [речь идет о походе Девлет-Гирея в 1571 г.], и Иван да Федор Шереметевы на Москве пушки заливали, норовя Крымскому царю, чтоб против царя стоять было нечем. . . А как был царь на Молодях [речь идет о походе 1572 г.], и царь присылал к Ивану да и Федору Шереметевым крымских татар двунадцать человек для вестей. . . И приказывали Иван да Федор с теми татары к царю, и царь по Иванову да по Федорову приказу, услышав то, поворотился, блюдясь тебя, государя». (Чтения ОИДР, 1912, кн. II, отд. III, стр. 29—30). Хотя памятник этот написан несколько позднее, чем комментируемое послание (упоминаемый в допросе Аф. Нагой вернулся из Крыма в ноябре 1573 г.), но он близок к нему по времени и может служить хорошим комментарием к словам царя.

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ

1 что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон. — Василий Григорьевич Грязной-Ильин, один из видных деятелей опричного двора, был назначен в 1573 г. воеводой на Донец [см. разряды в «Древней Российской вивлиофике» (ч. XIII, 1790, стр. 441)], т. е. на тогдашнюю русско-крымскую границу. Во время «добывания языков» на р. Молочные воды (впадающей в Азовское море) он был захвачен в плен крымцами

(обстоятельства этого пленения описывает сам Грязной в своем ответном письме, — см. выше, стр. 566). Точная дата пленения Грязного не известна; но уже в середине 1574 г. царь получил от него письмо из Крыма (не сохранившееся в «Посольских делах») с просьбой выкупить его или обменять. Ответом на это письмо является комментируемое послание Грозного.

[2] к Москве. — Речь идет о походе крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г., когда им была взята и сожжена Москва (29 мая). В том же году царь получил вести из Крыма, что походу хана предшествовало бегство в Крым «изменников государских», сообщивших хану о «меженине» и опустошении на Руси; некоторые из этих перебежчиков сообщили, что они «сами из опричнины» (ЦГАДА, Крымская посольская книга № 14, л.л. 26—26 об.).

[3] князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. — Речь идет, очевидно, об опричниках, к числу которых принадлежал Василий Грязной. Столь резкая характеристика опричников может объясняться, наряду с общим насмешливым тоном письма, тем разочарованием во многих деятелях опричнины, которое испытал Грозный в начале 70-х годов: в эти годы подверглись опале или казни такие видные опричники, как Михаил Темгрюкович Черкасский (отец которого, черкесский князь Темгрюк, участвовал в походе хана на Русь в 1571 г.), кн. Темкин-Ростовский и др. (Басмановы подверглись казни, а Вяземский опале — еще раньше). Энергично возражая царю по поводу обвинений в изнеженности, небрежности, трусости, Грязной на обвинение в «страдничестве» (незнатном происхождении) ответил лишь: «ты государь — аки бог: и мала и велика чини́шь [создаёшь]» (см. выше, стр. 567) — ответ, типичный для опричника [вопреки мнению П. А. Садикова, аргументация которого в данном случае представляется совершенно неубедительной (П. А. Садиков. Царь и опричник. Сб. «Века», I, Пгр., 1924, стр. 58—59, 65—66)].

[4] в Олексине — ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили. — В. Г. Грязной происходил, по определению П. А. Садикова, из рода «провинциальных служилых московских людей» (П. А. Садиков, ук. соч., стр. 40—41). О службе его предков у ростовских архиепископов («владык») других известий не имеется, но ростовское происхождение Грязных подтверждается «родословными росписями». Город Алексин в первой половине XVI в. принадлежал ближайшим родственникам царя, князьям Старицким — Андрею и Владимиру Андреевичу; в 1566 г. Алексин был «выменен» у Владимира Андреевича (т. е. переведен в опричнину). Князья Пенинские-Оболенские находились на службе у князей Старицких; младшие пред-

ставители этого рода в последний раз упоминаются в середине XVI в.— князь Юрий Иванович Меньшой и его племянник Федор Иванович, который был, по известию Курбского, казнен в 1544 г. П. А. Садиков поэтому считает, что известие о службе В. Грязного у Пенинского «страдает очевидным анахронизмом и грешит против истины», ибо Грязной, по генеалогическим расчетам исследователя, был для службы у этих лиц слишком молод (ук. соч., стр. 44). «Впрочем, — справедливо прибавляет П. А. Садиков, — при генеалогических выкладках следует всегда помнить, что жизнь не всегда считается с такими нормами» (там же, прим. 2).

[5] Дивей — один из крупнейших полководцев и сподвижников крымского хана Девлет-Гирея, представитель нагайского рода Мансуров. В июле 1572 г. был взят в плен русскими войсками во время победы над крымцами [см. комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 10; в записках немца-опричника Генриха Штадена красочно описывается надменное поведение Дивея-мурзы после пленения (Штаден. О Москве Ивана Грозного. Перевод Полосина, 1925, стр. 111)]. После пленения Василия Грязного хан требовал в обмен за него Дивея-мурзу. Дальнейшая судьба Дивея не вполне ясна: в ноябре 1576 г. царь в ответ на многократные просьбы о выдаче Дивея заявил хану, что Дивей умер (ЦГАДА, Крымская посольская книга № 14, л. 341); однако иностранные источники (напр.: Гейденштейн. Записки о Московской войне. СПб., 1889, стр. 22) называют в последующие годы в качестве полководца Ивана IV Даниила-мурзу; историки полагают, что это и есть Дивей-мурза (ср.: И. И. Полосин, указатель к цитированному изданию записок Г. Штадена, стр. 157). В сборнике «Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни» (т. II, Киев, 1849, стр. 286) приводится письмо Курбскому от некоего Василия Загоровского, написанное «недалеко от Пьскова» в 1577 г., в котором сообщается, что Загоровский, воюя «на службе Речи Посполитой», попал в плен «в руки людей царевича его милости Кримского, а меновите [а именно] князя Девия мурзы». Сражаться с войсками Речи Посполитой и находиться под Псковом в 1577 г. Дивей-мурза мог только будучи в рядах русской армии.

[6] Оприч было князя Семена Пункова не на кого менять Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоенья меняти было. — Оба названных здесь Грозным лица — князь Семен Иванович Пунков-Микулинский (Телятевский) и князь Михаил Васильевич Глинский во время написания комментируемого послания уже умерли и никогда в крымском плену не были. Называя их имена, царь имеет в виду их *местнический ранг*, позволяющий приравнивать их к Дивею-мурзе: Пунков происходил от великих князей Тверских, неоднократно исполнял роль главнокомандующего в военных походах (см. выше, ком-

ментарий к первому посланию Курбскому, прим. 37 и 47); М. В. Глинский — родной дядя царя (по матери), главнокомандующий в начале Ливонской войны (см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 41).

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ БЕКБУЛАТОВИЧУ

[1] Семиону Бекбулатовичю всеа Русии Иванец Васильев с своими детишками. . . челом бьют. — Симеон Бекбулатович — крещеный татарский «царевич», правнук татарского хана Ахмата; с 60-х годов XVI в. — хан Касимовский. В 1575 г. Грозный назначил этого татарского царевича великим князем (а по некоторым известиям — царем) всея Руси, отказавшись формально от царского титула и даже, повидимому, уступив ему свою резиденцию в Москве. Помимо комментируемого послания (написанного в октябре 1575 г. от имени Ивана IV и его детей Ивана и Федора), сохранилось несколько документальных источников относительно этого события (Акты Археограф. экспед., т. I, №№ 290, 292, 294; П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. Ист. архив, т. III, 1940, № 69 — все эти документы относятся к январю— июлю 1576 г.). О назначении Симеона сообщают также современники-иностранцы и ряд летописных источников XVII в. В исторической литературе существуют различные объяснения этого необыкновенного шага царя. Наименее убедительным из них является объяснение, данное Лилеевым, автором специальной монографии о Симеоне Бекбулатовиче (Симеон Бекбулатович, Тверь, 1891, стр. 51): по мнению Лилеева, царь отрекся от престола, чтобы иметь возможность бежать в Англию. Фантастичность этого объяснения не нуждается в доказательствах: сам Лилеев (там же) признает, что никакого плана бегства в Англию в 1575 г. у Грозного не было. Более правдоподобным кажется объяснение, данное П. А. Садиковым в одной из его ранних работ [Из истории опричнины Ивана Грозного. Дела и дни, 1921, кн. II. Пгр., 1921, стр. 7, прим. 1; ср. его «Очерки по истории опричнины» (1950, стр. 43—44)]: Садиков связывал этот шаг Грозного с его желанием выставить свою кандидатуру на польский престол во время второго бескоролевья (выборы короля происходили в ноябре 1575 г., через месяц после «передачи престола» Симеону). Однако никаких данных о том, чтобы Грозный, выставляя свою кандидатуру, указывал при этом полякам на то, что он свободен от русского престола, не существует: во время выборов 1575 г. Грозный не проявлял вообще серьезной активности, а уже в декабре 1575 г. (еще в «царствование» Симеона) он вел переговоры о разделе Речи Посполитой и о приобретении Литвы и Ливонии (для чего ему не нужно было отрекаться от русского престола). Наиболее вероятным пред-

ставляется объяснение этого мероприятия внутренними планами царя (см. стр. 484).

[2] ослободил людишок перебрать. — Грозный предлагает Симеону Бекбулатовичу некое размежевание владений между ним, «Иванцом Московским», и «царем Симеоном всея Руси», разделяя таким образом свое государство на две территории, подобно существовавшим с 1564 г. «земщине» и «опричнине» (подробнее см. выше, стр. 482). Сходство между «уделом Иванца Московского» и опричниной подтверждается и другими (кроме комментируемого послания) документальными источниками, относящимися ко времени Симеона Бекбулатовича: в 1576 г. Симеон Бекбулатович выдавал князю Засекину возмещение за его вотчины, взятые еще в 1565 г. в опричнину (Акты Археограф. экспед., № 290); в том же году были присоединены к владениям «Иванца Московского» Шелонская пятина Новгородской земли и другие пограничные (с ливонским фронтом) земли (ср. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 42—43, 176—177, 334).

[3] как преж сего велося у удельных князей. — Иван IV имеет в виду традиционную статью межкняжеских договоров удельного времени: «а боярам и слугам межи нас вольным воля» (согласно этой статье вассалы князей имели право «отъезда» с сохранением своих земельных владений. Ср.: Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. 1923, стр. 122—123).

[4] А которые от нас поидут. . . и ты б, государь. . . пожаловал не приимал. — Эта «просьба» очень ясно говорит о том, что, несмотря на униженный тон «Иванца Московского», его «удел» (подобно опричнине) находился в явно привилегированном положении по сравнению с «владениями» Симеона Бекбулатовича: «Иванец» может свободно «принимать» переходящих «людишек», а Симеон не может. Если учитывать условный язык всего «челобитья Иванца Московского», то следует думать, что речь идет о людях, которые «поидут» от «Иванца» не по собственной воле, а по его приказу (т. е. о тех, которых он собирается «отослать»), «непринятие» же их Симеоном означает, что «вотчинишки» их останутся во владениях «Иванца» (как было с боярами, выселенными из опричнины).

[5] как нам своих мелких людишок держати: по наших ли диячишков запискам и по жалованьишку нашему, или велишь на них полные имати? — «Полной грамотой» назывался акт о приеме данного лица в холопство. В XVI в. в Москве такие грамоты могли писаться только «ямскими дьяками» (ср.: С. Н. Валк. Грамоты полные. Сборн. статей, посвящ. С. Ф. Платонову, Пб., 1922, стр. 130). Вопрос, поставленный царем, заключается, повидимому, в следующем: могут ли в его «уделе» оформлять такое закабаление «мелких людишек» его «дьячишки»

(этого он, очевидно, и хотел) или попрежнему «полные» нужно «имать» из общерусского (следовательно, «подведомственного» Симеону) Ямского приказа?

ПОСЛАНИЕ ПОЛУБЕНСКОМУ

[1] В Володимер ко князю Александру Полубенскому. — Владимир (Владимирец) Ливонский — ливонский город Вольмар (ныне г. Валмиера Латвийской ССР). Александр Полубенский — предводитель польских войск в Ливонии, староста Вольмарский и Зегевольдский (ныне Сигулда Латвийской ССР). Грамотой к нему начинается целая серия посланий, отправленных Иваном Грозным своим противникам во время летне-осеннего похода 1577 г. — одного из самых удачных походов в Ливонской войне. В сохранившемся дневнике Полубенского (Донесение-дневник Полубенского, Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III, М., 1900) ничего не сообщается о получении им этой грамоты; но Полубенский рассказывает, что когда он, уже будучи пленником, предстал перед Грозным, тот произнес перед ним речь (цитируемую в дневнике Полубенского стр. 33), по содержанию совпадающую с комментируемым посланием, — может быть, просто прочитал эту грамоту. Содержание «листа» царя было передано Полубенским (после освобождения из плена) польскому королю Стефану Баторию [ср. грамоту Батория в «Книге Посольской метрики в. кн. Литовского» (КПМЛ), т. II (М., 1843, стр. 27—28)].

[2] Трисолнечного божества. . . милость, бывшую на нас. — Композиционное своеобразие комментируемого послания заключается в том, что вступительная часть титула «божьей милостью. . .», вообще значительно расширенная при Грозном (см. комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 1), достигает здесь грандиозных размеров — больше половины всей грамоты. Обычную формулу «божества. . . милостью. . . мы, Иван Васильевич», царь здесь как бы раскрывает, стараясь разъяснить противоречие между словами Христа (в Евангелии) о мирской власти: «еже есть высоко в человецех, мерзость есть перед богом», и фактом божьего благословения ему, царю Ивану Васильевичу. В связи с этим он излагает (по библейским и хронографическим легендам) целую историю мирской власти, противопоставляя «неблагочестное царство», возникшее «от дьявола», царству, «благословенному» богом. При составлении этого вступления к посланию Полубенскому Грозный использовал свои предшествующие сочинения и больше всего первое послание Курбскому. Из этого послания заимствовано и рассуждение о том, почему бог разрешил иудеям приносить жертвы (см. выше, стр. 15), и перечисление владений Августа (ср. стр. 23—24; как и в том

послании, «Ази[я]» и «Асия» [Малая Азия?] выступают здесь в качестве различных понятий); перечисление предков во вступлении к титулу «Послания Полубенскому» почти дословно совпадает со вступлением («историческим титулом») к первому посланию Курбскому. Однако, если в первом послании Курбскому Грозный начинал «Российское самодержавие» с Владимира, то в послании Полубенскому оно выводится непосредственно от «Августа-кесаря». Этому своему «предку» Грозный прощает даже его языческое вероисповедание, объявляя его царство «благословенным» от бога на том основании, что в это время «благоизволил» родиться Христос. При изложении легенды о Прусе — «брате» Августа и предке русских государей, Грозный в значительной степени повторяет свои прежние грамоты польским королям (см. текст их выше, в комментарии ко второму посланию Иоганну III, прим. 21). Далее царь переходит к изложению родословия русских государей — своих предков. Следуя «Начальному своду» и «Софийскому временнику» (а не «Повести временных лет»), царь утверждает, что после Рюрика Игорь (а не Олег) «преселися на Киев и тамо царьствия скипетры Росии положи». Игорю же, вместо его сына Святослава, приписываются походы в Дунайскую Болгарию — «в Переяславце Дунайстем живяше, иже есть Бен (?) и Ведна [= Вена; ср.: Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 489, 500, 517 и др.]». Здесь, впрочем, возможна какая-то порча в тексте, так как дальше, говоря о Владимире, Грозный называет его сыном «сего Святослава» — следовательно, он упоминал (или собирался упоминать) Святослава выше. Говоря о Ярославе Мудром, царь подчеркивает, что он господствовал над «Чудской землей» — Ливонией (тема, повторяемая затем в основной части грамоты); говоря о Владимире Мономахе, вспоминает популярную в XVI в. легенду о приобретении этим князем византийских регалий в результате войны в византийской Фракии (ср.: ПСРЛ, IX, 144; Сб. РИО, т. 59, стр. 345; об этой легенде см.: И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 62—98, 130—131; текст легенды по памятникам начала XVI в. — там же, стр. 598—599). В изложении библейских легенд царь в большей степени следует Хронографу (ср.: ПСРЛ, XXII, стр. 30—32, 93—95) и апокрифическим сказаниям [напр., объяснение вавилонского столпотворения стремлением обезопаситься от нового всемирного потопа, — ср. у Козьмы Индикоплова и в одной из Палей (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877, стр. 108—110)], чем Библии. Политические претензии, высказанные Грозным во вступительной части послания Полубенскому (и повторенные затем в переговорах с польскими послами Крыйским и другими в январе 1578 г.), сильно обеспокоили польского короля. Уже в ноябре 1577 г., в инструкциях гонцу Полуяну, король

иронически указывал, что в грамоте Полубенскому царь «почал вычитывать рожай свой от створенья света, от Адама. . . яко нигде ничого кгрунтовного [основательного] и правдивого не назначил» (КПМЛ, т. II, стр. 27—28). Об этих же претензиях Грозного Баторий напомнил и в 1579 г., формально объявляя войну царю (там же, стр. 44).

[3] Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то всё дудино племя!). — Это место грамоты не совсем понятно. Царь, назвав Полубенского «дудой» (дудкой; это же прозвище повторяется и на «подписи» — адресе грамоты), перечисляет, очевидно, дальше названия сходных музыкальных инструментов («то все дудино племя», т. е. «все это разновидность дудки»). «Пищаль», действительно, представляет собой музыкальный инструмент типа свирели (см.: Финдейзен. Очерки по истории русской музыки, т. I, вып. II, 1928, стр. 186; Н. И. Привалов. Музыкальные духовые инструменты русского народа. СПб., 1908, стр. 108—109); другие названия, приводимые царем, в литературе не встречаются (их нет ни у Финдейзена, ни у Привалова, ни у Срезневского и т. д.). — Враждебный тон царя по отношению к Полубенскому может объясняться многими причинами: Полубенский был связан с Курбским [он был его свойственником (ср.: Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. I. Киев, 1849, стлб. X—XII, 157); ср. также грамоту Полубенского Шабликину и Огибалову, в которой Полубенский вымогает от них «тетради», оставленные Курбским в России, грозясь иначе не выдать их пленных родственников (А. М. Курбский, Соч., прилож., стлб. 495)] и с другим эмигрантом — Т. Тетериным; в сотрудничестве с последним он захватил обманом русскую крепость Изборск (см. прим. 4).

[4] Взял еси искрадом нашия вотчины Пскова пригородок Избореск, как еси поругалъся, отступив от крестьянства, церкви божии и священства образом. — Захват Изборска Полубенским произошел в январе 1569 г.; Полубенский и его сподвижники, по словам Псковской летописи, «впрошалися опритчиною [притворились опричниной]» (ПСРЛ, IV, 318; ср.: Синбирский сборник, М., 1844, стр. 23). Историю этого обмана излагает немец-опричник Генрих Штаден. Он рассказывает, что «губернатор польского короля Сигизмунда в Лифляндии» Александр Полубенский в сопровождении 800 поляков и 3 русских перебежчиков подъехал к воротам Изборска и закричал привратнику: «Открывай! Я иду из опричнины». Поляки продержались в Изборске 14 дней, после чего город был отбит настоящими опричниками (Штаден. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, стр. 94). Нападение Полубенского на Изборск и последовавшие за этим военные действия были предметом специальных переговоров между Иваном IV и польским королем Сигизмундом II Августом в течение всего 1569 г. (см.: Сб. РИО, т. 7, № 23, стр. 584—

610). Грозный писал польскому королю, что с тех пор, как последний «нашу изменную раду, отступников истинного православия, учинил у себя в раде, и от тех мест и посемест кровь крестьянская не престалась лити. . . И по той твоей раде, брата нашего, а наших изменников умышлению, князь Олександр да князь Иван Полубенские, пришедчи некрестьянским обычаем. . . сослався с нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригород в псковской в Избореск с нашими изменники въехали, и город Избореск на тебя, брата нашего, засели, и вере крестьянской ругательство учинили» (Сб. РИО, т. 71, стр. 588). Впоследствии, когда Полубенский попал в плен к русским, царь укорял его в том, что он в Изборске «чудному Николе глаза колол»; Полубенский оправдывался, что это не он, «а рыцарство» (Донесение-дневник Полубенского. Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III, стр. 136).

[5] А пишешься Палемонова роду. — Палемон — легендарный предок литовских князей. Согласно рассказам литовских летописей, он был римский «княже», родственник императора Нерона, покинувший Рим из страха перед «кривдами и втеснениями» со стороны этого императора. Добравшись по «морю-окиану» до реки Неман, Палемон со своими спутниками «почали размноживатися» и положили начало литовскому народу и государству (см. Западно-русские летописи. ПСРЛ, XVII, 227—229, 240, 296—297 и др.). Легенда о Палемоне по характеру своему весьма сходна с русской легендой о Прусе.

[6] А что пишешься вицерентом земли Ифляньские, справцы рыцарства волного — ино то рыцарство блудящее, розблудилося по многим землям, а не волное. — «Справцей людей рыцерских войска. . . короля Полского и великого князя Литовского у земли Ифлянской» именовал себя Полубенский в грамотах русскому боярину Ивану Петровичу Федорову (Сб. РИО, т. 71, стр. 81 и 87); в грамоте Шабликину и Огибалову он именовался «гетманом Лифлянской земли и справцей рыцарских людей» (Курбский, Соч., стлб. 496). «Вицерегентом» Полубенский называл себя, очевидно, как заместитель Ходкевича — администратора («регента») Ливонии (см. прим. 7).

[7] А Колывань за Свейским, а Рига особе, а Задвинье за Кетрером. — Колывань — русское название Ревеля (Таллина), находившегося с 1561 г. под шведской властью. Готгард Кетлер, коадъютор (соправитель) магистра Ливонского ордена, заключил в 1559—1561 гг. с польским королем соглашение, согласно которому южная Ливония (Курляндия, Задвинье) превращалась в вассальное владение Польши, за что польский король обещал защищать Ливонию от царя. После этого Курляндия была обращена в герцогство, а Кетлер стал герцогом Курляндским. Рига после довольно энергичного сопротивления также при-

знала (в 1562 г.) власть польского короля, но при условии некоторого самоуправления и полной независимости от герцога Курляндского. Центральная часть Ливонии также была передана польским королем (в 1566 г.) в управление не Кетлеру, а другому лицу — «маршалку» Литовскому Яну Ходкевичу с титулом администратора Ливонии (тем самым центральная Ливония как бы объединялась с великим княжеством Литовским). Рига, не признавшая власти Кетлера, не признала и Ходкевича, и в 1567 г. он безуспешно пытался взять этот город осадой [см. Хронику Рюссова в «Сборнике материалов и статей по истории Прибалтийского края» (т. III, Рига, 1880, стр. 158—161)].

[8] Где меньтер, где машъкалка, где кумендери, где советники, и все воинство Лифляндския земли. — Перечисляются чины прежнего Ливонского ордена. «Ментерь» — очевидно то же, что «местер» (ср. Псковскую летопись, ПСРЛ, IV, 182—183, где сперва употребляется термин «местер», затем о том же лице, термин «мендерь») — Grossmeister, магистр Ливонского ордена. «Кумендери» — командоры (ср. Новгородскую летопись, ПСРЛ, III, 89, 109). «Машкалка» — маршал; термином «ламмашкалка» в Никоновской летописи именуется ливонский ландмаршал Шалль фон-Белль (ПСРЛ, XIII, 330).

[9] Избранный ваш государь Стефан Обатур присылает нам о миру и послов своих к нам шлет. — Семиградский (трансильванский) воевода Стефан Баторий, избранный частью сейма на престол в декабре 1575 г., короновался польской короной 1 мая 1576 г. Власть его была непрочной, так как основная часть магнатства не признавала его и приглашала на польский престол германского императора Максимилиана II (избранного сенатом в короли одновременно с избранием Батория). Уже в августе 1576 г. Стефан отправил посланников Груденского и Буховецкого к Ивану IV и гонца Гоголя к боярам с мирными предложениями. Иван IV относился к избранию Стефана на польский престол отрицательно, предпочитая видеть на этом престоле императора, от которого он, повидимому, получил неофициальные обещания об уступке Ливонии, а может быть и Литвы. Посланники были встречены холодно; боярам было поручено «отписати панам жестоко: как бы посмеяся обрали себе за государя семиградцкого воеводу» (ЦГАДА, Польского двора кн. № 10, л. л. 238—238 об; текст этой грамоты бояр см.: КПМЛ, т. II, стр. 7). Впрочем, Стефану было предложено прислать «великих послов». К июлю 1577 г. послы эти еще не прибыли, — этим, между прочим, впоследствии оправдывал Иван свое наступление на польскую Ливонию, прибавляя, однако, что Ливония — его исконная вотчина и что «тебе [Стефану] было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с княжества Семигратцково на коро-

левство Польское и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю» (там же, л. л. 308—308 об.).

[10] Тимофея Романовича Трубецково. . . сына великого князя Олгерда, у которого твои предкове служили Палемонова роду. — Род князей Трубецких (или Трубчевских), окончательно перешедший на русскую службу в начале XVI в., ведет свое происхождение от князя Дмитрия Ольгердовича Брянского-Трубчевского, участника Куликовской битвы (на стороне Дмитрия Донского), сына литовского великого князя Ольгерда. 9 июля 1577 г. Т. Р. Трубецкой был отправлен царем из Пскова «наперед себя», «воевать немецкие земли» в направлении на «Владимирец» (Вольмар); Трубецкому было дано для передачи комментируемое послание Полубенскому (см. подробный разрядный список: Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг. Военный журнал, изд. Военно-уч. комитетом, 1852, № III, стр. 113—114; ср.: Синбирский сборник, стр. 60).

[11] Писан в дому живоначалные Троицы и великого государя Всеволода Гаврила, а в нашей отчине двора нашего из боярские державы городе в Прескове. — Троицкий собор — главный храм Пскова (др.-русск. Плесков). По названию этого храма, как это часто бывало в древней Руси (напр. Тверь называлась «Спас златоверхий»), именовался и сам город. Всеволод-Гавриил Мстиславич (первая половина XII в.) — первый псковский князь. Всеволод был изгнан из Новгорода и принят псковичами; в дальнейшем он почитался как местный герой (наряду с другим псковским князем — Довмонтом). Выражение «двора нашего из боярские державы» — не понятно.

ПОСЛАНИЕ ЯНУ ХОДКЕВИЧУ

[1] Из Володимерца к пану Яну Еронимовичу со князем Олександром с Полубенским. — Судьба Полубенского во время событий 1577 г. во многих отношениях не ясна. Можно считать несомненным, что Полубенский еще до прихода русских войск был взят в плен самими жителями города Вольмара и выдан Магнусу [об этом говорят совпадающие сообщения Б. Рюссова (Хроника, Прибалт. сб., т. III, стр. 271) и самого Полубенского в его дневнике (стр. 132); сообщением последнего устраняются сомнения на этот счет В. Новодворского (Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой, СПб., 1904, стр. 58—59, прим. 2)]; но когда это произошло — не ясно; дата самого Полубенского [28 июня (?)], как и последующие даты его дневника (напр. дата первой беседы с царем — 1 августа) явно перепутаны (может быть сознательно). Во всяком случае, 28 августа, когда царь готовился к взятию Вольмара, он не знал, где Полубенский, и очень беспокоился о его судьбе (см.:

Ливонский поход, Военный журнал, 1853, V, стр. 105—108); в начале сентября Полубенский несомненно уже был в руках русских. О пребывании царя в Вольмаре 12 сентября (дата комментируемого послания) в других источниках ничего не сообщается; по словам Полубенского, 11 и 15 сентября царь сообщил ему, что он дарует ему жизнь и перешлет с ним письма (Донесение-дневник Полубенского, стр. 136, 137; о вероятных причинах такого превращения Полубенского из пленника, недавно еще пользовавшегося особой нелюбовью царя, в его посланца см. выше, стр. 507). Вместе с посланием Яну Ходкевичу, главнокомандующему польскими силами в Ливонии, царь отправил послания Стефану Баторию, Курбскому, Таубе и Крузе и Тимофею Тетерину.

[2] кграбя на Шклове и на Мыши, пану Виленскому старосте Жемоитицкому, маршалку земскому великого княжества Литовского, старосте Кобеньскому и державце Плотельскому и Тельшовскому... — Ходкевич принадлежал к одному из наиболее влиятельных литовских магнатских родов. Титул графа («кграбя») Ходкевичи получили от германского императора Карла V Габсбурга (когда отец Яна, Иероним, был послом при дворе императора). Перечисленные здесь владения Ходкевича находились частью на территории Белоруссии — г. Шклов (ныне Могилевской обл. БССР) и Мышь (Барановичская обл. БССР), частью на территории Литвы — область Жмудь, г. Вильно (Вильнюс), Ковно (Каунас), Тельшов и Плотеле. Часть титулов Ходкевича Грозный опускает — он именует его администратором и гетманом Ливонии (специально объяснял этот поступок ниже — в этом же послании), не упоминает еще два белорусских владения Ходкевича — Быхов и Глуск.

[3] егда к нам через Лифляндскую землю без короля писал еси. — Во время борьбы за польский престол в 1572—1575 гг., и особенно во время второго «бескоролевья» (после бегства избранного короля Генриха Валуа во Францию в июне 1574 г. и до 1576 г.) царь неоднократно вел (через посредников) письменные и устные переговоры с литовско-польскими магнатами и, в частности, с Яном Ходкевичем. Позиция Ходкевича в отношении русской кандидатуры на польский престол была двойственной и неискренней: в Литве он вел решительную борьбу против этой кандидатуры, опасаясь ее популярности среди литовской шляхты (ср.: А. Трачевский. Польское бескоролевье. М., 1869, стр. 262—263), но одновременно поддерживал тайные сношения с русскими послами, уверяя их в своей преданности царю (для того, чтобы удержать его от войны, а может быть, и на случай успеха его кандидатуры) и обвиняя самого царя за недостаточную энергию в борьбе за престол [в беседе с гонцом Ельчаниновым он говорил, что царь «точно через пень колоду валит» (ЦГАДА, Польского двора кн. № 10, л. л. 5—7 об.)]. По совету Ходкевича, царь написал в августе 1575 г. ряд грамот польско-

литовским магнатам, и в том числе самому Ходкевичу (там же, л. 61). В апреле 1576 г. русский посланник Новосильцев [также беседовавший с Ходкевичем, но догадывавшийся о его неискренности (там же, л. 158 об., 162)] привез царю грамоту от Ходкевича (там же, л. 134 об.). Не известно, имеет ли в виду Грозный эту грамоту или какую-нибудь другую (в комментируемом послании говорится о письме «через Лифляндскую землю»).

[4] Слышах твое велеразумие и храбрость под Улою и дивихся — и то храбръски еси учинил. — В 1568 г. Ходкевич осадил русскую крепость Улу, но, несмотря на проявленную им при этом личную храбрость и энергию, ему пришлось снять осаду. В своем донесении королю он объяснял эту неудачу «храбростью москвичей и робостью наших» [ср. перевод этого донесения, сделанный С. М. Соловьевым (История России, кн. II, стлб. 201) по книге Nowakowski «Zrćdła do dziejów Polski» (I, стр. 193)].

[5] да ещо и пословица та нехороша, что «одми толко ково одмет» — ино тому живет лихо. — Текст этой пословицы, очевидно, искажен в обоих списках грамоты (т. е., видимо, в их общем протографе — может быть, уже у самого Грозного). Вероятно, Грозный имеет в виду поговорку, аналогичную евангельскому изречению: «у неимеющего отнимется и то, что имеет». По-польски (судя по звучанию этой искаженной цитаты, имеется в виду скорее всего именно польская поговорка, вполне уместная в споре с Ходкевичем) эта поговорка могла звучать примерно: «odejmij tylko [u tego] u kogo odjęto». «Неимущий», у которого «отнимают», — это, конечно, Ливония, ставшая после ее распадения в 1560—1561 гг. добычей ряда соседних стран (Швеции, Дании, Польши); Грозный возражает против такого «лихого» (зловредного) поведения Ходкевича и других участников раздела Ливонии.

[6] А в нашей вотчине в Лифлянской земле. . . все. . . под наших коней ногами и под нашим житием учинилося. — Во время русско-польских переговоров после взятия Иваном IV в 1563 г. Полоцка польские послы предлагали такое разделение Ливонских земель: «что государь ваш которые замки держит в Вифлянской земле, то напишите за государем своим; а что Вифлянские земли за государем нашим, и то за государем нашим» (Сб. РИО, т. 71, стр. 279, 371). К сентябрю 1577 г., когда было написано послание Ходкевичу, вся северная Ливония, кроме Таллина, и вся центральная Ливония, кроме Риги и Рижского взморья, находились уже в руках русских.

[7] чтоб государь ваш послов своих слал к нам не мешкаючи. . . без почестивости братству нашему статися с ним невместно. — «Великие послы» Батория Крыйский, Сапега и Скумин должны были прибыть к Грозному в августе 1577 г., но, узнав о походе царя в Ливонию, за-

держались в пути и отправили ему в Ливонию грамоту, спрашивая, куда им ехать (ЦГАДА, Польского двора кн., № 10, л. 273). Царь получил эту грамоту в лагере под Куконойсом (Кокенгаузен, ныне Кокнесе Латвийской ССР) и 28 августа отправил к послам (из Куконойса) ответ, характеризуя их грамоту (по титулу), как «непригожую» и указывая, что им к нему «на Лифлянскую землю итти непригоже» (там же, л. л. 278 об. — 280; грамота эта входила в сборник грамот 1577 г., — см. «Археографический обзор»). 12 сентября царь передал Полубенскому, наряду с комментируемым посланием, грамоту Баторию, где, напоминая свои права на Ливонию, он советовал королю, чтобы тот «на кровопролитье бы еси хрестьянское на прагнул, и послов своих к нам с почестивостью, для братские приязни посылал неомешкаючи» (КПМЛ, т. II, стр. 28—29). — Термин «почестивость», употребляемый в обеих грамотах, разъясняется из сравнения с посланием Иоганну III: в грамоте шведскому королю Грозный прямо указывал, что государь низшего ранга может вступать в прямые сношения с государем высшего ранга, только «выкупя» у него это право какой-нибудь уступкой (выше, стр. 160; ср.: М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 164).

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КУРБСКОМУ

[1] Ко князю Андрею к Курбскому со князем Александром с Полубенским. — Второе послание Грозного Курбскому, посланное через Полубенского (в прежние годы связанного с Курбским, — см. выше, комментарий к посланию Полубенскому, прим. 3), навеяно, повидимому, воспоминанием Грозного о первом послании Курбского (1564 г.); «краткое отвещание» Курбского на первое послание Ивана IV (см. выше, стр. 529) в это время еще не дошло до царя: отвечая в сентябре 1579 г. царю на данное (второе) послание, Курбский писал: «аз давно уже на широковещательный лист твой отписах ти, да не возмогох послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил царство руское. . .» (А. М. Курбский, Соч., стлб. 135).

[2] и животворящим своим крестом Амалика и Максентия низложи.— Амалик, по библейской легенде, родоначальник амалекитян, нападавших на Израиль, «враг Иеговы». Максентий — враг первого христианского императора Константина Великого, разбитый в 312 г. (победа эта объяснялась в византийских легендах вмешательством «животворящего креста»). В данном случае речь идет о польско-ливонских крепостях (во время похода 1577 г.).

[3] писал еси, что яз разтлен разумом. — Ка́к отметил уже Устрялов (цит. изд., прим. 302), этого выраже́ния в посланиях Курбского Гроз-

ному нет: Курбский попрекал царя «прокаженной совестью», «якова же ни в безбожных [языцех] обретаетца» (см. стр. 534). Но выражение «растлен разумом» тоже было употреблено по адресу Грозного — в послании Гр. Ходкевича Воротынскому, ответ на которое мы помещаем в настоящем издании (см. стр. 266). Не предполагал ли Грозный, что действительным автором «лотровских» (подлых) посланий боярам в 1567 г. был Курбский?

[4] Попамятуй и посуди. . . ино то уж мы в ногу их не судны. — См. объяснение этого места С. В. Бахрушиным (комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 31). Последняя фраза в тексте не понятна; перевод Штелина (ук. соч., стр. 103): «Wir sind doch nicht auf ihrem Fuß zu richten» (в смысле: «мы с ними не ровня») представляется неубедительным; скорее здесь какая-то порча в текстах XVII в. (в переводе мы эту фразу опускаем).

[5] Его дочерям всякое узорочье покупай. . . а моим дочерем — проклято да за упокой. — Замечание это не понятно; его не пожелал разъяснить в своем ответе на это послание и Курбский, ответив только: «не вем о каких узорочьях» (Соч., стлб. 135). У Курлятева действительно были две дочери, постриженные вместе с ним (ПСРЛ, XIII, 344). Дочери царя (от Анастасии) все умерли в раннем детстве.

[6] Только бы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было. — «Кроновыми жертвами» царь, повидимому, называет казни бояр: он намекает на смерть своей первой жены Анастасии Романовны, объявляя казни бояр репрессиями за ее гибель. В «Истории о в. к. Московском» Курбский объяснял, между прочим, разгром «избранной рады» тем, что «презлые» оклеветали Сильвестра и Адашева, «аки бы счеровали [околдовали] ее оные мужи» (Курбский, Соч., стлб. 260). Однако ни в официальной летописи, ни в первом послании Курбскому ничего не говорится об убийстве Анастасии, — царь обвиняет Сильвестра только во вражде к ней и в лишении ее какой бы то ни было помощи во время болезни (см. выше, стр. 41). Может быть, возлагая на друзей Курбского ответственность за гибель «юницы», царь и имеет в виду, что благодаря такому обращению с ней, они стали косвенными виновниками ее гибели?

[7] Ты чево для понял стрелецкую жену? — Курбский и этого намека на недостаточную чистоту его личной жизни не пожелал понять, заявив в своем ответном письме: «а еже пишеши. . . предпоминаючи и Кроновы и Афродитовы дела, и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пияных баб басни» (Соч., стлб. 135).

[8] А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити. . . яз такие досады стерпети не мог, — за себя есми стал. —

Князь Владимир Андреевич Старицкий — двоюродный брат царя, сын кн. Андрея Старицкого, четвертого сына Ивана III («от четвертого удельного родился»). После ареста и гибели его отца при Елене Глинской, Владимир Андреевич с матерью был подвергнут аресту; в 1540—1541 гг. в правление Бельских они были освобождены и им был возвращен их удел; Грозный приписывает эту милость себе, ибо считает, как и в первом послании, что в 1540—1541 гг. (когда ему было 10—11 лет) он уже «достиг возраста» и сделал первую попытку сам управлять государством (см. комментарий к первому посланию, прим. 23). Уже в первом послании Грозный упоминает о стремлении бояр возвести Владимира на престол (там же, прим. 29 и 30). В 1563 г. Владимир Старицкий подвергся опале; в 1566 г. у него фактически был конфискован весь его удел. В обстановке ожесточенной борьбы с боярством Владимир Андреевич, несмотря на его «дурость», представлял собою постоянную угрозу для царя. В 1569 г. он был казнен вместе с женой и младшими детьми (ср. о нем в статье: С. Б. Веселовский. Последние уделы в северо-восточной Руси, стр. 103—109).

[9] А где по грехом, по случаю, животворящаго креста явления не было, тут и бой был. — Во время похода в 1577 г. значительная часть городов польской Ливонии сдалась русским войскам добровольно («явление животворящего креста»), в том числе — Режица, Двинск, Куконойс (этот город прежде добровольно перешел к Магнусу, но при появлении войск Ивана IV уполномоченные Магнуса передали город царю), Эрла. После измены Магнуса (см. выше, стр. 504) Иван в некоторых местах встретил сопротивление; город Венден (Кесь), например, был взят после жестокого штурма (при этом гарнизон взорвал себя, не желая сдаваться). После взятия Вендена ряд городов (Ронненбург, Трикат) опять сдались добровольно (см.: Хроника Рюссова., Прибалт. сб., т. III, стр. 270—276; Ливонский поход, Военный журнал, 1852, №№ I—V; 1853, №№ V, VI).

[10] что мы тебя в дальноконыя грады, кабы опаляючися, посылали. — Об этом упреке Курбского см. в комментарии к первому посланию, прим. 49.

[11] Где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере. . . сугнали, и ты тогда дальноконее поехал. — Вольмар не был никогда постоянным местом жительства или владением Курбского. Называя этот город местом «успокоения» Курбского, царь имеет в виду, очевидно, заключительные слова первого послания Курбского: «писано в Волмере, граде государя моего Августа Жигимонта короля, от него же надеюся много пожалован и утешен быти». В 1577 г., во время наступления царя на Ливонию, Курбский также едва ли мог находиться в Вольмаре: к сентябрю—октябрю этого года относятся два документа (жа-

лоба на пасынка, с которым у него были постоянные столкновения, и акт о передаче одного из его волынских имений), написанные Курбским на Волыни (Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, т. I, докум. XXIII и XXIV).

ПОСЛАНИЕ ТИМОФЕЮ ТЕТЕРИНУ

[1] Что писал еси прежь сего. . . Михаилу Яковлевичу Морозову. . . что мы ему не верячи держим жену и дети в закладе. — Грамота Тетерина и Сарыхозина М. Я. Морозову приведена выше (стр. 536). Наместником и воеводой в Юрьеве (Тарту) Морозов был назначен в 1564 г.; в 1569 г. царь назначил его командовать «большим полком» при обратном отвоевании Изборска (Синбирский сб., стр. 23). В 1573 г. Морозов был казнен вместе с М. Воротынским и Н. Одоевским по обвинению в служебной оплошности во время военных действий с Крымом (там же, стр. 39).

[2] Ино ты ростри́га богатырь, Изборок изменою взял. — Участие Тетерина в захвате Изборска кн. А. Полубенским (с помощью обмана, — см. комментарий к посланию Полубенскому, прим. 4) отмечается Г. Штаденом; он сообщает о Тетерине: «в Русской земле у великого князя он был стрелецким головой; боясь опалы великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю» (Штаден, ук. соч., стр. 94). В действительности, как мы знаем (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 13), Тетерин был пострижен в монахи по приказу царя и сам «сверг иноческое одеяние» (отсюда и «расстрига-богатырь»).

[3] Каковы еси грамоты к нам привозил от Андрея от Шеина. — Тимофей Тетерин участвовал в 1558 г. под командованием А. Шеина и Д. Адашева в завоевании русскими войсками Юрьева (Дерпта, Тарту). 25 июня 1558 г. он был послан Шеиным и Адашевым к Ивану Грозному, чтобы известить его, что «божьим милосердием город Юрьев взяли» (ПСРЛ, XIII, 304). В комментируемом послании царь, очевидно, сопоставляет почетную роль Тетерина в 1558 г. как вестника победы с его нынешней ролью изменника.

[4] государя твоего. . . — Формально Тетерин не находился на службе у Курбского (ср. список служилых людей Курбского, сделанный Иванишевым в книге «Жизнь Курбского в Литве и на Волыни», т. I, стр. III—IV). Называя Курбского «государем» Тетерина, Грозный, видимо, имеет в виду их сходное положение, как беглецов-изменников и вместе с тем разницу в ранге между «расстригой-богатырем» и князем (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 2, 3).

ПОСЛАНИЕ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ СТЕФАНУ БАТОРИЮ

[1] x королю з гонцом его с Христопом з Дершком. — Гонец Криштоф Держко (Дзержек) был отправлен русскими послами Остафием (Евстафием) Пушкиным и другими, находившимися в лагере польского короля Стефана Батория, к Ивану Грозному 5 июня 1581 г.; 29 июня царь отправил Дзержка обратно с комментируемым посланием; 15 июля Дзержек прибыл в Вильно (отчет о его миссии см.: P. Pierling. Bathory et Possevino. Paris, 1887, стр. 107, № XXX). Посольству Пушкина и миссии Дзержка предшествовал ряд важнейших событий. После блестящих успехов Грозного в 1577 г. в ходе Ливонской войны произошел коренной перелом: новый польский король Стефан Баторий, используя свежие (наемнические) силы, перешел в наступление и завоевал Полоцк, Сокол (осенью 1579 г.), Великие Луки (осенью 1580 г.) и другие белорусские и западно-русские города. Еще раньше, благодаря окончательной измене Магнуса, русскими были потеряны в Ливонии Двинск и Венден (Цесис). В связи с этими неудачами, Грозный, державшийся вначале неуступчивой позиции по отношению к Баторию (см. выше, комментарий к посланию Я. Ходкевичу, прим. 7), стал настойчиво добиваться мира с ним. Однако теперь польский король не хотел мира, и ряд русских посольств в 1579—1580 гг. заканчивается неудачей (см. ниже, прим. 6—19). В момент написания комментируемого послания, отправленного с гонцом Дзержком, Грозный чувствовал себя более уверенным, чем прежде, так как у него появились сведения о затруднениях в лагере Батория и, вместе с тем, надежда на вмешательство римского папы в русско-польский конфликт (см. стр. 517); однако царь попрежнему хотел скорейшего заключения мира.

[2] а не по многомятежному человечества хотению. — Грозный намекает на разницу между собой, как наследственным государем «по божьему изволению», и Баторием — королем, избранным на престол сеймом. Этого же сюжета Грозный касается в послании несколько раз, издеваясь над тем, что Баторий именует прежних польских королей (наследственных) своими предками (см. ниже, прим. 8) и т. д. Насмешки Грозного, несомненно, попадали в цель — Баторий очень болезненно реагировал на замечания царя по этому вопросу. В ответ на послание, отправленное с Дзержком, король послал царю чрезвычайно резкую грамоту, составленную его канцлером Яном Замойским (КПМЛ, т. II, № 74; ср.: Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882, стр. 52—53, 62—63, 65; Новодворский, ук. соч., стр. 219), в которой, между прочим, содержался ответ и по поводу насмешек над выборным характером власти Батория. В грамоте прославляется шляхетское сословие и говорится, что «лепей [лучше] з доброго шлях-

тича и цнотливое [добродетельной] шляхтенки уродитися, нижли з лихих короля и королевое» (КПМЛ, стр. 204). В заключение грамоты Баторий вызывал Ивана Грозного на рыцарский поединок (стр. 206).

[3] Что прислал еси к нам гонца. . . иж бы он. . . до тебя быти не омешкал. — По дипломатической традиции того времени Грозный начинает свою грамоту с точного изложения привезенной ему Криштофом Дзержком грамоты Батория (текст этой грамоты см.: КПМЛ, т. II, № 67, стр. 139). Грамота Батория приведена полностью и только первые лица (в применении к королю) переменены на вторые, а вторые (в применении к царю) — на первые (напр.: «ты бы, ничым его не задерживаючи, к нам отпустил, иж бы он на рок, который есмо послом твоим назначили, до нас быти не омешкал» — «нам бы, ничем его не задерживая, к тебе отпустити, иж бы он на рок, который еси послом нашим назначил, до тебя быти не омешкал»). Баторий упоминает в этой своей грамоте переговоры с русскими послами Пушкиным и другими, которые он вел в Вильне с мая 1581 г. Русские послы предлагали во время этих переговоров уступить королю всю Ливонию (в том числе ряд городов, еще находящихся в русских руках), за исключением только четырех городов — Новгородка Ливонского (Нейгаузена), Сыренска (Нейшлоса), Адежа (Неймюля) и Ругодива (Нарвы), находившихся у самой русско-ливонской границы (Сыренск находится при истечении р. Наровы из Чудского озера, Адеж — также недалеко от Нарвы; Новгородок Ливонский — около Печоры). Что касается городов, завоеванных Баторием в Белоруссии и в западной Руси, то послы соглашались отказаться от Полоцка (завоеванного Иваном IV в 1563 г. и отвоеванного Баторием в 1579 г.), Озерища и Усвята, но настаивали на возвращении Великих Лук, Холма, Велижа и Заволочья [ср. КПМЛ, т. II, стр. 136; изложение этих предложений у Гейденштейна (Записки о Московской войне, СПб., 1889, стр. 173) не точно]. Баторий, категорически отвергая какие-либо уступки в ливонском вопросе, соглашался вернуть несколько западнорусских городов под условием, чтобы Грозный уничтожил русскую крепость Себеж (еще не захваченную его войсками). Видя неуступчивость послов, Баторий грозил сперва прервать переговоры, но затем разрешил Пушкину послать гонца Дзержка за инструкциями к царю (КПМЛ, т. II, 139).

[4] А то не торговля — розговор. — Грозный излагает содержание грамоты О. Пушкина и других послов, привезенной ему К. Дзержком вместе с грамотой Батория. Текст этой грамоты, сохранившийся в Литовской Метрике (и изданной в КПМЛ, т. II, № 66), короче текста, сохранившегося в русских «Польских делах» (ЦГАДА, Польского двора кн. № 13, л. 7—21), и не содержит ряда мест, процитированных Грозным (напр. замечание панов, что послы «пришли торговать Ливонской зем-

лей», — л. 9 об.), — видимо, несмотря на цензуру панов, Пушкину удалось отправить к царю более пространную грамоту, чем та, которая сохранилась в литовском архиве. Не совсем понятно, что означает выражение «Луки Великие и Заволочье и Ржева пустая и Холм за хрептом [за спиной] в молчаньи [беспрекословно?] покинули»,— русские войска к этому времени, действительно, «покинули» перечисленные крепости, но из них лишь Холм достался полякам без серьезного сопротивления (ср.: Гейденштейн, ук. соч., стр. 146, 160, 170). Может быть речь идет о готовности поляков «покинуть» эти четыре пункта, — из ответа Батория на комментируемое послание мы узнаем, что он соглашался уступить Великие Луки, Холм, Заволочье и Ржев при условии разрушения Себежа (КПМЛ, т. II, стр. 186). — «Разговором» на дипломатическом языке того времени назывались неофициальные переговоры [ср. этот термин в переговорах с английским послом Баусом в 1584 г. (Сб. РИО, т. 38, стр. 133)].

[5] присылал к нам своих великих послов, воеводу Мазовецкого Станислава Крыжского с товарыщи. — Напоминанием о переговорах с Крыйским царь начинает в этом послании обычное в русских дипломатических грамотах изложение истории переговоров, предшествовавших данным (стр. 215—222). Стефан Баторий, незнакомый с этой дипломатической манерой, был удивлен размерами грамоты Грозного, иронически сказав о ней: «Должно быть, начинает с Адама». Воевода Виленский (Радзивилл) объяснил ему, что царь «пишет все, что только делалось с начала войны» (см.: Дневник последнего похода Стефана Батория, стр. 39). — Польские послы Ст. Крыйский и другие отправились к Ивану IV еще во время его похода на Ливонию в 1577 г., но царь отказался принять их во время похода (см. комментарий к посланию Я. Ходкевичу, прим. 7), а узнав о походе Грозного, Баторий сам приказал послам задержаться с приездом в Москву; в результате переговоры в Москве начались только в январе 1578 г. (текст переговоров см.: ЦГАДА, Польского двора кн. № 10, л. 315 об. и сл.; также в отдельной рукописи в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. IV. 33). Наиболее спорным был во время переговоров вопрос о «Лифлянской земле». В конце концов польские послы сами предложили: «государь ваш как хочет, так в грамоте своей и пишет, а нам отписати в своем листу про Лифлянскую землю: а что о Лифлянской земле дотычется, и о том вперед договор послом чинити, а либо не писать ничего о Лифлянской земле» (Q. IV. 33, лл. 86 об. — 87). В соответствии с этим предложением присяга производилась над двумя несовпадающими текстами договора: в русском тексте Ливония была записана как вотчина царя, в польском тексте вопрос этот оставался открытым [известие польского историка Гейденштейна (ук. соч., стр. 16) о том, что царь по своей инициативе,

«отложивши в сторону» грамоту польских послов, поклялся на своем экземпляре, является, таким образом, тенденциозно неверным].

[6] Послали к тебе послов своих. . . Михаила Долматовича Карпова да. . . Петра Ивановича Головина. . . А к нам еси послал гонца своего Петра Гарабурду с бездельною грамотою. — Миссии польского гонца Гарабурды в России и русских «великих послов» в Польше Карпова и Головина проходили параллельно. Гарабурда был отправлен в Москву в марте 1578 г. (еще до возвращения Крыйского); Карпов и Головин выехали в мае того же года. Обе миссии относятся уже к тому времени, когда Баторий, справившись с оппозицией в Гданьске, решил начать войну на востоке. Именно поэтому в грамоте, посланной с Гарабурдой, король подчеркнул, что вопрос о Ливонии остается неурегулированным между обоими государствами (КПМЛ, т. II, № 19). Именно поэтому он с самого же начала повел себя по отношению к русским послам так, что Грозный имел все основания обвинять его в «гордости». Послов задержали уже на границе Литвы, а затем продолжали задерживать в Польше. Карпов, как впоследствии писал Баторий, «идучи до нас по дорозе вмер» (КПМЛ, т. II, стр. 41; Гейденштейн, ук. соч., стр. 33), и руководство посольством перешло к Головину. При приеме послов (в декабре 1578 г.) король сознательно оскорбил царя, не встав при произнесении его имени и не осведомившись о его здоровье. Головин, подчиняясь строго установленному московскому дипломатическому ритуалу, отказался вести переговоры (Гейденштейн, ук. соч.), и пребывание его в Польше затянулось на неопределенное время (послы были задержаны в литовском городке Мсцибове, оказавшись фактически на положении арестованных; король оправдывал этот поступок тем, что Иван задержал в Москве гонца Гарабурду). Такая затяжка переговоров была в интересах Батория: в течение всего 1578 г. и в первой половине 1579 г. он готовился к походу на Русь, собирал наемную армию; в Ливонии его войска уже начали войну и завоевали Двинск и Венден (ср.: Новодворский, ук. соч., стр. 78—86).

[7] А и в бесерменских государьствах тово не ведетца. — Обвинение Батория в «бесерменстве» (сочувствии мусульманам) и ненависти к христианам проходит через все комментируемое послание. Обвинение это имело своим основанием то обстоятельство, что Баторий до вступления на польский престол был (в качестве семиградского князя) вассалом турецкого султана и пользовался его поддержкой в борьбе за престол. Габсбурги обвиняли Батория в зависимости от султана еще во время переговоров с Грозным в 1576 г., но в первое время царствования Батория Грозный не пользовался этим дипломатическим аргументом. Появление этого аргумента в комментируемом послании связано с попыткой сближения с Габсбургами и папой (см. выше, стр. 515): целый ряд мест

в комментируемом послании дословно совпадает с грамотами, посланными Грозным в 1580 г. императору и папе через гонца Истому Шевригина (см.: Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 790—793; т. X, стр. 8—10). Намеки на «бесерменство», как и обвинение в некоролевском происхождении, сильно задевали Батория. Это видно из его ответа на комментируемое послание: «Яко нам смееш припоминать так часто безсурмянство, ты, который еси кровь свою с ними помешал [т. е. — находишься с ними в родстве], которого продкове [предки]. . . кобылье молоко, что укануло на гривы татарских шкап [кобыл], лизали. . .?!» (КПМЛ, т. II, стр. 205).

[8] ни при Ольгерде. . . а коли тех прежних государей пишешь предки своими. — Иван IV перечисляет представителей династии Гедиминовичей, занимавших с начала XIV в. литовский престол (Ольгерд, Витовт — великие князья Литовские), а с конца XIV в. приглашенных на польский престол (начиная с Ягайло, откуда и название династии — Ягеллоны; Ягайло, Казимир, Александр, Сигизмунд I, Сигизмунд II Август — польские короли); он снова намекает на то, что избранный король Баторий не является потомком этих государей.

[9] Петра Гарабурду к тебе отпустили, а с ним к тебе отпустили. . . Ондрея Михалкова з грамотою. — Гарабурда и Михалков были отправлены Иваном Грозным из Москвы в январе 1579 г. В посланной с Михалковым грамоте [КПМЛ, т. II, № 20; на грамоте стоит дата «январь 7088» (=1580 г.), несомненно ошибочная] царь писал, что вопрос о Ливонии — «дело особное», и предлагал Баторию прислать для обсуждения этого вопроса специальных «великих послов». Русские послы Головин и другие и после отправления Гарабурды в течение полугода оставались задержанными в Польше [отпуск их относится к 1 июня 1579 г. (КПМЛ, т. II, стр. 42) вопреки тенденциозному рассказу Гейденштейна, сообщающего об отпуске Гарабурды после известия об объявлении Баторием войны Грозному (Гейденштейн, ук. соч., стр. 40)].

[10] прислал еси к нам гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою. . . гонца нашего Ондрея к нам отпустил еси, а с ним свою грамоту прислал еси также яряся. — Летом 1579 г. Баторий, полностью подготовившись к военным действиям, решился открыто объявить войну царю. 1 июня он «выбил из своей земли кабы злодеев» русских послов Головина и других, а 26 июня отправил к Грозному своего посла Лопатинского (русский гонец Андрей Михалков был отпущен обратно примерно в одно время с отправкой Лопатинского, — ср. комментируемое послание с заголовком в КПМЛ, т. II, стр. 42). «Лист», посланный с Лопатинским, представлял собою «разметную грамоту» — объявление войны. Баторий ставил в вину царю, главным образом, его военные действия в Ливонии в 1577—1578 гг. (текст грамоты в КПМЛ, т. II, № 22

на белорусском языке не совсем совпадает с польским текстом в «Acta Stephani regis», Acta Historica res gestas Polonia illustrantia, t. XI, Krakow, 1887, № CXIV). Грозный первоначально задержал Лопатинского, но уже в ноябре 1579 г. (после взятия Полоцка) писал Баторию, что, хотя ему до сих пор «не вместилося» отпустить этого гонца, но он вскоре это сделает; в декабре 1579 г. гонец, действительно, был отпущен, но при отправке ему было указано, что «которые люди с такими грамотами ездять, и таких везде казнят; да мы, как есть государь христианский, твоей убогой крови не хотим» (КПМЛ, т. II, стр. 53).

[11] и с нашими израдцами, с Курбским и с Заболоцким и с Тетериным. — Участие этих «израдцев» (изменников) в походе на Полоцк подтверждается и в ответе Батория на комментируемое послание (КПМЛ, т. II, стр. 200; о Заболоцком см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 2).

[12] А надеешся не на воинство, на израду! — Осада Полоцка Стефаном Баторием длилась с середины августа до середины сентября 1579 г. Перед началом этой осады король послал защитникам Полоцка грамоту, в которой оправдывал свое наступление против царя и обещал «то, что он [т. е. Иван IV] по отношению к многим людям и вам, его подданным, совершал и совершает, обратить на него самого и освободить христианский народ от кровопролития и неволи» (Acta Stephani regis, стр. 173). Несмотря на этот призыв, Полоцк оборонялся очень энергично и был сдан лишь после пожара в крепости. Героизм русских войск при обороне Полоцка и других городов отмечается даже в ответе Батория на комментируемое послание (КПМЛ, II, стр. 200—201).

[13] как бы волховным обычеем. — Крепость Сокол была взята гетманом Мелецким (а не Радзивиллом, тогдашним воеводой виленским) вскоре после взятия Полоцка; «новое умышление», примененное при этом, заключалось в том, что крепость была подожжена раскаленными ядрами. Немецкие ландскнехты, участвовавшие во взятии города, умертвили русских пленных, в том числе воеводу Шеина. О происшедшем при взятии Сокола надругательстве над трупами рассказывает Гейденштейн (ук. соч., стр. 79: «многие из убитых отличались тучностью; немецкие маркитантки, взрезывая такие тела, вынимали жир для известных лекарств от ран, и между прочим это было сделано также у Шеина») и французский историк де-Ту (Thuani Historiarum sui temporis, p. IV, t. II. Lutetia, 1614, стр. 304). В ответе на комментируемую грамоту Баторий (или Замойский, составитель ответа) сделал попытку оправдать этот поступок своих ландскнехтов тем, что «то бывает во всем христианстве, те тела мертвые в малые куски розрезывают, присматриваючися члонков всих и внутрности, абы у хоробах [болезнях] и ранах живым помагали» (КПМЛ, II, стр. 202).

[14] «перед маистатом» их не ставят. — В «разметном листе», посланном с гонцом Лопатинским (КПМЛ, т. II, стр. 45), Баторий жаловался царю, что русские послы не сказали ему ни слова (речь идет, очевидно, о посольстве Головина, — см. выше, прим. 6), «кгды перед маестат наш были возвани», т. е. «когда были приглашены к нашему величеству» (лат. majestas — величество). Недовольство этим выражением, обнаруженное Грозным в комментируемом послании, Баторий (или Замойский) объяснил в своем ответе на него тем, что Грозный не понял смысла слова «маестат»: «глупе то и неведоме пишешь: тым прозвищом латинским значитца моць владзы земское, которого слова звычай пошол от речи посполитое Римское» (КПМЛ, т. II, стр. 198). В ходе дальнейших дипломатических переговоров Грозный отверг это обидное для него обвинение в невежестве: «и мы то ведаем: маистат — государство, а на маистате — государь на государстве, и государь государства болши: приведут к государю, ино то к его лицу, а приведут к маистату, ино то к повеленью к государскому приведут, а не к самому государю, ино то уж ниже, да и хуже» (Памятники дипломатических сношений, т. X, стлб. 223—224). Употребляя здесь слово «государство» в смысле «государское величество» Грозный, таким образом, верно понимает смысл латинского majestas; выражение «привести к величеству», действительно, звучало на тогдашнем дипломатическом языке более гордо, чем «привести к государю» (ср. это же выражение у самого Грозного в переписке со шведским королем Иоганном III, выше, стр. 144).

[15] своему ты воеводе Виленскому так укоризнено не напишешь, как та грамота писана. — После падения Полоцка и Сокола, из Москвы в Литву был отправлен в конце октября 1579 г. гонец Лев (Леонтий) Стремоухов, — формально не от царя, а от Боярской думы (в обстановке польского наступления предложение мира со стороны самого Грозного имело бы унизительный характер). Гонец этот должен был передать литовским панам просьбу московских бояр — убедить их государя начать мирные переговоры. В своем ответе, посланном с тем же Стремоуховым, члены литовской рады обвиняли царя в том, что он «жадает чужого», в частности — «земли его королевское милости Лифлянскую и Курлянскую», и отказывались послать послов к русскому государю, но соглашались принять русских послов, обещая во время их путешествия в Польшу не вести военных действий (изложение этой грамоты см.: КПМЛ, т. II, стр. 59; Гейденштейн, ук. соч., стр. 101). Грамота литовской рады не удовлетворила Боярскую думу, — в ответе на нее, написанном в феврале 1580 г., русские бояре писали: «нинешная грамота, што есте прислали к нам именуючи опасною грамотою, не по прежнему обычаю прислано: того николи не бывало, а издавна вам, паном радам и братии нашей самым в ведоме, што господара нашого послы

и посланники наперёд литовских послов не хаживали» (КПМЛ, т. II, стр. 61).

[16] И ты нашего дворянина Григорья к нам отпустил. . . а срок еси учинил нашим послом у себя быти, как невозможно не токмо что послом поспети, ни гонцу к тому сроку не бывать. — Гонец Нащокин был отправлен Иваном Грозным к Баторию в апреле 1580 г.; как и предыдущий гонец, т. е. Стремоухов, он должен был убедить польского короля начать мирные переговоры (но выступал на этот раз уже прямо от имени царя, а не от бояр). Когда ему не удалось убедить Батория начать переговоры первым, он, согласно имевшейся у него инструкции, предложил королю послать «опасный [охранный] лист» для русских послов. Король согласился на это, но сперва совсем отказался соблюдать перемирие на время переговоров, издевательски заявляя, что, если он будет в походе, то «ближей послом вашим до нас прийти и доброе дело становити будет», а затем согласился на короткое перемирие сроком в пять недель (от 14 июня 1580 г., когда была дана его «опасная грамота», см.: КПМЛ, т. II, № 41 и № 42). За это время он полностью подготовился к походу и следующих русских гонцов и послов принимал уже в лагере (ср.: Новодворский, ук. соч., стр. 132).

[17] И мы видячи твое нежаленье о хрестьянстве. . . посольство их все изрушилося. — Гонец Шишмарев прибыл к Баторию в местечко Чашники (место это Баторий нарочно избрал для встречи русских послов, так как из него шла дорога и в Смоленск и к Великим Лукам, и было непонятно, куда он собирается итти походом) 19 июля 1580 г., в день, когда истек установленный Баторием срок перемирия; Грозный просил через этого гонца продлить срок перемирия, чтобы могли успеть приехать его «великие [полномочные] послы»; Баторий отказал в этом и двинулся через Витебск на Великие Луки (Гейденштейн, ук. соч., стр. 109—111). 7 августа польским войскам сдался (после четырехдневной осады) Велиж, 16 августа — Усвят; Озерище, вопреки указанию комментируемого послания, было взято Баторием значительно позже — после падения Великих Лук. 27 августа Баторий начал осаду Великих Лук, а 28 августа к нему прибыли «великие послы» царя — Сицкий, Пивов и другие. Послы стали непосредственными свидетелями осады города, находясь в лагере осаждающих в «особливом намете» (шатре); как сообщает приписка к тексту их «речей», записанных литовскими канцеляристами, «по их выеханью был замок запален так, иж они огонь видели» (КПМЛ, т. II, стр. 104). Несмотря на это послы проявили большую настойчивость и упорство, соглашаясь уступить только те города в Ливонии, которые (после окончательной измены Магнуса) все равно перешли в польские руки, и несколько западнорусских городов, захваченных Баторием. Переговоры прервались (послы предложили обратиться к царю за новыми

инструкциями) еще до взятия Баторием Великих Лук (6 сентября 1580 г.).

[18] А к нам еси прислал гонца своего Григорья Лазовицкого з грамотою и с ним отпущал нашего сына боярского Микифора Сущова. . . а другово еси гонца своего Гаврила Любощинского прислал к нам. — Гонец Григорий Лазовицкий был отправлен Баторием к Грозному 5 сентября 1580 г. (накануне взятия Великих Лук); вместе с ним ехал Никифор Сущов — гонец к царю от находившегося в Польше русского посла Сицкого. В грамоте, врученной гонцу, король требовал от царя уступки всей Ливонии (КПМЛ, т. II, № 54). Через несколько дней к королю прибыла грамота от царя с извещением об отвоевании русскими у поляков захваченного ими на время Крейцбурга (там же, № 55). Баторий в ответ на это послал к царю гонца Любощинского, «похваляяся», что он взял Великие Луки (там же, № 56).

[19] И волочил еси наших послов. . . не без накладу ж. — После неудачных переговоров в августе 1580 г. русские послы Сицкий и другие оставались в Польско-Литовском государстве и продолжали переговоры до февраля 1581 г. Осенью 1579 г. они встретились с литовскими панами в Невеле и, на основании новых инструкций царя (КПМЛ, т. II, стр. 120), согласились уступить польскому королю все города по Двине, завоеванные в 1577 г., а также замки Каркус и Трикат, требуя возвращения из завоеванных Баторием городов только Великих Лук, Невеля и Велижа; судя по материалам «Метрики Литовской», предложение это не было принято (КПМЛ, т. II, № 59; о каком соглашении под Невелем говорит Грозный в комментируемом послании — не ясно). Во время переговоров в Варшаве в феврале 1581 г. послы согласились еще на уступку Вольмара, но паны заявили, что ими на войну «великий наклад учинен» и что в одной (Ливонской) земле не могут быть «два пана» (КПМЛ, т. II, стр. 126).

[20] Миколай Янович Радивил. . . — по прозвищу Черный, воевода Виленский, один из крупнейших политических деятелей времени Сигизмунда II Августа (умер в 1565 г.), активный деятель польской реформации (кальвинист). Радзивилл от имени польского короля вел переговоры с Кетлером и добился подчинения южной и центральной Ливонии Польше в 1559 г. (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 41 и след.). Замечание Грозного о том, что первопричиной вмешательства Польши в ливонские дела было «люторство», стоит, вероятно, в связи с его переговорами с папой в момент написания комментируемого послания.

[21] неодностайные речи. — «Неодностайные» — противоречивые (ср. польск. jednostajny — единообразный). — Грозный точно цитирует два дипломатических заявления Сигизмунда II Августа: из речей поль-

ских послов Тишкевича (Тышкевича) в марте 1559 г. (Сб. РИО, т. 59, стр. 578) и из грамоты, привезенной посланником Мартином Володковым (Володковичем) в начале 1560 г. (там же, стр. 603, 606—607). События, о которых упоминалось в первой грамоте польского короля, происходили в 1556—1567 гг. Архиепископ Рижский Вильгельм маркграф Бранденбургский (брат герцога Альбрехта Прусского и племянник Сигизмунда II Августа) подвергся нападению со стороны магистра ордена (магистр подозревал его, не без основания, в стремлении поставить Ливонию под польский протекторат). Архиепископ Рижский был взят в плен, но в дело вмешался польский король и принудил магистра к полной капитуляции (см.: Хроника Рюссова, Прибалт. сб., т. II, стр. 347—350). Разница между содержанием двух грамот, отмеченная царем, объясняется тем, что в августе — сентябре 1559 г. Кетлером был заключен договор (см. выше, комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 41), по которому южная и центральная Ливония перешла под польскую власть.

[22] послали списки в сей же своей грамоте. — К комментируемому посланию были приложены две договорные грамоты [сохранились только в «Метрике Литовской», так как в списке ЦГАДА — пропуск (см. «Археографический обзор»)], заключенные в княжение Василия III, отца Ивана IV, между новогородскими и псковскими наместниками Василия, с одной стороны, и Ливонским орденом — с другой; одна из них относится к 1509 г. (КПМЛ, т. II, № 70), другая — к 1522 г. (там же, № 69). В грамоте 1522 г. говорится, что магистр и другие власти Ливонии «били челом», за то, что перед этим они «отстали от Новгорода и Пскова, «пристали к королю Польскому и великому князю Литовскому»; теперь, говорится в грамоте, они окончательно «отстали» от Польского короля (там же, стр. 157).

[23] прадеду нашому. . . великому государу Василью Васильевичу. — Челобитье Василию Темному, о котором идет речь в этой грамоте, имело место, очевидно, после неудачного нападения ливонцев в 1459 г. на псковские земли. В 1460 г., с согласия в. к. Василия, Новгород и Псков заключили с Ливонией перемирие на пять лет (Псковские летописи, 1941, стр. 56—57).

[24] а у нас была наша отчина в прикладе. . . а хоти и преложоных они имали. . . ино потому Лифлянтская земля ваша же ли? — Слово «приклад», которым в данном случае царь характеризует отношение Ливонии к Руси, — разъясняется из контекста: Грозный указывает, что Ливония была «наша прикладная отчина, как у тебя Прусы». Прусский герцог — вассал Польши; Грозный, следовательно, «вотчиной в прикладе» именует вассальную (ленную) территорию. Так понял это место и Баторий: возражая на комментируемое послание, он (или Замойский —

составитель ответа) писал, что, если бы Ливония была у русского царя в «ленном голде» (т. е. в вассальной зависимости), то сохранились бы «привилеи» и другие документы ленных отношений, и русские государи предлагали бы на утверждение «папежу» ливонских «бискупов», как это делают польские короли с Пруссией (КПМЛ, т. II, стр. 188—190). О рижском архиепископе Вильгельме см. выше, прим. 21.

[25] А Ягайло и Витолт так с Прусы битву вели, и предки твои с Кондратом, князем Мазовецким воевалися. А ко отцу нашому. . . присылал к нему бити чолом княже Пруский Ольбрехт... — В 1410 г. Витовт в союзе с Ягайло и русскими князьями одержал над Прусским орденом победу под Грюнвальдом. — Конрад Мазовецкий вел переговоры с Иваном III о союзе против Ягеллонов в 1493 г. (см. Сб. РИО, т. 35, № 21). Герцогство Мазовия (главный город — Варшава) сохраняло независимость от Польши (столицей ее был Краков) до начала XVI в. — Альбрехт, последний магистр Прусского ордена (впоследствии первый прусский герцог), вел переговоры с Василием III о союзе против Сигизмунда I в 1517—1520 гг. (этими переговорами занят весь т. 53 «Сборников РИО»).

[26] ко Кгданъску ходил ратью? Ведь он твой, и к своему почто ратью ходить? — Грозный вспоминает о войне, которую Баторию пришлось в начале его царствования вести с городом Гданьском (Данцигом). Чтобы оценить всю колкость этого замечания, следует помнить, что жители Гданьска в 1576—1577 гг. отнюдь не считали себя подданными Батория, а признавали своим королем габсбургского императора, одновременно поддерживая сношения с другими врагами короля, в частности (по польским известиям) и с русским царем и его тогдашним вассалом Магнусом (Археографический сборник документов, относящихся к истории сев.-зап. Руси. Вильно, 1867, т. IV, стр. 30).

[27] и с которыми немцы к Вилне ратью приходил. . . — Речь идет о походе Витовта в 1390 г. против его двоюродного брата Ягайло, занимавшего в то время польский и литовский престол; в результате этого похода престол в. к. Литовского был уступлен Витовту. Витовт пользовался в этой борьбе поддержкой Ливонского ордена — «поидет князь великий Витовт с немцами до Вилни. . . и оступят город Вилню» (ПСРЛ, XVII, 165). Иван Грозный приводит этот факт, как доказательство того, что орден не только не был частью Польско-Литовского государства, но, наоборот, сам играл активную роль в судьбе этого государства.

[28] папа их уложил, что однако вера греческая и латинская, и они то разрушают и отводят людей от греческой веры к латинской. — Положительная оценка, которую дает здесь Грозный Флорентийской унии 1439 г., и его готовность признать «латин» «однакими» (едиными) с «греческой» (православной) верой находятся в резком противоречии с обыч-

ной, резко отрицательной оценкой этой унии и «латинства», принятой в Московской Руси и, несомненно, разделявшейся и Грозным (ср. замечание о «латинской ереси» в грамоте, написанной от имени Воротынского, — см. стр. 269). Несомненно, что приводимое высказывание Грозного об унии представляет собой дипломатический прием, рассчитанный не столько на польского короля, сколько на папу, с которым царь в это время начал переговоры.

[29] и иново ничого не дали писати. — Грозный здесь возвращается к истории посольства Сицкого под Великими Луками (в 1580 г); Н. Сущов был отправлен Сицким вместе с гонцом Батория Гр. Лазовицким (см. выше, прим. 18).

[30] А город Себеж, который. . . еще не в звершеные свои лета. . . поставили. — Крепость Себеж была построена русскими в 1536 г. на отвоеванной у польско-литовского короля территории. В феврале 1537 г. послы польского короля Сигизмунда I («Старого»), при заключении русско-польского перемирия согласились «поступиться города Себежа» (Сб. РИО, т. 59, стр. 101).

[31] во всяком опасном листе пишется так. . . уведай. . . А что они тебе объявили, что они полную науку имут, а зсылаешъсе на их грамоту, и по сей твоей (?) грамоте, что к нам послы наши писали (?). —В «верующем листе» (верительной грамоте) послов Пушкина и других содержалась традиционная фраза: «и что они учнут тебе, брату нашему, Стефану королю говорити, и ты б им верил, то есть наши речи» (КПМЛ, т. II, № 63); Баторий повторил эти слова в грамоте, посланной с Дзержком (там же, стр. 139). — Дальнейший текст не вполне ясен (может быть, тут какой-нибудь пропуск в тексте?); переводим его приблизительно.

[32] И так тебе послы наши поступалися болшей семидесят городов. — Условия мира, предложенные О. Пушкиным, см. выше, прим. 3. Говоря об уступке Курляндии Баторию, Грозный имеет в виду формальный отказ от этой части его «извечной вотчины», — фактически же Курляндия никогда не находилась в его руках.

[33] ино так младенъцов омыляють, как твои панове то говорили: а нам в том которой прибыток? — «Омылять» (польск. omylić) — обманывать, надувать. — Дрисса — крепость при слиянии р. Дриссы и Западной Двины, в 1565 г. была занята русскими, в 1581 г. обратно отвоевана Баторием.

[34] особную свою грамоту послали. — Вместе с комментируемым посланием Иван передал Баторию через Дзержка специальную грамоту по вопросу о задержке купцов (КПМЛ, т. II, № 71; аргументация здесь та же, что и в комментируемом послании: Грозный предлагает также

выдать купцов до истечения военных действий в обмен на пленных русских бояр и дворян).

[35] и к тому бы сроку хоть и поспел. — Баторий требовал, чтобы Дзержек вернулся к послам — Пушкину и другим — через три или самое большее четыре недели (КПМЛ, т. II, 139), т. е., примерно, к началу июля 1581 г. (он выехал 5 июня). Приехал он в Москву только к 20 июня (ЦГАДА, Польского двора кн. № 13, л. 4), отпущен был 30 июня (срок необычайно короткий для московских дипломатических обычаев), но в Вильну смог приехать только к 15 июля.

[36] Амалик и Сенахерим или якож при Хоздрое Сарвар воевода. — Амалик и Сенахерим — библейские «неблагочестивые цари», враги Израиля. Сарвар — полководец Хозроя II, персидского царя, воевавшего с Византией в начале VII в. Легенда о Сарваре содержится в Хронографе (ПСРЛ, XXII, 304—305), — в ней рассказывается, что император Ираклий I, не надеясь на свои силы, «предал свой град» богородице, и она его защитила; потрясенный Сарвар обратился к Ираклию с покаянным письмом (приводимых Грозным надменных слов Сарвара в Хронографе нет).

[37] хотим с тобою в перемирье быти по тому, как есмо ныне к тобе писали. . . и велели тобе говорити. — Новые условия перемирия, посланные царем своим послам через Дзержка, заключались в следующем: царь соглашался уступить Баторию в Западной Руси еще три города — Великие Луки, Холм и Заволочье, но желал за это удержать в Ливонии, кроме городов, упомянутых Пушкиным и другими, еще несколько, в том числе Юрьев. Условия эти были отвергнуты польским королем (КПМЛ, т. II, стр. 176), но, по словам королевского секретаря Пётровского, в польском лагере были лица, считавшие, что «ради мира мы могли бы довольствоваться этим, имея в своих руках Луки, Полоцк и свободное плаванье по Двине, лишь бы был мир, а не перемирие» (Дневник последнего похода, стр. 44—45, 49).

ПОСЛАНИЯ СИГИЗМУНДУ II АВГУСТУ И ГР. ХОДКЕВИЧУ ОТ ИМЕНИ БОЯР

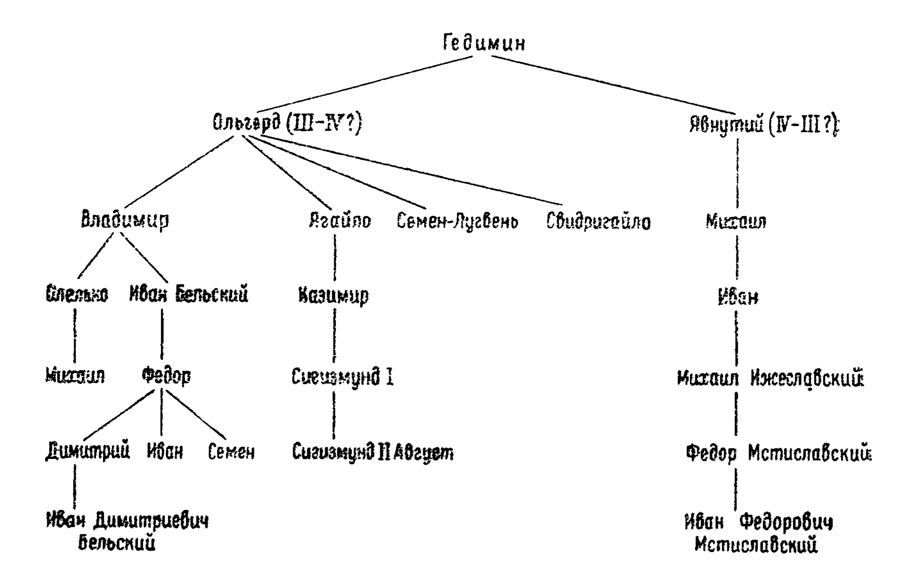
[1] Присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова. — Об этой тайной миссии Ив. Козлова в других русских источниках известий нет. Из текста восьми комментируемых посланий мы узнаём, что Иван Козлов был служилым человеком князей Воротынских, перешедшим на польскую службу, что Сигизмунд II Август и гетман Григорий Ходкевич переслали через него грамоты четырем видным русским боярам — И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и И. П. Федорову (Челяднину), предлагая им изменить Грозному,

и что в ответ на эти грамоты были написаны комментируемые послания, чрезвычайно сходные между собой и составленные несомненно одним автором (вероятно, самим царем, — см. «Археографический обзор»). Из современной этим событиям польской хроники Мартина Бельского мы узнаём ряд дополнительных фактов об этой миссии Козлова. По словам М. Бельского, Козлов, бывший в Москве официально в качестве посла, вступил там в тайное соглашение с «виднейшими панами» Московского государства против царя; «паны» эти обещали перейти на сторону польского короля и «выдать связанного московского князя», если король выступит на помощь им с войском. Сигизмунд II, рассказывает М. Бельский, уже «выступил собственной особой» и дошел до Радошковиц, но Иван IV раскрыл тайные переговоры Козлова и посадил его на кол (Kronika Marcina Bielskiego, ks. V. Warszawa, 1832, стр. 174—175). Хотя это известие М. Бельского не может считаться вполне точным (известие о казни Козлова противоречит тому обстоятельству, что с ним, как указано в комментируемых посланиях, были отправлены ответные грамоты), оно все же чрезвычайно ценно и находит косвенное подтверждение в других источниках [немец-современник А. Шлихтинг тоже писал о заговоре против Грозного во время похода Сигизмунда II к Радошковицам (Шлихтинг. Новое известие о России времени Грозного. Л., 1934, стр. 28)]. Тайный заговор, обнаружившийся благодаря захвату грамот, привезенных Козловым, несомненно был одной из причин террористических мероприятий Грозного в 1568—1569 гг. (прежде всего — причиной казни Челяднина, одного из адресатов Сигизмунда II и Ходкевича).

[2] а в листе своем к нам писал еси. . . нас для пожалуешь. — В начале послания И. Д. Бельского пересказывается грамота к нему Сигизмунда II Августа, пересланная через Ивана Козлова. При пересказе этой грамоты автор по обычаю переставляет лица (по сравнению с оригиналом) с первых на вторые и наоборот (ср. в послании Стефану Баторию и в комментарии к нему, прим. 3), но делает при этом несколько ошибок (ставит второе лицо на место третьего, когда речь идет о «человеке» вообще: «бог. . . всякой почестью тебя посетил»; оставляет первое лицо множественного числа в словах Сигизмунда II: «яко жадаем»). — И. Д. Бельский — один из влиятельнейших бояр Грозного, глава Боярской думы. Род Бельских перешел под московскую власть из Литвы в конце XV в., в связи с преследованиями, которые начались в это время в Литве против западнорусских феодалов греческого (православного) вероисповедания. Дед И. Д. Бельского, Федор Иванович, бежал (в 1482 г.) из Литвы тайно и поэтому не сохранил своих прежних владений (на территории б. Смоленского княжества); но брат Федора, Семен Иванович, «перешел» к Ивану III (в 1499 г.) с огромными территориями — Гомелем,

Стародубом, Любечем и Черниговом (оставшимися в результате последовавших военных действий за Московским государством). Несмотря на видное положение И. Д. Бельского при Грозном, Сигизмунд II Август имел, очевидно, основание рассчитывать на его измену: в 1562 г. И. Д. Бельский уже делал попытку «бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял» (ПСРЛ, XIII, 340).

[3] А што писал еси о предках наших. . . дед наш и прадед были и своего столца, великого княжества Литовского, лишены. — Для понимания притязаний И. Д. Бельского, а также И. Ф. Мстиславского, изложенных в этом и последующих посланиях, приводим родословную таблицу потомков Гедимина (отмечая в ней только имена, упоминаемые в комментируемых посланиях); в качестве источника используем родословия великих князей литовских XVI в., изданные в приложении к «Западно-русским летописям» (в ПСРЛ, XVII); родословия эти расходятся между собой в вопросе о старшинстве Ольгерда и Явнутия (ср.: стр. 597—600 и стр. 610—612):



Владимир Ольгердович — прапрадед И. Д. Бельского (в тексте он один раз ошибочно называется прадедом); с 1377 по 1395 г. был князем Киевским (вассалом своего брата, в. к. Литовского Ягайло); после вступления Ягайло на польский престол и передачи литовского

престола Витовту Владимир Ольгердович был лишен киевского престола и получил в вотчину небольшой город Копыль (ПСРЛ, XVII, 80, 94 и др.). Семен-Лугвень и Свидригайло — младшие братья Ягайло: Семен несколько раз (начиная с 1389 г.) занимал новгородский престол (сохраняя при этом вассальные отношения к Ягайло). Свидригайло был с 1430 по 1432 г. великим князем Литовским; в 1432 г., недовольный самостоятельностью его политики (Свидригайло опирался, главным образом, на западнорусских феодалов), Ягайло признал великим князем Литовским соперника Свидригайло — Сигизмунда Кейстутовича; разбитый в 1435 г., Свидригайло принужден был бежать из Литвы. Михаил Олелькович (внук Владимира Ольгердовича) был в 1471 г. приглашен антимосковской партией (Борецкие и др.) в Новгород (это было поводом к походу Ивана III на Новгород).

[4] царского величества... почесть ко мне велика... иных и выше оседуем. — И. Д. Бельский действительно занимал весьма видное положение в те годы. Несмотря на опалу 1562 г., в 1565 г. после учреждения опричнины царь приказал ему и И. Ф. Мстиславскому «ведати... государьство свое Московское, воинство, суд и управу и всякие дела земские» (ПСРЛ, XIII, 395); Бельский, таким образом, был поставлен во главе «земщины» — области, оставшейся в прежней системе управления. Бельский неоднократно (в 1564, 1565, 1569, 1570 гг.) командовал русскими войсками в войнах с Крымом и Польско-Литовским государством.

[5] И будет похош брат наш, и ты б нам поступился... то суть наши речи. — Весь этот заключительный раздел комментируемого послания носит пародийно-издевательский характер [как и заключительные слова, приглашающие «верить» Козлову, — пародия на традиционную формулу верительных грамот (ср. выше, комментарий к посланию Баторию, прим. 31)]. Территория, которую польский король «приглашался» уступить Бельскому и другим боярам (см. следующие послания), составляла большую часть его владений. «Русская земля», о которой речь идет в послании от имени Бельского, — это западнорусские (белорусские и украинские) земли, находившиеся под властью великих князей Литовских (польских королей). — Вел. князь Литовский Витовт был вассалом польского короля Ягайло.

[6] Григорью Хоткееву. — Послание И. Д. Бельского является ответом на грамоту Григория Ходкевича, присланную с Иваном Козловым; содержание грамоты Ходкевича не пересказывается, так как Ходкевичу, по мнению автора, не «пригоже» было писать к Бельскому без «повеления» последнего. Гр. Ходкевич — великий гетман Литовский, дядя Яна Иеронимовича Ходкевича (о роде Ходкевичей см. выше, комментарий к посланию Я. Ходкевичу, прим. 2). Гр. Ходкевич играл видную роль

во многих русско-литовских столкновениях (см., напр., ПСРЛ, XIII, 390) и был, вероятно, инициатором тайной миссии Козлова. «Хоткеев» — пренебрежительное искажение фамилии Ходкевича с целью подчеркнуть его незнатность (окончание на «вич» считалось в древней Руси привилегией знатных лиц).

[7] Пивовы — дворянский род, происходящий от смоленского окольничего Михаила Васильевича Пивова, взятого в плен русскими (он был литовским подданным) при Василии III. Один из представителей этого рода, думный дворянин Роман Пивов, выполнял при Иване Грозном и Федоре Ивановиче ряд дипломатических поручений (см. выше, стр. 220; ср. Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 1331).

[8] королеву твою Барбару. — Варвара Радзивилл, вдова воеводы троцкого Гаштольда, была второй женой короля Сигизмунда II Августа. Несмотря на протесты знати (ср. ПСРЛ, XVII, 353—354, 412), Сигизмунд II Август в 1548 г. официально провозгласил ее королевой Польши. В 1550 г. Варвара была коронована, а спустя несколько месяцев скоропостижно скончалась; современники считали, что она была отравлена по приказу матери короля королевы Боны (из итальянского рода Сфорца).

[9] А што еси писал о предках наших. . . и того боже уховай поминати. — О происхождении Мстиславских и их претензиях на литовский престол см. выше, прим. 3. Сын Гедимина Явнутий был свергнут с литовского престола своими братьями Ольгердом и Кейстутом в 1345 г.; в числе других «убогих местец» ему был дан город Ижеславль (ср.: ПСРЛ, XVII, 72, 143 и др.); потомки его поэтому именуются князьями Ижеславскими (фамилия Мстиславских была получена ими позже, по женской линии). В 1514 г., после взятия Василием III Смоленска, князь Михаил Иванович Ижеславский-Мстиславский перешел к русскому государю со своими вотчинами, но затем (после первых неудач русских войск) вернулся назад под литовскую власть. В 1526 г. окончательно перешел на Русь отец И. Ф. Мстиславского — Ф. М. Мстиславский.

[10] мне царьского его величества жалованье и почесть велика. . . иных и выше оседуем. — И. Ф. Мстиславский занимал при дворе Ивана Грозного почти столь же видное место, как и И. Д. Бельский [С. Б. Веселовский (Последние уделы в сев.-вост. Руси. Историч. записки, т. 22, стр. 118) полагает даже, что Мстиславский был влиятельнее Бельского]; вместе с последним он управлял «земщиной» (см. выше, прим. 4), неоднократно командовал армией во время военных походов (ПСРЛ, XIII, 184, 323). Так же как Бельский, И. Ф. Мстиславский не пользовался, повидимому, полным доверием царя: в 1571 г. им была дана загадочная «запись», в которой он сознавался в своей измене царю, его детям и «всему православному крестьянству» (СГГ и Д, т. I, № 196); после этой записи Мстиславский, однако, сохранил свою должность и владе-

ния. Упоминаемый в комментируемом послании Семен-Лугвень — литовский князь, княживший в Новгороде (см. выше, прим. 3), был предком И. Ф. Мстиславского по женской линии.

[11] Грише Хоткееву. — Послание Мстиславского Ходкевичу почти идентично с посланием Бельского к тому же лицу; мы поэтому оставляем его без перевода.

[12] Прислал еси до нас... ласку вашу государьскую вдячне показовати хотите. — В начале послания М. И. Воротынского подробно пересказывается грамота к нему Сигизмунда II Августа. Воротынские — ветвь князей Новосильских, одной из «верховских» (княживших на верховьях р. Оки) княжеских семей, перешедших под московскую власть в 80-х годах XV в. Как и другие потомки князей Новосильских (Одоевские, Оболенские и др.), Воротынские вели свое происхождение от князя Михаила Черниговского, а через него от черниговских Ольговичей — Святославичей (потомков среднего сына Ярослава). С этим связано замечание Сигизмунда II Августа, что род Воротынских «годен быть ровное с предками» Ивана IV. Чтобы не допустить мысли о «ровности» Воротынских «таким государем великим», послание, написанное от имени М. И. Воротынского, сознательно преуменьшает его родовитость: если в посланиях обоих Гедиминовичей (Бельского и Мстиславского) всячески подчеркивалось их равенство с их «братом» Сигизмундом II Августом, то в послании Воротынского ничего не говорится о его происхождении, и Сигизмунд II Август не именуется «братом» (автор послания обращается к Сигизмунду II с местоимением «вы», хотя часто сбивается на более обычное «ты»). Отец М. И. Воротынского, Иван Михайлович, упоминаемый в грамоте Сигизмунда II Августа, попал в опалу в 1534 г., в связи с изменой С. Бельского и Ив. Ляцкого (ПСРЛ, XIII, 83; см. комментарий к первому посланию Курбскому, прим. 21).

[13] ино наших великих государей волное царское самодержство не как ваше убогое королевство... тебе в жалованье государьство и дали. — Автор послания противопоставляет самодержавие русских государей, происходящих от «Августа-кесаря» (см. об этом выше, комментарий ко второму посланию Иоганну III, прим. 21, и комментарий к посланию Полубенскому, прим. 2), польскому «убогому королевству». При этом он излагает две версии относительно происхождения литовско-польской династии Ягеллонов, существовавшие в родословиях XVI в. Согласно одной из этих версий, Ягеллоны (Гедиминовичи) происходят от полоцких Рогволодовичей (которые, в свою очередь, были потомками Владимира Святославича Киевского, т. е. Рюриковичами); Рогволодовичи были изгнаны Мстиславом Владимировичем (сыном Мономаха) из Полоцка и бежали в Царьград, а затем «Вильняне взяша собе» их «ис Царяграда» (ПСРЛ, XVII, 573 и 593). Согласно другой версии (которую

сам автор послания считает «враньем безлепичников»), предок литовских князей Гедимин («Гегиминик») был не потомком княжеского рода, а рабом — конюшим «князьца»: Витеня, женившимся на вдове «князьца» (ПСРЛ, XVII, 589, 602—603). Почему автор послания считает, что, в случае верности второй версии, Ягеллонов следует считать потомками Сангушковичей (польские князья Сангушки — потомки Гедимина), — не понятно.

[14] сестра твоя Анна. . . также сестра твоя Катерина. — Сестра Сигизмунда II Августа Анна не была выдана при его жизни замуж (она вышла замуж значительно позже, за Стефана Батория). Относительно брака между второй сестрой короля Екатериной Ягеллон и Иваном IV велись переговоры в 1560—1561 гг. (Сб. РИО, т. 71, №№ 1, 2, 3), но они не привели к успеху (с 1562—1563 гг. начинается русско-польская война из-за Ливонии), и Екатерина была выдана замуж за шведского принца Иоганна Финляндского (будущего Иоганна III; о дальнейшей судьбе Екатерины см. в тексте обоих посланий Иоганну III и в комментарии к первому посланию, прим. 8, ко второму посланию, прим. 23). Иван Грозный в течение многих лет интересовался судьбой Екатерины, считая, что она была выдана за представителя «мужичьего рода» Ваз поневоле. В 1570 г. русские послы в Польше доносили царю о Екатерине: «королева свейского [Иоганна III] не любит, что он с курвами блядует, а приказывает к брату своему к Жигимонту-Августу королева: хотя б, деи, яз у московского избу имела, ино б мне лутче Шветцкого королевства» (Сб. РИО, т. 71, стр. 801).

[15] У волного царьского самодержьства во чти есмя. . . отчину свою по своему достоинству держу. — М. И. Воротынский был одним из наиболее выдающихся полководцев Ивана Грозного. Уступая Бельскому и Мстиславскому в «совете» (думе), он играл особенно видную роль в военных походах Ивана IV. Вместе с И. Ф. Мстиславским он командовал русскими войсками уже при взятии Казани (ПСРЛ, XIII, 482), в последующие годы был одним из руководителей обороны южной (крымской) границы. В 1572 г., уже после написания комментируемых посланий, он одержал блестящую победу над крымским ханом Девлет-Гиреем (см. выше, комментарий к первому посланию Иоганну III, прим. 10). В 1573 г. Воротынский был казнен (вместе с Морозовым и Одоевским) за какую-то служебную оплошность в войне с Крымом (Синбирский сб., стр. 39).

[16] Что прислал еси к нам лист. . . приязни нашей милости полецаешься. — В начале послания Воротынского Гр. Ходкевичу подробно пересказывается грамота к нему последнего. Если для Бельского и Мстиславского считалось унизительным всякое общение с их «подданным» «Ходкеевым», то Воротынский, хотя и не ставил себя вровень с Ходкевичем,

мог все же достаточно пространно отвечать на его грамоту. В грамоте Гр. Ходкевича заслуживает внимания упоминание об опричнине и А. М. Курбском. О последнем Ходкевич писал в довольно пренебрежительном тоне, подчеркивая его «мало не двадцатое» место среди московской знати. Такая характеристика Курбского может объясняться тем обстоятельством, что в это время «государев изменник» уже несколько утратил свое влияние на Сигизмунда II Августа и вступил во вражду с многими представителями польско-литовской знати (см.: Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. I, докум. I, II, III). — Ходкевич упоминает о вотчине Воротынских, попрежнему находящейся в их руках. Речь идет о Новосиле, Одоеве, Перемышле и части Воротынска, т. е. о территории на верховьях Оки у литовской границы. В 1562 г. М. И. Воротынский со своим братом Александром попал в опалу, и его удел был у него временно отобран (обстоятельства этой опалы не известны, что́ делает еще более интересным сообщение Ходкевича, будто М. И. Воротынский пострадал из-за того, что его «отчизна удельная» близко граничит с Литовским «панством»). В 1566 г. Воротынский был помилован, и ему был частично возвращен его удел. В уделе Воротынских действительно сохранялись и во времена Грозного некоторые «чины и обычаи» удельного времени (ср.: С. Б. Веселовский. Последние уделы в сев.-вост. Руси, стр. 113—115, 127—131). Курбский в «Истории о в. к. Московском» (Соч., стлб. 288) объясняет казнь Воротынского в 1573 г. тем, что «те [Воротынские] княжата были на своих уделех, и велия отчины пад собою имели: score of околико тысящ с них по чту воинства было слуг их».

[17] Како ж убо реченно бысть о Елизвое. . . глаголет господь. — История о Елизвое [Элесбоа], приводившаяся царем и в послании в Кирилло-Белозерский монастырь (см. комментарий к этому посланию, прим. 10), заимствована им из Четий-Миней. Элесбоа — негус Абиссинии, был союзником императора Юстина (VI в.) и воевал против йеменского царя иудейского вероисповедания Зу Нуваса («Надунаса жидовина»); в Четиих-Минеях рассказывается, что он собирался пойти на Омир, город Зу Нуваса, но некий «мних» запретил ему это, напомнив слова: «Мне месть и аз воздам» (Великие Минеи Четии, октябрь 19—31, СПб., 1880, стр. 1836—1837).

[18] А што еси писал в бесосоставной своей грамоте о . . . опричнине и земском. . . и иные чиновники. — В своих инструкциях послам, отправляемым в Польшу, Иван IV неоднократно приказывал отрицать существование опричнины в Москве. Послы должны были говорить: «опричнины не ведаем: кому велит государь близко жити, тот близко и живет, а кому не велит государь близко жити, тот живет далеко» (Сб. РИО, т. 71, стр. 331, 593, 597), и объяснять построение опричного двора тем, что царь «велел себе поставити двор за городом для своего государского

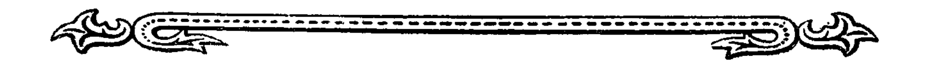
прохладу» (там же, стр. 775). — Замечание в послании Воротынского Ходкевичу о сходстве между опричниной и некоторыми институтами в Польше следует сопоставить с интересным материалом о польских проектах «опричнины», собранным в статье И. И. Полосина «Споры об опричнине на польских сеймах XVI в.» (Вопросы истории, № 5—6, 1945, стр. 142).

[19] Сенахириму и Навходносору и Хоздрою. — Об этих «безбожных царях» (вавилонский царь Навуходоносор II был известен из Библии как один из врагов Израиля) см. в комментарии к посланию Баторию, прим. 36.

[20] Як же племянник твой Янко. — Речь идет о Яне Яромировиче Ходкевиче — администраторе Ливонии и адресате приведенного выше послания царя, написанного в 1577 г. (стр. 205—207; о контрасте между характеристикой Яна Ходкевича в комментируемом послании и в послании 1577 г. см. выше, стр. 506).

[21] Ивана Петровича Федоровича. . . твое лотровское письмо. — И. П. Федоров, обычно именуемый в исторической литературе И. П. Челядниным,— конюший, боярин, представитель старинного московского боярского рода (к которому принадлежали фамилии Бутурлиных и Челядниных). Характеристика личной жизни Сигизмунда II Августа, которая содержится в послании, написанном от его имени, подтверждается польскими источниками (А. Трачевский. Польское бескоролевье. М. 1869, стр. 5—6).

[22] и мне штож до вас дело, кое бо причастие свету ко тме. . . и кая часть хрестьянину з безбожными? — Характерно, что послание Челяднина Гр. Ходкевичу написано в менее оскорбительном тоне, чем предыдущие послания: боярин Челяднин, в отличие от князей Бельского, Мстиславского и Воротынского, именует Гр. Хоткевича «братом» и «паном Григорием». — Действительная позиция Челяднина по отношению к предложениям Сигизмунда II Августа, очевидно, сильно отличалась от той, которая приписывалась ему в комментируемом послании (см. известие Мартина Бельского в прим. 1). Вскоре после написания этого послания Челяднин был казнен по обвинению в заговоре [ср. сводку известий о его казни в статье С. Б. Веселовского «Синодик опальных царя Ивана как исторический источник» (Пробл. источниковед., III, 1940, стр. 354)].



ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Названия древнерусских городов и всех иностранных городов, имевших постоянное русское наименование (Колывань, Ругодив), даются в терминологии XVI в., остальные (Вена — Ведна, Антверпен — Антроп) — по обычному наименованию. Географические наименования, содержащиеся в титулах, не приводятся.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ

(Подготовили к печати Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье)[1]

Стр.

---

[1] Текст послания в Кирилло-Белозерский монастырь подготовлен Д. С. Лихачевым; текст остальных посланий — Я. С. Лурье.

ПЕРЕВОД

(Я. С. Лурье)

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1] Археографический обзор списков послания в Кирилло-Белозерский монастырь составлен Д. С. Лихачевым; обзор остальных посланий — Я. С. Лурье.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. Б. Томсинская*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *З. Г. Сегаль*

*

РИСО АН СССР № 4996
Подписано к печати 20/VIII 1951 г.
М.-31380. Бумага $70 \times 92/_{16}$. Бум.
л. $22^3/_8$. Печ. л. 52.35 + 17 вкл.
Уч.-изд. л. 38.95. Тираж 4000.
Зак. № 27. Цена в переплете 30 р.

1-я тип. Из-ва Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 л., д. 12.

ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО
ПОСЛАНИЯ
ИВАНА
ГРОЗНОГО